Александр АФАНАСЬЕВ

СМЫСЛ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ

Москва 2013

Афанасьев А.П.

Смысл и предназначение России

В книге, написанной в стиле эссе, автор размышляет о судьбе России в XXI веке. Исходя из того, что так называемая русскость, сформированная и заложенная в русском народе ещё со времён Киевской Руси, представляет цельное, органичное и уникальное явление, в книге анализируется комплекс характерных черт русского народа, делающих его отличным от других народов мира. Основываясь на сущностном тождестве понятий русскости и российскости, исследуются реалии многонационального Российского государства, носящего на себе отпечаток русскости и сохраняющего самобытные черты своего исторического развития. Акцентируя внимание на выявившихся к началу XXI века основных тенденциях мирового развития, определяются специфическая роль и предназначение России в мировых общественно-политических процессах в текущем столетии и на более длительную перспективу.

Посвящается Отцу нашему небесному и Отечеству нашему земному, служение которым является высшим предназначением человека

ПРЕДИСЛОВИЕ

28 июля 2011 года на интернетовском форуме одним из его участников были процитированы слова видного идеолога российского радикал-либерализма Игоря Юргенса, якобы, заявившего следующее: «*России мешают русские – основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет… Русские ещё очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность*». Учитывая, что эти мысли Юргенса излагал явный противник радикал-либерализма, допускаю, что в цитировании возможны какие-то неточности. Возможно, во фразе смещены какие-то акценты. Может быть, подобных слов Юргенс вообще не говорил, хотя я в этом, откровенно говоря, сомневаюсь. Но эти нюансы сути дела не меняют. Либеральная идеология в этой фразе изложена, на мой взгляд, предельно точно и вполне логично. Парадоксальным и абсурдным в этой радикал-либеральной позиции представляется то, что, несмотря на подавляющее большинство русского населения в стране (более восьмидесяти процентов!), русских предлагается каким-то образом выключить из жизни их собственного Отечества. Причём, навязав им при этом волю даже не остальных двадцати процентов соотечественников, а какой-то части из них – какого-то одного весьма преуспевающего «*золотого*» процента, представители которого жёстко и цинично стремятся упрочить своё привилегированное положение путём ориентирования страны на внедрение очень расплывчатых, безжизненных и неприемлемых для России западноевропейских либеральных ценностей.

Вопрос, по сути, сегодня поставлен ребром. Радикально мыслящая либеральная элита настаивает на том, чтобы русские с их традиционалистским мышлением и консервативным образом жизни были бы устранены от определения судеб собственной страны. Той самой страны, которую их предки в течение тысячи лет по крупицам создавали, оберегали от иноземных нашествий, терпели лишения и невзгоды ради благополучия потомков. Этих-то потомков – всех ныне живущих русских людей – и предлагается зачислить в главную помеху России. Получается, что русские будто бы не нужны России, что они в ней – лишние люди, балласт, обуза, от которых во имя благостного либерализма необходимо как можно быстрее избавиться. Но куда в таком случае их девать? В резервации, подобно американским индейцам, или на плантации, подобно американским неграм? Но тогда что собой будет представлять либерализованная подобным образом Россия? По-видимому, не иначе как колонию Соединённых Штатов Америки с земным раем для богатых иноземцев и земным адом для бедных русских? Но нужна ли русским такая Россия и согласны ли они и дальше потакать подобным циничным разглагольствованиям людей, весьма преуспевающих в стране, народ которой они не просто не любят, но откровенно презирают?

Декабрь 2010 и 2011 годов и более поздние события всё явственнее показывают, что такая Россия нам не нужна и что честные и порядочные люди хотят положить предел цинизму и бесчинству радикал-либеральной элиты. Сами радикал-либералы толкуют эти события по-своему, добиваясь, по сути, возврата к «*лихим*» девяностым, символизирующим высшую степень морального унижения русских и экономического падения России. При этом они становятся всё более воинственными и агрессивными с явным расчётом деморализовать волю русского народа и парализовать нормальное течение российской государственной жизни. Следовательно, необходима борьба, необходима мобилизация усилий всех здравомыслящих и честных людей, необходимо самоопределение каждого русского человека и каждого россиянина – на чьей стороне он стоит и какого будущего он желает себе, своим детям и своим потомкам. Равнодушие и малодушие россиян, их социальная пассивность становятся в этих условиях не просто предосудительными – они всё более нестерпимы для страны и преступны в отношении нашей совести и нашего достоинства. Этой книгой я однозначно становлюсь на русскую сторону. И да поможет мне Бог!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РУССКАЯ РОССИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РУССКИЙ ВИТЯЗЬ В XXI ВЕКЕ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Земля русская вся под Богом.
Русь святая, православная, богатырская.
Русский человек – добрый человек.

Русские пословицы

1

Тридцать лет назад советский историк Александр Зимин в своей книге, посвящённой российскому средневековью, использовал сказочный образ русского витязя на распутье. Его книга называлась – «*Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в.*». Витязем в его представлении было российское Отечество, раздробленное на удельные княжества. Распутье олицетворяла жестокая междоусобная борьба князей за власть в Московском княжестве, определявшая, каким путём пойдёт Россия. Суть мучительного выбора состояла в том - быть ли России жёстко и целеустремлённо объединённой сверху или поискать пути демократического решения этой назревшей к тому времени серьёзной проблемы. Либерально настроенному Зимину был более привлекателен либерально-демократический путь развития древней Руси (либерализм уже к 80-м годам XX века набирал силу в российской научной элите), а потому он свои личные симпатии отдавал противникам централизации Руси. Но вся фактура книги с очевидностью доказывала, что альтернативы прямому пути - пути создания централизованного русского государства - у нашего русского витязя в тот момент, по сути, не было.

Образ витязя на распутье был навеян историку, по-видимому, не столько русским фольклором как таковым, сколько одноимённой картиной Виктора Васнецова – «*Витязь на распутье*». Дело в том, что в русских сказках проблему выбора пути с риском для жизни решали очень многие сказочные персонажи – могучие народные богатыри, чистые сердцем Иваны-царевичи и наивные, но очень удачливые Иванушки-дурачки. Васнецов всех их символически объединил в художественном образе одинокого воина, на коне и в доспехах, остановившегося в задумчивости на развилке дорог. Объясняя художественному и музыкальному критику Владимиру Стасову замысел и сюжет своей картины, Виктор Васнецов писал: «*На камне написано: «Как прямо ехати – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролётному». Следуемые далее надписи: «направу ехати – женату быти; налеву ехати – богату быти»*». Обращает на себя внимание не только сам сюжет, но и время написания картины. В канун нового, двадцатого столетия патриотически настроенные русские интеллигенты, каковыми несомненно являлись Стасов и Васнецов, остро ощущали подступавшую тупиковость развития России и близкий выход её на новые рубежи, требующий нового осмысления, а главное – мужества и решимости в выборе пути.

Сегодня, в самом начале двадцать первого века и нового тысячелетия, наше Отечество вновь оказалось на перекрёстке дорог. И снова нам, как когда-то русским сказочным героям, предлагается двигаться либо направо, либо налево. В первом случае, успешно оженившись, мы, хотя и потеряем личную свободу, но будем иметь возможность обрести надёжного спутника в своей по-семейному благополучной жизни. Во втором - нам гарантируется богатство и бесконечное процветание. Но всё это исключительно при

условии, что мы твёрдо откажемся от своего собственного прямого пути и даже забудем о его существовании. В противном случае нам угрожают разного рода смертельными опасностями. Выбор нам, действительно, предстоит весьма нешуточный. Ибо сегодня мы должны учитывать не только реально обозначившиеся вызовы века наступившего, но и предусматривать совершенно скрытые от нас туманные перспективы начавшегося третьего тысячелетия, сулящего нашим потомкам немало непредвиденных сюрпризов и катастрофических неожиданностей. Причём нельзя исключать и того, что за тысячу лет ситуация поменяется настолько кардинально, что всё, что сегодня нам кажется несомненным и незыблемым благом, в далёком завтра обернётся столь же несомненным, но уже неизбывным злом. Как истинно русский человек Виктор Васнецов полагал, что нам никак нельзя сходить со своего прямого пути. В частной переписке (в письме Павлу Чистякову) он называл картину её полным именем – «*Витязь в раздумии перед прямой дорогой*». То есть в его видении Россия притормозила своё движение вперёд вовсе не в связи с выбором пути, а чтобы как следует обдумать все риски предстоящего долгого и трудного испытания и восстановить растраченные физические и духовные силы для преодоления новых серьёзных испытаний.

2

Образ России как некоего сказочного витязя, на мой взгляд, вполне применим к нашей стране и в современных условиях. В момент, когда нулевые годы двадцать первого века подошли к концу, всё больше становится ясно, что развал Советского Союза (так называемой большой России) вызвал цепную реакцию мировых политических, экономических и социальных катаклизмов. Становится понятно и то, что эти мировые негативные метаморфозы вполне закономерны. Ибо с уничтожением мировой коммунистической системы и уходом России из мирового авангарда в мировой арьергард выяснилось, что занять духовно значимое место России в мире некому и что в это «*свято место*» (которое, как известно, «*пусто не бывает*») устремилась либеральная декадентская гниль, оказавшаяся гибельным балластом для мирового развития. Либеральная доктрина и псевдодемократические ценности, сыгравшие свою роль в идеологическом объединении так называемого свободного мира и в его жёстком противостоянии тоталитарному коммунистическому режиму, сами по себе (в чистом виде) оказались всего лишь идеологическим блефом. Будучи своего рода обманкой, скрывающей неблаговидное реальное положение вещей в западном мире, они очень скоро обнажили свою суть, не имеющую ничего общего ни с подлинным, по-настоящему гуманистическим либерализмом, ни с истинным, по-настоящему народоправным демократизмом.

В итоге на распутье ныне оказалась не только Россия, но и Запад тоже, а если серьёзно разобраться, то и мир в целом. Доискиваясь до причин серьёзных современных кризисных явлений применительно к России, социолог Леонтий Бызов усматривает их в том, что «*системный кризис в стране связан с глубоким кризисом самих русских, тех идей и ценностей, которые мы по привычке называем русскими*». Не подвергая сомнению саму эту мысль, хотел бы обратить внимание на оперирование профессиональным социологом такими понятиями, как «*русские*», «*русские идеи*», «*русские ценности*». Уже сами по себе они не могут не вызывать раздражения в либеральной среде, а в привязке к системному кризису в нашей многонациональной стране способны произвести на них шокирующее впечатление. Ибо такая постановка вопроса возвращает нас к нашим вечным проблемам - тем, что стояли перед русским народом в период формирования древнерусского государства под названием Киевская Русь, в момент трудного собирания русских земель под эгидой Московского княжества и в канун выбора демократической модели развития России, воплотившегося в диктатуру большевиков. Вопреки бурному и надрывному протесту наших либералов и, по сути, в опровержение господствующей ныне либеральной теории мирового глобализма, отвергающей всё национальное как главный тормоз

развития человечества, мы сегодня просто вынуждены заниматься русским вопросом и связанными с ним накопившимися проблемами. То есть вдумчиво анализировать те самые частные моменты, которые, по логике идеологов радикал-либерализма, якобы мешают нормальному развитию России.

Проблема русских и их взаимоотношений с представителями других национальностей в нашей стране не только существует, но с каждым днём становится всё более острой. Достаточно открыть сайт Московского бюро по правам человека, и сразу становится ясно, какой напряжённой внутренней жизнью живут Москва, Петербург и страна в целом, сколько подозрительности и недоброжелательства накопилось в людях разной национальности по отношению друг к другу и в каких уродливых формах эта рознь порой выражается. Содержащийся на этом же сайте перечень мер по достижению межнационального мира в стране и воспитанию молодёжи в духе толерантности не только не впечатляет, но, наоборот, раздражает своим формализмом, бездушием и какой-то нарочитой несерьёзностью, напоминающей методы надоедливой агитации и пропаганды советских времён, предопределившей конечное фиаско коммунистического режима. На эту реально существующую серьёзную проблему уже нельзя закрывать глаза. Без её спокойного, вдумчивого и взвешенного обсуждения невозможно ни понимание современной России, ни выявление сути национальных проблем в многонациональной стране, ни определение путей их решения в ближайшей и отдалённой перспективе. Нельзя всерьёз рассчитывать на то, что, если этот вопрос изъять из обсуждения, то он решится сам собой. В жизни, как известно, ничто само собой не делается и ко всему надо прилагать усилия - думать, размышлять, обсуждать, находить взаимоприемлемые компромиссные решения.

3

В бытность советником посольства в Монголии в середине восьмидесятых годов прошлого века я был приглашён в числе других советских старших дипломатов на встречу с главой японского посольства в Улан-Баторе. Это было весьма неординарное по тем временам событие, так как приверженная идеалам открытого общества Япония выказывала откровенную враждебность советскому коммунистическому режиму, а японский посол слыл самым ярым антисоветчиком во всём дипломатическом корпусе Монголии. Поводом к встрече послужил предстоявший в тот момент визит в Японию нашего министра иностранных дел Андрея Громыко и традиционное обсуждение проблемы Курильских островов. В ходе беседы наш посол Сергей Павлов (бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ) в ответ на язвительность японского коллеги попытался дежурно указать на преимущества советского строя. Японец взорвался: «*Да что вы твердите – «советский», «советский»! Ведь если бы не русский народ с его потрясающим терпением, с его жертвенностью, с его уникальной способностью служить смазочным материалом во взаимоотношениях с другими нациями, вашего Советского Союза давно бы не существовало!*»

Услышать такое от кого бы то ни было в те времена было немыслимо. А от врага – тем более. При всём понимании антисоветского подтекста прорусского высказывания японского посла было ясно, что японец хорошо знает нашу страну и, по существу, прав. Именно боязнь русских как-то обидеть представителей национальных меньшинств в стране и их собственная весьма низкая духовно-ментальная самооценка были той эффективной смазкой советской системы, которая позволила поднять самосознание и национальное достоинство малых народов в Советском Союзе до небывалой высоты. Сцены публичных разносов, устроенные Лениным Феликсу Дзержинскому и Серго Орджоникидзе по поводу унижения достоинства поляков и грузин, были фактическим подтверждением сути национальной политики большевиков, выражавшейся в искоренении русского «*шовинизма*» и скрытом поощрении национальных амбиций элит других народов. Мы и сейчас продолжаем по инерции комплексовать по поводу своей

русскости – собственной многочисленности, своей духовной исключительности и социальной значимости в стране. Так иногда у очень высокого человека появляется сутулость только из-за того, что он стесняется своего роста и старается, пригибаясь, быть ближе ко всем, быть как все. Между тем эту русскость России уже невозможно скрывать и прятать под личину формального равенства. Она выбивается в российском общественном организме, подобно рвущейся из-под асфальта траве. Понимая это и стремясь всеми способами не допустить быстрого восстановления национального достоинства русских, наши радикал-либералы пошли по пути уничижительной критики всего специфически русского – русской души, русского ума, русского характера и русского народа в целом, приписывая ему исключительно негативные черты – лень, пьянство, грубость, невежество, непреодолимую отсталость, дикость, варварство - и всячески затушёвывая несомненные позитивные качества русского характера.

И это при том, что русский народ, с его своеобразными историческими традициями, с его особой ментальностью, уникальной духовностью и развитой культурой является базовым элементом тысячелетней России, причём не только её общественным смазочным материалом, но и самим фундаментом её государственного и социального устройства. Возвращаясь к словам Леонтия Бызова, хочу не только полностью согласиться с его выводом о том, что нынешний кризис в России связан с кризисом русских, но и выразить убеждение в том, что катастрофический кризис традиционных русских ценностей серьёзно повлиял в конечном счёте на существо и характер нынешнего мирового финансово-экономического кризиса. Того самого кризиса, который накрыл обратной волной нашу страну, безоговорочно принявшую правила игры глобалистского открытого общества. Думается, что и выход из нашего национального и общемирового кризиса невозможен без преодоления духовных кризисных явлений среди русского народа и без обретения им своего временно утраченного национального достоинства.

4

Говоря о русской России, я ни в коей мере не хочу по примеру наших соседей, порвавших вместе с нами со своим коммунистическим прошлым (в том числе и европейски ориентированных), заняться возвеличением так называемой титульной нации и унижением достоинства малых народов нашей многонациональной страны. Меня, как и подавляющее большинство русских людей, коробит от таких грубых и недобросовестных приёмов. У меня совсем иная цель. Хотелось бы сегодня, после распада Советского Союза, двадцатилетних добросовестных усилий нашего народа жить по западным меркам и двадцатилетних же намеренных унижений его достоинства, осмыслить, что собой реально представляет сейчас русский народ, какова его роль в содружестве народов нашей страны и каковы судьба и предназначение самой России. Насколько я могу судить, таково не только моё личное желание, но и желание многих других людей. Социолог Андрей Падчин в Интернете утверждает, что «*русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить её задачу и место в мире*». Разумеется, такая потребность сегодня не только есть, но и оформляется уже в некий настоятельный социально-духовный запрос, нуждающийся в безусловном удовлетворении. Что касается долга, то с ним дело обстоит намного сложнее. В либерально-демократической России вошло в практику относиться к долгам вообще без должной почтительности, а уж к долгу духовно-ментального плана - в особенности. Пытаться же разгадать загадку России без разгадки самой русской души, русского духа и русской ментальности, питающих русскую национальную мысль, не только невозможно, но и кощунственно как для русского народа, так и для России в целом.

Леонтий Бызов с нескрываемым сожалением говорит: «*Мы до сих пор не можем ответить на вопрос, кто же такие мы, русские, на рубеже XX и XXI веков*». По моему глубокому убеждению, мы не можем на него определённо ответить в значительной мере не по нашей вине. Ибо этот вопрос, сложный сам по себе, бесконечно усложняется тем,

что наши либеральные «*доброжелатели*» осознанно и злонамеренно запутывают его, ставя под сомнение всю историю России, искусственно дробя её на разные жёстко ограниченные смысловые отрезки и занимаясь противопоставлением одного её этапа другим и всего российского прошлого – нашему сегодняшнему дню. В результате подобного рода приёмов мы всё больше увязаем в обсуждении частностей, сползаем в тупиковый критицизм и тем самым не оставляем себе возможности на цельное и взаимосвязанное рассмотрение наших насущных проблем. Достигший культовой значимости самодовлеющий анализ проблем, абсолютизируя критическую мысль, буквально подавляет творческие созидательные способности, в превосходной степени присущие нашему народу.

В силу этого именно сегодня возникает исключительная потребность уже не столько в анализе нашей действительности, сколько в обобщении всего того, что было так тщательно и беспощадно подвергнуто критическому анализу. Мы двадцать лет громили коммунистическую идеологию и связанные с ней социальные и духовные ценности. В их уничижительном анализе мы превзошли самых злобных зарубежных антисоветчиков (так называемых советологов) и не оставили камня на камне от коммунистических идей и советской практики. Что ж, воздадим должное способности наших радикал-либералов разрушать до основания всё им чуждое и ненавистное. Но одним разрушением жить невозможно. Надо на этом нулевом основании что-то строить, создавать, творить позитивное. Нельзя просто взять и перенести в Россию в готовом виде точные копии всех западных демократических институтов, разнообразных западных либеральных экономических моделей и голых идей наднациональной толерантной глобальности. Во-первых, даже чисто внешне, получится некая бессистемная мешанина форм и моделей, не говоря уже о социальной и духовной несуразице. А, во-вторых, эта гремучая смесь войдёт в непримиримое противоречие с русской землёй и русским менталитетом и развалится в короткий срок, словно карточный домик. Если уж мы позволили самим себе роскошь заняться столь основательным саморазрушением, то и задача строительства ложится сугубо на нас. И строить мы должны по себе и для себя – надёжно, основательно, ответственно и скрупулёзно, то есть так, как учили нас наши предки и как свойственно нашей душе и нашему менталитету. Русский витязь стоит сегодня в раздумье на очередном и очень важном распутье. И от того, что он сейчас решит и на что решится, зависит очень многое, причём не только в нашей стране, но и в мире в целом.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РУССКАЯ ДУША – ЖИВАЯ ИЛИ МЁРТВАЯ?

Душа всему мера.
Душа всего дороже.
Душа душу знает.

Русские пословицы

1

Когда на Западе пытаются размышлять о России и русском народе, то прежде всего делается упор на загадочности русской души. Но на этом глубокомысленном утверждении там, как правило, и прекращаются всякие раздумья и поиски на наш счёт. Нам такое мнение вроде бы должно льстить. Как же – мы такие непонятные и загадочные. Мы тут же вспоминаем Фёдора Тютчева с его – «*умом Россию не понять*» и «*в Россию можно только верить*». И не только оправдываем свои нарочитые эпатажные чудачества (как правило, сугубо индивидуального свойства), но и стремимся ещё больше поразить воображение культурных и цивилизованных западников своими зарубежными выходками. Но есть и оборотная сторона нашей загадочности в представлениях европейцев. Запад

просто отмахивается ею от нас. Считает, что не стоит нами всерьёз заниматься. В этом (как, впрочем, и во всём другом) европейцев поддерживают и наши собственные западники, хотя относительно русской души они знают намного больше и на этот счёт у них существует подобие собственного мнения. Либеральный журналист Александр Минкин, указывая на Алёшу Карамазова как идеал русской души («*всех любит, всех жалеет, всех прощает, всем хочет помочь*»), приходит к выводу, что в наши дни подобного рода душа исчезает. То есть была когда-то (правда, непонятно когда) у русского народа замечательная душа, но сейчас она, мягко говоря, исчезает, улетучивается, сходит на нет. Журналист вроде бы не говорит, что у русского народа уже нет особо качественной, русской души, но и не утверждает обратного. Он утверждает иное: «*Характер* (русского человека – А.А.) *огорчает, работа шокирует, душа восхищает. Ибо душа – мировая*».

Понятно, что после того, как уже было сказано об исчезновении русской души, можно не скупиться на дифирамбы на её поминках, ибо об умерших принято говорить только хорошее и чем больше, тем лучше. Но несомненное и уже как бы состоявшееся отмирание русской души журналист подчёркивает тем, что характер современного русского человека его огорчает, а работа - шокирует. Всё – была мировая русская душа, да вся вышла, а реально остался только грубый (бездуховный) русский человек – с дурным характером и никуда не годной работой. При этом ни слова не говорится о том, в какие унизительные условия был поставлен русский человек в последние двадцать лет и какому грубому и разрушительному натиску подверглась его душа со стороны гуманистичного Запада в ходе инициированной им в России так неазываемой шоковой терапии. В данном случае поспешность в констатации исчезновения русской души выглядит не столько как сострадание ей, сколько как стремление уйти от углубленного анализа и проникновения в те невидимые поверхностному глазу духовные катакомбы, куда она спряталась, выставив по привычке наружу броню грубости и варварства.

Зная об этом потаённом свойстве русской души, мыслящие русские люди буквально помешаны на самоанализе, самокопании, а порой и самом настоящем духовном самоедстве. Сакральными вопросами для думающего русского человека всегда были, есть и, наверное, навсегда останутся – кто я такой, почему я такой, зачем я такой и каковы мои подлинные отношения с внешним миром. Вся русская мысль, русская литература и русское искусство в целом всегда вращались и доныне вращаются исключительно в орбите этих безответных вопросов, пытаясь определить и присущими им способами отобразить космический мир необычайно широкой, но одновременно и необычайно глубокой русской души. Великими духовными самоедами, обладавшими живой цельной русской душой, были русские мыслители Владимир Соловьёв и Николай Бердяев, русские писатели Лев Толстой и Фёдор Достоевский, русские поэты Александр Пушкин и Фёдор Тютчев, русские композиторы Михаил Глинка и Пётр Чайковский, русские художники Иван Крамской и Виктор Васнецов. Именно из глубин своего щедрого русского сердца они извлекали сокровища сокровенной мысли, колоритных образов и высокой человеческой одухотворённости, раскрывали многообразие волнующих звуков и многоцветье красок, характеризующих многогранную русскую душу.

2

Тем не менее, пытаясь определить суть и природу русской души многие наши мыслители либо терялись в догадках, либо стремились ответить попроще, сводя всё к специфике нашего географического положения и к громаде территории, которую мы занимаем. Скептик по натуре и западник по своим убеждениям Пётр Чаадаев утверждал: «*Мы лишь геологический продукт обширных пространств*». Это звучит как приговор. Никакой загадки в русском человеке нет, так как он является всего лишь геологическим продуктом ареала своего обитания. По его логике, говорить о русской душе вообще бессмысленно, так как у продуктов, как известно, души не бывает. Русский философ

Николай Бердяев, вовсе не склонный мыслить о русской душе столь жёстко и уничижительно, тем не менее, при её характеристике в свою очередь придаёт решающее значение именно природному фактору в её протяжённом формировании и её качественных проявлениях. «*Власть шири над русской душой,* - писал он, - *порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков*». Ширь у него выступает в качестве той властной доминанты, которая определяет все плюсы и минусы русской души, ничего не оставляя в заслугу ни самой душе, ни русскому человеку как творческой личности. Хотя бердяевская ширь явно сложнее и многограннее чаадаевской геологии, оба утверждения возводят в абсолют внешнюю среду и низводят к пассивности душу русского человека. В свою очередь сам русский народ, утверждая, что «*Русь под снегом закоченела*», не только не отрицает сурового сезонного влияния природы на русскую душу, но и как бы распространяет эту специфическую для России сезонность на всю духовную сущность русского человека, не оттаивающую, по-видимому, даже в горячую летнюю пору.

Как все русские люди, Александр Пушкин, по-видимому, тоже испытывал затруднения в определении русской души. Во всяком случае о своей любимой героине Татьяне Лариной он говорил: «*Татьяна (русская душою, сама не зная, почему) с её холодною красою любила русскую зиму*». Эта фраза в плане общей характеристики русской души, на мой взгляд, очень важна. Ответа на вопрос, почему Татьяна уродилась такою, как есть, не знает не только героиня Пушкина. Сам поэт, по-видимому, неоднократно задавал себе вопрос, откуда в нём его русскость, и не мог дать на него исчерпывающего ответа. Но он глубоко убеждён в том, что его Татьяна – действительно русская душою и что как таковая она не может не любить русскую зиму, несмотря на её морозную холодность. Русский человек и природа России находятся у поэта не просто в тесной взаимосвязи, а внутренне проникновенны, состоят в неком любовном контакте. Судя по пушкинской Татьяне, душа у русского человека вполне самостоятельна, самодостаточна и первородна, точно так же, как вполне самостоятельна, самодостаточна и первородна русская природа. Отличительная же особенность русской души состоит именно в том, что она находится в постоянной гармонии с русской природой. И эта гармония есть не что иное, как суть русской души и специфика её русскости. Дивясь наличию русской души в юной дворянке Лариной, Пушкин подтекстно даёт понять, что русская душа свойственна исключительно русскому народу, причём в его простонародном выражении. А для представителей дворянства русская душа в её чистом, первозданном виде представлялась ему великой редкостью.

Если и можно говорить о каком-то внешнем влиянии на русскую душу, то, я уверен, надо брать не отдельную русскую геологию, русскую ширь, русскую зиму или русский пейзаж. А иметь в виду весь комплекс окружающего нас мира, включая всю землю, весь мир и весь космос, которые умудрилась вобрать в себя русская душа. Причём целиком, со всеми их сложными взаимодействиями и противоречивыми явлениями. Французский дипломат виконт Эжен Мелькиор де Вогюэ (1848-1910) писал: «*Русская душа - это котёл, в котором смешиваются самые разные субстанции: печаль, безумства, героизм, слабость, мистика, здравомыслие, и вы можете выудить оттуда всё, что угодно, даже то, чего меньше всего ожидаете. Если бы вы знали, как низко эта душа может пасть! Если бы вы знали, как высоко она может подняться! И как её швыряет из стороны в сторону*». Пожалуй, это одно из лучших иностранных определений русской души, отражающих всю её противоречивость и полярность, но главное – её живость, динамизм, бесконечное клокотание, её могучие взлёты и стремительные падения, доказывающие её несомненную жизненность и впечатляющий реализм. Разве сейчас, спустя столетие, что-нибудь изменилось в качественности и многообразии проявлений русской души? Даже если она сегодня столь низко пала, как, не скрывая своего торжествующего скептицизма, утверждает либерал Минкин, то,

несомненно и то, что завтра она вполне способна высоко подняться, несмотря на крепко привязывающие её к земле гуманистичнейшие либеральные путы.

3

По своему определению в русском языке «*душа*» (женский род) означает некое женское начало. Это рождает соблазн свести основную качественность русской души к её женственности. Анализируя эту сторону русской души, русский философ Николай Бердяев, относимый к религиозным мыслителям, несмотря на его раннее увлечение марксизмом, винил русскую душу в «*пассивности, переходящей в «бабье»,* «*недостатке мужественности*», «*склонности к браку с чужим и чуждым мужем*». Природная женственность русской души нарочито огрублена философом, низведена до бабства. Тем самым он подтекстно противопоставляет утончённую женственную душу русского аристократа (или интеллигента) бабской душе простонародья. Но, судя по Екатерине II (да и не только по ней), этого бабства вполне хватало и в российской элите, в то время как в простонародной душе таились огромные запасы нерастраченной женственности. Прав же философ, думается, в том, что своим патриархильным традиционализмом, причём в его самых крайних формах, мы обязаны, может быть, в первую очередь не женственности русской души, а именно её бабству - деформированной насильниками оболочке русской души (причём независимо от пола и среды обитания её обладателей). Именно оно, это русское бабство, больше всего страшится любых перемен и упорно держится однажды установленного привычного порядка. Наша неизжитая до сих пор рабская психология («*край гармоничного рабства*», по определению либерального журналиста Дмитрия Быкова) тоже, по-видимому, проистекает из этого же источника. Ибо принявшее насилие как норму выживания русское душевное бабство немало поспособствовало консервации атавизмов рабства своей фаталистической покорностью, безмерной уступчивостью и бесконечным (превосходящим все разумные пределы) терпением. Глубинной же женственности русской души, схоронившейся от насилия и насильников и органически неприемлющей бабства, мы по-настоящему должны быть благодарны за её самоотверженное чадолюбие и культ семьи, неизбывную доброту и сердечность, созерцательную мечтательность и фантазёрство, питавшие и до сих пор питающие русское искусство и культуру в целом. Стихия женственной русской души, мощно подпитываемая переменчивой стихией русской природы, в сочетании с женственным культом красоты и гармонии способствовала раскрытию в русском народе божественного дара одухотворённой поэтики, которым он наделён с необычайной щедростью. В свою очередь эта органичная поэтичность русской души напитала созидательный, творческий потенциал русского народа, нашедший отражение в чрезвычайно развитом русском языке и разносторонней русской культуре, гуманистической в своём существе.

Видя в женственности одну из важных ипостасей русской души, я, тем не менее, полагаю, что нет смысла абсолютизировать её и сводить всю качественность русской души исключительно к образам пушкинской Татьяны, толстовской Наташи Ростовой или Алёши Карамазова. Есть у русской души другие ипостаси и иные образы. Один из них – образ патриархального русского крестьянина, не только физически, но и духовно нерасторжимо связанного с весьма специфической русской землёй. «*Русская душа*, - подчёркивал в интернетовской публикации петербуржец Андрей Падчин, - *это крестьянская душа, сформировавшаяся в условиях Нечерноземья и севера*». Ныне уже практически искоренённое русское крестьянство некогда представляло действительно уникальное явление. Думается, что созвучие слов крестьянство и христианство вовсе не является случайным. Можно предположить, что русские земледельцы получили наименование крестьянства как некое почётное звание, причём исходящее из уст церковников. В такой трактовке русский крестьянин – это воцерковлённый мирянин, призванный нести крест служения Богу своим подвижничеством на земле, добывая продукты общенационального пропитания буквально в поте лица своего. В какой-то мере

этим и можно объяснить отнесение Фёдором Достоевским русского народа к разряду «*богоносцев*». В этом же ключе, по-видимому, размышлял и английский писатель Дональд Мэкензи Уоллес (1841-1919), утверждавший, что «*нет класса людей на свете более добродушного и миролюбивого, чем русское крестьянство*».

Но это преимущественно фасадная сторона крестьянской русской души. За этим умилительным фасадом простонародной крестьянской души на самом деле скрывалась гремучая смесь самых разнообразных страстей и нравственных качеств, причём порой самого радикального свойства - вплоть до бунта и богоотвержения. «*Два противоположных начала*, - писал Николай Бердяев, - *легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость: обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обострённое сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт*». Противопоставление природной, языческой дионисической стихии аскетическому монашескому православию имеет у весьма противоречивого марксистско-религиозного философа принципиальное значение. Он вынес его на первый план и как бы задал тон всем другим духовным диссонансам русской души. Это противопоставление, думается, во многом навеяно у Бердяева жестокими революционными событиями 1917 года и разочарованием русской либерально-демократической интеллигенции в русском народе, поддержавшем в конечном счёте большевиков. В своей сути это противопоставление выглядит у русского мыслителя как нарочитое, подчёркнуто ужесточённое контрастирование русского простонародья и русской церкви. Русская православная церковь в лице своего монашества представлена как идеал духовного созидательного потенциала, а русский народ – как сугубо негативистская стихия разрушения. Это в корне неверно, хотя бы потому, что и русское монашество не явилось к нам с неба или откуда-то со стороны, а вышло из русской народной среды, воплотив в себе лучшие духовные качества русского человека. К тому же дионисизма вполне хватало и в душе русского православного монаха, главной задачей которого являлось подвижническое укрощение в себе могучего русского бунтарского духа. Специфика русской души, будь то добросовестный хлебопашец-крестьянин или духовно умиротворённый монах, состояла и состоит не столько в многообразии и противоборстве самых противоречивых страстей, сколько в том, что самые противоположные свойства в ней прочно уравновешены и удивительным образом гармонизированы. И надо было очень уж постараться извне (и в первую очередь именно русской либерально-демократической интеллигенции), чтобы вывести русскую крестьянскую душу из её неизменного равновесия, преобразовав её духовную гармонию в разрушительную языческую дионисическую стихию.

4

Женскость (женственность) и крестьянскость (простонародность), несомненно присущие русской душе, вовсе не исчерпывают её особой качественности. Привлекая к себе повышенное внимание, они порой мешают выявить главное качество русской души, составляющее её суть и объясняющее её удивительную жизнестойкость. Таким основополагающим её качеством, на мой взгляд, является её некая первозданность, а точнее – первозданная цельность русской души. Принявший участие в обсуждении проблем современной России на одном из интернетовских форумов некий Джон К. (35 лет, Канада) попытался дать свой анализ русской души. Начав с констатации факта, что в цивилизованном человеке душа в девственном состоянии давно не живёт, он далее отметил следующие характеристичные черты русской души: «*душа у русских вечно находится в нестабильном состоянии*»; «*у русских вечная борьба плохого и хорошего*»;

«р*усские слишком свободны в своей азиатской вольности*»; «*русская душа – это спонтанно возникающее и затухающее чувство совести*», заставляющее русского человека постоянно мучиться и страдать от всего им уже сделанного и даже не сделанного. Эти психологические наброски вызвали на форуме бурю эмоций, причём в большинстве негативных. Многое, однако, в них наблюдено верно, а сам этот экскурс в русское вечное делает честь молодому канадцу.

По мнению то ли сочувствующего нам, то ли покровительственно снисходящего к нашим слабостям Джона К., наши сердечная живость, динамизм и неравнодушие, наша духовная свобода и пульсирующая в нас совесть, наши душевные мучения и страдания по ходу совершаемого нами дела вызывают удивление не сами по себе, а потому что они уже несвойственны современному цивилизованному человеку. В этой связи Джон К., с одной стороны, как бы выражает нам своё гуманное сострадание в связи с тем, что мы вечно сами себе создаём лишние проблемы, вместо того чтобы жить стабильно и спокойно, как все цивилизованные люди. С другой же стороны, это, по сути, очень жёсткая критика (из тех, что мягко стелет, да жёстко спать) и настоящее обвинение русских людей в непреходящем варварстве и неспособности к цивилизованности вообще. Это-то и вызвало негодование русских участников форума. Тем не менее, я хотел бы выразить признательность молодому канадцу за его критику, позволяющую взглянуть не только на русских, но и на весь так называемый цивилизованный мир совсем иными, чем принято, глазами. Получается, что цивилизованность и девственность души – вещи совершенно несовместимые. И это, по-видимому, действительно так. Ибо мы имеем сегодня немало примеров и доказательств того, что, чем более цивилизованным считает себя тот или иной человек, тем менее девственной (чистой, первозданной, цельной) оказывается на самом деле его душа. По этой логике с полным торжеством цивилизации в человеческом обществе душа отдельно взятого человека должна не только устыдиться своей девственности, но и вообще, по-видимому, самоустраниться из человеческой жизни, полностью растворившись в пресыщенном комфортом теле и самодовольном разуме цивилизованной личности.

Эту-то европейскую цивилизационную идиллию (либералистскую в своей сути) нарушают варвары-русские, которые в течение тысячелетия своего развития никак не могут справиться со своей беспокойной душой – вечно нестабильной, вечно сталкивающей лоб в лоб добро со злом, вечно позволяющей себе азиатскую вольность и вечно носящуюся со своей незатухающей совестью. Возникает парадокс. Западноевропейский мир, по утверждению идеологов либерализма, стал ныне полностью цивилизованным и, следовательно, тем самым решил для себя так называемую проблему души, сняв её вообще с повестки дня. В то же время западникам (внешним и внутренним) приходится с удивлением и негодованием констатировать, что, несмотря ни на что, русские люди, будучи в свою очередь такими же европейцами, как они, умудрились не только сохранить свою душу, но и удержать её в девственной чистоте. В формальном плане этот парадокс снимается привычным уже для Запада причислением русских людей к недоразвитым народам, неспособным покончить с общечеловеческим варварским прошлым. Но это всего лишь уловка, имеющая целью успокоить свою цивилизованную совесть. На деле же вопросы в связи с этим упрямым русским парадоксом остаются, причём очень острые и очень серьёзные. Главные из них – а туда ли, куда надо, движется, освобождаясь от проблемы души, цивилизованный мир? Насколько оправдана в нём ставка на цивилизованность как самоцель общечеловеческого благополучия? И, наконец, что делать с упрямыми русскими и их неспокойной душой, продолжающей беспокоиться не только о себе, но и обо всём мире с его цивилизационным безумством?

5

Конечно, если поставить глобалистскую цель по постепенному умертвлению живой русской души и души вообще, то, наверное, этой цели в конце концов можно

достигнуть. Великий русский писатель Николай Гоголь вовсе не случайно пустил в литературный оборот понятие «*мёртвые души*». Не только героев его одноимённой «*поэмы*», но и многих других гоголевских персонажей можно причислить к мёртвым душам. Проблемой отмирающих и мёртвых душ озабочивались в той или иной степени практически все русские писатели. Более того, явление мёртвых душ у живых людей исследовали в течение многих веков и русские народные мудрецы, обращавшие пристальное внимание на парадоксальное существование тела без души, бездушного тела, бездушного человека. Русский народ к бездушным людям применял такое уточняющее определение, как «*приказная*», «*судейская*», «*служивая совесть*» (или «*душа*»). Природу этого уродливого в своей сути явления русские народные мудрецы объясняли, по-видимому, тем, что широкоформатный, многогранный, естественный человек, преследуя какие-то узкопрактические социальные цели, загоняет себя и свою бессмертную индивидуальную душу в узкие рамки угодливой (рабской) целесообразности. В итоге это ведёт к тому, что человек как личность постепенно теряет свои общечеловеческие душевные свойства и превращается в некую социальную или бюрократическую функцию. Усыпляя свою совесть («*спящая совесть*»), такая личность превращает себя сначала в равнодушного (с равным отношением к добру и злу), а затем и в бездушного (полностью лишённого души) человека.

То, к чему так упорно стремятся сегодня западноевропейские цивилизованные люди (всеобщее комфортное и безмятежное успокоение), русские народные мудрецы и солидарная с ними русская классическая литература всегда считали не просто злом, но полагали в этом смертельную болезнь для человека и человечества. Слова поэта Александра Блока – «*И вечный бой! Покой нам только снится сквозь кровь и пыль…*» - выражают суть жизненности русской души. Чтобы жить - жить полноценно и полнокровно - русское сердце обязательно должно биться, стучать и колотиться постоянно, без перебоя. Прогрессирующая ныне в мире атрофия души – это не только неизбежные издержки цивилизации, жестокая внутренняя плата за внешнюю цивилизованность и своего рода жертвенный вступительный взнос при приёме в клуб цивилизованных людей. Атрофия души – это ещё и главная цель воинствующей тоталитаристской либеральной цивилизационной идеологии. Духовным фетишем современного либерализма является возводимая в культ толерантность. Формально переводимая как терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению толерантность в либеральной практике приобретает совсем иное душевное качество и иной ментальный смысл. В либеральной трактовке она фактически сливается с понятием конформизма, означающего не что иное, как чистой воды приспособленчество, покорное принятие существующего (как правило, несправедливого) порядка вещей, отсутствие собственной гражданской позиции, осознанное истребление в себе духа протеста и сопротивления, беспринципное и педантичное следование навязываемому извне поведенческому стереотипу.

Осуждаемое русским народом равнодушие по сравнению с либералистской толерантностью обладает хотя бы тем преимуществом, что равнодушный человек занимает как бы нейтральную позицию между добром и злом, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому. У либерального толерантного человека его жизненное кредо намного уязвимее и ущербнее. Предполагается, что он сам по себе есть гуманная и вполне нравственная личность. Но он априори лишается морального и юридического права навязывать кому бы то ни было свои нравственные принципы. Более того, ему вменяется в обязанность воспринимать как должное чужие принципы и убеждения, какими бы дикими они ни были в своём существе. Либерал-платоник, представляющий собой идеал цивилизованного толерантного человека, разумеется, не лишён души. Но душа его весьма специфична. Она чиста и прозрачна, но это не живая, а своего рода дистиллированная душа, пропущенная через массу искусственных абсорбентов и пригодная к употреблению не в естественных, а исключительно в искусственных, лабораторных условиях. И

совершенно полной его противоположностью является так называемый либерал-практик, особенно в его самом жёстком, англо-саксонском варианте. Воспитанный на идеях Чарлза Дарвина и Томаса Мальтуса англо-саксонский радикал-либерал, даже исповедующий протестантизм самого высокого, пуританского свойства, в практической жизни действует так, будто души нет не только в нём самом, но и во всём мире в целом. Толерантность используется им не как его собственное кредо, а как духовное оружие, как наиболее эффективное средство подавления и порабощения слабых, выявившихся в ходе безжалостного (бездушного в своём существе) естественного отбора. Либерал-практик – это не просто духовный мертвец. Это мстительный зомби, нацеленный на калечение и истребление прежде всего живых душ, ненавистных ему по самой его мёртвой природе.

6

Классическая русская литература дала не только развёрнутый диагноз омертвения человеческих душ, но и приложила максимум усилий в поиске спасительных средств для избавления человеческой личности от этой смертельной болезни. Литературный талант Льва Толстого безграничен, но, пожалуй, одним из главных его достоинств являлась исключительная вера русского классика в воскрешение земной человеческой души и в особую способность русского человека к полному восстановлению качественности своей специфической русской души. Не только главные герои его романа «*Воскресение*» - высокородный аристократ, князь Нехлюдов и ввергнутая им в грех крестьянская девушка Катюша Маслова – вступают на поприще решительной борьбы за оживление своей мертвеющей души и находят в себе силы к её очищению от накопившейся скверны. В той или иной мере эту задачу решают едва ли не все толстовские герои, причём порой совсем, казалось бы, конченые и омертвелые. Об этой удивительной способности русской души к её саморегенерации в огрублённой форме говорит один из героев комедии Александра Островского «*Не всё коту масленица*» богатый купец-самодур Ахов: «*Как мне вздумается, так себя и поверну; я всё могу, могущественный я человек*». Разумеется, это чистая похвальба шестидесятилетнего богача, возжелавшего жениться на двадцатилетней девушке, но вовсе не думавшего что-то кардинально менять в своей жизни. Однако изюминка этой фразы заключается в том, что русский человек и в самом деле духовно весьма могуществен и способен в один момент круто развернуть свою жизнь и на пике богатства, славы, деловой карьеры бросить всё и полностью сосредоточиться на чистке своей души, вплоть до ухода в монастырь.

Очистительным родничком русской души является её открытость, искренность, неспособность кривить душой. Русский философ-духовед Иван Ильин писал: «*Великая беда современного человека состоит в том, что он утратил искренность сердца. Спасение его в том, чтобы восстановить её и из неё начать новую культуру*». Если речь идёт о современном человеке вообще или, тем более, о так называемом цивилизованном, культурном человеке (каковым мнит себя наш либерал-западник), то я целиком и полностью согласен с русским мыслителем. В политическом или деловом мире ныне ценится только учтивость, не только не являющаяся синонимом искренности, но, наоборот, представляющая собой полную её противоположность. Подлинная же искренность изгнана из этих кругов, считается синонимом глупости. То же самое происходит и в западном духовном мире, где либеральная толерантность объявила самую настоящую войну искренности. Но если в общий котёл современности философ вбросил и всех русских людей, то я солидарен с ним лишь частично. Да, цивилизационные уроки Запада не прошли бесследно и для русской души, и многие русские научились неискренности, а в части учтивости иногда достигают виртуозности. Но, если брать в сопоставлении основную массу людей в России и на Западе, то сразу бросается в глаза их главное отличие в степени и качестве искренности, открытости, способности кривить или не кривить душой. Даже наши либералы-западники тем и отличаются от либеральничающих европейцев, что с пеной у рта отстаивают пресловутые либеральные

ценности в то время как те действуют под личиной исключительной заботы о нашем благополучии. Это лишний раз доказывает, что русские даже на пике своей цивилизованности будут отличаться от европейцев более высокой степенью искренности и соответственно – душевной ранимости и незащищённости. И в этом залог едва ли не вечной живости и великой жизненности русской души, получающей постоянную подзарядку даже от антиподного ей внешнего мира.

Россия сегодня находится в зените своего западничества. Триста лет назад Пётр Первый начал процесс европеизации России, регламентируя по западным образцам государственный строй страны и внешний облик своих отсталых соотечественников. Екатерина Вторая активно взялась за европеизацию российской культуры. Затем петербургско- московская либеральная профессура около ста лет усердно трудилась на поприще европейского просвещения русского народа. Наконец, и большевики рьяно взялись за выправление русских мозгов по самым прогрессивным западноевропейским рецептам. Но никогда ещё за эти трита лет не было такого мощного и полномасштабного западнического наступления на русскую душу, как это происходит в сегодняшней России в эпоху торжества в ней лукавых релятивистских идей и разлагающего декадентского духа либеральной демократии. Одной нашей искренности в борьбе с воинствующими приверженцами западнической толерантности ныне явно недостаточно. Необходим общий позитивный, но одновременно и непримиримый настрой русской души. Важно осознание смертельной угрозы для неё в наступлении по всему фронту ползучей агрессивной либерально-конформистской толерантности. Крайне значима сейчас мобилизация русского духа на отпор этим невидимым и неслышимым, но всё более внутренне ощутимым духовным врагам, сеящим в наших душах неуверенность и сомнения. Конечно, можно уповать и на регенерацию, но лучше всё же отстоять душу живой, в её чистоте и цельности, в её девственной привлекательности и первозданном могуществе, чем потом веками мучительно восстанавливать её, выгребая из себя заразу конформистской толерантности.

* * *

Русская душа, как и многие другие свойства русского народа, нашла самое разнообразное отражение и воплощение в русских народных сказках. В сокровищнице «*Народных русских сказок*», собранных и опубликованных Александром Николаевичем Афанасьевым, можно взять любую сказку и обнаружить в ней отображение какой-то особой грани необычайно широкой и чрезвычайно сложной русской души. Не мудрствуя лукаво, я решил проиллюстрировать тему данной главы едва ли не самой простенькой из них – сказкой «*Сестрица Алёнушка, братец Иванушка*». О популярности этой сказки в России говорит тот факт, что собиратель публикует сразу четыре варианта, и каждый из них был записан в разных российских регионах – Воронежской, Курской, Тамбовской и Саратовской губерниях, отстоявших друг от друга порой на тысячу километров. Общероссийскую же значимость этой сказке придал художник Виктор Васнецов, выставив в 1881 году свою картину «*Алёнушка*». Чем же так полюбилась русскрому народу эта сказка? И почему именно образом Алёнушки открыл серию сказочных героев русский художник-патриот, посвятивший всё своё творчество раскрытию характера русского народа?

Сюжет сказки прост и бесхитростен. Дети-сироты, старшая сестра Алёнушка и младший брат Иванушка, после смерти царственных родителей отправились скитать по свету. Терпеливая и прозорливая Алёнушка безропотно принимала все встречавшиеся на пути испытания, а братец Иванушка оказался менее выдержанным. Попив водички в запретном месте, он сделался козлёночком. Однако их вскоре увидел царь, влюбился в красавицу Алёнушку, женился на ней, а козлёночка берёг и по-царски ублажал. Эту идиллию расстроила колдунья. Она утопила в море Алёнушку, заняла место царицы и

приказала зарезать козлёночка. Иванушка стал бегать к морю и жаловаться Алёнушке на свою горькую судьбу. Царь проследил Иванушку, спас Алёнушку, а колдунью приказал казнить.

Сказочный образ Алёнушки отображает если не все, то по крайней мере главные позитивные качества русской души и их оборотную сторону. Она – вечно юная, женственно привлекательная, неотразимо красивая и безупречно царственная. Ни при каких обстоятельствах не теряет своего человеческого облика. В то же время она - душа сироты и сама по себе сирота, не имеющая во всём мире ни одного родного человека. Будучи необычайно чуткой и проницательной, она крайне беззащитна в своей простоте и доверчивости. Это делает её весьма уязвимой на царском троне, да и вообще в мире злых и завистливых людей. По сути, она буквально обречена на неизбежную погибель и непрерывное возрождение, полное восстановление своей первозданной цельности. Гибель ей несёт её провокативная безупречность, а воскрешение – неиссякаемая востребованность в человеческом мире красоты, чистоты и душевной щедрости. Душа Алёнушки – это своеобразная птица Феникс, постоянно умирающая, но и неизменно воскресающая, ибо без неё человеческая жизнь сразу теряет свою привлекательность и весь свой внутренний, духовный потенциал.

Русский философ-эмигрант Борис Вышеславцев (1877-1954) называл русский эпос, русские сказки, русскую народную поэзию снами народа, причём «*неумолимо правдивыми даже в своём цинизме*». В вышеприведённой русской сказке я не нахожу ни малейшего намёка на цинизм. Да и со сном она у меня как-то не очень ассоциируется. Наоборот, в ней превалирует, на мой взгляд, именно российская явь, причём весьма реалистическая. Лично для меня русские сказки являются мудрыми притчами, в которых основную роль играет вовсе не сюжет, а исключительно его подтекст, наполненный глубинным смыслом. Главное, что я выношу из этой сказки в нашу отнюдь не сказочную современность, так это убеждённость в том, что живая русская душа – это мировое сокровище. В силу своей исключительной ранимости при человеческом небрежении она не просто закрывается, а самым натуральным образом умирает. И возродить её способна только ответная любовь и добрая забота. Ещё вчера мне казалось, что русская душа умерла, причём окончательно. А сегодня я улавливаю массу признаков её возрождения. А раз процесс пошёл, то его уже не остановить, какие бы уловки ни применялись и как бы ни упорствовали разного рода злобные колдуны и колдуньи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РУССКИЙ ДУХ – ПОДАТЛИВОСТЬ ИЛИ ТВЁРДОСТЬ?

Каковы веки, таковы и человеки.
На Руси не все караси – есть и ерши.
Люблю молодца и в татарине.

Русские пословицы

1

Русский дух не менее загадочен, чем русская душа, но почему-то над его разгадкой мало кто ломает голову так, как над раскрытием загадки души. По-видимому, считается, что, раскрыв загадку русской души, мы автоматически разгадываем и тайну русского духа, если она вообще имеется. Но это неверно, так как русский человек (как, впрочем, и человек вообще) буквально соткан из этих тайн, и разгадка секрета русского духа – одна из наиболее труднейших. С зарождением психоаналитики на Западе стали уделять повышенное внимание анализу процессов, происходящих за пределами человеческого сознания, то есть препарированию царства духа. Но уклон сделан неверный, так как

исследованию подвергаются преимущественно уже проявившиеся и даже вполне явственные духовные аномалии, своего рода болезни духа. Нормальный, живой, здоровый дух, по сути, брошен на самовыживание по той простой причине, что, во-первых, он не очень-то и поддаётся аналитике, а во-вторых, на его исследовании и профилактике много не заработаешь.

Самой трудной, практически неразрешимой задачей является определение взаимосвязей живой души и живого духа и особенно выявление вопроса - это аналоги или антиподы, союзники или враги, самостоятельные явления или марионетки друг друга? Александр Пушкин, описывая в «*Руслане и Людмиле*» сказочное Лукоморье, заключает: «*…Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».* Пушкин удивительно диалектичен. Русский дух подразумевает у него (как, собственно говоря, и во всех русских сказках) прежде всего дух русского человека, настолько стойкий и насыщенный, что он проникает всю атмосферу его обитания, перекрывая все остальные запахи и ароматы. Но удивительно не это, а то, что этот довлеющий русский дух сам по себе у Пушкина пахнет Русью, то есть концентрированно отражает весь дух Руси, дух России. При этом о русской душе здесь не сказано ни слова, а идёт прямая взаимосвязь между русским духом, природой России и самой Русью как органическим духовным явлением.

Дух в русском языке – понятие многогранное. Судя по мужскому роду, это, несомненно, мужское начало или мужская качественность. В чисто физическом плане он означает запах, причём по преимуществу земной – тяжёлый дух самой земли, дух растений и животных, дух плоти человеческой. Восходя выше, он становится воздухом, в котором корневое слово дух, воспаряя, наполняет всё жизненное пространство человека и Земли. За его пределами дух приобретает уже некие мистические свойства – внечеловеческую сущность, воплощающуюся в древнерусского дива (джинна) - сверхъестественное существо, обладающее волей и могущественной силой, способной творить добро или зло. И, наконец, это Святой Дух, одна из ипостасей всевышнего Бога - вечно живой, всепроникающий и могущественнейший Дух, непрерывно циркулирующий между Богом и человеком.

2

Говоря о взаимодействии мужского духа и женской человеческой души, австрийский писатель-экспрессионист Густав Майринк (1868-1932) в нашумевшей в своё время книге «*Голлем*» (1915) писал: «*Непостижимый дух греха ищет воплощения (*и*) …внедряется в какую-нибудь человеческую душу*». У мистика Майринка мужской дух греховен и исключительно активен, а женственная душа беззащитна и пассивна. Душа у него – всего лишь форма, а дух – пусть и весьма подпорченное, но содержание. Дух бесконечно свободен, а душа рабски закабалена телом. Дух порочен, а потому и девственная душа, оплодотворяясь греховным духом, должна приносить, по сути, греховный плод. Вновь и вновь воспроизводя грех, она является фактической пособницей бесконечно прогрессирующего порочного духа. Это крайне пессимистический взгляд на мир, на жизнь и человеческое бытие в целом. В нём, этом безрадостном видении мира, прослеживаются не только элементы духовного декаданса времён первой мировой войны, но невооружённым глазом видны и зародыши конформизма добра со злом, легшие в основу современной либеральной толерантности. Ибо естественно напрашивается вопрос, таящий в себе подтекстное аксиоматическое утверждение: если дух исключительно греховен и порочен, а душа, даже самая чистая и непорочная, не в силах противостоять его насильнической деятельности, то какой смысл бороться и сопротивляться греху, который к тому же непостижим и тем самым непобедим? Из этого вопроса вытекает уже риторический вопрос-утверждение: стоит ли удивляться тому, что мир закономерно катится в гибельную пропасть всесильного порока и всепобеждающей греховности?!

Целеустремлённым исследователем духа вообще и русского духа в частности был русский поэт и мыслитель мистического плана Михаил Лермонтов. Более чем на полвека

опережая Майринка, он дал замечательный анализ не только существа, но и проблемы духа в поэме «*Демон*». У Лермонтова демонический дух тоже греховен в своей сути и тоже могуществен в своей самореализации. Но это вовсе не торжествующий, а, наоборот, печальный и отверженный дух («*дух изгнанья*»), пресыщенный многовековой властью над исключительно грешной землёй. Прискучив торжеством над склонными к пороку людскими душами, он решает вторгнуться в запретный для него мир чистоты, любви и святости. Путём льстивого обмана, романтических грёз и обворожительных соблазнов он в конце концов обольщает юную деву Тамару, но ему не удаётся после смерти овладеть её душой. Девственная душа Тамары устремляется не в ад, а в рай. Долгая и мучительная борьба чистой души и греховного духа оборачивается в конечном счёте фактическим поражением демона зла, его позором и, по сути, его очередным изгнанием. При всём своём романтизме и несомненном мистицизме взгляд на сложный и противоречивый мир у Лермонтова вполне реалистичен и оптимистичен, ибо это взгляд русского человека, отдающего приоритет не духу, а душе, причём душе в её первозданном, цельном и девственном состоянии.

Однако в анализе сугубо русского духа Михаил Лермонтов вовсе не был столь однозначным оптимистом. Мир русского духа представлялся поэту весьма сложным и противоречивым. В русском духе он видел фактически три изолированных друг от друга состояния, каждое из которых обладало для него своей собственной спецификой и своим набором особых качеств. Как и девственную женственную душу, девственный мужественный дух русского народа Лермонтов не только не подвергал ни малейшему сомнению или осуждению, но, наоборот, выражал ему дань восхищения и преклонения. Этот свой, по сути, сыновний взгляд на самоотверженных защитников Отечества он выразил в стихотворении «*Бородино*», являющемся великолепным литературным памятником не только русскому солдату, но и русскому патриотическому духу вообще. Совсем иное состояние русского духа описано Лермонтовым в коротком стихотворении «*Парус*». Это то ли гимн, то ли приговор русскому мятежному, бунтарскому духу. Этот дух укоренённой мятежности, вечного непокоя, бесшабашной роковой устремлённости в зону риска поэт констатирует со значительной долей недоумения и даже осуждения. Ибо это бродильное состояние духа, по мнению поэта, входит в прямое протоворечие как со стремящейся к счастью русской душой, так и с ищущим смысла русским разумом. Но такова уж стихия русского духа, и поэт с явным огорчением признаёт, что эту роковую природу русского духа ничто в мире не способно изменить. Она была, есть и навсегда останется в русском человеке, пока он существует на этой грешной земле.

3

О третьем состоянии русского духа и у Лермонтова, и у нас – разговор особый. Самоотверженную готовность простого русского человека «*постоять головою за Родину свою*» и его удалое бытийное буйство, «*ищущее покоя*» своей вольной душе исключительно в жизненных бурях, поэт, по-видимому, относил к коренным свойствам здорового русского духа. Они, разумеется, заслуживали его внимания, но не нуждались в углубленном исследовании, так как были в то время слишком очевидными и распространёнными на Руси. Вслед за Пушкиным он решает основательно исследовать художественными средствами ещё редкую, но уже явно наметившуюся болезнь русского духа и посвящает скрупулёзному анализу этого прогрессирующего духовного состояния целый роман в новеллах – «*Герой нашего времени*». Лермонтовский Печорин чем-то отдалённо схож с подлинными героями Бородина и русскими удальцами, подобными Стеньке Разину. Он активен, обладает сильной волей и повышенным чувством собственного достоинства. В то же время он отличается от своих простоватых мужественных собратьев западническим рационализмом мышления и культурным превосходством европейского толка. Казалось бы, эти новые качества Печорина должны были дать ему преимущества перед его менее развитыми собратьями. Однако на деле они

серьёзно ослабляют его. Разъедаемый вирусом рефлексии, Печорин, по определению Виссариона Белинского, не имеет полноты ни в каком чувстве, ни в какой мысли, ни в каком действии. Становясь героем своего времени, он фактически превращается в антигероя русской истории, так как, по замечанию Николая Добролюбова, всё, что встречается ему на пути, он стремится отстранить или уничтожить. То есть в своей сути Печорин – это крепнущий индивидуалистический греховный дух всеобщего отрицания и неизбежного разрушения.

После выхода тургеневского романа «*Рудин*», героем которого стал «*бесприютный скиталец*», кончивший жизнь на баррикадах, типажи пушкинского Онегина, лермонтовского Печорина, грибоедовского Чацкого, тургеневского Рудина и даже гончаровского Обломова получили в русской литературе наименование «*лишних людей*». Утверждалось, что их фактичекое антигеройство было связано исключительно с ненормальными российскими тираническими условиями и невозможностью в силу этого реализовать их внутренний подлинно героический потенциал. Считалось, что они лишние только для самодержавной России и что в условиях политической свободы их таланты расцветут пышным цветом для общего блага. При этом сознательно или неосознанно закрывались глаза на параллельное разрастание на вожделенном Западе болезнетворной духовной гамлетовщины, байроновщины и оскаруайльдовщины, всё более парализовывавших европейское общество и европейскую культуру. Вполне естественно, что с течением времени количество этих лишних людей в российском обществе всё больше возрастало, а их рефлексивно-разлагающее духовное влияние всё более усиливалось. Они-то и стали в конечном счёте тем бродильным ядром и неизбывным источником раздражённо-злобного духа – духа всеобщего недовольства, которое не могло не спровоцировать постоянно тлеющий в русской народной душе огонёк мятежности и бунтарства, превратив его во всепожирающее пламя беспощадной русско-российской революции.

Можно упрекнуть Пушкина в том, что он своим Онегиным стал родоначальником всех русских лишних людей и своим авторитетом поспособствовал их героизации. Более того, сам термин «*лишние люди*» дотошные литературоведы тоже готовы приписать ему, причём на том основании, что в первоначальном наброске к «*Евгению Онегину*» были слова: «*Кто там меж ними в отдаленьи, как нечто лишнее стоит*». Но гораздо важнее, на мой взгляд, обратить внимание в той же набросочной характеристике Онегина на другие строки поэта: «*Один, затерян и забыт, меж молодых аристократов, между полезных дипломатов, для всех он кажется чужим*». Какие только эпитеты ни применяются обычно в нашей жизни к дипломатам – ловкие, искусные и даже насквозь лживые. Полезные - самый неожиданный из них. Но Пушкин выбрал именно его с единственной, на мой взгляд, целью – как можно контрастнее подчеркнуть жизненную и социальную никчемность своего псевдогероя, на фоне которого даже в высшей степени неискренние и чопорные дипломаты кажутся более полезными своей стране и своему народу. Чтобы исключить любые сомнения на сей счёт, поэт добавляет к характеристике Онегина ещё и слово чужой, отмечая появление (или, точнее, явление) в патриархально гармоничном русском обществе некоего диссонирующего, чужеродного элемента. Если пушкинская Татьяна олицетворяла идеальную русскую душу в её позитивном саморазвитии, то Онегин – её полный антипод, но одновременно он антипод и здорового, мужественного русского духа, нацеленного на утверждение и самоотверженную защиту человеческого блага.

4

Лермонтов в определении своего Печорина вполне осознанно назвал его героем своего времени. Ему (как, впрочем, и революционно-демократическим аналитикам его творчества) казалось, что, как только минет это весьма специфическое, ненормальное (то самое «*своё*» для Печорина) российское время, печорины сразу же перестанут быть

горделивыми позёрствующими «*героями*» и превратятся в нормальных граждан своей страны, применяющих свой недюжинный ум и сильную волю на благо своего народа и своего Отечества. Но он оказался неправ в том плане, что не уловил масштабов мирового и российского духовного бедствия. Пройдя через все российские времена (предреволюционное, революционное и постреволюционное) и стремительно разрастаясь, эта когорта героев-временщиков (лишних, бесполезных и чужих в своей сути людей) не только не преодолела свою духовную отчуждённость от массы своих сограждан, но, наоборот, только укоренилась в ней. Превратившись сначала в некую замкнутую социальную касту в каждой европейской стране, включая Россию, печорины создали затем тонкую мировую общественную прослойку, а ныне образовали уже своеобразный класс убеждённых и закоренелых либеральных временщиков, героев одного дня – дня сегодняшнего. Не только в социальном, но и в духовном плане его можно квалифицировать как некий «*средний класс*». Будучи в социально-экономическом отношении людьми благополучными (основными потребителями благ мировой цивилизации), в духовном плане представители этого среднего класса находятся на некой нейтральной (отчуждённой) территории – между аристократами духа (классом творческих людей, производящих духовные блага) и плебеями духа (класс непосредственных практических производителей материальных благ).

Стремительно перебегая из одного сегодняшнего дня в другой сегодняшний день и ни на мгновение не задерживаясь в дне вчерашнем, нынешние печорины живут исключительно настоящим, не платя никаких долгов прошлому и не беря никаких обязательств перед будущим. Но уж из этого превращённого в культ настоящего они выжимают всё по-максимуму. Жёсткие, сильные, умные, исключительно мобильные и в высшей степени эгоистичные, они являются самыми настоящими пожирателями не только всего настоящего - в прямом и переносном смысле слова. Они покушаются уже и на время как таковое, которое они дробят на мельчайшие кусочки, смакуя каждое мгновение и приправляя его острым соусом из особым способом препарированного прошлого и хищнически заёмного будущего. У представителей этого духовно-социального среднего класса нет ни пола, ни национальности, ни родины, ни даже Отечества вообще. Все эти рудименты нецивилизованного, «*варварского*» прошлого они презрительно отвергают. Их подлинным Богом является раздутое до гигантских размеров, ненасытное, омерзительно прожорливое, вечно алчущее всё новых благ и феерического публичного успеха их собственное снобистское «*Я*», которое они превратили в главную цель и главное мерило достойного земного существования.

Нынешние российские мутированные печорины (русские в том числе), если чем-то и отличаются от сегодняшних мутированных европейских чайльд гарольдов, так это, скорее, лишь большей внешней видимостью и мерой внутреннего чувственного ощущения их духовного разложения. Не знающие меры ни в чём наши радикал-либералы сегодня буквально смердят своим чванством, своей доходящей до идиотизма роскошью и своим провоцирующим мятежность ещё не испорченных русских душ презрением к тем, кто не способен «*срубить*» в нынешней российской мутной воде миллион баксов. Не менее гнилые в своём духе западные либерал-платоники то ли по природной скрытности своей души, то ли в силу естественной слабости своего духа чаще и активнее, чем наши радикал-либералы, пользуются цивилизованными ароматическими средствами для сокрытия распространяемого ими смрада разложения и умудряются даже придать ему характер некоего благовония. Но суть нынешних русских печориных и сегодняшних западноевропейских чайльд гарольдов одна и та же. И тех, и других следует отнести к одной и той же категории людей, обнищавших благим, позитивным духом. Разумеется, не к тем библейско-евангелическим обделённым земным счастьем страдальческим «*нищим духом*», которым уготовано Царство небесное, а к новой категории по-настоящему нищих духом высокомерных успешных людей, которые вполне осознанно жертвуют своей

девственной душой и присущим человеку здоровым духом ради собственного сугубо индивидуалистического, безмятежно-благополучного земного существования.

5

В принципе горевать в этих условиях вроде бы не о чем. Ибо всё, что сегодня гниёт и разлагается, согласно закону природы завтра должно неизбежно превратиться в отмирание со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако становится всё более очевидным тот факт, что упадочнический духовный процесс в нынешнем мировом сообществе зашёл слишком далеко и приобрёл угрожающие миру масштабы. Всё более заметным становится и то, что внутри огромного паразитирующего класса сегодняшних лишних людей образуется некая разрастающаяся и набирающая мощь «*чёрная дыра*» демонически втягивающего в себя греховного духа. Всё это создаёт реальную опасность того, что в неё, в эту зону пожирания чистой духовности, может быть стремительно и без остатка вытянут и весь наш пока ещё здоровый дух. В итоге человечество будет возвращено в доцивилизованное и докультурное, чисто варварское состояние - в царство первобытных животных инстинктов. Пассивно наблюдая за этим гибельным для человеческого духа процессом, мы становимся фактическими соучастниками некоего ритуального действа по подготовке к закланию живого человеческого духа. И нам во что бы то ни стало надо сбросить с себя оцепенение, выйти из полугипнотического транса, сорвать опутавшие нас духовные цепи толерантности, отказаться от навязанной нам роли зрителей на ритуальном процессе, символизирующем публичную казнь живого духа. Необходима борьба, причём жестокая и отчаянная. Она всё больше назревает – настоящая духовная битва подлинных героев протяжённого времени, сопоставимого с вечностью, с мнимыми героями одного дня, временщиками, «*калифами на час*», дорвавшимися до мировой власти и пытающимися остановить движение времён.

К чести западноевропейских мыслителей следует отметить, что угроза ослабления и деградации человеческого духа на Западе была замечена ими практически сразу и адекватная реакция на неё последовала вполне своевременно. В этом плане я хотел бы обратить внимание на британского писателя, историка и философа-нравственника Томаса Карлейля (1795-1881), автора многотомных исследований - «*Французская революция*», «*Герои, почитание героев и героическое в истории*», «*История жизни Фридриха II Прусского*». Исповедуя рамантический культ героев, которые своими делами исполняют божественное предначертание и двигают человечество вперёд, он выступил с резким протестом против духовного засилья и фактического социального господства толпы обывателей, озабоченных исключительно максимальным удовлетворением своих сиюминутных потребностей. Земное бытие духовно цельного человека Карлейль сам воспринимал и пытался утвердить в западном обществе как образ жизни открытый, мужественный, чуткий, ориентированный на добро и бескомпромиссно отвергающий зло. Превыше всего в человеческом обществе он ставил обострённое чувство справедливости. «*На свете,* - писал он, - *нет ничего, кроме справедливости, и одно только сильно в сем мире – то, что справедливо, то, что истинно*». Однако его попытка облагородить и смягчить жёсткий курс англо-саксонской и мировой бездуховной прагматики была гласом вопиющего в пустыне. В западноевропейском и особенно американском обществе восторжествовала бездуховность, прикрываемая фиговым листком формализованной веры в Бога, культа абсолютистской свободы и идеалами глобалистской демократии.

По пути героизма пошли лишь духоборцы вечно отсталой и вечно варварской России. Мой университетский учитель, профессор исторического факультета МГУ Михаил Герасимович Седов опубликовал в 1966 году научный труд с символическим названием – «*Героический период революционного народничества*». Противопоставляя российских революционеров-народовольцев, поставивших на карту борьбы за народное счастье свою собственную жизнь, российским же демократам-землевольцам просветительско-либералистского толка, он на свой страх и риск присвоил народовольцам

звание героев новой российской истории. Чем, естественно, возмутил ортодоксальных апологетов большевизма, считавших исключительно Ленина и его боевых соратников подлинными и единственными героями не только российской, но и мировой истории. Однако, акцентируя внимание на когорте исключительно деятельных неординарных личностей, превративших свою жизнь в акт подвижнического самопожертвования, Седов, как и все советские историографы, не хотел замечать того, что народовольцы, социалисты-революционеры и большевики, вовсе не были подлинными героями российской истории. Перескочив за рамки бытового героизма сегодняшнего дня, они попытались стать героями дня завтрашнего. Это были в своей сути герои-дезорганизаторы, герои-разрушители сегодняшнего дня, у которых первоначально горевшие в их сердцах любовь и человечность были полностью вытеснены в ходе кровавой борьбы ненавистью и бесчеловечностью, в том числе и в отношении боготворимого ими народа. Ангелы русского духа уступили место «*бесам*», а защитники русской души превратились в её насильников.

6

Сегодня Россия, как никогда, нуждается в героях, но героях подлинных, героях русского духа. И не в какой-то кучке жертвенных героев-романтиков, а в целом классе людей героического русского духа – духа мужественного, неизбывного, непоказного и негасимого. Говоря о героях русского духа, я не имею в виду людей исключительно русской национальности. За тысячелетие российской истории русский дух настолько впитался в дух Отечества и укоренился в нём, что стал достоянием всех лучших людей страны, независимо от их пола, национальности и даже страны реального проживания и фактического гражданства. Русская народная пословица – «*люблю молодца и в татарине*» - как нельзя лучше выражает этот основной принцип и важнейший критерий русского духа. Неважно, какой ты национальности, веры или в какой части света ты проживаешь на сегодняшний день. Главное, чтобы ты был молодцем в своём духе. Чтобы душа твоя была жива и молода. Чтобы у тебя хватало мужества и силы духа сражаться за сокрытые в твоей душе любовь и добро. Чтобы ты был готов и способен противостоять духовно засасывающей житейской рутине и всевозможным жизненным препятствиям, чинимым злобным и завистливым греховным духом.

Мерилом качественности русского духа на Руси и в России всегда был мужчина. Но не самец или мужская особь вообще, а человек, неукоснительно соблюдающий «*чин*» мужа. Мужем же на Руси именовался вовсе не любой человек мужеского пола, а только наиболее достойный из них, способный быть примерным семьянином в мирной жизни и отважным воином на поле битвы, без раздумий жертвующим собой ради близких ему людей и во славу своего Отечества. Его можно было бы уподобить французскому рыцарю или английскому джентльмену. Но последние носят на себе слишком большой налёт литературщины и романтики, в то время как русский муж всегда был явлением вполне реальным и жизненным. В американском фильме «*Бронкская история*» герой Роберта де Ниро, обычный водитель городского маршрутного автобуса, говорит своему сыну, подпавшему под влияние главаря местной мафии, примерно следующее: если ты считаешь героем бандита с пушкой в руках, трусливо убегающего от полиции, то ты глубоко ошибаешься; настоящим героем является простой водитель автобуса, встающий в пять часов утра и изо дня в день выполняющий свой скромный, но очень ответственный долг перед семьёй и людьми, несмотря на какие бы то ни было житейские обстоятельства. Русский мужчина-муж и был во все века этим незаметным, но предельно ответственным служителем Времени, который вёл свой символический автобус твёрдой рукой через все невзгоды непростой российской истории.

Здоровый дух русского человека подразумевает его полную открытость миру, бескорыстие и самоотверженность, способность и готовность адекватно настраиваться на всеобщую духовную волну, чуткость к общечеловеческим болям и страданиям,

стремление сопереживать всем страждущим и делиться с ними последней рубашкой. Именно воззванием к сострадательной мировой душе русского народа и резонансным обращением к помешанному на справедливости мятежному русскому духу Ленину и большевикам удалось втянуть в целом политически пассивного и ментально недоверчивого русского крестьянина в гибельную для него социалистическую революцию. И не только вовлечь, но и образовать из него целый класс одухотворённых русских людей, духовность которых, внешне укладываясь в прокрустово ложе общенародной коммунистической идеологии, в своей сути была вполне ощутимым проявлением всё того же неистребимого особого русского духа. И именно этому скрытно бунтующему, неискоренимо мятежному здоровому русскому духу Россия обязана своим воскрешением от атеистической мертвечины и ненавистнической идеологической косности. Отстоявшись и отфильтровавшись в течение семидесяти лет от внешних агрессивных духовных влияний и внутренних сомнений и колебаний, здоровый русский народный дух обрёл свою былую силу и легко сбросил с себя и с России коммунистический режим и цепи идеологического духовного рабства.

7

Рождённый и постоянно возобновляемый в суровой русской земле и отображающий в себе терпкий дух этой земли мужественный русский дух в своём концентрированном виде жёсток и суров. В обобщённом плане его можно охарактеризовать как дух борьбы, причём борьбы бескомпромиссной – «*не щадя живота своего*». Постоянно испытуемый беспримерно трудными жизненными обстоятельствами, он обрёл мощный потенциал сопротивления и преодоления. Непрерывно подверженный давлению извне, он в дни испытаний выработал в себе способность необыкновенной стойкости и непоколебимости. Терпя многие беды от капризов природы, предательства и вероломства своих соседей, он накопил немалый заряд императивной категоричности, обидчивости и гневливости. Находящийся в бесконечной борьбе и сражениях, он выработал в себе боевые качества грубости, воинственности, непримиримости и беспощадности. Долгое время угнетаемый и подавляемый, он укоренил в себе черты упрямства, непокорности и бунтарства.

Однако в русском духе имеются и некие как бы не совсем характерные для него черты, необъяснимые с точки зрения российской природы и нелёгких жизненных обстоятельств. Наперекор суровой действительности русский дух под оболочкой внешней жёсткости и акцентированной воинственности веками таил и сохранял в себе как некую сокровенную тайну необычайную мягкость и миролюбие. Сожительствуя в законном браке с доброй и чувствительной душой, он и сам сущностно был склонен больше к доброте и дружелюбию, чем к злу и враждебности. Пожалуй, как никакому другому национальному духу здоровому русскому духу присуща потребность в товариществе и братстве. Причём в подлинном товариществе - как символе добрых и прочных индивидуальных отношений людей и настоящем братстве - как факторе общей принадлежности к одному духовному племени и даже к общему роду человеческому. Эту черту русского духа в разное время называли по-разному – дух общины, дух соборности, дух коллективизма, дух коммунизма. Но когда-то, ещё в так называемые рюриковские времена, эта духовная черта реализовывалась как нельзя более полно и точно в понятии дружина, которое имело как воинский аспект, так и чисто духовное воплощение, символизируя атмосферу нерушимой верности, неколебимой преданности и неаффектированного самопожертвования во имя общих благих целей. Возрождаемый ныне Русской православной церковью принцип соборности будет иметь успех в борьбе с разлагающим воздействием либералистского индивидуализма только в том случае, если он будет способствовать возрождению в русском народе органично присущего ему гражданственного духа товарищества и братства.

Неотъемлемым духовным свойством русского человека является его великодушие. По силе и концентрации в народном духе этого редчайшего человеческого свойства русскому народу тоже, пожалуй, нет равных в мире. В его основе лежит корневая доброта и незлобивость. А уже из них проистекают щедрость и гостеприимство, доверчивость и неискоренимое желание жить со всеми в мире и дружбе, милость и всепрощение к поверженному врагу, склонность к бытийному компромиссу, неприхотливость жизненного уклада, неукоснительная верность взятым на себя обязательствам, бескорыстная помощь людям и народам, попавшим в беду. Народная формула «*чем можем – поможем*», лишённая какой бы то ни было аффектации, является действенным принципом русского добролюбия и практической добродетельности русского народа. Пронизанный токами великодушия глубокий и спокойный русский патриотизм (в отличие от крикливого, так называемого квасного патриотизма) базируется на таящемся в недрах русской души чувстве самоуважения и любви к своим близким, привязанности к родным краям, неотделимости от своего простодушного и грубоватого народа, а также от своего жаждущего всемирной славы горемычного Отечества.

8

Русский дух (как, впрочем, и дух любого другого народа) – явление многогранное и неохватное. Как ни исследуй его, он вряд ли будет до конца ясен и понятен. Вот уже много веков русские народные сказители, летописцы, поэты, писатели, музыканты, художники пытаются добросовестно отобразить в своих многочисленных произведениях феномен русского духа, но он остаётся по-прежнему неисчерпаемым. Поэтика русских народных сказок, героических русских былин, вся русская классическая и советская поэзия, стихи и проза русских эмигрантов прошлого века, классическое и современное русское искусство – всё это наглядные свидетельства не только необычайной жизненности женственной русской души, но и неукротимого буйства мужественного и добродетельного русского духа. Думается, этот мощный выплеск неукротимого русского духа оставит свой заметный след не только на пиковых вершинах нашего страдальческого прошлого, но вполне проявит свой неисчерпаемый потенциал в нашем трудном настоящем и принесёт свои благоуханные плоды в неясном пока будущем нашей страны и мира в целом.

Нас сегодня стараются убедить в том, что современные русские уже не те и их непокорная духовная мятежность – не того свойства. Разумеется, мы, сегодняшние русские люди, существенно отличаемся от тех цельных и могучих духом натур, какими были наши далёкие и совсем недавние предки, беззаветно и самоотверженно отстаивавшие и отстоявшие наше Отечество. Но ведь и наши предки вовсе не были ангелами или дивами, а являлись обыкновенными русскими людьми, со всеми присущими им слабостями и недостатками. Однако под этой внешней оболочкой обыкновенности и приземлённой простоты они умудрялись сохранять в глубинах своего сердца полноценную русскую духовную сущность, не тратя её попусту по мелочам, а выплескивая разом и без остатка в минуты чрезвычайных испытаний - своих собственных и своего Отечества. Обрушившиеся на Россию в девяностые годы прошлого века цивилизационная бездуховность и либералистская антикультура привели к духовному перерождению целого слоя русских людей. Но и подобную смуту (временный надлом) русского духа мы в своей тысячелетней истории уже неоднократно переживали. Думается, переживём и сейчас. Помнится, в советское время принципиально важным для руководителей государства считался вопрос, насколько прочно прижились в стране коммунистические идеи и возможен ли откат в прошлое, возвращение к иным идеологическим и духовным ценностям. И, разумеется, делалось всё для того, чтобы социализм в России победил окончательно и бесповоротно. Тем не менее, социализм рухнул, причём в большевистском, сугубо насильственном виде – окончательно и бесповоротно.

В статье «*Чего мы ожидаем от наших пастырей?*» Иван Ильин писал: «*Нам нужен искренний и откровенный исповедник, ничем и ни в чём не подкупный, не алчный, бесстрашный пред сильными и свободный от властолюбия; нам нужен живой очаг христианской совести с чистым пламенем и кротким светом*». Это не образцового пастыря описал Ильин, а подлинного героя русского духа, неподвластного времени, устойчивого и неколебимого к соблазнам, бесстрашного и кротко мужественного, нераболепного перед сильными мира сего и не жаждущего утверждения собственной власти в своём ближайшем окружении. Этот типаж сегодня редок. Более того, нас убеждают, что он, подобно мамонту, давно уже вымер. Но это не так. Просто до сегодняшнего дня он не был востребован в России и в мире. Однако он есть, он жив, он таится пока в глубинах народной души и неприхотливого народного духа. Скоро сработает исторический таймер, прозвенит резкий и пронзительный звонок, и он появится. А как только появится, сразу станет не только искренним и откровенным исповедником, но и пастырем всех мужественных благородных душ и по-настоящему добродетельных мужей. Этим божественным актом будет произведена смена времён, означающая конец властвования героев сегодняшнего дня. «*Dura lex, sed lex*», - говорили древние латиняне: «*Закон суров, но это – закон*».

* * *

Определяя взаимосвязь живой русской души и живого русского духа, я усматриваю в них вовсе не антиподов или врагов, а, наоборот, надёжных союзников и, по сути, ближайших родственников. Они видятся мне даже не как связанные формальным браком жена и муж, а как сестра и брат, происходящие от одних и тех же родителей, неразрывно духовно связанные друг с другом и навечно объединённые одной и той же жизненной судьбой. Проиллюстрировав живую русскую душу сестрицей Алёнушкой, я решил оттолкнуться и в характеристике живого русского духа от образа её братца Иванушки. Он, как и Алёнушка, тоже сын царя и царицы и тоже сирота. Ему уготована та же участь испытать в этом мире горькую сиротскую долю и рано отправиться в люди в поисках человеческого счастья. Но в отличие от стойкой и терпеливой старшей сестры младший братец не только мал и зависим от неё, но ещё и недостаточно терпелив. Его постоянное нытьё от жажды можно принять за капризность, а нарушение категорического запрета – за безответственность, проявление непокорности и своеобразного протеста. Превратившись в козлёночка (народная кара за непослушание), братец становится обузой для своей красивой и в высшей степени добродетельной сестры. Но он же в конце концов является и её фактическим спасителем, продемонстрировавшим неколебимую верность и преданность сестре даже после её гибели. Именно эти его качества и дают возможность не только отыскать погибшую сестрицу, но и сказочно воскресить её.

Пожалуй, главной отличительной чертой сказочного братца Иванушки по сравнению с сестрицей Алёнушкой, символизирующей русскую душу, является его непостоянство и способность превращаться в нечто совершенно несвойственное человеку. Ведь по ходу своего сказочного страдальческого пути Иванушка мог по заговору колдуньи сначала превратиться в телёночка, потом - в жеребёночка, затем - в баранчика и, наконец, - в поросёночка. Его внутренних сил сдерживания и увещеваний благоразумной сестры хватило на то, чтобы удержаться от всех этих первичных соблазнов. Сломался он лишь на последнем испытании, когда терпеть жажду уже стало невмоготу и когда Иванушке, по сути, стало безразлично, во что он превратится, испив заговоренной водицы. Во втором варианте сказки Иванушка, превращённый не в козлёночка, а в баранчика, в конце концов обретает свой изначальный человеческий облик. В остальных же сказках он так и остаётся в животном образе. Но у сказки-притчи иногда важнее не текст, а подтекст. Ведь козлёночек, по логике вещей, только до определённой поры остаётся таковым. Постепенно вырастая в нечеловеческих условиях, он не только

способен, но и должен превратиться в злобного козла, способного забодать и волка, и человека. Весь вопрос в возможностях своевременного обретения Иванушкой своего первоначального человеческого образа, а они, по смыслу сказки, зависят исключительно от внешних обстоятельств.

Терпеливо-мятежный здоровый русский дух по ходу продвижения русского человека по своему жизненному страдательному пути менял свой внешний облик уже столько раз, что восстановить его первоначальный вид представляется почти невозможным. Не только на Западе, но нередко и в России здоровый русский дух ассоциируется с образом медведя. При этом на Западе делают упор на способности этого животного месяцами лежать в своей берлоге, спать и мирно посасывать во сне свою лапу. В России же медведь представляется царём зверей и всесильным хозяином русских лесов. В России знают за медведем одну непрятную особенность. Поднятый из своей берлоги среди зимы и неубитый охотниками медведь превращается в злобного и мстительного шатуна, вторгающегося в человеческое обиталище и угрожающего жизни всех людей, встречающихся на его пути. Однако писатель Сергей Аксаков записал со слов своей кормилицы сказку «*Аленький цветочек*», в которой чудовищный зверь лесной под влиянием любви превращается в сказочного принца. Таким образом, всё дело не в самом «*медведе*», а в отношении к нему. Хотите его убить – получите злобного и мстительного шатуна, способны полюбить его внутреннюю сущность – к вам явится красавец-принц, воплощение всех человеческих добродетелей.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. РУССКИЙ ХАРАКТЕР – НРАВ ИЛИ НОРОВ?

Я тебе по-русски отрежу, напрямик.
В драку идти – не жалеть волос.
Русский задора ждёт.

Русские пословицы

1

Александр Минкин, восхищавшийся исчезающей русской душой, говоря о характере русского человека, коротко и просто заявил, что он - «*огорчает*». Причём, по-видимому, огорчает не только лично его, журналиста Минкина, а всех рафинированных либералов-платоников вообще, да и весь западноевропейский цивилизованный мир в целом. Зная (по книгам!) мировую душу русского человека, они, либералы-платоники, как и все цивилизованные люди, по-видимому, ожидали найти больше сладости, больше позитива в русском характере, но в реалии нашли только сплошной негатив. Этот обескураживающий факт чрезвычайно огорчил наших либералов-гуманистов, либералов-доброхотов, всю жизнь проживших бок о бок с нами. И это притом, что вот уже двадцать лет русский человек буквально на их глазах только и делал, что изо всех сил старался угодить Западу, раскаиваясь во всех своих прежних и будущих грехах и стремясь всеми способами ему понравиться. Невольно приходит на ум анекдот о неком пропащем человеке, который вдруг решил исправиться, избавился от всех своих пороков, но так и не обрёл счастья. Воззвав к Богу с недоумённым вопросом, он получил обескураживающий ответ: «*Ну не нравишься ты мне!*». Может быть, и у либералов дело не столько в реальных достоинствах или недостатках русского человека, а в том, что реальный русский человек не нравится им сейчас и никогда не понравится господам либералам именно в силу этой своей реальности и органической непохожести на них?

Что же больше всего огорчает либералов вссего мира (и наших – в первую очередь) в характере русскго человека? И должны ли мы сами огорчаться на свой счёт? Разбирая по косточкам русский характер, Николай Бердяев, долгие годы проживший на Западе и научившийся смотреть на русского человека придирчивым взглядом европейца, отметил в

качестве главного недостатка наличие в нём противоположных свойств. Для подтверждения этого тезиса он выстроил такие антиподные пары черт русского характера, как деспотизм и вольность, жестокость и мягкость, обрядоверие и искание правды, индивидуализм и безличный коллективизм, национализм и всечеловечность, искание Бога и воинствующее безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт. При этом философ, гордившийся объективизмом, прямотой и жёсткостью своих суждений, позитивные черты русского характера отметил как бы мимоходом, для порядка, для выстраивания классической антитезы, а негативным свойствам придал подчёркнутую жёсткость, создающую впечатление крайнего недовольства и категоричного осуждения. Это особонно подчёркивается тем, что в таких антиподах, как индивидуализм и безличный коллективизм, рабство и бунт, у него вообще отсутствует какой бы то ни было позитив, и русский характер предстаёт перед и без того критичным взором западного обывателя беспросветно диким и лишённым всякого смысла.

Верен или не верен такой подход к анализу характера русского человека? На мой взгляд, совершенно не верен. Это всего лишь схема, каркас, одномоментный снимок, сделанный под определённым ракурсом (либерально-западническим в своей сути) и очень жёстко отретушированный. Более того, это даже не фотографический, а своего рода рентгеновский снимок, чётко отображающий лишь скелет русского характера и смутно-контрастно вырисовывающий другие его жизненно важные органы. Если сгруппировать весь бердяевский позитивизм, якобы присущий русскому характеру (вольность, мягкость, искание правды, искание Бога, всечеловечность), то и эти самоценные качества русского характера вряд ли обрадуют западного человека вообще, а либерала – в особенности. Присовокупив же к ним весь характеристичный негативизм (деспотизм, жестокость, обрядоверие, безличный коллективизм, национализм, воинствующее безбожие, наглость), Бердяев в целом продемонстрировал западноевропейскому цивилизованному человеку некоего русского монстра, от которого надо держаться как можно дальше. Философ берёт в сопоставлении исключительно грубо и наугад выдернутые крайности русского характера и даёт их в увековеченной статике.

2

И это очень странно для русского философа, так как даже вовсе не маститый, а наоборот, очень молодой иностранец, канадец Джон К., участвовавший в российском интернетовском форуме, в качестве главной особенности русского характера отметил именно его необычайный динамизм, его исключительную живость, его вечное нестабильное состояние. Об этой действительно очень специфической черте русского характера упоминал прекрасный знаток русской души и русского характера наш драматург Александр Островский, один из героев которого (богатый подрядчик Хлынов в комедии «*Горячее сердце*») весьма красноречиво говорил: «*Ты почём мою душу можешь знать, когда я сам её не знаю, потому это зависит, в каком я расположении*». По смыслу фразы это его расположение (состояние духа) до такой степени подвержено внешним влияниям и до такой степени текуче само по себе, что уловить его, а тем более верно отобразить, не представляется никакой возможности. В реальной жизни в русском характере причудливо смешиваются черты женственной русской души и мужественного русского духа. И очень трудно определить их пропорции, особенно в конкретных людях. В одном довлеет душевность, в другом – духовность. А третий может не иметь вовсе ни того, ни другого, а быть откровенно грубым и наглым. Душевность и духовность в одном и том же человеке имеют свойство постоянно убывать и прибывать и даже меняться местами. И слишком много во внутреннем состоянии русского человека зависит от его сиюминутного настроения, от стечения обстоятельств, от влияния окружающей среды.

Слово «*характер*», заимствованное из французского языка и означающее в нём по преимущетсву «*особенность*», пришло в литературный русский язык, скорее всего, из дворянской среды, любившей щеголять французскими манерами и французскими

словечками. В русском языке этому французскому понятию более всего соответствует слово «*нрав*». Но в отличие от рациональных французов, стремившихся объективистки определить основные черты (особенности) реальной натуры того или иного человека, русские люди всегда вкладывали и до сих пор вкладывают в оценку личности больше субъективизма, чем объективизма, больше эмоций, чем разума. Они не просто всматриваются в другого человека, а как бы просвечивают его, препарируя все проявления его личности по принципу нравится - не нравится, с тем чтобы затем вынести окончательный синтезирующий вердикт - нравится этот человек в целом или не нравится, достоин он доверия или лучше от него держаться подальше. Если во французской оценке чужой личности довлеет ум и в целом исключительно ментальный подход, то русский человек в восприятии другого человека даёт волю своим чувствам, стремясь в первую очередь прощупать собственной душой душу другого человека. Во французской оценке степень верности восприятия другого человека зависит исключительно от опытности и развитости ума испытующей личности. В русской же оценке её качество определяется вовсе не силой ума, а подлинными качествами самой испытующей души. Не случайно поэтому в русской литературе и даже в российской исторической практике самыми проницательными и подлинными ценителями качеств человека являлись нередко так называемые юродивые – люди, обделённые умом, но обладающие полноценным богатством кристально чистой, незамутнённой временными наслоениями души.

Так получилось, что в силу приоритета в нём именно души реальный, живой, жизнестойкий русский характер, именуемый нравом, означал и до сих пор всё ещё означает прежде всего комплекс позитивных свойств человека. К доброму нраву обычно относили и привычно относят сегодня те, по Бердяеву, «*мягкие*», весьма пластичные душевные черты личности, которые не могут не нравиться всем людям без исключения, приходясь им «*по душе*» и вызывая уважение даже у врагов. Русский человек в этом отношении, может быть, самый честолюбивый славянин из всего славянского племени, так как готов жертвовать всем, даже своей жизнью, ради доброй славы. Чтобы нравиться окружающим (как внешне, так и сущностно), он способен не по принуждению, но совершенно добровольно наложить на себя «*епитимью*» самой чудовищной духовной аскезы, буквально задавливая в себе любые проявления негативизма. По-видимому, именно таких мягких качеств характера и ожидали от русского человека наши либералы-платоники, странным образом полагавшие, что после всех унижений и лишений гайдаровско-западнической шоковой терапии, жестоко обрушенной на россиян, освобождённый от коммунистической тирании русский человек станет идеально нравственным. Этаким безобидным и ласковым телёнком, не требующим отнятого у него натурального молока, покорно хлебающим вместо него навязываемые ему либеральные помои и ласково лижущим их добрую руку, протягивающую ему в своих щедротах кусочек хлеба.

3

Но такая идиллия в дикой природе встречается редко, а в природе человека её вообще не бывает. Даже благоухающая роза, помимо своей идеальной красоты, наделена ещё и далёкими от идеала, острыми и колкими шипами. Такими шипами в характере русского человека является так называемый норов. Понятие норова вбирает в себя наиболее жёсткие, агрессивные, прямо-таки перпендикулярные свойства русского духа. Норовистый конь в русском языке означает животное чрезвычайно строптивое, злобное, неуправляемое. Применительно же к человеку определение норов используется, как правило, при характеристике совершенно одиозной личности, проявляющей в человеческих отношениях свои подчёркнуто грубые, циничные и, по сути, животные качества. Однако при определённых обстоятельствах (ненормальных в своей сути или своих внешних проявлениях) и вполне нравственный русский человек может осознанно позволить себе проявление норовистости, заложенной в нём где-то на генном уровне.

Особенно это касается случаев проявления явной несправедливости, откровенной недоброжелательности или демонстративной неуважительности, унижающих достоинство человека и требующих жёсткой ответной адекватности. Вообще говоря, понятия нрав и норов в житейской практике русского человека весьма относительны, так как зачастую являются оборотной стороной друг друга: нрав – норова, норов – нрава. Русский человек, обладающий обострённым чувством собственного достоинства и справедливости, по самой своей природе не может только нравиться всем людям без исключения, но обязательно должен уметь постоять за себя. Ему без норова никак не обойтись. В противном случае он попросту оказывается так называемой бесхарактерной личностью, в простонародье именуемой «*тряпкой*».

Понятие характера, по-видимому, потому сначала задержалось, а затем и укоренилось в русском языке, что оно, снимая антиподность нрава и норова, вобрало в себя весь комплекс противоречивых свойств русского человека. Включая сюда не только их полярный позитивизм и негативизм, но и всю их срединную мешанину, характерную для русского человека в обыденных обстоятельствах. Возьмём, к примеру, такую черту характера русского человека, как доброта. Русский философ-эмигрант Николай Лосский относил эту черту к числу первичных свойств русского народа и называл её не просто добротой, а «*выдающейся добротой*». То есть не просто укоренённой в русском человеке, а пребывающей в нём в особо концентрированном виде. Доброта вместе с любовью и терпением входит в триаду базовых ценностей русской нравственности и составляет фундаментальную позитивную основу русского характера. Тем не менее, доброта в русском человеке – явление сложное и неоднозначное. В западном понимании ему, по сути, нет аналогов. Например, во французском языке русское понятие «*добрый*» определяется словами «*хороший*», «*бравый*», «*любезный*». Это всё около, но вовсе не то. Альтруизм, гуманизм, либерализм и тому подобный морально-этический позитивизм, столь ценимый в разные времена на Западе, не имеют ничего общего с русской добротой. Они – сентиментальные плоды сухой западной рассудочности. У нас же доброта есть самоточное и самопроизвольное истечение, а порой и извержение самой сути русской души, не подверженное ни моде, ни доводам разума. Самый чёрствый и жестокий русский человек таит в глубинах своей души, подобно Змею Горынычу, жало доброты. Обломи его, этот кончик иглы - и мгновенно наступает смерть русского человека. Неважно – физическая или духовная, но она обязательно наступает, независимо от того, осознана она человеком и окружающими его людьми или нет. Мёртвые души - это и есть в русском понимании личности, утратившие в первую очередь великий божественный дар доброты.

Однако доброта имеет в характере русского человека и свою оборотную сторону, напитывающую его норов. Добрый русский человек очень обидчив. Совершая добрый поступок, он обычно впрямую не рассчитывает на ответную благодарность, но подспудно надеется на некую нейтрализацию зла, хотя бы временно. Встречая же в ответ только неблагодарность, откровенную подлость и вероломство, добрый русский человек страшно обижается, нередко по-детски, до слёз. При этом он обижается, как ни странно, не столько на конкретного обидчика, сколько на весь мир, в котором возможна и допустима подобная несправедливость. Обижается и завязывает соответствующий узелок на память в своём норове. Добрый русский человек очень досадлив. Сделав доброе дело и получив в ответ проявления циничного зла, он досадует на самого себя, на свою глупость, на своё неуёмное стремление к доброй славе и добрым отношениям со всем миром. Досады эти вовсе небезобидны. Проявляемые раз за разом, они откладывают негативные зарубки на характере русского человека, привнося в его норов элементы недоверчивости, подозрительности, скрытой враждебности. Добрый русский человек очень гневлив. Не находящие выхода в обыденной жизни постоянные обиды и досады по мере их накопления становятся всё более нестерпимыми и прорываются бурным и неконтролируемым выплеском яростного негодования, подобного извержению вулкана. Периодические вспышки гнева, укрепляют в норове русского человека элементы

духовного опустошения, скепсиса и отчуждённочти от всего мира. Сами по себе обида, досада и гнев, исторгнутые стремительно и одномоментно из души доброго русского человека, нисколько не вредят здоровой органике русской доброты и не портят его цельного нрава. Но затаиваемые внутри, не находящие выхода вовне обидчивость, досадливость и гневливость накапливают и консервируют в норове русского человека черты раздражительности, недовольства, недоброты и преобразуют доброту нрава в злобность и жестокость норова.

4

Самое удивительное в характере доброго русского человека является то, что он вовсе не стремится быть добрым. Истинная доброта русского человека заключается не в его желании постоянно творить добро (это удел так называемых святых – людей не от мира сего), а в том, что он по самой своей природе не способен быть злым. «*Русские люди*, - отмечал Фёдор Достоевский, - *долго и серьёзно ненавидеть не умеют*». В русском человеке вовсе нет внутренней агрессии. Он начисто лишён коварства, подлости. Все многочисленные войны, которые он вёл на протяжении своей долгой истории, были либо прямым отпором нападавшему врагу, либо превентивной мерой в отношении потенциального недоброго соседа, постоянно досаждавшего ему своими откровенными подлостями и мелкими пакостями. Именно поэтому русский человек никогда не был и не считал себя тем «*добрячком*», которого можно разжалобить или недобросовестно использовать в своих интересах в любое время и по любому поводу. Все русские летописцы по существу были заняты тем, что скрупулёзно считали обиды, причинённые русскому человеку в конкретные времена и вполне определёнными недругами. И вели они этот учёт вовсе не для бухгалтерского порядка, а чтобы морально обсновать возможную ответную меру жестокости, либо дать фактическое право своим потомкам предъявить в будущем общий счёт врагам Отечества. Но, разумеется, также и для того, чтобы отплатить добром за когда-то проявленное добро.

В реальной жизни у русской доброты и тесно связанного с ней стремления к справедливости есть одна особенность. В своей сути замешенная на доброте справедливость означает в русском понимании некую праведную деятельность, воспринимаемую как действия и поступки, основанные на убеждённости не только в собственной правоте, но одновременно учитывающие и правоту других людей. Заботясь о собственном достоинстве, русский человек вовсе не склонен унижать достоинство других людей. Он просто отвергает зло и несправедливость не только ментально и эмоционально, но и всей своей внутренней самодостаточностью доброты, а также сущностно присущей русскому характеру незлобивостью. Современный российский писатель Алексей Иванов определяет эту черту русских людей следующими словами: «*Те, кто не идёт убивать, воровать или пресмыкаться, и являются носителями русских ценностей. Они – позвонки хребта*». Принцип подлинной доброты и истинной справедливости в этой фразе намеренно огрублён, но именно в силу того, что дан с учётом жестоких реалий нашего времени. К библейским заповедям «*не убий*» и «*не укради*» здесь добавлено, можно сказать, антибиблейское - «*не пресмыкайся*». Но эта новая заповедь очень важна для русского человека особенно в нынешних обстоятельствах, настоятельно требующих от него поступиться своим внутренним достоинством во имя материального преуспеяния, причём вплоть до потери облика человеческого. По-настоящему доброму русскому человеку исключительно важно сегодня сохранить свою сущностную незлобивую самодостаточность. А для этого он не только не должен брать ничего чужого (чужого имущества или чужой жизни), но и сохранить достоинство укоренённой в нём доброты, не унижаясь перед ворами и убийцами и не изменяя позитивности своего характера в угоду навязываемым ему негативистским чужим мнениям, чуждым убеждениям и сугубо меркантильным практическим интересам.

В силу своей сущностной жалостливо-обидчивой доброты и неотделимого от неё вспыльчивого чувства справедливости русский человек категорически не приемлет ни неразборчивого в своих проявлениях абстрактного гуманизма, ни всепрощенческого бесхребетного альтруизма, ни снисходительного ко злу правозащитного либерализма. Он предпочитает добро с кулаками - то есть практическую помощь жертве при любых проявлениях несправедливости и против всех форм зла, в какую бы они личину ни рядились. При этом обмануть доброго русского человека очень трудно, практически невозможно. Отдающий приоритет прямому духовному контакту в оценке не только слов, но и поступков людей, по-настоящему добрый русский человек легко читает зло с листа, не позволяя усыпить себя лестью или смутить угрозами. Реакция, как правило, следует пусть и замедленно, но обязательно следует. Причём адекватная, может быть, не столько по форме, сколько по сути проявлянного зла. Взрывчатая и взрывоопасная гневливость русского человека есть ничто иное, как автоматическая реакция сострадательной русской души на чужую несправедливость. Многие тяготы своей нелёгкой судьбы русский человек воспринимает как проявления Божьего гнева именно за свои отступления от принципа доброты, а потому и Бог в русском понимании – это прежде всего гарант высшей и непогрешимой справедливости. Зачастую кажется, что подлинным богом для русского человека является именно гипертрофированная Справедливость, с позиций которой он, подобно библейскому Иову, осуждает иногда даже самого Бога.

5

Любовь, как и доброту, тоже следует отнести к главным источникам русской нравственности и корневым позитивным свойствам русского характера. Указывая на эту особенность русского характера, русский народ в своих пословицах утверждал: «*где любовь, тут и Бог*»; «*Бог – любовь*»; «*нет того любее, как люди людям любы*»; «*нет ценности супротив любви*»; «*совет да любовь, на этом свет стоит*». Судя по приравниванию любви к Богу, а Бога – к любви, любовь не только в характере русского человека, но и в его жизненном кредо имеет абсолютистское значение. Высоко ставили любовь в нравственной табели о рангах и в реальном характере русского человека русские мыслители. Говоря о всечеловечности русского характера, Николай Бердяев, по-видимому, отождествлял её именно с любвиобильностью русского человека, его стремлением и способностью дарить любовь всему человечеству. Идея о «*положительном всеединстве*» человека и человечества – это не только любимая мысль русского философа-нравственника Владимира Соловьёва, но и его вера во всепобеждающую мощь любовного чувства русского человека и объединительную силу подлинной любви. Утверждая, что «*красота спасёт мир*», Фёдор Достоевский, думается, в первую очередь имел в виду красоту духовную, красоту любящего сердца, расцветающего в порыве любви и дарящего миру её божественную благодать.

Как и доброта, любовь в характере русского человека самопроизвольна и самопроизводна. Проистекая из мироприемлющей и умиротворённой русской души, в русском духе любовь приобретает форму страсти, необузданной увлечённости объектом любви. Тем самым она питает одновременно и нрав русского человека, и его норов. Генеральный директор телеканала «*Домашний*» Наталья Билан с явным неодобрением заметила: «*В нашей стране насмерть любят и насмерть ненавидят*». Заметим, в сказанном нет причастного «*мы*», а содержится исключительно отстранённое «*в нашей стране*». И хотя произнесённые ею слова вроде бы согласуются с характеристикой нашего поэта-классика Алексея Толстого («*Коль любить, так без рассудку…*»), у Билан они, в отличие от русского поэта-лирика, поэта-романтика, имеют сугубо отрицательную оценку. Смысл её слов заключается в подтекстном утверждении, что именно русские люди не умеют нормально любить и что их чрезмерная любовь представляет смертельную опасность не только для них самих, но и для тех, кого они так сильно любят и так страстно ненавидят. Это гротескный, либералистски передёрнутый взгляд даже не на

русских, а на саму любовь вообще, которая в современном цивилизованном мире, по мнению исповедующих толерантность либералов-платоников, по-видимому, не имеет права на самопроизвольность и безрассудность, но должна быть введена в железобетонное русло узаконенных общественных приличий и умеренно рассудочной целесообразности. По сути, нам навязывается новый, весьма осовремененный вариант любви по расчёту, в которой рассчитывается не только материальная составляющая любви (хотя она ни в коем случае не упускается из виду), но и сама мера любви, которая ни в коем случае не должна выходить за рамки так называемой разумности, а по сути – бессердечной рассудочности.

Акцентируя преимущественное внимание на моментах влюблённости и элементах любовной страсти, наши либералы-платоники либо упускают из виду, либо сознательно закрывают глаза (скорее всё же последнее) на подлинное любовное чувство, органически присущее русскому человеку. Причём свойственное ему до такой степени, что без любви для него вообще теряется смысл человеческого существования. Совершенно не учитывается и фактически игнорируется тот факт, что возводимая ныне в культ непреходящая влюблённость (с непрерывной сменой объектов любви) и превращённая в жупел любовная страсть (обязательно с катастрофическим исходом) в органике русского любовного чувства всегда являлись всего лишь эпизодами. В русской духовной нравственной традиции платоническая влюблённость и чувственная любовная страсть, насаждаемые ныне в конвейрном производстве либеральной псевдокультуры, всегда брались исключительно в сопоставлении с великой ценностью подлинной любви. Они всегда служили лишь фоном и контрастом в отношении сильного, долговечного, стабильного и ровного чувства, характерного для натуры русского нравственного человека. Михаил Лермонтов признавался: «*Люблю Отчизну я, но странною любовью*…». Подлинная любовь русского человека - именно странная. Она проявляется вовсе не в молитвенном экстазе или слезливой сентиментальности, а в реальной жертвенной заботе о любимом человеке (или ином объекте любви), непреходящей тревоге за него, неизбывном волнении, бесконечных мучительных переживаниях и искренних душевных страданиях. Объясняя по-настоящему сильное, идущее из глубин души любовное чувство, простые русские люди поэтично говорили: «*тоска западает на сердце глазами, ушами и устами*» и «*ради милого и себя не жаль*». Такая любовь для наших нынешних душевно усреднённых (а по сути – оскоплённых) либералов-платоников уже не просто странная, а, по сути, запретная и преступная. Иначе чем объяснить массовую переделку шедевров русской классической литературы, глумливое их опошление и подгонку под стандарты подросткового примитивизма? На мой взгляд, только тем, что мелким, расчётливым душам практически невозможно объёмно воспринять и по достоинству оценить то сильное, напряжённое и неистребимо протяжённое любовное чувство, которым буквально пропитана вся русская классическая литература и всё русское искусство в целом.

6

Оборотной стороной любви, по Билан, является ненависть. «*От любви до ненависти – один шаг*», - утверждает и русская пословица. Но ненависть вовсе не характерна для позитивного русского нрава, а целиком и полностью принадлежит к характеристичным чертам русского норова. В нравственном кодексе русского человека ненависти как таковой нет, а есть просто нелюбовь, равнодушие, нежелание видеть конкретного дурного человека либо принимать близко к сердцу то или иное негативное явление. В русских пословицах эта черта устойчивого нравственного русского характера отображается следующим образом: «*откуда вред, туда и нелюбовь*» и «*откуда худо, туда и остуда*». Нелюбовь - это всего лишь простое отсутствие или, точнее, исчерпание любви, а остуда - постепенное охлаждение тёплого любовного чувства, медленное отмирание любви. Но не по причине внутреннего остывания неизбывно любящего русского сердца, а из-за непрекращающегося истечения худа (недоброжелательности и враждебности) от конкретного объекта любви. В этом-то и состоит важнейшая особенность позитивного

русского нрава. Его любовное чувство столь насыщено внутренне и столь всеобъемлюще в своих внешних проявлениях, что избирательно лишаются любви только те объекты, недостойность которых выявлена страдательным практическим путём. В русском нравственном характере нелюбовь вовсе не означает пассивное равнодушие, а есть действенное, практическое и в высшей степени жертвенное отлучение от любви.

Даже в русском норове антиподом любви является не столько ненависть, которая нацелена исключительно на врагов, демонстрирующих свою откровенную злобность, сколько презрение и нравственное негодование в отношении так называемых изменников - людей, предавших и осквернивших святое любовное чувство. Именно в силу этого измена относится к тягчайшим порокам русской нравственной души и грубейшим нарушениям русского нравственного кодекса. И именно в силу этого она является и одним из базовых свойств русского норова. Зуд изменничества питает оскорбление (действительное или мнимое - неважно) пылкого любовного чувства или пренебрежение им. Все изменники (как правило, исключительно эгоцентрические натуры) склонны преувеличивать чистоту и силу своей любви к другому человеку или к своему Отечеству. Одновременно они бывают слишком придирчивы и привередливы в оценке ответного чувства или внимания к своей исключительно значимой персоне. Им постоянно кажется, что они недолюблены или недооценены объектом своей любви или фетишируемого поклонения. Классическим примером русского норовистого изменничества является генерал Власов, избравший делом своей жизни воинское служение Отечеству, достигший на этом поприще весьма высокого положения, но в самый ответственный для Родины момент припомнивший свои личные обиды и посчитавший их вполне достаточными для измены своему народу и своему Отечеству.

Обеляя сегодня генерала Власова, якобы имевшего веские идеологические основания для своего предательства, наши либералы-платоники (странно, что к ним присоединились и некоторые представители Русской православной церкви), думается, вовсе не о нём заботятся. Они ищут оправдания собственной духовной отчуждённости от своих простых, душевно цельных и патриотичных соотечественников и от самого вскормившего их Отечества. Предъявляя своему платонически любимому Отечеству всё более нарастающие и противоестественные фактические требования и претензии, они на деле доказывают вовсе не силу своей практически несуществующей любви, а отстаивают своё исключительное право не любить его. Однако в реальности они просто скрывают свою великую тайну – собственную духовную импотентность, заключающуюся в неспособности любить кого бы то ни было в мире, кроме самих себя. Самый честный из них – мятежный и духовно мятущийся русский философ Александр Зиновьев, покинувший свою Родину по идейным соображениям, вдруг обнаружил и признался в том, что и на милом его сердцу Западе он чувствовал себя даже ещё более чуждым и отчуждённым, чем когда-то в России. Намного менее честные с собой, чем Зиновьев, заурядные представители российского среднего класса не спешат на Запад не потому, что у них недостаточно средств, а в силу того, что боятся оказаться и там никому не нужными людьми, причём прежде всего из-за своей духовной никчемности. Кроме того, они прекрасно знают, что «*там*» им за кусок хлеба пришлось бы драться или честно и кропотливо трудиться, а здесь можно просто подворовывать, причём не по мелочам, а в особо крупных размерах, ибо Россия – страна большая и в принципе богатая, и от неё, по их эгоистичному мнению, «*не убудет*».

7

К доброте и любви как фундаментальным свойствам русского нрава необходимо обязательно добавить терпение, ибо без него доброта и любовь были бы в русском характере лишены настоящей твёрдости и основательности, а сам русский человек без присущей ему осмотрительной терпеливости растерял бы качества мужественности и жизнестойкости. Иногда кажется, что терпение само по себе настолько ценно в русском

человеке, что стоит первых двух качеств русского характера, вместе взятых. Ибо без терпения русский человек как особо нравственная натура давно бы вымер. Николай Бердяев, по каким-то своим соображениям подменивший доброту мягкостью, а любовь – всечеловечностью, по сути, уподобил терпение русского человека к его склонности к рабству. Думается, это не просто грубая ментальная ошибка или терминологическая неточность, но самый настоящий подлог мстительной индивидуалистической личности по отношению к своему народу, пошедшему своим путём вопреки возлагаемым на него либералистским надеждам. Впрочем, такая лукавая в своей сути подмена понятий вполне соответствует западноевропейской духовно-ментальной традиции. Ведь всерьёз же доказывали некоторые западные так называемые учёные, что слово славянин производится не от древнеславянского и древнерусского слова слава («*честь*», «*похвала*», «*слух*», «*молва*»), а от французского «*esclave*», переводимого как раб. Навесив ярлык раба на всё племя славян, средневековые западноевропейские гуманисты не только утверждали своё духовное превосходство над ними, но и обосновывали агрессивные претензии Запада на их территории и возможное их последующее порабощение.

Терпение в характере русского человека многолико и многозначаще. Одним из самых очевидных его проявлений является удивительная терпимость к разного рода внешним неудобствам. Предъявляя претензии российским властям относительно грубых нарушений прав человека, гуманные западные правозащитники в ходе чеченской войны указывали на вопиющий, с их точки зрения, факт размещения туалетов в местах проживания чеченских беженцев «*за пределами*» жилого помещения. При этом почему-то умалчивалось, что вся сельская Россия до сих пор бегает по нужде в туалеты, расположенные во дворе. И считает такой образ жизни нормой, так как в многовековой традиции русского человека было принято «*не гадить в собственном доме*». Ибо неприхотливый в отношении внешних обстоятельств жизни русский человек необычайно ценит духовную чистоту и внутреннюю комфортность. Не боящийся стужи, грязи, разного рода природных катаклизмов, он больше всего страшится нечистоты собственной совести. Деревенская няня Левина в толстовской «*Анне Карениной*» говорит: «*Ничего, барин, было бы здоровье да совесть чиста*». Чистая совесть в духовном плане приравнивается Толстым к здоровью физическому. И это верно. Так уж повелось на Руси, что при необходимости выбора между внешними материальными удобствами и внутренним духовным комфортом уважающий себя русский человек всегда предпочтёт внешний дискомфорт мучительным угрызениям совести. Столь укоренившаяся в русской душе монашеская аскеза, о которой упоминал Николай Бердяев, сформировала русский характер предельно требовательным именно к духовной чистоте. Страстно жаждущий её русский человек даже на вершине своего жизненного преуспеяния вдруг бросает всё и уходит в монахи. Но порой даже этого ему мало. Став монахом, недовольный собой русский человек покидает обитель и идёт в скит, поселяясь среди дикой природы и терпя порой немыслимые лишения.

Выстраивая антитезу - деспотизм и вольность, Николай Бердяев, по-видимому, полагал, что выставляет напоказ Западу парадоксальность и нелепость русского характера, в которой наличествуют вместе столь несовместимые и непрмиримые противоречия. Но эти противоречия с удивительной лёгкостью примиряются и разрешаются в рамках масштабного и весьма динамичного в своём существе русского терпения. Русский человек потрясающе свободолюбив, причём свободолюбив абсолютно. Он жаждет не просто свободы (в западном понимании этого слова), а именно «*воли*», то есть полного отсутствия каких бы то ни было преград и ограничений. Сорваться со всех привязей, выйти в степь и идти куда глаза. И главное – чтобы никто при этом не посмел перечить его «*ндраву*». Прекрасно понимая неразумность и практическую невозможность реализации такого неуёмного желания свободы, русский человек свою тягу к воле закладывает в свой норов, а в нраве узаконивает терпение разумных ограничений своей свободы. Добровольно налагаемое на себя нравственным русским человеком бремя

терпимых ограничений есть лишь форма защиты столь дорогой ему внутренней свободы, но вовсе не отказ от неё. Русский деспотизм рождается вовсе не на базе прирождённой покорности колодочного раба, смирившегося во имя куска хлеба с навязанной ему извне вечной неволей, а на основе злоупотребления терпением непокорного и свободного в своём духе человека, добровольно во имя общей справедливости наложившего на себя бремя ограничений. Ответный бунт – это есть лишь мощный выброс до предела стеснённого несвободой независимого русского духа, в котором сливаются воедино и тяготеющий к воле русский норов, и жаждущий справедливости русский нрав.

8

Отдавая предпочтение во всём не внешнему, а внутреннему, духовному, нравственный русский человек не только доброту и любовь, но и свободу мыслит прежде всего духовно - «*не лезь в мою душу*». Ради этой внутренней абсолютисткой свободы (с его точки зрения - единственно стоящей и подлинной), нравственный русский человек готов откупиться чем угодно, пойти на любые жертвы и даже принять на себя любые узы рабства (тюрьма, гнёт, тирания), но не изменить себе, не склонить перед людьми или обстоятельствами свой исконно русский, абсолютно независимый дух. Завет «*не пресмыкайся*» означает сегодня для русского нравственного человека прежде всего воззвание к его традиционному терпению в неприятии деформирующих совесть внешних обстоятельств. И, думается, этот призыв не только своевременен, но и вполне уместен. К внешнему дискомфорту русскому человеку не привыкать. Более того, совестливого русского человека едва ли не суеверно пугает переизбыток комфортности. Нравственные русские люди и сегодня по традиции считают, что «*слишком хорошо, - это тоже нехорошо*». Умеренность во всём, особенно в отношении к материальным благам, - это тоже своеобразная аскеза мудрого русского терпения. «*Работай – сыт будешь; молись – спасёшься; терпи – взмилуются*», - гласит русская пословица. Работа, понятно, – для тела, молитва – для Бога, а терпение, скорее всего, - для людей. Ибо только они, норовистые русские люди должны и способны взмиловаться, оценив в конце концов по достоинству мужественную терпеливость русского нравственного человека и вознаградив её полной мерой ответного добра, а, возможно, и любви.

Терпеливость как одна из главных черт и достоинств русского нравственного характера и терпимость русского человека к разного рода внешним неудобствам не имеют ничего общего с так называемой толерантностью, хотя она и переводится на русский язык именно как терпимость. Заёмная, чужеземная либеральная толерантность не только не адекватна исконно русскому терпению, но и противоположна ему, является, по сути, его антиподом и антагонистом. Ибо она вторгается прежде всего в духовную сферу, требуя от дорожащей внешним комфортом и внешней свободой (к тому же очень иллюзорной) псевдонравственной личности непрерывных и бесконечных уступок в духовном плане. Условно свободный и материально успешный толерантный человек, по сути дела, обязуется добровольно обречь себя на духовное рабство, не позволяя себе ни гнева и даже тени неудовольствия по поводу иных верований, чужих мнений и чуждых ему нравов, какими бы абсурдными и дикими они ни казались и даже если бы они были таковыми на самом деле. Принявший как закон подобные чудовищные правила игры во имя возводимого в культ либерализма, русский человек действительно обрекается на полное и беспросветное рабство, лишается главной своей опоры – внутренней свободы. К тому же он становится совершенно беззащитным от любой внешней злонамеренности и агрессивности, прикрываемых маской участливого либерализма. Единственным выходом из этого противоестественного состояния и спасением от зловещей перспективы тотального либерально-демократического закабаления, многократно превышающего татаро-монгольское иго, остаётся русский бунт – «*ужасный и беспощадный*».

Бунт – это абсолютно крайняя мера, которой страшится духовно кроткий нравственный русский человек и которой так страстно жаждет мятежный русский норов.

Нравственный русский человек без конца надеется на то, что «*терпенье и труд всё перетрут*» и что «*за терпенье даёт Бог спасенье*». А норовистый русский человек всё это время нашёптывает ему: «*сколько ни искать, а милости у людей не сыскать*» и «*лучше пропасть, чем терпеть злую напасть*». Русский норов крут, нетерпелив и весьма решителен. Русский нрав, наоборот, смиренен, бесконечно терпелив и весьма робок. Но что удивительно в русском характере, так это то, что старшим и судьбоносным в русской истории всегда оказывался в конечном счёте не задиристый русский норов, а именно миролюбивый русский нрав, ибо именно за ним, кротким русским нравом, всегда оказывалось последнее слово. Все смуты в России начинались и происходили только тогда, когда отмашку к действию русскому норову давал исчерпавший все резервы своего терпения русский нрав, и заканчивались они, как правило, в момент, определяемый исключительно им - кротким и умеренным русским нравом. Ибо сила русского нрава коренится в его неаффектированной твёрдости и мужественности, а слабость русского норова – в его «*бабьей*», по выражению Бердяева, надрывности и истеричности. Норов – всего лишь оборотная сторона русского нрава, его тень. И только в этом своём теневом состоянии русский норов имеет оправданность и смысл своего существования. Ныне эта тень, воплотившаяся в норовистом русском либерализме, отделившись от смиренного русского нравственного человека, пытается через присущую норову «*наглость*» (по определению Бердяева) стать хозяином самого человека. Это противоестественно, а потому гибельно и для человека, и для его тени. А посему ныне самое время русскому нравственному человеку признести шварцевскую магическую формулу: «*Тень, знай своё место!*». Но её надо не просто произнести, а озвучить жёстко и предельно твёрдо. И именно тогда всё в нашей стране и в мире встанет, если и не быстро, то постепенно, на свои естественные места.

* * *

Среди «*Народных русских сказок*» в сборнике А.Н. Афанасьева опубликована сказка-притча «*Жадная старуха*» - по сути, один из вариантов сказки о золотой рыбке, сюжет которой был использован Александром Пушкиным. В «*Жадной старухе*» тоже главным действующим лицом является безымянный старик, беспрекословно исполняющий волю жадной старухи, но вместо золотой рыбки взято чудодейственное старое дерево, которое старик собирался срубить, но оно взмолилось и стало исполнять его желания. Сначала оно сделало старика и старуху богатыми, затем по воле жены и волшебству дерева старик стал бурмистром, потом последовательно – барином, полковником, генералом и, наконец, царём. Но старухе и этого оказалась мало: она захотела, чтобы дерево сделало их богами. «*Как услыхало оно* (дерево - А.А.) *эти безумные речи,* - завершает своё повествование русский сказочник, - *зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту же минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес*».

Старик в сказке-притче, несомненно, символизирует смиренный и покладистый русский нрав, а старуха, со всей очевидностью, олицетворяет строптивый и неуёмный в своих безумных желаниях русский норов. Старик – обычный русский трудяга, всю жизнь проживший в обычных заботах и до глубокой старости не искавший особых приключений, а тем более – не ожидавший никаких чудес. И вдруг ему нечаянно повезло: возникла возможность удовлетворить свои сокровенные желания. Единственное, чего он по-настоящему хотел и о чём, по-видимому, мечтал всю свою скромную жизнь – это пожить хотя бы в старости в покое и достатке. И именно просьбу о богатстве он высказал сам, не советуясь со старухой-женой. Лично ему больше ничего и не было нужно. Но здесь на первый план выходит его сварливая и капризная жена, которая от своих всё более возрастающих желаний и возможности их беспрепятственного удовлетворения впадает в

самое настоящее безумие. Самое любопытное в сказке заключается в том, что старик не просто становился тем, чем хотела видеть его жена, но и пытался добросовестно исполнять все возрастающие обязанности и терпеть неприятности, вытекавшие из новых своих должностей. Став, например, бурмистром, он должен был не только размещать солдат на постой, да ещё и получать от них тесаками «*по горбу*». Старуха же, ничего не делая, в это время наслаждалась причитающимися ей привилегиями, столь трудно достающимися её мужу.

Сказочник явно симпатизирует скромному и неприхотливому в своих желаниях горемыке-старику и негодует против сварливости и неуёмной жадности бездельницы-старухи. Но, несмотря на свои личные симпатии, мудрец наказывает равным образом и старика, и старуху, сочтя обоих недостойными человеческого образа и превратив их в лесных зверей. В чём тут дело? Мораль сказки-притчи заключается, на мой взгляд, в том, что сказочник превыше всего ставит не индивидуальные качества личности, а именно высокое достоинство человека и великую ответственность каждой личности за его поддержание. Как представляется, по его мнению, не только старуха своей неумеренной и прямо-таки животной жадностью роняет человеческое достоинсто, но и старик своим неумеренным потворством безумным желаниям старухи тоже в конечном счёте не только способствует её оскотиниванию, но и сам становится той бесхарактерной личностью, в которой от человека остаётся лишь безвольная личина, а его величество Человек полностью исчезает. Вывод, по-видимому, таков. И нрав, и норов хороши только в меру и только в той степени, в какой они уравновешивают друг друга, позволяя нравственному и норовистому человеку оставаться Человеком. Злоупотребление и добрым нравом, и недобрым норовом отрицательно сказывается на человеке как цельной личности и ведёт к потере ею своего человеческого достоинства – Божьего в конечном счёте.

ГЛАВА ПЯТАЯ. РУССКИЙ НАРОД – ИКОНА ИЛИ «БЫДЛО»?

В народе, что в туче: в грозу всё наружу выйдет.
Оттерпимся, и мы люди будем.
Русский терпелив до зачина.

Русские пословицы

1

Было время, когда из русского народа делали икону и буквально молились на него. Это время породило в русском обществе плеяду так называемых «*народников*», которые видели в русской крестьянской общине идеал общественного устройства, а в самом русском народе – дремлющую могучую силу, способную переродить монархическую Россию. Они «*шли в народ*» с целью его просвещения и это своё «*хождение*» полагали высокой миссией жертвенного служения русскому народу. Большевики осудили народничество за его социальный утопизм, подошли к русскому народу цинично и утилитарно, но икону не сняли. Они лишь заменили в ней крестьянский лик Иисуса Христа на пролетарский облик Карла Маркса. Фактически эксплуатируя русский народ покруче заклятых капиталистов, большевики формально оставили за народом в основном представительские функции, правда, с определёнными реальными социальными и культурными привилегиями. Пришедшие к власти в девяностые годы прошлого века радикал-либералы в своём яростном крестовом походе против большевиков посрывали с фасада страны немало фальшивых народнических символов, но заодно втоптали в грязь не только идею формального представительства народа в органах власти, но и сам русский народ как таковой. Ибо с 1991 года началась целенаправленная и агрессивная кампания очернительства русского народа, представляемого как «*пипл*», который «*всё схавает*». И, наконец, на Болотной площади в декабре 2011 года из уст вождей

российского либералистского среднего класса прозвучало сакраментальное словечко – «*быдло*».

В высшей степени интеллигентный и культурный человек Владимир Даль, по-видимому, счёл это слово исключительно бранным, а потому и не включил его в свой «*Словарь*». Однако в четырёхтомном «*Словаре русского языка*» советского периода этому бранному слову нашлось место, и оно в нём трактуется следующим образом: «*Рабочий скот. В просторечии презрительное и бранное* (слово). (Говорится) *о людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-либо тяжёлую работу*». Как и следовало ожидать, это слово, в восточно-славянском языке означавшее крупный рогатый скот, по мнению Макса Фармера, было заимствовано из польского языка. Думается, именно надменная польская шляхта уничижительно применила его в характеристике украинского и белорусского народов, презрения к которым она не скрывала. Через украинцев и белорусов это бранное слово проникло и в русский язык. Ныне же оно стало достоянием наших либералов, мнящих себя культурными и цивилизованными людьми, которые наконец-то нашли точное выражение своего истинного отношения к русскому народу. Стремясь, подобно большевикам, использовать русский народ в своих государственно разрушительных и дестабилизационных целях, но, в отличие от большевиков, совершенно ничего не давая ему взамен, они злобятся на народное норовистое молчаливое сопротивление и в ярости срывают с себя псевдокультурную маску, демонстрируя народу и обществу своё настоящее, чисто шляхетское надменное обличье.

Так что же собой на самом деле представляет русский народ – икону или быдло? Думается, ни то, ни другое. Это весьма сложное и цельное историко-социальное явление, к которому неприменимы какие бы то ни было однозначные определения (неважно – положительные или отрицательные) и которое заслуживает самостоятельного и очень внимательного изучения. Русский народ – точно такой же народ, как все другие этносы, но с исключительно русской душой, русским духом и русским характером, которые и делают его по-настоящему русским народом. Он такой, как есть, каким сложился в течение своей тысячелетней истории и каким стал в конце концов как всеохватная цельность, превратившая русский народ в русскую нацию. Национальность - это вовсе не строка в паспорте, которую можно вписать, а можно и вычеркнуть. Национальность – это неотъемлемая принадлежность отдельно взятой индивидуальности к громаде социальной общности, в которой русская душа, русский дух и русский характер, теряя сугубо индивидуальные черты, превращаются в общее достояние. Не столь, может быть, ярко выраженное, как в отдельном человеке, но превращённое в русской нации в единый социально-духовный монолит.

2

Происхождение слова «*народ*» учёные этимологи определяют от двух составных компонентов – «*на*» и «*род*». Тем самым подразумевается, что народ есть некое напластование на род, производное от рода, реальное воплощение рода. Применительно к русскому народу русское слово род, естественно, означало именно русский род. В своём обобщённом значении понятие русский народ, по сути, совпадает с понятием нации, происходящим от латинского слова «*natio*n» и означающим «*племя*», «*народ*». То есть русский народ есть суммарное русское племя, начало которого теряется где-то в глубинах даже не российской, а общечеловеческой истории. Такая акцентированно обобщённая родо-племенная трактовка русского народа устраивала российское общество только до определённого времени. Уже в дореволюционный период под русским народом стали всё больше понимать некую низовую часть социума – неразвитую и необразованную, нуждающуюся во всемерной опеке и призрении верхов. В советское же время русский народ, по сути, превратился в абстракцию, а его конкретный носитель (крестьянство) подвергся жёсткой пролетаризации. Пролетарии в свою очередь мыслились уже не как народ, а как некий особый, передовой класс, выразителем интересов которого стала

коммунистическая партия. Она-то и вычеркнула в конечном счёте родовое понятие русского народа и заменила его абстрактным термином «*советский народ*», обозначавшим условную наднациональную общность всех народов страны советов.

В либеральном (платоническом) и особенно либералистском (радикально хищническом) уничижительном отношении к народу вообще и к русскому народу в особенности имеется своя логика и своя духовно-социальная подоплёка. Для либералов-платоников русский народ представляет собой не только самую отсталую часть российского социума, но главное - тот национально ориентированный консервативный элемент, который мешает им перестраивать многонациональное российское общество по глобалистским демократическим образцам безоговорочно прогрессивного западного мира. Так называемые радикал-либералы (олигархическое и проолигархическое сообщество) не могут ничего слышить о народе и подлинной демократии как таковой по той простой причине, что всё их чудовищно раздутое процветание базируется по преимуществу на элементарном воровстве общенародной собственности, созданной ранее в рамках советского государства. Признание исторической и социальной значимости русского народа как для российских радикал-либералов, так и для российских либералов-платоников означает огромные и по существу невосполнимые потери: для первых – материально-политические, для вторых – морально-идеологические. Поэтому-то вместо признания на русский народ обрушиваются всё новые обвинения, а вместо уважения – самые настоящие оскорбления.

В этих условиях понятие русский народ начинает обретать в России совершенно новое смысловое содержание. К нему уже нельзя отнести простых (незнатных) людей вообще, или некий социальный класс, или безликую массу людей, бессловесно и покорно выполняющих на кого-либо тяжёлую работу. Я бы причислил к русскому народу сегодня всех российских честных тружеников без исключения, в которых честность и труженичество не просто слиты воедино, но представлены, как минимум, в равных пропорциях. Такой подход на первый взгляд заметно сужает формальное понятие народа как низовой части социума, так как последняя не из одних только честных тружеников состоит, но содержит также немало негативных, антисоциальных элементов. В то же время оно приобретает и некий расширительный оттенок, так как включает в себя уже не только подавляющую часть низов, но и значительную долю российской элиты, российского общества и российской интеллигенции. Тем самым русский народ, теряя свои жёстко определительные родовые, классовые и социальные характеристики, начинает возвращаться к своим историческим истокам и к своему пониманию как особо качественной русской нации в исключительно позитивной (нравственно-духовной) трактовке этого общемирового явления.

3

Принято считать, что каждый народ имеет свою отличительную особенность, причём настолько ярко выраженную, что её можно обозначить одним словом. Так, англичан причисляют к людям искючительно практичным, французов – к рациональным, немцев – к педантичным, китайцев – к трудолюбивым и так далее. Разумеется, подобные характеристики весьма условны, так как в каждом народе много чего намешано. Тем не менее, уж эта-то особо выделенная черта у указанных народов, несомненно, присутствует. О русском же народе такого не скажешь. Если его попытаться определить одним словом, то скорее всего этим словом будет – неоднозначность. Порой складывается впечатление, что в русском народе наличествует некое комплексное многонародье, что он вобрал в себя главные черты едва ли не всех народов мира. Но не в их спокойном, безмятежном, мирном сожительстве, а в непрерывном единоборстве и бурном противостоянии, когда черты одного народа стремительно и одномоментно берут верх над чертами других народов, а потом столь же стремительно уступают место характеристичным свойствам нового народа-лидера. И так до бесконечности – от начала истории до её окончания.

Нашим либералам, раболепствующим перед западноевропейскими нравами и порядками, нравится именовать русский народ отсталым. Но подобным образом они фиксируют лишь своё собственное, сугубо элитарное раболепие перед мировой элитой, в котором консервируется даже не просто отсталость, а самая настоящая доисторическая рабская архаика. Сам же русский народ никогда отсталым себя не считал, а, наоборот, полагал себя намного более прогрессивным (в позитивистском плане), чем любой западноевропейский народ и даже все народы Запада вместе взятые. Не случайно именно в русском народе укоренилась идея о Московской Руси как «*третьем Риме*». Да и Советский Союз в конечном счёте превратился в горделивое противостояние и идеологическое противопоставление «*передовых*» советских (по преимуществу русских) людей капиталистически отсталому Западу, который надо надрывно тащить в светлое будущее человечества. Да, это были претензии царистских и коммунистических элит, но они базировались на огромном духовном потенциале русского народа и его честолюбивых амбициях. По-видимому, это-то высокое самополагание русского народа больше всего выводит из себя наших либералов-платоников и пугает наших радикал-либералов, изощряющих свой ум и бросающих большие материальные средства на дискредитацию русского народа среди народов нашей многонациональной страны.

Отстаивая противоположную точку зрения, русские патриоты стремятся акцентировать внимание преимущественно на наиболее привлекательных внешних чертах и внутренних свойствах русского народа. Писатель-агроном Дмитрий Шелехов в своём очерке «*Путешествие по русским просёлочным дорогам*» (1843), описывая Московскую землю, отмечал: «*Здесь живёт народ одноплемённый, умный, смышлёный, богобоязненный, живой, деятельный, бодрый, предприимчивый. Русский человек этого края по большей части с русыми, тёмно-русыми волосами, с выстриженной маковкой, красив лицом, строен телом и всегда весел духом; в глазах горит отвага; поступь гордая и смелая, ловкость и щегольство – неразлучные его товарищи*». Это даже не обычная характеристика, а откровенное любование русского интеллигента простыми русскими людьми - красивыми внешне и симпатичными изнутри, сочетающими в себе ум и смышлёность, богобоязненность и живость, трудолюбие и весёлость, да к тому же ещё бодрыми и предприимчивыми. И их вовсе не портят, с его точки зрения, проявляющиеся в их поступи гордость и щегольство, так как они кажутся ему вполне естественными на общем положительном характеристичном фоне.

4

Сегодня шелеховская характеристика русского народа кажется безвозвратно этнографичной, особенно в плане одноплемённости, богобоязненности и выстриженной маковки. Однако социологические исследования последнего времени дают в целом позитивную картину основных качеств современных русских людей. По данным социолога Леонтия Бызова, опросы 2001-2002 годов показали, что наши современники считают русских людей по преимуществу смелыми и отзывчивыми, душевными и доверчивыми, умными и жизнерадостными, щедрыми и простодушными. Кроме того, русским людям, по мнению респондентов, свойственны также основательность, активность, религиозность, уравновешенность, независимость в суждениях и законопослушность. Разумеется, к подобным опросам и их результатам следует относиться с большой осторожностью. Ибо, по сути, это не столько объективная обобщённая оценка, сколько по преимуществу личностная, сугубо субъективная самооценка, в которой преобладают не столько самокритика, сколько определённые элементы самолюбования. В то же время и игнорировать эти самохарактеристики опрашиваемых людей нельзя, так как они дают срез внутреннего самоощущения нации, очень значимого для русских людей.

К сожалению, политический, экономический, социальный и духовный кризис, обрушившийся на русский народ в девяностых годах прошлого века и усиленный

мировым финансово-экономическим кризисом 2008-2011 годов, не прошёл для него бесследно. Не склонный драматизировать ситуацию в стране директор Института социологии РАН Михаил Горшков в 2010 году вынужден был констатировать: «*Слой малообеспеченных вырос с 43 до 51 процента. Внутри этой группы (от небогатых до бедноты) образовалась сейчас основная «группа риска». Ещё больше ушёл в себя и замкнулся так называемый «андеркласс»… «Похудел» средний класс… Число олигархов сократилось. Но как суперэлитный слой они не исчезли и многие по-прежнему пользуются поддержкой государства*». Эта сухая статистика весьма выпукло и наглядно отображает неблагополучное общее положение населения в стране и в первую очередь – русского населения. Привыкший брать всю тяжесть невзгод в годину испытаний исключительно на себя, русский народ и сегодня, думается, находится в наихудшем положении среди всех народов страны. По бытующей в России традиции латания дыр в стране за счёт русских людей, установившейся ещё с досоветских времён и сохраняющейся поныне, среди русских процент малообеспеченных несомненно гораздо выше, чем средние показатели по стране. И группа риска, и андеркласс среди них намного больше. И средний класс, из которого ныне исключена вся прослойка российской интеллигенции, разумеется, составляет в стране значительно меньше четверти. И суперэлитный слой российских олигархов, поддерживаемых государством, думается, накачивает свои миллиардные капиталы в первую очередь за счёт доверчивых и простодушных русских людей. Всё это не может не сказываться на их внешнем облике, поведении и духовных выплесках, питаемых мощными внешними раздражителями, провоцирующими в первую очередь русский норов.

В этих условиях было бы наивно ожидать от русского народа демонстрации одних позитивных качеств, но было бы неверно даже сейчас видеть в нём только теневую сторону его цельной натуры. Пытаясь отобразить противоречивость, но одновременно комплексность позитивно-негативистских свойств и качеств русского народа как единого целого, Николай Бердяев отметил наличие в нём «*индивидуализма, обострённого сознания личности и безличного коллективизма; национализма, самохвальства и универсализма, всечеловечности*». В этой характеристике русской нации, данной около ста лет назад, подход к русскому народу весьма противоречив, так как колеблется между желанием найти истину и стремлением навесить на народ обидные ярлыки. Тем не менее, и сейчас в русском народе можно отыскать и индивидуализм, и коллективизм, и обострённое сознание личности, и национализм, и самохвальство, и универсализм, и всечеловечность. Следует только иметь в виду, что русский народ есть многомиллионное вместилище самых разнообразных индивидуальных характеров, в каждом из которых имеется свой, сугубо личностный нрав и норов. Причём в самых разнообразных и порой немыслимых пропорциях и комбинациях, но обязательно со своей весьма заметной долей русскости. Русский народ – это русское человеческое море, живой организм, со своими приливами и отливами, со своим теплом и холодом, со своим штилем и своими штормами.

5

Внутренне, в своей глубинной сути русский народ необычайно сложен, причём он, может быть, намного сложнее любого другого народа в мире. Попытки охарактеризовать эту сложность, объяснить её суть, зачастую приводят не к упрощению понимания, а, наоборот, к усложнению его, а порой и к бессмыслице. Писатель Алексей Иванов отмечал: «*В России ценности лежат бесформенной кучей. Если на нас нападают, мы можем организоваться – выстроить крепкую стену и драться на ней насмерть. А без угрозы извне курим бамбук и играем в подкидного*». Сложность здесь уподоблена бесформенной куче, весь позитивизм народа сведён исключительно к демонстрации национального норова в отношении напавшего врага, мирный нравственный потенциал народа приравнен к нулю. Курение бамбука и игра в подкидного у писателя означают высшую форму расслабленности русского духа и несобранности воли русского народа в

мирной жизни. По сути, это констатация абсолютной беспомощности и совершенной беззащитности русского народа от разлагающих его духовный организм нравственных язв. Получается, что нам сегодня некого винить в наших бедах, кроме самих себя, что виноваты во всём исключительно мы сами и что сутью всех наших проблем является наша пресловутая обломовщина.

Обвинение русского народа в лени и лености, является, пожалуй, самым большим и наиболее распространённым упрёком среди его недоброжелателей, на котором они строят свои доказательства его неискоренимой отсталости. Самое удивительное состоит в том, что сами русские люди, причём порой даже самые деятельные среди них, не только никогда не скрывали этой весьма специфической черты своего национального и личного характера, но даже всемерно подчёркивали и преувеличивали её. Немало хвалы своей лености воздал юный Александр Пушкин, предававшийся праздности с упоением, но за свою короткую жизнь создавший такое количество вдохновенных произведений, которое было бы не под силу ни одному даже самому фанатичному трудоголику. Деятельнейший царский наместник на Кавказе Алексей Ермолов, едва ли не всю жизнь проведший на коне, в походах и сражениях, посвящает лености целую оду. «*О леность*, - пишет он в своих «*Записках*», - *всегда мною чтимая! Прими меня, возвращающегося к тебе; клянусь вечным постоянством*». Будущий начальник штаба русской армии, то есть человек по своей натуре в высшей степени деятельный и энергичный, не только не стыдится своей лени, своей минутной духовной расслабленности, но даже как бы гордится ею, чтит её. Парадокс? Несомненно. Ущербность характера? Вовсе нет. Наоборот, на мой взгляд, это демонстрация мощного потенциала русского народа, его удивительной способности легко и органично переходить от полной прострации духа к его предельной мобилизации. Причём, заметим, вполне нормальный по своим психологическим характеристикам и весьма деятельный в принципе русский человек позволяет себе полную расслабленность духа именно на досуге, в минуту отдыха, когда это позволительно внешними обстоятельствами. И эта-то минутная расслабленность придаёт и отдельному человеку, и русскому народу в целом необычайный заряд энергии, когда он, вновь принимаясь за дело, готов горы своротить.

Хамелеонистость русского народного характера, удивительная способность русского народа приспосабливаться к внешним обстоятельствам ради максимального сохранения и обережения своей внутренней, духовной сущности – вовсе не проявление его слабости, а, наоборот, свидетельство его нерастраченной по мелочам силы, его потаённо накапливаемого могущества. Не насилуя обстоятельств, следуя естественному ходу вещей и событий, приноравливаясь к ним, подобно хамелеону, русский народ, по справедливому замечанию эзотерика Анатолия Некрасова, мудро избегает насилования человека обстоятельствами. Леность (в простонародном выражении – «*ленца*»), если она не превращается, как у Обломова, в основную черту характера, служит у русского человека своеобразным предохранительным клапаном. Чередование интенсивного труда с моментами праздной расслабленности, укоренённое в русском народе сезонным характером крестьянского труда, позволяет ему не терять из виду ни конкретной предназначенности своей работы, ни общего смысла своего существования на земле. К тому же, коря себя за проявленную лень (народные мудрецы категорично осуждают это качество), нормальный русский человек после краткосрочной духовной расслабленности берётся за дело хватко и напористо и довольно быстро навёрстывает упущенное.

6

Наряду с весьма распространённым в либеральной среде мифом о русской лени как основной черте характера русского народа, либеральные «*доброжелатели*» упорно и целенаправленно внедряют ныне в сознание российской и западной общественности легенду о склонности каждого русского человека к покорности судьбе и начальству и

приверженности всего русского народа к тирании и рабству. Уже бердяевское обвинение русского народа в безличном коллективизме содержит интеллигентский намёк на его национальную бесхребетность и бесхарактерность, на его уподобление безвольной толпе и стихийному сброду. Прикрепляя же к русскому народу ярлык быдла, наши современные западники не просто возводят поклёп на русский народ, но, думается, вполне осознанно стремятся тем самым укоренить в нём психологию раба. То есть выдают желаемое за действительное. Однако русский народ – отнюдь не раб и никогда не был таковым. Даже рядясь в рабские одежды смерда, холопа, крепостного, колхозника, клерка, он всегда был и ныне остаётся очень свободолюбивым и внутренне независимым человеком. Даже авторы интернетовской «*Эрудиции*», стремящиеся представить русского человека смиренным, трудовым, кротким, терпеливым «*в отношении религии и государства*», вынуждены признать, что он никогда не терпел покушения на свою личную свободу и что стоило намекнуть русскому, что он ничто, как тут же бунт. Перед государством и барином русский народ по сравнению с другими народами бунтовал, действительно, очень редко и в обычной жизни подчёркнуто демонстрировал им свою лояльность. Но сам русский народ иронично называл свою демонстративную почтительность «*ломанием шапки*». То есть рассматривал её как акцию нарочитую, гипертрофированную и в сути своей вынужденную. Поспешно снимая и теребя в руках шапку, русский человек лишь фиксировал свою покорность силе, да и то чисто внешне, с элементом театральности.

Знаменитого итальянского авантюриста Джованни Казанову поразило наличие в России в девяностых годах восемнадцатого века «*полного бесправия одних, неограниченного произвола других и глубокого взаимного удовлетворения этим гармоничным состоянием*». Полагать спустя всего пятнадцать-двадцать лет после сотрясшего Россию пугачёвского бунта, что русский народ глубоко удовлетворён своим полным бесправием - это, разумеется, верх легкомыслия заезжего иностранца, не знающего ни России, ни русского народа. Произвол верхов, конечно, существовал. Несомненным было и бесправие низов. Но ни о каком удовлетворении и ни о какой гармонии не могло быть и речи, так как верхи всего лишь временно торжествовали свою победу над взбунтовавшимися низами, а затаивший своё недовольство русский народ только демонстрировал свою мнимую покорность верхам, одновременно страшась своего нарастающего гнева, но и дожидаясь следующего его взрыва. Многоопытный Евгений Примаков заметил: «*У нас очень мало внутренней цензуры*». В устах маститого государственного деятеля эта не очень лестная для русского народа характеристика должна, по-видимому, означать, что таким народом трудно управлять - уж очень сам он внутренне неуправляемый. Но это-то и есть самое настоящее признание непокорства, неукротимости характера русского народа, сделанное одним из руководителей российского государства.

На мой взгляд, патерналистская российская абсолютная монархия, трактуемая сегодня на Западе и в либеральных кругах нашей страны как высшая форма авторитаризма и тирании, в России была, по сути, лишь оптимальной (соответствующей национальному русскому характеру) мерой поддержания и даже своеобразного охранения внутренней свободы духа, свойственного русскому народу. То есть являлась внешним выражением или даже прикрытием фактически существовавшей народной духовной свободы - то есть той демократии, о которой лишь мечтали и продолжают мечтать у нас и на Западе. Александр Пушкин в своём «*Путешествии из Москвы в Петербург*» в пику Александру Радищеву писал: «*Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлёности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны*». Среди массы позитивных качеств русского народа наш великий поэт и мыслитель на первое место ставил высокое личностное достоинство русского человека, немыслимое у раба. Все остальные свойства его характера (смелость, смышлёность, переимчивость, проворство и ловкость), по его мнению, как бы вытекают из этой главной его черты и в свою очередь

подкрепляют и усиливают её. С этим нельзя не согласиться и ныне, глядя на русский народ, который с большим достоинством и исключительной терпеливостью переносит все невзгоды российского и мирового кризиса.

7

Ошибочное представление о склонности русского народа к рабству у либеральных представителей нашей интеллигенции и наших западных недоброжелателей проистекает, скорее всего, даже не из природной скромности простого русского человека, а из его суеверного нежелания демонстрировать своё внутреннее свободолюбие, фрондировать им, чтобы не накликать на себя лихо. Говоря о современных палестинцах, к борьбе которых за своё национальное достоинство он относится с нескрываемым сочувствием, Исраэль Шамир в «*Каббале власти*» пишет: «*Люди почвы, они не стремились становиться господами, но не желали быть и рабами*». Это очень важное и принципиальное замечание, на мой взгляд, целиком и полностью относится и к русскому народу. Русский народ (крестьянин, человек почвы по своей психологии), не ощущавший себя рабом даже под монгольским игом (рабами монгол скорее чувствовали себя русские князья, ездившие в Орду с подарками и поклонами), никогда не стремился стать господином. Он всегда хотел быть простым честным тружеником и со спокойной совестью есть честно заработанный хлеб. В тридцатых годах прошлого века, находясь уже под игом большевиков, русские безграмотные крестьяне в ходе повсеместной принудительной ликвидации неграмотности, проводимой в рамках сталинской культурной революции, старательно выводили корявыми буквами под диктовку молодых учителей короткую фразу: «*Мы – не рабы. Рабы – не мы*». «*Мы – не рабы*» - это, по сути, была простая констатация официального статуса русского народа в политической системе советского государства. У слов же «*рабы – не мы*» имеется несколько иной подтекст, причём с определённой долей национальной горделивости и скрытого национализма. Пусть кто угодно считает себя или нас рабами, но мы не такие, ибо мы ощущаем себя едва ли не самыми свободными людьми на земле.

По-видимому, именно эта горделивая русская национальная черта подвигла Николая Бердяева обвинить русский народ в национализме и самохвальстве. У русского национализма, а тем более - русского самохвальства есть одна особенность. Он, этот пресловутый русский национализм, очень нестабилен. В отдельные моменты он, несомненно, даёт о себе знать, причём порой в очень грубой и жёсткой форме. Но в обычной жизни он не только слабеет в своих проявлениях, но даже, как правило, удивительным образом растворяется, причём до полного отсутствия. Появляется он в исключительных обстоятельствах, а жёстко проявляется преимущественно в ответ на провокацию, на демонстрацию чужой гордыни, особенно если она имеет национальную подоплёку. «*Терпеливый до зачина*», русский человек и в национальных вопросах проявляет удивительную терпимость. Русская народная пословица «*люблю молодца и в татарине*» очень точно отражает эту добродушную черту русского национального характера. Ставящий во главу угла человеческих отношений проблему нравственности, русский народ и в каждом отдельно взятом человеке больше всего видит и ценит не столько его национальную принадлежность, сколько его личные качества. Все добрые, энергичные и деятельные люди вообще считаются в русском народе своими, русскими, независимо от их национальности. Термин Виктора Аксючица «*русский многонациональный народ*» я готов принять целиком и полностью, но преимущественно в его нравственническом, а не ассимиляционном контексте.

Что касается отмеченного Бердяевым «*самохвальства*» русского народа, то русские люди давно уже подметили одну неприятную для себя особенность чужого отношения к себе: «*люди ходят – ничуть не слыхать; а мы как ни ступим, так и стукнем*» и «*чьи грехи закрыты, а наши все наружу*». Европейцы (все вместе и каждая европейская нация по отдельности) дали множество примеров своей непомерной гордыни и кичливой

хвастливости своим европеизмом и своей цивилизованностью. Они и сегодня их не только не таят, но всемерно подчёркивают, особенно в сфере так называемых прав человека. И, тем не менее, не только европейцы, но и откровенные снобы-американцы кажутся нашим угодливым либералам образцом скромности и добродетельности. А всё потому, что свою сущностную горделивость они прикрывают флёром расчетливой учтивости, которая, как это часто бывало в случаях с Борисом Ельциным, буквально сочится ядом тонкой издёвки и откровенного глумления. Русский народ более прост и искренен в своих чувствах, а потому и более прямолинеен в их демонстрации, в том числе и в по-детски проявляемой хвастливости. Вот этот-то наружный грешок русского народа и его неуклюжее задирание иноземцев никак не могут простить ему не только зарубежные ревнивцы, но и наши собственные либеральные доброхоты.

8

Виня русский народ во всех смертных грехах, Николай Бердяев уличает его, причём совершенно несправедливо, ещё и в индивидуализме, при этом странным образом смешивая его с обострённым сознанием личности. Здесь всё передёрнуто и перевёрнуто с ног на голову, причём с явным расчётом не только на то, чтобы быть лучше понятым на Западе, но и чтобы угодливо потрафить самолюбию европейского обывателя. У страдающего комплексом неполноценности русского человека (и народа в целом) просто не может быть, по определению, обострённого сознания личности. Ибо он обладает обострённым ощущением в себе не столько личности, сколько человеческого достоинства. А это совсем разные вещи. Личность как таковую исключительно ценит в себе не русский народ, а русский интеллигент. Русский же человек из народа превыше всего ценит в других человечность, а в себе – человека, Божье творение. И вот этим человеком (не индивидуумом, а именно общностью, божественной сущностью всех людей) русский народ дорожит больше всего на свете, даже больше своего личного благополучия и своей жизни. Именно сострадание ко всему человечеству в его земной юдоли и всемерное обережение в себе искры божественности и питает в русском народе его укоренённый универсализм и его сущностную всечеловечность. Западный индивидуализм, сбросивший ныне маску абстрактного гуманизма и нашедший реальное воплощение в яростном навязывании миру так называемых прав человека (абсолютистских и ненавистнических в своём существе), не имеет ничего общего с русским отстаиванием внутреннего достоинства человека. В современном либералистском западном индивидуализме никакой всечеловечности нет, а преобладает и превалирует юридически аргументированный человеконенавистнический принцип «*человек человеку – волк*». Потому, думается, либералы исключительно жёстко меряют русский народ этим надуманным и совершенно безразмерным аршином правозащитности, что хотят заглушить и не дать возможности прорваться вовне принципу русской всечеловечности.

Сегодня главный вопрос в отстаивании человеческого достоинства русского народа состоит вовсе не в том, прав он или не прав в своём видении мира и в своём собственном самоощущении. А в том, удастся ли ему отстоять практически само своё право на суверенное национальное существование, формально узаконенное международными актами. Либерально-демократический натиск извне на Россию сегодня настолько жёсток и агрессивен, а его духовно-политическое лобби в стране настолько мощно и всесильно, что порой кажется, что русскому народу не сдобровать. Что ему остаётся либо покориться новому чужеземному игу и коренным образом переделать себя, выворачивая наизнанку собственную сущность, либо он будет попросту раздавлен, наподобие сербского, иракского или ливийского народов. Но есть одна обнадёживающая особенность у русского народа - его, может быть, главное национальное достоинство. Это его дар постоять за себя в роковую минуту, не только не уступая неблагоприятным обстоятельствам, но и всемерно наращивая сопротивляемость возрастающему внешнему давлению, причём вполне адекватно его росту. Тысячелетняя история России убедительно

доказала, что дух русских по мере ухудшения ситуации не только крепнет и возрастает, но и стремится к своей максимальной величине.

Думается, и в нынешних, не просто сложных, но постоянно ухудшающихся условиях, ни у кого не должно быть сомнений в решимости русского народа отстаивать своё национальное и человеческое достоинство. Когда русский человек точно знает, кто его враг, что нет никакой возможности и смысла избегать лобового столкновения (а иного он не приемлет) и что Отечество в опасности, он становится совершенно другим человеком. Все сомнения и колебания в нём отпадают. Женственная русская душа оседает на дно, уступая главное место ершистому мужественному русскому духу. В народном характере нрав и норов сливаются воедино, образуя мощный заряд благородной воинственной энергии. Все распри и разногласия улетучиваются, словно их не бывало. Классовые и иерархические различия стираются, уступая место осознанию цельности и общности всей русской нации. Описывая Бородинское сражение 1812 года, Алексей Ермолов отмечал: «*Не было (подобного) случая, в котором оказано более равнодушия к опасности, более терпения, твёрдости, решительного презрения к смерти*». Я глубоко убеждён в том, что и сегодня, в противоестественных условиях либерального духовного разложения и либералистского разрушения российской государственности, русский народ не растерял ни своего внутреннего достоинства, ни своего мужества. Разумеется, он – не икона, но и не быдло. Просто он надеется и ждёт, что у российского государства хватит воли, а у российской элиты – благоразумия, чтобы доступными им средствами отстоять достоинство народа и Отечества. Когда же придёт его час, он своё слово скажет твёрдо и решительно, подобно предкам не страшась опасности, с полным презрением к смерти.

* * *

К определению сути внешне простого, но внутренне весьма сложного русского народа, на мой взгляд, вполне подходит популярная народная русская сказка «*Емеля-дурачок*» или «*По щучьему велению*». Сюжет её общеизвестен и чрезвычайно прост. Третий сын мужика, ленивый «*дурак*» Емельян, сподобился поймать зимой в реке щуку, да не простую, а волшебную. Она пообещала выполнить любое его желание, и Емеля, движимый леностью, отпустил её в реку под это обещание. Первым его желанием было, чтобы вёдра с водою сами пошли в гору. Отправленный во двор колоть дрова, Емеля пожелал, чтобы топор сам их рубил, а поленья сами в печь укладывались. Посланный в лес за дровами, он приказал саням ехать без лошадей и передавил множество народа. По возвращении из леса дубинка по его приказанию перебила всех, кто пытался его задержать. Возвратился к королю ни с чем и офицер с солдатами, попытавшийся его арестовать. И только обещанием красного кафтана, красной шапки и красных сапог королевский посланец заманил Емелю к королю, но и туда он отправился, не слезая с печи. По щучьему велению он влюбил в себя королевскую дочь, но был по приказу короля посажен вместе с нею в бочку и отправлен в море. Спасшись чудесным образом, он приказал построить на острове дворец с хрустальным мостом до королевского дворца, а себя превратил в красивого и чрезвычайно умного молодца. Добившись законной женитьбы на королевской дочери, он отказался от предложенного ему королевства, остался жить в своём дворце, причём жил благополучно.

В сказке делается упор на «*дурость*» и чрезвычайную лень Емели. За что бы ни брался Емеля, он сначала отказывается, говоря: «*Я ленюсь*». Заставить его что-то делать было возможно, лишь пообещав нехитрую награду в виде красного кафтана, красной шапки и красных сапог. Даже к королю он из лени отправляется, не слезая с печи. Он не даёт себе труда ни взять в руки топор, ни управлять санями, ни колотить дубинкой. Всё делают они сами, без малейших усилий с его стороны. Все свои житейские проблемы, гибельные для других, он разрешает легко, лишь высказав заклинание – «*по щучьему велению, а моему прошению*». Добившись высокого положения и богатства, Емеля не

стремится стать королём. Дорожа своей независимостью, он остаётся в своём дворце. Превыше всего в мире и жизни он ставит благополучие.

Сказка не так проста, как кажется на первый взгляд. В ней перемешаны ирония, жёсткий реализм и романтическая вера в чудеса. Указанием на то, что Емеля являлся третьим сыном мужика, даётся понять, что «*дураки*» в русском народе составляют явное меньшинство – по крайней мере, не более трети. Не задумываясь ни о смысле жизни, ни о последствиях своих поступков, они живут легко, от события к событию, желая всё большего, но прилагая собственных усилий по минимуму. До определённого времени им сопутствует необыкновенная удача, но потом начинаются проблемы. Столкнувшись с реальными трудностями, даже «*дураки*» начинают понимать важность разума и озабочиваются приобретением ума. Достигнув удовлетворения максимума разумных желаний, они становятся умеренными в своих требованиях и благополучными. Возможно, такими же житейски разумными и благополучными, какими были его родные братья, которые, будучи умеренными в своих желаниях и привычными к труду, жили обычной жизнью, не ища себе приключений.

Как ни странно, эта архаичная сказка не только по смыслу, но даже по своему сюжету очень современна. Этих ленивых «*дураков*» Емелей сейчас - хоть пруд пруди. Причём не только в России, но и во всём мире, особенно в западном его полушарии. Избалованные и изнеженные комфортностью цивилизации, они ленятся уже поднести ложку ко рту и пошевелить хотя бы одной извилиной. Это можно было бы счесть некими частными издержками так называемого общества потребления, если бы не роковая тенденция превращения не только его, но и всего человечества в ленивого Емелю-дурачка. Не знаю, верят ли наши либералы-платоники в возможность лёгкого и беспрепятственного удовлетворения своих всё более нарастающих желаний или только убеждают в этом доверчивых дурачков-Емелей, не ведающих, что за любую лёгкость надо расплачиваться неизбежными трудностями. Но вот в чём я твёрдо убеждён, так это в том, что нашим олигархическим радикал-либералам очень выгодна сказочка про исполнение любых желаний «*по щучьему велению*». На неё, как на приманку, они ловят расплодившихся глупых Емелей, заставляя их рабски обеспечивать им непомерные и всё возрастающие желания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РУССКИЙ ЯЗЫК – АРХАИКА ИЛИ СОВРЕМЕННОСТЬ?

Язык с богом беседует.
Каковы свойства, таковы и речи.
Язык мой – враг мой: прежде ума глаголет.

Русские пословицы

1

Наверное, и без русского языка русские люди оставались бы русскими по своей душе, своему духу и своему характеру. Добрые, открытые, искренние, но одновременно чувствительные к обидам и воинственные, они общались бы друг с другом с помощью мимики и жестов и выражали свои рвущиеся наружу чувства открытыми гласными звуками – «*а-а-а*», «*о-о-о*», «*у-у-у*», «*ы-ы-ы*» и «*э-э-э*», которые больше всего соответствовали их открытой русской натуре. Но это были бы совсем другие русские люди – русские дикари. Обречённые на медленное вымирание, они таковыми бы и остались (если бы вообще сохранились до наших дней), не позаботившись о выработке своего, понятного всем русского языка. Русский язык прежде всего спас именно от вымирания тех русских людей, каковыми они были по самой своей природе. Он

сцементировал их с другими славянскими племенами, дал им расширенное общение и ощущение общности, содействовал укоренению в них самых славных славянских качеств, способствовал осознанию на фоне других родичей своей особой качественности, которая в конечном счёте и вылилась в понятие русскости. Но одновременно русский язык спас и продолжает спасать русских людей от дикости – от того чисто физиологического природного состояния, которое роднило и продолжает роднить человека с животными. Ведь не случайно до рождения речевого символа «*бог*» фактическими богами отдельных племён (их тотемами) были конкретные виды животных и растений, которым духовно уподоблялись и сами люди.

Современный популярный писатель и либеральный журналист Дмитрий Быков, отмечая богатство и разнообразие современного русского языка, подчёркивает, что это разнообразие является чисто «*стилистическим*», то есть сугубо формальным и поверхностным. Дробя цельный и органичный русский язык на отдельные говоры и сленги («*язык власти*», «*канцелярит*», «*язык большинства*», «*язык криминала*», «*мат*», «*диалекты*»), либерал Быков, по сути, не просто опровергает собственное начальное утверждение о богатстве русского языка, но употребляет слово богатство как бы ёрнически, в иронично-саркастическом подтексте. При этом намеренно упускается из виду накопленный веками богатейший фольклорный и литературный русский язык, который ни в коем случае не может вместиться в понятие «*языка большинства*». Всё это делается, на мой взгляд, вполне осознанно и с явной целью опорочить русский язык, которым, кстати, сам Быков пользуется весьма виртуозно. Как и у высказывания Александра Минкина о мировой русской душе, у быковской похвалы богатству русского языка негативистский смысл, по сути, тот же самый: был русский язык, да весь вышел, и остались от него одни осколки, причём исключительно отрицательного свойства. Как и Минкин, Быков в данном контексте вовсе не отрицает существования богатейшего литературного русского языка, но косвенно даёт понять, что он столь же архаичен, как и вышедшая из современного употребления русская фольклорная речь.

При этом странным образом игнорируется тот вполне реальный факт, что русский язык является одним из шести официальных языков Организации Объединённых Наций и что по числу говорящих на нём (примерно 300 миллионов человек) он занимает пятое место в мире - после китайского, английского, хинди и испанского. И это после громадных, в том числе лингвистических, потерь, связанных с распадом Советского Союза и агрессивным давлением на носителей русского языка в новых, националистически ориентированных постсоветских государствах. В принципе и занимаемое русским языком ныне фактическое положение в мировой лингвистической табели о рангах является вполне достойным как для русского языка, так и для русского народа. Это престижное место позволяет русскому народу, с одной стороны, не впадать в гордыню, а с другой – даёт ему реальное право на уважительное отношение и мировое признание. Но очень многих русских людей такое положение русского языка в мире не устраивает. Либералы, презирающие русский народ, жаждут вытеснения русского языка в своей собственной стране английским языком. Патриотам не даёт покоя развал Советского Союза, а с ним и резкое сокращение ареала русского языка. Некоторые из них, отделяя язык от народа, полагают, что русский язык как наиболее лингвистически развитый европейский язык сам по себе должен занимать соответствующее место - по крайней мере первое в Европе. Думается, рассудить либералов и патриотов, а также разные группы и группировки внутри этих враждующих лагерей должна не только история, но и сам русский язык, который, как показала история российской и мировой культуры, вполне способен постоять за себя.

2

Русский язык в своём формировании, развитии и самоутверждении совершил весьма длинный путь. Возникнув как протославянский язык, отпочковавшийся в III

тысячелетии до новой эры от семьи индоевропейских языков, он прошёл поэтапно длительные праславянскую и славянскую стадии, получив самостоятельное развитие только в XIV-XV веках. Но с этого времени в рамках формирующегося Московского государства он приобрёл такой динамизм своего саморегулирования и самосовершенствования, что уже на рубеже XVII-XVIII веков получил свою нынешнюю, по сути, завершённую форму и превратился в один из наиболее продвинутых национальных языков мира. Совпадение временных граней лингвистической и государственной хронологии представляется не только не случайным, но, наоборот, является весьма логичным и существенным. Ибо история языка и история народа настолько взаимосвязаны и настолько взаимообусловлены общими социально-духовными процессами, что отделять их друг от друга невозможно и некорректно. Духовный потенциал народа, оказывающий существенное влияние на его историческую судьбу, проявляется и проверяется в первую очередь именно качественностью его языка. Непрерывно совершенствуя и шлифуя свой язык, народ вкладывает в него свою душу, свой ум и своё видение мира. Но одновременно он как бы проверяет уже сотворённым им языком свою душу, свой ум и своё видение мира в сложном процессе словотворчества. В свою очередь сам язык своим строем, своей духовной и ментальной спрессованностью, своим, в конечном счёте, духовным запасом предоставляет надёжную базу уже самому народу для противостояния испытаниям судьбы.

Принято считать современный русский язык, который именуют иногда стандартным или литературным языком, ни много, ни мало как «*языком Пушкина*», который и в самом деле наложил заметную печать собственного гения на литературную обработку и шлифовку русского языка. Однако нельзя не учитывать и то, что сформировавшийся на базе московского диалекта современный русский язык получил и от этого диалекта определённое, причём весьма существенное наследие. На это, в частности, указывает писатель Дмитрий Шелехов, акцентируя внимание на том, что в обширном московском крае язык был «*чисто русский*» и «*дух языка, состав выражений изображали чисто русское слово*». Слова дух языка как нельзя лучше отображают неразрывную сущностную связь языка с духом его творцов и носителей - с русским духом, духом русского народа. И всё-таки главным действующим лицом в формировании современного русского языка был, на мой взгляд, не Пушкин и не образцовый московский диалект, а сам русский народ, причём взятый целиком, во всей своей громадной творческой массе. Обладая даром необыкновенной душевной чуткости, сочетаемой с высокой требовательностью к самому себе и к внешним проявлениям своей сущности, русский народ и к формированию собственного языка относился с высочайшей ответственностью. Об этом свидетельствуют, например, такие русские пословицы, как «*слово слово родит, третье само бежит*», «*слово – серебро, а молчание – золото*», «*лишнее слово в досаду (во грех, в стыд) вводит*», «*говори с другими поменьше, а с собою побольше!*».

Творцы совершенно оригинального, подлинно народного русского языка ныне неизвестны, да и вряд ли были известны даже их далёким современникам. Среди тех, кто нечаянно ронял какое-то новое словечко, даже в одном поколении русских людей были тысячи. Но были ещё миллионы сограждан, которые мгновенно подхватывали вновь рождённые слова, бережно хранили их в своей памяти и передавали как фамильную драгоценность из поколения в поколение. И был, наконец, разнохарактерный русский народ, который сполна пользовался своим языковым богатством, осознавая свою особенность и укрепляя русским языком своё национальное единство. Специальной привилегированной прослойки творцов русского слова (наподобие касты брахманов в Индии) на Руси и в России никогда не существовало. Каждое слово рождалось самопроизвольно, спонтанно, в гуще народной массы и в процессе самой жизни. Но оно мгновенно подмечалось, подхватывалось, распространялось и становилось достоянием всего народа. Путём устных пословиц и поговорок, сказок, былин, колядок, шуток,

прибауток, частушек и праздничных песнопений (авторы которых опять-таки неизвестны) это богатство множилось и оберегалось. И лишь гораздо позже это словесное богатство стало фиксироваться на бумаге летописцами, сочинителями древних повестей и сказаний. Пока, наконец, преображённое народное русское слово не заговорило в полную силу устами выдающихся русских писателей и поэтов, оказавшихся достойными продолжателями многовекового народного словесного творческого процесса.

3

Александр Пушкин, отдавая благодарную дань грекам Кириллу и Мефодию, даровавшим нам кириллицу, отмечал определённое влияние на русский язык греческого лексикона - сокровищницы гармонии, обдуманной грамматики, величественного течения речи. Однако при этом он не только из патриотизма, но и объективности ради акцентировал внимание на том, что сам по себе русский язык был уже звучным и выразительным и являл собой «*стихию, данную нам для сообщения наших мыслей*». Важно отметить, что стихия самобытного и самопроизвольного русского языка объявляется поэтом вполне адекватной ментальности русского народа. Это очень важно. Ибо, вне всякого сомнения, к моменту учительства просвещённых греков русский народ без чьего бы то ни было постороннего влияния создал разветвлённую и весьма развитую собственную языковую систему. И она была вполне достаточна не только для поддержания повседневных практических контактов, но и для выражения всех оттенков мыслей, в том числе и самых сокровенных. Этот догреческий русский язык был уже сам по себе звучным и выразительным, привлекал внимание своей красотой и естественностью. Греки способствовали облагороживанию и окультуриванию уже вполне сложившегося русского языка, оформлению его письменно и стилистически, но сам русский язык создавали вовсе не они, и всё его подлинное богатство было самоценным и самодостаточным.

Говоря о разного рода влияниях на русский язык, в которых гораздые на шельмование либералы готовы утопить и растворить первородный русский язык, дотошные учёные-лингвисты, действительно, прослеживают немало разновременных словесных заимствований. Специалисты-филологи конкретно перечисляют большой ряд слов, считающихся ныне русскими, но ранее позаимствованных из церковно-славянского, восточно-германского, иранского, тюркского, монгольского, польского, нидерландского, французского и иных языков. С этим трудно спорить, как нельзя не согласиться и с тем, что в последнее время, благодаря всё тем же либералам, в России столь усиленно насаждается английский язык, что создаётся угроза полного вытеснения им родного русского языка. Но вот что удивительно в феномене русского языка. Те же самые специалисты-филологи обращают внимание на то, что все так называемые заимствованные слова вливаются в массив русского лексикона не механически, как чужеродный элемент, а сугубо творчески, претерпев существенные изменения. Отбирается и сохраняется в русском языке только то, что соответствует духу и мировидению русского народа. Все новые слова получают сугубо русскую ментальную и грамматическую обработку. В результате, приобретая благодаря вкраплениям иностранных слов некий всечеловеческий универсализм, русский язык не теряет своей общей звучности и выразительности, оставаясь по-прежнему языком исключительно цельным и органичным.

Что касается нынешнего агрессивного вторжения в российскую языковую сферу английского языка, то об этом следует сказать особо. Сам по себе английский язык в чисто лингвистическом плане весьма беден. В нём слаба нюансировка понятий. Множество слов, причём ментально весьма значимых, допускают большое число толкований, причём иногда совершенно несовместимых по смыслу. В сравнении с богатым на нюансы универсальным русским языком его английский собрат кажется самым настоящим бедным родственником. Но у английского языка есть одна особенность,

коренящаяся в духовном мире самих англо-саксов. Это его и их практицизм. Практичные англичане придали своему языку силу практичности, а их соотечественники, оккупировавшие Северную Америку, превратили его в язык бизнеса. Причём и здесь не обошлось без двусмысленности, вообще свойственной английскому языку. Слово «*бизнес*» («*business*»), переводимое на русский язык как «*дело*», у американцев вовсе не означает труд или работу. Через ассоциацию с «*выгодным делом*» оно в конечном счёте выражает у американцев уже не дело как таковое, а переходит в качество выгоды, причём достигаемой любым путём, в том числе и нетрудовыми способами. С крушением тоталитарного коммунистического режима и утверждением не менее тоталитаристского либерализма ворвавшиеся в Россию на плечах либералов-платоников агрессивные радикал-либералы постарались в первую очередь подменить и в русском языке традиционное для русских людей понятие дела чужеземным понятием бизнеса. Это и определило фактическое господство английского языка не только в деловой, но и в политической сфере, а также вторжение идей выгоды в русскую духовность. Нынешнее торжество английского языка в России вовсе не означает каких-то лингвистических его преимуществ по отношению к русскому языку. Оно означает лишь временное торжество примитивных в своей сути либеральных идей и подчёркивает иноземное происхождение российского либерального ига. Уйдут из политической сферы либералы, и русский язык сам восстановит своё господствующее положение, оставив от всего английского языка какой-то десяток слов, да и то в своей ментальной и грамматической обработке.

4

Мы пользуемся сегодня русским языком в основном механически – так, как пользуются телевизором, компьютером или мобильником. Даже тщательно подбирая то или иное слово для точного выражения своей мысли, мы совершенно не задумываемся о его первоначальном смысле и о том, каких трудов стоило нашим далёким предкам, чтобы создать конкретное слово, придать ему нужную форму, наполнить его глубинным содержанием и передать его нам, своим потомкам, в окончательно отработанном виде. А ведь у каждого русского слова есть своя история, свои порой немыслимые и непредсказуемые метаморфозы, своя судьба. Чтобы далеко не ходить за подтверждением этого, а заодно и продемонстрировать необычайное богатство русского языка, возьмём корневое русское слово доброта, давшее терминологическое определение основному свойству русской души и русского характера. Базовым понятием для него послужило слово добро, которое, обозначая некое нажитое или накопленное добро, в первоначальном своём понимании, по сути, почти не отличалось от английского слова «*капитал*» («*capital*»), означающего материальное состояние (в его денежном выражении) того или иного человека. Однако у англичан капитал в плане состояния так и остался «*капиталом*», а у русских «*добро*» претерпело столь существенные изменения, что превратилось в конечном счёте в синоним блага как олицетворения всего позитивного на земле. Более того, в чисто личностном плане благая значимость добра воплотилась в русском слове доброта, обозначающем особую, высшую качественность русской души.

Несколько иная методика была применена древними творцами русского слова при определении антипода добра, воплотившегося в понятии зла. Судя по всему, слово «*зло*» на первом этапе имело по нынешним меркам совершенно безобидный характер. Макс Фасмер производит его от древнеславянских и древнерусских слов «*зълъ*», «*зъла*», «*зъло*». Последнее из них произносилось как «*зело*», то есть «*очень*», «*премного*», «*слишком*». По-видимому, первоначально это слово само по себе не имело какого-то автономного значения и применялось лишь совместно с другими понятиями как сугубо сравнительная степень. Учитывая конечную антиподность зла добру, думается, и первоначальное «*зело*» имело скорее всего сравнительную привязку именно к слову добро, обозначая как его некую максимальность («*зело*» много добра), так и его минимальность («*зело*» мало добра). Трактовка слова зело как «*слишком*» наводит на мысль и об аналогичном

понимании древнерусского слова «*лихо*» - как некоего лишка добра, перебора его разумной необходимости, его постепенного перерождения в собственную противоположность. Как бы то ни было, но этимология слов «*добро*» и «*зло*» наглядно показывает не только саму, причём весьма сложную, методологию русского словотворчества. Оно демонстрирует также процесс постепенного качественного осмысления русским народом своего лексикона, выявления глубинной сути привычно употребляемых слов, перевода прямолинейной конкретики вещественного мира в его абстрактную плоскость и наполнения самой этой абстракции новым, сугубо нравственническим смысловым содержанием.

Такая сложная, творчески весьма затратная, сугубо лингвистическая работа русского народа не могла происходить вне реальной жизни, в отрыве от неё. Столь глубинная метаморфоза языка означала, на мой взгляд, и одновременное внутреннее развитие и перерождение самого русского народа – творца и носителя своего языка. Сам русский народ в своём духе стремительно переходит от своего первобытного, сугубо природного состояния к бытию осмысленному и духовно целеустремлённому. Соответственно преобразуется и его вещевой, механический взгляд на мир, который для русского человека становится всё более осмысленным и утонченно сложным, определяющим внутреннюю, сугубо духовную подоплёку вещей. Кроме того, в процессе работы над словом и языком полностью раскрывается душа, дух и характер русского человека. В самом русском народе всё большее преобладание получает тяготение к мистике и нравственным ценностям, склонность к одухотворению природы и природных явлений и определяется конечный его выбор в пользу нравственного добра и отвержение сугубо материальных ценностей. В отличие от цивилизованного англо-сакса, и поныне сохранившего свою сущностную привязанность к капиталу как первобытному, сугубо материальному добру, русский человек в своём языке давно уже перешёл в стадию доброты, свободной от давления материального мира.

5

Недоброжелатели русского народа, пользующиеся любой возможностью, чтобы бросить тень критики и неодобрения на всё самое ценное в нём и для него, применительно к русскому языку, подлинное богатство которого им трудно оспорить, делают упор на его необычайной сложности. Причём не столько в плане разговорной речи, сколько касательно усложнённости его грамматического строя. Грамматика русского языка, действительно, весьма непроста. И это вполне естественно для языка, отображающего весь сложнейший комплекс окружающего мира в теснейшей его взаимосвязи с не менее сложным внутренним миром человека, причём отображающего не примитивно, огрублённо, приблизительно, а во всей их тончайшей нюансировке. Но вот что примечательно. Наши либералы, не просто занимающие господствующие позиции в сфере российского образования, но буквально узурпировавшие её, применяя режим наибольшего благоприятствования в отношении английского языка, создали разветвлённую и в целом весьма эффективную систему его освоения путём всемерного развития разговорной речи. Совсем иная тактика и стратегия применяется ими в отношении родного, русского языка. Все школьные учебники русского языка до такой степени перегружены тяжеловесной и неудобоваримой грамматикой, причём во всех её учёных нюансах, что на разговорную практику уже не остаётся времени. Анекдот о том, что в Солнцево поймана группа подростков, которые собирались по ночам в подвале и учились читать, родился вовсе не на пустом месте. Он почти стопроцентно отображает существо либеральной политики, направленной не на изучение русского языка, а на отучение и отлучение детей от него, на воспитание презрения и отвращения к родному языку. Это уже не система образования, каковой она формально именуется, а политика самой настоящей дискредитации русского языка и самой системы образования в целом.

Возьмём, к примеру, учебник для шестого класса (дети двенадцати лет!) общеобразовательных учреждений под названием «*Русский язык*», написанный М.Т. Барановым, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой, Л.Т. Григорян и И.И. Кулибаба. Уже сам авторский коллектив по своему характеру красноречив для учебника именно русского языка. Подобно Минкину и Быкову, начинается учебник с дифирамбов русскому языку (это, по-видимому, уже отработанный всеми либералами приём), который объявляется «*одним из самых развитых и богатых языков мира*». В подтверждение приводятся соответствующие высказывания Николая Гоголя, Виссариона Белинского, Константина Паустовского, Александра Герцена, Александра Куприна и Ивана Тургенева. А сразу после этого идут без всякого перехода разделы – «*Фонетика, орфоэпия, графика*», «*Морфемы в слове. Морфемный разбор слова*», «*Части речи. Морфологический разбор слова*», «*Орфограммы в окончаниях слов*» и так далее. Непрофессионализм полнейший и грубейший, ибо нельзя говорить с детьми на таком языке. В «*Толковом словаре*» в конце учебника разъясняются слова «*журавль*», «*заяц*», «*кукла*», «*линейка*», «*ракета*», известные детям с детского сада, но ни слова не говорится о «*фонетике*», «*орфоэпии*», «*морфемах*», «*морфологии*». Выпущенный в помощь школьникам «*Справочник по русскому языку*» (автор Дитмар Розенталь) адресуется автором ещё и преподавателям, студентам, журналистам, издательским работникам, «*а также всем, кто стремится писать грамотно*». И это весьма симптоматично. Во-первых, без специального справочника в рекомендованном Министерством образования и науки Российской Федерации учебнике русского языка разобраться невозможно. Во-вторых, Розенталь, по сути, даёт недвусмысленно понять, что на школьников навалом обрушено всё то, что предназначено для детального изучения студентов филологических факультетов и специалистов филологического профиля.

Самое парадоксальное в этом горемычном для бедных школьников псевдоучебнике русского языка состоит, на мой взгляд, в том, что всё его убогое содержание полностью противоречит высказываниям русских классиков, цитируемым в самом его начале. А слова их, действительно, замечательные. «*Главный характер нашего языка*, - отмечал, в частности, Александр Герцен, - *состоит в чрезвычайной лёгкости, с которой всё выражается на нём*». Александр Куприн подчёркивал, что «*русский язык в умелых руках и в опытных устах красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен*». А Иван Тургенев завещал: «*Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками*». Авторы выполнили чей-то заказ, что называется на совесть, превратив чрезвычайную лёгкость русского языка в его чрезвычайную сложность, умело и опытно сделали его некрасивым и невыразительным и постарались всеми доступными им средствами затруднить передачу потомкам прекрасного достояния их предков. Что же, их труд, по-видимому, хорошо оплачен, ибо писание и издание учебников – очень доходное дело. Что же касается детей, то при таком подходе остаётся надеяться лишь на родителей, да на них самих, что они вопреки своим учителям полюбят чтение и русский язык и доберут в процессе последующего самообразования то, что им недодали или что у них отняли в процессе школьного обучения.

6

Когда-то, в те далёкие времена, когда учебники писались не методом халтурно-бригадного подряда и когда образованием и просвещением народа занимались люди, любящие детей, свой народ и свою страну, школьный учебник русского языка назывался «*Родная речь*». Тогда уделялось повышенное внимание не формальной грамматической связке двух-трёх слов в бесконечных их вариантах, а развитию хорошей русской речи. Разумеется, в политесные либеральные времена именовать русский язык в многонациональной стране «*родной*» речью не совсем корректно. Но русское-то слово «*речь*» пока ещё никто не запрещал и развитие именно русской речи всё ещё номинально

остаётся важнейшей задачей российского образования. Так почему же наши подростки должны собираться по ночам, тайком, в подвале, чтобы даже не развивать свою речь, а всего-навсего «*учиться читать*»? Ответ предельно прост. Либералам, особенно в их радикальном, хищническом варианте, совершенно не нужны развитые русские люди, обладающие русским здравым смыслом и хорошей русской речью. Ибо ими трудно управлять как «*быдлом*» и сложно затем переучивать на «*язык власти*», «*канцелярит*», «*язык криминала*», «*мат*» и разного рода «*диалекты*». Русская речь для либералов – очень опасная штука. Напитанная многовековым русским духом богатая русская речь сама по себе обладает магическими реабилитирующими и регенерирующими свойствами. Она способна не только быстро залечивать серьёзные душевные раны, но и полностью восстанавливать надломленный и надорванный русский дух.

Русское слово «*речь*», думается, вовсе не случайно созвучно со словом «*речка*». Макс Фасмер пытается развести их друг с другом, ссылаясь на польское толкование Речи Посполитой как аналога древнеримской «*respublica*», в котором слово «*речь*» приобретает характер «*дела*». Однако сам же он отмечает, что в основе русской речи лежит древнерусский глагол «*рцы*», одной из форм которого является «*реку*», то есть говорю, произношу слова, рождаю некий словесный поток. В свою очередь происхождение русского слова «*река*» этимологи связывают с древне-индийским словом «*rayas*», означающим «*течение, ток*». Как бы то ни было, но русская речь и в самом деле очень напоминает российские реки, которые текут среди русских равнин ровно, спокойно, посверкивая в лучах солнца, отражая в себе небо и время от времени вздрагивая от плеска играющей в них живинки. Вполне ассоциируется взволнованная русская речь и с взбудораженными российскими реками в минуты бурь и ненастья. И уж совсем уподобляется потаённо иносказательная русская речь русским рекам в холодную зимнюю пору, когда скованные на поверхности льдом они продолжают немо клокотать в своих глубинах, сохраняя свой непрерывный ток и поддерживая жизнь всей речной живности. Все русские речи-реки в конечном счёте вливаются в огромное море – море русского языка, в котором, солонея, они и консервируются на веки вечные.

Для исконной русской речи характерны её самопроизвольность и в то же время строгая упорядоченность, её свободное течение в естественных берегах, её природная чистота и прозрачность, её смысловая глубина и непрерывная игра словами, её серьёзность, не впадающая в скуку, и её склонность к юмору, но без пустого зубоскальства. В русской речи поражает даже не столько её богатейший лексикон, сколько её органика и естественность, её природная живость и неистощимый ток тёплой нравственнической энергетики. Чуткий к русской речи человек никогда не пропадёт в огромном море русского языка, он будет плавать в нём, как рыба в воде, при этом по-человечески омываясь и очищаясь и получая самое высокое эстетическое наслаждение. Либерал по своим политическим убеждениям и неискоренимо русский человек по своему духу Иван Тургенев, почти безвыездно находившийся в Париже, сто тридцать лет назад написал своё знаменитое стихотворение в прозе, посвящённое русскому языку и завершающееся словами: «*Но нельза верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!*». Вот эту-то нашу главную поддержку и опору и пытаются сегодня выбить из-под наших ног наши собственные доброхоты и иноземные доброжелатели. Но вот ведь что знаменательно. Прервать нашу живительную связь с русским языком затруднительно, но возможно. Однако, даже если это произойдёт и на какой-то момент кому-то удастся лишить нас нашего языка, сам-то язык останется. Причём не в качестве мёртвого языка, подобно древнегреческому или латыни, а как совершенно живой, да ещё и непрерывно обновляющийся язык. И каждый, кто вновь прикоснётся к нему, неважно русский он или представитель иной нации, сразу ощутит на себе силу и магию русского языка. И сам восстанет из мёртвых.

Тот факт, что ведущими державами мира (США и Китай) являются сегодня страны, обладающие наиболее развитыми языками, наводит на мысль, что сила наций коренится не только в душе, духе и характере их народов, но и в их языке, в его богатстве и гибкости, в его способности и умении тонко улавливать веяния времени, правильно их отображать и настраивать его носителей на неизбежные жизненные перемены. Наиболее показательными в отображении роли языка в развитии страны являются Соединённые Штаты Америки. Территория, изначально заселённая разноплемёнными европейскими колонизаторами, смогла превратиться из британской колонии в самостоятельное государство, а затем стать символом европейской демократии и цивилизации. И, думается, что всем этим США обязаны исключительно английскому языку. Именно он позволил объединить враждующие и соперничающие друг с другом кланы и племена в единую американскую нацию, напитал эту нацию воинствующим духом всемирного самоутверждения и сформировал её агрессивную меркантильно-прагматическую ментальность. Сущностная двусмысленность английского языка позволила американской нации противоестественным образом сочетать в себе крайние формы фанатичной набожности и абсолютного цинизма. Китайский язык, намного превосходящий английский язык своей тонкостью восприятия мира и глубиной его ментального отображения, играл в формировании ныне самой многочисленной в мире китайской нации совсем иную роль – полностью противоположную английскому языку в США. Необычайно усложнённый, полностью оторванный в своём произношении от живой природы, да ещё и оформленный в сложнейшую иероглифическую письменность, это был язык намеренного и нарочитого обособления нации. В конечном счёте он превратился в непреодолимое средство отчуждения нации от всего варварского мира – в своего рода внутреннюю, духовную «*китайскую стену*», аналог знаменитой каменной, но намного превосходящий её своей непреодолимостью.

В отличие от агрессивно-объединительного английского языка и оборонительно-разделительного китайского языка русский язык имеет совсем иную природу и совершенно иное предназначение. От снобистского, брутально-самодовольного духа английского языка его отличает простонародное в своей основе миролюбие и добродушие. Подчёркнутой же сложности и закрытости китайского языка в русском языке противополагается его простота и открытость, его предельная естественность. Русский язык создавался русскими людьми исключительно для себя и в стремлении к абсолютной гармонии с окружающей природой. Именно природе подражал русский народ в своём словотворчестве, передавая в своём языке ароматное благоухание летнего утра, устрашающее громыхание осенней грозы, унылую стылость зимних холодов и радостный звон весенней капели. Этот природой обусловленный универсализм русского языка как нельзя лучше приуготовил его (и весь русский народ) к осмыслению вечности и бесконечности мира, но без стремления к его завоеванию. А его открытость и доступность приучили русский народ полагаться не на какие-то естественно или искусственно создаваемые преграды, но исключительно на силу своего духа и органичное единство всех соотечественников. Прекрасный знаток европейских языков Александр Пушкин со знанием дела подчёркивал, что «*язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими*». Думается, что в общечеловеческом плане русский язык имеет несомненные преимущества и перед азиатскими языками. Ибо, какого бы политического, экономического и иного влияния ни достиг в будущем Китай, китайский язык без серьёзного его реформирования так и останется языком исключительно китайского народа - той великой китайской стеной, которая будет вечно отделять его от других народов мира. Что же касается английского языка, то заложенные в нём снобизм и агрессивность будут вечно отталкивать от англо-саксов народы мира, устремлённые к обеспечению мирного будущего человечества.

Иван Тургенев, несомненно, имел полное основание называть прекрасный русский язык «*кладом*», «*достоянием, переданным нам нашими предшественниками*». Богатейший русский язык, равного которому по универсализму и всечеловечности нет во всём мире, является сегодня, пожалуй, нашим главным сокровищем и важнейшим национальным достоянием. Причём, возможно, даже гораздо более ценным, чем все природные ресурсы, которыми мы обладаем в превосходной степени и которыми мы спасаемся в нашу нынешнюю лихую годину. Всячески препятствуя возрождению страны, наши доброхоты-либералы печалуются о чрезмерном расходовании Россией нефти, газа и другого сырья, как бы не замечая того, что, скопидомски сидя на них, мы вообще не смогли бы отстоять нашу государственную независимость и наше человеческое достоинство в условиях полного развала и целенаправленного разрушения экономики страны. Что касается сокровищницы русского языка, то здесь упор делается либералами исключительно на сохранении и защите русского языка на постсоветском пространстве и в мире в целом. Более того, по сути, речь идёт о некой языковой агрессии, совершенно несвойственной природе русского языка. Ссылаясь на серьёзное сокращение ареала применения русского языка в мире, «*доброжелатели*» бьют тревогу и пугают тем, что к 2025 году русский язык может стать даже менее популярным, чем бенгали или португальский. Цель, как и в гонке вооружений, очень проста. Под предлогом всемерной поддержки языка доброхоты добиваются прогрессирующего увеличения средств, направляемых на пропаганду русского языка за рубежами страны, и тем самым содействуют уменьшению ресурсов его развития в собственной стране. Всё это очень напоминает пресловутую внешнеполитическую пропаганду поздних советских времён, когда трещавший по всем швам коммунистический дом усиленно красили по фасаду и целенаправленно разваливали изнутри.

8

Спасать русский язык, может быть, и надо, но не столько от его мнимых врагов, сколько от его рьяных защитников. Основная угроза современному русскому языку сосредоточивается не в нападках на него со стороны воинствующих национальных элит стран СНГ и Балтии, а в обескультуривании огромной массы людей в самой России, в резком сокращении числа носителей настоящего, богатейшего и в высшей степени нравственнического русского языка. Эта прогрессирующая убыль носителей подлинного русского языка происходит вовсе не стихийно. К сожалению, следует признать, что ей мы во многом обязаны весьма специфической государственной политике в сфере культуры и образования. Безволие и явный непрофессионализм, царящие в этой сфере, способствуют выхолащиванию живого русского языка разного рода лингвистическими тонкостями. Оприми тивление же процесса овладения наследием классиков и творчеством нынешних мастеров русского слова ведёт к отрыву главных хранителей и творцов современного русского языка от его носителей. Российские средства массовой информации и учреждения культуры, ставшие оплотом идеологии либерализма, усиленно навязывают российскому обществу и особенно российской молодёжи псевдорусский язык, представляющий собой неудобоваримую мешанину из упрощённой бытовой лексики, эклектичного политического жаргона, иноземного языка бизнеса, нарочито примитивного сленга активных пользвателей Интернета, цинично-оскорбительного мата и тюремно-блатного говора.

Насильственно отлучаемый от российского общества и русско-российского народа русский язык в России живёт сегодня своей собственной жизнью, самоотверженно поддерживаемый когортой профессинальных учёных-лингвистов, писателей-почвенников, поэтов-лириков и беззаветными служителями культуры среднего звена (учителя, библиотекари, духовные пастыри). И тем не менее сам по себе он сегодня здоров и внутренне могуществен как никогда. Достаточно только «*кликнуть*» на Яндексе в

Интернете на любое русское слово, чтобы сразу почувствовать вполне осязаемое вхождение в великое, неисчерпаемое море русского языка. Слово цепляется за слово, и вот вы уже купаетесь с упоением в этом благодатном, необъятном и необычайно свободном словесном просторе. Спасать нужно не это море, а нас самих, искусственно отделяемых ныне от него разного рода «*частными владениями*», которые всё множатся, создавая вокруг этого моря непреодолимую преграду. Но это языковое море по самому своему происхождению никогда не было и никогда не станет чьим бы то ни было частным владением. Русский язык уже давно перестал быть достоянием одного русского народа. Он сегодня – общее достояние всех многочисленных народов, населяющих Россию. Более того, могучий и самобытный русский язык, способный, по определению Ивана Ильина, к «*пластической выразительности*» и «*отвлечённому парению*», давно уже стал весьма значимым в культурном плане мировым достоянием.

Чуждый архаике, неистребимо живой и стремящийся к бесконечному совершенству, русский язык не просто современен, но имеет все основания к тому, чтобы стать, не только по своему потенциалу, но и по реальному фактическому значению, духовно объединительным всечеловеческим языком. Для этого у него есть всё – богатейший словарный запас, точность и адекватность отображения сложнейшего вещного мира, образная выразительность передачи разнообразных состояний человеческой души, глубина проникновения в суть вещей, потрясающий динамизм и изумительная пластичность речи, способность к непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию. Преграды, искусственно создаваемые сегодня вокруг русского языка, способны затруднить овладение им основной массой российского населения, но они не могут сколь-нибудь существенно повлиять на сам русский язык – на его строй, его абсослютную самодостаточность и возможность его позитивного влияния на другие языки и народы мира. Русский язык – это объективная реальность, которую нельзя игнорировать, но с которой необходимо считаться даже не ради него самого, а ради собственного саморазвития и жизненной самореализации. Будет ли русский язык языком будущего человечества или останется национальным языком творчески развивающейся России – это неважно. Главное в том, что сегодня русский язык является наиболее лексически развитым и нравственнически ориентированным языком, без которого уже немыслимо духовное развитие мира.

* * *

Для иллюстрации темы русского языка трудно взять какую-то одну русскую народную сказку, так как все русские сказочные герои без труда понимали речь растений и животных, разных чудищ и страшилищ, а также смысл слов всех иноземцев, с которыми они встречаются на своём жизненном пути. Эта обострённая способность универсального понимания всего и вся и является, по сути, отличительной чертой личности русских сказочных героев, проистекающей из их доброго и сострадательного русского нрава, благорасположенного ко всему доброму, но нетерпимого ко злу. Тем не менее, я решил остановить свой выбор на сказке «*Василиса Прекрасная*», которая в отношении самого языка не представляет чего-то отличительного от других русских сказок, но позволяет взглянуть на проблему всей русскости, в том числе и в чисто языковом плане, под весьма специфическим современным углом.

Литературно обработанная ещё в давние времена сказка обросла словами, но её сюжет остался по-народному прост и безыскуствен. Двенадцатилетняя дочь вдовца-купца, уже в зачине названная Василисой Прекрасной, по воле отца и прихоти судьбы обрела не только злую мачеху, но ещё и двух завистливых сестёр. Они, по закону жанра, стали Василису буквально сживать со свету. Воспользовавшись отъездом отца, мачеха отправила красавицу-падчерицу за огнём в лес к бабе-яге, с явным расчётом избавиться от неё. Но девушке во всех её бедах помогала волшебная кукла, переданная ей умирающей матерью вместе с родительским благословением. Кукла спасла красавицу Василису от

всех происков бабы-яги и вынудила последнюю отпустить девушку домой, наградив её черепом с горящими глазами. Эти глаза «*сожгли в уголь*» мачеху и сводных сестёр. Дальше чудеса продолжились, но уже без помощи куклы, а исключительно благодаря рукоделью самой Василисы, которая оказалась не только искусной мастерицей, но ещё и большой умницей. Конец сказки по-русски традиционен. Увидев Василису Прекрасную, царь влюбился в неё без памяти, посадил её подле себя, а там и свадебку сыграли. Здесь весьма кстати возвратился отец и остался жить при дочери. Не забыла Василиса щедро отблагодарить помощницу-старушку, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

На мысль о судьбе русского языка меня натолкнул в этой сказке эпитет Прекрасная. Все подлинные ценители русского языка, не сговариваясь, дружно называют его прекрасным, причём в явно превосходной степени. Судьба всего русского «*прекрасного*», и в первую очередь русского языка, ныне вручена не родной матери, а чужой мачехе и завистливым неродным «*сёстрам*», бесцеремонно хозяйничающим сегодня в нашем отчем доме. От этой назойливой и недоброй опеки трудно ожидать чего-то хорошего и благого для русского языка и всей русскости в целом. Но у русского языка есть своя волшебная «*куколка*», неизменно спасавшая его от всех бед, в том числе и в период немецкого засилья в русской культуре в петровско-екатерининские времена. Этой «*куколкой*» была и остаётся необыкновенная одухотворённость русского языка, которую нужно во время немного подкормить, и она начинает творить с русским человеком чудеса. Но и сам по себе русский язык во всей своей совокупности есть величайший мастер, способный ткать речевое полотно высшей пробы и шить из него «*сорочки*» царского достоинства. Всё это не просто рождает надежду, а реально подкрепляет весьма обоснованную уверенность в том, что русский язык в конце концов найдёт своего подлинного высокого ценителя и обретёт достойное для себя место нетолько в нашей стране, но и во всем мире.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. РУССКИЙ УМ – ЗДРАВОМЫСЛИЕ ИЛИ ДУРОСТЬ?

Всякая мудрость от бога.
Глупый осудит, а умный рассудит.
Русак умён, да задним умом.

Русские пословицы

1

Российские либералы ещё со времён дореволюционного «*западничества*» высоко ценили так называемый европейский ум и с нескрываемым скептицизмом относились к русскому простонародному уму. Будучи профессорами столичных университетов, ранние российские «*западники*» не только превосходно владели основными европейскими языками, но в интересах фетишизируемой ими науки и всю свою ментальность подстраивали под европейский склад ума – строгий, логичный, подчёркнуто серьёзный и академически абстрагированный от простого народа и практической жизни. Круг нынешних либералов-западников значительно расширился и вышел далеко за пределы чисто академической учёной сферы, но остался таким же ментально снобистским в отношении народной массы и отстранённым от реальной жизни, как и сто-двести лет назад. «*Наш ум,* – отмечает один из современных российских интеллектуалов Лев Аннинский, - *задний ум. Это не «тупость», это «дурь»*». Разумеется, дурью утончённейший литературный критик именует не свой собственный разум, а ум общенародный, ум русской народной массы. В то же время европейский ум и сегодня

представляется ему умом «*наших уравновешенно-гармоничных западных партнёров*». Контраст вполне очевиден. Мы (русский народ) представляемся российскому интеллектуалу не совсем тупыми, но однозначно дурными людьми. Они же (европейцы), наоборот, выглядят в его интеллигентских очах уравновешенными и гармоничными в своём разуме о собами. Кроме того, мы (русский народ) совершенно непонятно кем приходимся рафинированному российскому интеллигенту, а они (европейцы) точно представляются ему «*партнёрами*». Предпочтения европеизма видны, что называется, невооружённым глазом. Что же касается «*нас*», то здесь превалирует даже не скептицизм, а некое пренебрежительное недоумение.

Надо признать, что и сам русский народ в плане собственной ментальной самокритики и своего самоуничижения поработал весьма основательно, представляя дураками едва ли не всю массу русского населения. Народные мудрецы, например, с огорчительной иронией отмечали: «*на Руси, слава Богу, дураков лет на сто припасено*»; «*у нас дураков непочатый угол*»; «*наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь*»; «*сколько дней у Бога впереди, столько и дураков*». В этих пословицах дураки трактуются как неизбежное и неизбывное русское зло и в какой-то мере – как огорчительная примета России. Однако следует сразу подчеркнуть, что слово дурак, трактуемое у Владимира Даля как «*малоумный, безумный, юродивый*», то есть попросту идиот, употреблялось русскими мудрецами вовсе не в прямом, а в переносном, иносказательном смысле. Таковыми им представлялись люди обыденного склада ума, живущие исключительно сегодняшним днём и скользящие по поверхности вещей и событий. Примитивная философия уподобляемых дуракам людей («*авось, небось да как-нибудь*»), по логике мудрецов, толкает их в пучину дел как в безбрежное море, из которого подавляющее большинство из них не выплывает, влача бедность и нищету (духовную в том числе) и плодя таких же, как они, горемычных детей – людей без прошлого и без будущего. Главная проблема таких дураков состоит, в представлении наших предков, даже не в том, что их много и им не хватает подлинного ума, а в том, что они не переучиваются, то есть не способны осознать и признать свою дурость и начать с ней бороться, задумываясь не только о хлебе насущном, но и о смысле человеческой жизни.

Дурость в русском понимании - не только весьма распространённое в России явление, но и своего рода заразная болезнь. Временами она напоминает некое поветрие, которое, как мор, распространяется по России весьма быстро и очень широко. Временами же, при целенаправленной и умелой профилактике, зона поражения ею русских людей заметно сужается, почти сходит на нет. Причём ареал её распространения вовсе не сосредоточен в сугубо простонародной среде, как это принято считать в интеллигентских кругах, а захватывает все слои российского общества, включая и его элиту. В определённом смысле российское западничество, и в особенности нынешний российский бездумный либерализм, есть не что иное, как самое настоящее проявление русской дурости, приобретшей сегодня характер самого полномасштабного поветрия. Каким другим словом можно назвать, например, то состояние российского общества, когда самая активная его часть вбила себе в голову абстрактную и ничем не обоснованную идею, что Европа умнее нас и что Запад нам поможет? Причём они не просто зациклились на этой навязчивой идее, а, снедаемые внутренним беспокойством, колобродят и бессмысленно мечутся из стороны в сторону, бурля и негодуя на всё и на всех и распространяя повсюду недовольство, словно заразу. Разумеется, только дуростью и именно в её высшей стадии, когда она грозит непоправимыми последствиями стране и российскому народу.

2

Русская простонародная дурость, на которую как на первопричину своего собственного безумия зачастую ссылаются наши доброхоты-либералы, якобы выведенные из себя неискоренимой тупостью русского народа, сама по себе очень не проста. Она, во всяком случае, намного сложнее ментального примитивизма нашего либерального

среднего класса, прикрывающего одной-единственной либеральной идеей (идеей абсолютистской свободы) свою эгоистическую алчность и свою патологическую завистливость. В народной так называемой дурости всегда наблюдались два крайних типажа – тип простака и тип «*темнилы*». Словом простак в русском языке обозначали человека бесхитростного, прямого, открытого и ментально беззащитного, каковыми, вполне возможно, и были все простые русские люди на самом раннем этапе их существования. Это, как правило, душевно щедрые и в целом ментально вполне нормальные люди, у которых, однако, недержание ума превращается в неискоренимую и прямо-таки болезненную привычку. Наши мудрые предки о таких людях говорили – «*что у умного на уме, то у глупого на языке*». Это люди незрелой мысли, не способные удержать зародившуюся идею (даже вполне здравую) в своей голове и мгновенно выбалтывающие её. Причём зачастую против своей воли (которая, кстати, у них тоже очень слабо развита) и именно (ещё один русский парадокс!) ради доказательства наличия у них ума. Народные мудрецы относились к простакам двойственно. Коря простаков за несомненную глупость, мудрецы не щадили их и жёстко именовали простофиль Иванами-дураками. В то же время, восхищаясь их душевными качествами, мудрецы прощали им их глупость и щедро одаривали сказочных дураков неизменным преуспеянием и всевозможными земными благами.

Народный тип темнилы тоже очень не прост и тоже очень русский. В противоположность простаку темнилами в простонародье именуют людей «*себе на уме*» - неисправимых лукавцев, в высшей степени закрытых и неискренних, окопавшихся в своём внутреннем эгоистическом мире, словно в осаждённой крепости, терпеливо ожидающих своего часа, но не упускающих возможности прихватить при удобном случае и что-то чужое. Как правило, это люди безнравственные и очень трусливые по своей натуре. Бесконечно хитря с другими, они зачастую перехитривают прежде всего самих себя, так как в разного рода хитроумных комбинациях у них «*ум за разум заходит*». То есть они ловчат до такой степени, что перемудривают, пренебрегая реальными возможностями в ожидании некой идеальной ситуации, которые в практической жизни случаются крайне редко или выообще не случаются. Учитывая общую нелюбовь к себе со стороны основной массы русских людей, темнилы, будучи людьми неглупыми, намеренно «*придуриваются*», напуская на себя вид простаков. В русских сказках они, как правило, выводятся в качестве старших братьев Ивана-дурака, не утруждающих себя разного рода романтическими подвигами, а просто-напросто убивающими по возвращении своего простодушного брата и присваивающими себе его сказочную добычу. Но народные сказочники обязательно разными способами возрождают Иванушку-дурачка и жестоко карают его коварных, трусливых и вероломных братьев.

Вечные русские типажи простака и темнилы и сегодня ярко проявляют себя в нашей далёкой от идеала российской действительности. Достаточно войти на любой интернетовский форум при обсуждении наиболее значимых российских и зарубежных проблем, и сразу сталкиваешься с этими двумя крайностями российской дури, которые, слава Богу, в какой-то мере уравновешивают друг друга. Однако в какие-то моменты они настолько активизируются (причём обе сразу), что грозят вытеснить с российского ментального поля все элементы разумности. К счастью, эти приливы российской дурости бывают всё же настолько редкими, что ими по крупному счёту вполне можно пренебречь. Причём именно потому, что они лишь подчёркивают и оттеняют разумность и здравомыслие всего русского народа в целом, который в самом себе обе эти крайности дурости удерживает железной рукой, неизменно исповедуя принцип золотой середины. Не будем лукавить сами с собой. Да, дурость в ментальности русского народа, несомненно, имеется. Да, её порой бывает очень много, и, по сути, она в России практически неистребима. Но, во-первых, для ума всего народа эта пресловутая дурость является не правилом, а исключением, а, во-вторых, даже она вовсе не отвергает наличия ума в русском народе. Ибо при внимательном рассмотрении дурость является всего лишь

одним из специфических свойств русского ума, колеблющегося между абсолютной открытостью и абсолютной закрытостью, но волевым способом удерживающего органическое равновесие между ними.

3

Пожалуй, не менее чем о дурости в либеральных кругах говорят о другом отрицательном свойстве русского ума – его так называемом «*заднем уме*». Причём этот задний ум характеризуется либеральными апологетами образцового (по-видимому, «*переднего*», передового) европейского ума в исключительно негативном плане. Тот же Лев Аннинский называет «*наш ум*» (ум русского народа) именно задним умом, подразумевая под ним некий «*скомороший, кенотический («зрак раба») способ спрятать ум поглубже, оставить в запасе до страшного часа*». Это самое странное толкование заднего русского ума, которое можно встретить в исследовательской литературе. Странное и в корне неверное. За задний ум наш признанный литературный мэтр принимает исключительно ум хитромудрого темнилы, который к подлинно здравому русскому заднему уму не только не имеет никакого отношения, но является, по сути, его антиподом. Когда русские народные мудрецы утверждали, что «*русак умён, да задним умом*», они вкладывали в понятие заднего ума совсем иное смысловое содержание, противоположное аннинскому пресловутому «*придуриванию*». Мудрецы, наоборот, неизменно подчёркивали, что русский задний ум - ум настоящий, подлинный, но с определённой русской спецификой.

Размышляя над проблемами и специфическими свойствами русского заднего ума, народные мудрецы выразили свои наблюдения в пословицах - «*кабы мне тот разум наперёд, что приходит опосля*»; «*всяк умён: кто сперва, кто опосля*»; ««*Да ты бы наперёд подумал». – «Пробовал, братец, - хуже»*». Специфичность русского заднего ума отображена здесь как особенность характера русского человека вообще, который неизменно ждёт от внешнего мира некоего задора, который долго запрягает, но быстро едет, который торопится не спеша. То есть речь идёт вовсе не о дурости или зраке раба, а всего лишь о замедленном включении русским человеком своего мыслительного процесса, о некой раскачке русского ума, об определённой замедленности реакции ума русского человека на происходящие события. Эмоциональный сам по себе, русский человек и в своих контактах с реальной действительностью инерционно эмоционален и нередко пытается решить неожиданно возникающие проблемы, что называется, наскоком, с кондачка, без особых раздумий. Но, столкнувшись с серьёзными трудностями, он пусть и вынужденно, пусть с некоторой задержкой, но, тем не менее, «*берётся за ум*», и этот его предосудительный задний ум принимается за работу всерьёз и весьма основательно.

Задний ум в целом представляется как такой склад русского ума, в котором превалируют элементы интуитивности, а вся его сила проявляется и нарабатывается преимущественно опытным путём. Его недостатки вполне очевидны, так как в некоторых случаях запоздалая реакция на вполне реальные гибельные ситуации в прямом смысле слова для русского человека смерти подобна. Но, зная эту свою слабость, русский человек стремится компенсировать её «*крепостью*» своего ума. Именно об этом свидетельствуют русские народные пословицы - «*русак задом (задним умом) крепок*» и «*кабы у немца напереди, что у русского назади – с ним бы и ладов не было*», в которых подчёркивается высокая качественность заднего русского ума. Особенно это видно из сравнения русского и немецкого ума. Немецкий ум выставляется мудрецом в пословице как типичный европейский «*передний*» ум, сила которого состоит в серьёзной предварительной обдуманности всех дел и поступков. Русский в этом плане немцу, несомненно, уступает. Но в конечном счёте побеждает, по логике пословицы, не немец, а русак, так как он намного лучше немца обдумывает последствия своих дел и поступков. Талант русского заднего ума заключается, на мой взгляд, именно в бесстрастности, беспощадности и нелицеприятности анализа свершившихся событий, причём обязательно с учётом

собственных слабостей и глупостей. Человек, обладающий такой ментальностью, может делать немало глупостей в мелочах, совершать серьёзные промахи по ходу дела, терпеть отдельные неудачи и даже допускать крупные провалы, воспринимаемые как катастрофы. Но этот человек, тем не менее, обладает исключительной потенциальной мощью ума и духовной энергетики. Он силён стратегически. И он необорим в крупных делах – особенно в тех, когда на карту ставятся судьба народа и всего человечества.

4

Помимо дурости и заднего ума, которые при всех их плюсах и минусах следует всё же отнести к русским недодумкам, важной и, может быть, главной отличительной чертой русского ума является его здравомыслие. Здравый смысл, пожалуй, следует отнести даже не к специфике русского ума, а к его базису и к русской ментальности вообще. Понятие «*здравый смысл*» - уникальное, сугубо русское ментальное понятие и явление. При попытке перевести его на иностранные языки получается только некое подобие, причём с элементом карикатурности. Даже слово здравый переводится во французском языке как «*хороший*» («*bon*»), а в английском – как «*общий*», «*обычный*» и «*грубый*» («*common*»), что, разумеется, очень далеко от нашего понимания – нормальный и здоровый. Что же касается смысла вообще, то здесь происходит элементарная подмена его понятием духа, выходящим за рамки ментальности как таковой. Именуя здоровый, нормальный ум русского человека здравым смыслом, народные мудрецы, стоявшие у истоков русского языка и русской речи, по-видимому, считали, что по-настоящему умный человек должен не просто обладать умом, а уметь правильно пользоваться им, применять его умело, со смыслом, вдумываясь в существо вещей и событий.

Здравый смысл, по существу, есть целостная система вдумчивого ментального освоения русским человеком многообразных и изменчивых явлений чувственно осязаемого реального мира. Причём как каждого явления в отдельности, так и все их вместе взятые - во всём их многомерном и сложном комплексе. И не в отрыве от человека, а в тесной взаимосвязи с ним. И не только человека вообще, а с учётом конкретной личности и во всей сложности и изменчивости её внутреннего мира – как самого по себе, так и в зависимости от внешних обстоятельств. Со времён Гегеля, низведшего здравый смысл с народно почитаемого ментального олимпа в тартар человеческого умственного ничтожества, в научных кругах стало модным третировать простонародный здравый смысл, именовать его примитивным и вульгарным. Нынешние площадные либералы, вряд ли когда-либо серьёзно изучавшие труды Гегеля, Канта (который, кстати, попытался философски реабилитировать здравый смысл) и других крупных философов, возвели снобистско-презрительное отношение к здравому смыслу в культ уже в силу культовости своего абсолютистского свободомыслия, по-настоящему вульгарного в своём существе. Но и они порой бросают фразы - «*Даже с точки зрения элементарного здравого смысла…*». То есть вынуждены признавать некую аксиоматичность суждений здравого смысла, нетребующего объяснений и не подлежащего обсуждению.

Русский здравый смысл не любит домыслов, не увлекается догадками. «*Лишние догадки*», по мнению народных мудрецов, «*невпопад живут*». То есть, не согласуясь и противореча друг другу, домыслы и догадки мешают правильному пониманию реальной действительности и адекватному реагированию на её требования. Не чурающийся необходимой отвлечённости в анализе вещного мира и высоко ценящий личностные размышления о смысле человеческого бытия, русский здравый смысл, тем не менее, осуждает уход человека в чисто ментальную сферу, его отрыв от живой жизни и от понимания сути конкретных явлений. «*Стал на думах, как на вилах*», - говорили мудрецы о человеке, запутавшемся в своих размышлениях и буквально раздираемом ментальными противоречиями. «*Долгая дума – лишняя скорбь*», - утверждали они, требуя от практического человека не очень увлекаться отвлечёнными размышлениями, которые не только, по их мнению, не облегчают земные скорби, но ещё больше умножают их. Вся

система русского народного (и русского вообще) здравого смысла направлена на ментальное восприятие мира в целом как явления разумного и жизненно необходимого человеку. Гегель потому жёстко отвергал и агрессивно опровергал здравый смысл, что последний был и остаётся цельной и адекватной системой ментального отображения именно реального мира, который философ жаждал полностью переделать на основе своих идеальных ментальных построений. Гений гегелевского интеллектуализма, отвергавшего несовершенную реальность, породил марксов гений практического революционализма, последний же привёл к революционному попранию большевиками русского народного здравого смысла и духовному насилию над русским народом. Здравый смысл помог разрушить коммунистическую идейную тиранию, но был вновь попран – на этот раз уже гегелеобразной (в плане абстрагирования) либеральной идейной тиранией. Однако, как показала история, любые тирании, особенно идейные, очень недолговечны. А потому было бы вполне логичным предположить, что, избавившись в конце концов от духовно-ментального либерального ига, русский здравый смысл как целостная система реальной оценки реальной действительности утвердит себя в России всерьёз и надолго.

5

Русский здравый смысл базируется на трёх основных ментальных методологиях - соображении, воображении и рассуждении. Каждая из этих методологий оперирует образами, ибо сам склад русского ума – исключительно образный или, по определению Ивана Ильина, предметный. Только отталкиваясь от конкретного образа или наличного предмета, русский человек начинает выстраивать разного рода логические цепочки, но не отвлечённо, а именно расследуя весь комплекс внешних и внутренних связей этого образа или предмета с другими образами, предметами и явлениями окружающего мира. Методология соображения в этом плане представляет собой систему сопоставления образов, их сравнительного анализа. Конечной целью сообразительного мыслительного процесса является проникновение в суть вещей и выход мыслящей личности в пространство чистой мысли, скрывающейся под маской того или иного образа. Исключительная сообразительность русского человека является, пожалуй, одной из самых сильных сторон русского здравого смысла. Александр Пушкин, опровергая мнение о якобы склонности русского крестьянина к рабству, мимоходом заметил: «*О его смелости и смышлёности и говорить нечего*». Под смышлёностью простого русского человека он понимал именно народную смекалистость, его необычайную сообразительность, которая является, по мнению поэта, столь очевидной, что не нуждается в каких бы то ни было пояснениях и доказательствах. Русский человек и в самом деле очень внимателен и наблюдателен в отношении любых проявлений окружающего мира. Он хорошо чувствует малейшую нюансировку перемен, догадлив в раскрытии причинно-следственных связей вещей и явлений, сметлив в практическом реагировании на происходящие события, не теряет бодрости духа при неудачах, памятуя о неизбежной переменчивости мира вещей.

Центральным образом русского сообразительного процесса является человек, который выступает в нём в качестве не просто главного, но, по сути, единственного мерила всех вещей и явлений окружающего мира. Утверждая, что «*голова – всему начало*», народные мудрецы иносказательно подчёркивали несомненный приоритет именно человека в земном мире, в котором человек - всему голова и всему начало. В сообразительных представлениях русского здравого смысла человек есть центральная фигура земного мира, его главный смысл и его единственное предназначение. Всё остальное, с точки зрения здравого смысла, – всего лишь антураж, некие необходимые аксессуары человеческого существования, теряющие смысл целесообразности своего бытия в его отсутствие. Отталкиваясь прежде всего от человека, русский здравый смысл в своём ментальном сообразительном процессе, по существу, очеловечивает и весь окружающий мир, отыскивая и находя в нём те или иные черты, присущие самому человеку. Даже холодный и безжизненный космос, очеловеченный русским здравым

смыслом, предстаёт как Вселенная - некое немыслимо громадное Село, представляющее собой не набор самодвижущихся звёзд и планет, а обиталище человечества. Причём, возможно, не только в его реальном земном существовании, но и в его посмертном небесном инобытии.

Критики русского здравого смысла, имея в виду прежде всего его сообразительную методологию, утверждают, что у русского человека преобладает «*кривая логика*». В формальном плане они, разумеется, правы, так как у метода сравнительного анализа, исследующего сложно взаимосвязанную и весьма изменчивую природу вещей и явлений, по самому определению, не может быть прямой логики. Прямая логика европейского ума, даже в её невообразимо усложнённом гегелевском варианте, есть в конечном счёте всего лишь схема, грубая проекция реального мира, в существе которого логизм и алогизм взаимосвязаны и взаимообусловлены до такой степени, что порой не поддаются никакой логике и выглядят чистейшим абсурдом. Здесь-то важна и поистине бесценна кривая логика русского здравого смысла, который, не удовлетворяясь формальной, сугубо внешней логикой вещей и событий, стремится проникнуть в их сокровенную, мистическую суть, алогичную по своей иноприроде. Конечно, можно силой заставить конкретного человека и человечество в целом почтительно преклонить колени перед прямой логикой абстрактного европейского свободолюбия и абсолютистского свободомыслия умозрительной либеральной идеологии. Но это вряд ли изменит и упразднит кривую логику самих вещей и явлений, которая всё больше даёт о себе знать не только в России, но и в мире в целом, особенно в его западном полушарии.

6

Методология воображения базируется в русском здравом смысле на принципе ментально-духовного вхождения мыслящей личности в образы вещного мира, её ментально-чувственного проникновения в существо избранного образа и духовного уподобления при посредстве разума конкретному объекту вещного мира. Конечной целью вообразительного ментально-чувственного процесса является полное растворение мыслящей личности в реальном образе вещного мира, принятие его сущности в собственное нутро и принесение в жертву собственной личности во имя достоверного имиджевого утверждения ментально выверенного ролевого образа. Следует признать, что и в плане вообразительности русский человек практически не имеет себе равных в мире. Если взять огромный комплекс русского фольклора, то нельзя не подивиться богатству его образного строя, психологической достоверности каждого образа (будь то конкретный человек, животное или диковинное чудище), сочности и колоритности словесных оборотов, исполнительскому мастерству самих рассказчиков. Лёгкий, быстрый и точный образный ум русского человека в сочетании с его сострадательной душой и умением духовного проникновения в суть вещей и явлений делают его мастером перевоплощения, подлинной артистической натурой. Русский человек обожает лицедейство, любит шутку и юмор, не терпит назидательности и менторства, презирает лицемеров и ханжей. Он очень азартен и порой склонен воспринимать всю свою жизнь как некую сакральную игру – сложную, жестокую и весьма небезопасную, но очень увлекательную и интересную.

Будучи натурой эмоционально страстной, русский человек в любом игровом эпизоде требует исключительной подлинности и достоверности, полного соответствия внешним обстоятельствам и внутренним законам живой жизни. Знаменитое «*Не верю!*» Константина Станиславского, обозначившее кредо известной во всём мире русской театральной школы, есть не что иное, как высший артистический максимализм, предельная серьёзность в подходе к игре, предусматривающие полное растворение личности артиста в представляемом им образе. Русский артистизм присущ не только литературной или сценической сфере, но, по сути, является неотъемлемым свойством всех видов русского искусства. Важнейшим вообразительным органом русского здравого смысла является та самая мировая русская душа, которая не только приемлет весь сущий

мир таким, каков он есть, но и способна, в силу своей исключительной пластичности, полностью раствориться как в любимом существе, так, по сути, и в любом мировом явлении. Сам конечный образ Мира, являющегося русским аналогом космической Вселенной, есть сложнейший мыслеобраз, представляющий собой уникальный сплав русской мысли и русского духа. Сочетание в одном образе и бесконечного мира вещей, и внутреннего мира человека, причём в их гармонично умиротворённом, безмятежном сосотоянии – это великое открытие русского здравого смысла, воплотившего в едином мыслеобразе мирного мира идею-мечту о гармоничном развитии человечества.

Уравновешенный и гармоничный европейский ум не приемлет подобной вульгаризации. Как рациональные французы, так и практичные англичане не допускают смешивания понятия спокойной безмятежности с понятием всечеловечности в одном и том же мыслеобразе. Сходно обозначив мир как состояние безмятежности словами «*paix*» (французский язык) и «*peace*» (английский язык), всечеловечность они определили совершенно по-разному. Французы однозначно назвали её словом «*monde*», близким в своей трактовке к русской «*всечеловечности*». Англичане же традиционно вложили в понятие «*world*» такое множество толкований, что им можно обозначать совершенно несовместимые друг с другом вещи и явления – от вселенной до множества, кучи. Не случайно поэтому и производное от «*world*» слово «*worldly*» трактуется англичанами как «*любящий жизненные блага*», что существенно отличается от русского понятия «*мирянин*» (живущий мирно и в миру, скромный труженик, удовлетворяющийся тем, что он сам зарабатывает). Наши либералы потому, по-видимому, и отдают сегодня предпочтение англо-саксонской ментальности, что она весьма двусмысленна, да к тому же и буквально помешана на любви к жизненным благам, которой буквально пропитан весь современный английский лексикон. Оно и понятно. Гегель, пренебрегая здравым смыслом, создавал некий параллельный реальной действительности ментальный мир, идеально подходящий для царствования в нём титанов европейской мысли – германо-немцев. Сегодня либералы, третируя русский здравый смысл, выстраивают свой искусственный, ментально двусмысленный мир, идеально подходящий для титанов мирового бизнеса – англо-саксов. Но мир есть всё тот же реальный мир, который, как его ни называй и как его ни выстраивай под себя, останется в своей сути тяготеющим к миру миром или исчезнет совсем, подобно любой надуманной искусственности.

7

Вслед за соображением и воображением метод рассуждения является важнейшей составной частью общей целостной системы русского здравого смысла. Он подразумевает в целом позитивное осмысление мира и человеческой жизни, а также растворённой в них божественной сущности. В то же время он не отвергает и существование в мире значительной доли негативизма. А потому путём раздумья и размышления он стремится к уразумению в любой вещи и в любом явлении их позитивной и негативной сторон. При этом в конечном счёте он отдаёт явное предпочтение позитивизму как определяющему внутреннему фактору земного существования человека. Русский метод здравомысленного рассуждения существенно отличается гегелевского суждения прежде всего тем, что Гегель вкладывал в понятие суждения смысл некой подчёркнуто объективистской бесстрастности, а русский народный здравый смысл никогда не скрывал своего пристрастия к благу, в пользу которого он и выстраивает все свои сложные рассуждения. В рассудительной методологии русского здравого смысла превалирует в целом нравственнический подход, так как любое явление и любая вещь оцениваются и проверяются в первую очередь с точки зрения заложенного в них нравственно-духовного потенциала, а потом уже тщательно препарируются в чисто объективистском плане. Как и в заднем русском уме, в методе рассуждения сначала на передний план выступают духовно-нравственные эмоции, а затем уже включается беспощадный и безжалостный

объективизм (со значительной долей скепсиса), но завершается весь этот мыслительный процесс выводами в пользу нравственности.

Сам смысл гегелевского суждения неприемлем для русского народного здравого смысла уже тем, что базовым словом в нём является «*суд*», которое в русском понимании ассоциируется преимущественно с понятием заведомого и несправедливого осуждения. В русских народных пословицах - «*суд не на осуд, а на рассуд*»; «*глупый осудит, а умный рассудит*»; «*дурак не рассудит, а умный не осудит*» - негативно-скептический, осуждающий взгляд на окружающий мир и на человека вообще определяется народными мудрецами как несомненная глупость. Подлинным же признаком здравомысленного русского ума объявляется вдумчивая рассудительность, которая даёт возможность не только правильно понять окружающий мир, но и принять его без осуждения – во всей его противоречивой сложности и многогранности. Главным инструментом не спешащего с осуждением русского рассудительного здравого смысла является стойкий дух русского человека, сталкивавшегося с великим множеством разного рода жизненных трудностей и катастрофических ситуаций, но не утратившего дара великодушной человечности. Собирательным же и центральным мыслеобразом русской рассудительности во все времена оставался Бог, получивший в русском лексиконе весьма красноречивые наименования – Всевышний и Всеблагой. Всевышний – как центральная и самая могущественная фигура всего мироздания и Всеблагой – как средоточие и обозначение определяющей позитивности сотворённого им мира. При этом Всевышний и Всеблагой сливаются в русском здравомысленном понимании в едином и нераздельном понятии Бог, подрузумевающем внутреннюю благодать всемогущества и непреодолимую силу благодати.

В своей руссудительности русский человек весьма глубок и серьёзен, но серьёзен по-особенному, нестандартно, без маски подчёркнутой отрешённости на лице. Его серьёзность исключительно адекватна не только жизненным обстоятельствам, но также смыслу и принципам человеческого бытия. Отображая парадоксальность человеческого существования на земле – родиться только для того, чтобы в конце концов умереть, и быть благим Божьим творением в юдоли трагических земных страданий - русский ум позволяет себе роскошь безудержной парадоксальности своих умозаключений. В парадоксальном складе русского ума в первую очередь поражает его склонность к умственной забаве, к блистательной игре словами. Но при внимательном рассмотрении внешне легкомысленных, весёлых, броских и порой очень едких парадоксов русского ума возникает в свою очередь парадоксальное ощущение, что они вовсе не являются тем, чем кажутся на первый взгляд. За весёлой шуткой, бурлескной пословицей, лихой поговоркой и даже скабрезным анекдотом с удивлением обнаруживаются напряжённейшая, серьёзная и глубокая мысль, явная озабоченность злободневными и вечными проблемами, мучительные поиски и гениальные находки ответов на многие запутаннейшие вопросы бытия. Выясняется, что русский человек только прикрывает шуткой непрерывную внутреннюю работу ума и его предельную сосредоточенность на поисках смысла жизни. Причём сам русский парадокс представляет собой лишь некий одномоментный выплеск скрытых потенций глубокого и серьёзного русского ума, совершаемый неожиданно для самой мыслящей личности, в самый неожиданный для неё и окружающих момент и самыми неожиданными словесными оборотами. И эти, казалось бы, совершенно невинные и безобидные парадоксы мгновенно оцениваются окружающими, подхватываются ими и становятся достоянием всего народа именно потому, что русский народ сам напряжённо обдумывал всё то же самое, неизменно отмечая парадоксальность бытия.

8

Все три указанные свойства здравомысленного русского ума – сообразительность, вообразительность и рассудительность – характеризуют здравомыслие русского народа, на мой взгляд, в исключительно позитивном плане. Они не только существенно отличают

корневого русака (человека из глубинной массы русского народа) от прослойки дураков - простаков и темнил. Стабильные умственные качества русских здравомысленных людей выгодно отличают их и от инерционного слоя заднеумников, включающих данный им Богом крепкий разум от случая к случаю. Здравомысленники принадлежат к срединному слою русских людей. Это основная масса русского народа, в которой здравый смысл распределён по восходящей или убывающей степени, но присутствует обязательно - по крайней мере, в отдельных своих базовых чертах. Это в основном люди практического склада ума, поборники дела, причём дела разумного и полезного - богоугодного в конечном счёте. Их жизненный принцип – «*в учении не много, да в разуме твёрд*». Твёрдый здоровый разум этих людей предполагает оптимальный набор жизненных постулатов, охватывающих не только все практические стороны земной жизни человека, но и целый комплекс нравственных устоев, гарантирующих, с их точки зрения, его небесное благополучие. Однако базисом твёрдого разума является не столько ориентирование на отдалённое будущее, сколько вдумчивый анализ прошлого (своих и чужих ошибок), а также выстраивание разумного и надёжного настоящего как условия благополучия детей и внуков.

Философское кредо людей здравого смысла – жизнь в правде и опора на собственный разум – предполагает житейскую строгость, исключительное чувство меры буквально во всём и некую духовно-ментальную аскезу. Люди здравого смысла упорно держатся за правду, настаивая на том, что «*правда груба, да Богу люба*» и что «*кто лжёт, тот и крадёт*». Что касается опоры на собственный разум, то апологеты русского здравого смысла выражают твёрдую убеждённость в том, что «*чужим умом жить – добра не нажить*» и что «*своей бедой всяк себе ума купит*». Это философия людей реалистичных, тёртых и мятых жизнью, недоверчивых, но позитивно мыслящих. Они не рассчитывают на дары судьбы, но своим трудом и честностью добиваются её благосклонности, надеясь на Божью помощь и Его конечную справедливость. В своей деловитости и житейской практичности они в какой-то мере напоминают практичных англичан. Но только чисто внешне, так как внутренне русские здравомысленники представляют собой ментально-духовную антиподность эгоистично-рассудочному англо-саксонскому прагматизму. Если англо-саксы направляют всю свою бурную практическую деятельность на удовлетворение максималистских личных интересов, то русские здравомысленники рассматривают свою деловитость исключительно как практическое служение людям и Богу и добросовестное исполнение своей земной, предназначенческой трудовой повинности.

В этом пункте своей провиденческой ментальности русские здравомысленники пересекаются и тесно соприкасаются с третьим, высшим ментальным слоем русского народа – с представителями русской мудрости. Это золотой фонд русской нации, её ментальная и нравственная опора, истоки гордости национального прошлого, важнейший ресурс национального настоящего и главный потенциал национального будущего. Будучи поборниками рассудительного русского здравого смысла, русские мудрецы и сами, как правило, являются не только выходцами из народа, но и представляют собой ментально-нравственное ядро русского народа. От чистых здравомысленников их отличает некий духовный аристократизм, позволяющий им, не отвергая практической деятельности, относиться к ней сугубо философски и нравственнически, воспринимая её как данную Богом необходимость и как своего рода проверку и закалку личностных позитивных качеств. Держа постоянно перед своими глазами лик вечности, мудрый русский человек готов взять ответственность не только за самого себя, но и за весь мир. Он убеждённый приверженец золотой середины везде и во всём. Отдавая явный приоритет душе как мере всех вещей, народные мудрецы серьёзнейшее значение придавали всегда и мере ума, научающего душу сдерживанию её желаний, согласованию желаний с возможностями, а возможностей – с реальностью. Даже собственную несомненную мудрость они относили к разряду житейской хитрости, смиренно склоняя голову перед единственной и высшей

Мудростью – Божественной премудромстью. Мудрецов всегда было очень немного на Руси, но их роль в истории страны и в жизни народа была чрезвычайно велика. С взрослением русского народа от века к веку потенциал мудрости в нём, думается, будет возрастать, преобразуя жизнь страны на непреходящих нравственных началах. Это очень важно не только для России, но и для всего мира, в котором умных людей много, но мало подлинной мудрости, а она и только она способна спасти мир от интеллектуальной гордыни и индивидуалистического безумия.

* * *

От образа Василисы Прекрасной, использованного при характеристике русского языка, было бы логичным воспользоваться для иллюстрации русского ума образами Василисы или Елены «*премудрых*». Но я решил остановить свой выбор на сказке «*Мудрая жена*». Сюжет её довольно сложен и многоходов, но каждый его поворот весьма любопытен и по-своему поучителен. Сама история поиска «*дураком*» мудрой жены весьма необычна. Будучи третьим сыном простого деревенского старика, безымянный дурак был поначалу не просто дурак, а, можно сказать, дурак в высшей степени. Получив от умирающего отца сто рублей (деньги по тем временам, по-видимому, немалые), он потратил их на приобретение собаки и кошки. С кошкой, однако, ему подфартило: корабельщики обменяли её в «*иной земле*» на шесть бочонков золота, три из которых вручили дураку. Два бочонка он сразу раздал нищей братии, а на третий накупил ладану, зажёг его в чистом поле, и благоухание пошло к Богу на небеса. Бог послал ангела узнать, чего дурак за это пожелает. Но дурак был таким дураком, что не только не знал этого, но, когда двое мужиков не смогли ничего ему подсказать, он поубивал их обоих. Дельный совет дурак получил лишь от третьего мужика, который мудро рассудил: «*Коли тебе богатство дать, ты, пожалуй, и бога забудешь; пожелай лучше жену мудрую*». С мудрой женой дурак стал быстро умнеть. Её трудами он приобрёл роскошный дворец, построил мост до государевых палат и насадил райский сад. Но дальше пошли дела ещё важнее. Дурак вынужден был отправиться на тот свет, чтобы узнать у королевского отца, где казна запрятана. А на покойном короле в это время черти до пекла дрова возили да гоняли его железными прутьями. Преставившийся король не только указал, где спрятана казна, но и дал совет своему наследнику: «*Коли он будет королевством управлять так же не по правде, как я управлял, то и с ним то же будет!*». Но и на этом испытания дурака не закончились, так как королю понадобились ещё и гусли-самогуды. С большим трудом раздобыв их, а попутно приобретя ещё и волшебную дубинку, дурак вручил гусли королю, а дубинкой воспользовался, когда король решил окончательно его погубить. Сделавшись государем после смерти злого короля, окончательно поумневший дурак царствовал долго и милостиво.

Мудрый сказочник не только не идеализирует дурака, но характеризует его подчёркнуто жёстко и весьма натуралистически. В нём присутствуют черты простодушного простака, но они соседствуют и с самой настоящей жестокостью, свойственной подлинным идиотам, не ценящим человеческой жизни. Заполучив с Божьей помощью мудрую жену, дурак, по сути, поступает на королевскую службу, да к тому же в качестве фаворита и исполнителя наиболее сложных поручений. Как водится у королевских фаворитов, задания дураку даются по нарастающей степени сложности, в том числе и весьма деликатного свойства. Но, как случается и с реальными фаворитами, чем больше узнаёт дурак королевских тайн, тем опаснее и ненавистнее становится он для короля. В такой обстановке поневоле поумнеешь. А потому дурак начинает подстраховываться и в конце концов обзаводится дубинкой, правда, погубив при этом жадного дурака-разбойника. Убив в порядке самообороны своего тирана-короля, дурак сам становится государем. Причём, в отличие от злого и, по сути, глупого предшественника, дурак правит милостиво, то есть в высшей степени мудро и справедливо. К этому времени, правда, от дурака в нём осталось только название, так как

не только благодаря мудрой жене, но и в силу приобретённого опыта и житейских наблюдений он превращается во вполне разумного и даже мудрого человека.

Как у любой сказки-притчи, у сказки «*Мудрая жена*» не столько важен текст, сколько подтекст. Разумеется, в ней красной нитью проходит идея, что дуракам везёт. Но сказочник сразу даёт понять, что будущий милостивый государь был душевно щедр уже изначально, раздав нищим две трети внезапно свалившегося на него богатства. Да и не так уж он был глуп, если оставшуюся треть решил посвятить ублажению Бога. Замечательна мысль, что Бог даже угодных ему людей не одаривает своими щедротами просто так, а в строгом соответствии с чётко выраженными пожеланиями. Совет мудрого мужика (просить у Бога мудрую жену) сопровождается ремаркой глубинного содержания, выражающей жизненное кредо всего русского народа. Разве не забыли Бога сегодня те, кто прибрал к рукам общенародное богатство и пользуется им исключительно в личных целях? Мудрая жена – это тоже весьма значимый символ. Бог не наградил самого дурака умом (по-видимому, дураку лишний ум вреден), а дал ему мудрого поводыря, причём не временно, а на всю жизнь. При этом жена не командовала глупым мужем, а выручала его исключительно в случаях крайней необходимости. Тесно связанный по жизни с мудрой женой, сердечно любящий её, умеющий вовремя попросить у неё совета и неукоснительно следующий её мудрым подсказкам, дурак как бы поневоле становится умным. Всё это позволяет сделать вывод, что даже явная дурость у русского человека имеет неразрывную связь с потаённой мудростью. Здравомысленный же русский человек даже в обличье простого мужика не просто дружен с мудростью, но всей своей честной трудовой жизнью реализует её заветы, не требуя у Бога ни лишнего ума, ни лишнего богатства, а добросовестно, изо дня в день служа ему своим неустанным трудом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – СОВЕСТЬ НАЦИИ ИЛИ ВЫРОЖДЕНЧЕСТВО?

Живём, не тужим, никому не служим.
Всё минется, одна правда останется.
Чистота духовная паче телесной.

Русские пословицы

1

Накануне выборов президента Российской Федерации (март 2012 года) руководитель штаба кандидата в президенты Владимира Путина кинорежиссёр Станислав Говорухин назвал в своём интервью, по сути, всю нынешнюю российскую интеллигенцию «*говном*». Это была его раздражённая реакция на Болотную площадь и активное участие в антипутинских митингах либеральных писателей Дмитрия Быкова, Бориса Агутина (Георгия Чхартишвили) и других представителей либеральной интеллигенции. Это бранное и совершенно нелитературное слово Говорухин, думается, позаимствовал у Владимира Ленина, обозвавшего подобным же образом российскую интеллигенцию накануне революции 1917 года. Ленина сто лет назад крайне возмутила трусливая и вероломная, с его точки зрения, позиция русской интеллигенции, которая, по существу, спровоцировала революцию своим всё более нарастающим недовольством, но в решающий момент испугалась революционных событий и струсила, предав тем самым ею же разбуженный русский народ. Явное разочарование русской интеллигенцией царило и в русских эмигрантских кругах в период между 1917-м годом и началом Второй мировой войны. Философ-эмигрант Георгий Федотов именует русскую интеллигенцию этого трудного и сложного времени «*группой, движением или традицией, объединяемых идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей*». Это откровенная издёвка.

Движение, долженствовавшее быть по самому своему определению единым высококачественным идейным монолитом, в действительности в решающий момент продемонстрировало полное своё вырождение, превратившись в некую группу непримиримых идеалистов, объединённых безжизненностью своих идей. В устах Владимира Ленина, Георгия Федотова и нашего современника Станислава Говорухина прозвучал самый настоящий смертный приговор русской интеллигенции, причём как бы окончательный и не подлежащий сомнению.

Другой наш современник – писатель Анатолий Макаров предлагает не спешить с категоричными приговорами русской интеллигенции. Он даёт возможность нашим интеллигентам определиться и по совести ответить самим себе на сакраментальный вопрос: «*Кто я такой, собственно? Тварь дрожащая, интеллигент паршивый, элемент сгинувшей прослойки или всё же частица этого самого потерянного в дискуссиях народа?*». Суть выбора мыслящей личности здесь обозначена грубовато – исключительно между паршивым интеллигентом и противопоставленным ему народом. Но фактически речь идёт о более тонком и сущностном выборе между двумя типами интеллигента – интеллигента мнимого, запаршивевшего в своём трусливом эгоистическо-индивидуалистическом мирке, и интеллигента подлинного, сознающего себя частицей народа, верного своему народу и готового самоотверженно служить своему народу и Отечеству. Собственно говоря, подобная постановка вопроса вовсе не нова для русского интеллигента, а изначально была заложена уже в самом понятии русской интеллигенции. Тот же Георгий Федотов утверждал, что интеллигенция родилась в тот момент, когда закрыл глаза Пушкин. Само явление русской интеллигенции связывается философом вроде бы непосредственно с Пушкиным, но одновременно и как бы отдельно от него. Пушкина предлагается либо считать первым и единственным подлинным русским интеллигентом, либо его следует рассматривать особо, вне этой условной категории. В любом случае федотовская трактовка послепушкинской русской интеллигенции рождает сомнение в подлинности и оригинальности этого сугубо русского духовно-ментального явления. Не покидает ощущение лунообразной отражённости явления интеллигенции от солнцеподобного пушкинского гения.

Как ни странно, сам Пушкин глубоко прочувствовал сущностную потенциальную проблемность явления русской интеллигенции ещё до её зарождения и выразил свои опасения на сей счёт в трагедии «*Моцарт и Сальери*». Все литературные критики дружно трактуют это произведение исключительно как противопоставление Пушкиным подлинного гения талантливой посредственности, сосредоточив всё внимание на фразе «*гений и злодейство – две вещи несовместные*». Эта мысль, действительно, важна, и, разумеется, она центральная в пушкинской драме. Пушкинский Сальери пытается доказать обратное, и мы сегодня наблюдаем торжество лукавого сальеризма в среде российской интеллигенции, когда сонмы «*гениев*» не только становятся приспешниками откровенных злодеев, но и сами участвуют, причём с нескрываемым удовольствием, в массовом злодействе. Но Пушкина беспокоят не только возможные проявления сальеризма в нарождающейся русской интеллигенции, но и нечто иное, заложенное в природе уже самого гения. В предсмертном монологе пушкинский Моцарт говорит: «*Когда бы все так чувствовали силу гармонии… тогда б не мог и мир существовать; никто б не стал заботиться о нуждах низкой жизни; все предались бы вольному искусству*». С разрастанием массива творческой интеллигенции и эта проблема становится в России всё более животрепещущей и выходит вровень с проблемой сальеризма. В катастрофических условиях российского и общемирового духовного кризиса множится число творцов, одарённых не просто талантом, но и подлинным гением, которые, предавшись вольному искусству, целиком и полностью уходят от нужд практической жизни, изменяя собственному благому духовному предназначению служения Богу и своему народу.

2

Что касается непосредственного явления русской интеллигенции, то сегодня мы не только наблюдаем, но и сами являемся участниками финала её драмы, постановка которой была начата в первой половине XIX века. Уже изначально распавшись на два враждебных лагеря – западников и славянофилов, русская интеллигенция обрекла себя на определённую скандальность, позволявшую русским здравомысленникам из элиты и народа рассматривать её сугубо под критическим углом. Интеллигентные западники, снобистски относившиеся к «*варварской*» России и с нескрываемой завистью взиравшие на цивилизованную Европу, жаждали продолжения петровских реформ в России и их распространения не только на политико-экономическую жизнь страны, но и на духовную сферу. Они добивались, по существу, полного уподобления собственного Отечества западным государствам, причём не по отдельности, а всем им вместе взятым. Формальные их требования к российским властям были весьма умеренны, но предполагали непрерывное и бесконечное реформирование России. При этом ворчливые западники всячески досаждали властям своим теоретическим скептицизмом и практическим неприятием любых реальных действий государственных органов. В целом же они ограничивались недовольно-осуждающим говорением, чем и оттолкнули от себя радикальных демократов Виссариона Белинского и Александра Герцена, сыгравших роковую роль в революционировании России.

Интеллигентные славянофилы воплощали в себе московский дух – дух допетровской России, с её ортодоксальной религиозностью, патриархальной барской народностью и приверженностью к патерналистским русским национальным традициям. Это течение русской мысли и русского духа таило в себе зёрна бунтарских народных настроений, но само по себе отличалось воинствующим консерватизмом. В Западе и его эволюционно-демократическом развитии славянофилы видели исключительно угрозу не только ортодоксально-православной монархической России, но и простонародному русскому духу. Критикуя власть за её уступки Западу, славянофилы добивались от властей большей твёрдости, полного отмежевания страны от Европы и создания надёжной системы защиты русского народа от тлетворного духовного влияния Запада. Но сами они в свою очередь страдали не только безудержным и запальчивым публичным говорением, но и духом неуспокоенности, неудовлетворения и постоянного недовольства. Эта сугубо интеллигентская особенность славянофильства вполне духовно роднила его с интеллигентским западничеством и рождала их общий непримиримый оппортунизм властям и отвержение подлинного демократизма, всё более впадавшего (не без их вины) в революционность. Когда современный славянофил Никита Михалков жёстко ополчается против «*вечного*» интеллигентского противостояния власти, он почему-то забывает, что сам принадлежит к этой весьма специфической прослойке русского общества и что он тоже вместе с ненавистными ему современными западниками немало поспособствовал «*раздербаниванию*» страны изнутри.

При всей своей внешней броскости и категоричной идейной определительности российские западничество и славянофильство всегда были (да и сейчас остаются) лишь политически ангажированными отдельными течениями русской мысли, представлявшими и представляющими ныне две полярные крайности в большом массиве русской интеллигенции. Между этими полюсами, в какой-то мере притягиваясь к ним, но одновременно и отталкиваясь от них, располагалась и ныне располагается основная, базовая часть русской интеллигенции, осуществляющая практическое предназначенческое служение своему народу. Исследователи русской интеллигенции включают в этот её базисный массив специалистов естественных и гуманитарных наук, инженеров, медицинских работников, педагогов, архитекторов, художников и скульпторов, работников театра и кино, музыкантов, работников литературы и печати, юристов, агрономов и лесоводов, работников библиотек, архивов и музеев, специалистов военных и

морских наук. Это и есть тот самый общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным трудом, развитием и распространением культуры, который обычно относят к интеллигенции. Разумеется, среди них редко находятся Моцарты, но и Сальери вовсе не является их кумиром. Немногие из них стремятся к публичности. Подавляющее же большинство представителей российской интеллигенции честно и добросовестно трудятся (причём без излишней аффектации и политической ангажированности) на избранном общественнополезном поприще, следуя священному долгу русского интеллигента - «*сеять разумное, вечное, доброе*».

3

Либерально-демократическая «*революция*» девяностых годов прошлого века внесла в и без того весьма нестройные ряды российской интеллигенции полный идейный разброд и духовную сумятицу. Российские западники восприняли восторжествовавшие в стране (а, по сути, навязанные ей) либеральные ценности как реальное воплощение своей вожделенной вековой мечты. Несмотря на резкое понижение социального статуса интеллигенции в новом, декларативно демократическом государстве и серьёзное ухудшение её материального положения, интеллигентные либералы-платоники горячо приветствовали полное разрушение российской государственной машины и гайдаровские антинародные шоково-терапевтические реформы. Более того, они и сами активно включились в тотальное наступление на тоталитарную коммунистическую идеологию и полную замену её столь же тоталитаристской либеральной идеологией, представляющей собой лишь зеркальное (перевёрнутое) отражение ненавистного им коммунистического режима. Увлекшись благородной освободительной борьбой, в которой свобода как идеал стала всё более подменяться фактическим высвобождением сил всеобщего и всестороннего разрушения, интеллигентные неозападники совсем не заметили, что стали послушными марионетками в грубых руках торжествующего хама. Валерий Рокотов заметил, что «*хам – это опора либеральной интеллигенции*». Такое определение подразумевает полный цинизм либеральной интеллигенции, якобы сознательно и по собственной воле делающей своими верными союзниками откровенных наглецов и невежд. При всей нелюбви к либералам я всё же полагаю, что среди них имеется немало вполне порядочных людей, органически неприемлющих хамство. Я склонен считать, что, наоборот, именно либеральная интеллигенция в своей массе является опорой хама, не замечая или трусливо закрывая глаза на эту противоестественную, порочащую её связь.

Роль современных славянофилов сегодня приняла на себя так называемая русская православная интеллигенция. В эту околоцерковную творческую элиту, ориентированную на православные духовные ценности, входят видные писатели, художники, деятели кино. Они позиционируют себя оппозиционными антагонистами господствующего либерализма. Но, как водится в России, в то же время дружно смыкаются с либеральной интеллигенцией в дискредитации коммунистических принципов вообще (суть которых, между прочим, заимствована у Христа!) и тотальном осуждении тоталитарного коммунистического режима, с которым весьма успешно сотрудничали в свои молодые и не очень молодые годы. Этой православной интеллигенции свойствен идиллический взгляд на дореволюционную Россию. Наши нынешние державники с умилением вспоминают «*батюшку-царя*», словно не было ни кровавой братоубийственной Гражданской войны, ни рокового 1917 года, ни развратно-разгульного Григория Распутина, ни других зловещих изъянов и губительных последствий жёсткого и неуступчивого, обскурантистски консервативного царизма. Прикрытое современным словесным флёром их духовное кредо, по сути, восходит к знаменитой уваровской триаде – православие, самодержавие, народность. Причём православие трактуется ими в сугубо ортодоксально-канонической форме, самодержавие – как архаичный, жёстко авторитарный монархизм, а народность - в барско-патерналистском, фамильярно-пренебрежительном смысле.

Дружно ополчившись против идеалистических в своей сущности коммунистических идей и жёсткой (а зачастую и жестокой) социалистической практики советского государства, современные российские западники и славянофилы совместными дружными усилиями буквально растоптали советскую интеллигенцию, похоронив её в определённом смысле заживо. Один из героев одиозной ельцинской эпохи политолог Вячеслав Костиков, по-видимому, в качестве эпитафии, написал о ней следующее: «*Выращенная преимущественно из крестьянской и пролетарской массы, новая элита была полностью подчинена партии и подконтрольна репрессивным органам. Был деформирован сам тип русского интеллигента*». Интеллигенция одним росчерком пера превращается в элиту советского общества (каковой она в нём никогда не была), а гибриду элиты-интеллигенции серьёзно вменяется в вину её крестьянско-пролетарское происхождение. Однако следует заметить, что и в дореволюционное время, по свидетельству художника Виктора Васнецова, значительное большинство талантливых русских художников «*выходило из среды незажиточной и из простых классов*». Подобно тому, как интеллигентный славянофил Никита Михалков подчёркивает свои родовитые дворянские корни, либерал-ельцинец Вячеслов Костиков, по-видимому, прозрачно намекает на своё не менее родовитое интеллигентское происхождение. И оба тем самым стремятся доказать, что они ничего общего не имеют с простым народом, из которого их предки пусть очень давно, но всё же вышли.

4

Приходится в этой связи заметить, что русская интеллигенция - явление само по себе очень сложное, причём не только в идейном отношении, но и в социальном плане. Проведённые советским историком В. Лейкиной-Свирской исследования около ста семей русских интеллигентов показали, что первые поколения интеллигентов в России происходили из самых разнообразных слоёв. В дореволюционные времена их ряды пополнялись выходцами из семей помещиков и военно-административных верхов (19 процентов), торгово-промышленной буржуазии (18), духовенства (15), чиновников (14), служащих по найму (11), крестьян (7) и иностранцев (5). Выходец из простых классов Максим Горький с завистью смотрел на родовитых интеллигентов, с сожалением полагая, что подлинным интеллигентом можно стать только в третьем поколении. К этому определяющему моменту наследственный интеллигент, по-видимому, должен полностью преодолеть в себе атавистические черты своего классово-социального происхождения и стать внеклассовым и внесоциальным, сугубо личностным индивидуумом – полноценным и высококачественным представителем нравственно возвышенной аристократии духа. Формально, разумеется, это всё так, но сущностно процесс обынтеллигенчивания личности происходит намного сложнее и не без серьёзных искушений и непоправимых потерь. Физически отрываясь от своего социального слоя и порой мучительно преодолевая в себе стадно-традиционалистские черты своего класса, позитивно устремлённая мыслящая личность в какой-то момент своего духовного развития достигает той высшей точки, в которой она способна оторваться уже не только от своего народа как национального целого, но и от реальной действительности вообще.

У «*красного графа*» Алексея Толстого, автора знаменитой эпопеи «*Хождение по мукам*», среди его малоизвестных рассказов есть весьма символичная новелла, посвящённая проблеме русской интеллигенции. Развивая и усугубляя тему гончаровского Обломова, Толстой делает героем своего рассказа молодого провинциального помещика-интеллигента, главной проблемой которого является уже не лень, а его гипертрофированная интеллигентность. Влюбившись в достойную девушку и надумав на ней жениться, он не может сделать решающего шага, так как его богатое воображение обрисовывает ему весь непреодолимый «*трагизм*» будущей повседневной, обыденной жизни. Отказавшись от женитьбы, он с тихой радостью возвращается в свой интеллигентский книжный мир сладких грёз, не имеющий ничего общего с реальным

миром. Разумеется, среди нынешних либеральных интеллигентов найдётся немного подобных закоренелых платоников. Но они есть, и на них, как на святых от либерализма, ссылаются циничные хамы, получившие абсолютистскую свободу хищничества в идеализированном платониками либеральном мире. В этом есть паракдокс, но он не исчерпывает всей парадоксальности современной русской либеральной интеллигенции в её взаимодействии с откровенным хамом. При более углубленном рассмотрении выясняется, что и так называемые либеральные интеллигентные реалисты, при всём их увёртливом прагматизме, комформистских сделках со своей совестью и формальном допуске в ряды корпоративно закрытого среднего класса, являются в конечном счёте не более чем утопистами-платониками, так как им отводятся лишь, по сути, лакейские функции в интеллектуально-духовном обслуживании интересов либералистско-хамского олигархата.

Вот это-то откровенно низкопоклонническое лакейство нынешней либеральной интеллигенции перед богатым хамом и следовало бы признать Вячеславу Костикову подлинной деформацией самого типа русского интеллигента, а не сводить всё к набившей оскомину критике поверженного и дружно растоптанного коммунизма. Трезвый аналитик Леонтий Бызов, будучи представителем более поздней формации русских интеллигентов, сопоставляя советскую интеллигенцию с интеллигентами наших дней, делает выводы совсем не в пользу последних. «*Советская интеллигенция,* - замечает он, - *всё же много унаследовала от старой русской интеллигенции. Сегодня такой уже нет и, скорее всего, никогда не будет*». Подобно Ленину, Федотову и Говорухину, это тоже приговор, но приговор совсем иного рода. Думается, глубокий пессимизм социолога навеян прежде всего непригляднным зрелищем раболепствующей перед золотым кумиром современной либеральной интеллигенции. Интеллигенцию же как таковую он не только не отвергает, но, преклоняясь перед старой русской интеллигенцией, надеется на её возрождение, хотя и не очень верит в такую благодатную для России возможность. Полностью разделяя огорчения Бызова, связанные с расползанием заразы либерального интеллигентского вырожденчества по всему телу русской и российской интеллигенции, я всё же не склонен впадать в отчаяние. Хотя бы потому, что старую русскую интеллигенцию и раньше неоднократно приговаривали к смерти, но она каким-то чудом каждый раз выживала и продолжала свою нравственно-предназначенческую, духовно-пророческую миссию.

5

Считается, что понятие «*интеллигенция*» вошло в российский научный оборот в шестидесятых годах XIX века с лёгкой руки писателя Петра Боборыкина, а затем перешло в русской транскрипции и в другие языки, причём уже в неразделимой связке – русская интеллигенция. «*Ни одна страна мира,* - подчеркивает литературный критик Лев Аннинский, - *не породила ни такого социокультурного феномена, в котором интеллектуальность странно сочетается с религиозностью, ни соответствующего термина, который уже третий век даётся в переводе с русского*». Русская православная церковь и в самом деле оказала большое влияние на феномен русской интеллигенции. Следует признать, что сам процесс формирования русской интеллигенции представлял собой некое органичное вырастание светской боковой интеллектуально-нравственнической ветви от общего ствола русской религиозной мысли. В силу этого даже в наше подчёркнуто дистанцированное от ортодоксальной религиозности время внутренняя религиозная проблематика и тень Бога так или иначе присутствуют в духовных поисках всех подлинных представителей русской интеллигенции. Как и многое другое в нашей осовремененной Пушкиным российской действительности, духовное кредо русской интеллигенции было сформулировано поэтом незадолго до его смерти в стихотворении «*Не дорого ценю я громкие права*» (1836). «*Зависеть от царя,* - писал Пушкин, - *зависеть от народа – не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому отчёта не давать, себе лишь самому служить и угождать; для власти, для ливреи не гнуть ни*

совести, ни помыслов, ни шеи». Поэт-мыслитель как истинный интеллигент признаёт над собой лишь две высшие формы власти – власть совести, восходящей к Божественному нравственному началу, и власть разума, помышляющего о благе Отечества. Бытийную же власть царя и власть народа он относит исключительно к сфере ливрейности, символизирующей у него бездумное самодовольство властей и лукаво-театрализованное раболепие народа.

Первыми практиками текстуально воспроизведённого, исторически осмысленного и духовно значимого русского слова явились русские летописцы. Русское летописание возникло в XI веке. Древнейшие летописи, отобразившие историю славян, возникновение Руси и наиболее значимые события русской истории X – XII веков, сохранились в составе «*Повести временных лет*» (около 1113 года), с которой начинается большинство дошедших до нас крупных летописных сводов. По своему содержанию русские летописи не были обычными историческими хрониками. Помимо сугубо информационных записей, текстов договоров и грамот, фрагментов византийских хроник, они включали в себя развёрнутые сюжетные рассказы (повести о походе князя Игоря Святославича, битве на Калке, Куликовской битве), а также жизнеописания святых, «*Поучение Владимира Мономаха*» и даже «*Хождение за три моря*» Афанасия Никитина. Будучи, как правило, представителями русской православной церкви и в силу этого отдавая заметную дань религиозной проблематике, русские летописцы, тем не менее, вовсе не были чисто церковными бытописателями. Свою миссию они рассматривали гораздо шире и фактически являлись идеологами и провозвестниками собирания Русской земли, которую они уже в древние времена рассматривали цельно и сострадательно. По сути, это были русские мудрецы, имена которых затерялись в истории. Даже о самом известном из них – летописце Несторе, монахе Киево-Печерского монастыря, которого можно было бы назвать Геродотом русской истории, мы знаем очень мало. Тем не менее, именно русских летописцев, на мой взгляд, и следует признать первыми настоящими русскими интеллигентами. Таковыми их по крайней мере считал Александр Пушкин, выводя в «*Борисе Годунове*» в образе Пимена классический тип русского летописца: монах трудолюбивый, вразумлённый книжному искусству, поставленный Господом свидетелем, усердно творящий безымянный труд, чтобы передать потомкам правдивые сказанья, земли родной минувшую судьбу.

Однако свою лепту в формирование особого типа русской интеллигенции внесли не только просвещённые и патриотичные представители русской православной церкви, но и так называемое простонародье – сам русский народ. Делегируя своих наиболее талантливых представителей в ряды русской интеллигенции, русский народ достаточно чётко обозначил их предназначение. Заглянув в русские народные пословичные «*святцы*», мы увидим в них мудрые советы русскому интеллигенту из народа, содержащие слова поощрения и своеобразного вразумления. К поощрительно-наставительному ряду народных советов следует отнести русские пословицы - «*живи по-старому, а говори по-новому*»; «*ещё не все честные (добрые) люди вымерли*»; «*добрая слава дороже богатства*». В них содержится призыв не страшиться перемен, сохранять и в новые времена верность проверенным опытом вечным истинам, верить в силу и несокрушимость правды, опираться на честных и добрых людей, предпочитать добрую славу богатству. Предостерегая же о том, что «*много ума – много греха*», «*глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит*», «*иная слава хуже поношения*», народные мудрецы убеждали русского интеллигента из народа не увлекаться прописными истинами, не умничать излишне, не ввергать в соблазн духовно неустойчивых людей и не стремиться к дурной славе – славе ради славы, ради публичной известности.

6

Вот этот двойной императив служения Богу и народу – религиозно-православный и умудрённо-народный - и создал, на мой взгляд, духовное ядро подлинной русской

интеллигенции. А именно - духовно значимой общественной прослойки, верной своему народу, открытой всему новому и неведомому, щедро пронизанной неподдельным нравственническим духом, активной во взаимодействии с реальным миром, верящей в Бога и ищущей проявлений его благодати в окружающем мире, даже в самых внешне непрглядных его явлениях. «*Задача искусства*, - подчёркивал вышедший из церковных низов художник Виктор Васнецов, - *не одно отрицание добра (наше время), но и само добро*». Композитор Николай Мясковский уточнял: «*И всего-то надо – быть искренним, пламенеть к искусству и вести свою линию*». Беззаветное служение добру в его сугубо нравственном понимании, предельная искренность нравственнического духовного самовыражения и самозабвенная преданность благому творческому искусству – таково было кредо не только лично Васнецова или Мясковского, но всей подлинной русской интеллигенции. Основная масса старой русской интеллигенции была верна этому кредо и самоотверженно служила своим талантом Богу и Отечеству. Разумеется, даже самые интеллигентные интеллигенты – всего лишь люди. Как и всем русским людям, им были свойственны разного рода личностные неурядицы и бытовой негативизм. Что же касается недостойного поведения многих представителей интеллигенции в процессе революционных ломок и житейских катаклизмов, то, по-видимому, следует иметь в виду, что война, грязь, разруха – это совсем не та среда, которая благоприятствует проявлениям интеллигентности и вдохновенному творчеству. А если учесть, что интеллигенты по своему тонкому душевному строю представляют собой ещё и наиболее ранимую, бытийно уязвимую часть общества, то можно было бы, если и не простить им их трусость, то по крайней мере понять её природу и не усугублять бытийную зависимость «*паршивых интеллигентов*» от сильных мира сего.

Не всё так просто и с так называемой советской интеллигенцией, которая, с одной стороны, ныне идейно полностью дискредитирована, но, с другой стороны, фактически представляет собой нравственное и профессиональное ядро современной российской интеллигенции. Наш бывший соотечественник Исраэль Шамир утверждает, что «*в основе красной веры лежат те же принципы соборности, сострадания, презрения к материальной корысти, что и в вере православной*» и что они отражают глубинные свойства православной русской цивилизации, воплощённые прежде всего в советской интеллигенции. Разумеется, к подобным словам, отображающим сегодня крайнюю точку зрения, необходимо относись с большой осторожностью. Но следует также принять во внимание и то, что среди представителей советской интеллигенции было немало истинных интеллигентов, продолживших традицию самоотверженного и преданного служения одухотворённому русскому слову и нравственно стойкому русскому духу. Пусть своеобразно, пусть под сурдинку, но советский интеллигент в своей массе сохранял верность и духовную приверженность старым традициям. Связь русской и советской интеллигенции, если и прерывалась, то исключительно на короткое время, причём в отдельных творческих проявлениях эта внутренняя связь получила самое серьёзное и высокое развитие. Слова советского поэта Сергея Наровчатова о том, что его поколение не выдвинуло великого поэта, но всё вместе оно стало таким великим поэтом, можно отнести и ко всей советской интеллигенции. Она своей огромной живой массой прикрыла огонёк стойкого русского нравственнического духа и спасла богатейшее русское слово и самоё себя от духовного грехопадения и умственной деградации.

Любой либерально не заангажированный человек, сопоставляя массу советской интеллигенции (с её общественно почитаемым ядром подлинных русских интеллигентов) с массой сегодняшней российской интеллигенции (с её привилегированным ядром откровенных прислужников олигархата), должен придти к весьма неутешительным выводам. Прежде всего, сама интеллигентность сегодня явно не в чести. Деятели российской культуры, учёные-гуманитарии, представители средств массовой информации и так называемого шоу-бизнеса (то есть все те, кто должен по самому своему определению сеять в народных массах разумное, вечное, доброе) соревнуются ныне друг с

другом в скандальности, эпатажности, откровеннейшей, торжествующе самодовольной, выходящей за пределы разумного пошлости. Это «*говно*» лежит на поверхности, смердя и закрывая от общества добрую часть российской интеллигенции. Стыдливо закрывая глаза на это постыдное явление в собственной среде, скомпрометировавшее само понятие интеллигенции, основная масса интеллигентных людей предпочитает сегодня прикрываться фиговым листком самодовлеющего «*профессионализма*». Но принцип профессионализма, вполне естественный для Соединённых Штатов Америки, где интеллигенции не было и в помине и где сама прагматика заставила интеллектуалов возвести в культ профессиональную корпоративность, в России никогда не являлся самодостаточным. Без идеи личностной совестливости и общего честного служения своему Отечеству идея профессионализма в России обречена на неизбежный провал. Ибо в практической жизни она трансформируется в нашей стране в беззастенчивое рвачество и бездушный формализм.

7

Если быть до конца откровенным, то следует признать, что сегодня русской интеллигенции как особого явления общественной жизни в России, во существу, нет. Есть отдельные интеллигенты, зачастую не считающие себя таковыми, а интеллигенция как особая духовная прослойка в нашем обществе за последние двадцать лет практически исчезла. Она выродилась в некий слой «*образованцев*» - меркантильных, суетливых и духовно мелких личностей, изощряющих свой незаурядный ум и ублажающих своим Богом данным талантом сильных мира сего ради сугубо личностного материального и духовного благополучия. Это вырождение русско-российской интеллигенции началось с её западнической и славянофильской верхушки. Причём в первую очередь – с западнической. Духовной трагедией современных российских западников стало то, что с явлением в самой России условно демократического либерализма, навязанного ей самим Западом, нашим западникам не осталось каких бы то ни было внешних предлогов для своих идиллических мечтаний. Этот восторжествовавший в России либерально-демократический Запад скомпрометировал себя несовместимыми с понятием интеллигентности шоково-гайдаровскими реформами. Более того, сам идеализированный российскими интеллигентами Запад вдруг предстал перед всем миром настоящим агрессором, грубо и насильнически устанавливающим новый тоталитарный псевдодемократический режим. В этих условиях нашим западникам только и осталось, как сменить свою былую интеллигентность на конформистский прагматизм, духовно роднящий их с торжествующим российским олигархическим хамом.

В связи с этим откровенным вырождением российского западничества российская интеллигентская славянофильская верхушка вроде бы получила долгожданный шанс выйти в России в идейные лидеры. Опираясь на поддержку церковных иерархов и взяв на вооружение ортодоксально-патриотические лозунги, идеологи современного российского славянофильства принялись «*громить*» либерализм, особо ополчившись на пресловутую идею толерантности. Но здесь во всей красе является в очередной раз пресловутый российский парадокс. Объединившись с либералами-западниками в тотальной чистке страны от плевел коммунизма, российские славянофилы очень быстро на деле продемонстрировали свою собственную склонность к конформизму, к отвергаемой ими же самими конформистской толерантности. Как уже бывало в российской истории, ортодоксальные славянофилы вполне благополучно превратились в славянофилов-либералов – опору либералистского политического режима. Что вполне естественно привело и к сущностному вырождению славянофильства как патриотического крыла российской интеллигенции. Глядя на идейное вырождение своих духовных лидеров, основная масса представителей российского умственного класса занялась элементарным выживанием. И именно поэтому ныне вновь, как во времена Ленина, слово «*интеллигент*» превращается в ругательное слово, а сама интеллигентность становится

гонимой и скрытной – жертвенной формой сугубо индивидуального служения Богу и Отечеству.

Можно ли считать в связи с этим, что мы потеряли русскую интеллигенцию? Вовсе нет. Это она потеряла себя и нас, полностью оторвавшись от своего народа и перестав служить Богу и Отечеству. По-видимому, в ней сыграл свою роковую роль великий искус так называемого третьего поколения. Благополучно пройдя две первые стадии - старой русской интеллигенции и советской интеллигенции - русская интеллигенция не выдержала испытания и изменила своему предназначению на третьем этапе своего становления – в качестве либеральной интеллигенции. Однако, по мудрому замечанию интеллектуала Льва Аннинского, «*всё равно кому-то придётся играть эту роль, то есть поступать по совести вопреки выгоде, вразрез с потоком*». Не сегодня, так завтра в России появится новый писатель, новый композитор, новый художник, новый артист. Их будет, может быть, не так много, как сегодня, как в советскую эпоху, как в старые, добрые дореволюционные времена. Но их много и не нужно. Надо только, чтобы они были подлинными, чтобы они были верны своей совести и чтобы их совесть была верна Богу и Отечеству. Судя по тому, что происходит сегодня в мире, в том числе в духовном мире цивилизованного европейца, эти новые писатели, композиторы, художники и артисты (новая интеллигенция в целом) могут появиться только в духовно обновлённой России. Эта новая интеллигенция, активно содействуя духовному возрождению России, будет самоотверженно служить не только родному Отечеству, но равным образом и всему человечеству, искупая свои прежние прегрешения и выполняя своё собственное Божественное предназначение.

* * *

Памятуя о том, что значительная часть старой русской интеллигенции пополнялась выходцами из церковных кругов, а также о том, что сама русская интеллигенция как явление многим обязана в своём рождении русской православной церкви, я решил в качестве иллюстрации данной темы взять сказку «*Алёша Попович*». Её зачин не просто лиричен, но лирично-торжествен, подобен прозаической оде. «*На небесах*, - величаво начинает сказочник, - *зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын – могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алёша Попович – имечко хорошенькое*». Несмотря на своё церковное происхождение, юный богатырь рос сорванцом и в играх не знал ни меры, ни жалости: кого возьмёт за ручку – ручка прочь, кого за ножку – ножка прочь. Возможно, поэтому боголюбивые родители без особых возражений дали своему сыну благословение «*ехать-гулять во чисто поле*». Но для присмотра всё же оставили при нём его верного слугу - Марышка Паранова сына. По богатырской традиции Алёша со слугой направились прямиком ко князю ко Владимиру. На встрече с князем Алёша демонстрирует высшую выучку – «*крест кладёт по писаному, поклоняется по-учёному*». Попив-поев у князя, богатырь отправляется на печь полудновать, оставив слугу сидеть за столом (по сути, в качестве сторожа). В это время в Киев наезжает иноземный Змеевич-богатырь и «*облатынивает*» всё царство князя Владимира. Алёша Попович вступается за князя, но, лёжа на печи, в основном словесно препирается с Тугарином Змеевичем, в то время как его слуга Марышко «*хватил Тугарина за навороть*» и «*бросил о палату белокаменну*». Когда же слуга решил прикончить Змеевича, Алёша не дал ему булатного ножа, а заставил выпустить злодея во чисто поле. На следующий день, выехав в поле и увидев Тугарина свободно летающим по небу, русский богатырь стал просить пресвяту мати богородицу помочь спустить Змеевича на землю. Мольба у Алёши Поповича была «*доходная*», злодей вынужден был спуститься на землю, и увёртливый Алёша одолел в конце концов заезжего богатыря. Отрубив ему голову, Алёша по возвращении в Киев стал куражиться, поигрывая отрубленной головушкой и заставляя изрядно поволноваться князя Владимира, в страхе

предположившего, что это голова Алёши Поповича. И только Марышко, глядя в трубочку подзорную, успокаивает князя, говоря, что с Тугариным поганым покончено.

Образ Алёши Поповича в смысловом плане очень сложен. Вроде бы он и родился в очень хорошей, богобоязненной семье, хорошо знает церковные ритуалы, обучен великокняжескому этикету, да и молитва у него очень действенная. Но это у Алёши не столько сущностные (как у его боголюбивых родителей), сколько внешние отличия. В сути же своей Алёша Попочич обычный русский богатырь, обладающий несоразмеримой с разумом огромной силой, пригодной в основном для служения сильным мира сего. Но, имея некоторый излишек ума по сравнению с простыми русскими богатырями, Алёша не хочет и не умеет быть как все, а ищет куража и забавы, причём далеко не безобидных. Он не умеет ничего делать просто, а всё с вывертом, с рисовкой, с позёрством. И он явно проигрывает во всём своему слуге – Марышке Паранову сыну, который и в силе ему не уступает, и духом стоек, и разумом быстр, и характером ответственен. Всё преимущество Алёши Поповича перед Марышкой состоит исключительно в том, что он – хозяин, а тот – слуга, который не может переступить за рамки своего социального статуса. В сказке «*Данило Бессчастный*» Алёшу Поповича сказочник именует уже хвастуном и бабьим пересмешником. А сказка «*Василий-царевич и Елена Прекрасная*» заканчивается вообще словами: «*Тут повелели Алёшу Поповича и бабку голубую шапку расстрелять, а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать*». То есть, связавшись с интриганкой и носительницей потаённого зла бабкой голубой шапкой, Алёша Попович сам становится олицетворением зла и главной помехой счастливой жизни добрых и мудрых людей.

Символика сказочного образа Алёши Поповича в приложении к явлению русской интеллигенции представляется мне вполне соответствующей. Богатыри русской мысли и русской культуры – выходцы из церковной среды были подчёркнуто светскими в своём мировоззрении. Но, когда они в ответственные минуты жизни вспоминали Бога, их слова и образы были весьма «*доходными*» - нравственно одушевлёнными и по-настоящему боговдохновенными. Перерождение богобоязненного мальчика в могучего богатыря духа, а затем в заносчивого интригана и бабьего пересмешника происходило в каждом русском интеллегенте и в русской интеллигенции в целом постепенно и незаметно. Причём в тесной связи с метаморфозами российской действительности, которая тоже постепенно деградировала в своём существе, мельчая и выхолащивая свою корневую общенародность. Русские интеллигенты, велеречиво говоря от имени народа и назидательно поучая народ, всегда относились к русскому народу свысока, воспринимая его в лучшем случае как доброго и полезного слугу. В последнее же время либерализованная русская и российская интеллигенция полностью срослась со злом, забавляя себя и народ разного рода недостойными игрищами и всё больше погрязая в интригах и злобных кознях. Почему бы в этих условиях и не «*расстрелять*» (разумеется, условно) Алёшу-интеллигента вместе с его злокозненной подельницей - бабкой голубой шапкой, вполне подходящей для олицетворения сущностного либерального коварства, прикрытого «*голубой шапкой*» гуманизма? Ведь только после утверждения подлинной, а не показной интеллигентности и можно надеяться на воцарение умудрённой человечности и естественной красоты в человеке и в мире.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ – РЕЛИГИЯ ИЛИ ВЕРА?

Жить – Богу служить.
Как ни молись, Бог всё услышит.
Без добрых дел – вера мертва перед Богом.

1

Двадцать первый век – век кризиса. Причём не примитивного финансово-экономического кризиса, о котором не устают говорить современные журналисты, бизнесмены и политики, а кризиса глобального, распространяющегося по миру не только вширь, но и вглубь, проникающего в самую суть нашего мировидения и нашего мирочувствования. Наш век - век глубочайшего духовного кризиса, сущностно выражающегося в кризисе веры. По сравнению с судьбоносным, мироопределяющим и личностно основополагающим кризисом нынешнего столетия даже все пресловутые коммунистические духовные уродства века минувшего могут показаться детским лепетом. Ибо коммунизм был деформированной, но всё же верой. Мы же вступаем в затяжную, хроническую полосу абсолютизированного безверия, со всеми вытекающими из него сущностно значимыми последствиями. Принято считать, что феномен безверия следует отнести сугубо к издержкам атеистической коммунистической идеологии и богоборческой практики тоталитарного советского режима. К такому выводу нас подводят ныне идеологи русской православной церкви, утверждающие, например, в лице руководителя центра «*Православная энциклопедия*» Сергея Кравца, что ко времени горбачёвской перестройки выросло поколение, не нуждавшееся в вере. В принципе это замечание верно, но только формально-начётнически. Даже применительно к Советскому Союзу и к России такое поверхностное и идеологизированное утверждение вызывает чувство глубокого внутреннего неудовлетворения. А уж о мире в целом здесь и речи нет. Мы всё пытаемся свалить свои беды исключительно на мёртвых, хотя они, эти вечные наши беды, коренятся вовсе не в них, а в живых. В доказательство своего, по сути, ложного тезиса Кравец пеняет не очень прозорливому, но убеждённому коммунисту Никите Хрущёву, что он спровоцировал кризис веры в России. Но ведь Хрущёв всего-то и сделал, что подорвал культовую веру в Сталина и тем самым дал толчок кризису коммунистического режима, спровоцировав в среде молодёжи некие романтические мистико-духовные порывы, получившие наименование «*хрущёвской оттепели*».

Фактически же веру в России (по иронии судьбы – одновременно коммунистическую и православную) по-настоящему начал вымывать безликий, едкий и всепроникающий идеологизированный либерализм, сначала небольшими ручейками просачивавшийся внутрь страны по каналам диссидентствующей интеллигенции, а потом, после развала Советского Союза, сломав все государственные и общественные барьеры, обрушившийся целым океаном тотального западнического интеллектуального безверия. Сорвав православно-коммунистическую Россию с её мощных духовных якорей, западнический абсолютизированный духовно апатичный либерализм стал метать нашу страну, словно щепку, не давая ей пристать к своему традиционалистскому твёрдому берегу. Сегодня уже наши, доморощенные российские интеллектуалы призывают нас не противостоять этой стихии, а слиться с ней и отдаться ей ради нашего благополучия и процветания. Известный российский исследователь, духовный психолог, философ и писатель Анатолий Некрасов вполне убеждённо и, по-видимому, с твёрдой верой в свою правоту доказывает: «*Ни одна религия мира не привела людей к счастью и процветанию. Наоборот, наиболее религиозные страны и самые бедные. Значит, пора сделать разумный вывод и отказаться от религий. Нужно отказаться от верований*». Только-то и всего. И сразу, по-видимому, мы станем счастливыми и процветающими. Или, как всегда, не станем. Но это ведь уже и не важно, ибо главное – отказаться от верований, стать абсолютно свободными и раскрепощёнными, не иметь никаких кумиров вообще и жить от случая к случаю, от события к событию и от факта к факту. То есть без дум, без забот, без мыслей, без чувствований. Неким духовно-ментальным самотоком,

уподобленным вещному миру и растворённым в нём. В этом есть что-то от буддисткой нирваны, но в самом примитивном и опошленном смысле.

У наших либеральствующих интеллектуалов есть и ещё один вариант так называемого спасения человека и мира в океане ими же насаждаемого всеобщего безверия. Писатель Дмитрий Быков, опять же очень убеждённо и, по-видимому, даже с верой в какого-то своего Бога, утверждает: «*«Простые» люди ближе к Богу только там, где жива традиция. Но когда она, как в нынешней России, искусственно прервана… надёжнейшим путём к Богу остаётся интеллект… Сегодня интеллект – чуть ли не единственная опора морали, а заодно и религиозного чувства; ведь Бог – это сложно. Бог сегодня приходит к умным*». Заметьте, какое высокомерие: не умные приходят к Богу, а сам Бог приходит к ним. Парадокс подобного утверждения заключается в том, что умных-то Бог как раз и не любит. И не только не приходит к ним, но вот уже тысячелетия только и делает, что бежит от них, от их горделивых попыток поймать его в силки своих мудрёных теорий. Даже величайший мыслитель девятнадцатого века Георг Гегель при всей изощрённости немецкого философского ума смог уловить лишь абстрактную «*идею*» Бога. Сам же живой, реальный Бог оказался совершенно недоступен его рационалистической, холодной, засушенной теорией душе. Но для Быкова это и не важно. Ибо он, по-видимому, принадлежит к тому типу «*умных*» людей, для которых Бог является лишь условностью. То есть той абстракцией, которая обретает силу исключительно среди простых (и, по его логике, очень глупых) людей, верных традиционалистскому мироощущению. Либерал Быков выстраивает свою логическую цепочку вовсе не ради поиска какого-то своего пути к Богу, а чтобы указать идеологам либерализма на так называемую болевую точку верующего человека, на которую либералам, по идее, надо давить все мощью своего интеллектуализма. Раз вера жива традицией, то именно традицию и следует «*искусственно прервать*». И тогда люди сами отпадут от Бога, а лишившийся всеобщей поддержки Бог станет Богом умных, Богом избранных.

2

Русская православная религиозная традиция зарождалась на Руси мучительно трудно, и в течение более чем тысячелетнего своего существования в России она жила очень непростой жизнью. Возможно, в силу этого историческое поле верований русского человека усеяно чертополохом маловероятных церковных мифов и идеологизированных религиозных легенд. Одной из них является летописное предание о приходе к киевскому князю Владимиру проповедников разных вер и выборе им христианской религии для Руси. Излагая эту легенду в самых общих чертах, историк Сергей Соловьёв пишет: «*Видно, что всё было приготовлено для переворота в нравственной жизни новорождённого русского общества на юге, что религия, удовлетворявшая рассеянным, особо живущим племенам, не могла более удовлетворять киевлянам, познакомившимся с другими религиями*». И уточняет: «*Европейский смысл избрал христианство*». Получается, что вдруг все разом, сами по себе, миссионеры трёх религий – иудейской, магометанской и христианской – единовременно сошлись в Киеве и явились к киевскому князю, наперебой расхваливая и предлагая ему как дорогостоящий товар свои верования. И русскому князю оставалось только выбрать по своему вкусу одно из них, созвать бояр и городских старцев и объявить им и народу о своём выборе.

Разумеется, на самом деле всё было не столь легендарно просто. Ключ к этому важнейшему событию в духовной, социальной и политической жизни древней Руси даёт сам же Соловьёв. Утверждая, что европейский смысл избрал христианство, он хотел подчеркнуть, что, будучи территориально и ментально европейским, новорождённое русское общество имело сущностную склонность не к какой-то иной, а именно к европейской религии. Исторический смысл принятия христианства на Руси заключался именно в специфике образования первого русского государства и в жёстком

противодействии объединительному процессу «*особо живущих племён*». К концу X века соплеменники Рюрика и правивших в Киеве рюриковичей давно уже занимали господствующие позиции в ведущих европейских странах и прекрасно были осведомлены о «*преимуществах*» христианства. Более того, в самом Киеве на постоянной основе давно уже действовала христианская митрополия. В Татищевском летописном своде прямо указывается: «*Как скоро Владимир к Киеву пришёл, немедленно учинил совет с митрополитом, крестил 12 сынов своих и вельмож*». То есть, если и могла идти речь о каком-то выборе религии на Руси, то этот выбор происходил только на самом высшем уровне - в уме и душе самого князя. Но уже на уровне членов его семьи и вельмож определяющим фактором была воля князя. Народные же массы охристианивались принудительно. Попытки защищать «*старую веру*», по свидетельству Соловьёва, вели к раздражению властей и провоцировали их «*насильственные поступки*».

Полностью развенчивают (церковную в своей сути) легенду о принятии христианства на Руси слова константинопольского патриарха Фотия, немало поспособствовавшего распространению влияния византийской церкви в Болгарии и Моравии, а затем и на Руси, который уже в конце IX века (то есть за столетие до официального крещения Руси) утверждал: «*Но ныне и они (русы) переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан*». Из этих слов, сказанных с явным торжеством, видно, что, хотя церковный иерарх и выдаёт желаемое за действительное, говоря о всех «*русах*», но всё же, по-видимому, многие из киевлян тайно или явно уже приняли своё личное крещение, причём не без участия византийского митрополита. К исторической правде следует отнести прежде всего то, что христианская религия явилась на Русь не в ореоле святости, снизойдя на неё с небес в виде явленного князю чуда, а в грубой одежде прагматики, определившей стратегическую политическую линию юного государственного образования - Киевская Русь. Как стратегический курс введение и утверждение христианства на Руси можно признать не только оправданным, но и необходимым. Более того – думается, оно было вполне своевременным, полезным и даже благим. Но в тактическом и исполнительском плане его реализация оказалась делом крайне жестоким, вероломным и варварским. По сути, впервые в общегосударственном масштабе на Руси был создан прецедент радикального «*реформизма*», осуществлённого исключительно сверху и исключительно насильственным путём, который стал характерным и традиционным для будущего российского государства.

3

Крайне противоречивой и в моральном плане весьма неблаговидной выглядит роль и личность князя Владимира в этот переломный момент русской истории и российского государства. Демонстрируя народу при своём вокняжении исключительную приверженность язычеству и всемерно угождая языческим жрецам, Владимир ставит языческие «*кумиры*» в Киеве на самом высоком холме, называет их «*богами*» и вместе с членами семьи приносит им жертвы. При этом сам ведёт разгульный образ жизни. Будучи «*несыт до блуда*», он, по словам летописца, «*приводил к себе замужних женщин и девиц на растление*». И вдруг в один миг в князе Владимире и в Киеве всё переменилось. Крестившись по случаю (дал обет креститься, если возьмёт Корсунь), Владимир вмиг прозрел и исцелился. По возвращении в Киев он велел ниспровергнуть языческих идолов. Часть из них раскололи, другую – сожгли, а над главным богом Перуном совершили глумливое святотатство: привязав к лошадиному хвосту, волокли с холма и при этом били истукана палками. (Не напоминает ли нам это глумление большевиков над религиозными святынями после октябрьской революции, а затем глумление либералов над коммунистическими идеалами и общенародной собственностью: та же ярость, то же святотатство и тот же варварский вандализм!). Видя, что большинство киевлян не спешат принять новую веру, князь повелел всем некрещёным явиться к Днепру и принять

крещение под угрозой расправы. Дядя Владимира Добрыня был послан с этой же целью в Новгород, причём с целым войском. От этого славного времени летописцы и историк Сергей Соловьёв сохранили весьма красноречивую пословицу: «*Путята крестил мечом, а Добрыня – огнём*». Всё это говорит о том, что человек, только что клявшийся одним богам, но вероломно преступивший через свои клятвы, вряд ли будет искренен в верности новому Богу, так как для него вера служит лишь проявлением собственной воли и инструментом государственной политики.

Среди водружённых в Киеве, а затем низвергнутых Владимиром языческих идолов Соловьёв называет Перуна, Хорса-Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Из них бог Перун пришёл в древнеславянский и древнерусский пантеон из индоевропейской мифологии. В функциональном плане он был богом грозы, но фактически олицетворял собой все небесные явления и само небо. Ему противостоял бог Велес (Волос), символизировавший землю и земные явления. Дажбог (Дажьбог, Даждьбог) являлся древнерусским богом, относимым к солнцу и солнечным явлениям. Он мыслился в тесной связи со Стрибогом – богом ветра и ясного неба. Ни Симаргл, ни отдельно Сим и Регл в древнеславянском и древнерусском пантеоне не значились. Возможно, они должны были означать неких чужих богов, дошедших до древних русичей в искажённом виде: иудаистского Сима – старшего сына Ноя и древнеримского Регла, символизировавшего порядок. Мокошь относилась к божествам низшего, сугубо функционального плана - женщина, прядущая по ночам. Не удостоились внимания Владимира такие древнерусские боги, как Сварог - бог огня, Ярила (Ярило) – бог весеннего плодородия и Род - воплощение рода. В сравнении с мирообъемлющим христианством древнерусская языческая религия отличалась дробностью, приземлённостью и примитивизмом. По сути, она представляла собой не культ Бога как такового, а культ обожествлённой Природы. Она считывала Бога с поверхности конкретных природных явлений, но не стремилась (или не решалась) заглянуть за эту внешнюю грань, задаться вопросом о смысле человеческого бытия и человеческого предназначения. Ей не доставало философичности и подлинной мистики. Языческую стихию (определение Бердяева), по-видимому, следует рассматривать не только как стихию многобожества (бесконечный и необъятный сонм богов и обожествлённых предметов поклонения), но и как стихию самой веры – с её распылённостью, рассредоточенностью, безысходностью и мраком невежества.

Как примитивная вера выходящего из варварского состояния древнего русского народа языческая стихия по всем статьям должна была проиграть в русском народе аскетическому православию с его логической упорядоченностью и соразмерной гармонией сокровенных верований человека. Идея единого живого Бога как миротворящего, сверхмудрого, всеблагого и всемогущего Существа, своим Духом соединённого со всем человечеством и примером своего Сына дающего каждому человеку надежду на личное спасение, приводила в стройную систему стихийные представления русского человека о тайных пружинах мироздания и смысле человеческого существования. Как сама природа не противоречила основам христианского учения, представлявшего её Божьим творением, так и древнерусская языческая религия в своей сути могла органически совместиться с монотеистической христианской религией. Необходимы были только время и терпение, свойственное подлинным миссионерам. Тем более что по своей миролюбивой душе и по своему природному характеру древние русичи были людьми весьма богобоязненными, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что именно грозный бог Перун занимал первое место в древнерусском языческом пантеоне. Но древней Руси с миссионерами не повезло. Противостояние христианства и язычества было искусственно драматизировано, доведено до состояния войны. Особую же остроту этому духовному противоборству придало вмешательство властей, которые, поддержав силовыми средствами иноземную религию и сделав её своей идеологией, с одной

стороны, спровоцировали народный бунт и упорство в отстаивании «*веры отцов*», а с другой - подали личный пример вероломства и вероотступничества.

4

Не удивительно поэтому, что долгое время православие на Руси было лишь сугубо официальной религией, более или менее укоренившейся в правящей элите. Народ же в основном покорился силе, сохранив в душе приверженность языческой вере отцов. Не будь двухвекового татаро-монгольского ига, древняя Русь, возможно, так и осталась бы в плане веры расколотой надвое: вверху, в узком круге древнерусского общества - номинальное господство чужеземного христианства; внизу, среди массы консервативного русского народа – фактическое духовное владычество «*родного*» язычества. И только под гнётом чужого, варварски языческого народа страдающий русский народ наконец-то всей своей массой добровольно и искренне принял в свою душу веру великомученика и страдальца Иисуса Христа. Более того, хотя православная церковь и призывала народ повиноваться ханской власти, в специфических условиях татаро-монгольского ига языческая религия стала, по сути, синонимом пособничества врагу, олицетворявшему чужеземное господство. Именно с этого времени, по-видимому, и можно признать русский народ христианским народом, а язычество – архаичной религией древней Руси. Но даже в этих условиях греческое вероисповедание (византийское в своём существе), придавшее, по утверждению Пушкина, особенный национальный характер русскому народу, в свою очередь стало национальным русским вероисповеданием – русским православием. Само христианство как религия постепенно претерпевало на Руси серьёзные метаморфозы, превратившись в конце концов в национальную русскую религию, существенно отличающуюся от других ветвей христианства, включая и собственно греческую.

Вобрав в себя и охристианив в себе многие древнерусские языческие символы, русское православие тем самым придало чужеземному греческому христианству предельно русскую органику и универсализм, существенно отличающие его не только от таких монотеистических религий, как ислам, буддизм и иудаизм, но и от родственных христианских учений - протестантизма и католичества. Однако, если с иноверными религиями разделяющая их черта вполне очевидна, то с так называемыми единоверцами дело обстоит намного сложнее. Особенно трудно даётся выявление различий между православной и католической религиями. И это при том, что раздор между ними является и наиболее ожесточённым. Православные и католические иерархи, богословы обеих ветвей христианства, философы и мыслители христианского Запада и Востока неоднократно предпринимали попытки найти (при несомненном принципиальном сходстве) чёткие различия между православием и католицизмом, но каждый раз сбивались на богословскую терминологическую схоластику. Наиболее жёстко подошёл к сути проблемы Иван Ильин, обвинявший католицизм в том, что он «*ищет всегда и во всём и всеми путями – власти (светской, клерикальной, имущественной и лично-суггестивной)*». Это серьёзное обвинение, особенно в плане суггестивности, предполагающей духовное подавление личности верующего человека, подчинение его через внушение полной воле наставника. Но, думается, что в плане власти и стремления к духовному господству и русская православная церковь далеко не безгрешна. А потому мне больше импонирует точка зрения Исраэля Шамира, который, сопоставляя две ветви христианства, утверждает, что православие уделяет больше внимания Христу Воскресшему, католицизм – Христу Распятому, а мусульмане следуют Святому Духу. Не очень уверен в правоте Шамира относительно ислама и Святого Духа, но применительно к православию и католицизму он, думается, недалёк от истины.

Как известно, главными ипостасями Иисуса Христа являются его человеческая плоть и божественная сущность. Католицизм, действительно, поставил во главу угла своей религиозной практики именно страдательную (плотскую) ипостась Христа,

расставляя не только в церквях, но и повсеместно статуи и статуэтки распятия Иисуса Христа и фигурки скорбящей Мадонны, возводя в чин святости незаживающие раны (стигматы) у ревностных почитателей Христа-страдальца. Это, на мой взгляд, далеко не во всём оправданный и безупречный религиозный курс. Дело даже не в том, что при таком подходе излишне акцентируется внимание на Христе-Человеке. Подобная трактовка бросает негативную тень на Бога-Отца, рисуя Его жестокосердым, сознательно предающим Сына на растерзание зверям в человеческом облике. Прославляя без должной меры страдальца Сына, католицизм, по сути, хулит Отца, забывая (или умалчивая) о том, что страдания и смерть были личным выбором Иисуса Христа, его собственной жертвой во имя Отца, его символом беззаветной веры в Бога. Изымая этот добровольный личностный мотив, а затем высокую божественную награду за этот подвиг самоотверженности, католицизм лишает человеческое страдание высшего, очистительного смысла, возводит страдание в абсолют земной юдоли человека и вообще лишает страдательную земную человеческую жизнь внутреннего благородства и высокой божественной предназначенности.

5

Утверждения Шамира об акцентировке внимания в православии на Христе Воскресшем, Христе-Боге также кажутся вполне правомерными, отражающими существо православия и его принципиальное отличие от католицизма. На всём протяжении своего более чем тысячелетнего существования русская православная церковь не только признавала, но твёрдо и последовательно отстаивала принципиальный тезис Афанасия Александрийского о «*единосущии*» Бога-Отца и Бога-Сына, ставший церковным догматом по решениям Вселенских христианских соборов 325 и 381 годов. Патриарх Кирилл в своём поздравлении с Рождеством Христовым в канун 2011 года выразил это важнейшее кредо русской православной церкви следующими словами: «*Мы верим и исповедуем, что в Господе нашем Иисусе Христе встречаем Самого Бога*». Это вовсе не означает, что православие не придаёт значения страдательной человеческой ипостаси Христа или приуменьшает её значение. В любой православной церкви, даже самой захудалой деревенской, земное житие Иисуса Христа представлено в иконописных образах с достаточной полнотой и убедительностью, не оставляющих сомнения в его мученичестве и величии его земного подвига. Но одновременно отображается и неукротимое торжество Божественного духа, заключённого в земном человеке и отмеченного Божьей благодатью. Но самое главное – всемерно подчёркивается Божественная суть и Божественный апофеоз страдания, превращающий человека в Бога.

Иван Ильин подчёркивал, что православие взывает к свободному человеческому сердцу. Затрагивая же тему страдания, он утверждал: «*Не следует думать, будто страдание посылается человеку в наказание за его грехи. Бог не есть Бог мести и безжалостного воздаяния; Он есть Бог искупления, очищения, одухотворения и преображения*». Это очень важное и ответственное заявление глубоко верующего русского человека, неортодоксального, страстного борца за православную веру, во главу угла ставящего не букву, но Божественный дух христианского учения. Сущностные противоречия между духовно-пессимистическим католическим и духовно-оптимистическим православным подходами к жизни и к вере в высшей степени проявились в России в творчестве русских литературных классиков - Фёдора Достоевского и Льва Толстого, вылившемся у них в личностное духовно-нравственное противостояние. Достоевского нередко именуют больной совестью русского человека. Если говорить о его религиозном пророчестве, то он пророк человека, безвозвратно погрязшего и растворённого в юдоли земных страданий. Будучи ходатаем перед Богом за униженных и оскорблённых, припадающих к земной страдательной и сострадательной

ипостаси Христа, он, подобно Фридриху Ницше, зачастую и сам становится певцом и пленником человеческого страдания.

Толстого, напротив, можно отождествить со здоровой совестью русского человека. В религиозно-пророческом плане он выступает как пророк воскресающего и воспаряющего к небесам человеческого духа. Всё его позитивное жизнеутверждающее творчество обращено к освобождённой великодушной божественной ипостаси Христа. «*Воскресение*» - это не просто название одного из произведений Льва Толстого. Это его жизненное, духовное и религиозное кредо, его отвержение бессмысленного страдания ради страдания, его страстная вера в возрождение и воскрешение униженного и оскорблённого человеческого духа. Эту толстовскую жажду духовного обновления и воскрешения страдательного русского духа Владимир Ленин назвал зеркалом русской революции. Возможно, таковым и был бунтарь-романтик Лев Толстой. Однако по сравнению с ним Фёдор Достоевский явился уже не зеркалом, а самым настоящим акушером русской революции. Яростный идейный противник революции Достоевский всем своим взбудораженным, страстно непримиримым творчеством буквально фонтанировал недовольство и нестерпимое страдание, которые не могли не питать ненавистнический дух русских революционеров. Не случайно и то, что именно Достоевский стал кумиром современного западноевропейского образованного общества. При внимательном рассмотрении духовных истоков нынешнего либерализма, с его принципиальным отвержением страдания и культом толерантности, мы найдём немало перемешанных друг с другом зёрен страдательно-сострадательной достоевщины и сострадательно-мстительного католицизма.

6

Именно, по-видимому, из такого сострадательно-сентиментального видения мира и человека и родилась идея Достоевского о русском народе как богомольце и богоносце. Сам русский народ относился к своей религиозно-духовной сущности намного реалистичнее, сдержаннее, а иногда и не без иронии. Русские пословицы – «*повадишься к вечерне – не хуже харчевни: ныне свеча, завтра свеча, ан и шуба с плеча*»; «*знают и чудотворцы, что мы не богомольцы*»; «*русский народ не боится креста, а боится песта*» - свидетельствуют о том, что русские люди из народа никогда не приветствовали демонстративную и разорительную набожность, протестовали против причисления себя к богомольцам и были убеждены в необходимости земных строгостей, которые, по их мнению, являются намного более эффективными в плане воспитания, чем церковные проповеди. Из этого вовсе не следует, что нужно причислять русских людей к богоборцам или богониспровергателям. Они и таковыми никогда не были, причём даже в самые смертоносные и воинствующе безбожные тридцатые годы двадцатого столетия. Русские народные мудрецы и простой люд во все времена не переставали твердить - «*жив Бог – жива душа моя*», «*кто к Богу, к тому и Бог*», «*Божьи невольники счастливы*». Эти русские пословицы не сегодня родились и дошли до нас даже в публикациях советского времени. Это говорит о том, что Бог всегда жил и будет жить в душе русского человека. Но именно - в душе, а не на устах и не в показной церковной набожности. Русский народ вообще всегда очень сложно относился к понятиям православная религия и русская православная церковь. Религия как таковая для него была некой не трогающей душу абстракцией, а церковь зачастую ассоциировалась с конкретными «*попами*», отличавшимися не столько своей религиозностью, сколько неблаговидными поступками и жадностью. Превыше всего русский народ ставил не религию и не церковь, а христианскую веру вообще и русскую православную веру в частности.

В таком, казалось бы, упрощённом подходе к религиозной проблематике, тем не менее, проявлялись не темнота и невежество простых русских людей, а их мудрость, их безошибочной интуитивный конечный выбор в пользу веры. Разумеется, из проповедей «*попов*» они были наслышаны о сути христианского религиозного учения,

содержавшегося в Нагорной проповеди Иисуса Христа – «*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное; блаженны плачущие, ибо они утешатся; блаженны кроткие, ибо они наследуют землю; блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся; блаженны милостивые, ибо они помилованы будут; блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят; блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими; блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное*». Но такими нищими духом, плачущими, кроткими, алчущими правды, милостивыми и чистыми сердцем они мыслили и ощущали прежде всего самих себя – людей, добывающих пропитание себе и другим в поте лица своего. Не будучи хорошо знакомы с тонкостями христианского учения, простые русские, тем не менее, свято верили в Христа и Христу и надеялись на то, что их тяжкий труд и их земные страдания при чистоте помыслов дадут им будущее блаженство в Царстве Небесном. В свою очередь церковь наглядно, в ярких красках демонстрировала русским людям земные страдания Иисуса Христа и чудесное явление его Божественного воскрешения. Понимая всё различие между собой и Христом, его героическим подвигом во имя веры и их повседневными мелкими житейскими проблемами, простые люди, разумеется, не рассчитывали на своё собственное воскрешение. Но искренне верили в справедливость и сострадательность мученика-Христа, в его Божественное снисхождение к их человеческим слабостям. Религия и церковь не просто питали прочную традиционную веру простых русских людей в загробную жизнь и достойное вознаграждение за земные лишения, но и сами по себе были символами этой живой, негасимой душевной веры.

Основным отличием русской народной христианской веры от богословской христианской религии является её сугубо личностный, чисто субъективный аспект. Если для католиков слово «*верую*» (латинское – «*credo*») имеет преимущественно ментальное значение («*убеждения*», «*взгляды*», «*основы мировоззрения*»), то для православных оно представляет сокровенное душевное состояние, фактор предельного самораскрытия души в отношении высшего Субъекта веры. Николай Гоголь в «*Избранных местах…*» писал: «*Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших*». Думается, в данном случае он понимал под церковью именно веру, причём исключительно веру православную, представляющую собой чистую духовность. Русской православной вере присуща двойная символика. Наиболее явственным и очевидным её символом является Иисус Христос. Для ортодоксального христианина сакраментальным является вопрос – верит ли тот или иной человек в Христа: в его земную жизнь, в его личность, в его воскрешение, в его божественность. Вторым и, думается, главным символом христианской веры является вера самого Иисуса Христа, выраженная его молитвой «*Отче наш*». Виктор Васнецов в письме Владимиру Стасову отмечал: «*Отец влил в наши души живое неистребимое представление о Живом, действительно сущем Боге*». Отцом художника был русский православный священник, причём сам из рода священников. И он вливал в души своих детей как некую высшую духовную драгоценность представление о вечно живом, реально существующем Боге. По-видимому, это его личное убеждение было одновременно и выражением традиционного кредо русской православной церкви, для которой конечным символом веры был и остаётся Всевышний – Бог-Творец, Бог-Отец, Бог-Вседержитель нашего мира.

7

Вопрос веры в душе и уме русского человека никогда не был простым и однозначным. Та самая предметность, столь характерная, по утверждению Ивана Ильина, для русской души и русского ума, в плане веры всегда таила в себе элементы парадоксальной непредсказуемости. Неистребимая жажда предметности наделяла русскую душу, особенно в молитвах и в судьбоносные моменты жизни, реальным ощущением явственного присутствия живого Бога. Но эта же постоянная жажда предметности неизменно толкала русский дух к бунту, к требованию едва ли не

повседневного присутствия Бога в реальной действительности, особенно в моменты острых проявлений человеческой злобы, несправедливости и вероломства. Отмечая эту противоречивость русской души и русского духа, канадец Джон К. утверждал: «*Убедить русского человека, что Бог есть, так же легко, как доказать обратное. Сомнение в вере у них сильнее самой веры. Они вечно сомневаются во всём, даже в Боге. У русских понятие «судьба» главнее самого Бога. Они в самом начале пути и пока больше верят языческим причинам бытия*». Можно подумать, что европейцы представляют собой образец непреклонной веры, лишённой каких бы то ни было сомнений и суеверий. Откуда же тогда появились в мире атеизм, безбожные коммунистические идеи, да и весь современный либеральный релятивизм? Уж не из отсталой ли России?! Разумеется, есть у русских людей и сомнения, и колебания, но не в плане - верить или не верить, а в смысле – до какой степени верить. А это очень существенная разница. Для её прояснения следует обратиться к образу благочестивого библейского страдальца Иова, который выпавшими ему жизненными испытаниями был доведён до крайности - вплоть до проклятия дня своего, но затем раскаялся в своей слабости и получил Божье благословение. Думается, и русский народ, подверженный слабостям, но и способный к искреннему и глубокому раскаянию, имеет право на Божье прощение и Божье благословение.

Замечание Джона К. о том, что русские находятся в самом начале пути и больше верят языческим причинам бытия, очень спорно, хотя и позволяет взглянуть на современное русское православие трезвым взглядом. Если рассматривать туманно-абстрактный «*путь*» как путь веры, то, на мой взгляд, лучше находиться в его начале, когда вера всё более укрепляется, чем в его конце, когда усталая вера всё больше вырождается в духовную апатию или цинизм торжествующего либерального безверия, прикрытого фиговым листком Бога для умных. Если мы находимся в самом начале пути, то у нас ещё ничего не потеряно, так как пик нашей веры находится далеко впереди. Что же касается засорённости в русском православии духовно чистого поля христианской веры чертополохом языческих предрассудков, то это вопрос, действительно, непростой и требующий не только размышлений, но и предельной честности. Если отбросить ортодоксальный идеологизм догматиков и бездумную, во многом суеверную веру воцерковлённой паствы, то в православии (как, впрочем, и в католицизме) мы найдём немало следов языческой ритуальности, отображённой в обрядах и символике русской православной церкви. Порой складывается впечатление, что русское православие в целом представляет собой компромисс между христианскими догматами и практическими магическими действами древних языческих жрецов. Причём этот компромисс настолько устойчив и укоренён в русском православии, что любое более или менее серьёзное нарушение его грозит разрушить духовное единение верующих.

Именно этим фактором можно было бы объяснить весь драматизм и всю глубину раскола Русской православной церкви, произошедшего в середине XVII века в результате церковной реформы патриарха Никона, спровоцировавшей оппозиционное общественное движение и массовые народные волнения. Ведь, по-видимому, совсем не случайно противники никоновских реформ, именовавшиеся в церковных кругах старообрядцами, в народе назывались староверами. А этот термин при крещении Руси применялся, по свидетельству историка Соловьёва, исключительно к языческим идолопоклонникам. То есть достаточно было патриарху Никону предпринять шаги по осовремениванию православной религиозной догматики и православной церковной ритуальности, как мгновенно последовал решительный и массовый протест верующих, включая видных церковных иерархов. Причём этот протест по своей страстности и своей непримиримости приобрёл характер рецидива языческого бунтарства времён крещения Руси. Языческая закваска, если не в русском православии, то во всяком случае в русском народе, несомненно, есть и, может быть, её даже больше, чем в других европейских народах. Тому наглядным свидетельством явилось сравнительно уже недавнее торжество коммунистической идеологии, в которой идеалы Христа легли на почву самого

настоящего воинствующего варварского язычества. Не исключено, что и нынешний весьма ощутимый всплеск неоязычества в России связан не только с духовными проблемами большевистско-коммунистического атеизма, но и с определёнными современными реформистскими веяниями в самой русской православной церкви. Однако этот рудимент язычества в русском народе вовсе не следует воспринимать трагически. Наоборот, в нём есть и определённые позитивные элементы. Во всяком случае он, этот стабильно беспокоящий элемент, не даёт возможности почивать на лаврах и духовно расслабляться не только церковным иерархам, но и русской православной церкви в целом, заставляя их со всем тщанием и предельной ответственностью следить за чистотой своих рядов и искренностью своих помыслов.

8

Вопрос о том, насколько жива в русском народе православная традиция и до какой степени она искусственно прервана не только семидесятилетним воинствующим богоборчеством большевиков и коммунистов, но и двадцатилетним целенаправленным распространением идей духовной толерантности современными либералами-платониками и радикал-либералами, интересует сегодня не только богословов и церковников, но и профессиональных социологов. Ибо в конечном счёте речь идёт о духовном здоровье российского общества и нации в целом, в которых религиозная составляющая (православная в том числе) играет роль своеобразного духовно-социального камертона и одновременно - катализатора. Директор Института социологии РАН Михаил Горшков отмечает в современном российском обществе две разновекторные духовные тенденции – весьма положительную и крайне отрицательную. С одной стороны, по его данным, в России за последние десять лет заметно возросло число молодых людей, которые обращаются к вере как к чему-то для себя важному. Это не просто некий единичный положительный факт, но, можно сказать, весьма обнадёживающий фактор. Ибо заметный рост верующих наблюдается не в течение всего либерального двадцатилетия, что можно было бы воспринять как естественную реакцию молодёжи на гнёт тоталитаристской идеологии безбожного атеизма. Акцент делается именно на последнем десятилетии, а это позволяет сделать выводы совсем иного рода. Если во второй половине периода безраздельного идейного господства либерализма, отмеченного не только тотальным наступлением на коммунисчтическую идеологию, но и реальными атаками на «*русский клерикализм*», число верующих, причём среди молодёжи, стало заметно возрастать, то речь идёт уже об отрицательной реакции на толерантную либеральную идеологию и на антинародную практику олигархических радикал-либералов. Что не может не свидетельствовать о чужеродности либеральных идей и их всё большей неприживаемости в российских условиях, а также о принципиальном осуждении и отвержении российской молодёжью индивидуалистско-эгоистических либеральных практических ценностей.

Вторая тенденция, отмеченная Горшковым, в свою очередь не просто отрицательная, но имеет явно обескураживающий характер. Треть российской молодёжи в ходе анкетирования откровенно заявила о готовности переступить через моральные и правовые нормы ради достижения своих целей. Сами цели не уточняются, но, несомненно, сводятся исключительно к материальному преуспеянию. Что же, глядя на эту впечатляющую цифру, российские либералы вполне могут испытывать чувство гордости и удовлетворения: всего за двадцать лет своего непосильного труда они успели духовно искалечить так много народа - прежде всего российской молодёжи. Но вопрос в том – этим ли стоит гордиться и сколь долго продлится это противоестественное чувство глумливого удовлетворения? Что касается взывания к совести наших либералов, то здесь любые моральные соображения, по-видимому, бессильны перед вескими материальными доводами. В отношении же самой трети изуродованных золотым тельцом душ есть смысл поразмышлять. Во-первых, имеются среди российской молодёжи ещё две трети, по-видимому, неготовых к преступным поступкам и циничным решениям. И пусть среди них

имеется немало колеблющихся между добром и злом, но есть и те, кто уже решительно противостоять злу либерализма. Во-вторых, следует учитывать и специфику первого десятилетия либерального двадцатилетия, когда российская молодёжь была поставлена в такие условия, что вообще не имела выбора между добром и злом, а должна была ради элементарного выживания просто переступать через моральные и правовые нормы. Осмотревшись и получив некоторую свободу выбора, российская молодёжь в возрастающем масштабе начала демонстрировать своё отвержение либеральных ценностей и своё обращение к вере как к чему-то для себя важному. Отсюда вывод: рано торжествовать, господа либералы, ибо свою великую миссию тотального насаждения в российском обществе эгоистического свободоблудия вы явно не выполнили и уже вряд ли выполните.

Живая традиция простых русских людей, которые, по невольному признанию либерала Быкова, всегда были ближе к Богу, на мой взгляд, наиболее полно и сущностно выражена тремя русскими народными пословицами, взятыми мной в качестве эпиграфа к данной главе – «*жить – Богу служить*», «*как ни молись, Бог всё услышит*» и «*без добрых дел – вера мертва перед Богом*». Каждая из них универсальна и в то же время предельно предметна. Каждая имеет императивный посыл, адресованный как простым труженикам-мирянам, так и воцерковлённым верующим и православным пастырям. А все вместе они выражают цельное и взаимосвязанное кредо русской православной веры. Существо православной веры заключается, с точки зрения простых русских людей, в том, что вся жизнь человека на Земле заёмна, ибо дарована ему Богом. Человек не вправе распоряжаться этим Божественным даром бездумно, хаотично и эгоистично, а должен обратить его на земное служение Богу на любом поприще, которое изберёт сам или определит ему его собственная судьба или сокрытый в ней Бог. Служа своим повседневным трудом Богу, человек имеет право на прямое общение с Богом в своей сокровенной молитве, прося Его о помощи в земных бедах и благодаря Его за великий и бесценный дар жизни. Молиться можно как угодно и где угодно, ибо главное в ней не слова и не место, а особое состояние души и духа, их полная раскрытость Богу. Верующий русский человек, несомненно, должен быть добрым, честным и искренним. Но одного этого для Бога недостаточно. Нужны ещё добрые дела, но не показные, обращённые и посвящённые исключительно Богу, а незаметные и обыденные, укоренённые в укреплённой верой доброте души. Вера без этих реальных добрых поступков мертва, молитву этой омертвелой души Бог не слышит и служение её носителя не засчитывает. Разумеется, такая простонародная расшифровка православной веры далека от тонкой философичности догматов и канонов русской православной христианской религии и изощрённой ритуальности русской православной христианской церкви. В то же время русская народная православная традиция очень прочно стоит на этих трёх китах и сбить её с них практически невозможно. Эта народная традиция и сегодня не просто жива, но имеет реальные шансы на полное возрождение и примирение на её базовых принципах всех мировых религий и народных верований.

* * *

Среди народных русских сказок имеется немало баек про жадных попов, свидетельствующих об отрицательном отношении простых русских людей к личностным качествам служителей церкви, по крайней мере на её низовом уровне. Но я решил взять для иллюстрации темы русского православия сказку совсем иного рода, редко встречающуюся среди русских сказок. Называется она – «*Об отце Николае*». Она очень короткая, но весьма поучительная. В ней говорится о неком безымянном вороватом человеке, который не только наделал много бед, но ещё и умудрился обокрасть богатого человека. Если раньше ему всё сходило с рук, то на сей раз он вынужден был скрываться от погони бегством. Когда беда была уже совсем близко, вор обратился к Богу с молитвой:

«*Господи! Прости мою душу грешную; батюшка отец Николай, сокрой меня – я тебе гривенную свечку поставлю*». Тут «*ниоткуда взялся*» человек пожилых лет и в ответ на раскаяние вора посоветовал ему спрятаться в куче падали. Когда погоня проехала мимо, вор вылез из падали и увидел того же старичка, собиравшего неподалёку воск. Напомнив вору о его обещании поставить гривенную свечку, старичок (отец Николай, а точнее - святой Николай Угодник) сказал: «*То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи*». В заключение старик дал вору наставление: «*Никогда не проси господа бога и святых его угодников на злые дела, потому что господь не благословляет злых дел. Да смотри же, помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили бога в худых делах!*». Сказал это и скрылся из глаз.

Сказка эта очень современна своей аллегоричностью. Сейчас тоже развелось немало вороватых людей, которым многое сходит с рук, но только не преступления против очень богатого человека. Скрыться от кары и преследования современных олигархов можно не столько раскаянием или молитвой, сколько уподоблением падали. Что и происходит сегодня со многими молодыми и немолодыми людьми, пошедшими в низкопоклонническое услужение к богатым людям. Но спасение от земных бед такими средствами – вовсе и не спасение, а беспросветная жизнь в гнилом духе. Подлинное же спасение заключается, по смыслу сказки, даже не столько в обращении к Богу и даже не в полном раскаянии, сколько (и исключительно!) в добрых делах. Все щедрые пожертвования Богу и святым угодникам со стороны закоренелых преступников, не только не угодны Богу, а воспринимаются Им как зловоние падали. Ибо Бог благословляет только добрые дела. Сказка вроде бы не окончена, ибо не ясно, что стало в конце концов с вороватым человеком и как он окончил свои земные дни. Но предполагается, что после такого судьбоносного приключения и явленного Богом чуда, герою сказки не остаётся ничего другого, как стать честным человеком и быть глашатаем правды во славу добрых дел. Будем же верить и мы, что наши нынешние «*падальные*» времена даны нам для испытания силы нашего духа и крепости нашей веры в добро. Будем верить в это и надеяться на то, что Бог нам тоже явит чудо и в конце концов избавит нас от жизни в падали, недостойной бытия богоподобного и богоугодного человека.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. РУССКИЙ МИР – ИСХОД ИЛИ ИЗГНАНИЕ?

Что мир порядил, то Бог рассудил.
За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да своё.
Скучно Афонюшке на чужой сторонушке.

Русские пословицы

1

В марте 2010 года в Институте философии РАН состоялся очень важный круглый стол, посвящённый принципиально значимой теме: «*Русский мир – смысл и ценности*». В её обсуждении приняли участие ведущие российские учёные, философы, представители общественности. В центре их заинтересованного внимания оказались общая концепция и основные проблемы Русского мира. Представители российской интеллектуальной элиты подвергли обстоятельному анализу такие аспекты Русского мира, как генезис и развитие явления и понятия Русский мир, существо русской цивилизации, взаимосвязь и различие русского мира с диаспорой, ценности и символы Русского мира, вопросы национальной идентичности и ментальности. Судя по тому, что круглый стол проходил в помещении Института философии, инициатива в его организации и проведении исходила от руководства этого главного интеллектуального российского центра. Вся проблематика

круглого стола была сформулирована исключительно под философским углом. Всё это наводит на мысль о том, что форум задумывался как знаменательное явление в интеллектуальной жизни российского общества, имеющее едва ли не мировое значение - во всяком случае весьма значимое для России и россиян, рассеянных по всему миру. Предполагалось, по-видимому, что весьма авторитетные участники форума, если и не придут к общей точке зрения в рассмотрении острой и сложной большой проблемы Русского мира, то, по крайней мере, достигнут некоего консенсуса в подходе к частным вопросам и тем самым внесут ясность в умы россиян и многочисленных наших соотечественников за рубежом.

Следует отметить, что все участники круглого стола отнеслись к обсуждению столь важных вопросов со всей ответственностью и серьёзностью. Что, как это ни парадоксально, и предопределило нулевой практический результат форума. Ибо в нынешнем бродильном состоянии Русского мира позитив и негатив перемешаны в нём до такой степени плотно и сложно, что не только в самом объективном явлении Русского мира, но и в субъективном определении его понятия существует больше вопросов, чем ответов. Отсюда и получается, что, чем больше обсуждается ныне тема Русского мира, тем более она запутывается, и чем больше специалистов участвует в обсуждении, тем меньше в нём реального смысла и практической отдачи. Как и следовало ожидать, основные баталии разгорелись на круглом столе именно вокруг понятия Русского мира. Акцентируя внимание на слове русский, главный российский антрополог Валерий Тишков, вполне естественно, поставил во главу угла в понятии Русский мир, по сути, этнический фактор, подчеркнув, что русский язык, Православная церковь и русская культура являются «*тремя китами*» русского мира. Возражая ему, главный политолог страны Вячеслав Никонов заявил, что это понятие «*не географическое, не религиозное и, конечно, не этническое*». Ещё дальше в отвержении этнического фактора в понятии Русского мира пошёл главный российский философ Абдусалам Гусейнов, подчеркнув, что Русский мир – это не нация и не страна и что Россия не умещается в рамках государственных границ, так как своим языком, ментальностью и амбициями она выходит далеко за них. При всей кажущейся жёсткости и политической ущербности этнической трактовки понятия Русский мир в либералистски-толерантных российских условиях, чисто методологически, разумеется, более прав Тишков, чем его политизированные оппоненты. Ибо Никонов и Гусейнов, формально именуя Русский мир «*русским миром*», фактически подменяют его сущностное этническое понятие неким расплывчатым «*российским миром*», который не только выходит далеко за государственные границы России, но и вообще искажает смысл Русского мира как российского и мирового явления.

Столь резко обозначившаяся диаметральность подходов специалистов к определению понятия Русский мир вовсе не случайна. Она коренится не столько в разных личностных точках зрения на эту саму по себе весьма сложную проблему, сколько в разновекторности политики либерально-демократического российского государства в национальном вопросе вообще и в отношении к зарубежным российским соотечественникам в частности. С одной стороны, нынешний Русский мир рассматривается как некий российский государственный проект, целью которого является создание своеобразной зарубежной пророссийской буферной зоны, уподобляемой канувшему в Лету русскому крестьянскому миру - формально самостоятельному, но фактически вполне ощутимо и определительно управлявшемуся соответствующими российскими государственными структурами. Учитывая явную официозность этого проекта и его либерально-толерантную направленность, у него имеется слишком большое число энергичных и влиятельных поборников. Они-то, политично именуя Русский мир «*русским миром*», прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить этнической консолидации русских людей за рубежом. Но этой генеральной линии российского либерально-демократического государства, с другой стороны, противостоит точка зрения на Русский мир как на некое специфическое культурно-цивилизационное явление,

которое российское государство само должно учитывать в своей деятельности, причём во всей сложной и противоречивой его совокупности. В своей сути это своего рода оппозиционный проект, хотя у него имеется немало сторонников и в российском государственном аппарате. Находясь в явном меньшинстве, они время от времени и пока ещё очень робко дают понять, что Русский мир должен рассматриваться исключительно как самоценное и самодостаточное этническое самообразование. По их мнению, только при таком понимании Русского мира и при весьма уважительном отношении к нему у российского государства есть реальный шанс продемонстрировать миру новую Россию, очищенную от наследия раболепия и покорности и сознающую своё национальное достоинство и своё мировое призвание.

2

При всех попытках организационно скомпоновать Русский мир, придать ему большую монолитность и культурными средствами привязать его к России, современный Русский мир живёт своей собственной, весьма специфической жизнью. При этом он представляет собой наисложнейшее явление - мир, вобравший в себя все противоречия современной России, да к тому же помноженные на противоречивость отношений к нашим зарубежным соотечественникам в странах их пребывания и крайнюю противоречивость современного мира в целом. Особенно неудачной следует признать официозно-либеральную попытку сделать так называемое русское зарубежье неким зарубежным придатком Российской Федерации, её зарубежным политическим лобби. Как можно рассчитывать на прочное единение Русского мира с Россией, развивающейся по своим собственным законам, весьма отличным от законов развития Русского мира? И как найти полное взаимопонимание России с внешним Русским миром, если в самой России её собственный традиционалистский внутренний русский мир, по сути, игнорируется, сохраняясь и поддерживаясь лишь в плане языкового настоящего, культурного прошлого и фольклорной экзотики? Тем более, когда жесты примирения лишь символически демонстрируются со стороны государства, недооценивающего всей органики внутренней сложности современного Русского мира и стремящегося к упрощению его сущностной проблемы.

По грубым подсчётам (а точности не получается по разного рода объективным и субъективным причинам), за рубежами Рссийской Федерации сейчас находятся порядка тридцати миллионов этнических русских. Из них примерно две трети проживают в так называемом ближнем зарубежье (страны СНГ и Балтии), а треть – в дальнем зарубежье (остальной мир). Все они являются гражданами стран своего проживания, причём, как правило, добропорядочными и законопослушными гражданами. В основной своей массе они владеют русским языком и уважительно относятся к русским традициям и русской культуре. Но уже в третьем поколении многие выходцы из русских семей (не говоря уже о смешанных браках) теряют русский язык, становятся убеждёнными приверженцами культуры стран проживания и воспринимают русские традиции своих дедов как некий социальный атавизм или старческие причуды. В отличие от подавляющего большинства других зарубежных диаспор (на сто процентов однородно этнических) зарубежный Русский мир формировался не естественным путём, а некими пульсирующими, чрезвычайно болезненными родовыми схватками самой России. Ибо в течение тысячелетия Россия неоднократно духовно обновлялась, но не эволюционно, а революционно, мучительно исторгая из себя «*лишних людей*», от которых она освобождалась не только без всякого сожаления, но чаще всего с чувством непримиримой враждебности.

В силу этого у специалистов принято считать поэтапность формирования зарубежного Русского мира некими волнами - эмигранты «*первой волны*», «*второй*» и так далее. В основном насчитывается сегодня пять таких волн, исчисляемых с начала девятнадцатого века. Но фактически волн этих было на Руси и в России бесконечное

множество. Уже в период раздробленности Киевской Руси происходило не только приглашение иноземцев для участия в княжеской междоусобице, но и перемётывание русских на чужую сторону. Красноречивое сманивание Кончаком доблестного князя Игоря свидетельствует не только о стойкости последнего, но и о бытовавшей в то время практике перехода русских на сторону врага. Такие факты были реально отмечены в правление великого князя московского Василия II Тёмного. Иван Грозный породил не только политического эмигранта Андрея Курбского, но и превратил в такового своего сына Алексея. И это не считая опальных нестяжателей. Формирование на Украине вольного казачества из беглых русских людей тоже носит на себе оттенок эмигрантства, не говоря уже о массовом исходе за рубеж старообрядцев во второй половине XVII века. Однако все эти перемещения русских людей за рубежи своей Родины не только на постоянное место жительства, но и для продолжения борьбы против соответствующего российского политического или идеологического режима до начала двадцатого столетия имели всё же преимущественно частный характер. В двадцатом же веке они приобрели необычайную масштабность, квалифицируемую одними специалистами как массовый исход русских из России, а другими – как массовое их изгнание из своего Отечества.

3

Первой мощной волной российской эмиграции новейшего времени все специалисты дружно именуют стремительный исход-изгнание русских людей из России, свершившийся в течение первого послереволюционного пятилетия - с 1917 по 1922 годы. Двухмиллионная волна россиян, выброшенных со своей Родины, словно цунами, обрушилась на цивилизованный мир, неся с собой личностное горе, душевные страдания и массовую нищету. Выходцы из России стремительными социально-этническими потоками растеклись по Франции, Германии, Чехословакии, Югославии и Болгарии. В 1922 году только в Берлине осели триста шестьдесят тысяч русских, и это при том, что Германия была побеждённой страной, а Россия внесла серьёзную лепту в её разгром и унижение. На Востоке русских беглецов на первых порах приютил Китай (в основном Харбин и Шанхай), но потом и эти русские «*китайцы*» вынужденно потянулись на Запад. Всех эмигрантов этой волны объединяли антисоветская идейная направленность, надежда на скорое освобождение России от большевиков, стремление возродить и сохранить в отрыве от Родины русские национальные традиции и русскую духовность. Во второй половине сороковых годов прошлого века Европу и США накрыла вторая, ещё более масштабная (до десяти миллионов человек) волна русской эмиграции. Она состояла преимущественно из так называемых невозвращенцев (из числа угнанных на принудительную работу в Германию и бывших советских военнопленных). По свидетельству исследователей русской эмиграции, судьбы этих людей принадлежат к самым трагичным страницам истории народов в Европе. Третью волну эмиграции (с середины пятидесятых по конец восьмидесятых), сравнительно небольшую, но очень бурную и скандальную, спровоцировали, по сути, сами западники. В условиях развязанной холодной войны против Советского Союза и непрекращающейся жестокой идеологической битвы «*открытого*» капиталистического общества с «*тоталитарным*» коммунистическим режимом каждый советский беглец и невозвращенец встречался на Западе как герой и активный борец с коммунизмом.

События начала девяностых годов, приведшие к развалу Советского Союза и утверждению в России антисоветского строя и антикоммунистических ценностей, внесли серьёзные коррективы в характер российской эмиграции и формирование Русского мира. С одной стороны, они превратили эмиграцию в страны дальнего зарубежья в некий фарс – своего рода биржевую игру, в которой главными были ставка на особо привлекательную страну и подсчёт полученных в ней социально-финансовых дивидендов. Далее следовало либо продолжение азартной полубиржевой игры в чужом государстве, либо ставка на другую страну (переезд и новое обустройство), либо возвращение на Родину. И всё это без

особых раздумий и угрызений совести. У представителей этой волны российской эмиграции не было и намёка на изгнание. Это был самый настоящий исход из России чуждых ей людей, ищущих некой иллюзорной земли обетованной, но прагматически сохраняющих формальные физические контакты с Родиной своих предков на случай вынужденного возвращения. Появилась и своеобразная, но опять-таки в основном социально-экономическая, внутренняя эмиграция в России людей, обладающих иностранным, двойным или российским гражданством, приобретших престижное жильё за границей и хранящих свой основной капитал за рубежом. Россию они рассматривали как идеальное место для зарабатывания больших денег, но сама страна и российский народ были им чужды. По инерции продолжая жить и работать в «*этом*» (словечко, превратившееся в пароль внутренних эмигрантов), чужом для себя государстве, они чувствовали себя в нём временщиками, готовыми в любой момент «*свалить*» из страны. По сути, духовно они уже давно покинули Россию, и их держит в ней только бизнес, причём весьма прибыльный бизнес. Это тоже исход, причём вполне реальный, но не фактический, а символически отложенный. Парадоксально то, что именно Россия является для них не только в плане наживы, но и в качестве адреналинового тонуса жизни, реальной страной обетованной. А потому они и будут цепляться за неё до последней возможности – до той поры, пока их не выгонят как совершенно чуждый элемент или пока не иссякнут в ней дармовые источники их баснословного обогащения.

Однако на фоне этой во многом авантюрной волны эмиграции из России вполне благополучных людей особо трагичной выглядит другая волна так называемых эмигрантов девяностых годов. Речь идёт о двадцати миллионах (фактически – значительно больше) русских людей, живших в качестве граждан Советского Союза за пределами Российской Федерации в одном большом советском доме, но вдруг в одночасье оказавшихся гражданами чужого государства. И не только формально, но и фактически - с полным отрывом от Родины. Причём воспринимаемых в новообразованных национально ориентированных государствах не только недружественно, но и с откровенной враждебностью, вплоть до оскорбительной клички – оккупанты. Следует учесть и то, что это были отнюдь не последние люди среди советских граждан, а, наоборот, представляли собой наиболее активную, сознательную и образованную часть русских людей. Большая их часть направлялась в национальные союзные республики по распределению из вузов или по комсомольским путёвкам для укрепления национальных кадров, развития экономики и культуры советских республик. Эти высокопрофессиональные квалифицированные кадры, обеспечившие небывалый материальный подъём и духовный расцвет предприимчивых, но культурно отсталых народов, в один миг стали ненужными и даже лишними для бывших республик, превратившихся в суверенные государства. Амбициозные национальные элиты, сформированные именно из привилегированной части советской номенклатуры, видя в русских своих интеллектуальных конкурентов и нежелательных для себя оппозиционных элементов, взяли курс на силовое выдавливание русских со «*своей*» территории, с одновременным выстраиванием системы их национального унижения и ущемления социально-экономических прав во внутриполитической сфере. За исключением Белоруссии, самые настоящие гонения на русских осуществлялись в новых государствах грубо и цинично, с элементом мстительности за некие мифические унижения так называемых титульных наций в рамках Российской империи и Советского Союза, которые для ранее угодливых национальных элит стали вдруг главным врагом национально ориентированного государственного строительства.

4

Всех этих негативных моментов в резком изменении социально-политического статуса большой массы русских людей в так называемом ближнем зарубежье вполне можно было бы избежать. Но только в том случае, если бы Россия после развала

Советского Союза, спровоцированного демократическим Западом, заняла твёрдую позицию во взаимоотношениях с тем же Западом и государственными структурами стран СНГ и Балтии в поддержку Русского мира в ближнем зарубежье. А также сама создала благоприятные условия для возвращающихся в страну собственных соотечественников. Но ни того, ни другого не произошло. Испытывая серьёзные политические и экономические трудности, морально раздавленная и нравственно потерянная Россия наспех создала некое подобие программы поддержки соотечественников (по сути – видимость таковой), под которую Запад выделил жалкие гроши на обустройство беженцев и переселенцев и которые повсеместно бессовестно разворовывались. С лидерами новых государств осуществлялись, по сути, приватные договорённости по «*разруливанию*» ситуации с «*местными русскими*». Причём не со всеми вместе и не при благожелательном участии западных государств, а исключительно с каждым лидером в отдельности и при общей антирусской позиции западных держав, от которых зависело поступление средств на поддержку самой России и бывших советских союзных республик. Взаимопонимание в так называемом русском вопросе, как правило, достигалось ценой значительных уступок со стороны российского государства зарубежным национальным элитам в интересах поддержания видимости дружественных межгосударственных отношений. На деле же шла поощряемая Западом ожесточённая конкурентная борьба за получение максимально возможных кредитов со стороны Международного валютного фонда, которые давались особо доверенным главам государств, по сути, с целью своеобразной подкормки национальных элит, включая российскую, путём создания беспрепятственных условий для их разворовывания.

Если взглянуть здравомысленно и политически неангажированно на ситуацию в русском вопросе двадцатилетней давности, то следует признать, что в начале девяностых годов прошлого века произошло фактическое массовое изгнание русских людей за границы предавшего их родного государства. Формально основная вина за этот акт массовой этнической чистки бывшего Советского Союза лежит на руководстве России и непосредственно – на Борисе Ельцине. Именно он подписал все межгосударственные и международные правовые документы, зафиксировавшие капитулянтскую позицию российского государства в отношении своих граждан, оказавшихся не по своей воле на чужой территории. В значительной мере должны разделить большую долю ответственности за трагическую судьбу пожертвованных русских людей и национальные элиты бывших советских союзных республик, которые в результате раздела Советского Союза получили неограниченные права не только на всё его имущество, находившееся на момент раздела СССР на территории данной республики, но и на всех проживающих в ней граждан, включая прежде всего русских людей. Именно национальные элиты и лидеры новых государств создали режимы выдавливания русских и гонения на них в своих государствах в политической, экономической, социальной, культурной и языковой сферах, превратившие русских людей в граждан второго сорта, а то и вообще в лиц без гражданства. Но за кулисами этой самой масштабной российской и русской гуманитарной катастрофы находились её фактические организаторы – гуманнейшие и либеральнейшие западные государства. Они не только активно содействовали краху коммунистического режима и развалу Советского Союза, но и определили меру, формы и масштабы искупления либерально-демократической Россией ельцинского периода её прежних, коммунистических грехов. И, как всегда бывало с грехами и искуплениями во все времена, и в данном случае не обошлось без человеческих жертв. Ими-то и стали ни в чём не повинные русские люди, по воле жребия оказавшиеся во время нового передела мира на горе себе «*не в том месте*».

С того времени, унизительного по форме и постыдного по своему духовно-нравственному содержанию, в России и ближнезарубежном Русском мире, казалось бы, многое изменилось. Россия, набрав некоторый экономический жирок и в какой-то мере восстановив своё моральное достоинство, повернулась лицом к Русскому миру и

официально объявила поддержку своих соотечественников в ближнем зарубежье приоритетным направлением внешней политики российского государства. Ныне регулярно проводятся представительные международные форумы соотечественников. Действует федеральная Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. Осуществляются федеральные программы по поддержке соотечественников, по содействию их добровольному переселению в Россию, по сохранению и развитию русского языка за рубежом. Создан специальный государственный фонд по поддержке соотечественников и русского языка за рубежом – «*Русский мир*». Наиболее острые вопросы жизнедеятельности соотечественников обсуждаются в администрации президента РФ, в Совете Федерации и Государственной Думе. К работе с зарубежными соотечественниками подключились российские регионы, в первую очередь Москва, Санкт-Петербург и Татарстан. И, тем не менее, многие соотечественники стран СНГ и Балтии продолжают испытывать чувство обиды по отношению к России и даже в этих условиях считают себя брошенными и никому не нужными. И в значительной мере они правы, так как национальные элиты стран ближнего зарубежья без тени смущения практикуют ставшую традиционной политику ущемления законных прав русского населения и гонения на русский язык. А западноевропейские лидеры, очень чувствительные к нарушениям прав человека в самой России, совершенно игнорируют полное попрание прав русского этнического меньшинства, например в странах Балтии, и демонстративные горделивые фашистско-нацистские марши прибалтийских националистов, имеющие не в последнюю очередь своей целью провоцирование России и унижение достоинства русских людей.

5

Волнообразность формирования Русского мира, контрастность положения русских людей в материально благополучном и социально устойчивом дальнем зарубежье и в мятущемся, переполненном негативными эмоциями, материально неблагополучном ближнем зарубежье, а также идейная несовместимость мироощущения авантюрных людей исхода и страдальческих жертв изгнания делают современный Русский мир не просто противоречивым, а духовно наэлектризованным и взрывоопасным. Если сравнить Русский мир, например, с еврейским, китайским и индийским мирами, то его отличие от них представляет полную противоположность. Сцементированный единой идеологией, еврейский мир, по сути, возродил, создал и выпестовал собственное государство – государство Израиль, которое обязано еврейскому миру всем своим существованием. Словно еврейский Бог на небе, еврейский мир опекает государство Израиль на земле, создавая ему режим особого благоприятствования во всём мире. Этнически консолидированный китайский мир, наоборот, живёт вне каких бы то ни было идеологий, сознавая себя неотъемлемой организационной частью Поднебесной, существующей вне времени и при любых политических режимах. Жёстко организованные зарубежные структурные ячейки китайского мира нацелены на то, чтобы финансово и экономически подкармливать Великий Китай. По свидетельству аналитиков, с 1991 по 2006 годы вклад рассыпанной по всему миру китайской диаспоры составил около семидесяти процентов от общего объёма прямых иностранных инвестиций в экономику Китайской Народной Республики. Индийский мир долгое время представлял собой некую зарубежную касту жёстко разграниченного индийского общества. Причём касту самую отверженную и презренную, едва ли не ниже неприкасаемых. Считалось, что при пересечении Индийского океана индийцы теряли свою чистоту и превращались в «*ненужных индийцев*». Однако с начала девяностых годов прошлого века отношение индийского государства к эмигрантам существенно изменилось. В 2003 году был учреждён новый государственный праздник – День зарубежных индийцев. Соответственно изменился и психологический настрой многочисленной индийской диаспоры, объединяемой чувством деятельного патриотизма. В США, например, индийская община стала одной из самых

влиятельных по лоббированию государственных интересов Индии. Денежные переводы из-за рубежа в Индию с 1990 по 2000 годы возросли в шесть раз, составив более двенадцати миллиардов долларов.

В отличие от позитивного настроя (с преобладанием чувства долженствования перед Родиной и желания помочь ей всеми доступными средствами) еврейского, китайского и индийского миров к странам своего исхода в Русском мире преобладают смешанные чувства по отношению к России. Парадокс Русского мира заключается в том, что наиболее глубокие патриотические чувства к своей Родине испытывают вовсе не люди авантюрно-завистливого исхода, а именно жертвенные изгнанники. Так было у эмигрантов первой волны, проигравших битву за «*свою*» Россию, но сохранивших в душе её романтический образ, непоколебимую веру в её высокое предназначение и беспримерную верность русскому языку и русской культуре. Так происходит и сейчас с русскими изгнанниками в ближнем зарубежье, поневоле ставшими гражданами по духу чуждого им государства. Их ожесточённая борьба за русский язык, воспринимаемая зачастую как неспособность русских к овладению языком страны пребывания, вовсе не сводится к чистой лингвистике. Это прежде всего выражение социального протеста людей с укоренённым чувством собственного достоинства против несправедливого мироустройства, в котором не только допускается, но и морально оправдывается узаконенное унижение огромной массы русских людей по сугубо этническому признаку. В конечном же счёте эта заведомо обречённая на поражение битва за русский язык является реальным проявлением подлинной любви русских людей к своему народу и своей несчастливой Родине в надежде на конечное воссоединение с ними. Подобно тому, как эмигранты первой волны и их благодарные потомки мощно подпитывают сегодня современную российскую православную духовность, русскую культуру и русский язык, может статься, что именно верные подвижники русского духа, русской культуры и русского языка, закалённые в ожесточённых битвах за них в странах СНГ и Балтии, в конечном счёте явятся спасителями нашего Отечества от либералистски-толерантной духовной гнили. Конечно, если мы сами не найдём в себе силы для противостояния и реального противодействия этой духовной чуме двадцать первого века.

Что касается Русского мира в дальнем зарубежье, то здесь сегодня сосредоточен основной потенциал так называемого российского исхода - именно российского, а не русского, хотя и именуемого русским. Эта формализованная русскость здешнего, по сути, российского диаспорального сообщества во многом связана с тем, что в Европе многонациональные выходцы из Советского Союза традиционно именовались и продолжают именоваться русскими. Русский мир дальнего зарубежья не только расплывчат в своей национальной составляющей, но и весьма неоднороден в социально-духовном плане. Несмотря на в основном личностно мотивированный и сугубо добровольный отъезд на постоянное место жительства за границу, представители российского исхода усиленно стремятся представлять себя изгнанниками. Подобно тому, как российская либеральная интеллигенция ныне поголовно выдаёт себя за неких внутренних диссидентов, гонимых советской властью и реально пострадавших от неё, российские эмигранты последнего двадцатилетия в дальнем зарубежье считают хорошим тоном причислять себя к изгнанникам. Они тщательно ведут учёт своим личностным обидам, создают себе имидж духовных страдальцев от российского бедлама и вообще причисляют себя к убеждённым поборникам чистого либерализма и европейской упорядоченности, якобы недостижимых в варварских российских условиях. Примечательна в этом плане ссылка известного российского актёра Алексея Серебрякова на российское хамство как на основную причину его отъезда в Канаду. То есть, будь Россия нормальной страной, он никогда бы её не покинул. А так получается, что хамская Россия буквально выдавила, причём против его воли, образцового русского интеллигента Алексея Серебрякова. Как будто принципиальная и самоотверженная борьба с хамством не является основным признаком и призванием подлинного русского интеллигента! И как

будто в цивилизованной Канаде подлинный русский интеллигент не столкнётся с более утончённым и надменным хамством, против которого он будет не только абсолютно бессилен, но и, как русский эмигрант, абсолютно бесправен!

6

Русский язык, столь важный для русских людей в плане поддержания своей этнической идентичности в странах ближнего зарубежья, в дальнем зарубежье зачастую служит средством раздора. Весьма заметным явлением Русского мира здесь служит существенное идеологическое расхождение между представителями разных волн русской эмиграции, провоцирующее потенциальную конфликтность в зарубежной российской диаспоре. Кроме того, так называемые русскоязычные организации выходцев из бывшего Советского Союза на всём протяжении их существования, как правило, сотрясали и продолжают сотрясать межнациональные конфликты, а также личностные скандалы и мелкие дрязги, превращающие зарубежный Русский мир в бесконечную Русскую войну. Постоянно растравляемая душевная обида на русский народ и вбиваемое в сознание убеждение в неком неоплаченном долге перед ними российского государства делают русских эмигрантов не только в дальнем, но и в ближнем зарубежье практически неспособными к реальному объединению между собой и адекватному восприятию современной России. Они и в личных контактах друг с другом излишне подозрительны и обидчивы и сохраняют убеждённость, что кто-то что-то должен для них делать и что сами они имеют полное право на социальную пассивность и личное иждивенчество. В силу этого все предпринимаемые до сих пор попытки организационно объединить Русский мир дальнего зарубежья и тесно связать его с Русским миром ближнего зарубежья и с Россией терпели неизменный провал. Ибо объективистские центростремительные процессы постоянно наталкиваются в нём на упорное центробежное субъективное сопротивление, причём даже внутри уже реально созданных и более или менее активно действующих общественных организаций российских соотечественников за рубежом.

По аналогии с Индией и индийским миром в России ныне многое пересматривается в идейной оценке Русского мира и выстраивании практических взаимоотношений с ним. Однако очень медленно и осторожно. Во всяком случае День зарубежных русских (или россиян) в качестве государственного праздника в Российской Федерации будет учреждён ещё очень не скоро (если когда-нибудь вообще будет учреждён). Мы с большим трудом, но всё же отходим от былого восприятия в качестве предателя и врага каждого россиянина, особенно русского, выехавшего на постоянное место жительства за рубеж. Мы уже дружелюбно приветствуем и радушно встречаем наших заграничных соотечественников, посещающих Россию в качестве туристов или паломников в места проживания своих близких или далёких предков. Множатся культурные связи российских дипломатических и культурных учреждений с видными соотечественниками и их потомками, получившими общественное признание за рубежом. Что же касается материальных связей, то, в отличие от Китая и Индии, финансовые вливания российских эмигрантов в экономику России представляются не просто минимальными – их вообще нет. Наоборот, ежегодно из России идёт многомиллиардный отток капитала, свидетельствующий о полном отсутствии патриотических чувств у внешних и внутренних российских эмигрантов, воспринимающих свою Родину исключительно как источник личной наживы. Те капиталы, которые возвращаются в Россию, например, с Кипра, представляют собой, как правило, инвестиции, предназначенные опять-таки для получения максимальной прибыли, оседающей в конечном счёте за рубежом. Многочисленные зарубежные организации российских соотечественников иждивенчески подпитываются из России путём вливания безвозвратных средств на поддержку русского языка и проведение культурных мероприятий. Попытки российских государственных и муниципальных органов организовать взаимовыгодный обмен продукцией и капиталами с партнёрскими бизнес-структурами российских соотечественников за рубежом, как

правило, не имеют успеха. Причём (очередной русский парадокс!) в основном из-за противодействия российских бизнес-структур, рассматривающих соотечественников исключительно в качестве конкурентов.

Объективно говоря, Русский мир, причём не только в дальнем, но и в ближнем зарубежье, пока работает в основном не на Россию, а на это самое зарубежье. Его представители демонстрируют высокий уровень ментальности и одарённости, изобретательность, необыкновенную жизнестойкость и приспособляемость к местным условиям, органичную коммуникабельность и подчёркнутую лояльность к властям и народам стран пребывания. Имея в виду русских эмигрантов в дальнем зарубежье, русский «*англичанин*», актёр и писатель Питер Устинов в беседе с журналистом Владимиром Большаковым отмечал, что «*это люди по-настоящему, по-русски талантливые, которыми могут равно гордиться и Россия, и те страны, гражданами которых они волею судеб стали*». Будучи научными работниками, преподавателями школ и вузов, инженерами, строителями, музыкантами, солистами оперы и балета, художниками, они основывали новые философские течения, создавали целые научные отрасли, добросовестно трудились практически во всех сферах хозяйства и культуры, оставляя свой след и свои имена в истории стран проживания. Если как следует проанализировать роль «*русских французов*», «*русских англичан*», «*русских американцев*», «*русских австралийцев*», «*русских украинцев*», «*русских казахстанцев*» и так далее в науку, историю, культуру и экономику стран их проживания, то в конечном счёте окажется, что вклад Русского мира в иностранное и общемировое развитие является весьма значительным.

7

Марина Тэе (Эстония) предлагает рассматривать русских вне России не в изгнании, а в «*послании*». Это важная мысль. Россия как общая праматерь всех эмигрантов, кажется, постепенно склоняется к такому принципиально новому пониманию своих выходцев и изгнанников. Наталья Нарочницкая склонна считать, что русская цивилизация с богатейшей культурой и традициями «*держит в своей орбите даже тех, кто хотел бы отделить себя от страны*». Весь вопрос сегодня вроде бы состоит исключительно в том, захотят ли рассматривать себя посланниками России те, кто хотел бы хотел бы поскорее забыть русский язык и свою корневую русскость и стать полноценным гражданином страны своего нового пребывания. Как ни странно, его решение зависит, не столько от них самих, сколько опять-таки от России. Но не в плане мыслей, желаний и практических проектов российских государственных мужей, а в плоскости реального положения дел в самой России. Возрождение Русского мира и тесно связанное с ним установление мира среди русских, о котором мечтают многие наши соотечественники за рубежом, имеет непременным условием возрождение самой России. Наталья Нарочницкая определяет эту взаимосвязь весьма жёстко и афористическно: «*русские в России должны вновь научиться быть русскими, а русские зарубежья – вспомнить об этом*». К сожалению, в современных российских и международных условиях обе эти задачи решить неимоверно сложно – почти на грани невозможного.

Сегодняшняя Россия представляет собой применительно к Русскому миру сплошную и почти неразрешимую загадку, так как является загадкой для самой себя, для своего сущностного самосознания. И это необычайно усложняет проблему не только в понимании России заграничным Русским миром, но и в понимании Россией этого внешнего по отношению к ней Русского мира. Во времена Советского Союза всё было предельно чётко и ясно. По одну сторону границы, простиравшейся очень далеко (включая так называемые страны социализма), были все свои, братья, соратники, строители светлого будущего – коммунизма. По другую сторону, естественно, располагались враги коммунизма и злейшие среди них – изменники, предавшие Родину и перешедшие на сторону врага. Такой подход сегодня кажется примитивным и весьма

нетолерантным, но у него было преимущество цельности и силы единения, рождавшего подъём патриотических чувств и придававшего необычайный жизненный тонус всему советскому народу, неведомый западноевропейскому человеку и недостижимый для граждан современной России. Сегодня государственные границы, отделяющие нас от дружественно-недружелюбного Запада, с каждым днём становятся всё более призрачными. Наши соотечественники приезжают к нам, как к себе домой, особенно бывшие враги, перешедшие в разряд самых близких друзей.

В то же время Россия и Русский мир остаются сущностно разными мирами в рамках условно единой русской цивилизации. Неожиданно вырвавшаяся у главного российского социолога Михаила Горшкова фраза о русских и российских соотечественниках, как о «*давно покинувших нашу страну и не переживавших с ней вместе ни дефолтов, ни подъёма, ни страха, ни надежды, ничего*», свидетельствует о том, что в глубине души у нас (а, соответственно, и у них) остаётся некий жёсткий, нерастворимый осадок, не позволяющий окончательно растопить накопившийся лёд отчуждения. К тому же в сегодняшней российской действительности накопилось слишком много надрыва и надлома, вынужденности и противоестественности, наносного и чужого, чтобы из этой унижающей нас мешанины делать вывод о мире и стабильности в российском Русском доме, а следовательно – и создавать основы для утверждения мира и стабильности во всём большом Русском мире. А потому дальнейшая судьба большого Русского мира (как русской цивилизации) в первую очередь связана с Россией – с её внутренним органичным саморазвитием, а также с укреплением её международного авторитета и восстановлением её подлинного достоинства в мировых цивилизационных процессах. Исход из России прекратится, на мой взгляд, только тогда, когда реально прекратится изгнание людей из неё – фактическое и сущностное. Именно тогда, и ни в коем случае не раньше, исход русских качественно переродится и поменяет свой вектор – станет не бегством из страны, а возвращением в страну как в обетованную, родную землю русских людей – землю, дорожащую каждым человеком и дающую возможность каждому найти дело по душе.

* * *

Не сразу, но по зрелом размышлении я решил для иллюстрации данной темы остановить свой выбор на русской народной сказке «*Счастливое дитя*». В ней говорится об именитом купце с купчихою, у которых было много всякого добра, а детей не было. Ради ребёнка купец «*много казны издержал*», и в конце концов купчиха родила мальчика, который был наделён даром исполнения любых своих пожеланий. Но об этом его даре знал только приказчик Фёдор, который выкрал купеческого сына и стал понуждать его к исполнению всего, что только ему на ум взбредёт. В конце концов бывший приказчик потребовал от мальчика создания нового царства, строительства хрустального моста и женитьбы на царевне. Всё так и исполнилось. Фёдор стал царствовать да мальчиком помыкать: держит его у себя за работника, бьёт и ругается всячески, иной раз и куска хлеба пожалеет дать. Но однажды мальчик ненароком подслушал тайну о самом себе и превратил приказчика в собаку. Возвратившись к родителям, он предложил им переехать в то царство, которое сам создал. Царевна, естественно, к своему отцу уехала, «*а Фёдор до самой смерти так и остался поганым псом*».

Русский мир, рождённый Родиной-матерью, вполне может быть уподоблен мальчику, выкраденному у родителей и отданному во власть чужому человеку – завистливому, чёрствому душой и жадному до земных благ. Судя по названию сказки («*счастливое дитя*»), существо его дара сводилось не просто к исполнению любых своих собственных желаний, а к тому, чтобы делать счастливыми других людей. Но, как это водится в обычной жизни, люди редко догадываются о том, что для них является подлинным счастьем. А потому они чаще всего желают того, что только им на ум взбредёт. Взбредает же им на ум, как правило, алчная жажда богатства и власти,

которыми они не способны разумно пользоваться. Западный мир, особенно в современных американизированных условиях, буквально помешан на культе чрезмерного богатства и абсолютистской власти. В этом своём качестве он с полным правом может быть отождествлён с купеческим приказчиком Фёдором. Сам тип «*приказчика*» избран сказочником, думается, вовсе не случайно. С одной стороны, приказчик является раболепным исполнителем чужих приказов, а с другой – он сам по себе есть персона приказывающая, распоряжающаяся всем служивым людом. В отличие от именитого хозяина, не только располагающего большим богатством, но и дорожащего своим честным именем, приказчик является натурой совсем иного рода. Будучи доверенным лицом купца и обладая изворотливым умом, он душой мелок и убог, беспредельно подл и вероломен. Он не просто крадёт ребёнка, но обставляет дело так, будто сама мать съела своё дитя. Разлука родителей с пропавшим родным сыном страдательна и для них, и для него, но она не бесконечна. Достаточно было простого недосмотра со стороны достигшего предела своих желаний приказчика Фёдора, и даровитый мальчик не только освобождается от рабской зависимости от него, но и воссоединяется со своими родителями, принося им долгожданное и выстраданное счастье.

К сожалению, сегодня в России и мире господствуют не именитые купцы, дорожащие своей честью и человеческим достоинством, а многочисленные подленькие и по-настоящему подлые «*приказчики*», которые меряют счастье исключительно собственными материальными благами и которым нет дела до страданий честных и добрых людей. Но такое счастье иллюзорно, да и счастьем его вряд ли можно назвать. Рано или поздно даровитое «*счастливое дитя*» повзрослеет, и от него уже невозможно будет скрыть тайну реальных его возможностей и подлинного счастья. И это страдающее ныне дитя возвратится в конце концов к своим честным и любящим родителям, а вместе они возвратят всему миру понимание и жажду настоящего счастья.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. РУССКАЯ АТЛАНТИДА - УЧАСТЬ ИЛИ МИССИЯ?

Кого бог любит, того и наказует.
Беды человека научают мудрости.
Не тужи: перемелется – всё мука будет.

Русские пословицы

1

С Атлантидой в древнегреческой мифологии связаны две легенды: первая – собственно об Атлантиде и вторая - о причастном к ней Атланте. В первой легенде речь идёт о некогда существовавшем огромном острове (едва ли не континенте) в Атлантическом океане к западу от Гибралтара, опустившемся на дно из-за землетрясения и последовавшего за ним наводнения. Основоположником этой легенды является древнегреческий философ Платон. В его изложении Атлантида представляла собой «*удивительное по величине и могуществу царство*», населённое атлантами и существовавшее за девять тысяч лет до самого Платона. Родоначальником атлантов, согласно мифу, был бог Посейдон, вступивший в предосудительную связь со смертной девушкой. В силу этого атланты обладали одновременно божественной и смертной природой, а потому были обречены на вырождение. Наделённые божественной чертой характера, проявлявшейся в отвержении богатства, они, выродившись, впали в алчность и гордыню. Как философа-нравственника истинная или мифическая Атлантида привлекала Платона не сама по себе, а в качестве символического назидания – своего рода притчи. Противопоставляя «*скромным и добродетельным*» Афинам потерявшую божественный облик «*надменную*» Атлантиду, он не столько стремится к реальному изложению

событий, сколько предостерегает своих соотечественников от впадения в грех гордыни. Платон недвусмысленно даёт понять, что Атлантида погибла не от естественных причин, а была сурово наказана богами именно за алчность, надменность, непомерную гордыню и измену своему божественному предназначению.

У мифического Атланта имеется своя собственная «*атлантида*», схожая с судьбой легендарного острова-континента. Атлант (другой вариант имени - Атлас) в древнегреческой мифологии являлся могучим титаном, сыном титана Иапета и Климены, братом страдальца Прометея. За участие в повторной титаномахии (битве титанов против олимпийских богов, возглавляемых Зевсом) он был приговорён держать на голове и руках небесный свод. Атлантический океан получил своё название от имени Атланта в силу того, что последний, согласно легенде, поддерживал небо недалеко от сада Гесперид на крайнем западе земной тверди. В обиходе принято считать Атланта символом выносливости и терпения. Но в сопоставлении с судьбой Атлантиды его также можно причислить и к символам непомерной гордыни и суровой божественной кары за неё. И в то же время – к символике безысходной страдательности, причём как внешней – сугубо физической, так и внутренней – духовной. Ибо, помимо огромной и неизбывной чисто физической тяжести, он, по замыслу богов, должен был держать в душе своей ещё и бремя неизбывной вины и глубокого раскаяния. В соответствии с весьма усложнившейся в новое время трактовкой небес в символике Атланта и его «*атлантиды*» просматривается и ещё один весьма важный аспект. Поддержка небесного свода, являющегося в представлении верующих людей основанием внеземного обиталища Бога и его святых служителей, означает особую божественную миссию – дело величайшей ответственности. Эта миссия означает удержание небес в их чистоте и святости, недопущение слияния неба и земли, смешения возвышенности и низменности, святости и греховности. Миссия Атланта – пограничная, и сам он, по-видимому, представляет собой в новейших условиях некое полубожество. Он крепко стоит на греховной земной тверди, терпеливо и страдательно несёт на своих плечах бремя земной греховности и является, по сути, последним клапаном, предохраняющим чистые небеса от перетока к ним земной грязи и человеческой нечистоты.

Трагическая судьба Атлантиды, ореол загадочности и мистики, интерес к реальным событиям древнейшей земной истории, непрерывно ведущиеся научные поиски и любопытные находки последнего времени породили в России своего рода моду на употребление к месту и не к месту термина Русская Атлантида. В прямом смысле это понятие впервые было применено к затопленному в 1940 году при создании Угличского водохранилища городку Калязину, а затем и к на три четверти затопленному городку Весьегонску, расположенному на реке Молога в ста сорока километрах от Рыбинска. Пальма первенства в использовании словосочетания русская Атлантида в переносном смысле принадлежит историку Льву Гумилёву, назвавшему Хазарию «*в полном смысле русской Атлантидой*». Научную разработку этой темы предпринял Александр Асов в книге «*Атлантида и Древняя Русь*», дав ей подзаголовок ***«****Русская Атлантида. Русь – земля титанов и атлантов****»***. Сосредоточив внимание на древнем Приднепровье и опираясь на греческие мифы и русские предания, он приходит к выводу, что русы являются наследниками атлантов, а также ариев-гиперборейцев. Вслед за ним Алексадр Бушков и Андрей Буровский дают своей книге «*Россия, которой не было*» подзаголовок «*Русская Атлантида*». Они посвящают свой труд расследованию исторического развития Западной Руси, которая, по их мнению, замалчивается учёными и «*уходит на дно*» и представляет собой русский вариант Атлантиды.

2

Однако наряду с подобными претенциозно-оригинальными опусами в последнее время проявилось и более углубленное, сущностное понимание социально-исторического явления Русской Атлантиды. Наша болгарская соотечественница Лариса Григорова в

предисловии к книге «*Русские в Болгарии*» к людям исчезающей Русской Атлантиды относит представителей первой волны русской эмиграции, обосновавшихся в странах дальнего зарубежья после катастрофы 1917 года и в ходе Гражданской войны. «*Это были русские люди*, - подчёркивает она, - *с высочайшими представлениями о долге и чести, люди истинно христианского миропонимания и культуры. При внешней непритязательности жизни, их личное пространство вбирало в себя огромный мир знаний и интересов. Но самое сокровенное в их жизни было связано с Россией. Внешне не преуспевшие, они отнюдь не были сломлены бедами трудной жизни и одиночества*». Григорова причисляет к Русской Атлантиде огромный человеческий обломок «*континентальной*» России, оторванный от неё её трагической судьбой и тонущей в океане человеческих страданий. Гордые принадлежностью к великой Российской империи и жестоко наказанные судьбой (по сути, обречённые на исчезновение в океане западноевропейской цивилизации), они более всего, по её мнению, подходят под платоновское изображение трагедийной судьбы легендарной Атлантиды и описание тягот непокорного мифического Атланта. Причём в трактовке Григоровой реальные «*русские атланты*» - вовсе не вырожденцы, а, наоборот, лучшие представители русской нации, её цвет, её элита. Неся в своей душе образ страдалицы-России, они в основной своей массе достойно приняли выпавший на их долю тяжкий русский жребий. Сосланные по воле Бога на крайний Запад (именно к Атлантическому океану и даже за океан), они взвалили на свои плечи ношу специфически понимаемого ими «*небесного свода*».

Отсюда всего один шаг к пониманию Русской Атлантиды как русской планиды вообще или как атлантиды этнической русскости. Смысл этой русской атлантиды-планиды, более всего проступивший для России и русских людей в особо трудные десятилетия конца двадцатого столетия и начала двадцать первого века, был вполне осознаваем ещё нашими далёкими предками - простыми народными мудрецами. Русские пословицы - «*кого Бог любит, того и наказует*», «*живём, поколе Господь грехам нашим терпит*», «*подумаешь – горе, а раздумаешь – воля Господня*», «*видно, судьба такая*», «*с бедою не перекоряйся, терпи!*», «*чем-нибудь да кончится*» - вполне можно отнести не к высказываниям разнесённых по времени отдельных русских людей, а к размышлениям (внутренним монологам) самого мифического Атланта – бесконечно страдающего, но утешающего себя надеждой на далёкое окончание страданий и их конечную оправданность. Если принять большой русский мир (включающий Русский мир и Россию) за особую, самобытно развивающуюся русскую цивилизацию, существующую на стыке восточноазиатской и западноевропейской цивилизаций и органически аккумулирующую в себе симбиоз их сущностей, то Русская Атлантида в свою очередь должна восприниматься как своеобразная историческая и геополитическая судьба этой русской цивилизации. Причём судьба тоже особая, ни на кого и ни на что не похожая и в то же время представляющая собой некую диалектичную составляющую судеб восточноазиатской и западноевропейской цивилизаций.

Русская цивилизация имеет свои собственные и, как можно судить по последним исследованиям, весьма глубокие корни. Трансформация древнеславянской цивилизации в древнерусскую и русско-российскую цивилизацию происходила в целом эволюционным путём. Однако важнейшей вехой в ней, разумеется, стало революционно-силовое образование древнерусского государства Киевская Русь, совмещённое с насильственной христианизацией простого люда в особой, аскетично-византийской форме. В отличие от поэтапно прогрессирующей и ярко выраженной западноевропейской цивилизации судьба русской (а точнее – русско-российской) цивилизации была в течение минувшего тысячелетия не прямой и не открытой, а как бы прерывисто-пунктирной и неизменно гнетуще страдательной. Русская цивилизация, проявляясь вовне выплесками бунтарско-революционного варварства, целое тысячелетие таилась глубоко внутри русско-российского общества, чутко реагируя на внешние события, мимикрируя в соответствии с меняющейся обстановкой, используя варварскую форму для защиты своего

цивилизационного содержания. Это и есть атлантида русской цивилизации, постоянно притопленной, находящейся под толщей вод океана не только российского, но и мирового варварства. Что касается специфики её страдательности, то в ней явно преобладал дух жертвенности, самопожертвования, столь не свойственный духу западноевропейской цивилизации, предпочитавшей строить своё благополучие за счёт покоряемых ею варваров.

3

О высшей степени жертвенности русской цивилизации можно судить по садомазохистскому замыслу вождя российской революции Владимира Ленина и по самоубийственной практике большевиков, всерьёз готовившихся пожертвовать Россией и русским народом ради торжества всемирной пролетарской революции. Живущий ныне во Франции князь Александр Трубецкой, характеризуя события, произошедшие в России в начале двадцатого века, уподобил их Варфоломеевской ночи во Франции. Однако, правильно отмечая сакральную сущность резни гугенотов католиками и «*резни*», устроенной большевиками в ходе Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны, наш соотечественник не учитывает масштабов фанатического жертвоприношения тех и других. В одной из своих предсмертных публикаций талантливый журналист Анатолий Уткин, отметив, что большевистская революция «*легко и жестоко простилась с Атлантидой великой российской цивилизации*», приводит слова Ленина: «*Все из нас должны быть готовы отдать свои жизни ради помощи немецким рабочим в деле продвижения революции*». Все из нас - очень ёмкое и беспощадно определительное понятие. Разумеется, в первую очередь Ленин включал в него самого себя и своих революционных соратников. Но в сопоставлении с немецкими рабочими как реальной движущей силой мировой революции, готовность отдать жизни вовсе не ограничивалась у Ленина узким кругом фанатичных революционеров, а простиралась уже, по сути, на весь русский народ и на всю Россию. Когда же выяснилось, что немецкие рабочие вовсе не имели намерения практически жертвовать собой во имя теоретических целей, которые они упорно и самонадеянно ставили перед собой и пролетарским миром в течение всего девятнадцатого и начала двадцатого веков, вожди русской революции, не меняя своих мессианских целей и своего уничижительного взгляда на Россию и русский народ, решили эксплуатировать их жертвенность перманентно, на протяжении всего существования советско-коммунистического строя.

Сейчас, рисуя коммунизм и его вождей самыми чёрными красками, очень многие стремятся подчеркнуть, что это был особый, бесчеловечно жестокий, злодейский и прямо-таки сатанинский период в развитии русского народа, русской цивилизации и мира в целом. Однако восприятие русского народа и русской цивилизации как жертвенного средства в решении наиболее значимых, судьбоносных мировых проблем было традиционным не только для российской элиты, но и для самого русского народа на всех крутых виражах русско-российской и мировой истории. Это реальный исторический факт. Он проявился уже в крещении огнём и мечом Киевской Руси «*святым*» Владимиром. Он был положен в основу формирования централизованного Московского государства в рамках особо жертвенного татаро-монгольского ига. Он был безжалостно и беспощадно продемонстрирован Петром Первым в процессе тотальной европеизации России и утверждения основ Российской империи. Он красной нитью проходит через кровавые перипетии Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853-1856 годов, Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, Первой и Второй мировых войн. Он и сейчас со всей очевидностью просматривается в шоково-терапевтических методах либерально-западнической российской элиты, приносящей в жертву российский народ и русскую цивилизацию ради весьма сомнительных ценностей нравственно разлагающейся западноевропейской цивилизации.

При всём неприятии этих цинично жестоких методов, осуществляемых под прикрытием гуманистических либерально-платонических идеалов, не хотелось бы всё сводить в нынешних наших бедах к критике либерально-демократического режима, хотя он, несомненно, заслуживает и специального анализа, и серьёзной критики. Проблема небывалого по своей глубине современного духовного кризиса русской цивилизации заключается, на мой взгляд, не только в деформировании сознания и духа российской либерально-западнической элиты, помешанной на антисоветизме и антикоммунизме. Она, эта острейшая проблема, может быть, в равной степени сегодня коренится в крахе докоммунистических, традиционалистских духовных устоев самой русской цивилизации, некогда цементировавших её прочность, а ныне всё более превращающихся в обузу и духовный балласт, тянущий её ко дну. Возьмём, к примеру, русские народные пословицы, раскрывающие смысловую и духовную подоплёку атлантиды русской цивилизации. Что внушали русскому народу в течение многих веков народные мудрецы? «*Божьи невольники счастливы*»; «*воля портит, а неволя учит*»; «*Бог по силе крест налагает*»; «*золото огнём искушается, а человек напастьми*»; «*натерпишься горя - узнаешь как жить*»; «*беда вымучит, беда и выучит*»; «*беды человека научают мудрости*»; «*как ни плохо, а перемочься надо*». Перевод этих народных афористичных притч-иносказаний на современный язык выявляет крайне пессимистическое жизненное и философское кредо русских людей и зыбкий простонародный базис русской цивилизации. В соответствии с этими поучениями, счастье заключается вовсе не в проявлении активной жизненной позиции, а совсем наоборот – в рабской покорности жизненным обстоятельствам, трактуемым исключительно как проявление роковой Божьей воли. Воля человека, свободолюбие, стремление к независимости, отстаивание собственного достоинства, с точки зрения наших предков, вовсе не благо, а вред для русского человека, своего рода порча, от которой могут излечить только покорность и добровольное подчинение чужой воле. Нет такой беды, которую с Божьей помощью не должен был бы вытерпеть бы русский человек. Беды, напасти, страдания русского человека, по мнению народных мудрецов, вовсе не зло, а благо для него, ибо, претерпевая их, он очищается и становится подобным золоту. Горе, беда трактуются как истинные учителя жизни, без них якобы невозможно познать ни смысла, ни подлинной радости человеческого существования на земле. Только они научают человека мудрости и истинному пониманию человеческого предназначения. Жизнь, заключают мудрецы, не создана для наслаждений, а потому, как бы ни были велики человеческие страдания, надо перемочься, вытерпеть, выстоять и до конца исполнить Божью волю.

4

Самое удивительное в русской цивилизации то, что народное кредо в ней в вышеприведённых пословицах почти до полной тождественности совпадает с канонами Русской православной церкви и нравственными заповедями Иисуса Христа. Кому-то подобное тождество покажется мазохистским культом страдания, укоренённым в русском народе и в русской цивилизации. Но это не так. Как все нормальные люди, русский человек не любит страданий. Более того, будучи очень осторожным и предусмотрительным, он старается «*не впутываться*» в ситуации, грозящие страданиями. Но если беды и страдания неизбежны (причём не только навязанные внешними обстоятельствами, но и вытекающие из внутренних, нравственных обязательств), мужественные русские люди не бегут от напастей, а осознанно и, по сути, добровольно покоряются им. Однако это не безвольная покорность раба, уравнивающая человека с домашним животным, а наложение на себя бремени лихолетья свободным и очень свободолюбивым человеком, надеющимся с Божьей помощью перетерпеть лихо, а достойно перетерпев, избыть его, не сдаться ему и в конечном счёте победить его. «*Горе не море: выпьешь до дна*», - с верой в русского человека утверждали народные мудрецы.

И, по крайней мере, до сих пор они были правы: за тысячу лет много было этих морей горя в российской истории, и все они были выпиты русскими людьми до самого донышка.

Рассказывая о судьбе русского «*болгарина*» А.И. Пирожкова, одного из двух миллионов россиян, которых революция 1917 года и гражданская война оставили в своё время без Родины, дома и друзей, Лариса Григорова отмечает: «*Поражает сохранившееся в этих людях – как склад ума и состояние души – русскость. Верили они, что вернутся в воскресшую Россию*». Здесь для нас важны два момента. Первый – тот факт, что даже насильственно оторванные от России русские люди оказываются за её рубежами верными своей русскости, воспринимаемой как особый склад ума и состояние души, то есть, по сути, как принадлежность к русской цивилизации. Второй – это особый символ веры страдающих русских людей, представляющих вне Родины обломки огромной Русской Атлантиды - русской цивилизации. В нём, этом цивилизационном символе веры, содержится серьёзное отличие верований простых русских людей, составляющих базис русской цивилизации, от религиозных упований российской элиты, символизирующей её социально-политическую надстройку. Страдательный и бесконечно терпеливый русский народ возносит свои страдания не столько на алтарь своего собственного небесного спасения (как это делают набожные члены его элиты), сколько переносит их с глубокой верой в земное воскрешение самой России. Это – ключевое звено в понимании смысла русской цивилизации. Отправленные, словно побеждённые титаны, в «*тартар*» земного бытия, прикованные подобно Прометею к «*скале*» земного долга и вообще скованные цепями жёстокой событийной необходимости, русские атланты до сих пор держали на своих плечах вовсе не эфироподобный небесный свод, а тяжеленную твердь родной земли, прогибаемой безумствами своих собратьев. И всё это они делали исключительно с верой и надеждой на конечное освобождение и воскрешение своего Отечества, заслужившего их совокупными страданиями священное право удерживать от грозящего обрушения общемировой «*небесный свод*».

В свою очередь, говоря о сегодняшнем Русском мире, социолог Леонтий Бызов с горечью замечает: «*От него остались одни фрагменты*». Звучит трагически. Тем более, что ныне уже вполне можно говорить о фрагментарности не только зарубежного Русского мира, но и самой России, да и русской цивилизации в целом. В то же время социолог замечает, что «*русский путь*» ещё не нащупан. И я с ним в этом полностью согласен. Русский мир, Россия и русская цивилизация, проделав тысячелетний путь, пришли к своему распаду, но не как Русский мир, Россия и русская цивилизация сами по себе, а как некие консервативные традиционалистские формы, сложившиеся в течение этого тысячелетия. Разбиваются и распадаются на фрагменты только формы, но не содержание. Освобождённое от тисков устаревших традиций, содержание ищет новые формы, нащупывает новый путь и вырабатывает новую традицию. Запрятанная вглубь своих варварских форм и патриархальных традиций, русская цивилизация ныне выходит из своего подполья и начинает нащупывать свой собственный, сугубо открытый и чётко определённый русский путь, заново формирующий и Русский мир, и саму Россию. В нынешней ситуации, представляющей тотальное наступление западноевропейского либерал-радикализма не только на государственный строй самобытно развивающейся России, но и на существо русской цивилизации, реакция русского Атланта должна быть, как принято говорить, вполне адекватной. Хотя альтернатива для него вроде бы принципиально нова, собственно альтернативой её назвать трудно. Ибо если он, этот Атлант, продолжит рабски трудиться в своём привычном подземелье, жертвенно подстраховывая западноевропейскую цивилизацию, при самоубийственной политике последней создаётся угроза полного умерщвления не только русской цивилизации, но и цивилизации вообще.

5

Русскому Атланту в этих гибельных условиях не остаётся ничего другого, как выкарабкиваться из своей тысячелетней социально-гражданственной пассивности и начинать применять свои накопленные веками силы в реальной жизни, в том числе на политико-социальном поприще. Он должен без интеллигентских обид и мужицких бунтов упрочивать свои ноги на грешной земле, примериваясь к спокойному и ответственному повседневному удержанию духовно-нравственного «*небесного свода*» на своих собственных плечах, не рассчитывая на помощь сверху или со стороны. Надежды на то, что «*не во всякой туче гром; а и гром, да не грянет; а и грянет, да не по нас; а и по нас – авось опалит, не убьёт*» сегодня уже практически не осталось, ибо ясно - убьёт. Более того, создаётся опасность, что смиренного русского Артемья вполне могут и «*от Бога оттереть*». То есть ему даже не дадут возможности попытаться исполнить свой исторический и священный долг спасения мира ценой собственной великой жертвы. А это для него – не просто неудача, а непрощённый смертный грех! Леонтий Бызов видит выход в том, чтобы, сохранив основы русской цивилизации, сделать её не просто современной, но ещё и «*соответствующей ментальности и образу жизни нынешней генерации русских*». Это чистой воды лукавство. Причём в сугубо либерально-платоническом духе. Вся либеральная рать только о том и твердит, что, необычайно высоко ценя русскую душу, русскую культуру и русские народные традиции, она добивается лишь их осовременивания. В то же время все её практические усилия направлены на всемерный отрыв этой самой современности даже не просто от традиционалистской архаики, а от реальной жизни вообще. Формально выдвигая цель всесторонней модернизации внешних условий человеческого существования, идеологи либерализма фактически нацеливаются на преобразование духовной жизни человека в модернистском стиле, в котором превалируют сугубо индивидуалистические подходы и ценности. В этих условиях всё ускоряющаяся погоня русской цивилизации за соответствием всё более возрастающим модернистским устремлениям нынешней генерации русских будет означать полную утрату её приверженцами собственного духовного достоинства и постепенное растрачивание своей цивилизационной сущности. Подобное осовременивание русской цивилизации и есть самый верный способ не спасти её, а полностью погубить.

Думается, вовсе не таким путём нам надо идти, если мы действительно хотим сохранить русскую цивилизацию и удержать человечество от впадения в гибельный либералистский постмодернизм. Собственно говоря, для нас сегодня вопрос стоит даже не о сохранении русской цивилизации как таковой, а в отстаивании самого права на собственную цивилизационность. Ибо сегодня в этом законном праве отказывают русским людям и всем россиянам как зарубежные доброжелатели России, так и российские либеральные строители её нового светлого будущего - пресловутого общества изобилия, оказывающегося раем для очень узкого круга избранных. Когда наши зарубежные русские братья говорят о необходимости воскрешения России и русской цивилизации, уподобленной ныне Русской Атлантиде, вряд ли они имеют в виду то, к чему призывает господин Бызов. Нынешняя генерация русских - это всё же, по-видимому, преимущественно молодёжь, которая завтра подрастёт и поумнеет в условиях общества изобилия. А русская цивилизация создавалась веками, и она обязательно должна быть сохранена. Ибо только на её основе, с учётом её позитивистских ценностей будет умнеть нынешняя русская и российская молодёжь. Чтобы она, эта тысячелетняя русская цивилизация, воскресла, её нужно не осовременивать, а наоборот – освобождать от всего наносного и чужеродного, что пристало к ней, наросло ракушками за бурное и ломкое последнее столетие. Обновлённая таким образом и воскресшая своим чистым жизнеутверждающим духом, она, выйдя из своего тысячелетнего затворничества, засверкает так, что притянет к себе не только все генерации русских и россиян вообще, но и душевно чутких и сохранивших здравый ум людей мира.

Прославленный шахматист Анатолий Карпов задаётся недоумённым вопросом: «*Я не понимаю… Почему принижаем свои успехи, достижения, людей, своё давнее и*

недавнее прошлое?». И сам же на него отвечает: «*Свыклись. С унижением, обманом друг друга, тотальным пофигизмом. Вот потому у нас страдает каждый и на каждом шагу*». Русскую Атлантиду создавали и создают не гневливые боги или капризная природа. Её создаём мы сами – своей бесконечной уступчивостью, своей рабской покорностью обстоятельствам и сильным мира сего, своей неизменной склонностью и готовностью ради мира и добра претерпеть любые унижения, вплоть до полной потери человеческого достоинства. Время от времени, с огромными историческими промежутками, мы просыпаемся, выныриваем на поверхность океана земного бытия и обретаем современный вид и человеческое достоинство. Но потом вновь с самоубийственным постоянством позволяем себя топить. И быстро и безропотно свыкаемся со своими унижениями и страданиями, искренне даже полагая, что именно этот образ жизни - наше естественное состояние. Нам сегодня упорно вбивают в наши покладистые умы мысль, что русская история кончилась. И эта мысль, по-видимому, не лишена смысла. Но совсем не того, который вкладывают в неё наши доброжелатели. Россия как многонациональное государство вовсе не собирается ставить на себе крест и переходить на накатанные рельсы уравнительного западноевропейского глобализма. Кончается эпоха российского, и русского в том числе, подземелья, специфическая история тысячелетней Русской Атлантиды. Глядя на современную российскую молодёжь, можно сколько угодно предаваться ностальгии по собственной чистой и непорочной молодости и корить «*нынешних*» за то, что они «*не такие*». Но если объективно разобраться, то следует признать, что, с одной стороны, они такие же, как мы, то есть ничуть не хуже и не лучше нас в нравственном отношении, а с другой стороны, - они действительно другие. Создаётся впечатление, что сегодняшние юноши и девушки расстаются с нашими тысячелетними комплексами, освобождаются от губительного желания нравиться любой ценой, казаться самыми славными славянами. Они учатся быть и жить такими, какие они есть, уважать в себе то, что реально имеют за душой, и заставлять других считаться с тем, что они ценят в себе больше всего на свете.

6

Либерализм есть в своей сути не что иное, как сумерки человечества. Западный мир подводил человечество к этим сумеркам очень давно, может быть, даже со времён своего христианско-католического Средневековья. Параллельно с созидательно-оптимистическим видением мира и человеческого предназначения, нашедшим блестящее воплощение в просветительско-гуманистической западноевропейской культуре, выдающихся достижениях науки и техники и утверждении демократических традиций в политико-социальной сфере, в западном мире развивалось и зрело, по сути, теневое, злобно-завистливое, сугубо пессимистическое представление о мире и человеке. Его социальным базисом явилось то самое парламентское «*болото*» времён Великой французской революции 1789-1794 годов, которое, не имея какой бы то ни было собственной программы, каждый раз присоединялось к мнению сильнейшей на данный момент партии и восторжествовало в конечном счёте именно за счёт своей политической бесхребетности и моральной беспринципности. Это бюргерско-мещанское «*болото*» существовало на Западе всегда, формируя бесхребетную и беспринципную идеологию так называемого третьего сословия или в современном понимании - европейского среднего класса. Удивительное, прямо-таки мистическое совпадение прошлого и современности состоит в том, что и российское либеральное «*болото*» (так называемый российский «*средний класс*») для выражения своего политического манифеста избрало именно Болотную площадь города Москвы.

Сумеречность российского и мирового либерализма состоит в том, что жёстко и непримиримо отстаивая абсолютистский принцип свободолюбия и свободомыслия, идеологи либерализма и сегодня не обременяют себя какими-то чётко выраженными позитивными программами. Их цель – не утверждение чего-то реального и практически

достижимого, а отвержение всего того, что имеет твёрдую основу и чёткую перспективу. Действуя по принципу – «*не то*», «*не то*» и «*не то*», современные либералы, по сути, выбивают практическую почву из-под ног человечества, толкая его в трясину безверия, безнадёжности и безысходности. Разумеется, человек может существовать и в сумеречном мире, смягчающем все резкие очертания предметов и минорным флёром прикрывающем грубую действительность. Но беда в том, что за сумерками закономерно наступает ночь. Может быть, Западу ночь не страшна. Он зальёт свой сущностно тёмный мир океаном разноцветных рекламных огней и заманчивым блеском разного рода злачных притонов. Но для России бесконечная ночь может обернуться торжеством хаоса и беспредела. Вместо одной улицы разбитых фонарей вся Россия может превратиться в страну разбитых надежд и безысходного отчаяния. России беспросветная ночь не просто противопоказана. Ночь для неё смертельно опасна.

Однако сумеречное «*болото*» либерализма силой авторитаризма одолеть невозможно. Сила только ускоряет наступление хаоса и беспредела. Идеологи либерализма отлично сознают это и действуют провокативно, неся в себе и рассеивая по миру зародыши потенциального разрушения. Тягучему, вязкому и всепроникающему упадническому духу либерализма можно противопоставить только позитивистский дух – дух веры, надежды, любви и воли к жизни. Этот дух сегодня иссякает в западноевропейском культурном обществе, в котором всё более преобладающими становятся декадансные духовные тенденции. Но ещё далёк от исчерпания исконно русский дух, жизнеутверждающий дух русской цивилизации. Он только обозначил свой могучий потенциал в русском «*классическом*» девятнадцатом веке. Сегодня наступает время полного раскрытия позитивистского и здравомысленного русского духа. В этих условиях можно считать сокровенно-страдательную участь Русской Атлантиды если и не исчерпанной, то подходящей к концу. Ныне создаются все условия для реализации спасительной миссии России и выхода из «*тартара*» забвения и потаённого бытия духовно здорового русского Атланта. Не знаю, как насчёт всего мира, но в отношении России эта позитивистская миссия русскому Атланту, думается, вполне по плечу.

* * *

Среди «*Народных русских сказок*» А.Н. Афанасьева есть сказка под названием «*Окаменелое царство*». Её сюжет, на мой взгляд, вполне может быть применим для иллюстрации сущностной проблемы Русской Атлантиды. Это сказка о простом русском солдате, который служил долго и беспорочно и царскую службу знал хорошо. Попав в последний год службы в опалу, солдат вынужден был бежать куда глаза глядят. Столь же неудачно отслужив в ином государстве чужеземному королю, волей злополучной судьбы русский солдат попадает в «*провалище*» с заколдованным в нём царством, в котором всего было вдоволь, но всё было окаменелым и не было ни единой живой души человеческой. Всего-то и живой была лишь прекрасная царевна с мамками да няньками. Она и попросила солдата постараться расколдовать её окаменелое царство. Для его расколдования солдату надо было три ночи читать вручённую ему книжку, не обращая внимания ни на какие страсти. А страстей этих было много, и были они одна ужаснее другой. В первую ночь, например, подступили к нему его прежние начальники, браня его и грозя за побег смертью. А в третью ночь вообще прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, а сами только и думали, как бы книгу из рук выхватить. Но солдат все эти страсти успешно выдержал, и благодаря его стойкости царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, а сам он женился на прекрасной царевне и зажил с ней в любви и радости.

Если уподобить сказочного русского солдата русскому Атланту, а провалившееся в глубокую-глубокую пропасть окаменелое царство – Русской Атлантиде, то многое в этих аллегориях следует признать сходным. В Русской Атлантиде за многие века её

подземельного существования накопилось немало разного рода провальностей и окаменелостей. Все попытки поднять на поверхность провальную русскую цивилизационную Атлантиду и оживить анемичных русских людей тоже сопряжены со многими страстями, связанными как с «*прежними начальниками*», так и с разного рода современными «*палачами*». И задача русского Атланта остаётся, по сути, той же – бесстрашно и безотрывно читать священную и спасительную Книгу судьбы – своей собственной и своего Отечества. Первая служба русского Атланта ему явно не удалась, ибо завершилась жестокой опалой русского царя и всенародным российским бунтом. Вторая служба на благо иного государства и чужого короля ему тоже не заладилась: он так и не защитил цветущий королевский сад от огромной и страшной залётной птицы, которая натворила немало бед, заставив Атланта бежать дальше. Спасая сами себя от гнева жестокого авторитарного коммунистического режима, мы в конце концов очутились в либеральном «*провалище*», в котором, кроме красавицы-правительницы, нет ни единой живой души человеческой.

Расколдовывая сегодня наше собственное окаменелое царство, мы, думается, свои первые две ночи испытаний и искушений уже отстояли, не поддавшись прежним начальникам и пережив кое-что пострашнее. Остаётся третья, последняя ночь нашей духовной пытки, которая, по всем признакам, должна быть пуще двух предыдущих. Мудрые сказочники уверяют, что это всего лишь острастка, искушение, испытание нашей стойкости. Наверное, они правы. Раз уж мы столько в своей тысячелетней жизни пережили и перенесли столько тяжких испытаний, надо и сегодня всего лишь остаться верными себе и не выпустить из рук книгу нашей судьбы, несмотря ни на какие посторонние угрозы и устрашения. И тогда всё окаменелое, несомненно, оживёт, а всё опустившееся – восстанет. Ибо таков незыблемый закон вечно живой и вечно страдательной человеческой жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РОССИЙСКАЯ РУСЬ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СУЩНОСТЬ РОССИЙСКОСТИ – РУСИЧ, РУССКИЙ ИЛИ РОСС?

Какого роду, племени?
Русский человек без родни не живёт.
Велика святорусская земля, а везде солнышко.

Русские пословицы

1

Так получилось, что русские и россияне представляют сегодня разные смысловые понятия, не только не идентичные, но как бы противопоставленные друг другу, а порой – и друг друга взаимоисключающие. Мы говорим: «*мы – русские!*» - и вроде бы бросаем вызов россиянам, чуть ли не объявляя войну всем другим нациям, населяющим Россию и считающим её своей Родиной. Так, по крайней мере, полагают апологеты либеральной толерантности, квалифицирующие утверждающую себя русскость ни много, ни мало как проявление этнического и социального экстремизма. Мы говорим: «*мы – россияне!*» - и, по сути, жертвуя своей русскостью, восстанавливаем этнический мир и социальное

спокойствие. В то же время, когда российские евреи, татары, чеченцы и другие с гордостью говорят: «*мы – евреи!*», «*мы – татары!*», «*мы – чеченцы!*» - это приверженцам толерантности кажется вполне нормальным, строго соответствующим международным нормам прав человека. К сожалению, и российское учёное сообщество, основательно либерализованное в последнее время, не столь уж далеко ушло от этого политизированно-бытового подхода в определении русскости и россиянства. С одной стороны, утверждается, что этническая идентичность – это отождествление себя со своим народом, с культурой и образом жизни своего народа, с территорий проживания и историей. С этой точки зрения русские вроде бы имеют полное право гордиться своим Отечеством и своими предками, которые ценой великих жертв создали то, чем сегодня является Российская Федерация. Но одновременно учёные противопоставляют понятие россияне как «*самосознание граждан страны*» понятию русские как «*этническое, этнокультурное самосознание*». И этим обосновывают основной принцип современной государственной национальной политики Российской Федерации, трактуемый как упрочение гражданского единства при условии сохранения этнокультурного многообразия. Опять всё сводится к тому же. Ради «*гражданского единства*» (которого, кстати, нет и при таком подходе никогда не будет) русские должны растворить себя в «*этнокультурном многообразии*» и вспоминать о своём собственном этническом и этнокультурном самосознании в самую последнюю очередь. Идеология – новая, формулировки – наимоднейшие, а политика – старая-престарая. Так во многом было в царские времена, когда пряник разного рода льгот определял политику поощрения национальных элит огромной империи, хотя и сочетался временами с пощёлкиванием кнутом кар для урезонивания особо строптивых. В советское же время в отношении национальных республик действовал в основном пряник, а кнут направлялся почти исключительно против «*великодержавного шовинизма*» в лице фактически бесправной РСФСР, доведённой в конце концов до полной нищеты.

Начало расхождения в России понятий русский и россиянин восходит к семнадцатому столетию, но получает официальное оформление во времена Петра Первого и Михаила Ломоносова. В восемнадцатом-девятнадцатом веках слово русский больше относилось к этническим обычаям и культуре, а российский - к понятию народа страны и российского государства. Тем не менее, определение россиян как нации относится уже к двадцатому столетию, ибо до 1917 года россияне воспринимались преимущественно как «*большая русская нация*». Сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Александр Буганов считает, что деление России в девятнадцатом – начале двадцатого века на Великую, Малую и Белую Русь было весьма условным, так как в стране «*преобладало единое самосознание, все считали себя русскими, россиянами*». Искажённое представление о России как тюрьме народов формировалось в советское время в соответствии с принципом революционного отрицания предшествующей эпохи, образно и жёстко сформулированным Всеволодом Мейерхольдом как «*эстетический расстрел прошлого*». Объединительное понятие россияне за пределами России ввёл в научный оборот в пятидесятые годы прошлого века философ русского зарубежья Сергей Левицкий. Советский историк Лев Гумилёв утверждал, что россияне являются этносом, сложившимся из славян, финно-угров и татар. В «*лихие*» девяностые годы термин россияне использовался президентом Борисом Ельциным в обращениях к гражданам России как символ единения фактически распавшегося российского государства.

Этимология слов Русь и русский, Россия и россиянин крайне запутана. Макс Фасмер, например, утверждает, что словом «*Рус*» («*Rus*») арабы обозначали в девятом веке норманнов в Испании и Франции, а греки созвучно этому именовали скандинавов. На этом основании он полагает, что на Руси произошло «*перенесение названия завоевателей на завоёванное население*», игнорируя тот факт, что в нашем случае завоевания как раз и не было, а, наоборот, происходила постепенная ассимиляция пришлых варягов. Первый российский историк Василий Татищев утверждал, что славяне (и в их составе славяно-руссы) первоначально жили в Сирии и Финикии, затем переселились в Колхиду и

Пафлагонию, откуда во времена Троянской войны под именем готов и галлов перешли на берег Средиземного моря и основали Венецию. Александр Нечволодов в неоднократно переизданных до революции «*Сказаниях о русской Земле*» относит русских к славянскому племени венедов, осевших на Балтийском море на острове Ругія или Руссія, и предполагает, что много веков спустя «*их потомки, надо думать, дали название и всей Русской Земле*». В последнее время предпринимались даже попытки увязать по созвучию происхождение русских с древними этрусками, соперничавшими с древними римлянами и своей развитой культурой намного превосходившими последних.

2

Вопреки всем изощрённым научным домыслам реальное объяснение происхождения слов Русь и русский вполне может быть весьма простым. В перечне славянских племён, перечисленных в «*Повести временных лет*», племени русичей нет. В то же время Новгородскую землю нередко называют территорией русичей. И, возможно, к формированию этого названия причастен древний город Руса, расположенный в Новгородской области. Хотя официальное основание города Новгорода относят к 862 году (по некоторым данным – 852), а Старой Русы – к 1080 году, согласно христианским записям эпоса образование города Русы было намного более древним. Эту древность выдаёт расшифровка названия Новгорода - Новый город. В далевском сборнике русских пословиц есть такая весьма характерная пословица - «*Новгород, Новгород, а постарше старого*». Постарше здесь имеется в виду главнее, значимее, а «*старый*» подразумевает наличие уже ранее существовавшего, другого, прежнего города. То есть подтекстно даётся понять, что рядом с Новгородом имелся и некий по-настоящему старый город, каковым, возможно, и являлся старинный город Руса. Само его нынешнее название – Старая Руса - предполагает существование некой новой Русы, которой, вполне возможно, и явился Новый город или сокращённо – Новгород. Если это предположение верно, то вполне очевидно и то, что коренные новгородцы продолжали считать себя «*русичами*» (выходцами из Русы), а всю северо-западную славянскую территорию именовали «*руською землёй*». С учётом того исторического факта, что основатель древнерусского государства варяг Рюрик княжил до Киева в Ладоге и Новгороде, вовсе не исключено, что вновь образованному государству он дал название Киевская Русь из политических соображений. Так как ядром этого государственного образования должны были стать города Киев и Новгород, князь дал ему название Русь в угоду политическим амбициям новгородской знати. Тем самым новгородцы как бы приглашались к союзу и тесному союзническому сотрудничеству с Рюриком и созданным под его княжением государством, фактической столицей которого стал город Киев.

В отношении слова Россия Макс Фасмер отмечает, что оно впервые появилось в «*Московской грамматике*» (1517 год), а также употреблялось Иваном Грозным и протопопом Аввакумом. Он полагает, что его происхождением мы обязаны грекам и патриаршей канцелярии в Константинополе. Владимир Даль в «*Толковом словаре*» пишет следующее: «*Только Польша прозвала нас Россіей, россіянами, россійскими, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем русскій*». Исраэль Шамир с присущей ему категоричностью утверждает: «*Россы – древний германский этнос – сгинул, но его имя унаследовали сначала славяне Киева, а затем сплав славян, половцев и финнов владимиро-суздальской Руси*». Дмитрий Ушаков в изданном в 1934-1940 годах «*Толковом словаре русского языка*» определяет слово россиянин как «*русский, гражданин России*» и характеризует его употребление как старинное, официальное, торжественное. Однако, каким бы ни было действительное этимологическое происхождение слов Россия и россиянин и какими бы открытиями в этой области ни поражали нас специалисты, корни массового использования этих понятий в нашей стране, как и в случае с Русью и русским, по-видимому, следует искать не где-то на стороне, а сугубо в нашей отечественной истории и в нашем довольно часто

политизированном словотворчестве. Россиянин («*росс*») в устах наших предков был ничем иным, как неким опоэтизированно-пафосным, претенциозно-возвышенным произнесением слова русский. Словосочетание Русская империя царственному реформатору Петру Великому, несомненно, должно было показаться слишком узким и приземлённым для его широкомасштабных целей и грандиозных замыслов. Ибо он хотел преобразовать не только внешний облик страны, но и сам дух русского народа. Иван Грозный и протопоп Аввакум, если и употребляли до этого понятие Россия, то исключительно в частном порядке. Пётр же замыслил вытравить, начисто искоренить именно традиционалистский русский дух. А потому он, думается, вполне осознанно и с явным идеологическим подтекстом, по сути, переименовал Русь в Россию, а Московское (русское) царство - в Российскую империю. Тем самым он как бы перечёркивал всю предшествующую историю страны и народа и начинал писать её с чистого листа и в совершенно новом формате. К тому же слово росс делало и по звучанию русский народ почти германо-европейским, а Российская империя в таком понимании не только осовременивала древнюю Русь, но и как бы уравнивала её со Священной Римской империей германской нации.

Этот нюанс тонко почувствовал и энергично подхватил горячий русский патриот Михаил Ломоносов, опубликовавший не только «*Российскую грамматику*» (1755 год), но и «*Предисловие о пользе книг церковных в российском языке*» (1758 год). Разумеется, он при этом имел в виду именно русскую грамматику и русский язык, но не удержался от применения новомодных в патриотическом кругу словечек. Традицию подобного «*возвышения*» русских продолжил и развил поэт Михаил Херасков, который в поэме «*Россияда*» (1779 год - несомненно, с намёком на гомеровскую «*Илиаду*»!) отмечал: «*Пётр Россам дал тела, Екатерина – души*». Завершение этой псевдопатриотической традиции нашло отражение в многотомных трудах Николая Карамзина («*История государства Российского*») и Сергея Соловьёва («*История России с древнейших времён*»). Но уже дореволюционные историки Василий Ключевский и Дмитрий Иловайский, отказываясь от привычной и изрядно поднадоевшей критично мыслящему российскому обществу этно-социальной патетики, называют свои работы по-простому – соответственно «*Курс русской истории*» и «*Краткие очерки русской истории*». Тем самым они как бы говорят, что время политизированного жонглирования надуманными терминами завершилось и что настал период возвращения к истинным духовным истокам и собственным этно-культурным традициям.

3

Сегодня нам неприятно аукаются лингвистические новации императора-реформатора Петра и патриота Михаила Ломоносова, причём не только социально-этническими проблемами внутри России. Совсем недавно, например, шла настоящая лингвистическая война у наших соотечественников, проживающих на Украине (или по-украински - «*в Украине*»), с властями страны, ориентированными на национальную элиту. В официальных документах русским «*украинцам*» запрещалось использование словосочетания русский язык под тем предлогом, что «*руська мова*» - это исключительно древнерусский язык (язык Киевской Руси), а современный русский язык на Украине есть «*российска мова*» (российский язык). И здесь своеобразно понимаемый патриотизм Михаила Ломоносова оборачивается дополнительным «*аргументом*» давления упорствующих украинских националистов на русских патриотов в современной Украине. Это даёт лишний повод поразмыслить об этичности разного рода новаций в лингвистической сфере и о необходимости строгого соблюдения разумной меры в политическом разыгрывании патриотической карты, ибо одномоментные выигрышы в специфических современных условиях могут в конечном счёте обернуться серьёзными проигрышами в исторической перспективе.

Если всё же отойти от чистой этимологии и лингвистической политики и обратиться к реальной истории нашей страны и нашего народа, то получается следующая картина. Авторы «*Повести временных лет*» отмечали, что с 860 года, то есть с момента подписания нашими далёкими предками первого мирного договора с Византией, «*начася прозывати Руська земля*». По свидетельству участников Международной научной конференции (ноябрь 2010 года, Санкт-Петербург), в договор вошли пункты об установлении дипломатических отношений между двумя государствами, о выплате Византией дани руссам, о разрешении им вступать на службу в византийскую армию, вести торговлю на территории империи, посылать в Византию дипломатические миссии, а также пункт о крещении Руси. Обращает на себя внимание явный парадокс. Дипломатические отношения устанавливаются между «*государствами*» (причём ещё до Рюрика!), а летописцы это государство именуют Русской землёй. Понятием весьма относительным и юридически расплывчатым, но фиксирующим некое русское владение бескрайней и безграничной землёй, принадлежащей Руси как государству. С одной стороны, подразумевалась, по-видимому, конкретная на момент подписания договора территория, подвластная государственному образованию под названием Русь. Но, с другой стороны, Византия фиксировала свои официальные отношения с политико-административной структурой, явно претендовавшей на обладание всей Русской землёй, и тем самым как бы закрепляла за ней право представительства всех русичей, в том числе и потенциальных.

Александр Зимин, приводя фразы из летописных сводов «*Повесть о Куликовской битве*», «*Слово о Дмитрии Донском*» и «*Повесть о нашествии Тохтамыша*», отображающих жизнь Руси спустя шесть веков после русско-византийского договора 860 года, оперирует такими понятиями, как «*отчина*» (наследственные земли), «*всеа Руси*» (всея Руси), «*русьские гради*» (русские города), «*власти*» (волости) и «*сели*» (сёла). Термины вроде бы новые, ранее безликая Русская земля обретает конкретные очертания многочисленных городов, волостей и сёл, но существо «*земли*» остаётся старым. Это всё та же Русская земля, понимаемая как территория всей Руси. И, несмотря на то, что она распределена на принципах частно-личного владения в форме наследственных отчин, она по-прежнему мыслится именно как общая Русская земля и как общее Отечество. Думается, это сугубо русское, даже специфически русское явление. Вся территория Руси к пятнадцатому веку оприходована в виде дробных княжеских владений, которые передаются по наследству как отчины. Но не только русский народ и летописцы, но, по-видимому, и сами владетели городов, волостей и сёл, неизменно считают «*всея Русь*» Русской землёй и чтут её как общее Отечество. Сегодня, когда Советский Союз распался и когда общенародная собственность всё больше оприходуется «*счастливчиками*» в их личном владении, вряд ли стоит забывать о традиционном восприятии русским народом своей страны как всеобщей Русской земли и всех нынешних приобретённых «*отчин*» как всеобщего Отечества. Такое забвение, возможно, простительно на Западе, где меркантильный культ собственности в среднем классе давно вытеснил просветительское понятие общественного договора. В России же, пока она жива и пока жив русский народ, понятие Русской земли и Отечества будут неизменно приоритетными.

4

Парадоксальное подтверждение этой российской традиции дают, как ни странно, личность и характер Петра Первого. Основателю Российской империи и творцу новой русской России его недоброжелатели справедливо приписывали изменение русского характера и даже утрату русской нравственной физиономии. Более того, Николай Карамзин утверждал: «*Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России – виною Пётр!*». В то же время Сергей Соловьёв подчёркивал, что никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершён русским народом под руководством Петра. Сам Пётр, рапортуя о победе русского войска

над шведами при Добром, отмечал: «*Я как почал служить, такого огня и порядочного действия наших солдат не слыхал и не видал*». И, ставя точку в этом вопросе, Василий Ключевский в своём курсе лекций говорил: «*Теперь русское общество окончательно получило тот склад, какой стремилось дать ему московское законодательство XVII века… Не трогая в нём старых основ и не внося новых, он* (Пётр – А.А.) *либо довершал начавшийся в нём процесс, либо переиначивал сложившееся в нём сочетание составных частей*». То есть реформированная Петром Россия, несмотря на свои новейшие формы управления, радикально преобразованный строй жизни и обновлённое наименование, осталась в своём существе если и не древней Русью, то, во всяком случае, осовремененной Руссией - с её доблестным русским солдатом, быстро приспосабливающимся к крутым переменам русским обществом и хранящим древние духовные традиции русским народом. Что касается российского языка, то это ломоносовское нововведение не привилось в русском культурном обществе. Для Александра Пушкина, Ивана Тургенева и Ивана Ильина, при всём их высочайшем уважении к личности Михаила Ломоносова, не возникало даже мысли о каком-то российском языке, ибо они думали и писали исключительно на русском языке и славили именно русский язык.

Сложным и противоречивым было отношение к Русской земле и к русскому Отечеству в советское время. Вознамерившись круто реформировать Россию, большевики пошли несколько отличным от Петра путём. Сделав упор на понятии социалистическое Отечество, в котором смысловой акцент сместился с этноса на гипертрофированный социальный аспект, они решили вообще оторвать Отечество от понятия Русская земля. Вторая крутая Русская реформация, произошедшая двести лет спустя после радикальных петровских преобразований, упразднив уже Российскую империю, превратила Россию в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику или в обыденном понимании - в Советскую Россию. Одновременно с кардинальной ломкой государственного строя и социально-экономических отношений в стране вожди Октябрьской революции весь репрессивный аппарат нового социалистического государства направили на уничтожение традиционных основ Русской земли - русскую культуру, русское православие и русское крестьянство, которые были вытеснены соответственно советской культурой, пролетарским интернационализмом и советским колхозным строем. О русском народе Иосиф Сталин вспомнил только в ходе Великой Отечественной войны, когда надо было спасать не только висящий на волоске советский строй, но и весь мир вместе с оказавшейся под угрозой разрушения западноевропейской цивилизацией. Но как только миновала угроза гибели государства, все успехи от победы над нацизмом были приписаны именно советскому строю, а термин русский народ было решено вообще упразднить, введя понятие некоего наднационального советского народа.

Апологеты либерализма, восторжествовавшие после внутреннего самораспада коммунистического режима и кардинального разрушения Советского Союза, постарались затоптать или вырвать с корнем любые зародыши и ростки здравомысленных коллективистских народных идей из опасения рецидива ненавистного им социализма. Но в отношении к русскому народу они не только полностью сохранили большевистский уничижительный курс, но и ещё более усугубили положение русского народа в своём родном Отечестве. Уже официальная постановка на государственном уровне задачи создания полноценной «*российской нации*» при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну, по сути, едва ли не слово в слово повторяет национальную программу коммунистической партии Советского Союза. Всё и различие заключается лишь в замене слов советский народ словами российская нация, а общий фон остаётся прежним. К чести большевиков всё же следует отметить, что они акцентировали внимание на народе, а ныне делается упор на некой искусственной американизированной нации, в которой русский народ вновь оказывается, по сути, лишним. И не удивительно, что при такой официальной политике самоуважение реальной, государствообразующей русской нации сводится к нулю, насильственно обрываются её исторические корни, искусственно

нарушается связь времён, втаптываются в грязь общенародные нравственные идеалы. И как следствие мы имеем сегодня в нашем бесхозном Отечестве на ничейной Русской земле торжествующий личностный «*пофигизм*», антагонистический разлад в обществе и бездушный бюрократизм коррумпированного государственного аппарата.

5

Нельзя превратить Россию в Соединённые Штаты Америки или Австралийский Союз по той простой причине, что в отличие от конгломератов народов, какими являются США и Австралия в истории России, как и в истории других национальных государств, решающую роль играет так называемая государствообразующая нация. Таковой в нашей стране, как известно, являются русские, составляющие восемьдесят процентов населения современной России и определившие весь ход и все формы её исторического развития. Это государство спасалось каждый раз, когда русский народ подставлял под него своё плечо Атланта в минуты тяжелейших невзгод, и разваливалось, когда этот Атлант полагал, что хватит ему «*отдуваться*» за всех при наплевательском к нему отношении. Говоря о характере русского человека, Андрей Кончаловский отмечал его плохую черту - отсутствие личной ответственности. И подчёркивал: «*Как только у русского человека возникает острое ощущение индивидуальной ответственности – так всё работает*». Самое удивительное в характере русского человека состоит в том, что индивидуальная ответственность за своё дело тесно связана у него с острым ощущением коллективной ответственности за судьбу своего Отечества. Нельзя сказать, что прямое обращение Иосифа Сталина в июле 1941 года к русскому народу сыграло решающую роль в тяжелейших событиях Великой Отечественной войны. Но уже сам факт, что в минуту смертельной опасности «*отец народов*» воззвал именно к русским людям, свидетельствовал о понимании Сталиным истинной роли русского народа в истории страны и важности публичной демонстрации своего уважительного отношения к людям, несущим на своих плечах основную тяжесть смертоносной войны. Вполне можно догадаться, что стало бы с Советским Союзом и Россией как таковой, если бы русские люди массово сняли с себя личную и коллективную ответственность за судьбу своего Отечества и вместе с реабилитируемым ныне врагом «*советского режима*» генералом Власовым скопом перешли бы на сторону врага!

Все бывшие советские республики, получившие свою государственность и независимость по инициативе российского лидера Бориса Ельцина, а фактически по молчаливому согласию русского народа, мгновенно взяли курс на создание унитарных, моноэтнических государств. И вот уже двадцать лет они твёрдо идут по этому «*суверенному*» пути, жёстко преодолевая сопротивление многочисленного русского населения и представителей других наций и грубо утверждая права «*титульной*» нации. Единственной официально признанной автономией на всём постсоветском пространстве является «*подаренный*» Никитой Хрущёвым Украине Крым. Но автономия эта весьма условна. Она во всяком случае не мешает украинским властям представлять Украину даже на международном уровне в качестве унитарного государства. Любопытны в этом плане метаморфозы национальной политики в Казахстане, возглавляемом одним из самых мудрых и гибких государственных деятелей постсоветской эпохи. Пришедший к власти вопреки воле национальной элиты (которая не могла ему простить его коммунистическое прошлое) в стране, где казахи составляли меньше половины населения, Нурсултан Назарбаев первое время опирался преимущественно на неказахский электорат и очень небольшую часть здравомысленных казахов. С течением времени национальная элита не только не изменилась, но даже ещё больше ожесточилась. Меняться стал сам Назарбаев. Сделав созданием Ассамблеи народов Казахстана политический жест благодарности представителям «*меньшинств*», фактически сделавших его президентом, он стал плавно продвигаться вправо, сначала перехватывая инициативу у национальной элиты, а затем и сам становясь творцом проказахской (с сохранением общеказахстанской риторики)

национальной политики. Сегодня он является несомненным национальным казахским лидером, не теряя при этом большинства электората неказахского населения в многонациональном Казахстане.

Россия – тоже многонациональное государство и тоже мучительно ищет свой путь, освобождаясь от наследия тоталитарного советского режима и выстраивая свою политику, в том числе и национальную, с учётом современных мировых тенденций. Она не последовала примеру Казастана, Украины и других стран СНГ и Балтии, упорно отстаивающих свой унитаризм и свою государственно ориентированную моноэтничность. Она сохранила исторически присущий ей принцип федерализма – принцип конституционно выраженного права наций не только на свою культурную идентичность, но и на закреплённую за ними территориальность. По существу, Россия представляет собой сегодня своеобразный Восточноевропейский Союз, по населению практически равный, а по территории намного превышающий западноевропейский Европейский Союз. Единственным, но весьма существенным отличием Восточноевропейского Союза от его западноевропейского собрата является его русскость. Сами западноевропейцы упорно отказываются называть Восточноевропейский Союз Российской Федерацией, предпочитая короткое английское слово Russia, что переводится как Россия, а фактически означает Руссия. Так было в советские времена, так поступают они и сейчас. Подтекст ясен: как бы ни называла себя Россия, для западноевропейцев она всегда будет оставаться по существу русским государством. Частично подражая Соединённым Штатам Америки, а во многом противопоставляя себя Восточноевропейскому Союзу, западноевропейцы сегодня реализуют в своём Европейском Союзе свою давнюю мечту о создании Соединённых Штатов Европы. По замыслу их организаторов, эта всеевропейская политическая структура должна стать верхом европейского демократизма и европейской цивилизованности и посрамить своим совершенством не только русский Восточноевропейский Союз (Российскую Федерацию), но и полиэтничные Соединённые Штаты Америки. По их идее, десятки европейских государств, не теряя своей суверенности, будут жить дружно и цивилизованно, на основе консенсуса решать все общеевропейские вопросы во славу Европейского Союза и на благо союзных государств.

6

Действительность опрокинула эти радужные мечты европейских романтиков. В условиях нынешнего финансово-экономического кризиса члены Евросоюза один за другим оказываются на грани банкротства, а сам Европейский Союз трещит по швам. Разумеется, кризис не вечен, и Евросоюз найдёт в себе разум и силы для преодоления нынешнего развала. Весь вопрос – какой ценой? Сейчас многие поговаривают о возможном кредитовании Китаем экономически слабых европейских государств (Греция, Португалия, Испания). В этом случае цена спасения – финансово-экономическая зависимость, причём с далеко идущими и весьма непредсказуемыми последствиями. Если же «*сбросятся*» ведущие европейские страны (в первую очередь Германия), то, естественно, такой ценой станет усиление их властных полномочий в Евросоюзе. Возможно, эта идиллическая структура и замышлялась изначально именно для конечного удовлетворения чьих-то застарелых имперских амбиций? Россия переживает свой кризис, но он лишь частично связан с мировым финансово-экономическим кризисом. Её более серьёзный, глубинный кризис уходит в восьмидесятые-девяностые годы прошлого века, и суть его связана с мировым позором, с её публичной «*гражданской казнью*», с потерей ею своего лица. Если кто-то вдумается, что пережил впечатлительный юноша Фёдор Достоевский во время церемонии гражданской казни петрашевцев на Сенатской площади и какой она оставила след в его дальнейшей судьбе, он вполне может понять всю глубину и весь трагизм духовного кризиса, пережитого русскими людьми в «лихие» и «*славные*» девяностые годы прошлого века. То, что для большинства российской элиты и какой-то части российского общества явилось торжеством гласности и демократии, для всех

русских, успевших отождествить себя с советским народом, было похоронным звоном по его почти вековым надрывным усилиям в реализации мечты хоть когда-нибудь зажить по-человечески.

Сейчас русские, подобно Фёдору Достоевскому, находятся в ссылке, но не физической, а духовной. Мужественно испив лишь частично заслуженную ими чашу своего позора до самого дна и почти в одиночку (очень многие не захотели участвовать в этой печальной тризне), они потихоньку восстанавливают своё душевное равновесие и готовятся к возвращению - к хорошо обдуманной творческой, созидательной деятельности. О её характере, масштабах и общемировой значимости тоже можно в какой-то мере судить по творчеству великого страдальца Фёдора Достоевского. Умные люди на Западе прекрасно понимают, что Россию нельзя сослать навечно, что рано или поздно она возвратится в мировую политику и займёт в ней свою, только ей присущую и весьма значимую нишу. Понимают и ожидают этого момента, некоторые – с надеждой, другие – с тревогой. Последняя особенно ощущается у наших бывших друзей из социалистического лагеря. В сентябре 2007 года в Интернете был опубликован перевод статьи из Чехии с красноречивым названием «*Ruska duse*» («*Русская душа*»). «*Россия,* - пишет автор, - *является страной, которая находится вне Европы… Россия за последние 90 лет во многом изменилась, но трудно предположить, что изменился русский менталитет... Да, русская культура впечатляет, русская интеллигенция заслуживает восхищения и уважения, русская душа открыта, широка, радушна. Но от России как государства надо держаться как можно дальше*».

Таково отношение к России и русским людям в так называемой малой Европе, любовно обустраивающей свой чистенький, ухоженный маленький мирок и жаждущей стопроцентно гарантированной независимости от сильных мира сего. В большой Европе (Европейском Союзе в целом) на бытовом и обывательском уровне вряд ли имеются в этом вопросе серьёзные отличия от менталитета малоевропейцев. Здесь тоже «*русский медведь*» не вызывает ни восторгов, ни желания тесного общения с ним. Правда, неглупые европейские политики с возвращением России на мировую арену связывают возможности обострения своей политической игры с всесильными Соединёнными Штатами и продумывают разные варианты разыгрывания российской карты. Но это всё планы на будущее, а пока и они активно участвуют в чужой игре по сдерживанию России, всеми правдами и неправдами препятствуя сокращению сроков её моральной ссылки. Но в принципе и сама ссылка России и русских, и её сроки определяются не малой и не большой Европой и даже не всемогущими ныне Соединёнными Штатами Америки. Ибо в ссылку отправила себя Россия сама и прежде всего потому, что русские в ней залегли на дно, ушли в духовный скит - для искреннего покаяния, глубокого и всестороннего размышления, беззаветного предания себя воле Божьей и полного восстановления порушенного душевного равновесия, органически присущего им. Сыграло свою роль в этом самоостракизме и чувство обиды, причём больше всего обиды на своих собратьев, которые гордились (порой даже больше русских) общими достижениями и победами, но не только не захотели разделить горечь общего поражения, но и приняли активное участие в гражданской казни русских людей.

7

В какой-то мере эта обида, по-видимому, оправдана, но вряд ли стоит слишком долго предаваться ей, преувеличивая её смысл и значение. В самой России шараханье от русских, достигшее апогея в девяностые годы прошлого века, сегодня практически сходит к нулю. Александр Минкин в приводит весьма обнадёживающие данные масштабного социологического исследования, проведённого независимым центром «*Башкирова и партнёры*» в 2007 году. Согласно им, 92,6 процента российских граждан сочли себя «*русским человеком*», 5,5 процента на такой прямолинейный вопрос дали отрицательный ответ и 1,9 процента – затруднились ответить. С учётом того, что этнические русские в

стране составляют порядка восьмидесяти процентов, признание себя «*русским человеком*» большинством представителей других наций означает их фактическую солидарность с русским народом в общем историческом прошлом и готовность добровольно разделить с ним и свою будущность. В справочном материале «*Независимой газеты*», опубликованном в марте 2010 года, даётся следующее определение русских и россиян: «*Россиянин – это не этнос, а общее название людей, которые живут в России и являются её гражданами… Росы – Русь – Русские – Россия - конечно же, русские славяне. Остальной интернационализм – это граждане РФ*». Собственно говоря, в строго юридическом понимании нет и не может быть никаких «*россиян*», а есть исключительно «*граждане Российской Федерации*» самых разных национальностей – русские, татары, украинцы, белорусы, евреи и так далее. И есть русские, составляющие подавляющее большинство граждан РФ, сыгравшие исторически определяющую роль в становлении и развитии современного государства и на каком-то его историческом этапе сами себя назвавшие россиянами.

Когда граждане РФ и наши зарубежные соотечественники, в том числе русские, называют себя россиянами, то, какое бы собственное, сугубо личное понимание они ни вкладывали в этот термин, по существу, в объективном плане они заявляют себя патриотами России. Ибо словами: «*Мы – россияне*» или «*Я – россиянин*», - они выражают некое горделивое чувство, словесно подчёркнутую причастность не столько к государству с официальным названием Российская Федерация, сколько к России - Родине своих предков и своей собственной Родине – реальной (физической) или мифической (духовной). Тем самым они вольно или невольно воздают дань уважения Руси и русским, положившим основание и принесшим поистине неисчислимые жертвы во имя процветания или, по крайней мере, сохранения сегодняшней России. И эта дань уважения справедлива. Ибо, по верному замечанию Ивана Ильина, русский народ создал правопорядок для ста шестидесяти различных племён – разнообразных и разноверных меньшинств, «*столетиями проявляя благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость*». Когда сегодня либералы спекулятивно, с надрывной сентиментальностью обыгрывают тему о «*слишком*» дорогой цене победы советского народа (русского – по преимуществу) в Великой Отечественной войне, они намеренно забывают о количестве и величии жертв того же, по сути, народа в Отечественной войне 1812 года (с потерей столицы!) или в вековых кровавых битвах с татаро-монголами (с потерей всей страны!). Но ведь это - лишь наиболее крупные эпизоды в полной жертвенности тысячелетней истории России.

Иван Ильин подчёркивал: «*Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит – воспринимать Россию сердцем, видеть любовью её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть дар Божий*». Сказано выстраданно и от души. Витиеватость слога и нарочитая старомодность выражений не только не мешают пониманию существа мысли, но, наоборот, многократно усиливают её глубину и характерность. И не о русском как таковом у Ильина идёт речь, а именно о россиянине - действительном или считающим себя им. Русский язык многое значит в формировании сближенной ментальности россиян, их повседневном общении и принципиальном взаимопонимании. Но для того, чтобы многочисленным нациям веками жить вместе, честно и добросовестно трудиться на общее благо и самоотверженно защищать общее для всех Отечество в минуты смертельной опасности, одного языка мало. И одним показным патриотизмом здесь не отделаешься. Ибо сколько было славословий в совсем недавние времена в адрес советского строя и дружбы народов от наших бывших «*братьев*», оказавшихся ныне в стане злейших их хулителей! Необходимо нечто более существенное, глубинное, пропущенное не только через мозг, но и через сердце. Слово любовь тоже звучит излишне сентиментально применительно к нашему весьма непростому Отечеству. Точнее выражали это щемящее душу чувство русские женщины из народа – словом жалость. Это – чувство

сопричастности, сопереживания и сострадания по отношению к не очень, может быть, удачливому, но внутренне не испорченному человеку, а главное – очень близкому тебе по духу, родному твоей душе. Обращение киплинговского Маугли к разным зверям со словами: «*Мы с тобой одной крови – ты и я*», - говорило не столько об общей крови, сколько об общем духе. Именно этот общий внутренний настрой, общий дух взаимной сопричастности к большому и трудному общему делу в совокупности с русским языком, сближающим ментальности населяющих Россию многочисленных народов, и делает их подлинными россиянами, причём более чем гражданами Российской Федерации - людьми России, «*русскими*» людьми.

* * *

В сказке «*Солдат и царь в лесу*» из сборника А.Н. Афанасьева говорится о разной судьбе двух мужицких сыновей – старшего и младшего. Оба попали в солдатчину, причём старший быстро дослужился до генеральского чина, а младшего направили служить солдатом именно в его полк. Солдат «*признал было генерала, да куды! тот от него начисто отказывается*». Более того, старший брат приказал дать младшему брату триста палок, «*чтоб не смел в родню причитаться*». Солдату пришлось скрываться в лесу, где он повстречал заплутавшего на охоте царя и спас его от неминуемой смерти. В благодарность царь наградил солдата генеральским чином, а его старшего брата в солдаты разжаловал. Сказка заканчивается моралью: «*не отказывайся вперёд от роду от племени!*». В примечании к сказке подчёркивается, что в большинстве её русских вариантов солдат спасает не какого-то безвестного царя, а именно Петра Первого.

Применительно к теме главы солдата можно уподобить простецкой Руси, а его родного брата-генерала – навороченной России. Царь-государь оказывается тесно связанным с обоими братьями. Надменного он первоначально возвышает без меры, а простака оставляет служить без всяких чинов. Но именно русский простак и спасает царя и олицетворяемую им Россию. Укоряя россиянина-генерала за его отказ от роду от племени, мудрый сказочник метит вовсе не в него, а именно в царя, разбрасывающегося чинами не по заслугам и забывающего о своём собственном человеческом родстве и государевом долге перед простыми русскими людьми. И не говорит он этого прямо отчасти по врождённой деликатности, но в основном из убеждения, что умный царь и сам поймёт намёк, читая сказку между строк.

Русь и Россия для нашего народа суть разные этапы, а точнее – различные обозначения единого целого, общего и нераздельного историко-социально-этнического явления (близкого к роду-племени), именуемого иностранцами Руссией. В простонародье Россию нередко называли Расеей. Причём, как правило, с горестно-иронической интонацией: «*Эх, Расея!*» или «*Одно слово – Расея!*». Но никогда – отстранённо, отчуждённо или презрительно. Наоборот, имея в виду прежде всего свою собственную простоту, неприбранность и неухоженность, свою ни с чем не сравнимую и ни на кого не похожую немного счастливую, но в основном горестную судьбу. Наши сказочники вдоволь натешились, высмеивая и одновременно благословляя нашу святую простоту. Но завет их непреложен: «*не отказывайся от роду от племени!*». Фёдор Достоевский утверждал: «*Красота спасёт мир*». Да, это красивая фраза. Но как принцип – это чистейшее эстетство. Наши предки были убеждены совершенно в ином – в том, что мир спасёт простота, причём не простота по глупости, а простота по убеждению – именно святая простота. А они, как известно, по большому счёту всегда зрили в корень.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО – ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ?

Один бог, один государь.
Душой божьи, телом государевы.
Грозно, страшно, а без царя нельзя.

Русские пословицы

1

Историки обожают мифы, которые они сочиняют сами, в то же время сладостно развенчивая и с возмущением опровергая чужие легенды. Есть исторические темы и целые области, буквально сотканные из мифов. В них мифы громоздятся один на другой, погребая под собой простейшие истины, лежащие в основе реальных событий и элементарной исторической необходимости. Одной из таких тем и областей является история образования современного государства, политического обоснования необходимости тех или иных его форм и доказательства того, что именно одна из них, национально и исторически на данный момент обусловленная, является высшей и обязательной для всех других народов и государств. При этом каждый народ создаёт собственный миф о своём государстве и государстве вообще, упорно доказывая, что именно его миф является непреложной истиной. В своё время французский гуманист Жан Жак Руссо предлагал, говоря современным языком, отказаться от разного рода наворотов в этой области и свести всё к общественному договору между правителями и гражданами страны, чётко прописывающему права и обязанности тех и других. Но в современном французском языке слово «*Etat*» (основное понятие - «*государство*») трактуется одновременно как страна, центральная администрация, штат, а также состояние, вид и сословие. То есть всё, что угодно, кроме общественного договора. То же самое происходит и в английском языке, с той лишь разницей, что «*Etat*» здесь заменено словом «*State*», а трактовки те же, вплоть до «*состояния*».

И это вовсе не случайное совпадение, а вполне осознанная и хорошо обдуманная позиция. Ибо, что может быть невиннее и бесстрастнее для обозначения государства, чем слово «*состояние*»? Образованное от глагола «*etre*» *(«быть»)* государство-состояние есть некое реально-абстрактное существование - без лица, без цвета, без запаха и вообще без какого бы то ни было конкретного наполнения. В то же время марксисты трактовали государство совсем в ином ключе – весьма материальном и совсем не безобидном. В их видении это – основное орудие политической власти, возникшее в результате разделения труда, появления частной собственности и образования антагонистических классов. Безусловно, подобные формулировки ныне кажутся грубыми и нецивилизованными, но, по крайней мере, они ломали фальшь «*состояния*» и предполагали спор и обсуждение. В России французское «*Etat*» и английское «*State*» издревле прозывалось по-простому - «*государство*». И производилось оно не от абстрактной глагольной формы существовать, а от вполне конкретного существа, именуемого русским словом государь. Этимологически Макс Фасмер выводит это русское слово из слова господарь, производного от слов господь, господин. Однако этому толкованию противоречит народная форма – «*осударь*», «*сударь*», «*осу*», в которой упор делается на корне «*суд*». Судя по русской пословице - «*воля божья, а суд царёв*», - для народа было важно и существенно не столько то, что властитель является господином, сколько то, что он обладает правом судить и осуждать. В народной трактовке слово государь вполне может быть составным, совмещающим в себе два понятия – «*господин*» и «*сударь*», то есть господин, который вершит суд и олицетворяет закон. Думается, именно так трактовали это слово новгородцы, в грамотах которых оно употреблялось с 1516 года.

Каким бы ни было реальное происхождение власти государя (наследование, избрание, захват), на Руси всегда считалось, да и ныне всё ещё многими мыслится, что высшая власть конкретному лицу «*дарована*» Богом. В силу этого третьим корнем в слове

государь вполне может быть и слово «*дар*». Сами властители не только не опровергали эту веру в их божественное происхождение, но и стремились укрепить её в народе. Отсюда вполне естественным был неизменный (за редким исключением) тесный союз русских государей с иерархами русской православной церкви, внушавшими своей пастве основополагающий тезис апостола Павла о том, что всякая власть – от Бога. Стоящий на вершине властной пирамиды конкретный государь представлялся русскому народу как абсолютистская господствующая личность - наместник Бога на вверенной его полновластному правлению Русской земле. Эта общая для всех русичей Русская земля под управлением конкретного русского правителя превращалась как бы в его личное владение – «*государство*» или «*отчину*». А сам государь объявлялся непогрешимым и неподсудным человеком, отвечающим за свои дела и поступки не перед людьми, а исключительно перед Богом. «*Бог на небе, царь на земле*», «*царь от Бога пристав*», «*одному Богу царь ответ держит*», - таково народное видение места и роли государя не только по отношению к становящейся его владением Русской земле, но и к населяющему её русскому народу.

2

Понятие государь, тем не менее, не было на Руси ни персонификацией, ни титулом. Это был символ власти, но власти единоличной и персонально ответственной за состояние дел на Русской земле и характер управления русским народом. Право наделения себя тем или иным официальным титулом народ предоставлял самому государю, принимая этот титул как должное и не считая для себя зазорным именовать своего государя так, как ему хочется. Этот грех тщеславия народ не только прощал своему государю, но и полагал, что у русского государя должен был быть чин, достойный русского народа. Тем самым он как бы потакал и своему собственному честолюбию. Практически все официальные титулы российских государей, начиная с древнейших времён и до сегодняшнего дня включительно, были заимствованы ими у других властителей и иных народов. И это вовсе не свидетельствовало об отсутствии ментальной изобретательности у русского народа или его правителей, а, наоборот, подтверждало их тонкое чувство смысла и значения языковых нюансов. Возложение на себя чужого титула должно было каждый раз подчёркивать утверждение русскими правителями своего равного достоинства перед другими властителями и иными народами. Принимая на себя тот или иной иноземный титул, русские государи настаивали на том, что они не хуже и не ниже других. Кроме того, они тем самым как бы официально заявляли о своём миролюбии и о своём желании быть, как все, не бросать вызов чужим народам своим внутренним своеобразием и не давать лишнего повода обвинять себя в высокомерии.

Первым официальным титулом русского государя был чин - князь Киевской Руси. Макс Фармер предполагает, что праславянское «*kъnedzь*» заимствовано из прагерманского «*kuningaz*» или готского «*kuniggs*», означавших в более поздней эстонской транскрипции понятие «*король*» («*kuningas*»). Несмотря на то, что народная трактовка древнерусского слова «*кнесъ*» («*князёк*») придавала высокопарному понятию «*князь*» насмешливо-ироническую окраску, государи Киевской Руси приняли официально именно этот титул, явно не желая уступать в личностном достоинстве ни своим воинственным и могущественным соседям - немцам, ни горделивым правителям других стран. Разумеется, это был вызов, но вызов весьма специфичный – всего лишь публичное заявление о своём намерении быть равными с другими государями и иными народами. Словом «*царь*» русские князья именовали в пятнадцатом веке исключительно чужих правителей. Когда великий князь Московский Василий II «*докончивал*» (заключал – А.А.) мир со своим дядей, Юрием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского), он настаивал на том, чтобы «*князю Юрью не искати княжениа великого собою, но царём, которого царь пожалует, то будет князь великии Владимирьскыи, Новугороду Великому и всеа Руси*». Царём в данном случае он именовал не кого-нибудь другого, а именно ордынского хана. Причём

не иронически, а весьма почтительно – как высшего третейского судью, имеющего право не только разрешить внутридинастический спор, но и одарить («*пожаловать*») титулом великого князя, дающего право на единоличное правление всей подвластной Москве Русской землёй.

Иван Грозный, принимая в 1547 году в семнадцатилетнем возрасте надменный титул царя, ещё, по-видимому, не мог по молодости лет до конца осознать всей тяжести налагаемого на себя бремени и роковых последствий этого своего самонадеянного шага. Причём не только в плане великой ответственности долженствования быть высшим русским государем, но и в смысле всей суммы негативистских ассоциаций, сопряжённых с этим чужим именем. Да, этим поступком юный русский государь заявлял о своём равенстве с ордынскими ханами и намерении отныне строить свои отношения с ними с подчёркнутой независимостью русского государя и символизируемого им русского народа. Но одновременно он принимал на себя и всю силу негативистской протестности, накопившейся в русском народе по отношению к ордынским ханам («*царям*») за два века татаро-монгольского ига. По сути, это был двойной вызов – внешний и внутренний. Вовне риск этого шага был вполне оправданным, так как Золотой Ордой как единым целым в середине шестнадцатого века уже можно и должно было пренебречь. Внутри же Русской земли русский царь утверждал себя не просто первым («*великим*») среди в принципе равных ему князей, сохранявших запутанные, но тесно переплетённые родственные связи. Теперь он противопоставлял себя им, заявляя о своём намерении быть единственным и авторитарным государем «*всея Руси*». И уже это было непросто. Но главная беда для русского царя Ивана Грозного заключалась в том, что русский народ даже не считал нужным скрывать своё неодобрение и враждебность к своему государю, принявшему «*имя врага*». Отсюда – проклятие опричнины, душевные метания и конечное впадение в безумие первого русского государя, по уму и личным духовным качествам способного встать вровень с современными ему могущественными правителями западных государств и великих реформаторов российского государства.

3

Принятый в начале восемнадцатого века Петром Первым титул императора имел традиционно нерусское происхождение. Переводимый с латинского «*imperator*» на русский «*повелитель*», этот титул позволял уже европейски признанному русскому царю провести некую личностную параллель с великими древнеримскими императорами – Августом, Траяном, Марком Аврелием. С другой стороны, этот заимствованный из древности титул давал возможность самоуверенному и не по-русски деятельному Петру «*утереть нос*» честолюбивым и воинственным германцам, основавшим в десятом веке Священную Римскую империю, но не сумевшим в конечном счёте удержать и сохранить её. Теперь уже Пётр вознамеривается возвысить Россию до империи и, продолжив дело древнеримских и германских императоров, сделать её главной в Европе, более того – повелительницей Европы. Подобно тому, как Иван Грозный «*положил живот свой*» на утверждение и реальное наполнение заявленного им гордого царского титула, Пётр не жалеет собственных сил и не щадит своих верноподданных для реализации задачи имперского возвышения любимой им за ум и дух, но презираемой за сермяжность и леность России. Замысел его был прост, но претендовал на высшую эффективность. По свидетельству Василия Ключевского, он взял из старой Руси государственные силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений. Другими словами, речь шла о том, чтобы соединить лучшее русское с лучшим западноевропейским и на этой превосходной основе превратить Россию в могущественное западноевропейское государство – безусловного европейского лидера.

Но, как водится в России, поставленные выдающимся государем великие цели сначала вдохновили русский народ на беспримерные ратные и трудовые подвиги, но,

возведённые в абсолют, в конечном счёте истощили его духовные силы и материальные средства. Активизировав до предела производительные силы русского народа и российского общества, Пётр, по справедливому замечанию Ключевского, направил «*осязательные признаки*» государственного обогащения не на подъём общего уровня народного благосостояния, а на заполнение ведомостей казённого дохода. Тем самым народ сработал не на себя, а исключительно на личный авторитет своего государя и российского государства, пожертвовав ради них своим собственным благополучием. Официальный полный титул последнего российского государя гласил: «*Божиею милостию, мы, Николай Вторый, император и самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая*». И прочая, и прочая, и прочая - звучит с явной пренебрежительностью. От этих «*прочих*», троекратно повторённых, российский государь отмахивается, как от чего-то несущественного. Старый древнерусский титул великого князя сохраняется лишь за Финляндией, ставшей автономной, но признающей безусловное верховенство российского государя. Восточный, ханский, грозный титул царя обращён не на Восток, а на Запад, и применяется он в отношении завоёванной, но проявляющей строптивость прозападной Польши. Для всей Русской земли российский государь – самодержец. Император же он скорее для внешнего мира – для острастки чужих, которые должны уважать и побаиваться российского государя. И надо всей этой огромной и многозначащей вотчиной русского государя покровительственно простирается Божье крыло, в милости которого в отношении России, русского народа и себя лично Николай II не сомневался.

Сопоставляя титул первого русского царя Ивана Грозного и последнего российского императора Николая Второго, следует отметить, что в своём существе они не просто схожи, а самодержавно идентичны. Форма же говорит явно не в пользу императорского титула. Несмотря на архаику выражений и старомодную цветистость слога, напористый стиль царского титула Ивана Грозного отражал неостывший пыл борьбы, страсть самолюбивого властителя, осознание и горделивое подчёркивание им своего величия, готовность жертвовать своей жизнью и жизнями своих подданных во славу России, оставляемой им потомкам как память о своём великом царствовании и памятник самому себе. У Николая II его более высокий, императорский титул звучит буднично и привычно, с явным упором на «*мы, Николай Вторый*», означающим лишь его личностную причастность к общему наследию великих русских и российских государей. Сбросив самого императора и отвергнув принцип самодержавия, большевики, тем не менее, сохранили в 1917 году как таковое российское государство. Правда, были теоретические рассуждения о перспективе «*постепенного отмирания*» государства как аппарата угнетения и полной замены его в далёком будущем развитыми формами общественного самоуправления. Но «*пока*» было решено переориентировать функции государства и перенаправить его репрессивный аппарат на укрепление и защиту социалистических ценностей и «*угнетение угнетателей*». При этом сложилась парадоксальная ситуация, когда российское государство де факто сохранилось и даже в репрессивном плане ужесточилось, но уже без ответственной фигуры государя, на которого веками приучали ориентироваться российскую элиту и российское общество, а самое главное – на которого возлагал свои вековые надежды русский народ.

4

В новой, либерально-демократической России наконец-то вроде бы всё стало вставать на свои привычные места. Многонациональное государство стало именоваться Российской Федерацией, как бы восстановив своё былое российство после насильственной советизации политической системы, а государь получил современный титул президента, подразумевающий традиционное для России единоличное властительство. Но оказалось, что и официально объявленное российство либерально-демократической федерации вовсе не вышло за рамки чистой условности, да и российский

президент превратился в некоего правителя с ограниченной ответственностью и соответственно урезанными правами. В процессе безудержной, ничем не ограниченной и беспрерывной либерализации российской государственной системы с одновременным расшатыванием традиционных основ российской государственности, радикал-либералы фактически реализовали в России давнюю мечту русских анархистов и правоверных марксистов о полном разрушении государства как «*аппарата угнетения*». При этом в плане достойной компенсации ничего не было сделано для замены разрушаемых государственных органов развитыми формами общественного самоуправления. Более того, западнический вариант муниципализации, основанный на принципе выборности всех органов власти на местах, обернулся для России полным разбалансированием централизованной государственной власти. Местные властители, воспользовавшись её ослаблением, постарались перераспределить государственные функции в свою пользу и, следуя российской самодержавной традиции, поспешили реализовать принцип единовластия на своём местническом уровне.

Важную роль в разгосударствлении политического строя современной России сыграло активное коррумпирование радикал-либералами российского чиновничьего аппарата. Сегодня либералы пытаются предстать перед российской общественностью в образе чистых и непорочных принципиальных борцов против чудовищной коррупции, разъедающей уже не только государственный организм России, но и всю её социальную и духовную системы. Но у истоков этого уродливого явления были именно радикал-либералы, пропагандировавшие в своё время «*хорошо зарекомендовавшую себя*» практику лоббирования интересов финансово-промышленных кругов в законодательных органах Соединённых Штатов Америки для активного внедрения её в российских органах власти. Они же были инициаторами создания разного рода посреднических фирм и фондов для подкормки обнищавших российских государственных чиновников в целях беспрепятственного продвижения своих хищнических проектов и создания системы своей личной безопасности. В конце концов всё это логически завершилось в выстраивании узаконенной системы тарифицированных «*откатов*», возведённой в России в степень обычной практики. Наряду с активными «*борцами*» против коррупции, использующими этот общественный фронт для непрерывного давления на власть в пользу дальнейшей либерализации России, со стороны основной массы представителей среднего класса раздаются голоса о необходимости осторожности и осмотрительности в этом «*деликатном*» вопросе. Либеральные «*адвокаты*» настаивают на том, что, раз уж коррупция в России превратилась в систему, то её разрушение приведёт к системной катастрофе - к коллапсу всей российской государственной системы вообще. При таком подходе вопросы борьбы с коррупцией играют роль либеральной дымовой завесы, а реальной целью либералов является её сохранение и всемерная защита. Ибо именно тотальная коррупция позволяет радикал-либералам ежедневно выводить из государственного оборота и государственной казны огромные средства, сопоставимые с государственным бюджетом и не облагаемые налогом. Именно разветвлённая система коррупции позволяет радикал-либералам бессовестно и цинично манипулировать прикормленными государственными служащими, получающими основную долю доходов на стороне и служащих уже не государю и народу, а тому, кто больше платит. Именно возведённая в культ коррупция создаёт в стране некое государство в государстве, в котором коррумпированные государственные служащие, сращенные с идеологами среднего класса, представляют некое весьма специфичное элитное сообщество, готовое в любой момент предать и своего государя, и свой народ и перекинуться к основному плательщику, даже если это наносит ущерб «*горячо любимому*» Отечеству.

Парадоксальность нынешней политической ситуации в России намного превосходит парадоксы советского прошлого. В Советском Союзе жёсткие рычаги правления были сосредоточены в руках так называемой партийной номенклатуры, которая, деспотично руководя обществом и народом, ловко уходила от персональной

ответственности за положение дел в стране. Для этого были созданы «*коллегиальные*» руководящие органы - Политбюро и Секретариат ЦК КПСС, регулярно проводились партийные пленумы и съезды и в качестве козлов отпущения использвались представительские (по сути, декоративные) советы депутатов трудящихся, чисто техническое правительство, органы партийного и народного контроля, зависимые профсоюзы. То есть в советском государстве были резко выражены властные функции, но, по сути, не было персональной ответственности, так как все номенклатурные правители действовали от имени и в интересах коммунистической партии и советского народа. В конечном счёте именно эти безликость и безответственность власти и привели к краху коммунистического режима и развалу Советского Союза, за которые никто до сих пор не понёс персональной ответственности. Принцип персональной безответственности был не только сохранён в новой, либерально-демократической России, но и многократно усилен формами хаотической выборной демократии и так называемого теневого (по преимуществу мафиозного) криминалитета. Власть же стала сугубо декларативной. Наряду с всенародно избираемым президентом как гарантом Конституции в стране существует Конституционный суд, который может оспорить решения президента, но не несёт никакой ответственности за положение дел в стране. Государственная Дума, формируемая на принципах партийности, сосуществует с Советом Федерации, комплектуемым на основе местнических административных приоритетов. И Дума, и Совет имеют к российскому народу сугубо опосредованное отношение. Неоправданно большую роль и политическое значение в стране получили существующие на иностранные средства так называемые правозащитные органы и организации, разного рода фонды, центры и институты, которые не только выполняют функции неких наблюдательных советов западноевропейских держав, но и служат активными проводниками либерально-дестабилизирующей политики, враждебной российскому государству.

5

Всё это вступает в резкое противоречие с принципами демократии, которая трактуется на Западе как власть народа, то есть именно как «*власть*» и именно «*народа*». В России, правда, этим противоречием трудно кого-то удивить, так как русский народ и, тем более, российские народы давно привыкли к играм в демократию, которые у нас ведутся едва ли не с рюриковских времён. Более существенно то, что нынешнее фактическое безвластие полностью противоречит традиционным народным воззрениям на власть и персональную ответственность российских государей перед народом. Признавая над собой абсолютную власть одной-единственной личности - государя, русский народ вкладывал и в эту власть, и в эту личность многомерную смысловую нагрузку. Прежде всего этим актом (актом добровольного признания над собой высшего земного властителя) он демонстрировал осознание назревшей необходимости такой власти и такой личности. Утверждая, что «*без Бога свет не стоит, без царя земля не правится*», «*нельзя быть земле русской без царя*» и «*без царя – земля вдова*», народ недвусмысленно заявлял о своём понимании того, что Русская земля не может оставаться бесхозной, а должна управляться из одного центра – единолично править. Проводя аналогию царя с Богом, русский народ не только благоразумно стремился оберечь власть от возможных разногласий (чем меньше правителей, тем крепче власть), но и, по сути, возлал на царя равную с Богом ответственность за земные дела. Народ не признаёт на вершине властной пирамиды никаких «*варягов*». Заявляя - «*светится одно солнце на небе, а царь русский на земле*», - народные мудрецы делали явный акцент на слове русский. Тем самым они подчёркивали, что российский государь должен сознавать себя именно русским царём - управителем Русской земли и олицетворением духа русского народа. Однако, наделяя своего государя всей полнотой власти на Русской земле («*воля царя – закон*»), русский народ вовсе не ставил знака равенства между русским царём и Богом. Принцип – «*Божье*

Богу, а царёво царю» (именно с приоритетом Божьего) - определял весьма существенные границы между земной властью царя и общим верховенством Бога. Во всяком случае народные мудрецы давали понять, что царь не имеет права вторгаться в духовную жизнь народа и заходить за рамки своих государственных, сугубо административно-управленческих функций.

Русские пословицы выявляют сложную систему взаимосвязей и взаимозависимостей между русским государем и русским народом, определяя не только существо русско-российского государства, но и всю практическую иерархию их взаимоотношений. Так, в пословице «*государь – батька, земля – матка*» царь и народ предстают в народном представлении в качестве некой семьи. В ней царь – «*батька*» (глава семьи), земля-кормилица – «*матка*», а народ подразумевался как их детки, которых надо кормить-поить и проявлять о них повседневную заботу. Пословицей «*народ – тело, царь – голова*» устанавливалась некая диалектическая иерархическая взаимосвязь между государем и его подчинёнными. Царь, будучи «*головой*» (высшим должностным лицом и фактическим управленцем Русской земли), по логике народного мудреца, должен понимать, что «*телом*» государства (его реальной основой) является именно народ, который, несмотря на своё формальное подчинение, обеспечивает практическое существование государства. Пословично утверждая, что «*ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех не угодить*», народные мудрецы подчёркивали необходимость равного и справедливого отношения государя ко всем людям, никого не выделяя и никому не угождая. Говоря, что «*Бог милостив, царь жалостлив*» и «*правда Божья, а суд царёв*», народные мудрецы подчёркивали, что даже Бог, обладающий абсолютной истиной и высшей справедливостью, проявляет милость к людям, а потому и государь просто обязан проявлять жалость к своим подчинённым при совершении своего земного суд, учитывая несовершенство человеческой природы. И, наконец, заявляя о том, что «*за царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует*», народные мудрецы, по сути, возлагали на государя двойную ответственность. С одной стороны, ему вменялось в обязанность быть совершенным управителем Русской земли. С другой же стороны, он должен был быть ещё и безукоризненно нравственной личностью, ибо государевы прегрешения не только грозят ему личной карой перед Богом, но и ложатся тяжким бременем на вверенный его попечению русский народ.

Такова народная трактовка не столько целей и задач, сколько смысла правления государем Русской землёй и русским народом. Он, этот народный смысл, очень нечёток и исключительно, как ныне сказали бы составители юридических документов, рамочен. При этом рамки русско-российского общественного договора весьма расплывчаты. По сути, имеются лишь метафоры, своего рода притчи и очень тонкие, едва уловимые намёки. И, тем не менее, этот договор существует, по крайней мере, в пословичной форме. Широкое поле прав негласный договор отдаёт единолично правящей личности, однако при этом взывает к совести и разуму государя и увещевает его не мнить себя Богом и помнить о своей родовой и корневой связи с русским народом. При такой народной постановке вопроса о принципах управления Русской землёй российское государство не могло не быть на Руси, с одной стороны, авторитарным, а с другой стороны – деспотичным. В значительной мере авторитарность и деспотизм власти российских государей базировался на принципе единодержавия. Но единодержавие в русском народном понимании всегда подразумевало не только единоличную власть, но и персональную ответственность. Государь у русских людей неизменно отождествлялся с законом, а закон воспринимался как символ стабильности и порядка. Причём единодержавие в русском народе вовсе не воспринималось как символ консерватизма и застоя. Обвиняя Россию в вечной отсталости, либеральствующие историки почему-то умудрялись закрывать глаза на такой реальный исторический факт, как то, что в России едва ли не каждый третий государь являлся реформатором и что по числу властительных реформаторов российская государственная система не уступит ни одному западноевропейскому государству,

включая Соединённые Штаты Америки. Да, каждая реформа в России проводилась сверху и никогда не доводилась до конца, под которым подразумевалось полное уподобление нашей страны западноевропейским образцово демократическим государствам. Но реформировалось российское государство, по сути, непрерывно и каждый раз – весьма существенно.

6

Николай Бердяев, определяя систему отношений между русским народом и огромным русским государством, относил эту причудливую взаимосвязь и взаимозависимость к «*загадке философии русской истории*». Отгадку он видел в том, что русский человек расплывается в огромном пространстве своего Отечества, а потому привык быть организуемым и никогда не чувствует себя организатором. Если подходить формально к отношениям русского и российского народа с государем и государством, то, разумеется, Бердяев прав. Народ в России всегда отдавал властную инициативу своим правителям и никогда не стремился навязывать государям свою волю. Но почему-то ни сам Бердяев, ни нынешние либеральные критики российского государства и русского народа по-настоящему не задавались вопросом об определённом обратном влиянии. А именно - об организуемости самих государей, о неуловимом, но реально существующем воздействии на них русско-российского народа и о сложнейших метаморфозах форм царствования одного и того же государя и сложной нюансировки проявлений верноподданничества народа в рамках конкретного царствования. Любой профессиональный отечественный историк прекрасно знает, что даже естественный переход государственной власти от отца к сыну в России никогда не бывал гладким и никогда принявший власть сын не дублировал политику глубокочтимого им отца. Как правило, удалялись фавориты умершего государя, возвращались из тюрем и ссылки опальные служители и существенно корректировался весь политический курс государства, причём не без учёта чаяний народа. Достаточно сравнить в этом плане современную Россию с Монголией, некогда владычествовавшей над Русской землёй. Разумеется, и в Монголии в течение веков происходили перемены, но никогда они не производились по воле народа, а всегда под силовым внешним влиянием. Россия же в течение тысячелетия непрерывно саморазвивалась, сохраняя определённую дистанцию от Запада и Востока и ориентируясь на запросы и чаяния россиян, хотя они и выражались в более деликатной форме по сравнению с Западом, но и в более настойчивом духе по сравнению с Востоком.

Либералистские толки о том, что России якобы всегда не везло с её правителями - чистейший вздор и клевета на российскую государственную систему и русско-российский народ вообще. Да, правители России всегда были людьми разными, непохожими друг на друга и не укладывающимися в прокрустово ложе западноевропейских стандартов. Были среди них мудрые и глупые, деятельные и пассивные, консервативные и либеральные, тиранически «*грозные*» и по-отечески «*тишайшие*». Каждого из них Россия тоже воспринимала по-разному. Одних любила от души, других от души ненавидела; при одних надрывно трудилась, при других работала из-под палки; одних боготворила, других презирала; одним покорялась, против других бунтовала. Любопытно другое. Подлинное влияние государя на народ в России всегда было не столько прямым, сколько опосредованным, ибо народу обязательно необходимо было некоторое временное расстояние, чтобы объективно осмыслить реальные деяния ушедшего царя и духовно воспринять его волю. Другой российский парадокс – неадекватность реакции народа на личность государя. С умными властителями россиянин, как правило, позволял отдых своему разуму, а с глупыми – активизировал своё творчество и свою самобытность. С особо деятельными правителями он ленился, как бы притормаживал, а с пассивными – возбуждался и даже бунтовал. С консервативными - жаждал свободы, а с либеральными – мечтал о порядке. При грозных – притихал, а при тишайших – вспоминал вековые обиды.

Двойственность властной ипостаси, базирующейся на единодержавии, нечётко сформулированные права властителей и обязанности народа, мнимая пассивность народа при в целом его критичном отношении к властям проявились уже при формировании первого, условно говоря, российского государства, каковым являлась Киевская Русь. Сам факт призвания варягов на Русь не представлял по тем временам чего-то из ряда вон выходящего. Он вытекал из обычной практики найма чужаков для обеспечения порядка в древних русских (и не только русских) городах. В древнем Новгороде князья-наёмники неоднократно приглашались для исполнения административно-управленческих функций. Причём из той же Норвегии, из Великого княжества Литовского, а позднее – и из набиравшего силу Московского княжества. Точно так же поступали и древние псковичи. Но наёмники в Новгороде и Пскове, где реальная власть была сосредоточена в руках местной знати, задававшей тон на вечевых форумах, обладали ограниченными правами и долго не задерживались. При малейшем подозрении на превышение оговорённых функций князья-наёмники немедленно изгонялись из этих городов, нередко - с позором. Совсем иначе получилось в Киеве. Здесь Рюрик, его родственники и сподвижники фактически захватили власть и стали править столицей Древней Руси, а впоследствии и всей Русью самочинно, передавая бразды правления по наследству. Разумеется, одновременно происходило обрусение варягов, их этническая ассимиляция. Но сама власть на Руси обрела характер некой варяжности - инородности и наднародности. И таковой она просуществовала едва ли не на всём протяжении первого тысячелетия России. На смену рюриковичам пришли Екатерина Первая, Анна Иоановна, Екатерина Великая, которые были «*варягами*» иного рода и другого племени, но являлись, тем не менее, чистейшими инородцами, давшими обильное властное потомство. Наконец, олицетворением варяжничества, со всеми его плюсами и минусами, стал в двадцатом веке Иосиф Сталин, правление которого вызывает в современной России не утихающие споры и весьма противоречивые оценки. Временами властные варяги были большими русскими, чем сами русские, но довольно часто их чужеродность давала себя знать явным презрением к русскому народу и непониманием его сущности и предназначения.

7

Подобно шекспировскому Гамлету, российские либералы и либералы всего мира сегодня заострённо и драматически ставят вопрос – быть или не быть России демократическим государством? С положительным ответом на него они связывают спасение России и российского народа, с отрицательным – их полную и окончательную гибель. Но такая альтернативная постановка вопроса, да ещё и в крайне драматической форме, исключительно надумана и искусственно обострена. Принципиальный ответ на него давно уже известен и вполне очевиден. Хотим мы того или нет, но следует признать, что весь цивилизационный процесс развития современного мира на протяжении последних двухсот лет базировался так или иначе на принципе выпускания остатков дикости и варварства через всё более демократизирующиеся системы отдельных государств и организационные структуры всего человечества в целом. Но демократия демократии – рознь, а об этом почему-то умалчивается. И самое большое лукавство либералов заключается в том, что пекутся они вовсе не о демократии, а именно о либерализме, не имеющем ничего общего с подлинной демократией. Как и в вопросе с коррупцией, яростные и гневливые либеральные борцы за демократию используют принципы демократизации, модернизации и защиты прав человека для давления на правительства конкретных государств в интересах мещанско-обывательского мирового среднего класса, тесно сплочённого интересами меркантильной прагматики эгоистически-собственнической выгоды. Но эти расчётливые и беспринципные среднеклассники никогда не имели ничего общего ни с народом отдельных стран, ни с человечеством в общемировом масштабе, которые представляют собой совсем иной класс, поименованный в либерально-демократической России быдлом. Подлинные цели либералов сугубо

антидемократичны, а потому их акцентированная забота о демократии как таковой – не более чем фарс и издёвка над романтическими мечтаниями западноевропейских и российских политических утопистов.

Демократия либо должна быть реальной и всеобщей, либо о ней вообще нечего говорить. Подлинная демократизация любого отдельно взятого государства должна в обязательном порядке опираться на параллельную демократизацию всей системы межгосударственных отношений в мире. Тест на проверку истинности последней заключается в ответе на один-единственный вопрос – способна ли она допустить многообразие форм демократии в подлинно суверенных государствах или, наоборот, склонна навязывать какой-то особый тип «*классической*» демократии с ориентиром на одну-единственную супердержаву. Только при подтверждённом практическими делами позитивном ответе на этот сакраментальный вопрос суверенные государства (национальные в своём существе) могут и должны позволить себе роскошь развитой демократии. Ибо для многих из них она является именно роскошью, находящейся за гранью их обыденного традиционного выживания. После тысячелетнего заимствования и бездумного копирования чужих форм государственного устройства (сначала северо-западных, потом восточно-азиатских, затем западно-европейских и, наконец, северо-американских) Россия, думается, вполне созрела для того, чтобы начать разрабатывать и внедрять в жизнь принципы демократии по-русски или точнее - российской демократии. Говоря о проблемах демократизации современной России, наш бывший соотечественник, а ныне руководитель российского направления в Enterprise Institute (один из ведущих исследовательских центров Вашингтона) Леон Арон заметил, что у нас «*демократический домик оказался не на фундаменте, а на сваях*», будучи «*неукоренённым*» в традициях и привычках общества. Это очень важное замечание, идущее вразрез с антирусскими и антироссийскими теориями апологетов тоталитаристского либерализма.

После антисоветской и антикоммунистической «*революции*» 1991 года (точнее её можно было бы назвать антигосударственным и антинародным переворотом) идеологи либерализма, разрушая до основания политический, экономический, социальный и духовный строй советской России, явно переусердствовали. В какой-то мере по инерции, но в основном вполне осознанно они принялись крушить заодно с коммунизмом и традиционалистский фундамент России – её народные традиции и укоренившиеся привычки российского общества. Идея заключалась в том, чтобы, расчистив таким варварским способом вековой российский фундамент, перенести в Россию и поставить на «*пустом месте*» готовое новенькое строение современной западноевропейской демократии. Тем самым они попросту повторили неудачный эксперимент большевиков, действовавших теми же способами и по той же самой прямолинейной схеме. Как большевики, так и радикал-либералы не учли того исторического факта, что российский традиционалистский фундамент очень обширен и глубоко укоренён в Русской земле, а потому все попытки его слома приводят лишь к расчистке поверхностного слоя, не затрагивающей его глубинной сути. Выстроенную у нас либеральную демократию Арон именует даже не зданием, а «*домиком*», причём построенным на «*сваях*», что вызывает соответствующую ассоциацию с неким карточным домиком, создаваемым на песке. Доводя до логического завершения политическую символику Арона, следует сделать вывод, что наш собственный традиционалистский фундамент предназначен для какой-то другой демократии – демократии подлинной, укоренённой в наших специфических национальных традициях и вековых привычках российского общества. Если идти ещё дальше в осмыслении сказанного Ароном, то создаётся ощущение его глубокого скепсиса не только в отношении возможностей построения в России демократического здания по западному образцу, но и по поводу целесообразности вообще демократизировать мировое сообщество на принципах глобализации, с выкорчёвыванием национальных традиций исторически сложившихся государств и коренной ломкой устоявшихся многовековых общественных привычек.

8

При формировании своей государственности Россия прошла большой и трудный путь из «*варяг*» в «*греки*». Варяги нам даровали принцип властительного единодержавия, от греков же к нам постепенно переходят основы демократии. Но и единодержавие, и демократию в России олицетворяло именно государство, которое всегда было специфической формой власти, но не отказом от неё. Были, правда, в России периоды безвластия, но очень короткие, вынужденные и чрезвычайно мучительные для страны и российского народа. Наиболее памятны из них великая Смута конца шестнадцатого – начала семнадцатого веков и Гражданская война 1918-1920 годов. О последней Владимир Вернадский писал в своём дневнике в 1920 году буквально следующее: «*Наше время - время крушения государства, полного развала жизни, её обнажённого цинизма, проявления величайших преступлений, жестокости*». Крушение государства в России русский мыслитель воспринимал не просто как социально-политическую катастрофу, а как полный развал жизни. И именно такой развал жизни мы переживаем уже в течение двадцати лет. Трагизм этой ненормальной для России ситуации усугубляет не только её рекордная протяжённость во времени, но, главное, тот факт, что при наличии всех необходимых государственных органов они фактически лишены власти и создают только видимость государства, не реализуя на деле его суть и его предназначение. Ибо эти государственные структуры практически полностью устранились от исполнения своей главной задачи - защиты народа и общества от обнажённого цинизма олигархата и идеологов мещанско-обывательского среднего класса, а также от величайших преступлений мафиозного криминала и от откровенных жестокостей коррумпированных государственных служащих.

Можно по-разному относиться к институту государства. Несомненно, права Наталия Нарочницкая, именуя государство «*греховным*» и «*несовершенным*» политическим институтом. Государство в России и во всех странах мира создавалось вовсе не ангелами и с совершенно далёкими от идеала целями. Россия, с её культом совести, недоверием к закону и законникам, традиционно негативным отношением к власти и конкретным правителям, а также с вечевым, мировым и соборным историческим опытом, по-видимому, вполне могла бы обойтись без государства. Но для этого нужно, чтобы другие страны и народы тоже отказались от этой сугубо силовой структуры, от этого аппарата угнетения. Однако что-то незаметно, чтобы кто-то в современном мире, кроме нас, ставил себе подобные цели и предпринимал какие-то практические шаги в этом направлении. Эталон демократии - Соединённые Штаты Америки, озабочиваясь проблемами демократизации, либерализации и глобализации всего мира, вовсе не стремятся ослабить своё собственное государство. Наоборот, сегодня это не просто самое могучее государство в мире, но держава, превратившая свою развитую государственность в главный рычаг американского мирового господства. Разгосударствленная советская Россия, заключая в 1918 году Брестский мир даже с ослабленным мировой войной германским государством, вынуждена была пойти на серьёзные территориальные и материальные уступки. Но и это не спасло её от иностранной агрессии и элементарного разграбления. Реальный мир и сохранение территориальной целости советской России стали возможны только с восстановлением разрушенной государственной машины и наполнением нового государственного аппарата реальной властной силой.

Рассуждая объективистски о роли и значении государства в современной России, дистанцирующийся одновременно от властей и от рьяных апологетов либерализма политолог Виталий Третьяков приходит к неутешительному, но, на мой взгляд, честному выводу. «*Государство*, – заявляет он, - *нравится оно нам или не нравится – является некой цивилизационной ценностью для России. И независимость, неподчинённость нашей страны никому, в том числе и западным модернизациям и западной политике, - это тоже цивилизационная ценность России*». В современных российских условиях речь вовсе не должна идти о немедленном создании некоего идеального, правового

государства или поспешном утверждении некой совершенной, либеральной безгосударственности, к которым, противореча друг другу, нас упорно толкают апологеты либерализма. В России сейчас остро стоит вопрос об элементарном восстановлении нормального государства, реально исполняющего свой управленческий долг и своё сущностное предназначение и эффективно действующего в отстаивании интересов своего народа и своего Отечества. Подлинно демократическое российское государство немыслимо без уважения традиций русского народа и других народов, населяющих нашу страну. Правитель, презирающий национальные традиции и навязывающий собственной стране чужие нравы и обычаи, не может быть истинным государем России. Он лишь временщик, и время его кратко по срокам и нарицательно по своему существу. В России не может быть подлинной демократии без учёта нравственного характера народа. Правитель, строящий демократические институты на фундаменте либералистской безнравственности, возводит здание на песке и обрекает его на быстрое разрушение, а себя – на презрительное народное забвение и историческое порицание. Демократия мещански инертная, обывательски рутинная и бюрократически формализованная не способна прижиться сколько-нибудь долго в России. Правитель-педант, не опирающийся на творческий потенциал своего смекалистого и нестандартно мыслящего народа, вступает в противоречие с принципами демократизма и неизбежно терпит провал, подвергая дискредитации само существо демократии. Мы вышли из варягов, но надо ли нам идти в греки с закрытыми глазами? Не проще ли нам сущностно оставаться самими собой и, двигаясь вместе с другими народами по греческому демократическому пути, строить на прочном русском фундаменте свою собственную демократию – демократию по-российски?!

* * *

В русской сказочной кладези едва ли не каждая сказка так или иначе связана с царями и царствами. Но их главными героями всё же, как правило, являются не они, а их подданные. Тем не менее, есть и как бы специальные сказки, красочно выписывающие царские характеры и характеризующие принципы русского царствования. Так, в сказке «*Василий-царевич и Елена Прекрасная*» даются традиционные для России антиподы – действующий царь Иван, надменный и куражливый при «*всяких генералах*», и его родной брат Василий-царевич, которому ни в чём счастья не было. Народ, естественно, сочувствует второму и после всякого рода приключений поручает ему царство. Коротенькая сказочка «*Царевич-найдёныш*» посвящена характеристике исключительно «*мудрёного*» ума, якобы присущего всей «*царской породе*». Именно по этому признаку некий безымянный царь узнаёт своего сына, пропавшего в младенчестве. «*Сказка о золотом, серебряном и медном царствах*» повествует о характере проблем, существующих в царской семье, коварстве и безжалостности царевичей и жёсткой справедливости их всевластного отца. Но, пожалуй, наиболее полно набор положительных царских черт представлен в «*Сказке о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной его супружнице Царь-девице*». Дарованный Богом царю Ахридею, его сын - богатырь Иван отправляется в дальние царства «*проведать*» своих похищенных старших сестёр. По пути царевич Иван обманом забирает у ссорящихся леших шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку. Затем он заручается поддержкой бабы-яги, покорённой его простотой и дружелюбием. Наконец, вызволив своих сестёр от нечистых духов, Иван остаётся жить в любви и совете с заморской Царь-девицей, предварительно избавив её от тирании двенадцатиглавого змея.

Лихо закручивая сюжет своего повествования, народный сказочник выстраивает целую систему добродетелей, обязательных, по его мнению, для царского отпрыска. Помимо недюжинной природной силы, Иван-царевич обладает не просто храбростью, но непобедимым царским духом. К своим совершенным летам он обучился разным наукам. Будучи, подобно отцу, весьма набожным, он к тому же имеет превосходное воспитание.

Отправляясь в путь-дорогу, царевич не только Богу помолился, но и на все четыре стороны поклонился, демонстрируя тем самым уважение всем людям и почтение всему сущему. Даже лишая леших рассорившего их богатства, он не изменяет своему царственному слову и мирит их согласно своему обещанию. Бабу-ягу он сначала «*ставит на место*», отругав за негостеприимство. Но, когда она меняет тон, он ведёт себя по-простому и с полным доверием. Даже с оборотнями – Медведем и Морским чудищем, завладевшими его сёстрами, Иван ведёт себя учтиво, как с близкими родственниками. Лишь на решающий бой с двенадцатиглавым змеем он идёт с открытым забралом, видя в нём главного врага не только своей семьи и своего царства, но и всего доброго и человечного на земле.

Именно таково народное представление о подлинной русской царственной «*демократии*». Подлинную демократию русский человек мыслит не в форме неких совершенных, демократически ориентированных государственных институтов, а в совершенной нравственной личности русского государя. Судя по этой сказке, к идеальным качествам единоличного и ответственного российского правителя народ относит его высокородное происхождение, природную силу и крепкий разум, книжную просвещённость и укоренённую набожность, властительную строгость в сочетании с простотой нрава и душевным дружелюбием, верность данному слову и беззаветную преданность царственному долгу, а главное - бескомпромиссную борьбу с царящим в мире злом. По убеждению народных мудрецов, чрезвычайно важно для страны и народа, чтобы во главе царства (российского государства) стояла именно такая нравственно совершенная царственная личность. То есть тот, кто не витает в идеалистических облаках, хорошо знает реальную жизнь простых людей, умеет ладить с полезными для царственного дела бабой-ягой и лешими и насмерть бьётся с двенадцатиглавым змеем, олицетворяющим откровенное, циничное и торжествующее зло. Всё остальное в российском государстве народ относит как бы к чисто техническим вопросам, целиком и полностью зависящим от личности государя. Эта идея кажется примитивной, но ведь на самом деле всё именно так и есть. Государство, даже самое демократическое, без соответствующих правящих личностей есть просто бездушная машина, не только не совместимая с живым человеком, но и противопоставленная ему. Только ничем другим не заменимый человеческий фактор превращает эту машину в живой и эффективный организм, действующий не во вред, а на благо человеку и человечеству.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА – ГОЛОВА ИЛИ ШЕЯ?

Царь без слуг, как без рук.
Близ царя – близ чести. Близ царя – близ смерти.

Русские пословицы

1

Российское государство в той же степени неотделимо от российской элиты, как российский государь - от государевых слуг. Русская пословица «*царь без слуг, как без рук*» свидетельствует не только о народном понимании объективности этого факта, но и в какой-то мере о признании им и моральном оправдании существования российской элиты. Собственно говоря, именно российская элита (государевы слуги) является главной начинкой того пирога, который именуется российским государством. Без неё российский государь оставался бы воинственным вождём варварского славяно-русского племени - безликого и плохо управляемого. Понятие «*элита*» («*elite*» - по-французски «*лучший*», «*отборный*») в русском лексиконе появилось во второй половине двадцатого века (в

словаре Владимира Даля это слово отсутствует) и первоначально имело сугубо техническое применение – касалось исключительно селекции растений и животных. Но затем этот термин приобрел решающее значение в трудах либеральных западноевропейских политологов и социологов. С их точки зрения, именно совокупная элита, а не отдельно взятые значимые личности, должна играть главную роль в демократическом государстве. По их мнению, элита якобы наиболее полно выражает и олицетворяет собой демократические начала в государстве.

На Руси и в России было своё понимание и сути элиты, и её роли в деятельности российского государства. В русском языке ещё с древних времён появилось наименование «*знать*», в какой-то мере адекватное западноевропейскому термину «*элита*». Этимолог Макс Фармер производит современное русское слово «*знать*» (как обозначение элитного слоя общества) от древнерусского и старославянского «*знати*». Эта глагольная форма означала узнаю, делаю известным, объясняю. Самое забавное при этом состоит в том, что от этого же глагола получило происхождение и существительное «*знахарь*», близкое по значению к понятию «*колдун*». И это наводит на размышления о двойном толковании смысла и значения российской элиты в российском государстве. В русском понимании элиты как знати слилось воедино значение знания и известности. Трактовка российской элиты как людей знающих, отличающихся исключительной учёностью и грамотностью от невежественной массы простолюдинов, приближает нашу знать к сути того, что либеральный Запад вкладывает в понятие элиты. Да, именно знающие и умеющие, подлинные профессионалы и знатоки своего дела должны составлять костяк истинных управленцев, нейтрализующих дурное воздействие разного рода демагогических и политиканствующих личностей и ведущих государство по демократическому пути. Таких незаметных, но весьма влиятельных винтиков в российском государственном механизме всегда бывало достаточно, и они играли свою благую роль в упрочении и облагораживании облика российского государства.

Однако люди «*известные*» на Руси и в России далеко не всегда и вовсе не обязательно бывали лучшими людьми. Чаще всего это были просто известные всем лица и фамилии - те, что у народа и общества были на виду и на слуху. Как правило, к ним принадлежали царедворцы, прославившиеся своей родовитостью, богатством или ратными подвигами. Но были и те, кто приобретал власть и общегосударственную известность какими-то своими специфическими качествами и особыми личными услугами государю. К ним, например, принадлежали такие одиозные личности, как прославившийся своей свирепостью во времена Ивана Грозного Малюта Скуратов, или отличавшийся особым угодничеством перед императором Александром I граф Пётр Аракчеев, или пресловутый приверженец «*диктатуры сердца*» при Александре II граф Михаил Лорис-Меликов. В советские времена свою долю дурной известности при Сталине приобрели наркомы внутренних дел Ягода, Ежов и Берия, слава которых была хуже поношения и имена которых были даже исключены из «*Советского энциклопедического словаря*» 1985 года и тем самым как бы стёрты из народной памяти. Как правило, известность временщиков живёт недолго и умирает вместе с их физическим исчезновением. Но при жизни их фаворитизм у государя достигает такого апогея, что о каком-то ином влиянии на властителя не приходится и говорить. Раскрывая специфику чисто российского элитаризма, в корне опровергающую западноевропейскую теорию элит, советский историк Александр Зимин писал: «*После смерти Василия I (1425) реальная власть в Москве перешла в руки энергичных правителей – властолюбивой княгини-вдовы, волевого митрополита Фотия и деятельного боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского. Наибольшим влиянием из них при дворе пользовался митрополит. В боярской среде давно росло недовольство всевластием Всеволожского*». На переднем плане здесь всего три фигуры – вдова, митрополит и наиболее приближённый к князю боярин. И проблему они решают вовсе не демократизации государственной системы, а захвата власти как таковой, причём более тиранической, чем при живом великом князе. Ибо сговор этих

представителей московской элиты означал, по сути, узурпацию великокняжеской власти и преступное нарушение русских княжеских и народных традиций. Собственно знать-элита (упомянутые бояре) составляла в Московском великом княжестве лишь некий фон, аккумулирующий недовольство преимущественно боярином-временщиком, которое вылилось потом в беспорядочные метания бояр и боярских детей между двумя враждующими претендентами на великокняжеский престол.

2

Российская элита, как и российское государство, является многослойной структурой. В этом плане она вроде бы уподобляется западноевропейской элите, в которой различают политическую, экономическую, административную, военную, религиозную, научную и культурную элиты. Но в отличие от европейской элиты российская знать строго иерархична. На её вершине царят (обладают решающим влиянием на государя) всевластные фавориты-временщики или скрытые «*серые кардиналы*», стремящиеся не афишировать своё влияние на государя, но упивающиеся фактической своей значимостью, выходящей за пределы их достаточно скромных должностных полномочий. Они обладают правом беспрепятственного допуска к государю, их мнение является решающим, а их действия получают полное одобрение и неизменную поддержку со стороны «*первого лица*». Столкнувшийся со всесильным Аракчеевым молодой Алексей Ермолов отмечал в своих «*Записках*»: «*Почувствовал я, как невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет*». Слова не погубляет - вовсе не метафора. «*Без лести преданный*» Александру I временщик Аракчеев обладал столь неограниченной властью, что имел полную возможность физически уничтожить дорожащего своим личным достоинством боевого генерала. И останавливала его от этой крайней меры вовсе не забота о неком благодеянии, а явное благоволение самого императора к храброму, умному и честному офицеру.

Фаворитизм в российской государственной элите практически неискореним. Он положил начало русской государственности как таковой, будучи главной опорой физически немощного и слабовольного великого князя Московского Василия II. При каждом из последующих российских государей можно прямо назвать или по реальным фактам вычислить одну-две личности, практически руководившие российским государством. Даже, казалось бы, такой самодостаточный самодержец, как Пётр Великий, не мог обойтись без своего любимца Александра Меншикова, которого бивал самолично за воровство, но, тем не менее, поручал ему самые ответственные дела, наделяя при этом почти неограниченными правами. Не стал исключением и советский строй, при котором разного рода «*серых кардиналов*» хватало при каждом главе партии и советского государства. Достаточно упомянуть апологета ортодоксального «*коммунизьма*» (его собственное произношение!) Михаила Суслова при Брежневе и «*идеолога гласности*» Александра Яковлева при Горбачёве, сыгравших каждый свою специфическую роль в развале изнутри Советского Союза. При желании и сегодня можно без труда отыскать соответствующих фаворитов и своих серых кардиналов в современной российской государственной системе.

На втором месте после фаворитов и серых кардиналов в российской элите стоят разного рода убеждённые приверженцы режима и ревностные исполнители личностно ориентированной государевой воли. Умудрённый жизненным и государственным опытом Евгений Примаков, вовсе не склонный оппозиционировать нынешней власти, вынужден был признать, что «*у нас почти все, кто работает наверху, за исключением самых главных, работает на личность, а не на государство*». Работа на личность в переводе с дипломатического языка на общеупотребительный смысл означает элементарное прислужничество. Высшие представители российской элиты всегда рассматривали и вели

себя исключительно как слуги. Громко именуя себя государевыми слугами, они фактически являлись дворовыми людьми высшего ранга, сохранившими основные черты характера барской челяди. Эти их свойства можно свести к двум качествам - раболепию перед барином и барству перед простым людом. По своему лакейскому поведенческому стереотипу приверженцы режима в российской элите мало чем отличаются от ревнителей государевой воли. Будучи особо приближёнными и наиболее доверенными «*людьми*» государя, расставленными на ключевых управленческих постах в государстве, причём не только в центре (при дворе), но и на местах (в российской провинции), те и другие в лучшем случае удостаиваются роли подобострастных советчиков государя. Как правило, их главной задачей является не столько исполнение его официальных указов или устных распоряжений государя, сколько удовлетворение его действительных или мнимых потаённых желаний, смысл которых порой диаметрально противоположен формальным политическим заявлениям.

3

При формировании более пятисот лет назад российского государства в рамках Московского великого княжества роль приверженцев великокняжеского режима и ревнителей воли великого князя исполняли бояре. Это был «*жалованный сан*», который, по Далю, присваивался вельможам, знатнейшему сословию в государстве. Различались «*ближние*» (комнатные), «*введённые*» (дворцовые судьи), «*свойственные*» (состоявшие в родстве с князем или княгиней) и иные бояре. Они служили советниками великого князя, отправляли судопроизводство, возглавляли Государев двор, вели переговоры с соседними странами и удельными князьями. Зачастую они совмещали при этом конкретное должностное делопроизводство с оказанием закреплённых за ними личных услуг великому князю. Например, боярин Григорий Криворот был «*дворетцкой на Москве по свою смерть без перемены*». Его брат Иван Море служил «*постельничим по свою смерть, с судом з боярским и в думе у великого князя з бояры был*». На дворцовые должности обычно назначались пожизненно представители какой-то одной боярской семьи. Характерной чертой московского боярства была столь тесная его внутренняя, родственная связь, что «*каждый находился в свойстве с каждым*», а наиболее знатные – Патрикеевы, Протасьевичи, Всеволожские – могли похвастать и родством с великокняжеским домом. В этот привилегированный боярский круг входили и высшие иерархи православной церкви, многие из которых в свою очередь состояли в родстве с видными боярами.

С укрупнением российского государства, расширением государственного аппарата и усложнением управленческих функций патриархальная простота княжеско-боярских нравов претерпевала существенные метаморфозы. Однако суть служебно-прислужнических боярских традиций плавно перетекла затем к дворянству, после него – к представителям партийно-советской номенклатуры, а от неё – и к нынешнему либерально-чиновному олигархату. Согласно заключению Отдела бизнеса еженедельника «*Аргументы и факты*», львиную долю своих сказочных доходов многие чиновники получили не за свои профессиональные действия, а за нахождение на хлебном месте и за дружбу с полезными людьми. Хлебное место - это не что иное, как своего рода «*жалованный сан*», а дружба с полезными людьми - некая сумма лично оказанных услуг в процессе продвижения по соответствующей карьерной лестнице. В интервью Владимиру Большакову главный редактор литературного журнала «*Континент*» Владимир Максимов, возглавлявший в начале восьмидесятых годов прошлого века антибольшевистский блок в Париже, с недоумением говорил: «*Какой-то заколдованный круг в России. Человеческий материал всё тот же. Даже лозунги те же. «Кто не с нами, тот против нас». Демократы во всём повторяют большевиков*». Но этот человеческий материал отнюдь не сегодня появился в России. Подобным же образом большевики

сущностно дублировали верноподданнические лозунги приверженцев царизма, а те – лихих опричников Ивана Грозного, разрушивших изжившую себя систему боярства.

На нравственный облик и специфический для Руси поведенческий стереотип верхнего слоя российской элиты значительное влияние оказали сами принципы её формирования или, говоря современным языком, кадровая политика российских государей. На первом этапе создания российского государства ни о каких, собственно говоря, принципах говорить не приходилось. Преобладала некая органика, хаотичность, лепка кадров из подручного материала. Так, в представительском плане к исполнению важных государевых поручений наряду с боярами стали привлекаться потомки правителей бывших самостоятельных княжеств - суздальские, ростовские, ярославские и прочие зависимые князья. Бояре и князья брали себе в помощь «*детей боярских*» (будущих дворян), владевших небольшими земельными наделами и находившихся на военной службе у своих хозяев. Но всё большую роль начинают играть представители исполнительных органов - чины княжеской канцелярии (дьяки, казначеи и прочие слуги), происходившие из холопов, выходцев из духовной среды и торгового люда. Уже к концу правления Василия II среди дьяков появляются «*видные деятели*» с холопскими корнями. Единственным принципиальным элементом великокняжеской кадровой политики следует признать вовлечение в российскую (до того времени сугубо русскую) элиту представителей знати покорённых народов. По свидетельству Александра Зимина, зимой 1444 года Василий II послал двух татарских царевичей, сыновей Улу-Мухаммеда, перешедших к нему на службу, воевать литовские земли. Около 1455-1462 годов казначеем назван Остафий Аракчеев, происходивший из татар Уракчиевых. Пермские князья, ставшие опорой великокняжеского режима в северных землях, также вышли в основном из местной (коми) знати, воевавшей ранее против Москвы. В дальнейшем эта удачная кадровая находка Василия II превратилась в принципиальную линию пополнения российской элиты. Ермоловское масштабное покорение Кавказа вылилось в пристройку к государеву двору детей местной знати, которые, будучи под наблюдением, тем не менее, получали приличное царское жалованье и почёт, «*соответствующий их званию*». В итоге, по утверждению страноведа Марата Бисенгалиева, на шею к русскому крестьянину посадили «*кавказских дворян*», коими оказались порядка двадцати процентов населения Грузии.

4

Пришедшие к власти большевики не только не упразднили практику разбавления российской элиты так называемыми нерусскими элементами, но намного усилили её, превратив советскую номенклатуру в самый настоящий «*интернационал*». С развалом Советского Союза и отпадением союзных республик влияние национальных элит и их русского лобби на руководство российского государства заметно ослабло. Но «*интернационал*» в российской элите в принципе сохраняется и сейчас, причём не только с активизацией роли руководства национальных республик и областей, но и с заметным лоббированием разного рода заграничных интересов. Существует мнение, что интернациональные элементы благотворно влияли и продолжают влиять на поведение российской элиты, так как якобы именно русскому народному характеру свойственно исключительное «*прогибание*» перед сильными мира сего. Другие же нации, делегируя своих лучших людей в российскую элиту, укрепляют-де в последней чувство собственного достоинства и тем самым повышают её качественность. Хорошо знакомый с нравами российской элиты, господствовавшими в его времена, Алексей Ермолов, по сути, развенчивает подобную теорию. Не скрывая своей личной симпатии к князю Багратиону, он отмечал исключительную способность того заводить нужные связи при дворе и подчёркивал, что «*связи сии облегчили ему пути по службе*», несмотря на то, что «*остался он без образования*». Его коллега и соперник в славе, не менее «*гордый*» шотландец князь

Михаил Барклай-де-Толли, имея до возвышения в чины состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, был, по словам Ермолова, «*нетвёрд в намерениях, робок в ответственности, боязлив пред государем*». И таких «*гордецов*», включая немцев, австрийцев и даже французов, в руководстве русской армией времён войны с Наполеоном было великое множество. А об их качестве можно судить по скорбному замечанию того же Ермолова, что в критический момент «*при государе почти никого не было из приближённых*» и что «*бегство соединило многих*». То есть вся эта инородная элита попросту разбежалась, бросив своего государя на произвол судьбы.

В отношении советского элитного интернационала уместно сказать следующее. При всём том, что было много льстецов и угодников во времена великого княжения Василия II, что вся опричнина была организационной формой угодничества перед Иваном Грозным и что потоки славословий лились в адрес Романовых на протяжении всего трёхсотлетия их властвования, именно коммунистический режим побил все ранее существовавшие рекорды лести, угодничества и раболепия перед советским строем и восхваления коммунистической идеологии. Эта кампания низкопоклонства достигла своего апогея накануне развала Советского Союза, когда все советские загранпредставительства были буквально нашпигованы директивами центра по так называемой внешнеполитической пропаганде, назойливо и примитивно доказывавшей всему миру преимущества советского строя. В связи с этим создавалось впечатление, что социалистическая система сломалась не из-за каких-то внутренних или внешних причин, а просто в силу того, что иссякли все запасы лести, накопленные к тому времени. И следует заметить, что тон в этой пропагандистской кампании задавал именно интернационал, при том что русский народ уже тошнило от этого перебора самовосхваления верхов.

Есть и ещё один аспект, немаловажный для выявления корней формирования специфического для России поведенческого стереотипа верхнего слоя её элиты. Либеральный журналист Дмитрий Быков, обращаясь к «*Мемуарам*» Джованни Казановы, отмечал, что российская аристократия поразила заезжего ловеласа и авантюриста «*сочетанием азиатчины внутри и европеизации снаружи: со своими – совершенная Азия-с, для европейцев – сама любезность*». Азиатчина здесь трактуется исключительно как откровенная грубость и антипод европейской любезности. Однако российская элитарная азиатчина не совсем адекватна грубости. В нравах российской элиты она имеет несколько иной, более усложнённыё характер. В раскрытии его нельзя обойтись без учёта татаро-монгольского ига и влияния монголов на нравы российского чиновного класса, а через него – и на всю элиту. В Монгольской Народной Республике, строившей под протекторатом Советского Союза социализм, в семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века была объявлена жестокая, но безуспешная борьба с двумя «*измами*» - маргашизмом и даргизмом, квалифицировавшимися как злейшие пережитки феодализма. Маргашизм был производным от слова «*маргаш*» - завтра. В чиновничьем обиходе он означал бесконечное откладывание дел с сегодня на завтра. Даргизм происходил от слова «*дарга*», равнозначного понятию вождь, лидер, босс. В чиновной практике он выливался в культ руководящего места или должности. Генеральный секретарь ЦК МНРП и председатель Президиума Великого Народного Хурала Юмжагийн Цеденбал в узком кругу своих сподвижников именовался просто даргой. Но и вчерашний рабочий на предприятии, назначенный бригадиром, мгновенно становился даргой, в том числе и для своих близких друзей. Думается, что и в российском государственном аппарате, формировавшемся во времена Василия II при непосредственном участии ханских баскаков, высокомерный дух даргизма нашёл своё воплощение. С небольшой нюансировкой в России он принял форму не столько культа места, сколько культа начальственности. Для российских «*начальников*» строгая и жёсткая дистанцированность от подчинённых на протяжении последних пятисот лет приобрела характер закона выживания и карьерного продвижения. Представитель жёстко иерархичной российской элиты немыслим без подчёркнутой строгости в своём характере и жёсткой

требовательности в своём поведении. Каждый российский начальник с вступлением на руководящую должность любого уровня обязан создать некую зону отчуждения во взаимоотношениях со своими подчинёнными. Тем самым в целом между российской элитой и российским обществом веками выстраивалась непреодолимая полоса или стена отчуждения, превратившаяся в конечном счёте в Великую китайскую стену антагонистического размежевания.

5

Незадолго до революции наш великий учёный-химик Дмитрий Менделеев заметил: «*Могу сказать, что знал на своём веку, знаю и теперь очень много государственных русских людей и с уверенностью утверждаю, что добрая их половина в Россию не верит, России не любит и народ мало понимает*». Творец знаменитой таблицы химических элементов явно поскромничал, говоря о доброй половине. Другой наш великий учёный - Владимир Вернадский уже в советское время отмечал в 1922 году: «*Все недостатки аппарата сказываются. Не коммунисты сейчас ведущие, а патриотизм народных масс. Государственный человек один Сталин. «Аппарат» ниже среднего*». Здесь уже практически весь российский руководящий аппарат (советская элита) обвиняется в негосударственном подходе к решению жизненных проблем. Но и сам Вернадский, будучи наиболее достойным представителем этой элиты, демонстрирует собственную несвободу от присущего всей российской элите смертного греха подобострастия. При нынешних либеральных порядках, возведших в культ свободолюбие и свободомыслие, этот архаичный грех должен был бы отойти в далёкое и невозвратное прошлое. Но, оказывается, не тут-то было. Петербургский режиссёр Николай Досталь уже в наши дни с горечью констатировал: «*Нам повезло с природой, масштабом, географией. С народом тоже повезло – талантов много. А с властью, с этой огромной чиновничьей армией – непруха полная. Авторитаризм, корысть, коррупция, тщеславие – вот черты российской власти*». Что это - как не та же самая неискоренимая тирания монголо-русской бюрократии, за которой, по словам Зимина, в далёком тумане вырисовывалась кровавая фигура Грозного-убийцы?!

Однако было бы методологически неправильно и исторически необъективно рассматривать российскую элиту, в том числе её высший, так называемый варяжно-интернациональный слой, исключительно в негативистском плане. Справедливости ради следует отметить, что и в западноевропейской элите своего авторитаризма, своей корысти, своей коррупции и своего тщеславия тоже хватает. Весь вопрос – в пропорциях. «*У них*», как ни крути, люди с сохранённым человеческим достоинством составляют во власти, как минимум, добрую половину. У нас же, к сожалению, пальма первенства принадлежит явно не им. Человек, близкий к властным структурам и как профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ хорошо знающий современную российскую элиту, Александр Керимов в мае 2010 года писал: «*Я далёк от мысли, что весь российский политический класс представлен исключительно людьми нечестными, малограмотными и безучастными к судьбам Родины. Напротив, полагаю, что определённая часть властвующей элиты хочет и может осуществлять руководство социумом ответственно, профессионально и на благо Отчизны*». Проблема, по его мнению, сегодня заключается не в нехватке в российской элите достойных людей, а в отсутствии кадровой политики как таковой. Люди чести и долга, рассматривающие свою практическую деятельность прежде всего как служение Отечеству, всегда занимали особое место в российской элите и российском государстве. Во все времена их было немного, и их судьба никогда не была безоблачной. Но именно они принесли наибольшую пользу России, спасая её в годины великих испытаний. Не будь Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Столыпина и Косыгина, Жукова и плеяды прославленных советских военачальников, судьба России наверняка была бы иной, а сама она никогда не стала бы

великой державой. Большую роль в истории России играла и продолжает играть так называемая духовная аристократия. Великие её подвижники - аскетичные монахи, высоконравственные святые старцы, выдающиеся поэты, писатели, мыслители, служа не царю, а Отечеству и своей совести, создали великую русскую и российскую культуру, отобразившую необычайную талантливость русского народа и других народов, населяющих нашу страну.

Русский народ всегда различал место и человека. Говоря «*не человек местом красится, а место человеком*», народные мудрецы признавали большую притягательность высоких государственных должностей и возможность их занятия недостойными людьми, прикрывающими значимостью начальственного места свои личные пороки и недостатки. Но мудрецы отдавали явное предпочтение человеку, который сам украшает государственно значимую должность, принося пользу народу и Отечеству. Ничего не имел русский народ и против занимающих высокие государственные посты знатных бояр, заявляя, что «*без правды боярской царь бога прогневил*». Но и здесь он делал упор не на самих боярах, а на правде боярской, долженствующей раскрывать глаза государю на истинное положение народа и государства. Как некую драгоценность среди своих пословиц хранит до сих пор русский народ девиз князя Александра Невского – «*не в силе бог, а в правде*». Русские государи в свою очередь высоко ценили помощь и действительные заслуги российской элиты, в которой они видели опору своей власти. Прославленный князь Московский Дмитрий Донской, испытавший честь, достоинство и мужество русской знати в смертельной схватке с татаро-монголами, завещал своим преемникам: «*Бояре свои любите и честь им достоину воздаите противу служениа их, без воля их ничто же створити*». Презирающий за личностное ничтожество Василия II советский историк Александр Зимин вынужден признать, что вокруг него «*можно найти много ярких государственных мужей и военачальников*» и что военно-служилая масса была «*самым решительным и грозным противником галицких князей*», выступавших против Москвы. Сохраняется предание о том, что в намного более поздние времена, уже почти в канун революции, пожелавший уйти в монастырь молодой великий князь Константин Романов (будущий поэт, писавший под псевдонимом «*К.Р.*») получил от отца следующий ответ: «*Костя, если мы все уйдём в монастырь, кто будет служить России?*». Предполагалось тем самым, что именно все честные и порядочные люди в российской элите должны отдавать силы и посвящать свою жизнь беззаветному служению России.

6

Говоря о представителях российской элиты как о людях иной душевной и нервной организации, иного жизненного напряжения и ритма, предназначенных для высшего труда и качественного служения, Иван Ильин подчёркивал, что принадлежность к ведущему слою «*есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности*». Сегодня Россия столкнулась с тем, что наиболее влиятельная, либеральная часть её элиты, цинично переступая через свой долг и пренебрегая своим предназначением, рассматривает свои высокие государственные и общественные посты именно как привилегию, не сопряжённую с ответственностью за вверяемые её попечению дела. Шахматист Анатолий Карпов, имея в виду прежде всего элиту, прямо говорит: «*У нас страна сплошной безответственности и безнаказанности*». Закон самосохранения элит, открытый западноевропейскими политологами и социологами, заключается в естественном и непрерывном их пополнении за счёт наиболее профессионально подготовленных, ментально продвинутых и морально авторитетных представителей общества. Главной же проблемой современной российской элиты является именно то, что она, по словам Александра Керимова, «*буквально с каждым днём становится всё более и более закрытой*» и тем самым неспособной к обновлению. Над смысловым содержанием

преобразования и оздоровления российской элиты размышляли и продолжают размышлять многие её представители. Но важны уже не столько рецепты, сколько желание самого больного лечиться и демонстрировать волю к жизни. Пока же мы наблюдаем лишь факт стремительного нарастания количества серьёзных социальных проблем, недвусмысленно свидетельствующих о глубоком кризисе российской элиты, её серьёзной и опасной болезни, но не видим стремления самой элиты к безотлагательному и комплексному лечению своего слабеющего организма.

Все социальные и политические симптомы указывают на то, что либеральная российская элита в угоду своим политическим амбициям и разрастающимся как снежный ком меркантильным интересам занимается сейчас грубой ломкой вековых национальных традиций, нуждающихся в демократическом реформировании, но не допускающих их полной замены чужими доктринами и догматами. Вторжение радикал-либералов в сферу, запретную для политики и политиков, проявление откровенного цинизма в духовной области – это уже не политика, а провокация, открытый вызов власти и народу. Не очень жалующий Россию по причине наличия в ней лишь «*осколков европейского менталитета*» президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока Евгений Сатановский выражает серьёзную обеспокоенность тем, что в современной России растёт число «*образованных, амбициозных людей, которые не удовлетворены своим местом в обществе*». Не российский народ, а именно их он полагает главной движущей силой российского общества, способной спровоцировать в России очередную революцию. «*Те, кто мечтают сегодня о русском бунте, наверное, забыли об участи петербургских интеллигентов начала XX века*», - выливает он ушат холодной воды на горячие головы представителей российского общества, которым закрыт ныне путь в элиту и которые действительно способны, по его мнению, делать революции. Получается парадоксальная ситуация. С одной стороны, идеологи либеральной российской элиты, понимая всю взрывоопасность нынешней политической ситуации в России, урезонивают наиболее активную часть элиты умерить свои амбиции, напоминая о смертельных издержках русского бунта. С другой же стороны, вся основная масса либеральной элиты всё больше и всё жёстче отстаивает свои привилегии, не допуская притока во власть и в свои собственные ряды новых сил и тем самым, по сути, провоцируя этот русский бунт.

У реальных событий в России имеется своя глубоко скрытая и практически неуловимая логика. Но логика эта вовсе не ментальная, а сугубо событийная. Цепь внутренне противоречивых, не поддающихся обычной логике событий рождает в свою очередь весьма странное и противоречивое итоговое масштабное событие, предсказать которое невозможно именно в силу его странности и кажущейся противоречивости. «*У нас элиту,* - отмечала Е. Черникова, - *числят всё-таки не только по деньгам и чиновным креслам, а ещё и по гениям и умам, а это, как ни пиарь пустяки, всё равно проступит*». Самое примечательное в этих словах то, что все нынешние миллиардные состояния и наивлиятельнейшие чиновные кресла, включая, по-видимому, и высшие посты в государстве, Черникова относит к пустякам, а подлинными ценностями считает исключительно российских гениев и российские умы. Утопизм? Да, чистейшей воды идеализм. Но только в глазах меркантильного и прагматичного англосаксонского Запада. Для России же, в которой, как ни крути, Бог, душа и совесть определяют весь смысл человеческого земного существования, это самая настоящая реальность. Причём именно та реальность, которую только в самом конце и очень поздно для себя начали прозревать большевики-коммунисты и которую никак не хотят понять и принять в расчёт пришедшие им на смену радикал-либералы, наступающие на те же самые большевистские грабли.

7

В российской власти, как и в обычном деревенском доме, есть две главные «*половины*» - мужская и женская. Мужскую половину, естественно, олицетворяет

мужчина, муж; женскую – женщина, жена. Эти русские половины, в отличие от монгольской юрты, имеют не территориальный, а смысловой характер. Попросту говоря, это достаточно твёрдое и точное рапределение ответственности за общие дела семьи. При этом на главу семьи возлагается ответственность не только за чисто мужские дела, но и за всю обстановку в доме и вне его, то есть за общее состояние дел. В государственном русско-российском доме всегда был главным государь, который мыслился в народе как подлинный муж, настоящий мужчина, рачительный хозяин и мудрая голова. «*Муж в дому, что глава (что крест) на церкви*», - утверждает русская пословица. Уподобление мужа (в нашем понимании – государя) церковному куполу и даже церковному кресту – вовсе не святотатство. Наоборот, это возвышение в высшей мере ответственного земного человека до божественного уровня. При наличии в доме-государстве такого мужа дом-государство не только становится храмом, но и сам храм получает как бы освящённое завершение. В отсутствие же подлинного мужа во главе дома-государства этот дом, если и сохраняет форму условно демократического храма, то не имеет не только необходимого для нормальной жизни завершения, но и теряет всю свою святость, свою обожествлённость.

Слова элита, знать вовсе не случайно имеют в русском языке женский род. Они и в понятийной своей сущности - тоже сугубо женственные. «*Жена мужа почитай, как крест на главе*», - гласит русская пословица. Роль жены определяется в ней как вторичная, зависимая и покорная. Те, кто видят в элите некий символ мужества, несгибаемого достоинства и движущую силу реальной демократии, глубоко ошибаются в оценке характера даже склонной к отстаиванию своего снобизма западноевропейской элиты. Оппонируя реальным держателям власти, самый демократичный представитель западноевропейской элиты принципы демократии использует вовсе не в интересах народа, а исключительно для усиления своих личных властных функций и полномочий. Разумеется, в непрерывной борьбе конкретных властителей и сплочённых элит что-то перепадало и народу, но исключительно по остаточному принципу – какие-то крохи с барского стола. В России даже этого не происходит. Все демократические крохи в силу парадоксальности российского традиционализма русско-российский народ получал исключительно сверху, причём не от элиты, а именно от государя, который каждый раз буквально вырывал уступки для народа у жадной и консервативной российской знати. Достаточно внимательно просмотреть документы реформаторской эпохи Александра II и почитать «*Дневник*» министра внутренних дел Петра Валуева, чтобы заметить, насколько отличались своим большим демократизмом первичные наработки специально созданной Комиссии и как они были подкорректированы в конечном счёте в пользу российской знати, оказавшей беспримерное давление и на Комиссию, и на самого государя. Специфика российской знати-элиты заключается в том, что она всегда была враждебна обществу и народу, покорялась только силе и твёрдости государей и всеми способами стремилась ослабить центральную власть, чтобы реально править самой, но при этом не нести никакой ответственности.

Возвращаясь к определению Ивана Ильина представителей российской элиты как людей иной душевной и нервной организации, иного жизненного напряжения и ритма, предназначенных для высшего труда и качественного служения, я вынужден констатировать, что нынешняя российская элита вовсе не соответствует этому эталону. Да, может быть, она живёт более напряжённо и в более быстром ритме, чем обычные представители общества и народа. Может быть, она вынуждена больше нервничать и тратить больше душевных сил опять-таки исключительно по сравнению с простыми людьми. Но вся её бурнокипучая, показная деятельность явно не дотягивает до высшей организации труда и, уж тем более, не являет собой пример качественного служения народу и Отечеству. Всемерно ослабляя власть современного российского государя и российского государства в целом, либеральная российская элита-знать имела бы оправдание своей разрушительной деятельности только в том случае, если бы

компенсировала этот свой грех повышением собственной ответственности перед обществом и народом. А так как она не берёт на себя никаких обязательств, предпочитая быть лишь «*шеей*», которая безответственно крутит «*головой*», и продолжая настаивать на дальнейшей разбалансировке государства и общества, то дальнейшее попустительство либерализму становится смертельно опасным для нашей страны. Выход из этой гибельной для всех ситуации в России традиционен: либо государь как глава современного российского государства по-старому призывает сформированную им же самим элиту к общегражданскому порядку, напоминая о том, кто в доме хозяин, либо народ по-новому демонстрирует свою суверенную волю, призывая к порядку уже и элиту, и государя. В любом случае элита в России должна знать своё вторичное место в российском государстве и играть свою исключительно подсобную, сугубо служебную роль.

* * *

Из сотен русских сказок в сборнике А.Н. Афанасьева применительно к российской элите больше всего подходит сказка «*Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что*». По своему сюжету – это сказка о холостом-неженатом короле, стрельце-молодце Федоте, самом метком и удачливом из целой роты королевских стрельцов, завистливом коменданте, который «*завсегда*» при короле находился и умнице-красавице Федотовой жене. Сказочную коварную интригу затеял комендант, который не только пил и ел за королевским столом, но и обделывал для короля разного рода дела и делишки, не забывая о личной выгоде. Заприметив у Федота красавицу-жену, комендант извёлся думой: «*Где это видано, где это слыхано, чтобы простой солдат да таким сокровищем владал?*». Естественно, он тут же поделился этой весьма благородной мыслью с королём, а у того сразу «*защемила зазноба сердечная*». Король отдаёт интенданту поручение извести мужа, потому что сам на ней жениться хочет. «*А не изведёшь,* - грозно говорит король, - *пеняй на себя; хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!*». Интендант для исполнения королевского указа заручается поддержкой бабы-яги, которая и присоветовала дать Федоту неисполнимую задачу: «*пусть пошлёт он стрельца туда – не знаю куда, принести то – не знаю что*». Но стрельчиха-красавица, будучи верной женой, выручает мужа, причём не без помощи добрых людей, разного рода презренных тварей и уставшего служить неблагодарным людям могучего духа Шмат-разума. В итоге тиран-король гибнет, став жертвой собственной коварной интриги, народ просит стрельца взять в свои руки всё государство, Федот делается королём, а жена его – королевою.

В этой сказке символики, намёков и сопоставлений с реальной действительностью огромное множество. Чтобы снять с себя всякого рода подозрения и обвинения, мудрец-сказочник говорит о «*некотором государстве*» и именует его государя «*королём*», хотя русским слушателям понятно, что речь идёт именно о царе. Федот выделяется из роты стрельцов не только меткостью и добычливостью, ежедневно обеспечивая королевскую кухню дичью, но и всеми положительными человеческими качествами. Получается один на сто: один порядочный – на сотню «*подручных мясника*». Комендант, на которого «*генеральский чин положон*», обуреваемый завистью, доносит королю на стрельца даже не ради выгоды, а сугубо из спеси: не положено простому солдату владеть таким сокровищем, которого нет даже у высшего государева слуги. По-видимому, если бы государь оказался порядочнее, комендант и без его указа извёл бы в конце концов стрельца, так как «*совсем не свой сделался*», помешавшись на мысли об удачливом стрельце. Давая стрельцу задания, одно другого труднее, а затем и вовсе неисполнимое, король и комендант ищут формальной зацепки, чтобы казнить стрельца: либо за отказ исполнить приказ, либо за вынужденное неисполнение приказа. Все, кто когда-нибудь и где-нибудь служил, прекрасно знают эту российскую начальственную уловку в отношении опального подчинённого, заключающуюся в непрерывном провоцировании его на нарушение устава. Вполне соответствует правилам российской элитной игры и то, что к исполнению грязных дел привлекается баба-яга,

олицетворяющая всё самое злобное и дурное в российской действительности. Но традиционно для России и то, что вокруг опальных представителей российской элиты непременно образуется активная и сноровистая группа поддержки, состоящая, как правило, из всякого рода маргиналов, которые в конце концов и приводят к власти борца за правду.

Основная мораль сказки – гимн во славу добра. Это - вечная тема всех баек русских сказочников и главная идея того, ради чего на Руси стоит жить и государю служить. Главная беда сказочного короля для него самого и для русского сказочника заключалась в том, что он был холост, а потому не мог не влюбиться в такую красавицу, какой до сих пор не встречал. Не будь он королём, может быть, и унял бы свою страсть. Но государи не такие – они не терпят у других то, чего у них нет. Король, по сути, становится заложником своей страстной любви и собственного горделивого величия. Совсем иное дело – комендант, олицетворяющий, по сути, всю российскую элиту. Его главными двигателями являются корысть, зависть и злоба. Обуреваемый этими человеконенавистническими чувствами, он готов служить не только королю, но и самому дьяволу, лишь бы отстоять свою сытую жизнь и королевские привилегии. Оставив стрельца и его жену в покое, он мог бы и дальше наживаться на разного рода диковинах, создаваемых руками прекрасной стрельчихи, символизирующей вместе со своим отважным мужем весь российский народ. Но сама мысль о какой бы то ни было зависимости от народа для коменданта невыносима. Она, эта порочная мысль, и приводит коменданта к сотворению и всемерному отстаиванию зла. Примечательно то, что в финале сказки гибнет только король, а комендант вовсе не упоминается. В этом тоже, может быть, у сказочника был свой мудрый умысел. Ведь короли, как правило, приходят и уходят, а коменданты остаются при них вечно. Правда, остаётся слабая надежда на то, что при добром короле и его комендант подобреет.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО – ЛОНО ИЛИ УТРОБА?

Каково аукнешь, таково и откликнется.
Что всем, то и одному. Что одному, то и всем.
Коли всем миром воздохнут, и до царя слухи дойдут.

Русские пословицы

1

Российская элита при всей кажущейся её самодостаточности и склонности к самоконсервации на самом деле представляет собой лишь сравнительно небольшую часть более крупного явления, именуемого российским обществом. В индивидуальном плане все представители российской элиты, включая влиятельнейших временщиков, так или иначе выходят именно из российского общества и возвращаются в него на разных этапах своей служебной карьеры. Причём покидают общество победоносно и торжествующе, а возвращаются с серьёзно подрезанными крыльями. Их возвращение в общество носит на себе печать вынужденности и катастрофичности. Будучи обломками элиты (неким нерастворимым общественным осадком), они доживают свой век среди обычных людей в мрачном одиночестве как символы наглядного предостережения амбициозным членам общества о переменчивости человеческой судьбы и небезопасности слишком тесного сближения с венценосной особой. Несмотря на то, что пополнение российской элиты происходит исключительно по воле первого лица в государстве или его приближённых, сам переход того или иного члена российского общества в российскую элиту есть в своей сути не что иное, как делегирование обществом наверх своего представителя. Причём

каждый раз с неиссякаемой надеждой на то, что именно он, именно этот новый представитель общественности, честно и добросовестно служа государю, донесёт до него без искажений смысл общественных чаяний и станет, хотя бы на краткий миг, рупором общественного мнения. Трагизм возвращенцев и для них самих, и для российского общества заключается в том, что их личностное фиаско сопряжено, как правило, с невыполнением ими возлагавшегося на них общественного долга. В безумной погоне за личным успехом эти люди слишком рьяно демонстрируют в рядах российской элиты полное забвение и презрение ко всему самому сокровенному, чем живёт делегировавшее их общество. Снисходя к личному горю повергнутого кумира, великодушное российское общество, как правило, не бьёт «*лежачего*» напоминанием о его предательстве, но и не прощает его измены. Покой низвергнутых обратно в общество элитных временщиков Никиты Хрущёва и Михаила Горбачёва является наглядным примером общественного упокоения политических трупов - живых людей, ставших урнами праха общественных надежд и человеческих чаяний.

Учёный мир относит общество к основополагающей категории философии и социологии. В самом широком плане понятие общества трактуется как приблизительно и произвольно очерченный круг людей, объединённых некой общностью. Например, в марксистском понимании под обществом подразумевалась совокупность людей, объединённых общими конкретно-историческими условиями материальной жизни. Эта человеческая совокупность подразделялась марксистами на первобытное, феодальное, капиталистическое (буржуазное), социалистическое (советское) и будущее (коммунистическое) общества. К произвольности здесь следует отнести жёсткий упор исключительно на материальной стороне жизни людей. Приблизительность же проистекает из того факта, что люди редко укладываются в строго очерченные схематические рамки. В более усложнённой (а в чём-то и более упрощённой) современной трактовке общество (на западный манер - «*социум*») представляет собой понятие, означающее группу людей, характеризующуюся общими интересами и могущую иметь отличительную культуру и учреждения. Конкретизируя эту весьма размытую и крайне неуверенную формулировку, социологи допускают правомочность объяснения общества как «*организованной группы людей, связанных вместе в религиозных, доброжелательных, культурных, научных, политических, экономических, патриотических, региональных или других целях*». Здесь интересы заменяются целями (среди которых особенно впечатляют – «*доброжелательные*»), простая группа - организованной группой людей, а само общество уподобляется итальянской пицце, при изготовлении которой можно употребить все подручные пищевые компоненты. И уж совсем сложным и в общеупотребительном смысле курьёзным представляется приведённое в Интернете определение общества Н. Луманом. Общество (или социокультуросфера) в его научном понимании есть «*самореферентная система, базирующаяся на смысловой коммуникации акторов и закрытая относительно смыслового содержания коммуникации, т.е. семантически замкнутая, автопоэзийная система*». Расшифровка этой словесной абракадабры, предельно затрудняющей прочтение вполне здравомысленных идей, разумеется, для специалистов не представляет особого труда, хотя и провоцирует серьёзное напряжение мысли. Однако сам этот нарочито усложнённый код доказывает, что модная ныне наука социология, призванная специализированно решать наиболее острые проблемы современного социума, к живому общественному организму имеет весьма опосредованное меньшее отношение, всё больше вырождаясь в ещё одну игрушку учёного сообщества.

Русско-российский подход к раскрытию понятия общества принципиально отличается от принятой на Западе методологии. Для французов, например, общество есть просто «*societe*» - без лишних толкований. В качестве примера даются «*la societe feodale*» (феодальное общество), «*une societe anonyme*» (акционерное общество) и «*une societe sportive*» (спортивное общество). Однако уже в прилагательном «*social*» («*социальный*»)

фактор собственно общественный (как одушевлённого организма) куда-то исчезает, уступая место сухой абстрактной терминологичности. Заимствовав у французов термин «*social*», англичане включили в понятие общества («*society*») такие его аналогии, как общественность, свет, светское общество, общество, объединение, организация. При некотором расширении англичанами понятия общества принципиального отличия от рациональной французской методологии здесь нет, так как общественность, свет, объединение, организация есть вовсе не подразделения более ёмкого понятия, а лишь дополнительные термины общества, как бы не нуждающиеся в собственной расшифровке. В русской трактовке, наоборот, преобладает не терминологичность, а именно органика, предельная приближённость к реальной действительности, расцвеченной богатой нюансировкой. Непосредственно под русским (российским) обществом Владимир Даль понимал «*собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями*» и подразделяющееся на гражданское, дворянское, купеческое и иные общества. При этом Даль особо выделял крестьянское общество или мир, «*обчество*», в которое включал собрание всех домохозяев, кому на миру, на сходке дано право голоса. Помимо более усложнённой нюансировки, в далевском толковании бросается в глаза повышенная эмоциональность, даже элемент некой сентиментальности, совершенно не свойственной бесстрастной западной терминологичности.

2

Как любое сущностное явление российское общество имеет в реальной действительности своё цельное, сферическое (применительно к сферам деятельности) ментально-духовное воплощение, но с очень размытыми внешними контурами. Эта размытость граней, с одной стороны, затрудняет точное выявление и чёткое определение его сущности, но, с другой стороны, позволяет самому явлению российского общества в реальной жизни плавно перетекать в другие значимые народно-национальные явления и получать из них необходимые для себя импульсы. При таком его текучем свойстве легче охарактеризовать то, чем не является российское общество, чем то, что оно собой представляет. В первую очередь российское общество ни в коем случае не является органом власти. Для власти российское общество скорее головная боль, чем практическое подспорье, больше раздражитель, чем успокоитель, скорее помеха, чем верный слуга. Совершенно неадекватно российское общество и чиновно-бюрократическому классу. Даже самые низшие чины служебного аппарата стараются дистанцироваться от представителей общественности, воспринимая их подобно тому, как солдат регулярной армии смотрит на партизана - с подозрением, пренебрежением и чувством собственного превосходства. Нельзя спутать подлинного представителя российской общественности и с так называемым официозом. Несмотря на то, что точка зрения властей формулируется профессиональными журналистами, их коллеги, выражающие общественное мнение, скорее пойдут наперекор здравому смыслу, чем покроют себя позором соглашательства с рупорами властей предержащих.

Уже в английском варианте трактовки общества в одном из его определений подчёркивается его светский характер. В российском восприятии российское общество является не просто светским, но подчёркнуто светским. Представитель российской общественности, даже будучи внутренне глубоко религиозным человеком (каковым был, например, Александр Пушкин), предпочтёт, подобно Льву Толстому, ментальное бунтарство пассивному следованию в глубоком и тесном для него русле церковных догматов. Ничего общего не имеет российское общество и с таким по-своему специфическим явлением, как сфера бизнеса. Даже в нынешних либерально-демократических условиях, навязывающих российскому обществу законы рынка и побуждающему представителей общественности зарабатывать деньги, во всех уставных документах общественных организаций подчёркивается, что они являются

некоммерческими структурами. И, наконец, российское общество, исторически отпочковавшееся от русско-российского народа, имеет и здесь свою точку отрыва, настаивая на своём коренном отличии от народной массы. Даже истинный народник и несомненный общественник Владимир Даль при характеристике русско-российского общества не решился объединить собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями вместе с крестьянским обществом, выделив последнее особо - как «*мир*» и как весьма специфичное «*собрание домохозяев*».

Российское общество как цельная совокупность имеет свои структурные подразделения, которые, будучи дробными, не имеют права претендовать на подмену собой всей органики общества. При характеристике так называемого советского общества марксистская политология прежде всего выделяла некую общественность, под коей понималась «*передовая часть, передовые круги общества, выражающие общественное мнение*». Общественник же трактовался ею как человек, активно участвующий в общественной жизни. По сути, это было стремление каким-то особым образом обозначить коммунистическую партию и её членов, которые вроде бы представляли советское общество, но отличались высшей качественностью и активностью. Во времена Даля понятие общественности ещё не отстоялось, но общественник уже был, и он определялся как человек, «*к обществу, общине, принадлежащий, общник, член, собрат по сословию*». Таким образом Даль видел в общественности лишь её производность от общества, а марксисты, противопоставляя общественность обществу, наделяли эту особую категорию представителей общества правом выражать и формировать общественное мнение. Тем самым марксистская трактовка общественности выводит её не только в качестве структурного подразделения общества, но и выделяет как бы особую сферу в обществе, формирующую общественное мнение.

3

По сравнению с Западом как таковое российское общество появилось в России поздно – в начале восемнадцатого века. Причём его формирование было специфически российским – исключительно сверху и исключительно по инициативе императора-реформатора Петра Первого. Всерьёз занявшись образованием и просвещением дворянства, Пётр издал указ, по которому дворянин, по свидетельству историка Дмитрия Иловайского, не имел права жениться до тех пор, пока не выучится грамоте. Одновременно российский государь восстал против затворничества русских женщин, а потому «*старался о развитии общественной жизни*». С этой целью Пётр ввёл в практику проведение так называемых ассамблей, суть которых сводилась к тому, что зимой вельможи и другие зажиточные люди должны были в определённые дни принимать у себя гостей, званых и незваных. В описании камер-юнкера голштинского герцога Беркгольца эти общественные ассамблеи двадцатых годов восемнадцатого столетия выглядели весьма забавно. «*В танцевальной комнате,* - отмечал он в своём дневнике, - *где присутствуют дамы, мужчины курят табак, играют в шашки…; дамы всегда сидят отдельно от мужчин…; когда не танцуют, все сидят как немые и только смотрят друг на друга*». Серьёзный импульс к своему активному развитию (и опять-таки сверху) российское общество получило во второй половине того же столетия, когда добродушный и недальновидный Пётр III даровал в 1762 году дворянству вольность, и оно получило право служить только по своей охоте. С этого момента, и особенно в правление Екатерины II, дворяне, приобретшие независимую материальную базу для своего безбедного существования и бесконечный досуг, стремились максимально использовать их для расширения личных контактов и восполнения пробелов в своём образовании и воспитании. Большое влияние на высшие классы общества в это время оказывали французские светские обычаи и французская литература.

Однако уже при Екатерине российское общество, пока ещё не входя в прямой антагонизм с властями, начинает свою самостоятельную жизнь, не совпадающую ни с видами российской государыни, ни с высокомерно-раболепным поведенческим стереотипом российской элиты. Основанное в 1871 году по инициативе Николая Новикова «*Дружеское учёное Общество*» осуществляло переводы и печатание книг для народа, продажу их по дешёвым ценам и даже их даровую раздачу, а также помощь бедным молодым людям, желающим учиться. Несмотря на то, что новиковское и другие частные общества оказывали самое благотворное влияние на молодое поколение (а, скорее всего, именно в силу этого), их деятельность начинает подвергаться серьёзным стеснениям со стороны властей, а сам Новиков в конце царствования Екатерины был арестован и заключён в Шлиссельбургскую крепость. К середине девятнадцатого века российское общество приобрело тот внешний вид и то своё качество, которые сохранялись до конца существования российской империи и недостатки которого не могли не оказать своего негативного воздействия на характер её крушения. Долженствующее быть в идеале неким единым духовно-культурным организмом российское общество фактически распалось на идеологически замкнутые и сословно обособленные социальные структуры – дворянское общество, крестьянское общество и так называемое городское общество.

Игравшая ведущую роль в российском обществе дворянская его часть, несмотря на дарованную дворянам вольность, так и не получила полной свободы и независимости от властей. Для того чтобы иметь право голоса в дворянском собрании (организационная форма дворянского общества), его полноправный член должен был иметь хотя бы первый чин, то есть обладать опытом служения властям. Это не могло не наложить соответствующий служебный отпечаток на поведение и образ мыслей всего дворянского общества. К тому же родовое дворянство обильно разбавлялось разного рода низовыми элементами (потомками приказного люда, детьми белого духовенства, иностранцами), которые, получая за безупречную службу дворянский титул, привносили в дворянское общество несвойственные ему нравы. Даже во времена Пушкина, Гоголя, Грибоедова и Крылова, стремившихся всемерно развить в российском обществе здравомыслие и высокие нравственные понятия, фактическими законодателями морально-этической моды в дворянском обществе являлись писатели, журналисты и иные «*просветители*» народа, своим интеллектом не возвышавшиеся над общим уровнем полуобразованной массы и поощрявшие в российском обществе излишнее самодовольство. Заброшенное дворянским обществом и предоставленное полностью самому себе крестьянское общество сохраняло приверженность своим вековым обычаям, понятиям и преданиям. Ограниченные неизменной бедностью и неизбывной простотой сельского уклада жизни, его нравы и увеселения отличались грубостью и однообразием, сдабриваемым водкой, кулачными боями и примитивными хороводами. При неискоренённой среди сельского населения неграмотности главное удовлетворение для своей духовной потребности крестьяне находили в сказках, песнях и других видах устного народного творчества. Состоявшее в основном из купцов, мещан и цеховых городское общество своими нравами и обычаями было ближе к крестьянам, чем к дворянам. Это общество отличалось, по характеристике Иловайского, поверхностным просвещением, малым развитием чувства законности и недостатком добросовестности.

4

При таком раскладе дореволюционные городское и крестьянское общества вряд ли можно назвать полноценными структурами российского общества в собственном смысле этого понятия. Скорее, это были некие суррогаты или подражательные подобия общества - сословные общности, пребывающие в зародышевом состоянии. Собственно российское общество формировало в первую очередь привилегированное неподатное

сословие (дворяне, чиновники, разночинцы, духовенство). Именно они составляли образованный класс России и культивировали свои собственные духовные и этические ценности, резко контрастировавшие с нравами полуграмотных городских низов и почти сплошь безграмотных сельских жителей. А учитывая то, что не только сами дворяне, но также горожане и сельские жители были так или иначе нацелены на удовлетворение духовных потребностей привилегированного дворянского сословия, то дворянское общество в дореволюционной России и следует признать не только ядром российского общества как такового, но и едва ли не всей его составляющей. Будучи лоном российской культуры, российское дворянство в своей сути было не лишено определённой «*утробности*», ибо не только в материальном, но и в духовном плане паразитировало на труде и культуре низших классов. Дорожа званием образованного общества, дореволюционные дворяне трепетно относились к своему духовному самосовершенствованию. Они придавали большое значение изучению основных европейских языков, приобщению к мировой музыкальной, театральной и художественной культуре. Однако на первое место в самовоспитании и самообразовании членов дворянского общества ставились литература и история российского государства. Талантливый литератор был в России не мимолётным, быстропреходящим кумиром скучающей салонной публики, но являлся нравственным маяком всего российского общества, главным мерилом подлинной образованности.

Самое удивительное в этом специфически российском явлении заключается в том, что преклонение перед поэтом, писателем, литератором вообще, несмотря на крушение царизма и фактическое уничтожение всего дворянского сословия, в пришедшем ему на смену советском обществе не только не исчезло, но возродилось с новой силой. Причём уже не в узко сословном, а в общенациональном масштабе. Вышедшая из разных структур российского общества (в том числе и из самых низовых) плеяда российских революционеров во главе с Лениным за счёт самообразования в короткий срок овладела последними наработками западноевропейской философской и гуманитарной научной мысли. Самый последний из них, недоучившийся семинарист Иосиф Сталин поражал современников не только своими личными тираническими наклонностями, но и неподдельным интересом к качественной литературе и классическому искусству, их тонким пониманием и своеобразным (с учётом идеологии), но несомненным вкусом. Именно ему во многом было обязано зарождавшееся советское общество полномасштабной культурной революцией, превратившей страну не просто в общество сплошной грамотности, но в том числе и в высокообразованное сообщество со значительной прослойкой людей, обладавших развитой личностной интеллигентностью. Накануне развала Советского Союза и крушения коммунистического режима, в начале восьмидесятых годов прошлого века, английский актёр и писатель Питер Устинов в беседе с советским журналистом Владимиром Большаковым отмечал, что русские, как ни один другой народ, чрезвычайно серьёзно относятся к своей литературе и своему искусству. «*На Западе,* - подчёркивал он, - *такое невозможно. Тут творческую интеллигенцию высоко не ставят*». Думается, разница заключается в том, что на Западе разношёрстное демократизированное общество творит своим потребительским спросом собственную литературу и своё искусство, вынося за рамки своего интереса всё слишком серьёзное. В России же так повелось, что именно лучшая литература и качественное искусство творили элитные общественные слои – своего рода аристократию духа, формировавшую в конечном счёте основные ментальные и духовные ценности всего российского общества. Так было в ныне отверженное советское время. Так потихоньку, под яростные вопли либеральных хулителей российских духовных традиций, происходит и сегодня. И не может быть иначе, потому что это для России закономерный процесс. Чтобы его изменить, нужно уничтожить не какой-то отдельно взятый строй, а саму Россию.

Вообще говоря, следует отметить, что Россия делала мощные рывки в своём поступательном развитии именно в те времена, когда во главе неё становились государственные личности, опережавшие российское общество в своей ментальной и духовной качественности, но соответствовавшие его внутреннему потенциалу. Что бы ни говорилось ныне о методах Ивана Грозного или Петра Первого (а они действительно были варварскими – в духе страны и времени), не подлежит сомнению, что и тот, и другой к моменту начатых ими крутых преобразований страны и общества подошли с высоким уровнем своего личного самообразования и, по сути, были духовными лидерами современного им российского общества. Как никто другой из русских государей к масштабным реформам страны и российского общества был приуготовлен Александр II, наставником которого в юные годы был образованнейший поэт и писатель Василий Жуковский, положивший в основу просвещения и духовного становления будущего наследника трона принцип – образование для добродетели. И, наоборот, Россия коснела, хирела и в конце концов разваливалась под управлением людей полуобразованных, случайно пришедших к власти, бесконечно конфликтовавших с обществом и поддерживавших свой личный авторитет исключительно силой данной им власти. В дореволюционной России заслуживают быть отмеченными в этом плане Николай I, Александр III и Николай II, в советское время – Никита Хрущёв, Леонид Брежнев и Михаил Горбачёв, в либерально-демократическую эпоху – классический невежа с крутым характером Борис Ельцин.

5

Любопытно сопоставить также специфическое отношение к российскому обществу со стороны представителей российской элиты в разные эпохи российской истории. Российская элита всегда отдавала себе отчёт в том, что не может полностью освободиться от влияния российского общества. В силу этого она стремилась так или иначе участвовать в нём, но обычно входила в этот духовный монастырь со своим уставом. Элита создавала в российском обществе некие ментально-духовные анклавы, ориентированные на ту или иную заграничную культуру. В дореволюционной России в российской элите было, например, модно изображать салонное французское общество, базировавшееся на безукоризненном французском языке, последних образцах парижской моды, изысканных манерах французской аристократии, избыточном лёгком остроумии и галантном отношении к светским дамам. Показателен в этом плане петербургский салон мадам Шерер, высмеянный Львом Толстым в его «*Войне и мире*». В советское время, разумеется, ни о каких салонах не могло быть и речи. Тем не менее, советская элита (высшие номенклатурные круги) создала некую собственную камерность, в какой-то мере схожую с дореволюционной салонностью. Может быть, под влиянием личного примера основоположников марксизма-ленинизма - Карла Маркса и Фридриха Энгельса, не только разработавших теорию построения социалистического и коммунистического общества, но и задавших тон жёсткой критике капиталистической (буржуазной) действительности, высший слой советской элиты незаметно для себя выработал манеры некоего немецкого общества. Его отличали подчёркнутая серьёзность, нескрываемое самодовольство, тяжеловесная церемонность взаимоотношений, мелкотемье бытовых рассуждений, но с элементами марксистско-ленинской философичности. Нынешняя либеральная российская элита сделала ставку на культивирование в своей среде черт так называемого английского общества. Его эталоном является подражательный английский клуб - исключительно богатый, чопорно-снобистский, жёстко закрытого типа, идеально сориентированный на ведение деловых переговоров и заключение бизнес-соглашений, сугубо мужской, подчёркнуто изолированный от женщин, высокомерно возвышающийся над женским обществом.

В отличие от российской элиты собственно российское общество традиционно для себя на протяжении всего своего существования было привержено противоречивой либерально-патриотической смеси взглядов и настроений. Довлеющим был, разумеется, патриотизм – желание блага народу и Отечеству. Но в интеллигентской среде, задающей тон настроениям всего российского общества, понимание патриотизма было и остаётся весьма своеобразным. Сотканная из творческих личностей и в силу этого весьма ранимая в своих чувствах русская и российская интеллигенция в целом всегда жаждала от властей некоего туманного признания. Не получая его в максималистском объёме, она впадала в личностные обиды и критицизм оппозиционного толка. И получался некий постоянный круговорот взаимного недовольства. С одной стороны, Лев Аннинский говорит об оппозиции властям как о социальной аксиоме, составляющей, по его мнению, черту не только русского интеллигента, но русского человека вообще. С другой же стороны, Питер Устинов не менее категорично обвиняет власти в том, что на Руси они издавна преследовали творческую интеллигенцию. Раскрывая внутренние пружины вечной интеллигентской оппозиционности, Иван Ильин с долей самоиронии писал: «*Ах, как мы чувствительны, как чутки, когда это касается нашего личного. Чувствуешь себя недооценённым; втайне составляешь длинный счёт*». Этот счёт обычно предъявлялся властям просвещёнными представителями российского общества в форме сопоставлений – «*у нас*» и «*у них*». Причём у вечно обиженных интеллигентов итог всегда получался не в пользу «*нас*». А потому интеллигенция резонно, с её точки зрения, предлагала и ныне предлагает властям разные варианты улучшений прозападного толка - весьма разнообразные, противоречащие друг другу и, как правило, не вписывающиеся в реальную российскую действительность. Суть их неизменно сводилась к одному – к увеличению общей массы и расширению сфер применения разного рода свобод. При этом пафосный упор делался и делается ныне на необходимости раскрепощения народа, но фактически речь всегда шла прежде всего о свободе творчества вообще и полной независимости творческой личности в частности.

«*Некоторые публицисты и историки*, - писал в канун юбилея Победы генерал армии, доктор исторических наук Махмут Гареев, - *изображают дело так, что если бы у руля руководства и на полях сражений были не люди того времени, а те, кто сегодня задним числом и с большой лёгкостью рассуждает о прошлой войне, то и потерь, каких-либо неудач и поражений могло бы не быть*». Таков, к сожалению, подход нынешних либеральных властителей дум не только к итогам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, но и принцип отношения к властям и к практической деятельности вообще со стороны либеральной русской и российской интеллигенции. Это взгляд людей со стороны, живущих как бы вне России, в неком идеальном далеке. К тому же зачастую эти односторонне критические рассуждения принадлежат, как правило, тем, кто либо никогда не имел никакого отношения к практической деятельности, либо оказался несостоятельным, работая в практической сфере. Эта сугубо критическая интеллигентская общественная традиция родилась не сегодня. Такие метаморфозы происходили уже в дореволюционном либерально-патриотическом российском обществе. Нарастающий негативизм российского общества, замешенный на утопическо-романтическом идеализме российской интеллигенции, спровоцировал все бунтарские выступления наиболее активных членов российского общества. В том числе декабристское восстание 1825 года, хождение в народ в шестидесятых годах девятнадцатого века, устрашающую террористическую деятельность против представителей властей в 1879-1881 годах, февральскую и октябрьскую революции 1917 года. Он же, этот общественный негативизм, привёл и к дворцовому перевороту 1991 года, когда кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС заменил члена Политбюро ЦК КПСС у руля российского государства. При всех этих выплесках общественного негативизма не только умеренно-либеральное, но и радикально-революционное общественное движение в России получало мощную

подпитку из одного и того же духовного источника – именно из критического «*реализма*» дореволюционной российской и диссидентской советской интеллигенции.

6

В последнее время вектор общественных настроений медленно, но всё более определительно начинает разворачиваться в сторону патриотического полюса, освобождаясь от личностных интеллигентских либеральных иллюзий и демагогии либеральных практиков. К сожалению, слишком медленно и очень неуверенно. Противоестественное затягивание периода стагнации либеральной платоники в российском обществе в условиях далёкой от либерального идеала российской действительности объясняется несколькими факторами. Однако в первую очередь оно связано с тем, что российская интеллигенция традиционно очень трудно расстаётся со своими вековыми иллюзиями. Лёгкость, с которой в начале девяностых годов прошлого века либеральные идеи в СССР сокрушили коммунистическую идеологию и восторжествовали на развалинах советского государства, коренится именно в давней приверженности русской интеллигенции и значительной части российского общества либеральным вожделениям. Порушенные и презренные революционной советской властью, они вспыхнули с новой, удесятерённой силой при первых проявлениях её слабины. И даже при явных признаках практической несостоятельности и убедительных доказательствах неприменимости политической либеральной системы к российским условиям российские либералы не только не усомнились в панацее либерализма, но и впали в неистовство, граничащее с безумием, от краха своих интеллигентских упований.

«*Неистовые нонконформисты*, - отмечал писатель Анатолий Макаров, - *до такой степени не принимают власть, что переносят своё неприятие – на мироздание, на эпоху и, уж само собою, на родную страну*». Зародившийся в Англии как протестная религиозная форма непризнания государственной англиканской церкви, нонконформизм в современной России приобрёл совсем уж уродливые черты. Развивая и абсолютизируя негативистские традиции антисоветского диссидентства, современные либеральные нонконформисты обрушивают свою ярость не только на власть как таковую, но и на поддерживающий её народ, на его, по их мнению, архаичные традиции, нелепые обычаи, застарелые привычки и вообще на всю его никуда не годную сущность. Заодно они выплескивают свой гнев и на власти фетишизируемого ими Запада, неспособные-де навести порядок (западный, разумеется) в нашей стране. Эта ярость обманутых в своих платонических вожделениях либералов, так явно диссонирующая с принципами ими же отстаиваемой толерантности, странным образом действует на всё современное российское общество. Вместо того чтобы дружно (как это делается на том же Западе) поставить на надлежащее место распоясавшихся хулиганов и дебоширов от либерализма, наша интеллигенция, словно парализованная их желчностью и агрессивностью, робко поддакивает им, не смея публично выказать и высказать свои вызревающие патриотические чувства. Русский народ определял подобную ситуацию следующими мудрыми словами: «*правда истомилась, лжи покорилась*» и «*неправдою жить - не хочется, правдою жить – не можется*». Разумеется, с нарастанием патриотических настроений такое двусмысленное состояние российского общества преобразуется в благотворное позитивное действие. Но сейчас духовное раздвоение интеллигенции, очень мучительное для неё самой, отзывается острыми болевыми приступами в российском обществе и народе в целом, рождая у них ощущение, что так жить нельзя.

Беда современного российского общества и российского народа заключается в том, что в подобном раздвоенном состоянии российская интеллигенция как хранитель и носитель российских культурных общественных традиций сегодня просто не в состоянии быть лоном новой российской культуры – либеральной в своём существе. Слишком велика была инерция мысли и духа, слишком силён ещё в российской интеллигенции

набранный ею веками либералистский мечтательный потенциал и слишком мучительным оказался крах розовых либеральных иллюзий с воцарением в обществе и государстве невежественного хама. Оказавшись, подобно пушкинской старухе, у разбитого корыта своих либеральных вожделений, российская интеллигенция пока напоминает некую ненасытную утробу, жадно стремящуюся компенсировать неисчислимые духовные утраты разного рода материальными приобретениями. Не имея перед собой нравственного маяка, российское общество в целом живёт сегодня по преимуществу утробной жизнью, не выходя мыслями и духом за рамки жёстких требований сегодняшнего дня и ограничивая себя заботами о собственном выживании и поддержании жизнеспособности подрастающего поколения. С некоторых пор в российских политических кругах стало модно повторять горчаковскую формулу – «*Россия сосредотачивается*». По мнению властей, эта историческая аналогия должна успокаивающе действовать на российский народ и предостерегающе – на его недоброжелателей. Вряд ли можно сегодня поверить в искренность и истинность этих слов при стоящей враскоряку российской власти и пребывающей в золотой лихорадке российской элите. Но о российском обществе, пожалуй, можно сказать, что в нём сейчас происходят серьёзные внутренние метаморфозы, которые следовало бы охарактеризовать словами - переосмысление и самовосстановление.

7

Владимир Даль, в целом позитивно характеризуя понятие лона, в смысл утробы вкладывал двоякое значение. Причём первичным у него был негативизм – живот, брюхо, чрево, кезево (желудок). В то же время он не исключал трактовку утробы и как сердца, души, вообще всего внутреннего. Будем надеяться на то, что, набив свой «*живот*» чем попало и помаявшись несварением своего «*желудка*», наша интеллигенция, а с нею и российское общество вспомнят наконец-то и о своей душе, превратив её вновь в лоно отечественной культуры. Политолог Сергей Марков, проделавший в российском обществе путь от независимости к официозному депутатству, не устаёт повторять, что мы живём «*в очень интересное время*» и что в этой связи нам будут завидовать наши потомки. Наше интересное время, наверное, только тем по-настоящему и интересно, что оно сродни известному «*интересному положению*»: радость первых дней беременности от либерализма постепенно улетучивается, уступая место общему физическому недомоганию, возрастающей тяжести в ногах и нарастающему страху перед предстоящими родами и негарантированным их благополучным исходом. Та часть российского общества, которая не держится за нынешние, сугубо материальные привилегии, а по-настоящему озабочена будущим своей страны, вовсе не нуждается сейчас ни в льстящих слух элитных посулах, ни в утешениях официозных проповедников. У неё сегодня совсем другая задача, сформулированная девяносто лет назад Владимиром Вернадским. «*Сейчас*, - писал он, - *каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей*».

И эта работа ныне подспудно идёт в российском обществе, очень чутко реагирующем не только на внешние изменения, происходящие в стране и в мире, но и на всю тончайшую внутреннюю нюансировку вечно переменчивой российской и мировой действительности. Скептически относившийся к российскому обществу монархист Иван Ильин считал его средоточием прожектёров и мечтателей. «*С древнейших времён*, - писал он, - *мечтает носитель коллективного сознания о счастливом «нигде», утопическом, сказочном счастье*». В своей сути эти мечты казалось бы явно свидетельствуют о неосознанном уходе, бегстве общества от реальной российской действительности. Но российский парадокс заключается в том, что век, в который особенно бурно оживают платонические коллективные мечты, становится, как правило, веком народных волнений и

радикальных общественных брожений. Общественные чаяния рождают подлинных или мнимых пророков, которые направляют здравый ум и коллективистскую душу народа к добрым и благим целям или, наоборот, затевают с ними злую и опасную игру.

Мнимых пророков бывает в обществе, как правило, огромное количество, и они берут народную массу в оборот не качеством своих идей, а именно общим своим несметным числом. Пророков либерализма у нас сегодня не счесть. Теряя убедительность в отстаивании чуждых российскому народу западнических фальшивых теорий, они оккупируют столичные площади и, по сути, провоцируют народный бунт против российских властей, причём бунт бесконечный, хаотический и бессмысленный. Подлинных пророков в обществе всегда насчитываются единицы. Они рождаются обычно в эпохи разрушений и знаменуют собой сугубо созидательное, творческое, благое общественное начало. Сегодня мы их не видим, но, несомненно, они присутствуют среди нас, так как разрушений, подобных последнему российскому столетию, человечество ещё не видело. И, следовательно, новый российский пророк просто не может не родиться в беспримерных российских невзгодах. Он, думается, уже народился в благодатном лоне российского общества и российского народа и сейчас только ждёт часа своего выхода. С его появлением преобразится и российское общество. В нём вновь первичными станут не утробные, сугубо потребительские функции, а функции самоотверженной самоотдачи и общечеловеческой предназначенности. Покончив со своим либеральным мечтательным утопизмом, российское общество практически займётся реальными созидательными повседневными делами на благо своего народа и своего Отечества.

* * *

Подбирая наиболее близкую к теме сказку в сборнике А.Н. Афанасьева, я после некоторых колебаний остановил свой выбор на сказке-притче «*Волшебный конь*». В ней, по сути, два героя. На первом плане фигурирует крестник царя - Иван крестьянский сын, который и лицом красив, и умом смышлён, и ростом взял. Принятый по протекции царя в офицерском чине на царскую службу, Иван взялся за дело со всею охотою, ни от какого труда не отказывался, за правду грудью стоял. Что очень полюбилось государю, но, естественно, не понравилось его генералам и министрам. Они, озлобившись, как водится в высоких кругах, оговорили Ивана и вынудили царя дать ему, по сути, неисполнимое задание. Здесь-то и наступает черёд другого героя - волшебного коня. Собственно говоря, сам конь появляется в сказке намного раньше, так как без него крестьянский сын и до царя-то не добрался бы. Покупку этого коня присоветовал Ивану встречный «*стар человек*». Первоначально это была всего-навсего «*крепко худая, паршивая*» лошадь. Но, по наущению старика-волшебника, давать за неё надо было столько, сколько запрошено, не торгуясь. И ухаживать за ней следовало также по-особому - «*пасти в зелёных лугах двенадцать вечеров и двенадцать утров по росам*». Зато и лошадь сделалась потом не только сильная, крепкая да красивая, но и такая разумная – что только Иван на уме помыслит, а она уж ведает. Когда дошло дело до серьёзных испытаний, конь заговорил с Иваном человеческим голосом и оказался прекрасным советчиком и незаменимым помощником своего хозяина. Он при необходимости и сизокрылым орлом оборачивался, и малою птичкою влетал в окошко крепкой темницы, выручая Ивана из неминуемой беды, в которую тот и попал-то, не послушавшись совета своего коня. Он, этот премудрый волшебный конь, дал возможность Ивану крестьянскому сыну в конце концов решить поставленную перед ним неисполнимую задачу и жениться на прекрасной королевне.

Переводя намёки и символы сказочной притчи на современный язык, хотелось бы обратить внимание на следующие смысловые акценты. Государь в ней находится как бы сбоку-припёку. Пристроив своего крестника ко двору, он тут же, по сути, приносит его в жертву, не желая ссориться со своими генералами и министрами, олицетворяющими в сказке, по-видимому, российскую элиту. Иван крестьянский сын по своей приближенности к царю вроде бы тоже являлся частью этой элиты. Но он в ней составлял

редчайшее исключение. Причём не только потому, что он был крестьянского рода, а в силу своей исключительной честности и правдивости, свойственной лучшим сынам России. Единственную свою радость и утешение Иван находит в общении со своим конём. Конь и есть, по сути, его собственное общество - благодарное за проявленную к нему заботу и преданное даже не столько самому Ивану, сколько заложенному в нём добру. Именно в служении добру нерасторжимо сливаются дворянин из народных низов Иван и мудрая часть общества, олицетворяемого могучим и благородным волшебным конём.

Закончив своё повествование дурашливыми словами «*вот вам сказка, а мне бубликов связка*», русский сказочник не делает никаких выводов, справедливо полагая, что счастливый конец и есть главный итог и высшая награда сказочных героев. Попытаемся сделать выводы мы. Не только в сказке, но и в реальной действительности российское общество, как правило, не служит царям, дистанцируясь от них ради сохранения морального права на независимое суждение. Российское общество не любит суетную, непомерно алчную и неустойчивую в своих взглядах и пристрастиях элиту. В меру сил и возможностей оно старается сохранять верность укоренённым в русском народе добру, правде и справедливости. Когда в элите появляются люди с аналогичным духовным созвучием, русское общество воспринимает это редкое в российской действительности явление как дар небес, как знак назревших перемен к лучшему. И оно само начинает исторгать из себя всё лучшее, присущее народу. Разумеется, завтра Иван станет настоящим царём. Но, думается, всё же государем он будет не совсем обычным. Ибо жизненные испытания и тесное общение с мудрым «*волшебным*» учителем не могли не сделать его истинным приверженцем добра и справедливости. Вводя своего героя из народа на самый верх, сказочник, по-видимому, рассчитывал на постепенное преобразование таким путём и всей российской действительности, когда государь и общество составят единое нравственное целое. Этого единения государя, общества и народа сейчас настоятельно требует наша российская действительность, а у назревших потребностей есть одно волшебное свойство – они неизменно реализуются, ибо большой спрос, как известно, обязательно рождает соответствующее предложение.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКИЙ ДЕМОС – ИЗБИРАТЕЛЬ ИЛИ ГРАЖДАНИН?

То добро как всем равно.
Где мир да лад, там и божья благодать.
Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили.

Русские пословицы

1

Хотя слово «*демос*» в переводе с греческого означает «*народ*», а русскому народу в книге посвящена отдельная глава, я всё же решил дополнительно рассмотреть понятие российский демос. Причём не только потому, что оно шире или уже термина русский народ, но прежде всего в силу того, что демос является ключевым понятием западной демократии. У понятия российского демоса имеется, на мой взгляд, своя сущностная сторона, которая не только позволяет, но и обязывает со всей серьёзностью подойти к анализу этого непростого комплексного явления сложнейшей и запутаннейшей российской действительности. Искусствовед Михаил Казиник, например, категорично утверждает, что «*демос никогда не был народом*». Эту свою точку зрения он обосновывает тем, что право быть причисленным к демосу в Древней Греции получал лишь тот, кто изучил семь свободных искусств (риторика, музыка, математика, астрономия, логика, философия и пр.). Остальное же население прозывалось охлосом. На этом основании

Казиник заключает, что демос - это тот, кто сегодня живёт мыслями о будущем. Ради объективности следует отметить, что и в самой Древней Греции, на которую ссылается господин Казиник, понятие демоса не было статичным и со временем претерпело существенные изменения. Трактуемое первоначально как свободное население, обладающее гражданскими правами, оно выделяло из общей массы людей именно полноправных греков, отделяя их от метеков (чужеземцы и рабы, отпущенные на волю), периэков (ограниченные в правах другие греки-выходцы из Спарты, Аргоса, Элиды, Фессалии), а также от илотов (земледельцы Спарты, находившиеся в рабской зависимости от государства). Однако уже с конца пятого и начала четвёртого веков до новой эры к демосу стали причислять преимущественно бедные слои городского населения. Охлос же устойчиво воспринимался в Древней Греции как толпа, чернь, а охлократия – соответственно как господство всякого рода недостойного сброда в политической жизни государства.

В российских условиях понятие российского демоса может сбиться ещё в одну сторону, существенно искажающую его как специфическое социальное явление нашей общественно-политической жизни. При анализе терминов россиянин и русский мною уже акцентировалось внимание на том, что россиянин – это не этнос, а общее название людей, которые живут в России и являются её гражданами. Эта точка зрения воспринимается практически как аксиома в современной российской социологии. Но, так как все граждане Российской Федерации по Конституции обладают равными политическими правами, а в Древней Греции под демосом понимали именно политически полноправных греков, то возникает соблазн трактовать российский демос как простую совокупность граждан Российской Федерации. Такая расширительная трактовка понятия российского демоса, по сути, ведёт к его слиянию с терминами россиянин или российский народ. А это явная терминологическая ошибка. Мне представляется, что российский демос должен иметь привязку в основном и прежде всего именно к демократической составляющей российского общества и российского народа. Говоря точнее, российский демос - это то, что собой ныне представляет или должно представлять в перспективе так называемое российское гражданское общество. То есть та наиболее активная часть общества и народа, что образуется на стыке между тяготеющим к платонике умеренно-либеральным российским обществом и жаждущей правды и справедливости радикальной частью народной массы.

Под платониками я в данном случае подразумеваю либеральную российскую интеллигенцию, составляющую реформистское ядро российского общества, а под радикалами понимаю патриотически настроенных людей декабристского толка, отличающихся повышенной чувствительностью к царящей в государстве несправедливости и жаждой жертвенной практической деятельности на благо народа и Отечества. Именно последние, на мой взгляд, имеют право именоваться российским демосом, который, будучи наиболее активной частью российского общества, сущностно выходит за пределы общества как такового, получая мощную энергетическую подпитку из магматических недр российского народа. Трудно судить о количественной составляющей российского демоса, так как, к стыду социологов, эта тема ими совершенно не исследована. Но, думается, что российский демос, сужая понятия российского народа и российского общества, представляет собой, однако, достаточно широкое явление, охватывающее в моменты политических кризисов подавляющее большинство российского общества и значительную часть российского народа.

2

Мой университетский учитель Михаил Седов, человек удивительной судьбы, отбывший тринадцать лет в сталинских лагерях (с 1943 по 1956 год), но сохранивший коммунистические убеждения и высоконравственное человеческое достоинство, всю свою

жизнь посвятивший исследованию дореволюционных общественных движений в России, в своей книге «*Героический период революционного народничества*» приходит к следующим выводам. «*Борьба народовольцев*, - пишет он, - *прямо и косвенно действовала на воспитание русского народа в революционном духе и оказала влияние на всю культуру России. Революционная мораль народовольцев основана на удивительной преданности раз принятой идее, на безграничной верности народу. Особо обращает на себя внимание в поведении революционера-народовольца единение слова с делом и дела со словом. Народовольцы дали образцы взаимоотношений революционеров между собой, построенных на высших принципах доверия, контроля и самоконтроля, на бережном отношении к способностям товарища, к его таланту*». Разумеется, автор явно пристрастен как в выборе темы для главного научного труда своей жизни, так и в подчёркнуто личностном отношении к персоналиям своего исследования. Тем самым он осознанно пошёл на нарушение одного из строгих табу советской исторической науки, категорически запрещавшее апологетизацию предмета исследования. Более того, он вошёл в острый конфликт и со своими коллегами, специализировавшимися по истории КПСС и в угоду официозу возводившими именно большевиков в образец не только российских, но и мировых революционеров-демократов. По обычаю того времени за сим последовала разгромная статья в органе ЦК КПСС – журнале «*Коммунист*». Но, думается, автором двигала не только любовь к истине (а во всём том, что не касалось народовольчества, он стремился к предельной объективности), но и его личные наблюдения в экстремальных лагерных условиях за поведением реальных большевиков, которые массово ломались и предавали своих товарищей и свои коммунистические убеждения.

Сопоставление российского демоса с российскими революционерами в трудах советских историков вовсе не случайно. Учитывая, что несомненным ядром склонного к умеренному либерализму и конформизму российского общества являлась российская интеллигенция, следует признать, что ядром деятельно-патриотического российского демоса в очень специфических условиях дореволюционной России стали именно революционеры, общими усилиями (от декабристов и народников до большевиков) взрастившие невиданное в мире страшилище – «*гидру*» социалистической революции. Можно сегодня навешивать какие угодно моральные ярлыки на объективное явление специфической российской революции. Но, во-первых, не подлежит сомнению сам факт нарастания и ужесточения революционных настроений в российском демосе на протяжении почти всего девятнадцатого века. Во-вторых, почему-то совсем не берётся во внимание нынешними историками-либералами тот факт, что своей уродливой физиономией октябрьская революция 1917 года была обязана не только самим русским (как сегодня усиленно подчёркивается) революционерам-демократам. Почти в равной степени в этом ответственны также российские либералы, упорно пропагандировавшие чуждые России идеи западного буржуазного реформизма, и российские консерваторы из интернациональной российской элиты, не допускавшие самой мысли о каком бы то ни было существенном изменении самодержавно-царистской государственной системы.

Мучительно анализируя в изгнании существо октябрьской революции и причины, приведшие к этой великой русской трагедии, Иван Ильин писал: «*В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватило характера, а у добрых людей было мало воли и решимости… Недоставало зрелой предметности и энергии в самоутверждении*». Хорошие и добрые - это один полюс предреволюционной российской действительности, олицетворяемый подавляющим большинством русской интеллигенции и значительной частью российского общества. Это очень милые люди, но с совсем маленьким недостатком – они бесхарактерны, мечтательны, безвольны и бездеятельны. На другом полюсе, естественно, должны были стать люди исключительно, по-видимому, нехорошие и злые, но обладающие характером, энергией и целеустремлённостью. К ним Ильин в первую очередь причисляет российских

революционных демократов, хотя вынужден бросить камень в огород и российских консерваторов, проявивших, по его словам, «*безумную беспечность и близорукость*» при полном отсутствии творческих идей, социальных программ и верных кадров в стране. Симпатии Ильина находятся явно на стороне хороших и добрых. Их недостатки, по его мнению, достойны сожаления, но не более того. Революционеров же он рисует едва ли не исчадиями ада, очень пристрастно, не жалея уничижительных эпитетов и не скрывая своего душевного негодования. Советский историк Михаил Седов, перестрадавший, может быть, даже более уважаемого мной Ивана Ильина, в оценке российских революционеров совершенно с ним не согласен. Более того, именно революционных демократов он считает людьми по-настоящему хорошими и истинно добрыми. В его представлении они являлись воспитателями русского народа и вдохновителями всей культуры России, так как были людьми «*удивительной преданности*» и «*безграничной верности народу*», у которых слово не расходилось с делом и которые дали образцы высоконравственных личных взаимоотношений.

3

Можно было бы отнести эти расхождения во взглядах схожих по темпераменту и нравственному кредо представителей разных эпох на счёт разделяющих их идеологий. Можно подняться над схваткой и философски заметить, что истина лежит где-то посредине. Можно, в конце концов, вообще ограничиться простой констатацией разности оценок сути революционного движения в России. Да, всё это возможно, если бы не одно но, повторяющееся и сегодня в подходе к российскому демосу. Ги де Мопассан своей «*Пышкой*» вскрыл одну характерную для гуманного Запада черту, в высшей степени присущую русской интеллигенции и российскому либеральному обществу. Добропорядочные французские попутчики, задержанные во время войны гитлеровским офицером, фактически принуждают патриотичную проститутку Пышку заплатить за их свободный проезд своим телом. Но когда она подобным образом спасает их от угрожающего им ареста, они с презрением отворачиваются от неё, негодуя на её безнравственность. Со времён Пушкина добропорядочные российские поэты, литераторы и русская либеральничающая интеллигенция в целом занимались исключительно просвещением народа, сея разумное, вечное, доброе. Нелёгкое бремя гражданственности они возлагали на других - тех, кто, не находя утешения в культуре и искусстве, искали применения своей энергии и своих практических талантов в реализации этого разумного, вечного и доброго путём противостояния и противодействия неразумной, суетной и недоброй российской действительности. Вовсе не будучи лично злыми и порочными, а, наоборот, горя искренней надеждой на торжество справедливости и верой в добро, демократически настроенные граждане искали наиболее действенные способы и возможности достучаться до властей. Причём первоначально в ход шли исключительно петиции, прокламации и просветительские хождения в народ.

Либералы-мечтатели внимательно и сочувственно следили за нараставшей активностью граждан-демократов и всемерно подбадривали их, прославляя истинное добро («*добро с кулаками*»), восхваляя бескорыстные жертвы во имя Отечества и обещая героям вечную общенародную славу. Весьма показательны в этом плане уверения поэта Николая Некрасова, что «*дело прочно, когда под ним струится кровь*». Одновременно либералы-западники усиливали разностороннюю критику властей, помогая гневливым гражданам разыгрывать свою радикальную карту с целью запугивания консерваторов и принуждения властей к уступкам либерального плана. Когда же до предела разогретые российской интеллигенцией граждане, разозлённые к тому же безумием и бездушием российских властей, а также расчётливой платоникой либерального российского общества, превратились в профессиональных революционеров, либералы-доброхоты в основной своей массе брезгливо отвернулись от них, категорически осудив

безнравственность их «*варварских*» методов. Объективно говоря, октябрьская революция 1917 года произошла в России из-за резкого и непреодолимого разрыва между политически инфантильной массой российского общества и воинственно-радикальным авангардом российского демоса. В конечном счёте этот авангард не только противопоставил себя элите и обществу, но и выключил из политической игры нарождавшийся российский демос. Именно он, этот всеми покинутый российский авангард, и взял исключительно на себя и под своё радикальное видение решение назревших задач демократизации России исключительно революционными методами. Российский демос как таковой решительными практическими действиями революционных вождей был оттёрт от главного фронта политической борьбы. Постепенно он был оттеснён в её арьергард и в конце концов вынужден был слиться и смешаться с российским обществом, усилив его либеральный реформистский потенциал. Предоставленные самим себе профессиональные революционеры уже без всяких стеснений направили свои демонические усилия исключительно на разрушение самодержавного строя и дезорганизацию деятельности российской элиты, российского общества и российского демоса. Принцип «*чем хуже – тем лучше*» стал главным в их деятельности. Он-то и привёл к сокрушительному хаосу февральско-октябрьской российской революции.

Метаморфозы становления и развития российского демоса в советскую эпоху можно проследить по дневниковым заметкам Владимира Вернадского. За пять лет до революции он пишет: «*Несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного… Демократия показала своё лицо… Но ясно одно – русский народ до этих форм в мировом государстве не дорос*». Большевистское движение воспринимается будущим советским академиком и мыслителем с мировым именем как лицо демократии. То есть большевики, по сути, ассоциируются у него с российским демосом как таковым. Правда, он вынужден признать наличие большой дистанции между этим демосом и самим народом, который до мировой ментальности большевиков, по мнению мыслителя, явно не дорос. В 1917 году, насмотревшись на революционную практику большевиков, Вернадский делает следующую довольно странную запись: «*Что бы ни случилось в государственной форме, великий народ будет жить*». Здесь просматриваются уже настолько серьёзные сомнения в демократизме большевиков, что все надежды на демократическую будущность страны учёный и мыслитель возлагает не на них, а на сохранение жизни великого народа, оказавшейся под явной угрозой уничтожения. И, наконец, в 1928 году у него, по сути, рушится и эта последняя надежда. «*Медленно*, - замечает он, - *складывается историческая жизнь – но основной тон даёт крестьянство. Сейчас начинает разворачиваться борьба с крестьянством коммунистов. Идёт грабёж крестьян, и сейчас совершается безумная попытка их поработить… Наступает новый исторический перелом революции*».

4

В этом срезе советской действительности сталинского периода всё трагично. Вчерашние большевики, ставшие коммунистами, выступают уже не просто злостными антиподами демократии вообще и российского демоса в частности, но демонстрируют себя новой элитой, объявившей настоящую войну своему народу и приступившей к его порабощению. Новый исторический перелом революции в Советском Союзе воспринимается Вернадским с мистическим ужасом – как некий рубеж, за которым может открыться бездна падения России в историческое небытие. О какой-то вере в русский народ и российский демос, по мнению философа, не может быть и речи, когда рушится российское крестьянство, составлявшее тысячелетний демократический базис России. В трагическом восприятии российского демоса в процессе коллективизации крестьянства в Советском Союзе Владимир Вернадский не был одинок. Находящийся за рубежом и по

другую сторону социальных баррикад Иван Ильин со своей стороны отмечал, что в 1929-1935 годах коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее шестисот тысяч дворов и семей, «*ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право*». Это и впрямь была величайшая трагедия в первую очередь русского народа, крестьянского по своему здравомысленному менталитету, своей многовековой почвеннической культуре и своей богопочитающей духовности. Перелом революции обернулся для русского крестьянства сломом его станового хребта и превращением российского народа в некую податливую, бесформенную и, по сути, бесправную огромную массу, послушную воле великого ваятеля «*совершенного*» демократического общества.

Но пролетаризация крестьянства и нейтрализация демократического потенциала народных масс путём их организации в жёстко управляемые сверху коллективные хозяйства (так называемые колхозы) и являлись главной целью коммунистической элиты Советского Союза. Это была их осознанная и безжалостно осуществлённая самая настоящая «*шоковая терапия*» прежде всего русского народа, взятая впоследствии на вооружение российскими радикал-либералами и проведённая ими в стране с не меньшей жестокостью. С точки зрения Иосифа Сталина и всей коммунистической элиты, эта акция носила в плане демократии вовсе не дьявольский, а прямо-таки ангельский характер. Понимаемая по-марксистски (то есть сугубо революционно и исключительно антибуржуазно), советская демократия строилась методом гегелевского «*отрицания отрицания*»: сначала идейно отрицалось и физически разрушалось всё, что было характерно для дореволюционной России и мирового капиталистического общества в целом, а затем отвергались уже весь российский традиционализм и вся российская действительность вообще. Совершенному демократическому строю, по мысли большевистских идеологов, могла соответствовать только совершенная социалистическая теория (коммунистическая в своей сути), которая и была принята за эталон демократии.

В итоге получилась противоестественная демократическая конструкция – в виде перевёрнутой остроконечной пирамиды, основание которой оказалось наверху, а опорой служило остриё, упёртое в землю. Будучи крайне неустойчивой, эта конструкция удерживалась в течение семидесяти лет путём прямо-таки цирковой эквилибристики коммунистической элиты, мастерски жонглировавшей демократическими терминами. Базу демократии в Советском Союзе составлял не народ, а именно комфортно расположившаяся наверху «*пролетарская*» элита, упразднившая любую собственность, кроме государственной, и любые права, кроме абсолютного права олицетворяемого ею «*общенародного*» государства. Российский демос был, по сути, определён и жёстко обусловлен рамками единственной в стране коммунистической партии, только в среде которой и допускалось обсуждение основных политических проблем, да и то в очень ограниченном формате. Именно в этом партийном «*демосе*» происходила нешуточная политическая борьба в тридцатые годы прошлого века при определении путей и методов демократического развития страны, стоившая многим истинным демократам десятков лет лагерных исправительных работ, а то и самой жизни. И хотя в партийной сфере вся демократия в конечном счёте свелась ко всеобщему «*одобрямс*», судьбоносные для советского народа решения принимались коммунистической элитой всё же, как правило, с одобрения партийного «*демоса*».

5

Физически сломленный нарочито грубо и подчёркнуто устрашающе проведённой коллективизацией, советский народ что называется лёг под власть, не пытаясь ни протестовать, ни настаивать на своих правах. Но он ничего не забыл и ничего не простил жестокосердой власти, де факто продемонстрировавшей свою антинародность. Он просто отстранился от неё, позволив ей висеть в воздухе столько, сколько она сможет

продержаться в своём оторванном от народа положении. Не находя сил для борьбы, российский народ решил приспособиться к советской власти (а это он всегда делал мастерски), а, приспособившись, стал потихоньку восстанавливать в своём семейном кругу традиционные ценности, укрепляя уважение к личной собственности и к личностному достоинству. В этой ситуации удивляет не то, что казавшийся столь устойчивым условно демократический советский строй в конце концов рухнул. А то, что он столь долго продержался. И в этом львиную долю заслуг следует отнести, пожалуй, не столько на счёт весьма изворотливых партийных функционеров или услужливых общественников, сколько вписать в послужной список внешних и внутренних врагов коммунистического режима. Дружно ополчившись на него со всех сторон, внешние враги тем самым как бы подпирали его извне своей злобой и агрессивностью, позволяя советской элите мобилизовывать народ на традиционную для него защиту Отечества. Внутренние же враги давали возможность большевистским властям доказывать народу и миру обоснованность своих жестокостей, причём не только в сложных обстоятельствах текущей жизни, но и в оправдание всех совокупных преступлений «*самого прогрессивного*» советского режима.

Можно долго, до хрипоты спорить о том, чем были бурные московские события 1991 года – революцией или контрреволюцией. У каждой из этих точек зрения есть не только свои убеждённые сторонники, но и (что гораздо важнее) свои вполне резонные доводы. Если судить чисто внешне, то всё вроде бы указывает на революцию. Отчаянные, с риском для жизни выступления вождей; тысячи москвичей и специально прибывших гостей столицы, окруживших плотным защитным кольцом российский Белый дом; переход верных режиму воинских подразделений на сторону восставших; реальные человеческие жертвы, принесённые во имя свободы и демократии, - всё это несомненные признаки революции. Но, если дать себе труд взглянуть без идеологиеских шор на существо произошедших в стране перемен, то иначе, чем контрреволюционными, назвать их сложно. По идеологической антиподности нового режима старому, по жестокости его расправы со своим низвергнутым врагом, по остервенелому слоновьему вытаптыванию всего советского поля, по переписыванию и перечёркиванию семидесятилетнего советского периода истории российского народа итоги «*бурных девяностых*» со всей очевидностью свидетельствуют именно о торжестве контрреволюции. Причём контрреволюции классического, бурбоновского типа, когда новые правители, подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились.

У либеральной контрреволюции в плане демократии тоже есть своя ахиллесова пята. Её вожди, обуянные жаждой политического реванша, все свои помыслы и всю свою кипучую деятельность направляют не на исправление ошибок своих предшественников, а на злобное и мстительное добивание поверженного врага. Именно в сладостной мести они находят своё истинное удовлетворение, забывая при этом и о цели своего возвращения, и о вожделенной для них демократии, и о народе, приветствовавшем их новое явление с надеждой на своё долгожданное и выстраданное освобождение. На закате советского строя его критик Натан Эйдельман в 1989 году писал: «*Как не заметить в 1930-х годах зловещего «повторения»: освобождённое революцией крестьянство попадает в положение, близкое к худшим образцам крепостной зависимости*». Доживи историк хотя бы до конца девяностых, он не смог бы избавиться от ощущения дежавю (уже виденного). В новом, нынешнем повторении крестьянство не просто пролетаризуется, видоизменяясь в классовом отношении, но путём массовой и целенаправленной люмпенизации исчезает как класс, распадаясь на бродяг, нищих и уголовные элементы. Воссоздавая властную вертикаль (вконец расшатанную революцией-контрреволюцией государственность), нынешняя российская элита постаралась восстановить и лежавшую на боку демократическую пирамиду. Для большей устойчивости ей несколько подпилили остроконечную верхушку, но поставили снова «*на попа*» - широким основанием кверху. В результате новое самое демократическое общество в мире (в лице олигархических кланов,

коррумпированного высшего чиновничества, насквозь пролоббированных депутатского и судейского корпусов и консервативной партии власти) у нас снова сосредоточено исключительно наверху. Внизу, у основания пирамиды, имитируют демократическую активность мелкотравчатые правозащитники, ищущие высшей справедливости на стороне - у Европейского суда по правам человека.

6

Политический кризис в России является сегодня неоспоримым фактом. Верхи уже явно не могут управлять по-старому (из-за угрозы нарастающего разрушения экономики и всей жизнедеятельности страны нефтяным допингом), а низы, обеспокоенные глухотой верхов и угрозой безопасности Отечества, не хотят жить по-старому. Об этом свидетельствуют и очевидная активизация всего российского общества, предлагающего властям множащиеся варианты спасения страны, и нарастающие количественно и качественно (в том числе с политическими лозунгами) выступления представителей российского демоса. Как и в советское время, ныне российская элита продолжает смешивать два понятия – собственно элиту и всю страну. Как и в советское время, ныне затяжка политического кризиса верхов происходит во многом благодаря своеобразной их поддержки со стороны внешних и внутренних «*друзей*». Нефтяной бум создал нынешнему правящему классу (российской либеральной элите) мощную финансовую базу. Мировой финансовый кризис прикрыл собой нарастающую внутреннюю ущербность экономики России. А безумная политика правящего класса США, приведшая к мировой дестабилизации, а также разбалансированию всего нефтедобывающего региона, способствовала (опять за счёт нефти) созданию видимости благополучного выхода нашей страны из мирового финансового кризиса.

Почему в России (да и не только в ней) не любят так называемых правозащитников, претендующих на роль организационого ядра российского демоса? Именно потому, что они защищают не людей, а исключительно право, абсолютизируя его до такой степени, что противопоставляют это исключительно абстрактное формализованное понятие живым людям и конкретной ситуации в стране. Причём в сфере права у них смешиваются в одну кучу и творящие закон вполне вочеловеченные личности, и исполняющие этот произвольный закон массы народа. Русский человек относится к закону, совсем не так, как, положим, американец, который изначально устанавливал и поддерживал устои своих законов с помощью культа и винчестера, а потому и сегодня использует этот исключительно силовой закон также в качестве своеобразного огнестрельного оружия. В России издавна русский народ относился к закону в лучшем случае с плохо скрываемой подозрительностью, а в основном – крайне отрицательно. Святость законов для русского человека всегда определялась не самими законами или честными законниками, а заложенной в законах волей государя, на которую народ в основном и ныне ориентируется в своей практической жизни. Разность в подходе к закону и праву в США и России следует искать не в отсталости последней (как этого кому-то хочется), а в специфике истории нашей страны и в традициях взаимоотношений русского народа и российской власти. Весьма многозначительной в этом плане является взятая в качестве эпиграфа к данной главе русская пословица - «*хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили*». Это очень важная мысль. Причём не только для правовой сферы, а вообще для понимания квинэссенции отношения русского народа и отдельно взятого русского человека к жизни и к человеческим взаимоотношениям. Социальным идеалом русского человека является жизнь правдой. В это ёмкое понятие входят предельная открытость и доброжелательность людей; честное и добросовестное отношение человека к своему делу; полюбовное (без привлечения третьих лиц) решение всех возникающих конфликтных ситуаций; атмосфера доверия между высшими и низшими и многое другое в том же ключе.

Беда России заключается в том, что во все времена в ней существовало две правды и два закона, и они, будучи антиподными, резко сталкивались между собой, обессиливая друг друга и Россию в целом. Все общественно-политические кризисы в России происходили из-за того и в те времена, когда правда (официальный закон) российского государства и его элиты входила в острый конфликт с правдой русского народа и российского общества, базирующейся на критериях нравственности и справедливости. Практика прямых действий, символами которой стали выступления новых демократов на Болотной площади и других площадях Москвы, - это крайность, спровоцированная беспомощностью государственных органов и государственного закона перед алчностью и цинизмом радикал-либеральной российской элиты. Правда власти, заключающаяся в необходимости стабилизации обстановки в стране (в том числе и в интересах основной массы народа), вновь столкнулась с правдой наиболее активной части российского народа, не желающего консервации нравов и порядков, унижающих народное достоинство. Мощный выплеск народного недовольства был спровоцирован ещё и тем, что деятельность демократических структур и институтов, формально существующих в стране, намертво заблокирована самими же либеральными демократизаторами, добивающимися торжества правозащитной деятельности в России, но всеми способами препятствующими практическому развитию подлинной общенародной инициативы .

7

В этих условиях перспектива дальнейшего развития российского демоса и активизации его участия в общественно-политической жизни страны представляется весьма неоднозначной. То, что кормящиеся с чужих рук и официально поддерживаемые так называемые правозащитники являются лишь фиговым листком демократии и к российскому демосу не имеют никакого отношения, ни у кого в России не вызывает сомнений. Расчёт может быть только на патриотическую и наиболее демократичную часть российского общества. Именно она должна сейчас мобилизовать свою гражданственность и помочь российскому обществу покончить со своим иждивенчеством. «*В русской душе*, - писал Иван Ильин, - *должен быть преодолён раб, в ней должно начаться новое гражданственно-свободное правосознание*». Имея в виду в конечном счёте народ, метил Ильин, думается, в первую очередь в российское общество и особенно в русского интеллигента, изнывающего под игом непомерного груза своей маниловщины и обломовщины. Российская интеллигенция сегодня сетует на силу традиций и неразвитость российского гражданского общества. При этом под силой традиций подразумевается прежде всего исторически обусловленная политическая инертность русского народа, а под гражданским обществом понимаются все те, кто не является интеллигенцией. То есть, несмотря на суровый исторический опыт, включающий в себя две губительные (в том числе и для интеллигенции!) социальные катастрофы, мы по-прежнему уповаем на кого угодно со стороны, но только не на самих себя. Но именно русская интеллигенция является нравственным ядром, главным генератором идей и созидательным духовным потенциалом не только российского общества, но также российской элиты и российского народа в целом. Она-то, по идее, и должна чётко обозначить свою гражданскую позицию и сформировать по своему образу и подобию то самое гражданское общество, которое в противном случае станет очередным российским политическим уродцем.

Русскому человеку, и россиянину в том числе, трудно даётся твёрдое и жёсткое слово «*нет*». Его покладистому характеру больше соответствует соглашательское слово «да», которое как бы выражает его внешнее и внутреннее нравственническое кредо. Этот фактор всегда учитывался российскими верхами и политически эксплуатировался ими в полной мере. Так было до революции 1917 года. Так продолжалось в советское время. Так

происходит и сейчас, когда российский демос рассматривается не как полноправное, достойное уважения общество ответственных граждан, а исключительно как «*электорат*», привлекаемый в дни выборов и забываемый в протяжённые промежутки от одной избирательной кампании до другой. Именно подобное презрительное отношение к российскому демосу и российскому народу и породило циничную фразу одного из идеологов либерал-демократизма – «*пипл всё схавает*». Президентская кампания в России в 2012 году, проходившая под беспрецедентным давлением на российский электорат извне и внутри нашей страны, показала, что время беззастенчивого манипулирования мнением и волей российского демоса и российского народа закончилось или, во всяком случае, заканчивается. Либерализм в России потерпел сокрушительное политическое поражение. Думается, именно март 2012 года мы должны принять за точку отсчёта рождения нового российского демоса и начало формирования российского гражданского общества.

«*Без НЕТ в жизни нельзя,* - напоминал Иван Ильин. - *Всё злое, фальшивое, уродливое, неверное, несправедливое, низкое, мелкое и всё прочее должно натолкнуться на наше мужественное и твёрдое НЕТ*». Гражданственное твёрдое «*нет*» и твёрдое гражданское «*да*» не появляется откуда-то сверху, снизу или со стороны, не приходит по наитию от Всевышнего и не нашёптывается злобным дьяволом. Оно рождается и зреет в нас самих - в наших душах, нашем разуме и нашем духе. Его, это решительное «*нет*» и не менее определительное «*да*», не требуется даже произносить вслух в каких-то коллективных заявлениях. Его просто нужно вложить в нашу повседневную практическую жизнь и в наше духовное творчество, выразив в них всю полноту нашего благородного презрения ко всему злому, фальшивому, уродливому, неверному, несправедливому, низкому и мелкому. Гордое русское слово «*гражданин*», по утверждению этимологов, произошло от обыденного слова «*горожанин*». То есть первоначально оно не имело своей подчёркнутой гражданственной качественности. Эту свою особую качественность оно обрело в России значительно позже в словосочетании «*почётный гражданин*». Этим титулом наделялись, по Далю, купцы и недворяне за заслуги и выслугу, а также военные и гражданские чиновники, не выслужившие ни потомственного, ни личного дворянства. Дворянство в России, как известно, даровалось, причём исключительно сверху, императорским указом. Почётное же гражданство присваивалось обществом, по сути, снизу, причём за заслуги именно перед обществом и народом. Гражданское общество в России можно будет считать подлинно сформированны только тогда, когда оно станет достаточно наполнено почётными гражданами, доказавшими свою верность Отечеству и полную меру ответственного служения своему народу. Без этого все разговоры о российском демосе и российском гражданском обществе будут оставаться пустым звуком или, хуже того, краплёной картой политической игры наших безответственных либералов.

* * *

Взятая для иллюстрации предыдущей главы сказка «*Волшебный конь*» относится к серии сказок, где в главных «*героях*» ходят лошади. Учитывая, что российский демос является частью российского общества, уподобленного выше волшебному коню, я и в подборе к данной главе остановился на сказке из этой же серии. Сказка эта называется «*Сивко-бурко*». В отличие от сильного, крепкого да красивого волшебного коня конь Сивко-бурко – совсем другой породы. Он бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом. Ни говорить, ни угадывать мысли, ни давать дельные советы он не умеет, а способен только быть рабски преданным своему владельцу, мгновенно превращать его в молодца, быстро скакать да мощно прыгать. То есть Сивко-бурко во многом уступает волшебному коню, но превосходит его своим устрашающим внешним видом. Повелителем Сивко-бурко является также личность намного менее достойная, чем богатырь и честный царский служивый Иван крестьянский сын. Это

третий сын умершего старика - Иван-дурак, который ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Своего чудо-коня он не покупал и не выхаживал, а получил в наследство от отца, можно сказать, по-дурости, так как трижды ночевал на его могиле, в том числе и вместо двух своих ленивых и трусливых старших братьев (просто не смог им отказать). Все подвиги Ивана-дурака свелись к тому, что он трижды ездил по кличу царя срывать царевнин портрет с дому, чтобы взять её «*взамуж*». На третий раз он преуспел и благодаря этому стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать. Мораль сказки совсем простенькая: «*Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу*».

Применительно к российскому демосу обе эти сказки взаимосвязаны. Первая («*Волшебный конь*») характеризует нормальный ход вещей в обществе, элите и государстве. Выведенный из худобы и паршивости, вскормленный на воле луговыми травами и омытый утренними росами волшебный конь (наиболее сознательная часть российского общества) верно служит сильному телом и духом русскому богатырю Ивану-крестьянскому сыну, ставшему царским крестником, который в конце концов делается царём, проявив недюжинную смекалку и пройдя через горнило всевозможных испытаний. Сказка «*Сивко-бурко*», напротив, демонстрирует нам путь наверх, сотканный из сплошных случайностей. Случайно на могиле отца трижды дежурил именно Иван-дурак. Случайно он заполучил огнедышащего коня - пылающую гневом, буйную часть российского общества. Случайно, наконец, он раздобыл царский приз и стал царским зятем.

Мораль в этой связи оказывается совсем не простой. Её подтекст, как и подтекст всей сказки, весьма сложен, глубок и исключительно поучителен. Ибо первыми идти спать на могилу к отцу должны были вполне умственно нормальные старшие братья. Почтить посмертный завет отца был не только их долг, но и право – право старшинства. Они-то и обязаны были по этому своему праву заполучить Сивко-бурко и использовать его в благих целях. Но уже старший брат, которому было «*коё лень, коё боялся*», послал вместо себя дурака выполнять эту неприятную, но необходимую миссию. Так же безответственно поступил и средний брат. Дар коня дураку явился таким образом в какой-то мере выражением гнева отца в отношении тех, кому он посвятил всю свою жизнь. Может быть, оттого и у коня был столь устрашающий вид, что он символизировал отеческую гневливость. Да, вблизи царя Иван-дурак оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать. Но это чисто внешние перемены, которые, как правило, не меняют внутренней сущности приходящего во власть человека. Благоволя к безотказному дураку и наделяя его за доброе сердце всеми мыслимыми благами, сказочник всё же не удерживается от упрёка его старшим братьям, которые, будь они поответственнее, поактивнее и посознательнее, получили бы всё то же самое, что и дурак, да и властью смогли бы, по-видимому, распорядиться по-умному. Переиначивая мораль сказки, я бы сегодня сказал нашим либеральствующим умникам, что не стоит передоверять право будущего обустройства родного дома Ивану-дураку, а надо честно, добросовестно и предельно ответственно исполнять свой гражданский долг и быть верными отцовским заветам.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКАЯ СТОЛИЦА – ЦЕНТР ИЛИ ПУП РУССКОЙ ЗЕМЛИ?

Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова.
Москва создана веками, Питер миллионами.
Москва всем городам мать.

Русские пословицы

1

Столица любого государства – явление особого порядка. Часто о ней говорят как о государстве в государстве, и нередко таковым она и является. Но вернее сказать о столице как о символе государства и одновременно как о его фасаде - парадной и гостевой части державы, изукрашенной и нарядно обставленной на зависть соседям. Все правители мира не жалели средств на обустройство и украшение своих столиц и неизменно во все века хвастали друг перед другом разного рода столичными новинками и диковинками. Иногда столица приобретала столь гипертрофированное значение, что заслоняла собой само государство. В прессе и политических кругах в последнее время стало модным вместо Соединённых Штатов Америки употреблять Вашингтон, вместо Великобритании – Лондон, Франции – Париж, Германии – Берлин, России – Москва и так далее. Во многом это связано с большой значимостью столицы во всех сторонах жизнедеятельности государства. Ибо столица есть политический, экономический, социальный, культурный и духовный центр государства, его главный нерв, его штаб-квартира, оплот его безопасности, мерило его процветания и величия.

Французы, не мудрствуя лукаво, обозначили столицу словом "*capitale*" – прилагательным, означающим в различном контексте понятия решительный, главный, необходимый, важный. В английском языке слово "*capital*" стало равным образом означать и столицу, и капитал. Соответственно и в перечне значений этого слова как прилагательного к перечисленным выше французским понятиям в английском языке добавилась форма «*капитальный*». И это весьма симптоматично для меркантильных англичан, весьма неравнодушных к материальной стороне жизни. Ибо в данном контексте столицу можно трактовать уже как средоточие государственных капиталов и вообще как город богачей. У русских, естественно, всё не так, как у всех, а совершенно по-иному. Макс Фасмер почему-то не счёл возможным или нужным проанализировать этимологию слова столица, ограничившись рассмотрением древне-русского слова «*столъ*», означавшего не только стол, но и престол, сидение. Владимир Даль, в свою очередь уделив должное внимание коренному слову «*столъ*», останавливается, тем не менее, на производном от него слове столица, трактуя его как стольный, престольный город, главный, первый в государстве, где пребывает высшее правительство, государь. Однако создаётся впечатление, что древние русичи определяли столицу не по значимости городов, а по принципу – «*где пан, там и пуп земли*». То есть, где стол государя, там и столица. По этой логике, достаточно было разбить шатёр среди степи, водрузить в нём трон царя и расставить вокруг столы его письмоводителей - и вот столица готова, и по всей территории государства несутся гонцы с государевыми указами. В подобной трактовке столицы мы пошли не по западному пути фактического главенства определённой местности, региона или самого крупного города и приспособления его под нужды правителя страны, а по восточному принципу, провозглашающему главенство личности властителя. Ибо у покоривших древнюю Русь монгол сакральное слово «*орда*» означало именно «*ставку*» правителя государства. Тем самым получается, что для русского, как и для монгола, столица изначально значима была не сама по себе, не как самостоятельная величина, а лишь как резиденция царствующей особы и вместилище её служб.

Это подтверждается тем фактом, что, несмотря на то, что Москва была многовековым центром собирания русских земель, Россия довольно безболезненно поменяла её в качестве столицы на Петербург, как только Пётр I в начале восемнадцатого века обустроил его и объявил своей резиденцией. По тем же причинам и столь же беспроблемно Владимир Ленин возвратил Москве в 1918 году столичный статус, переведя свой революционный штаб из петербургского Смольного в московский Кремль. В связи с этим заслуживают внимания любопытные коллизии, возникшие в соседнем Казахстане в середине девяностых годов прошлого века в связи с попытками всесильного Нурсултана

Назарбаева перенести столицу из Алма-Аты в Акмолу. Национальной элите Казахстана были вполне понятны политические мотивы своего президента, стремившегося укрепить позиции казахов в северных землях, населённых по преимуществу русскими людьми. Но национальная элита Старшего жуза, распространявшая своё преобладающее влияние на административные и правоохранительные органы казахского государства, решительно воспротивилась переносу столицы. Вопрос удалось решить лишь с помощью восточной хитрости, когда Назарбаев, исчерпав другие средства, попросил народное собрание Казахстана «*подарить*» ему решение о переносе столицы в день своего рождения. Первыми в новую столицу, естественно, переместились «*столы*» - резиденция президента и правительственные органы. А затем потянулся туда и весь служивый люд, а сам город Акмола был переименован в Астану, переводимую как "*столица*".

2

Внутреннее, смысловое понятие российской столицы, по сути, неотделимо от понятия самого российского государства. Подобно тому, как без государя в русском понимании не может быть государства, точно так же только с государем и государством появляются престол и стол, а также место сидения и стояния государя - столица. Народные мудрецы выделяют четыре столицы российского государства – Новгород, Киев, Москву и Петербург, расставляя среди них приоритеты следующим образом: «*Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова*». Согласно с этой народной традицией, начнём рассмотрение исторических метаморфоз российской столицы с древнего Новгорода. Несмотря на противоречивость разных источников и трудность отыскания надёжных и точных исторических сведений более чем тысячелетней давности, не подлежит сомнению то, что именно Новгород Великий был самой первой столицей русского (будущего российского) государства, а пришлый князь Рюрик – первым русским государем. В этой связи навязываемые украинскими националистами споры о первенстве Киева в истории древней Руси представляются не вполне корректными. Только в двенадцатом веке Новгород стал вторым по значению после Киева центром Киевской Руси. Но даже при этом Новгородская (русская) земля включала в себя часть Прибалтики, часть Карелии, южную часть Финляндии, южное побережье Ладоги, Обонежье, берега Северной Двины, обширное пространство европейского севера вплоть до Урала. По существу, Новгород оставался второй столицей Древней Руси, хотя «*стол*» государя и находился в Киеве.

История Новгорода для нас значима ещё и тем, что русская государственность в нём обрела особые, уникальные в русской истории черты – форму общенародного правления. С 1136 по 1478 год Великий Новгород представлял собой Новгородскую республику, управлявшуюся вечевым образом и гордо именовавшую себя Господином Великим Новгородом. Историки до сих пор спорят о том, что было бы с Россией сегодня, если бы древняя Русь пошла не по киевско-московскому великокняжеско-царскому пути, а стезёй господина Великого Новгорода, более трёхсот лет свято чтившего свои демократические традиции. Андрей Буровский, например, убеждён, что, если бы в пятнадцатом веке Новгород устоял, а Москва, наоборот, пала, то сегодняшняя Россия давно уже стала бы Русской Европой - в высшей степени цивилизованным демократическим европейским государством. Как бы то ни было сегодня следует признать, что Великий Новгород как первая столица русско-российского государства, являл собой серьёзнейший исторический эксперимент, дающий нам возможность внимательно и непредвзято изучить его плюсы и минусы и предоставляющий нам право без чужих заимствований учесть его в нашем будущем государственном демократическом строительстве. Здесь же хотелось бы подчеркнуть, что история русского государства, отражённая в опыте первой русской столицы, начиналась сложно – то с изгнания варягов,

то с призыва их на княжение, но вылилась в собственный, русский путь, независимый и ни на кого не похожий.

Киевский этап развития древнерусского государства – это уже принципиально отличный от новгородского, другой тип русской (российской) столицы и новая форма русского (российского) государства. Его начало было весьма заурядным и не предвещало будущего расцвета Киева и его величавости. В «*Повести временных лет*» говорилось: «*И было у него* (новгородского Рюрика – А.А.) *два мужа, не родственники его, но бояре… Отправились они по Днепру, и… увидели на горе небольшой город*». Опрошенные жители сообщили, что «*были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам».* Аскольд и Дир остались в городе и стали владеть землёю полян. Рюрик же княжил в Новгороде. Киевляне, судя по "*Повести*", являлись людьми безначальными, брошенными на произвол судьбы и безропотно платящими дань хазарам, которые даже не удосужились поставить в Киеве своего наместника. Аскольд и Дир не просто прибрали бесхозный Киев к своим рукам, но ещё и насадили в нём множество варягов, которые, по-видимому, образовали не только дружину пришлого государя, но и весь его управленческий аппарат. Тем не менее, стольный Киев, принесший на Русь христианство, при Ярославе Мудром и Ярославичах стал одним из крупных мировых культурных центров, по сравнению с которым даже Париж казался королеве Анне Ярославовне глухой провинцией. Но уже в начале XII века Киевская Русь распалась, а сам Киев с прилегающей к нему территорией вновь потерял самостоятельное значение, влившись в Литовское великое княжество.

3

Что касается стремительного возвышения захолустного окраинного селеньица Москвы, впервые упомянутого в летописи лишь в 1147 году, до столицы могущественного русского и российского государства, то историки до сих пор теряются в догадках, как и почему всё это произошло. Историк Александр Зимин, например, рассматривая три тенденции или силы поступательного развития России, первой (и главной из них) называет Новгород и Тверь. Ко второй по значимости он относит Север и верхнее Поволжье (Галич, Вятка, Углич и Устюг). И лишь к третьей силе (самой, с его точки зрения, незначительной) причисляет хлебородный Центр с его средоточием - Москвой. Зимин искренне полагал, что Москва ни в коем случае не должна была стать центром собирания русских земель. Иван Ильин, объясняя феномен возвышения Москвы, как и многие другие до него, делал упор на географический фактор. «*Москва,* - писал он, - *находилась в речном центре страны, и борьба за речную свободу и речное замирение была для неё железной необходимостью*». Разумеется, география сыграла свою роль, тем более что Москва была не только речным центром страны, но и вообще являлась почти идеальной сердцевиной всей Европейской части России, сыгравшей решающую роль в формировании российского государства. Историк Василий Ключевский видел в Москве и прилегающей к ней местности некую тихую заводь и надёжное убежище. «*В Москву,* - писал он, - *как в центральный водоём, со всех краёв Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы*». Но было в Москве и нечто другое, позволившее русским народным мудрецам назвать её сердцем России и русского народа. Рассказывая о себе художественному критику Владимиру Стасову, художник Виктор Васнецов писал: «*Когда я приехал в Москву, то почувствовал, что приехал домой и больше ехать уже некуда – Кремль, Василий Блаженный заставляли чуть не плакать, до такой степени всё это веяло на душу родным, незабвенным*». Горделивый до надменности Новгород, льнущий к Западу «*ласкавый*» Киев, богатеющая купеческая Тверь и вечно бунтующий непокорный Галич были значимы каждый сам по себе, но, думается, именно скромная, благочестивая и трудолюбивая Москва смогла стать родным домом основной массы русских людей, воплотить в своём русском образе жизни и самодостаточной деятельности их духовные чаяния.

Уже в наши дни посол Турции в Российской Федерации Айдын Сезгин, говоря о Москве, отмечал, что город обладает особым характером. *С одной стороны*, - отмечал он - *многовековая солидность, а с другой стороны – динамизм, присущий столице как мировому политическому, экономическому и культурному центру*». Здесь, по сути, речь идёт как бы о двух соединённых вместе, но непохожих друг на друга городах и столицах, в высшей степени разных и даже сущностно как бы противостоящих одна другой. Так оно и есть на самом деле. Владимир Гиляровский в своей книге «*Москва и москвичи*» чётко различал две Москвы – «*старую*» и «*новую*» и видел в старой Москве фон новой, который должен отразить величие второй. Эти слова, написанные в 1934 году, отдают лестью не столько новой Москве, сколько её советским властям, стремившимся кардинально переделать и вытеснить из советской столицы старую Москву. Старая Москва, тем не менее, отступала, но не сдавалась, оставаясь не только фоном, но и душой новой Москвы. В течение всей допетровской эпохи три направления развития Москвы стали, по сути, и главными принципами формирования, становления и укрепления могущества русского государства. Первое из них - безусловное церковное благословение московских властей и тесный союз последних с Русской православной церковью, обретавшей исключительное духовное влияние в процессе возвышения Москвы. Второе - постепенное целенаправленное ослабление зависимости от Золотой Орды с одновременным укреплением собственной властной вертикали жёсткими, ордынскими методами. Третье - неустанное распространение влияния на всю Русскую землю с подчинением себе независимых княжеств. Таков довольно непростой, но весьма значимый для России путь Москвы как столицы русского государства от Ивана I (Калиты) до Петра I (Великого).

По описанию Александра Зимина, город Москва в пятнадцатом веке располагался на возвышенном мысу, образованном рекой Москвой и её небольшим притоком – Неглинной. Его основу составлял белокаменный Кремль, сооружённый в 1367 году Дмитрием Донским. Кремль был застроен соборами, великокняжеским дворцом и дворами феодальной знати (как светской, так и духовной). За Кремлём лежал посад, населённый ремесленниками и торговцами. Радиально исходившие из Москвы дороги соединяли город с Большой Ордой («*Ордынка*»), Серпуховом («*Серпуховка*»), Коломной и Калугой. Речные пути по Клязьме и Оке вели к Волге, которая долгое время находилась под контролем Нижнего Новгорода. Краевед Александр Бобров отмечал, что "*матушка-Москва*" немыслима без посадов, пригородов, без городов – младших братьев вроде Дмитрова и Звенигорода. "*Её и звали-то,* - подчёркивает он, - *большой деревней*». В подтверждение слов драматурга Александра Островского, что «*в Москву вливалось всё самое свежее и талантливое, что есть на Руси*», следует отметить, что уже при Иване III в Москву были свезены умельцы-ремесленники, вольнодумцы-еретики и архитекторы со всей Русской земли, которые и создали шедевры русской культуры конца XV века. Таким вот образом в течение веков и развивалась, по выражению Зимина, «*крепостническая, крестьянская и монашествующая Москва*». Её-то и презрел гениальный политический стратег и непревзойдённый социальный реформатор Пётр Великий, счевший себя бессильным бороться с упрямой русскостью старой столицы и предпочевший создать с нуля на западный манер новую российскую столицу, полностью отвечавшую его грандиозным целям и замыслам.

4

Основание на голом месте в 1703 году города Санкт-Петербурга и превращение его в 1712 году в российскую столицу означало не просто смену географических координат. Это был магический символ и одновременно практический рубеж кардинальных перемен в стиле и ритме жизни русских людей, в ломке их миропонимания и мироощущения. В то время как Москва была столицей органически формировавшегося и естественно развивавшегося Московского (русского в своей сути) государства, Санкт-Петербург в качестве столицы в течение двух веков утверждал и олицетворял наднациональное

российское имперство, провозглашённое Петром. В этом римско-германском, сугубо западническом имперстве тирания в отношении русского народа странным образом должна была означать символическое равенство прав всех народов в империи под эгидой всевластного и в высшей степени горделивого русского царя. Само наименование новой столицы Санкт-Петербургом в честь святого Петра - «*патрона*» правящего русского государя-реформатора - носило некий священнодейственный, культовый характер, долженствовавший освятить не только вновь созданный город, но и личность самого государя – будущего императора («*повелителя*») всея Руси. Современные исследователи подчёркивают, что Петербургу Пётр I уделял особое внимание. По его мысли, столица новой победоносной европейской империи должна была воплотить в себе все черты величия и славы Российского государства, претендовавшего на роль лидера в европейской политике. Он мечтал не просто построить новый, вполне европейский город, но и сделать его «*величайшим и славнейшим паче всех городов в свете*». То есть превратить его в главный город Европы, а может быть, и в её столицу.

Именуя Петербург «*головой*», то есть отдавая дань умственным способностям заседающих в новой столице «*мозговитых*» правителей России, русский народ, думается, так и не полюбил города на Неве. Не примирился он и с новой надменной российской элитой, отгородившейся красивой каменной стеной от верной вековым традициям народной массы. Утверждая, что «*Москва создана веками, Питер миллионами*», русские народные мудрецы, с одной стороны, подчёркивали свою верность Москве, а с другой - демонстрировали своё неприятие новоявленного выскочки - Петербурга. Слова создан миллионами имеют применительно к Петербургу, по сути, двоякий смысл. Первый план – это подчёркивание роскоши и помпезности нового города с прозрачным намёком на то, что он является пристанищем богачей, ворочающих миллионами. Вторым же планом проходит безусловное осуждение жертв русского народа, понесённых миллионами крестьян и рабочих, принудительно согнанных на строительство северной Пальмиры. Сопоставляя Москву и Петербург в качестве столичных городов, народные мудрецы отдавали явное предпочтение Москве, которую они любовно именовали «*белокаменной*», «*златоглавой*», «*хлебосольной*», «*православной*», «*словоохотливой*». В то же время Питер оставался для них чужаком и характеризовался, например, такими пословицами, как «*Питер женится, Москва замуж идёт*» (намёк на неравный брак), «*Питер – кормило, Москва – корм*» (намёк на паразитирование питерцев), «*славна Москва калачами, Петербург усачами*» (намёк на вельможность Питера), «*хорош город Питер, да бока повытер*» (намёк на его чрезмерную дороговизну).

Исходя из этих весьма значимых для России духовных реалий, русский византиец Константин Леонтьев в своей книге «*Цветущая сложность*», вышедшей в 1892 году (ещё задолго до революции), пророчески предрекал, что московская Русь переживёт петербургскую. Так оно в конечном счёте и получилось, но далеко не в том виде, на который рассчитывал мыслитель. При всех негативных для России нюансах, которые таило в себе петербургское западническое имперство, следует отметить, что северная столица сыграла важную роль в цивилизовывании российской ордынской государственности и развитии общероссийской культуры. Решительная и жестокая борьба первого российского императора с русской дикостью, напоминавшая зачастую типично азиатские, ордынские методы, началась именно со столицы, а затем сама столица стала образцом европейской цивилизованности и мерилом отречения России от её варварства. Может быть, за исключением Павла I, другие российские самодержцы были менее деспотичными по стилю своего правления, но все они неукоснительно соблюдали цивилизационный завет Петра Великого и в меру своих сил боролись с русской дикостью и варварством, используя Петербург как силовой инструмент цивилизовывания России. При этом, если в насильственном облагораживании России и болезненном причёсывании её частым западным гребешком можно найти не только несомненный внешний позитив, но и весьма существенный внутренний негатив, то в плане культуры дело обстояло совсем

иначе. Начатый Петром I масштабный образовательный процесс при его петербургских преемниках, особенно при вольтерьянке Екатерине II, приобрёл характер полномасштабной российской культурной и духовной революции. Петербург с его мощными культурными центрами, приглашёнными иностранными учёными и деятелями культуры, отечественными подвижниками просветительства русского народа, а также благодаря широким связям с крупными центрами, деятелями и носителями культуры других стран служил органическим связующим звеном специфической русской культуры с мировой культурой, делая этот процесс взаимообогащающим. Кроме того, северная столица, будучи имперским узлом пересечения культур разных народов многонационального российского государства, явилась прообразом творческой лаборатории, в которой базовая русская культура, сплавленная с культурными элементами других российских этносов, превращалась в синтезированную и подчёркнуто светскую российскую культуру.

5

Устойчивое соперничество Петербурга и Москвы в качестве фактической (административной) и номинальной (исторической) столиц российского государства на всём протяжении «*питерской эпохи*» не только не мешало общероссийскому культурному процессу, но, наоборот, придавало развитию собственно русской и полицентричной российской культуры необыкновенный динамизм, разносторонность и масштабность. Яростная борьба петербургских западников и московских славянофилов способствовала расширению и углублению культурного процесса в российском обществе. Западники старались основательно проанализировать и ментально освоить весь культурный пласт Западной Европы, вычленяя из него всё самое положительное - прогрессивное ядро. В свою очередь славянофилы всерьёз занялись изучением собственно русского и общеславянского культурного наследия, акцентируя внимание на его органике и самобытности. Не будучи сами по себе западниками и славянофилами, философ-скептик Пётр Чаадаев и поэт-романтик Александр Пушкин, сами, может быть, того не желая, дали толчок развитию критического западнического и апологетического русского направлений российской общественной мысли и подтолкнули их к культурному единству и ментальной борьбе противоположностей, необычайно обогативших общероссийскую культуру.

В марте 1918 года, когда пророчество Константина Леонтьева сбылось и Москва «*пережила*» Петербург, возвратив себе первопрестольный статус, с ней самой произошло то, что Пётр в своё время сотворил с Петербургом. Её начали выстраивать заново, выбрасывая на свалку весь исторический «*хлам*» и создавая с символического нуля столицу новой, советской России. Создавалось впечатление, что Владимир Ленин попросту бежал из Питера, не желая, подобно Петру, тратить время и силы на реформирование громоздкой столицы Российской империи. Однако следует учитывать и то, что северная столица представляла собой пролетарское ядро России, долженствовавшее стать оплотом и двигателем социалистических преобразований в стране. Москва же, даже будучи ранее стольным городом русских царей, оставалась «*большой деревней*» и сердцем русского народа, крестьянского по своему духу. Английский историк и социолог Арнолд Тойнби в книге «*Постижение истории*» высказал мысль, что столица государства должна располагаться в максимальном приближении к потенциальному врагу. В полном соответствии с этим суждением Пётр, стремившийся прорубить окно в Европу, продвинул российскую столицу далеко на Запад, обосновав свою штаб-квартиру на западных рубежах российской империи. Враг был внешний, и столица расположилась практически на самой границе империи. Владимир Ленин, наоборот, из соображений безопасности вроде бы вновь укрыл штаб-квартиру ослабевшего российского государства в глубине России. Но это кажущееся отступление было весьма обманчивым. На самом деле столица революционного государства была

вновь максимально приближена к потенциальному врагу, находившемуся на сей раз в самом сердце России. Этим смертельным для социалистической революции врагом был русский исторический традиционализм и мелкобуржуазная сущность российского крестьянства, грозившая бесконечной регенерацией частнособственнических интересов и распространением их по всей России. Главный враг стал внутренним, и революционную штаб-квартиру решено было установить в самом его «*логове*» - в патриархальной Москве.

Гражданская война между «*белыми*» и «*красными*», о которой так много и так страстно говорят в последнее время, была лишь внешним фоном более грандиозной и масштабной внутренней битвы, развязанной большевиками против своего народа. Анатолий Уткин справедливо отмечал, что большевистское руководство, взяв курс на быстрое строительство в России социализма, осуществляло его «*вопреки России*», проявляя при этом особое, безжалостное отношение к стране и народу. Благодаря такой весьма специфической политике ленинская и сталинская Москва, будучи главной столицей советского государства, очень быстро утратила не только свою традиционную русскость, но и российскость тоже. Она всё больше превращалась в мировой центр «*всего прогрессивного человечества*» и штаб-квартиру социалистического лагеря. В ней комфортнее, чем все русские и советские люди, чувствовали себя главы и элита социалистических государств, а также лидеры коммунистических и социал-демократических партий всего мира. Питер же превратился в исторический мемориал социалистической революции и кузницу революционных кадров, воинственно продвигавших и насаждавших коммунистическую идеологию в советском обществе и советском народе в целом. Москва в конечном счёте стала мегацентром воинствующей социалистической идеологии и своеобразным закрытым городом коммунистического труда. В то время как Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика («*равная*» среди шестнадцати союзных республик) не имела своего ЦК КПСС, которые существовали в других республиках, Московский горком партии был фактически приравнен к центральному комитету компартии союзной республики, а каждый столичный райком партии обладал равными правами с любым обкомом КПСС. Тем самым Москва превратилась в некую эталонную семнадцатую республику, заслонив собой и вытеснив на обочину политической жизни Российскую Федерацию, которая стала конгломератом российских провинций и бесправным придатком собственной столицы.

6

Всё это способствовало необычайной срощенности и беспрецедентной взаимозависимости общесоюзной и московской властных элит. Персонального хозяина в Москве фактически не было. Бессменный многолетний глава Московской городской партийной организации и влиятельный член Политбюро ЦК КПСС Виктор Гришин в последние годы либо болел, либо попросту манкировал своими обязанностями, месяцами не появляясь в своём рабочем кабинете. Но столица продолжала работать, как часы, не меняя ни своего стремительного темпа, ни своего сверхнапряжённого ритма жизни. Дело в том, что московская элита превратилась к этому времени в коллективного хозяина, причём не только столицы, но и всего Советского Союза. Думается, именно в силу этого Москва стала не только центром революционных событий 1991 года, но и той решающей силой, которая в одночасье сменила власть в стране и развернула на сто восемьдесят градусов политический вектор российского государства. Всё это было бы вполне естественно, закономерно и плодотворно, если бы столь крутые перемены в стране производились не в интересах оторвавшейся от народа столичной элиты, а ради утверждения попранной большевиками подлинной российской демократии. Лозунги поддержанной Питером московской «*революции*» 1991 года были в высшей степени демократическими, но её методы оказались большевистскими, а реальные цели – антинародными. Ибо, кто же, любя свой народ и желая ему блага, возьмётся утверждать

гуманнейшие либеральные ценности жестокими варварскими методами «*шоковой терапии*»? Разумеется, только тот, кто народ свой в лучшем случае не любит и кто жаждет сверхблаг для себя и узкого круга «*своих*» людей. Потому-то и начали строить новую жизнь по американским лекалам, что хотели в очередной раз унизить свой народ и не дать ему возможности установить подлинное народовластие, способность к которому он продемонстрировал ещё в вечевой Новгородской республике, на заре создания русского государства.

Сегодня главная российская столица, по сути, распалась на две Москвы. Одна из них – город богатых и сверхбогатых людей, живущих в элитных квартирах, роскошных домах и закрытых микрорайонах (наподобие пресловутой Рублёвки), раскатывающих на двух-трёх престижных автомобилях (нередко в сопровождении вооружённой охраны), отоваривающихся в дорогих бутиках, имеющих приличные вклады в зарубежных банках и владеющих солидной недвижимостью за границей. Другая Москва – не то чтобы нищая (хотя и настоящих нищих в ней хватает), но с трудом сводящая концы с концами в этом чрезвычайно дорогом мегаполисе, а иногда и живущая за чертой бедности. Между первой и второй Москвой разница в уровне жизни превышает запредельный мировой уровень, составляя разрыв в пятьдесят раз! Контраст не просто разительный, но по-настоящему взрывоопасный. Вторая тревожная тенденция развития современной Москвы как столицы российского государства заключается в её одновременной космополитизации и интернационализации. За последние двадцать лет Москва стремительно утрачивает свой исторический облик. И в этом отчуждающемся от народа громадном мегаполисе всё большую роль начинают играть иностранцы, заселяющие целые микрорайоны и навязывающие коренным москвичам свой образ жизни и свои культурные традиции. По материалам «*Комсомольской правды*», опубликованным в 2010 году, складывается следующая не очень обнадёживающая простых москвичей картина. Компактнее всего селятся в российской столице китайцы, образовавшие небольшие «*чайна-тауны*» в Очакове. Кроме того, китайцы, вьетнамцы и азербайджанцы начали массово перебираться из Измайлова и Преображенского в Люблино. В Тушино и Новогиреево, по свидетельству газеты, можно найти все народности Средней Азии и Кавказа. В Зюзине и Царицыне социологи обнаружили поселения афганцев и пакистанцев, в Марьиной роще – грузин. «*Через 7 – 10 лет*, - делают неутешительный прогноз аналитики газеты, - *в Москве сложатся настоящие анклавы. Мы на полпути к национальным районам*».

Пока столичный интеллигент Лев Аннинский осторожно и деликатно рассуждает о необходимости культурной ассимиляции в столице, которая, по его словам, должна получаться сама собой, Москва как столичный мегаполис идёт в натяг и в разбалансировку. Всего за восемь последних лет её население, судя по недавней переписи, увеличилось более чем на миллион жителей, достигнув в 2010 году 11,5 миллиона человек (при общей тенденции сокращения численности населения в целом по России). При этом, по данным Федеральной миграционной службы, почти все проживающие в столичном регионе более полумиллиона мигрантов находятся на нелегальном положении. Лев Аннинский прав в одном – чистым администрированием эту проблему вряд ли удастся решить. Но и на самопроизвольную культурную ассимиляцию рассчитывать не приходится. Китайцы, вьетнамцы, афганцы и другие иностранцы для того и селятся компактно, чтобы иметь возможность создавать особые культурные анклавы, живущие по своим собственным неписаным законам, нередко вступающим в противоречие с традициями Москвы и законами страны проживания. Получается парадоксальная ситуация. Разваливая Советский Союз и апеллируя при этом к национальным чувствам населявших его «*нерусских*» народов, идеологи либерализма делали упор на том, что СССР был едва ли не тюрьмой народов, которым они, либералы, наконец-то даровали подлинную свободу. Но через два десятка лет усилиями тех же самых либералов Москва и Московская область с населением около двадцати миллионов человек (почти седьмая часть России) превратились в новый интернационал, построенный уже на принципах

безудержного стяжательства, взаимного недоверия и нарастающей вражды. Если Советский Союз не спасли узы официально декларируемого пролетарского братства и аффектированной дружбы народов, разве могут мирно удержать новый столичный интернационал цепи голого материального интереса, жёсткого конкурентного соперничества и пропаганда достижения личного успеха любой ценой?

7

В итоге в своеобразном плену у иностранцев оказалась не только низовая столица. В какой-то мере их заложниками становятся и правители России. Значительная часть российской элиты и особенно мощное околоэлитное столичное лобби, пользуясь безусловной поддержкой либеральной прессы, по сути, блокировали целенаправленную деятельность федеральных государственных органов в интересах всего российского народа, и особенно его русского большинства. В то время как в получивших государственную независимость бывших советских союзных республиках национальные элиты не только не стесняются заявлять о своих привилегированных правах, но и жёстко проводят политику их преимущественного удовлетворения, российская либеральная элита упорно настаивает на некой наднациональности. При этом точно так же, как и в приснопамятные советские времена, категорически не допускается даже возможность обсуждения на государственном уровне острых межнациональных проблем, и любое выступление в защиту прав национального большинства немедленно квалифицируется как проявление ксенофобии и экстремизма. Исследователь древнейшего на русской земле поселения под названием «*Аркаим*» (Южный Урал, 4800 лет назад) Олег Мушинский обратил внимание на то, что раз в семьдесят лет аркаимцы сжигали свой город и уходили на новое место. Потом они возвращались обратно и восстанавливали сгоревшее заново, причём точно в том виде, как было раньше. В связи с этим историк высказывает предположение, что город и всё, что в нём оставалось, приносились в жертву богам. «*Подобные обряды*, - уточняет он, - *хотя и с меньшим размахом, практиковались у славянских племён, когда для демонстрации мужественности/верности богам жертвовали самое ценное, что у человека было*». Это очень интересный факт, дающий ключ к пониманию не только немеркантильной сущности славянской души, но и истоков решительного русского характера. Мы столько раз в своей истории с необычайной лёгкостью и безоглядно разрушали своё собственное вековое наследие и начинали созидать каждый новый значимый этап в своей жизни практически с нуля, что это вошло в нашу традицию. Так было, например, при Петре Великом. Так совершалось в 1917 году и на всём протяжении советского периода. Так началось в 1991 году и продолжается поныне. И каждый раз крутые ломки начинались не только с символического, но и с фактического «*сжигания*» старой столицы.

По-видимому, всегда это было своеобразным нашим Рубиконом, ибо нам мало было обозначить переход к новому, но важно было сделать физически невозможным возврат к старому. И в этом наше принципиальное отличие от западников, превращающих столицы своих государств в города-музеи и становящихся заложниками собственных музейно-исторических традиций. В этом плане весьма показательны судьбы Москвы в Отечественной войне 1812 года и Парижа во Второй мировой войне. «*Москва*, - с болью в сердце писал очевидец тех трагических событий Алексей Ермолов, - *древняя столица, собственными руками превращённая в пепел, доказывала, что нет тяжёлых пожертвований для русского народа, и готовность его отметить войну несправедливую войною жестокою*». Россия, жертвуя своим историческим русским сердцем, выражала двести лет тому назад высшую степень решимости бороться с иноземным врагом до конца. Напротив, французы, оберегая свой город-музей, практически без боя сдали Париж немцам. Более того, маршал Анри Петен, «*спасая*» Францию, пошёл на позорное сотрудничество с гитлеровским нацистским режимом. Моральную цену того и другого

поступка каждый может определить согласно своим внутренним критериям. Но как исторические факты они, на мой взгляд, позволяют выявить реальный потенциал народа в новейшей истории человечества. Ибо лишь тот, кто способен перечеркнуть своё прошлое и начать свою вконец запутавшуюся жизнь с полного нуля, обладает подлинной силой духа и имеет перспективы своего творческого развития. Тот же, кто озабочен исключительно сохранением своих благ и богатого наследства своих предков, фактически обречён на прозябание и вымирание. Он заурядный рантье, живущий на проценты с капитала, созданного чужими руками.

Всё то, что собой представляет нынешняя Москва, со всей очевидностью указывает на то, что российская столица вполне созрела к своему очередному символическому «*сжиганию*». Точно так же, как в позднее советское время, ныне столичный мегаполис, разросшийся до катастрофических размеров и полностью утративший свою русско-российскую качественность, является самой настоящей социальной «*чёрной дырой*», всасывающей всю позитивную энергетику России и обращающей её на обслуживание сугубо московских нужд и интересов, разрастающихся с каждым днём в геометрической прогрессии. В эту дыру всё больше втягивается и федеральное правительство, которое вынуждено бросать увеличивающееся количество сил и средств на решение сугубо столичных проблем, отвлекая их от обустройства всей России. Это особенно стало заметно после ухода с поста столичного градоначальника Юрия Лужкова, который в угоду набравшей силу столичной элите настаивал на некой автономии Москвы от федеральных властей. Упразднение этой мнимой «*автономии*», упрочив вертикаль федеральной власти, привело к фактическому увеличению вливания федеральных средств в столичный регион и восстановлению тесных связей между общероссийской и столичной элитами. Явление Болотной площади и общая политическая активизация столичной общественности, создавшая реальную угрозу федеральным властям, делают Москву той болевой точкой, которую надо лечить постоянно и всё более эффективными лечебными средствами. Может статься, что в такой обстановке российским властям только и останется, как заниматься исключительно снятием политического напряжения в столичном регионе, отодвинув дела остальной России на второй план. Но те, кто хорошо осведомлён о реальной ситуации в российской столице, прекрасно знают, что, если заняться столичными проблемами всерьёз, то они не только не будут разрешаться, но, наоборот, будут нарастать едва ли не в геометрической прогрессии.

8

Мысль о возможном переносе российской столицы высказывается уже давно и очень многими. Но, думается, настало время решительно ставить вопрос уже не только о необходимости этого переноса, но и о невозможности дальнейшего существования российского государства и России в целом без её собственной столицы, предназначенной для решения глобальных задач не только самой России, но и кардинально меняющегося на наших глазах всеобщего мироустройства. Москва исторически формировалась как столица русского государства в рамках его европейской территории, причём в то время, когда не возникало даже мысли о перспективах её будущего громадного расширения. Пётр Великий создавал Санкт-Петербург тоже как столицу чуть ли не всей Европы. В том и другом случаях интерес был самый что ни на есть европейско-местечковый: Россия всю стратегию своего существования и развития строила с учётом прежде всего своего европейского фактора. Именно здесь, именно в Европе было тогда наше «*всё*». Мы очень хотели быть (или, по крайней мере, слыть) исключительно европейцами. А потому не только статус, но и менталитет этих наших столиц были сугубо европейскими. Стремясь превратить всю Россию не просто в одно из европейских государств, а в некую синтезированную Европу, Пётр, большевики и нынешние либералы превращали и превращают ныне в эту пресловутую Европу прежде всего российскую столицу. Затем, не совладав со всей Россией, они противопоставляли и противопоставляют ныне

европеизированную столицу всей стране и, по сути, ведут войну со своим народом, оставшимся верным своим российским традиционалистским принципам.

Сегодня ситуация в мире кардинально меняется. Однополярному европоцентричному мироустройству приходит конец. Как и положено нормальному земному состоянию, человеческий мир вновь обретает мощный и влиятельный второй полюс, противостоящий первому и уравновешивающий его. Новый, восточный мировой полюс имеет уже не узко идеологический, во многом искусственный вектор, а самый что ни на есть настоящий, естественный, подтверждённый тысячелетиями историко-гуманитарный цивилизационный базис. В этих условиях России надо, наконец, прекратить свою многовековую детскую игру в дочки-матери, догоняя и опережая маму-Европу. Признав свою реальную евразийскую сущность, мы должны занять своё собственное, только нам присущее место в двуполярном восточно-европейском гуманитарно-цивилизационном мире. И начать надо будет, как всегда, со сжигания мостов, то есть – с переноса престола. Москва как огромный мегаполис и историко-культурный центр России будет жить своей кипучей жизнью, играя важную роль в экономике и культуре русского и всего российского народа. За ней, как и за Санкт-Петербургом, останутся серьёзные цивилизационные функции. Но столицу как эффективный административно-управленческий штаб огромного российского государства необходимо продвигать на восток, поближе к нашему могущественному восточному соседу, который уже сейчас занимает ведущие позиции в мировой экономике, а в перспективе может стать локомотивом мирового развития.

Что касается конкретного места размещения и обустройства новой столицы, то следовало бы учесть тот факт, что в самый трудный период Великой Отечественной войны Иосиф Сталин, допуская возможность второго в российской истории оставления Москвы на растерзание врагу, не только определил место передислокации общесоюзного управленческого аппарата, но и дал указание провести необходимые работы по оборудованию командного пункта Ставки верховного главнокомандования. Местом, на которое пал его выбор, был, как известно, приволжский провинциальный город Куйбышев (ныне Самара). Исходя из того, что в это время оставалась вполне реальной угроза нападения Японии на наш Дальний Восток, выбор Куйбышева был в значительной мере обусловлен его некой равноудалённостью от двух опаснейших очагов войны. Но одновременно и стратегически этот шаг был весьма важен. Советский Союз мог обрести столицу, почти идеально уравновешивающую его уральский Север и среднеазиатский Юг, европеизированный Запад и первозданный азиатский Восток. В связи с этим возникает крамольная мысль. Реализуй тогда Сталин этот проект, возможно, мы и сегодня имели бы свой Вашингтон там, на далёких и спокойных берегах Волги. Более того, возможно и Советский Союз как великая держава до сих пор не распался бы, так как именно Запад и либеральное подражательное западничество полонили в первую очередь именно европеизированный автономный столичный мегаполис, а затем уже сыграли роковую роль в развале потерявшего управление советско-российского государства.

* * *

Перебирая сборник сказок в поисках подходящего для характеристики российской столицы сюжета, я не нашёл ничего более подходящего, чем сказка «*Золотая гора*». Она тоже не совсем идеально подходит для иллюстрации данной темы, но имеет некую изюминку, выражающую если не суть, то по крайней мере дух столицы. Комментаторы полагают, что сюжет сказки был заимствован из «*Тысячи и одной ночи*» и представляет собой русский вариант сказки о Гасане из Басры. Но этот иноземный акцент в русской сказке тоже не лишён привлекательности, ибо в духе российской столицы всегда присутствовал весьма заметная примесь иностранщины. По своему сюжету сказка довольно проста, и, повествуя о хитрецах, сама весьма бесхитростна. Её главным героем

является промотавшийся-прогулявшийся купеческий сын – тип, редко встречающийся среди российского купечества и, тем более, в качестве основного персонажа русской сказки. Этот отпрыск, по-видимому, далеко не бедных родителей до того обнищал и пал духом, что решил хоть что-то заработать просто лопатой. Не имея другого выбора, он нанимается на черновую работу к «*семисотному*» купцу, разъезжающему в раззолоченной карете и проживающему в своём золотом дворце неподалёку от высокой золотой горы. Подведя своего наёмного работника к этой горе, купец спаивает его, зашивает в лошадиное брюхо и после того, как птицы заносят его на вершину горы, заставляет копать золото и сбрасывать его вниз. Нагрузив золотом девять возов, купец оставляет работника «*сгинуть*» на горе, подобно другим девяносто девяти бедолагам. Чудом спасшись от неминуемой смерти, купеческий сын в отместку проделывает тот же смертельный фокус уже с самим хозяином. Сам же, набрав двенадцать возов золота, возвращается в купеческий дворец, женится на его красавице-дочери, овладевает всем купеческим богатством и со всей семьёй переезжает жить в столицу.

Оба купца – вовсе не символы русского народа. Народ в сказке представлен в двух случаях. Первый раз - в лице городских подёнщиков, врозь рассыпавшихся и по углам попрятавшихся при появлении коварного купца, о котором в народе, по-видимому, уже ходила дурная слава. Во втором случае народ – это те самые девяносто девять бедолаг, сгинувших на горе, став жертвами купеческой алчности и жестокосердия и поплатившись за свою простоту и бесхитростность. Купцы здесь олицетворяют некую касту или особую породу людей, хотя и вышедших из народа, но в силу меркантильности своей профессии внутренне переродившихся. Даже разорившийся купеческий сын остаётся в своей сути торгашом и сметливым дельцом, в жестокости не уступающим богачу, а в бессовестности даже превосходящим его. Потому-то и законное место его пребывания не среди народа и даже не в родном доме, а именно в столице, где он, по-видимому, будет своим не только по своему богатству и внешней представительности («*статный, рослый, кровь с молоком*»), но и по своему расчётливому уму и безжалостному сердцу.

Даже любя Москву за её радушие, гостеприимство и приверженность её простых жителей русским традициям, народные мудрецы всегда чётко различали в ней две ипостаси – собственно городскую и столичную. Городом они любовались и преклонялись перед его величавостью. Столицы же страшились и чурались, покоряясь пребывающим в ней властям, но не приемля их духовную чёрствость и неспособность к состраданию. Русские пословицы «*Москва ни по ком не плачет*» и «*Москвы не разжалобишь*» точно отражают отчуждённость народа не только от властей, но и от столичных барских нравов и столичного надменного духа. Сказочник «*Золотой горы*», вскользь коснувшись столицы как таковой, делает упор не на ней, а на губительности духа наживы, процветающего среди её элиты и делающего людей бесчеловечными. В отличие от простых и добрых Иван-царевичей, с которыми народ в сказках и в жизни связывает мечту об улучшении своей подневольной участи, безымянный купеческий сын и в конце сказки остаётся всего лишь безликим символом торжествующей личной удачливости. Его собственные двенадцать возов золота и присвоенное вместе с красавицей-женой чужое богатство не имеют к народу никакого отношения и лишь отдаляют этого псевдогероя от массы простых русских людей, научившихся вовремя прятаться от богатых лихоимцев. «*Золотая гора*» и есть в окнечном счёте суммарный символ народного представления о российской столице и столичных людях, поклоняющихся золотому тельцу и равнодушных к общенародным нуждам и интересам.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ – ОПОРА ИЛИ ОБУЗА?

Спи да лежи, государь денежки пришлёт; а не пришлёт, так и нас не сыщет.
Обомнётся, оботрётся – всё по-старому пойдёт.
Хороша Москва, да не дома.

Русские пословицы

1

Российская провинция традиционно считается антиподом российской столицы, а её жители предствляются людьми, контрастно отличающимися от москвичей и петербуржцев своими взглядами, вкусами и характерами. Само слово провинция имеет латинские корни – «*provincia*». В давние времена оно означало подвластные Древнему Риму внеиталийские территории, управлявшиеся римскими наместниками. Ключом к пониманию сущности современного понятия провинции может служить французский Прованс, бывший во второй половине девятого века самостоятельным королевством, затем в десятом-пятнадцатом веках уменьшившийся до уровня графства в составе Священной Римской империи и, наконец, присоединённый в 1481 году к Франции и получивший статус провинции. Многие из нынешних российских провинций тоже были в своё время самостоятельными русскими княжествами, соперничавшими с небольшим поначалу Московским княжеством и имевшими даже более солидные исторические заслуги по сравнению с ним. Но судьба переменчива, и они в конечном счёте были вынуждены покориться Москве, признав её главенство и свою подчинённость ей.

Владимир Даль к провинции в русском понимании относит губернию, область, округ, уезд, а провинциала трактует как «*живущего не в столице, жителя губернии, уезда, захолустья*». Но самое любопытное и совершенно отличное от тех же полных собственного достоинства французских провинций заключается в том, что в русском языке существительное провинция созвучно с глаголом провиниться, означающим проступиться, стать виноватым, быть виновным, погрешить против кого-то и чего-то; быть перед кем-то неправым, обидеть кого. И это вроде бы случайное созвучие на деле оказывается выражением сути взаимоотношений между российской столицей и российской провинцией. Российская столица до сих пор выстраивает свои практические контакты с российской провинцией как инстанция во всём правая и непогрешимая, а провинция, как правило, ведёт себя так, будто она чем-то когда-то очень сильно провинилась перед столицей и всё никак не искупит свою нескончаемую и вовеки непрощаемую вину. В российской административной практике слишком часто бывало и всё ещё бывает так, что провинция и провинность являются фактически синонимами.

Неравенство между российской столицей и российской провинцией осознанно углублялось, закреплялось и поддерживалось столичными властями разными способами, но больше всего превращением провинциальных городов в место ссылки провинившихся (опальных) слуг государевых по принципу «*с глаз долой – из сердца вон*». «*Дана мне власть,* - писал в «*Записках*» Алексей Ермолов, - *захватываемых при переходе через границу* (бежавших с поля боя дворян – АА)… *отсылать в Киев для препровождения далее в Оренбург и Сибирь*». Столь далёкая ссылка означала очень высокую степень провинности. Именно таким образом заселялась Сибирь декабристами, петрашевцами и прочими революционерами, покушавшимися на смену политического строя в России. За меньшие преступления тоже ссылали, но уже в провинциальные европейские центры России. Сам Ермолов, например, был ранее по навету заключён в Санкт-Петербургскую крепость и впоследствии отправлен в ссылку в Костромскую губернию, где начальством было объявлено ему "*вечное пребывание*". Местом ссылки могла служить даже вторая столица, как это случилось, например, с Александром Герценым, сосланным Николаем I в 1834 году из Петербурга в Москву.

2

Эта постоянная целенаправленная политика российских властей, озабоченных тщательной чисткой российской столицы как резиденции пребывания российского государя от разного рода «*нежелательных элементов*», а также бытовое снисходительно-пренебрежительное отношение столичных жителей к провинциалам в немалой степени способствовали укоренению извечного духовного противостояния столицы и провинции. Что, естественно, привело к формированию неких стабильных негативистских стереотипов или комплексов среди столичных жителей и провинциалов в отношении друг друга. «*Нам необходимо избавиться,* - писал Лев Аннинский, - *от двух комплексов – провинциала, ненавидящего Москву... и спесивого москвича*». По мнению уважаемого литературного критика, все разговоры о существенных различиях во взглядах, вкусах и характерах столичных жителей и так называемых провинциалов не имеют под собой объективных оснований, а потому их можно считать надуманными и сугубо личностными. По его логике, достаточно москвичу немного подольше пожить и как следует освоиться в Москве, а провинциалу пополнить личный объём информации – и всё встанет на свои места: различия сгладятся и улетучатся сами собой. К сожалению, в российских реалиях устранение столично-провинциальной контрастности – труд титанический и совершенно неблагодарный. На это могут потребоваться века целенаправленных усилий государства и общества, да и то вряд ли обойдётся без разного рода рецидивов и атавизмов.

Первое, что бросается в глаза при выезде столичного жителя в провинцию или при въезде провинциала в столицу – это полное несовпадение их ритма жизни. Николай Некрасов писал: «*В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война, а там, во глубине России – там вековая тишина*». Поэт вроде бы осуждает столицы (Петербург и Москву) за их шум и никчемную суету, противопоставляя им глубокомысленную вековую тишину российской провинции. Но и сам оказывается в плену расхожих штампов, так как эту фразу вполне можно толковать и как дифирамб столичному творческому началу, а глубокомыслие провинции уподобить гробовой тишине. Именно так, как правило, и воспринимали провинцию столичные светские циники, именуя её глушью, захолустьем, тмутараканью и воспринимая даже краткосрочное отлучение от столичного «*бомонда*» как величайшую трагедию. Но ритм – это всего лишь темп жизни, пульс её чисто поверхностного динамизма. Антиподность столицы и провинции идёт глубже и дальше, распространяясь не только на количественные параметры, но и на качество самой жизни. Столица и провинция зачастую воспринимаются как две страны и два народа. В их сущностном разрыве, разумеется, играет свою роль чрезвычайная удалённость Москвы от российских окраин. Но дело не только в этом, но прежде всего в духовном отчуждении, так как столица и провинция общаются друг с другом как бы на разных языках и на разном ментальном уровне.

В последнее время в российском обществе всё больше утверждается трагическая мысль о глобальном и всестороннем противоборстве российской столицы и российской провинции, чреватом катастрофическими последствиями для России в целом. Складывается даже впечатление, что речь идёт о формировании двух непримиримых фронтов, один из которых (столичный) является воинствующим оплотом оторванной от российских корней рафинированно-модернистской западнической псевдокультуры и либерально-меркантильного эгоистического образа жизни, а второй (провинциальный) непримиримо и неустрашимо выступает под знамёнами патриархального консерватизма, незамысловатой народной культуры и русских национальных и исторических традиций. С некоторых пор в российской интеллектуально-культурной среде понятия столицы и провинции стали как-то смещаться, приобретая смысловую расплывчатость и одновременно многоступенчатую сущностную отчуждённость. При этом понятие провинции стало стремительно укрупняться, отходя от конкретного воплощения в определённую губернию, область, округ, уезд и всё более конкретизируясь в образе всей России как суммарном олицетворении совокупной российской провинции. В

противоположность этому понятие столицы начало столь же стремительно сужаться. В географическом плане в нём появились такие термины, как спальные районы Москвы (столичные провинции) и Москва в пределах Садового кольца (подлинная административная столица). В плане культурно-социальном, помимо западнического выделения элиты как средоточия власть имущих, всё чаще стал фигурировать термин столичный бомонд, понимаемый как элита элит или сливки столичного общества.

3

Восприятие всей России как отсталой провинции, представляющей балласт социально-культурного развития российского государства, резко обозначилось в советский период и тогда же началось (параллельно с вытеснением городом деревни) агрессивное наступление коммунизированной столицы на Россию как символ провинции и оплот русского традиционализма. Со сменой политического режима в начале девяностых годов прошлого века разрыв между российской столицей (самодовлеющим мегаполисом Москвой) и российской провинцией (остальной Россией) не только не сократился, но, наоборот, многократно возрос. Брошенная столицей на произвол своей собственной судьбы современная российская провинция живёт разбросанно и трудно, по существу выживая наперекор многочисленным трудностям (естественным и искусственно нагнетаемым) под пристальным и жёстким надзором представителей отчуждённого и воспринимаемого негативистски федерального центра. Наблюдая со стороны жизнь современной России, посол Японии Масахару Коно заметил, что у нас громоздкое бюрократическое государство с низким уровнем эффективности на местах. В переводе с глубокомысленного восточного языка на современный практический язык эта фраза, по-видимому, должна означать, что мощный административно-бюрократический центр в либерально-демократической России намного перевешивает провинциальные «*места*», создавая противоестественные диспропорции в российском государстве и нанося серьёзный ущерб нормальному развитию страны и народа.

Эти диспропорции складывались у нас не сегодня и имеют не только географические, но и глубокие исторические корни. Российская государственность уже в силу своего сущностного авторитаризма строилась на принципах навязывания огромной российской провинции воли государя, зачастую подменяемой диктатом законодательно-бюрократического центра. Вынужденная беспрекословно исполнять навязываемые сверху законы, российская провинция традиционно уходила в глухую внутреннюю оппозицию деспотичному центру, придерживаясь в повседневной жизни не столько предписанных общероссийских законов, сколько неписаных, но тщательно соблюдаемых местных обычаев. В наши дни эта противоестественная для Запада, но привычная для России картина стала приобретать весьма специфические черты, выходя за рамки чёрно-белого внешнего контраста и приобретая характер сущностной враждебности. Либеральной социально-политической элите, прочно обосновавшейся в российской столице, по сути, чужды и сама российская провинция, и интересы проживающих в ней людей, и вообще всё то, что не даёт реальной и весьма ощутимой материальной выгоды. Выкачивая из российской провинции её природные богатства (нефть, газ, ценную древесину, разного рода полезные ископаемые), российская элита и столичный «*бомонд*» относятся к провинциалам сугубо потребительски. Распределяя в узком кругу основную часть получаемых доходов, они возвращают провинции лишь тот минимум средств, что достаточны для житейского сведения концов с концами, но которых явно не хватает для полноценной жизни, включая удовлетворение весьма разнообразных, в том числе и самых насущных, социо-культурных потребностей.

Реальность и фантастика проявляются в феномене современной российской провинции в удивительном парадоксе. Реальным является сам факт её, провинции, физического существования, но фантастическими кажутся те условия, в которых она существует и которые представляются немыслимыми для нормальной жизни, особенно в

сопоставлении с западными стандартами. Образцовый столичный менеджер, бывший первый заместитель мэра Москвы Валерий Шанцев, брошенный федеральным центром в 2005 году на укрепление Нижегородской области, так описывал своё первое впечатление о степени контрастности между столицей и провинцией. «*Честно признаться,* - вспоминал он - *разрыв был очень большой – и по уровню жизни, и по качеству жизни, и по внешним показателям, и по бюджетной обеспеченности*». Разумеется, усилия опытного столичного управленца Шанцева и поддержка заинтересованного в его успехах центра (до этого область управлялась губернатором-коммунистом, и отношение к ней было соответствующим) дали положительные результаты. Но даже в этих условиях Нижегородская область осталась во многом типичной российской провинцией со всеми своими типичными провинциальными проблемами. Уже в период правления Валерия Шанцева в Нижегородской области были закрыты 96 общеобразовательных школ и сокращены 1390 учителей. При полной обеспеченности области зерном, собственной мясной продукции в ней производится недостаточно, и мясо импортируется из Аргентины и других стран.

4

Разумеется, разрыв между столицей и првинциальными городами в России существовал всегда. Специфика наших дней состоит в том, что этот традиционный для России разрыв усуглубляется сегодня общим упадком провинции, которая утрачивает даже те элементы самоуважения и достоинства, которые были присущи ей в советский период. Причём этот упадок характерен не для каких-то отдельно взятых отсталых регионов, а для всей российской провинции в целом. Например, выживание таких значимых для страны областных центров, как Тамбов и Тверь, в последние годы происходило, по словам Вячеслава Лютого, по старинке, то есть безвольно и инерционно. Москвич Дмитрий Соколов-Митрич отмечает: «*Раньше был один город невест – Иваново. Теперь их десятки, если не сотни. Иногда такое ощущение, что в стране война и все мужчины ушли на форонт*». Философ-костромич Валентин Гринько констатирует: «*С профессионалами-философами в российской провинции туго, поэтому их часто замещают поэты, писатели, художники. Втюривают всякую чушь под видом вечных общечеловеческих ценностей*». И уж совсем повергают в отчаяние провинциальные наблюдения известного российского актёра и кинорежиссёра Александра Адабашьяна: «*Народ продолжает не жить, а существовать, постепенно вымирая целыми деревнями, целыми областями. Главное, воли к жизни нет у людей*». Всё это пишут и говорят люди весьма интеллигентные, разумные, вовсе не склонные драматизировать ситуацию в стране. Но суть их высказываний можно свести к сакраментальному «*так жить нельзя*», но относимому уже не к отвергнутой и всеми презренной советской эпохе, а к нашему сегодняшнему дню, славному своими либеральными ценностями.

Для оправдания своего духовного отчуждения от провинции и своего эгоистического невнимания к острым проблемам жизни российских провинциалов столичный бомонд (либеральная элита столичной интеллигенции) акцентированно муссирует сегодня тему так называемого провинциализма, трактуемого в сугубо негативистском плане. При этом делается упор на якобы присущие всем провинциалам необразованность и узость поля зрения, непомерные амбиции и необоснованные претензии. В конечном же счёте всё сводится к обвинению провинциальных элит и низовой российской интеллигенции в неспособности к творческому восприятию и отображению современной российской действительности. Подобный интеллектуальный снобизм либеральных корифеев столичной интеллигенции вполне соответствует привычному авторитаризму российских федеральных властей, склонных не взаимодействовать с местными властями в решении острых провинциальных проблем, а командовать ими в интересах укрепления вертикали власти и упрочения позиций либерал-

демократизма в стране. Авторитаризм же властей проистекает в свою очередь из деспотизма российской либеральной элиты, предпочитающей не искать компромисса с традиционалистскими провинциальными элитами, а демонстрировать своё презрение к ним и навязывать им своё видение российских проблем. Как это ни парадоксально звучит, но столь односторонний взгляд на провинцию и её «*провинциализм*» представляет собой не что иное, как провинциализм особого рода, а именно – столичный провинциализм.

5

Этому специфическому российскому столичному провинциализму больше всего подвержена сегодня именно та часть российской столичной интеллигенции, которая считает себя наиболее продвинутой, исповедует самые прогрессивные либеральные идеи и преклоняется перед западными духовно-гуманитарными ценностями. Уже в самом факте завистливой идеализации российскими поборниками либерализма западных ценностей, угодливой подражательности чужим нравам и безудержном стремлении насадить в собственной стране чуждые ей идеи таится некая провинциальная убогость и примитивный догматизм. Этот идейный и духовный западнический провинциализм рождает у наших фетишистов Запада неспособность не только к собственному творчеству, но и к творческому осмыслению самих либеральных принципов и идей, которые на самом Западе воспринимаются далеко не однозначно и у которых там имеется немало убеждённых и яростных противников. Этот столичный либеральный провинциализм рождает у наших доморощенных либералов полное бессилие духа, иждивенческие настроения и униженное упование на великих и непогрешимых деятелей мифического Запада, которые (только они одни!) придут и спасут Россию. Фанатически и начётнически уверовав в идолоизированный Запад, наши приверженцы либерализма в своей собственной стране держатся перед «*отсталой*» и «*непросвещённой*» аудиторией с крайним высокомерием, изрекая чужие мысли с непререкаемым апломбом – едва ли не как последнее слово божественной истины.

В этой связи, по-видимому, уместно заметить, что подлинная столичность основывается вовсе не на бездумном заимствовании чужих идей и жёстком, сугубо механическом приспосабливании порой очень сомнительных иноземных достижений к нашей ни на кого и ни на что не похожей российской действительности. Высокая духовно-культурная столичность тем и отличается от пресловутого провинциализма, что предполагает всестороннее и творческое осмысление требований времени и взвешенный, разновекторный и вариативный поиск оптимальных решений всё более обостряющихся современных проблем в первую очередь на основе собственного, российского исторического опыта. Разумеется, при этом нельзя обойтись без учёта опыта других стран и народов, но эти чужие эксперименты должны быть нами тщательно и трезво проанализированы. Причём не обязательно с исключительным ориентиром на Запад, но и в привязке к восточному вектору, который для нас (особенно для нас) исторически чрезвычайно важен. Отсутствие подлинного столичного культурного духа в элитарной среде столичной либеральной интеллигенции и полное забвение столицей провинции как таковой – явления одного смыслового порядка. Полностью отключившись от рассмотрения несущественных, по её мнению, провинциальных проблем и сосредоточив внимание исключительно на личностных разногласиях в своей собственной среде, столичная интеллигенция не только перестаёт чувствовать и выражать глубокое дыхание культуры, но и рискует утратить вообще столь ценимую ей в себе интеллигентность.

Судя по самому настоящему рейдерскому захвату культурного пространства Пермского края столичными либеральными «*просвещенцами*», об интеллигентности некоторых представителей столичного бомонда можно говорить только весьма относительно. По своим методам и практическим шагам наступление в Перми на местную культурную самобытность мобильной и целеустремлённой группы представителей

либеральной столичности больше напоминает агрессию, чем либеральную культурную революцию, на титул которой они претендуют. Хотя и последняя, учитывая китайский опыт полувековой давности, не может восприниматься без содрогания. Удивительно по нынешним временам то, что на этот сомнительный в культурном отношении эксперимент вдруг нашлись «*лишние*» средства, и, судя по масштабам «*революционной*» деятельности, – весьма немалые. В либеральный столичный эксперимент были вовлечены самые-самые «*сливки*» Москвы и Санкт-Петербурга. Более того, обнаружились и его ретивые приверженцы из числа представителей местной культурной элиты. На полную мощь был включён немалый административный ресурс, нацеленный на получение Пермью статуса культурной столицы Европы в 2016 году. По всему выходило, что данному эксперименту его организаторы придавали далеко не местное значение. Как минимум он, по-видимому, мыслился в качестве начального этапа культурного переворота в России, а по максимуму должен был срезонировать по всей Европе, а то и по миру в целом.

6

Интрига пермской либеральной культурной революции завязывалась ещё в девяностые годы прошлого века, когда ранее закрытый советский город Пермь (один из крунейших экономических центров страны, в том числе в оборонной сфере) был официально «*раскрыт*» и стал восприниматься в либеральных российских кругах как «*столица гражданского общества*» и даже как «*столица российского либерализма*». Надо сказать, что определённые основания для выбора Пермского края у организаторов либерального культурного эксперимента имелись. Ибо уже в давние времена российской истории Великая Пермь отличалась своей духовной нетрадиционностью и своим буйным нравом. Находясь в довольно условной зависимости от Великого Новгорода, «*пермские языки*» (смесь славян и финно-угорцев) жёстко сопротивлялись московской колонизации. Здесь пустило глубокие корни дохристианское язычество. Очень сильными в крае были и старообрядческие традиции. В силу этого в пятнадцатом веке Москва наступала на Великую Пермь сразу по двум направлениям – административно-территориальному (с выплатой дани центру) и миссионерски-духовному (бесцеремонное и порой очень жёсткое обращение жителей в православие). Писатель Павел Мельников (Печерский), большой знаток заволжского старообрядческого купечества, говоря об исключительной самобытности пермяков, отмечал: «*Пермь считает себя лучше всех городов и упорно стоит за своё. Пермь настоящий русский Китай*». То есть город был настолько не похож на другие русские города, что выходил за рамки русскости, уподобляясь Китаю как полному зарубежному антиподу России.

Идейным вдохновителем и организатором пермского культурного эксперимента являлся столичный галерист, искусствовед, коллекционер, «*человек-скандал*» Марат Гельман. Будучи приверженцем и пропагандистом так называемого актуального искусства, он, по сути, патронировал в российской культуре и искусстве интересы и принципы хулиганствующей группы «*Война*», скандально прославившейся питерским «*фаллосом*». Сам Марат Гельман главную задачу искусства видит в остром, проблемном, «*пусть и преувеличенном*», по его словам, отображении происходящих в стране процессов. Организованная им в Перми выставка «*Русское бедное*», представляющая собой уродливое сборище произведений из фанеры, пластика, мусора, гнилых досок, должна была стать не только главным революционным событием в культурной жизни Пермского края, но и своеобразным манифестом либерально-модернистского актуального искусства. Уже самим своим названием ("*Русское бедное*") выставка означала афронт не столько элитарному гламуру, сколько русскости как таковой. Всё провинциально-российское русское предстало на ней воплощением убожества, достойного саркастического осмеяния. В скандальном ключе прошла и организованная в 2010 году Гельманом в руководимом им Музее современного искусства PERMM выставка серии картин «*Волшебная психоделическая милиция*» петербургского художника Григория

Ющенко, карикатурно изображавшая быт российских милиционеров. Она не только расширила и углубила идеологический фронт наступления на традиционалистский пермский «*провинциализм*», но символически подключила к боевым действиям на культурном попррище в Перми вторую российскую столицу.

К чести пермской интеллигенции следует отметить, что она с самого начала решительно и дружно выступила против духовно разрушительной антикультурной деятельности в Перми Марата Гельмана и его либерально-революционных сподвижников. Но она была обречена бороться со столичной культурной напастью (в буквальном смысле слова), по сути, в одиночку, так как, с одной стороны, либеральный скандалист-революционер заручился безоговорочной поддержкой руководства областной администрации, а, с другой стороны, культурная общественность Москвы и Петербурга заняла в этом противостоянии выжидательно-наблюдательную позицию, в целом не одобряя действия собственных культурных «*революционеров*», но и фактически не препятствуя им. Тем не менее, в этой неравной борьбе победила не либеральная столица, а традиционалистская провинция, так как Гельман вынужден был в конце концов покинуть Пермь. Однако, учитывая тот факт, что либерал-скандалист тут же получил приглашение от губернатора Краснодарского края с обещанием выделить значительные средства на его культурно-разрушительную деятельность, победу пермяков следует рассматривать лишь как частный успех на огромном фронте борьбы российской провинции против деструктивной агрессии либерально-западнической столицы. Да, в Краснодаре Марат Гельман тоже получил решительный отпор со стороны местной общественности. Но эти факты говорят о том, что оборонительная борьба провинциальной культуры против навязываемого столицей агрессивного бескультурья продолжается. Продолжается, как видим, и странная и опасная политика заигрывания провинциальных властей с заезжими скандальными гастролёрами с явным противопоставлением себя своему собственному электорату, а их - провинциальной культурной общественности.

7

Сопоставляя ныне притихшую российскую провинцию с её бурным и напряжённым динамизмом советских времён, а также сравнивая нашу современную, во многом хаотичную российскую действительность с упорядоченным комфортным бытом провинциальных городов Западной Европы и Соединённых Штатов Америки, я, вслед за представителями нравственнической российской интеллигенции, возможно, излишне драматизирую нынешнюю социо-культурную ситуацию в российской провинции. Несомненно то, что ни в экономическом, ни в социальном, ни в культурном, ни в духовном плане российская провинция не сломлена. Политически она отступила, и было время, когда её экономика, социальная жизнь и культура были полностью парализованы разрушительными процессами либеральной революции. Даже позитивистский дух провинции был основательно подорван. Но это страшное время российская провинция стоически пережила, не бунтуя и не делая лишних движений по разбалансировке трещавшего по всем швам российского государства. Глядя на современную Грецию, где общественность всей страны (провинциальная в том числе) демонстрирует полный разлад со здравым смыслом, нельзя не придти к выводу, что наш народ, и прежде всего российская провинция, проявил в ответственный для страны период не просто здравый смысл, а самую настоящую мудрость. Сегодня уже можно говорить о возрождении творческого духа российской провинции. И это главное, так как без духовного возрождения немыслим никакой подъём в экономике, социальной жизни и культуре российского народа.

К сожалению, возрождающийся духовно-энергетический потенциал российской провинции не только не находит поддержки со стороны либерального центра, но, наоборот, встречает агрессивное и прямо-таки злобное сопротивление в среде столичного

либерально-демократического бомонда. Формирование Общероссийского народного фронта и восстановление выборности губернаторов, казалось бы, свидетельствуют об определённых позитивных подвижках центра в его отношении к российской провинции. Но, во-первых, оба решения были приняты действующей властью в самый разгар политической борьбы, а потому воспринимаются общественностью в качестве вынужденных шагов и сугубо конъюнктурных уступок центра провинции. К тому же, во-вторых, сами по себе народный фронт и выборность губернаторов - явления настолько сложные, что об их позитивности или негативности для провинциальной общественности и российской провинции в целом сейчас трудно говорить. По крайней мере выборность губернаторов была восстановлена сверху не столько по настоянию провинциальной общественности, сколько под либерально-демократическим давлением извне и в особенности со стороны столичной либеральной элиты. В условиях неискоренённой коррумпированности органов власти, причём сверху до низу, и засилья криминализированных кланов на местах эта мера для российской провинции может оказаться скорее отрицательной, чем положительной.

Возрождающаяся российская провинция нуждается сегодня не в популистских политических решениях сомнительного свойства, а в полной и качественной перестройке взаимоотношений российского центра с российской периферией. Причём административно-управленческая форма в системе этих отношений не столь уж существенна. Александр Солженицын видел главное в обустройстве России в восстановлении земского начала. Наши либералы настаивают на внедрении в России западнических муниципальных порядков. Коммунисты, наверняка, будут ратовать за возвращение к практике советов народных депутатов. Думается, в формальном плане мы могли бы оставить всё, как есть, подстраивая нашу административно-управленческую систему не под западные или наши «*бывшие*» образцы, а под реальные вызовы времени и фактические перемены в российском обществе. Важно другое. Необходимо изживать высокомерно-потребительское отношение центра к провинции и России в целом, причём с одновременным искоренением иждивенческо-подобострастных настроений в самой провинциальной элите. Ни центр не может быть безусловно прав во вся и во всём, ни провинция не должна виноватиться и угодничать перед центром. Это равные субъекты российского государства и российского общества, и взаимоотношения их должны строиться на принципах паритетности и партнёрства, причём не только в политико-административной сфере, но и в экономике, социальной жизни и культуре. Духовный же тон должна задавать именно провинция, в которой сосредоточена подавляющая часть электората страны и которая имеет полное право представительствовать перед центром от имени и по поручению российского народа.

8

В июне 2010 года в «*Известиях*» было опубликовано интервью с французским писателем Домиником Фернандесом, проделавшим в составе группы иностранцев путь от Москвы до Владивостока. Свои впечатления от поездки он изложил весьма красочно и эмоционально. Настоящее потрясение у него вызвал Красноярск. «*Город,* - говорит он, - *просто потрясающий, наполнен воздухом и летом. Радостный город. Город не азиатский, а вполне европейский. Дома, парки, этот удивительный Енисей – просто великолепен. Это широченная река, но с таким быстрым течением. Город заканчивается, и начинается дикая природа, деревья у воды. Эти обширные сибирские пространства. Екатеринбург любопытен своей конструктивистской архитектурой. Новосибирск запомнился музыкой. Везде прекрасные, гостеприимные люди и радушный приём. Культура России по-иному раскрывается. Всё это меняет представления о России*». Свою будущую книгу о путешествии по России Фернандес собирается назвать - «*Россия во множественном числе*». Название вполне символичное. Учитывая тот факт,

что множественность России придают в глазах француза именно российские провинции, следует признать российскую столицу всего лишь Россией "*в единственном числе*» - неким стилизованным и во многом условным отображением подлинной России, самобытность которой придаёт в первую очередь именно российская провинция. Она, эта провинция, переживает сегодня далеко не лучшие времена. Но переживает их мужественно и достойно – без истерики, лишнего шума, покоряясь судьбе и уповая на будущее, которое переменчиво, но бесконечно. Во всяком случае будущее провинциальной России не кончается сегодняшним днём.

Доминик Фернандес назвал поимённо всего несколько наиболее крупных провинциальных центров России. Сегодня у нас насчитывается восемьдесят три субъекта Российской Федерации. Каждый из них имеет свою «*столицу*» - свой административный центр и своё культурное лицо, причём неповторимое, исторически сложившееся, со своими характерными чертами и собственной изюминкой общероссийского значения. Лев Толстой в «*Анне Карениной*» утверждал, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. У нас сегодня получается всё наоборот. Наши провинции более или менее похожи друг на друга прежде всего своей несчастливостью (практически у всех одни и те же проблемы), а счастья ищут каждая из них по-своему. И не только ищут, но находят и лелеют ростки счастья своими руками. И может статься, что к тому моменту, когда общероссийский столичный центр повернётся лицом к собственной провинции, патриотичной и подлинно творческой столичной интеллигенции останется только собрать воедино эти провинциальные культурные ростки и выработать единую для всей России формулу счастья.

Иван Ильин заметил, что природа никогда не создаёт шума и что она учит человека величию в тишине. В этой связи, может быть, стратегически вовсе и не плохо то, что российская провинция, а с ней и вся Россия ныне не получают реальной поддержки от центра и предоставлены самим себе. Может, именно это заставит российскую провинцию и Россию в целом приблизиться к своей природе, а родная природа научит их величию в тишине. Время российского эпигонства заканчивается. Российская либеральная интеллигенция (столичная по преимуществу), несколько веков молившаяся на Запад, получила сегодня от Европы сполна. Свободы сегодня много, а порядка нет. Порядок возможен только в разумном сочетании свободы и ответственности. По-видимому, и российскому центру пора подумать не только о своих правах, но и вспомнить о своей ответственности перед российской провинцией. Провинция может быть обузой для центра только в том случае, если центр намерен пренебречь своей ответственностью и противопоставить себя российской провинции и России в целом. Во всех остальных случаях провинция всегда была и всегда будет для центра надёжной опорой, его могучим тылом в столкновении с внешним врагом и мощной кадрово-энергетической подпиткой, без которых центр рискует оказаться в полной изоляции от всей страны и в прогрессирующем вырождении всего его творческо-созидательного потенциала.

* * *

Подобрать к теме «*Российская провинция*» соответствующую сказку не составило труда. Третий том «*Народных русских сказок*» А.Н. Афанасьева открывает «*История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о соловье-разбойнике*». И, думается, вряд ли у кого-нибудь из знатоков русских сказок и былин возникнут сомнения в том, что какой-то другой сказочный герой мог бы лучше выразить дух и смысл российской провинции, чем знакомый каждому с детства простецкий, добрый и сильный Илья Муромец. Однако для анализа нам важен не столько всем известный общий смысл популярной былины-сказки, сколько тончайшая нюансировка рассказчиком деталей, расстановка им смысловых акцентов и вся сумма символов народной притчи, каковой является каждая русская сказка, а эта – в особенности. Из всех её вариантов возьмём самый первый,

представляющий собой пересказ нескольких былин, посвящённых Илье Муромцу. Повествование в ней начинается весьма необычно для русской сказки. Вместо привычного «*жил-был мужик*» зачин этой сказки подчёркнуто уважителен к родовым корням героя – «*в славном было городе Муроме, в селе Карачарове – жил крестьянин Иван Тимофеевич*». Герой тоже – не стандартный Иванушка-дурачок, а «*любимое детище Илья Муромец*». Весьма важно также указание на то, что, ощутив в себе после тридцатилетнего сидения силу великую, русский богатырь не взял кем-то приготовленный чудо-меч или случайно доставшегося чудо-коня, а сам «*сделал себе сбрую ратную и копьё булатное и оседлал коня доброго, богатырского*». И в стольный град Киев он отправился не для того, чтобы там покрасоваться, а Богу помолиться и князю киевскому поклониться. Успешно пройдя в своём долгом и опасном прямом пути в столицу через «*таборы разбойничьи*», «*войска басурманские*» и «*гнездо*» Соловья-разбойника, Илья Муромец вступает в столицу в качестве героя - освободителя земли русской. Но встречает при этом полное недоверие со стороны князя, требующего реальных доказательств совершённых им подвигов. И только после «*прошибания*» на глазах у князя необычайно прожорливого нечестивого идолища, полонившего и объедающего столицу, киевский князь почтил Илью Муромца великими похвалами и официально произвёл в сильные, могучие богатыри.

В ряду символов у русских сказочников редко бывает что-то случайное, сказанное для красного словца. И в этой сказке символически всё очень точно выверено и расставлено в строгой смысловой иерархии. По словесной акцентировке русская провинция у рассказчика несомненно первичнее столицы. Слова «*крестьянин*» да ещё в сочетании с «*Иваном Тимофеевичем*» - несомненные знаки высокого уважания сказочника к крестьянскому сословию и к достойным предкам Ильи Муромца, которые, по-видимому, и сделали провинциальный город Муром «*славным*». Но провинция славна в сказке не только своим трудолюбивым крестьянством и своими медленно растущими богатырями, но и подчёркнутой самодостаточностью, ибо всем необходимым для жизни и битвы Илья Муромец обеспечил себя сам, да и коня богатырского ему не пришлось искать на стороне. Тем не менее, провинция в лице Ильи Муромца весьма благочестива и почтительна по отношению к столице и столичному правителю, хотя и та, и другой отплачивают могучему провинциалу полным недоверием. Антагонизм столицы и провинции углублен ещё и тем, что путь между ними усеян сказочником всякого рода непреодолимыми препонами и неимоверными испытаниями. Но, даже пройдя через них, провинциал должен был ещё и очистить столицу от всякой нечисти, чтобы быть, наконец, «*причтённым*» к сильным и могучим богатырям.

Судя по этой сказке-притче, у русского народа, провинциального по своему менталитету и душевному складу своей крестьянской натуры, всегда было сложное отношение к роли столицы и предназначению провинции. Столица в представлении русских сказочников есть нечто далёкое, трудно достижимое и в целом ненужное и чуждое простому человеку. Тем не менее, народные мудрецы не стремились свести всё значение столицы исключительно к местонахождению князя, которому надо «*по чину*» выказывать почтение. Они также понимали под столицей и некий духовный центр, из которого лучше доходят молитвы к Богу. Потому-то и вполне естественным для мудрецов было стремление лучших провинциалов (каковым, несомненно, был Илья Муромец) побывать в столице и послужить князю. Хотя в целом и то, и другое они полагали делом временным и не стоящим чрезмерных усилий. Потому-то и главным подвигом Ильи Муромца они сочли даже не освобождение города Чернигова от басурманов, а очищение самой столицы от «*нечисти*», непонятно как захватившей стольный град и паразитирующей на его богатствах. Кормить князя и его дружину – это для провинциала-сказочника ещё куда ни шло, но ещё и удовлетворять непомерные аппетиты захватившей столицу «*нечисти*» - это уж слишком. Вот и направляются народными мудрецами в столицу русские богатыри, чтобы спасать русских государей и сам стольный город от

разного рода напастей, с которыми сами они не в силах справиться. В этом, по-видимому, и состоит главное предназначение провинции – время от времени спасать власти пердержащие от порождённой ими самими всякой нечисти.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. РОССИЙСКАЯ ГЛУБИНКА – РОДНИК ИЛИ СВАЛКА?

Что город, то норов; что деревня, то обычай.
Ищи добра на стороне, а дом люби по старине.
Москва – царство, а деревня – рай.

Русские пословицы

1

Как ни расходятся между собой жители российской столицы и российской провинции своими взглядами, вкусами и характерами, противостояние центра и окраины ими самими вовсе не ограничивается. Более того, их противоборство в этих двух параметрах никоим образом не может закончиться, даже если бы вдруг между столицей и провинцией наступили идеальное взаимодействие и полное взаимопонимание. Ибо у российской провинции есть ещё и своя «*провинция*», которая, однако, упорно не соглашается признавать себя провинцией провинции, а, наоборот, склонна считать себя солью русской земли, её главным и неотъемлемым элементом, кормилицей и поилицей разноплемённого народа России, хранительницей её исторических традиций. Этим последним и первым рубежом русской земли и русского народа всегда являлась так называемая российская глубинка. Четырёхтомный академический «*Словарь русского языка*», изданный в советское время, трактует глубинку как «*глубинный, далёкий от центра населённый пункт*». У Владимира Даля такого слова нет, что подчёркивает его сравнительно недавнее происхождение. Но у Даля имеется ёмкое и колоритное раскрытие слова глубина, которое по-разному произносилось на Руси (глубь, глыбь, глуботина, глубота) и означало самые разнообразные явления – от пропасти и бездны до непостижимости и необъятности. Сопоставление академического и далевского определений рождает парадоксальную ассоциацию глубинки с некой вертикальной горизонтальностью. По отношению к административному центру она идёт вертикально сверху вниз и обратно снизу вверх, а по отношению к России в целом представляет собой необъятную и непостижимую бесконечную горизонталь, опоясывающую всю российскую землю.

Если через понятие российской глубинки скорректировать суть понятий российская столица и российская провинция, то выявляются в первую очередь крупные узлы столкновения и вынужденного взаимодействия специфических социально-административных иерархий: столица - провинция, провинция - глубинка и глубинка - столица. С другой же стороны, проступает чёткий историческо-социальный срез культурного и цивилизационного расслоения России: просвещённый центр, просвещаемые окраины и непросвещённый простой народ. В культурно-цивилизационном плане столица представляется не просто главным городом и административным центром страны. Она выступает в качестве суперграда городов российских, то есть является средоточием культуры и одновременно служит мощным цивилизационным рычагом российского государства. В свою очередь, аккумулируя в себе преимущественно городское население страны, российская провинция под нажимом центра вынуждена культивировать в подведомственных ей "*глубинных*" поселениях городского типа необходимые элементы столичной культуры и цивилизации. Формально провинция несёт

ответственность перед центром также и за низовую российскую глубинку. Но та, будучи пристанищем и оплотом сельских жителей, напрямую привязанных к земле и подчиняющихся преимущественно законам природы, трудно поддаётся окультуриванию и цивилизации, ибо во все времена сосредоточивает свои силы на решении главной для себя и страны задачи – обеспечения провинции и столицы продуктами, жизненно необходимыми для их существования.

Русские народные мудрецы с древних времён не любили столицу, презирали своих собратьев, ищущих в «*столицах*» лёгкой жизни, и считали столичных жителей чванливыми и недалёкими гордецами. К провинции они относились терпимее, но тоже не без иронии, особенно в части подражания провинциалов столичным нравам. Говоря «*хорош Париж, а живёт и Курмыш*» или «*наш городок – Москвы уголок*», полагали, что даже заштатные провинциальные городишки имеют право не только на своё существование, но и на собственное достоинство. Замечая, что «*и пензенцы в Москве свою ворону узнали*», подтрунивали над квасным патриотизмом провинциалов. Когда же речь заходила о российской глубинке, тон авторов пословиц мгновенно менялся, становился весьма уважительным и душевно причастным. Вынесенная в эпиграф пословица («*что город, то норов; что деревня, то обычай*») имеет принципиальное смысловое значение. Суммируя своё мнение о городах вообще, допускающее возможность серьёзных различий в нравах их жителей, мудрецы из народа, тем не менее, главной характеристичной чертой всех городов без исключения считали присущий им норов как совокупность отрицательных черт. Главное же свойство обобщённой деревни мудрецы видели в обычае, относящемся к духовно-нравственному началу в человеке. Другими словами, даже самый лучший город рассматривался русскими мудрецами и народом в целом как явление сущностно отрицательное, в то время как деревня (даже самая худшая) виделась им оплотом позитивизма, причём прежде всего в нравственном отношении.

2

Отстаивая эту крайне пристрастную точку зрения в отношении деревни, русские народные мудрецы делали упор на тесную связь деревни с землёй и на облагораживающую роль этой своего рода сакральной связи. «*Земля мать подаёт клад*», - утверждает русская пословица. В ней сразу три смысловых акцента, как бы равнозначных друг другу – земля, мать и клад. В житейском плане можно было бы свести весь смысл пословицы к утверждению, что земля есть сама по себе природный клад. И это было бы верно, но исключительно с материальной точки зрения. Мудрец же, по сути, одушевляет землю, наделяя её материнским свойством одаривать человека своей бесконечной щедростью и передавать ему свою сущностную, глубинную одухотворённость. Российская глубинка и олицетворяющая её деревня в таком понимании нравственны не сами по себе, а в силу того, что имеют возможность через сакральную связь человека с землёй постоянно обновляться и очищаться, впитывать в себя глубинный дух земли и дух Творца, породившего человека и его кормилицу – землю. Это особое, одухотворённое и одухотворяющее свойство российской глубинки подмечено давно и выражено многими российскими писателями и далёкими от литературы людьми, причём не только русскими, но и людьми самых разных национальностей. Немало тёплых строк посвятили нравственническому воздействию на человека русской деревни и российской глубинки Александр Пушкин, Лев Толстой, Иван Тургенев, Иван Бунин, Сергей Аксаков, Николай Гарин (Михайловский), Глеб Успенский, Александр Энгельгардт и многие другие. Художник Виктор Васнецов, удовлетворяя интрес художественного критика Владимира Стасова к своей персоне, писал: «*Придётся вспомнить и детские годы, как я жил в селе среди мужиков и баб и любил их не «народнически», а попросту, как своих друзей и приятелей, - слушал их песни и сказки, заслушивался, сидя на печи при свете и треске лучины*». Стасов расспрашивал Васнецова преимущественно о его становлении как

профессионального художника. И у Васнецова, как у всякого крупного мастера, был соблазн поговорить о своих учителях, своих художественных принципах и своей школе. Тем не менее, он счёл себя обязанным рассказать о своих более глубинных духовных истоках, которые он видел в простой русской деревне, в детском общении с русскими мужиками и бабами, в русских народных песнях и сказках.

Наш современник Александр Гаврюшкин, посвящая российской глубинке специальное стихотворение, обобщающе подчёркивает, что «*она, Россия – всё едино, в глубинке корни, дух Руси*». Менее поэтично, но тоже именно с акцентом на облагораживающее влияние российской глубинки отзывался о своём деревенском детстве россиянин учёный-экономист Рауф Аблязов, проживающий ныне на Украине. «*Родился я*, - отмечал он, - *в селе Камкино Горьковской области. Детство было послевоенное, трудное. Хотя должен сказать, что плохое совсем не помнится, помнится только хорошее. Мы настолько старались вырасти Людьми, что не обращали внимания на такие мелочи, как одежда не по размеру или что каша на воде. Много внимания мы уделяли своему самообразованию и самовоспитанию*». И русский Гаврюшкин, и татарин Аблязов говорят по-разному, но, по сути, об одном и том же. Поэт Александр Гаврюшкин стремится выразить корневое значение и духовную сущность российской глубинки. Учёный по профессии и складу ума Рауф Аблязов, раскрывая прозу сельской жизни, тем не менее, тоже акцентирует внимание на благотворном влиянии российской глубинки, на её особом свойстве выявлять в сельском жителе Человека (именно с большой буквы) и побуждать духовно чуткого и неглупого селянина к своему самообразованию и самовоспитанию. В отличие от столичного жителя, духовное развитие которого во многом зависит от окружающей его культурной среды, люди глубинки (сельские жители) в своём духовном становлении ищут опору в собственных силах и в том неиссякаемом потенциале, который накоплен их предками, жившими на земле и находившимися в теснейшем, органичном контакте с природной средой.

Российская глубинка, представляющая собой оплот российского крестьянства, - явление в российской истории весьма сложное и совершенно неоднозначное. Крестьянин, если он не подневольный батрак и не бесправный колхозник, а настоящий хозяин – очень сложный социальный тип. С одной стороны, он действительно работает в целом на государство, кормя его и терпя от него самые разнообразные притеснения, в том числе и разного рода поборы. Но есть и другая сторона в социальном феномене российского крестьянина. Он прежде всего и главным образом - собственник, хозяин. А это значит, что он имеет пусть небольшое, но своё владение, своё право, свою власть и своё собственное государство. У него есть своя семья (круг тесно связанных друг с другом и наделённых сложно зависимыми правами и обязанностями кровно близких людей), своя скотина (полностью зависимые от него одушевлённые существа, которым он даёт жизнь и которых присуждает к смерти) и своя земля (территория, находящаяся в его полной воле). Всё это уподобляет крестьянина маленькому государю. Как таковой он не может воспринимать государство исключительно враждебно. Скорее он рассматривает государство и государя ревниво, со смесью зависти и почтения, с чувством протеста и сопричастности, негодования и восхищения верховным государем, командующим сотнями тысяч людей, ворочающим миллиардами рублей и ответственным за громадную территорию. Крестьянин – именно хозяйственник по своей психологии. И государя он рассматривает прежде всего с хозяйственной точки зрения - хороший он хозяин или плохой, способен он умело управлять вверенной ему землёй или не способен, с умом он распоряжается собранными с крестьян средствами или без ума. Когда крестьянин видит в государе рачительного хозяина, он не ропщет, честно расплачивается со своими долгами и спокойно занимается своим собственным делом. Он ропщет и сопротивляется всеми доступными ему средствами лишь тогда, когда государь «*занят не делом*» и когда всё хозяйство в государстве начинает разваливаться. Тут уж крестьянин в социально однородной массе своей негодует по-настоящему и, если его не слушают, бунтует.

3

Такова российская традиция. Она складывалась сотнями лет непростого взаимодействия центральных российских властей с русской крестьянской глубинкой. И вовсе не власть, а именно кормящая её российская глубинка задавала камертонную тональность и устанавливала степень допущенности необходимого (и как бы добровольного) подчинения низов и демонстративно подчёркнутого господства верхов. Это была наша собственная, доморощенная форма демократии, патриархальная в своей основе, внешне смахивающая на тиранию, но внутренне очень пластичная и чуткая, с очень высоким чувством собственного достоинства и меры ответственности русского крестьянина. Причём как в личностном отношении, так и в осознании им себя как представителя могущественного жизнеобеспечивающего класса российского государства. Подтверждением необычайной жизненности и исключительной эффективности патриархальной российской демократии служит тысячелетняя история России, перенасыщенная бесчисленными войнами, частыми недородами и другими жестокими испытаниями, выпавшими на долю сначала русского, а затем суммарно российского народа. Не будь этой прочной, освящённой веками связующей нити между российскими верхами и российскими низами, олицетворяющими российскую глубинку, России давно уже не было бы на евразийской карте.

В сломе этой тысячелетней традиции обычно винят Ленина, Сталина и большевиков в целом. Во-первых, ныне вообще модно вешать всех собак на поверженный тоталитарный коммунистический режим. Во-вторых, большевики и сами никогда не скрывали своей враждебности к русскому крестьянину и своего стремления переделать российскую деревню, искоренив её как рассадник и оплот «*власти тьмы*». Однако справедливости ради следует отметить, что начало кардинальной ломке российской глубинки положили не большевики, а ненавистный им и ныне возведённый в культ государственной мудрости и гражданственной добродетели (и, действительно, достойнейший во многих отношениях) Пётр Столыпин. Будучи убеждённым монархистом, твёрдым государственником и эффективным практиком, обладающим стратегическим видением ситуации, Столыпин избрал конъюнктурную тактику территориального рассредоточения русского крестьянства, преследующую цель ослабления его единства и нейтрализацию его бунтующего духа в условиях глубокого политического и социального кризиса в стране. Фактически же это должно было привести в конечном счёте к ликвидации крестьянства как класса, к поощрению в российской глубинке духа наживы и потребительства и к нарушению исторически сложившихся патриархально-патерналистских традиций российской демократии.

Тот факт, что идеологом и организатором этого разрушительного в своей сути исторического процесса стал не кто иной, как несомненный патриот России и достойный сын русского народа Пётр Столыпин, говорит о многом. Патриархальная Россия изживала свой исторический век. Паллиативной упорядоченности российской действительности, осуществлённой реформами либеральнейшего Александра II, хватило всего на полвека. Далее этот путь уже не срабатывал. В наглухо заколоченные двери консервативно-самодержавной России всё громче стучалась убеждённая в своём превосходстве «*передовая*» западная демократия, а внутри страны, напоминавшей осаждённую крепость, всё активнее и решительнее действовали сторонники радикальных перемен, жаждавшие принести Россию в жертву западническим идеям всеобщей демократии и общечеловеческой справедливости. Спасая Россию, Столыпин решился на крайние меры. Внутреннему российскому революционному радикализму он противопоставил либерально-западнический государственный радикализм. Однако, начав из благих намерений разрушение связующих нитей в крестьянском базисе российской государственности, он, по сути, выпустил из бутылки джинна всеобщего разрушения и обрёк российскую глубинку на неминуемую конечную гибель.

4

Потрафив лозунгом «*земля – крестьянам*» бунтарским настроениям взбудораженной столыпинскими реформами крестьянской массы, большевики сначала использовали русское крестьянство в своих политических интересах в ходе кровопролитной Гражданской войны (без поддержки российской глубинки они эту войну, безусловно, проиграли бы), а затем, укрепив свою власть в стране, приступили к радикальному «*реформированию*» своего главного социально-политического союзника. По радикализму и жестокости методов преобразования российской глубинки большевики намного превзошли радикал-либерала Петра Столыпина, действовавшего в интересах укрепления российской империи и российского самодержавия. Но одновременно они оказались идейно гибче Столыпина в стратегическом плане, сделав ставку в революционном преобразовании российской глубинки не на богатого крестьянина, а на советизированного колхозника - среднего и бедного крестьянина, привычного к коллективному решению вопросов общего землепользования. Была учтена также принципиальная ошибка Столыпина, не продумавшего вопросы социального обустройства физически разодранной и рассредоточенной по отрубам российской глубинки. Большевики создали разветвлённую систему преодоления культурной и цивилизационной отсталости колхозного крестьянства и советской глубинки в целом путём ликвидации безграмотности, электро- и радиофикации села и массового строительства учреждений культуры. Более того, они чётко вписали колхозное крестьянство в политическую систему советского государства. Дети колхозников получили открытый доступ в сферы управления государством, в науку и культуру страны. Был взят курс сначала на «*смычку*» города и деревни, а затем и на поощрение массового выезда сельской молодёжи в города и на разного рода масштабные «*стройки коммунизма*». В целом же большевистская культурная революция явилась тщательно продуманным, планомерным и мастерски осуществлённым наступлением советского центра на российскую глубинку, преследовавшим цель (столыпинскую в своей сути) полного разрушения вековой системы русского крестьянского традиционализма.

Нынешние почитатели реформ Петра Столыпина и восторженные поклонники личности последнего дореволюционного реформатора либо благодушно закрывают глаза на слабые места в его радикально-либеральной концепции, либо лукаво и осознанно уводят пытливый взгляд от двух очевидных исторических фактов, касающихся, по крайней мере, российской глубинки. Первый из них – тот, что большевики, продолжая начатое Столыпиным радикальное реформирование российской глубинки и жестоко распрявляясь с его явными или скрытыми противниками (сам Столыпин тоже не отличался особым мягкосердечием), смягчили разрушение русской деревни и сумели сохранить русское крестьянство как класс, придав ему характер колхозного крестьянства. Мерами Столыпина уже через пять-семь лет от русских деревень остались бы в России одни изолированные друг от друга хутора, а от русского крестьянства сохранилось бы лишь привычное название. Второй факт не в пользу Столыпина заключается в том, что нынешняя радикальная проекция столыпинских реформ в либерально-демократическую российскую действительность (через голову свергнутых и как бы вычеркнутых из российской истории большевиков) свидетельствует не только о фактическом разрушении современной российской глубинки, но также и об идейной несостоятельности либерал-радикальной стратегии Столыпина и крайне неэффективной хозяйственной практике его либеральных последователей и подражателей.

Профессиональный социолог и трезвый аналитик Леонтий Бызов, размышляя о возможности возвращения к истокам, к вековым российским традициям, к той России, которую мы потеряли, констатирует: «*Но возвращаться-то, по сути, некуда: того дома давно не существует. Крестьянство добито окончательно, добито как образ жизни и менталитет*». Эта горькая констатация - конечный итог не только личных размышлений

неравнодушного к России и российской глубинке учёного, но и словесное обобщение массы фактического материала, в том числе, надо думать, и многочисленных опросов по проблемам и перспективам развития российской глубинки. Итог и обобщение, прямо скажем, не просто неутешительные, но крайне удручающие. Тем более, что они полностью соответствуют российской действительности. Ибо непосредственные «*вести с полей*», с трудом просачивающиеся через редакционные фильтры либеральной прессы, создают ощущение небывалой и немыслимой трагедии, граничащей со вселенской катастрофой, которую ни официальный центр, ни весь либеральный мир как бы не замечают. Золотое «*дойное стадо*», по определению журналистки Ярославы Таньковой, не только уменьшается с каждым днём, но и превращается в «*дно*» России - во всероссийскую свалку провинциальных и столичных отходов самого разнообразного свойства. При этом внутренняя, духовная метаморфоза российской глубинки даже страшнее физического вымирания сельских жителей и исчезновения сотен российских деревень. Центр, ориентированный в основном на углубление либеральных реформ в российском государстве, в судьбе современной российской глубинки играет роль чистильщика. Хладнокровно констатируя факт массовой гибели российских деревень, центр методично и последовательно закрывает сельские школы и вообще сокращает расходы на образование сельских жителей. По данным «*Аргументов и фактов*» (январь 2010 год), за 2003 – 2006 годы в России были закрыты 1900 сельских школ. За 2007-2008 годы – ещё 2600. Эти сухие цифры говорят, во-первых, об ускорении процесса закрытия школ (и, соответственно, вымирания сёл) и, во-вторых, о полной незаинтересованности центра хотя бы в замедлении этого в целом опасного для государства процесса.

5

Опасность равнодушного отношения к российской глубинке со стороны либеральной элиты, попустительствующей ныне разрушению российской деревни и зачищающей подобным образом российскую сельскую территорию под повсеместное утверждение на российской земле капитализированной системы фермерского хозяйствования, заключается в том, что русское крестьянство, всегда бывшее опорой российского государства, с одной стороны, теряет вслед за центром интерес к земле и к работе на ней, а с другой – накапливается низовая враждебность к центру, спокойно и бесстрастно взирающему на народные нужды и беды. Несомненно то, что в центре, несмотря на кажущееся невнимание к острым проблемам современной российский глубинки, прекрасно знают ситуацию на местах и отдают себе отчёт в сути происходящих там процессов и в таящихся опасностях для российского государства. Возможно, наверху просчитали все наличные варианты перспективного развития российской глубинки и учли сопряжённые с каждым из них риски. Возможно, сегодняшняя "*шоковая терапия*" российского села сочтена самым оптимальным вариантом его наиболее эффективного и плодотворного преобразования. Возможно, и в самом деле российская глубинка через какой-то десяток лет заживёт новой, полнокровной жизнью и накормит не только страну, но и ещё половину мира первосортной российской сельскохозяйственной продукцией. Хотелось бы во всё это верить. Но, если быть до конца откровенным, в это верится с большим трудом. Более того, не верится вообще.

Мы живём вовсе не в упорядоченной, поддающейся трезвому расчёту Европе, а в сумбурной, мятущейся России, в которой все расчёты строятся, как правило, на выдавании желаемого за действительное. Создавая на века советизированное колхозное крестьянство, большевики вроде бы учитывали не только коллективистские наклонности русского человека, но и покладистую управляемость сверху коллективистского русского мира. Но очень быстро убедились в ошибочности своих стратегических расчётов и стали активно растаскивать традиционалистскую русскую деревню по городам и стройкам коммунизма. Нынешние либералы продолжили и ещё больше ускорили разорение

российской глубинки, приговорив русскую деревню к вымиранию. Расчёт эпигонов Запада на фермерские хозяйства вполне понятен. Но насколько он оправдан в специфических российских условиях и стоят ли нынешние огромные потери, причём не только материальные, но и моральные, будущих дивидендов? Возникает и другой принципиальный вопрос - чего в этом гибельном процессе больше: исторически обусловленного, необходимого и объективного или волюнтаристского, сиюминутного, субъективного? Вопрос этот далеко не праздный. Ибо, если это объективный процесс, то с ним надо смириться и, может быть, даже ускорить его для окончательного завершения этого болезненного для людей исторического этапа в развитии современного российского государства. Если же он имеет сугубо субъективную подоплёку, то гибель села надо решительно прервать и развернуть масштабную работу по его спасению (с подключением, может быть, даже Министерства по чрезвычайным ситуациям!), сделав, естественно, соответствующие выводы по тем «*субъектам*», которые сознательно или неосознанно толкают российскую глубинку в пропасть «*невозврата*».

Судя по тому, что разрушение традиционной российской глубинки, с её ранее крепкими русскими деревнями, шумными сельскими сходами и общинным распределением земли, было начато ещё до революции, можно предположить, что этот процесс в своей сути является закономерным. В этой мысли укрепляет и тот факт, что к моменту распада Советского Союза даже смягчённый большевиками вариант реформирования российской глубинки уже переставал срабатывать. Упадок русских деревень и стремительное сокращение сельского населения РСФСР стали со всей очевидностью проявляться именно в этот период. Но и при Столыпине, и в рамках Советского Союза этот разрушительный процесс только начинал проявляться и имел во многом вынужденный характер. Нынешняя же катастрофа российской глубинки всё больше приобретает черты некоего стихийного бедствия, сметающего на своём пути, словно цунами, всё живое и благоприоретённое, ещё остававшееся в так называемой зоне сельского неблагополучия. Настораживает и факт использования губительной для сельских жителей и России в целом ситуации в российской глубинке не только в целях безжалостной расправы с коммунистическим прошлым России, но и для обеспечения процветания узкого круга особо алчных и беспринципных людей, раскупающих сотнями гектаров российскую землю и обогащающихся на несчастиях основной массы сельских тружеников. По всему получается, что речь сегодня идёт сугубо о смене собственника земли, а вовсе не о развитии российской глубинки и благополучии сельских жителей.

6

Не доживший до наших дней Иван Ильин предостерегал: «*Отрыв от корней – большая опасность в современном мире: потерявшая корни жизнь становится противоестественной; лишённая корней душа – безбожной. Затем наступает развязка: человечество разрушается*». До разрушения человечества нам, положим, ещё далеко, хотя, судя по некоторым современным безумным тенденциям, всякое может случиться буквально завтра. Что же касается российской глубинки, то к её загрязнению и фактическому уничтожению мы движемся определённо и целенаправленно, причём всё более ускоряющимися темпами. Завет «*с родительской земли – умри, не сходи!*» сегодня в российской глубинке соблюдают очень немногие. Их журналист Ярослава Танькова уподобливает героям Брестской крепости, которые умирали, но не сдавались врагу. Сопоставление «*последних могикан*» российской глубинки с героями Великой Отечественной войны по зрелом размышлении может оказаться вовсе не случайным. Судя по «*стихийному*» (каждый раз!) взлёту цен на горючее в период посевной и уборочной кампаний, по резкому массовому сбросу закупочных цен на только что произведённую сельскохозяйственную продукцию, по полному отсутствию условий для её длительного хранения непосредственными производителями, по хроническому отставанию государственных органов с закупками зерна, сельскому труженику и символизируемой им

российской глубинке, по сути, объявлена настоящая война. С вступлением России во Всемирную торговую организацию, с её жёсткими ограничительными мерами по финансированию села, для российских государственных органов создаётся весьма благовидный предлог, чтобы вообще уйти из российской глубинки, предоставив её на разграбление хищническому капиталу и полное и окончательное уничтожение.

Всё, что ныне разрушается с такой лёгкостью и безоглядностью, воссоздавать будет очень и очень трудно. Любому мало-мальски грамотному аграрию понятно, что сельскохозяйственное производство существенно отличается от производства промышленного. Его нельзя, как завод, временно приостановить, а потом заново перезапустить. В сельскохозяйственном производстве решающее значение имеют не столько техника и даже не столько кадры, сколько традиция, особое отношение труженика к земле как к живому организму. В силу этого на восстановление обновлённого села и возрождение животворящего, созидательного духа российской глубинки потребуются не только большие капитальные вложения, но и многие годы, а то и десятилетия целенаправленных усилий центра, участливого отношения общественности и эффективных мер на местах по возрождению веры сельских жителей в востребованность и общественную полезность их самоотверженного труда, приближающегоса по своей самоотдаче в моменты страды к настоящему геройскому подвигу. Либеральные разрушители села и российской глубинки свою историческую миссию сегодня, можно считать, закончили и теперь могут со спокойной совестью уйти на покой. Всё, что можно было разрушить, они разрушили, а создавать они никогда ничего не умели. За исключением, может быть, тех утопических либеральных теорий, в реализации которых они опять-таки всегда рассчитывали исключительно на заграничные силы влияния и чужие рабочие руки.

Начинать воссоздание нового российского села надо было ещё вчера, то есть по ходу его разрушения. Сегодня это самая неотложная задача, ибо завтра, в условиях всеобщего и всестороннего запустения, будет уже поздно. Даже далёкая от забот российской глубинки по своему столичному образу жизни певица народного жанра Надежда Бабкина сегодня понимает, что в стране надо прибраться. Начинать надо, действительно, с самого простого - с восстановления хозяйского, внимательного и рачительного отношения к собственной стране и особенно к её глубинке. И здесь главное слово и дело за государством. Все расчёты либеральных корифеев на созидательный потенциал свободного рынка в России полностью провалились. Они и на Западе были грубо перечёркнуты мировым финансово-экономическим кризисом, а в России вообще привели к хозяйственному хаосу. Роль государства как стороннего наблюдателя в самопроизвольном стихийном рыночном варианте утверждения либерально-демократических ценностей в стране уже десять лет назад была сомнительной, а сегодня она полностью себя дискредитировала. Но и сама российская глубинка дальше не имеет права на пассивность и иждивенческие настроения. Мы и Великую Отечественную войну начинали с шока и панического отступления. И тем не менее нашли в себе силы на борьбу и конечную победу. Сейчас главный фронт борьбы с тотальным разрушением не на Болотной площади в Москве, а именно там - в российской глубинке. Шок - шоком, разруха - разрухой, но жить-то надо, причём не как-нибудь, а по-человечески. А посему крайне необходима сейчас по-настоящему деловая самоорганизация сельских жителей и, может быть, организация действенной сомообороны российской глубинки от разного рода хищников, разорителей и расхитителей.

7

Это вовсе не означает, что прямо сейчас мы всем скопом должны немедленно бросить всё и заняться исключительно спасением российской глубинки. Ничего хорошего в таком подходе нет, ибо спасение села превратится в таком случае в очередную

политическую кампанию, а все кампании у нас, как известно, заканчиваются одним и тем же – быстрым остыванием, скрытым административным торможением (а то и саботажем) и конечным забвением полезного для страны дела. Да ещё кто-нибудь нагреет свои нечистые руки на этом святом для страны и народа деле. Речь пока идёт всего лишь о том, чтобы прекратить ставить крест на российской глубинке. Кто бы и что ни говорил о «*спасительности*» рынка, в практических делах нам нужно исходить не из чужих слов (зачастую обманчивых и обманных), а из того непреложного факта, что на земле кто-то должен работать, кормя себя, обеспечивая жизненные нужды российской провинции и спасая Россию от чужеземной кабалы и зависимости. И этот кто-то не из жалости, а по праву (где вы, господа правозащитники?!) должен быть обеспечен нормальными условиями для своей качественной и эффективной работы и для своего комфортного проживания в непосредственной близости от места труда. А потому надо не отворачиваться от российской глубинки и не закрывать глаза на существующую серьёзную проблему на селе, а посмотреть правде в глаза и просто заняться делом. Причём каждому - своим: государственному чиновнику - общим обустройством села, провинцильному начальнику - организацией труда сельских жителей, сельскому «*старосте*» - заботой о стариках и детях, а всей российской общественности - современным образованием и просвещением российской глубинки.

Наши мудрые предки, прочно стоявшие на земле, далеко не всем умилялись в жизни русской деревни и в быте сельских жителей. Судя по пословице «*жить в деревне – не видать веселья*», они вполне отдавали себе отчёт в повышенной трудности деревенской жизни, узости сельских рамок для энергичной и пытливой молодёжи, полезности смены мест, благотворности заимствований городского опыта для развития самой глубинки. Мудрецы были лишь категорически против окончательного обрыва выехавшими людьми своих сельских корней. Утверждая, что «*всякому мила своя сторона*», они настаивали на необходимости сохранения душевной сопричастности русского человека к месту своего рождения и первичного личностного формирования, видя в этом неумирающем чувстве залог сохранения любви к большой Родине - к России. Человек двух прошлых эпох (дореволюционной и революционной) русская поэтесса-эмигрантка Марина Цветаева утверждала, что Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Наша современница, человек, не лишённый поэтического чувства, но страстный боец по натуре, Наталья Нарочницкая убеждает: «*Не стесняйтесь любить свою Родину такой, какая она есть!*». Российская глубинка как исток – родина нашей Родины и как земля - мать наших матерей. Выкинув её из своей души и своей памяти, мы не просто обрываем связь со своей Родиной и предаём родившую нас мать. Мы омертвляем свою собственную душу и предаём самих себя, теряя (порой даже незаметно для себя) смысл своего существования.

При всей необходимости и обязательности периодической сверки вечно несовершенной, неприглаженной и непричёсанной России с упорядоченным до прилизанности Западом и важности корректировки нашей постоянно набегающей отсталости методами модернизации, мы не должны переходить одной роковой для нас черты. Черта эта - попытка превращения самородного россиянина в рафинированного европейца. В силу нашей уникальной природы (или особого божественного предназначения) мы никогда не станем подлинными европейцами, а просто умрём как русские и россияне, превратившись в европодобных духовных покойников. Наша сила - не в форме, а в существе. А наше существо проистекает из одного общего родника - ни на что непохожей, самобытной российской глубинки. Сейчас в этот источник презрительно плюют, засоряют его по небрежности, а то и просто загаживают. Достаточно взглянуть на прилегающие к Москве земли Подмосковья, чтобы представить, во что может превратиться в скором времени вся российская глубинка без доброго, хозяйского к ней отношения. Чтобы не допустить этого, в глубинке надо не просто «*прибраться*», а

отнестись к ней как к собственной старенькой матери - с бесконечной благодарностью и чувством неизбывного и неоплатного долга.

* * *

С подбором сказки к теме пришлось основательно потрудиться. По мелочам набирается практически в каждой русской сказке что-то характеристичное для российской глубинки, но более или менее цельного воплощения её сути и духа найти всё никак не получалось. В конце концов решил остановиться на предпоследней сказке-притче третьего тома «*Народных русских сказок*» А.Н. Афанасьева под названием «*Сказка о богатыре Голе Воянском*». Она не лишена недостатков. Прежде всего в ней слишком заметно заимствование сюжета из восточных сказок. Кроме того, бросается в глаза некая иллюстративность к русской народной пословице – «*голь на выдумки хитра*». Тем не менее, сама сказка - очень русская и, несомненно, имеет прямое отношение к российской глубинке. Сюжета у неё практически нет, так как он почти весь укладывается в её зачин. Остальное повествование представляет собой компиляцию из других русских сказок, сдобренную произвольной фантазией сказочника. Но зачин интересен и заслуживает того, чтобы привести его дословно. «*Мужичок-простачок,* - начинает своё нравоучительное повествование русский сказочник, - *пахал пашню; лошадёнка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трёх слепней, а комаров без счёта. Простачок-мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трёх молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет*». Кончилось всё тем, что мужичок «*взвеличался*», сел верхом на свою лошадёнку, выехал на большую дорогу и поставил столб с надписью: «*Здесь проехал богатырь Голь Воянский, встретился с силой басурманской, тридцать трёх богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй*». Вскоре к нему присоединяются настоящие богатыри - Чурила Пленкович, Еруслан Лазаревич и Бова королевин сын. Каждый из них, подивившись внешней неказистости Голя Воянского, не решился проверить его силу и на всякий случай признал его первенство. Голь же уверенно втравливает их всех в распрю с царь-девицей богатыркой, которая «*много Русь обижала*» и у которой была «*сила великая*». Часть этой силы перебили подчинившиеся Голю русские богатыри, а на его долю выпало сражение с вражеским богатырём Зилантом Змеулановичем, Тугариновым братом. Частично из-за робости врага, смущённого невзрачным видом мужичонки, а больше с испугу Голь побеждает могучего богатыря. А потом, испив во вражеском стане богатырской воды, сам становится подлинным богатырём, женится на королевне и растит двух дочерей – Смету и Удачу.

Сказка от начала до конца до такой степени насыщена символами, что представляется больше притчей, чем обычной сказкой. Предельно символичен образ главного героя. «*Мужичок-простачок*» не просто является олицетворением русской глубинки, но выражает её смысл и суть. Это своего рода раб земли - без семьи, без роду, без племени и даже без имени, потому как Голь - всего лишь кличка, означающая в русском языке «*голь перекатную*» (крайнюю степень нищеты). Он не лишён ума, но до такой степени изуверился в своей несчастливой судьбе, что первая же удача, чисто случайная и сама по себе ничтожнейшая, ввергает его в глубокие раздумья и рождает безумную надежду на возможную крутую перемену всей его жизни. Его позёрский выход на большую дорогу вовсе не является актом самоутверждения «*аники воина*» (отсюда, по-видимому, и титул – «*Воянский*»). Это, скорее, тест на удачу – проверка, сколь она прочна и надолго ли её хватит. Выйдя победителем в полной курьёзов битве с подлинным вражеским богатырём, он вовсе не обманывается на свой счёт и больше недоумевает, чем радуется. Поэтому-то он и не хотел пировать, а предпочёл крепкому мёду простую воду,

которая оказалась на деле богатырской. Даже женившись на королевне, он называет своих дочерей не Верой или Надеждой, а Сметой (символ сметливости) и Удачей (символ благоприятного случая).

По своей морали сказка очень горькая. Это сокровенные раздумья умного человека, лишённого прочной веры в позитивный смысл бытия, но не расстающегося с надеждой на случайную, чисто внешнюю удачу, не способную изменить общий ход вещей, но ещё могущую повлиять на судьбу отдельного человека. Думается, многие жители российской глубинки сегодня разделяют и эту горечь своего далёкого прозорливого предка, и его неверие в закономерный благополучный исход нищей российской глубинки, и его робкую надежду на индивидуальную сметливость и удачливость русских людей. Не знаю, кто и как думает сегодня по этому поводу, но лично в моей долгой жизни удачи были, как правило, выстраданы и не играли решающей роли в судьбе. Вера же в осмысленность бытия и конечную победу добра над злом всегда выручала. Я и сейчас глубоко верю в то, что российская глубинка переживает сегодня самый труднейший этап в своём развитии, но именно этап, а не кончину. И выкарабкается она из этой временной невзгоды, разумеется, и благодаря уму, но больше в силу своей неискоренимой любви к земле и своей вековой привычке жить не для радости, а для совести.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ – СВОЯ ИЛИ ЧУЖАЯ?

Небо – престол бога, земля – подножие.
Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля.
Земля, вода – останутся, а нас не будет.

Русские пословицы

1

Земля в трактовке Владимира Даля имеет едва ли не бесконечное число значений, занимающих в описании более двух страниц его «*Словаря*». Из этих многочисленных расшифровок ближе всего к нашей теме следует отнести такие понятия, как страна, народ и занимаемое им пространство. Но для нас немаловажно также и такое далевское понимание земли, как участок поверхности земли нашей, по природным отношениям своим, или по праву владенья, составляющий особняк; угодья, леса, пашни, покосы в совокупности, как одно целое. Нельзя пройти мимо осмысления Далем понятия земляк, определяемого им словами единоземец, одноземец, соземец, рождённый в одном с кем-либо государстве, области, местности. Замечательна его трактовка земледелия как занятия или промысла, науки или искусства возделывания, обработки земли, для хлебородной жатвы; землепашества. Обращают на себя внимание и далевские определения таких понятий, как «*землеобитанье*» (земная жизнь человека), «*землепроходство*» (путничество, поездки по чужим краям и страсть к этому), «*землеродный*» (в земле, от земли или на земле рождённый).

В этих далевских определениях бросается в глаза многомерность трактовки земли и её расширительное толкование. Земля у Даля - не исключительно почва или участок, а именно «*угодья, леса, пашни, покосы в совокупности, как одно целое*». Здесь очень значимы слова совокупность и целое. В русском понимании земля представляет собой некую сумму взаимосвязанных вещей и явлений, в которой одни из них плавно перетекают в другие, а вместе они составляют некое мистико-реалистическое целое, выходящее за переделы человеческого разумения. Вынесенные в эпиграф к главе русские пословицы – «*рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля*»; «*земля, вода – останутся, а нас не будет*» и «*небо – престол бога, земля – подножие*» - вполне отображают синтез русских представлений о человеке и мире, в которых земная

реальность тесно переплетается с мистикой. В первой пословице земля рассматривается вроде бы как реальная среда обитания человека, но одновременно мыслится и как некая его предназначенность в мудром замысле мистически подразумеваемого Творца. Во второй пословице философски утверждается некий абсолют земли по отношению к человеку, который по сравнению с землёй рассматривается как явление временное и сугубо относительное. Третья пословица вторгается уже во владения самого Господа Бога, небесный престол которого, якобы, может ничего и не значить без земли, которая служит ему опорой.

Такой усложнённый русский народный подход к толкованию и пониманию земли, рассматриваемой одновременно и как реальная вещь (материя), и как мистическое явление (ипостась абсолюта), кардинально отличается от западного взгляда на ту же самую землю. Во французском языке, например, различаются понятия «*le terrain*» (мужской род - «*местность*», «*почва*», «*участок*») и «*la terre*» (женский род - «*Земля*»; «*земная материальность*»; «*грунт*»; «*страна, край*»; «*владение*»). Но то, что мы в обощённом смысле понимаем под словом земля, для французов это всего лишь «*la surface solide*» («*твёрдая поверхность*»). Англичане вообще очень скупы в определении земли. Для них существуют лишь два понятия: «*terrain*» («*местность*»; «*топография*») и «*territory*» («*территория*»; «*область*»; «*сфера*»). В обоих случаях (и у французов, и у англичан) нет никакой мистики, никакой лирики, никакой совокупности. Всё предельно конкретно, предметно, вполне рационально и прагматично.

2

К чести французов, однако, следует отметить, что, в отличие от англичан, их учтивая галантность простирается столь далеко, что при расшифровке понятия «*страна, край*» они в качестве примера используют словосочетание «*la terre russe*» («*русская земля*»). Употреблённое без заглавной буквы (что не совсем характерно для французов) это словосочетание служит не столько для определения нашей страны (для этого есть «*la Russie*» - «*Россия*»), сколько как бы отсылает к русскому пониманию земли, намного более широкому, чем французская трактовка. Это широкое русское понятие «*земля*» имеет древне-русские и старо-славянские корни. Но вполне возможно, что восходит оно и к санскриту, так как, судя по этимологическим изысканиям Макса Фасмера, оно родственно литовскому «*zeme*» (известно, что литовский язык наиболее близок к санскриту) и древне-прусскому «*semme*». Но, пожалуй, именно в русском языке слово земля приобрело присущую этому понятию исключительную мягкость, вполне сопоставимую с понятием женственности.

При осмыслении слова земля поражает совпадение двух, казалось бы, совершенно несопоставимых понятий – земли как маленького участка суши (или особого вида почвы) и Земли как названия нашей планеты. Все другие знакомые нам планеты носят условные заимствованные имена (Венера, Марс, Сатурн и так далее), а на обозначение собственной планеты у наших предков почему-то не хватило знаний или фантазии, и они не нашли ничего другого, как дружно и согласованно обозвать её «*землёй*», но написать это слово с большой буквы. В этом явлении есть несомненная загадка. Но так или иначе первичной для наших предков была всё же, по-видимому, «*земля*», причём именно с маленькой буквы. О планетарном характере Земли в своей глубокой и тёмной древности они, скорее всего, и не подозревали. А вот что такое родная и близкая «*землица*» - они хорошо знали на практике, видя чудеса её бесчисленных творений и ощущая на себе весь спектр благ, предоставляемых ею человеку. Сначала под землёй, по-видимому, действительно подразумевался некий крохотный участок почвы, обеспечивавший всем необходимым для проживания конкретного человека и членов его семьи. Затем, по мере расширения круга знаний и житейского опыта человека, участок соответственно расширился до земли, простирающейся в неведомую даль. И, наконец, уже эта уходящая за горизонт земля превратилась в абстрактном мышлении людей в некую сумму связанных друг с другом

земель, которая и нашла своё конечное определение в слове Земля, воплотившем в себе не только высшую форму количественности всех земель, но и особую, уникальную земельную качественность нашей Планеты.

Космогонические представления наших предков были, несомненно, весьма примитивными, но в то же время не лишёнными поэтики, что позволяло им проникать непосредственно в суть вещей, не утруждая себя строгими логическими рассуждениями. Из всей Солнечной системы они принимали во внимание лишь Солнце, Луну да в суммарном плане небо, понимаемое как антипод Земли и обиталище (или синоним) Бога. В триаде – Солнце, Луна и Земля – роли, согласно русской пословице, распределялись следующим образом: «*солнце – князь земли, луна – княжна*». Земля здесь – сугубо зависимое явление, полностью подчинённое князю Солнцу и частично (через её связь с Солнцем) – княжне Луне. Зависимость земли в почвенном понимании от мистического всемогущего и всевластного господина Неба подчёркивалась пословицей – «*не земля хлеб родит, а небо*», но тут же уточнялось: «*Бог не даст, и земля не родит*». Синонимичные Небо и Бог выступают в пословицах главными субъектами земного бытия человека, а сама земля и зависимые от неё люди – в качестве пассивных объектов их произвольной и всеопределяющей деятельности.

3

Однако в связке человек и земля субъект и объект перемешаны в русском понимании до такой степени, что каждый из них (и человек, и земля) представлялись нашим предкам неким субъекто-объектом, подчинённым другому и одновременно господствующим над ним. Согласно русским пословицам – «*Господь повелел от земли кормиться*» и «*без хозяина земля круглая сирота*» - не только человек зависит от земли (от её кормления), но и земля без человека превращается в сироту, то есть обречена если не на вымирание, то, по крайней мере, на ущербное существование. Взаимосвязь человека и земли представлялась нашим предкам столь тесной, что русский человек мыслился не столько как земное вообще существо, сколько как существо конкретно «*земляное*» (почвенническое), а сама земля приобретала некий национальный окрас. Французское определение «*la terre russe*» («*русская земля*») вольно или невольно отображает именно этот автоматический перенос русского характера на русскую землю и делает последнюю важным активным компонентом русской и общероссийской истории.

В русской, российской и мировой истории есть одно белое пятно или великая загадка, разгадать которую в течение полутора тысячелетий были не в силах ни отдельные учёные (в том числе и иностранные), ни целые специализированные исследовательские институты. На фоне известных фактов о Великом переселении народов, произошедшем в четвёртом – седьмом веках новой эры, и сопряжённым с ним завоеванием германцами Римской империи, российская и мировая история до сих пор ничего не ведают о характере продвижения славянских племён в район будущей Киевской Руси и последующего расселения русичей в Северо-Восточной Европе (вплоть до Урала). А ведь вся эта огромная территория вовсе не была ничейной и бесхозной, а была заселена многочисленными аборигенными угро-финнскими племенами. Согласно археологическим исследованиям Павла Милюкова, который был не только организатором и главой ненавистной царю и большевикам партии кадетов, но и серьёзным профессиональным историком в области культуры, восемьдесят процентов древних захоронений на территории Рязанской губернии имели угро-финнскую принадлежность. И это при том, что Рязанщина неизменно причислялась к исконно русским землям.

Историкам хорошо известны перипетии борьбы Московского и Рязанского княжеств (есть даже иностранные исследования на эту тему). Но как русские оказались на этих столь далёких от Киевской Руси землях? Почему нет никаких сведений об их переселении и столь прочном закреплении на этих чужих землях? И почему даже французы именуют заселённые русскими чужие края «*la terre russe*» («*русской землёй*»)?

Это всё до такой степени прочно неразгаданные загадки, что создаётся впечатление, что и разгадывать их никто не собирается. И всё же, на мой взгляд, всё это время существовала если не прямая разгадка, то, во всяком случае, имелся прозрачный намёк на неё, причём он напрашивался сам собой. Стремительное, но исторически бесследное продвижение русичей с благодатного юга на суровый и труднодоступный север может быть объяснено только одним – это продвижение было не только мирным (потому и не оставило следов), но и в некотором роде чудодейственным (потому и стремительным). И ключ того и другого следует искать в особом отношении русских людей к земле, в их доброжелательном взаимодействии и сотрудничестве на земле с коренными народами и в заразительности любви русских к своей земле.

4

Возвращаясь к далевскому определению земледелия как «*занятия или промысла и науки или искусства возделыванья, обработки земли, для хлебородной жатвы*», обратим внимание на его колебания в выборе слов. Так и не решив для себя, чем было для русских землепашество больше всего - занятием или промыслом, наукой или искусством, великий русский языковед предпочёл оставить свои сомнения открытыми. Сказать более определённо было, по-видимому, нельзя, так как для самих русских земледелие было в равной степени и занятием (трудом по призванию), и промыслом (каковым оно виделось промысловикам-аборигенам), а также наукой (в силу серьёзности их отношения к земле) и искусством (самым настоящим творчеством). Говоря «*из светлого рая, да на трудную землю*», наши мудрые предки, скорее всего, имели в виду не библейского Адама, а человеческий удел вообще и удел русского человека в особенности. Но в отличие от церковников трудность земли они воспринимали всё-таки не как небесную кару, а как некую данность, которую надо просто учитывать в своей жизни и не делать из неё трагедии. Пословицей «*наездом хлеба не напашешь*» они выражали уважительное отношение к земле и как бы оправдывали свою привязанность к ней, свою земную осёдлость, своё нежелание бежать от трудностей. Утверждая «*земля – тарелка: что положишь, то и возьмёшь*», они сам труд на земле воспринимали как главный и всё определяющий принцип земного существования человека, в котором ничто не даётся даром, но всё желаемое требует соответствующих трудовых усилий.

Русского человека часто упрекают в склонности к рабству, ссылаясь при этом на его «р*абскую*» привязанность к земле. Сегодня, когда россиян насильно отрывают от земли, разрушая российскую глубинку, это насилие и эти разрушения оправдываются нашими либералами именно благими целями освобождения русского человека от этого «*векового рабства*». Этими же либералистскими в своей сути целями оправдывали свои злодеяния против человечности и большевики, якобы вырывавшие российские народы из-под *«гнёта царизма*». Но большевики и нынешние либерал-радикалы при этом полностью игнорируют ту степень слитности россиян с землёй (русских людей в особенности), которая определяется словами любовь к земле. Прагматичным англо-саксам и рационалистичным франко-галлам никогда не понять сердечной привязанности русских к своему тирану-земле. Но она, эта неразрывная слитность русского человека с землёй, не только сохранилась до наших дней, но и питала во все времена русских людей и россиян в целом не только необыкновенной физической силой, но и несомненным духовным могуществом.

Человек, относившийся к земле как к матери («*мать сыра земля*»), не мог не вызывать глубокого уважения у простых людей, где бы он ни появлялся, особенно на житейски трудном севере. Думается, уже древние русичи были настоящими мастерами земледелия, а с течением времени это мастерство превратилось у них в подлинное искусство. Судя по огромному количеству пословичных примет, сохранённых «*Словарём*» Даля, русские люди не столько расставляли своеобразные природные агротехнические вехи, сколько этими вехами определяли самочувствие земли, переносясь мыслью и духом

в её внутреннее состояние. Большое значение они придавали удобрению земли – труду и искусству делать её «*доброй*». И хотя для этих целей в их распоряжении был лишь примитивный навоз, они и в этом деле были несомненными доками, утверждавшими, что «*навоз Бога обманет*» - то есть при правильном и разумном его внесении можно уменьшить зависимость земли и человека от погодных условий. Но всё же главным удобрением земли они полагали жертвенный человеческий труд – труд «*до седьмого пота*». Не будет преувеличением сказать, что вся плодоносная северо-восточная европейская земля (по крайней мере, на начальном её этапе) обильно полита именно русским потом, а потому закономерно и прозывалась «*русской землёй*». В письме другу о своей службе на Кубе поэт Юрий Кузнецов отмечал: «*Кругом была чужая земля, она пахла по-другому, люди тоже*». Земля и люди здесь – единое органическое целое, в котором тела - разные, а дух - общий. Русская земля и русский человек - явления, по сути, одного порядка: взаимозависимые и взаимопроникновенные.

5

Разумеется, современная российская земля состоит не из одной мирной пашни, получившей наименование «*старорусской земли*». В этой так называемой русской земле заложены не только самоотверженный труд самих русских людей, но и их плодотворное сотрудничество на земле с аборигенными народами - угро-финнскими в первую очередь. Но даже во взаимоотношениях русских людей с угро-финнами были немалые трения, в том числе наличествовало и фактическое завоевание Москвой земель Великой Перми. Сложно строились отношения русских с прибалтийскими народами. Не только потом, но и кровью завоёвывались земли Кавказа и Средней Азии, когда присоединение земель сопровождалось покорением населявших их народов. Освоение русскими и россиянами в целом огромных сибирских пространств тоже не происходило легко и просто. Сибирь, прежде чем быть политой русским потом, также была в значительной степени покорена русским мечом, а потом уже цивилизационно и культурнически «*освоена*». Но всё это – уже вторая, страдательная сторона формирования и существования общероссийской земли, которая неотделима от первой, созидательной её ипостаси.

Сегодня, в условиях международно регулируемых межгосударственных отношений и провозглашённого торжества западной цивилизации, демократии и либерализма, для России сохраняется реальная угроза посягательства на юридически закреплённые за ней и международно признанные суверенные территории. Это видно из слов Томаса Грэма, бывшего старшего директора по России в Совете по национальной безопасности США, который, по сути, предупреждает о наличии серьёзного вызова для России, угрожающего её позициям в динамичном восточном регионе, где «*все… хотят добраться до огромных природных ресурсов Восточной Сибири российского Дальнего Востока*». Предлагая России усилить контроль над своими малонаселёнными территориями, богатыми ресурсами, Томас Грэм прозрачно намекает на потенциальную угрозу сибирским землям со стороны Китая и убеждает российское руководство заручиться «*поддержкой*» со стороны США. Но, судя по ранее опубликованным заявлениям бывшего государственного секретаря США Мадлен Олбрайт, Соединенные Штаты тоже вовсе не беспристрастны в этом вопросе и сами непрочь "*интернационализовать*" огромные сибирские пространства, оставив России только её европейскую территорию.

Что же говорить о временах «*нецивилизованных*», когда рукотворная и плодотворящая русская земля уже существовала, а общероссийского государства ещё не было. Расположенная на большей части Восточно-Европейской (или Русской) равнины, простирающейся от Белого и Баренцева морей и Скандинавских гор - на севере до Чёрного, Азовского и Каспийского морей, Кавказских и Крымских гор - на юге и от Судетских и Карпатских гор – на западе до Урала и Мугоджар – на востоке, «*старорусская земля*» находилась как бы в перекрестье ничем не сдерживаемых могущественных сил и нерегулируемых миграционных устремлений народов,

стекавшихся со всех сторон в эту огромную и благодатную земную чашу. По подсчётам историка Сергея Соловьёва, за четыреста лет (1055-1462) Россия перенесла 245 нашествий. Примерно двести нападений на Россию было совершено в период с 1240 по 1482 год, то есть они происходили почти каждый год. Даже с появлением централизованного российского государства с его мощным оборонительным ресурсом российским землям от этого стало не намного легче. В общей сложности из 525 лет (1365-1893 годы) Россия воевала более трёхсот лет, обороняя от иностранной агрессии русско-российскую землю.

6

В условиях непрерывных агрессивных поползновений динамичного враждебного окружения и постоянного максимального напряжения внутренних сил «*старорусская земля*» не только не расползлась и не распалась, а, наоборот, придала населяющим её народам нерасторжимое органическое единство. Именно то единство, к которому ныне безуспешно стремится Европейский Союз («*Соединённые Штаты Европы*») и которое совершенно несвойственно «*цивилизованным*» народам Центральной Европы, озабоченным амбициозным и зачастую весьма жёстким самоутверждением внутри своего в целом благополучного европейского мирка. Российское единство, по мнению Ивана Ильина, тем и прочно, что было географически предписано и навязано нам землёю. Животворящая земля-мать, не могущая защитить самоё себя, требовала не только доброго повседневного ухода, но и надёжной защиты от чужих посягательств. А потому возделывающий землю человек должен был быть не просто мирным и безобидным землепашцем, но «*мужем*», настоящим мужчиной, способным поливать её не только потом, но и собственной кровью. «*Россия,* - подчёркивал Ильин, - *была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне*».

Отпор, замирение и освоение - вот три ильинские слова, которые предельно точно определяли существо взаимоотношений русских людей с другими народами в древности по всему периметру огромной Восточно-Европейской (Русской) равнины, с её протяжённостью в 2750 километров с севера на юг, в тысячу километров - с запада на восток и общей площадью в три миллиона квадратных километров. Принуждаемый быть в постоянной готовности дать отпор любому агрессору, русский человек сам по себе не был агрессивным. Он дрался насмерть, ибо защищал «*свою*» (освоенную им) землю, которая кормила его и членов его семьи и без которой он неминуемо был бы обречён на смерть. Лично мне древний русский человек видится не гордым воином-арийцем, волею судьбы принуждённым осесть на презираемую им землю (таковыми, например, были древние германцы), а вольным землепашцем, любящим мирный труд и влюблённым в добрую и щедрую землю, но принуждённый постоянно брать в руки оружие, чтобы защитить всё то, что он любит и ценит больше своей жизни.

Замирение - очень хорошее слово для понимания сущностного отношения русского человека к дорогой для него земле. Хотя корневым в нём является слово мир и хотя русский человек был всегда привержен именно мирному труду, замирение в русском понимании вовсе не означало некое прекраснодушие или уступчивость по отношению к врагу. Напротив, русский человек был весьма жёсток и суров по отношению к своим врагам. И это объяснялось многими причинами. Ибо сам он никому не причинял первым зла, а потому, гневливый по своей природе, русский человек не мог не испытывать возмущения по отношению к врагу, беспричинно отрывавшему его от любимого дела. Кроме того, имея такого жестокого учителя, как монголо-татары, русский человек полагал, что для замирения русско-российской земли важно было серьёзно проучить супостата (корень – «*тать*», «*вор*»), чтобы ему было неповадно покушаться на его землю в следующий раз. Уже в наши дни, в августе 2008 года, современная Россия преподала урок напавшей на Южную Осетию и российских миротворцев агрессивной Грузии, применив по отношению к ней силу для «*принуждения к миру*». Мировая общественность

(по сути, оправдывавшая и поощрявшая агрессора) обвинила Россию в превышении силы и неадекватности российского отпора причинённому злу. Но для самой России это была обычная практика замирения находящейся под её протекторатом Русской равнины и создания нормальных условий для мирной жизни населяющих её людей.

7

Освоение российской земли – это особая сторона русской и российской истории. Глава современной российской либеральной исторической школы, директор Института российской истории РАН академик Андрей Сахаров (тёзка правозащитника Сахарова), отмечая уникальное географическое положение России и соглашаясь с тем, что до шестнадцатого века Россия подвергалась постоянным экспансиям, утверждает: «*Культурный регион, из которого выросла Россия, всё время оставался в стороне от других цивилизаций и в то же время был между Западом и Востоком. Русь не зря претендовала на то, чтобы стать Третьим Римом. Взамен разрушенной империи появилась новая. И стала центром для огромного периферийного окружения*». Отдав сомнительную дань Третьим Римом патриотическим настроениям российского общества, он в духе современной российской и мировой либеральной традиции стремится обвинить Россию в её неискоренимом имперстве (склонности к тоталитаризму), а заодно и принизить её роль и значение в освоении Русской равнины. Российская земля, в его представлении, есть лишь своеобразный межцивилизационный буфер, географически и исторически размещённый между Западом и Востоком и превращённый в центр «*огромного периферийного окружения*» (этакий конгломерат недоразвитостей).

Другими словами, россиянам, а заодно и нашим зарубежным «*друзьям*» даётся понять, что Россия, несмотря на её несомненное территориальное господство на Русской равнине, представляет собой не более чем задворки западной и восточной цивилизаций, и сегодня, якобы, настал момент, чтобы ей окончательно определиться – к какой из них она примкнёт. Наша государственная идеология, мечущаяся между либерализмом и патриотизмом и жаждущая угодить тому и другому, фактически тоже скатывается к либерализму. «*Мы очень большие,* - заявлял заместитель главы администрации Президента РФ Владислав Сурков, - *с большим населением, мы очень широко раскинулись, у нас гигантская и очень затратная инфраструктура... Наша задача – выйти на другую ступень цивилизации*». Другая ступень цивилизации - замечательный словесный оборот, долженствующий примирить непримиримое. Вовсе вроде бы не утверждается, что Россия представляет собой нецивилизованную страну, но со всей очевидностью указывается на нашу недоцивилизованность, которую мы должны в себе преодолеть. Тем самым подразумевается необходимость и неизбежность движения России исключительно по западному цивилизационному пути, невзирая на его всё более проявляющуюся губительность для российской земли и для мира в целом.

Точку в этом очень сложном вопросе пытается поставить политолог Юрий Крупнов (Нижний Новгород), утверждающий, что в мире глобальных национальных государств Российская Федерация как национальное государство не имеет никакой исторической перспективы. Его аргументация странна и сумбурна. «*Окружённая,* - пишет он, - *ожерельем несамостоятельных государств, зависимых от США, ЕС, Турции, Китая, Россия с необходимостью является объектом дальнейшей экспансии глобальных государств. Единственный выход – заново создавать и пересоздавать себя как оригинальное глобальное и наднациональное государство, то есть строить Большую Россию*». По-настоящему глобальным национальным государством в этом перечне можно назвать лишь Китай, да и то с большой натяжкой. Соединённые Штаты Америки, будучи идеологами навязываемого миру глобализма, сами никогда не были в земельном плане подлинным национальным государством, представляя собой некий современный Вавилон, строящий собственную горделивую башню на чужой земле. Европейский Союз сегодня упорно стремится уйти от своей тысячелетней земельной многонациональности, создавая,

по примеру и не без поощрения Соединённых Штатов, систему наднациональной глобальности. Турция, ставя во главу угла глобалистский пантюркизм, по сути, тем самым тоже отрешается от присущей ей земельной национальности. Вовсе не упоминается политологом стремительно развивающаяся национально ориентированная Индия. И это при том, что Китай и Индия со всей очевидностью доказывают сегодня жизненность и эффективность традиционалистских национальных форм развития в современном глобалистском мире.

8

В огромности российских земель и неоднородности их социально-экономического и культурного развития, разумеется, всегда были и сегодня остаются свои проблемы, причём весьма немалые. Они вполне сопоставимы и с количественной протяжённостью российской территории, и с качественной разнородностью совокупных российских земель. К тому же они сложным образом налагаются на объективно-субъективные трудности острого экономико-культурного российского кризиса, в чём-то совпадающего с мировым финансово-экономическим кризисом, но во многом принципиально разнящегося с ним, требующего специфического национально-земельного решения. Однако и преимущества нашего исторически приобретённого земельного богатства вполне очевидны. Наши нефть, газ, металлы, другие природные ресурсы, идущие сегодня в огромном количестве на экспорт и спасающие страну и российские народы от политической беспомощности и хозяйственной безалаберности либеральной российской элиты - это не с неба свалившиеся ценности, а продукты нашей богатейшей совокупной российской земли. Что касается собственно землепользования, то сегодня все упования российских властей, строящиеся в угоду господствующей либеральной идеологии на повсеместном внедрении в России американизированного фермерского способа агропроизводства, по сути, лишены практического основания. По оценке экспертов, ныне в России лишь пять-восемь процентов мяса и молока производится фермерскими хозяйствами; на долю российских фермеров и других мелких производителей сельскохозяйственной продукции в 2010 году приходилось 26 процентов собранного подсолнечника, 22 процента произведённого в России зерна, 11 процентов - сахарной свёклы. Это и есть те великие достижения, которых достигли либеральные практики на российской земле за двадцать лет своего безраздельного господствования в либерально-демократической России.

Российская земля, которая веками отвоёвывалась у дикой природы, которая лелеялась, обихаживалась и обильно поливалась потом многих поколений русских крестьян и людей, осевших вместе с ними на отвоёванную у природы и многочисленных врагов российскую землю, ныне, превратившись усилиями дорохотов-либералов в товар и оказавшись в руках бессовестных спекулянтов, не просто уходит из делового оборота, но и вообще оказывается заброшенной и никому не нужной. По отношению к окультуренной веками российской земле либерализм оборачивается самым настоящим варварством. Причём не только в плане финансово-торгашеской эксплуатации покинутой людьми российской земли. В конечном счёте он неибежно приведёт к тирании хищнического капитала над рабски привязанным к земле человеком, причём тирании более жестокой и беспощадной, чем при крепостном праве и коммунистах. Ибо оптовый скупщик земельных угодий, фактически обесцененных в силу полнейшей их запущенности, либо начнёт их сдавать в аренду по нереально завышенной цене, либо будет принудительно загонять на них кабально зависимых от капитала людей для каторжной работы на земле. Внутреннее (совокупное и цельное) состояние российской земли, от которого всегда зависела её качественность, непременно обусловливалась нашими предками наличием у неё настоящего хозяина. При этом подлинным хозяином российской земли они считали не царя, а русско-российский народ, который

(единственный, по их мнению) способен дать ей повседневную заботу, надлежащий уход и нормальное жизненное обустройство.

В современной условно демократической России земля в буквальном смысле осиротела, так как подлинный её хозяин ныне начисто лишён права нормального хозяйствования на собственной земле. Российская земля сегодня раскололась надвое, оказавшись наполовину своей, а наполовину - чужой. Самое парадоксальное в этой ситуации то, что те, кто считают российскую землю своей, кто любит её, кто хорошо знает её непростой нрав и кто готов жертвенно трудиться на ней, безжалостно и, по сути, насильственно отрываются от неё, а те, кто фактически воспринимают её как чужую (как некий специфический товар или неиссякаемый источник своего чрезмерного обогащения), получают право распоряжаться ею по своему меркантильно-спекулятивному усмотрению. Российская земля раскупается сегодня огромными участками по бросовой цене, словно куски поверхности Луны в ожидании её будущего освоения. Но в отличие от Луны российская земля давно уже освоена. Более того, за российскую землю уже внесена огромная плата, причём до такой степени значительная, что она и не снилась нынешним номинальным «*владельцам*» земли. Российская земля никогда не была товаром в западном понимании этого слова. В России она всегда была сакрально-мистическим элементом - той священной коровой, которая даже в современной либерализированно-капитализированной Индии продолжает служить символом древнего культа. За столько веков теснейшего общения с человеком сама российская земля превратилась в живой организм, обладающий своими собственными критериями нравственной оценки личности человека как своего доброго хозяина. Даже если большой хозяин российской земли по тем или иным причинам не сможет возвратить земле своего непосредственного и истинного владельца, сама земля определит, кто для неё свой и кто чужой, и каждому воздаст по его заслугам.

* * *

В связи с темой «*Российская земля*» хотелось подобрать нечто эпически величественное – наподобие греческого мифа о непобедимом Антее, сыне Посейдона и богини земли Геи, черпающего безграничные силы от матери-земли, или древнерусской легенды о богатыре Святогоре, которого в силу его огромной тяжести «*не выносила мать сыра земля*», но и сам он не мог преодолеть земной тяжести. Однако оба эти мифа делают акцент на тесно связанном с землёй человеке, а не на самой земле. В конечном счёте я взял простенькую сказку-притчу из собрания А.Н. Афанасьева под названием «*Клад*», которая, на мой взгляд, навеяна её автору краеугольной русской пословицей «*земля мать подаёт клад*». Сюжет её – предельно жизненный, бытовой – очень перекликается с современными проблемами российской земли и убогим состоянием её подлинного хозяина. Великолепен её зачин. «*В некоем царстве,* - начинает сказочник, - *жил-был старик со старухою в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени – померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная. Пошёл старик по суседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и суседи и знакомые, знаючи его великую бедность, все начисто отказали*».

Знакомая сегодня картина – не так ли? Отправился старик, естественно, к местному батюшке, но «*поп у них на селе был куды жадный, несовестливый*». Без денег он наотрез отказался похоронить старуху, заявив: «*Коли нет денег, не смей и ходить сюда!*». В отчаянии от безысходности решил старик похоронить старуху сам. Отправился он на кладбище и стал рыть в мёрзлой земле могилу. Копал, копал и выкопал котелок, глянул – а он полнёхонько червонцами насыпан, как жар блестят! «*Ну, с деньгами,* - говорит сказочник, - *знамое дело – всё пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди…*». За целковый и священник собрался со всем "*причетом*" и похоронил старуху как следует. Но засела в его голове мысль – дознаться любым путём, откуда у старика появились деньги.

Дознавшись же, он решил выманить у старика оставшиеся от похорон деньги. Для этого он зарезал собственного козла, влез в его шкуру, пошёл ночью к окну старика и стал изображать из себя чёрта, пришедшего забрать «*свои*» деньги. Деньги-то он забрал, но от козлиной шкуры так и не смог освободиться, даже вернув старику деньги: как только попадья начинала снимать швы, из них лилась попова кровь. «*Так и осталась*, - заключает сказочник, - *на попе козлиная шкура. Знамо, господь покарал за великую жадность!*».

Кто-то может усмотреть в этой сказке её антицерковную и даже антирелигиозную направленность. Такой взгляд был бы ошибочным, как крайне ошибочна, по моему мнению, и попытка неких современных ретивых поборников церкви реабилитировать задним числом пушкинского «*попа*» и самого поэта, доказывая, что, якобы, в первоначальном варианте его сказки Балда нанялся работать не у священника, а у купца. Любому мало-мальски здравомысленному человеку понятно, что священники – такие же люди, как и миряне. И что, живя в миру, они так же, как все люди (а, может быть, ещё и в большей степени), подвержены его многочисленным искушениям и соблазнам. Делать из священничества касту морально неприкасаемых – и глупо, и аморально, и вредно для самой церкви. В сказке берётся единичный священник (особенно жадный, «*несовестливый*») в единичном селе («*у них на селе*») и акцентируется внимание не на его сане, а на его индивидуальных качествах. Антиподы в ней – совестливая бедность и бессовестная жадность. Их житейское столкновение, смиренность бедности и циничное торжество жадности, беспомощность простоты и всесилие лукавства, спасительность нищеты и проклятие богатства, конечная победа добра над временно господствующим злом - вот подлинная интрига сказки и вековечная мораль русской народной мудрости.

Жизненное кредо старика: «*Ну его совсем с деньгами-то! Наперёд того без денег жил, и опосля без них проживу!*», - центральная идея сказки, её смысл, её соль. Только так, отрешаясь от всего лишнего и ненужного в жизни, и можно освободиться от власти денег и любых иных искушений современного мира, материальные соблазны которого заставляют человека влезать в «*козлиную шкуру*» и терять человеческий облик. Главным судьёй в этом вечном споре добра и зла выступает, разумеется, Бог, а земля служит неким материальным посредником между Ним и человеком. Бог смилостивился над несчастным стариком, и земля подарила ему клад. Но этот земельный клад, был особенный, ибо он предназначался только бедному труженику, всю свою жизнь отдавшему земле. Когда же деньги попали в чужие жадные руки, мгновенно сработало наложенное на них проклятие, и последовала неминуемая небесная кара. Думается, и сегодняшние жадные номинальные владельцы российской земли не только не понимают, каким бесценным кладом они обладают, но и не догадываются, на какие испытания они себя обрекают, пытаясь присвоить себе непредназначенный им божественный клад.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. РОССИЙСКОЕ ОТЕЧЕСТВО – ДОЛГ ИЛИ СЛАВА?

Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна – вселенный круг.
Первый сын богу, второй царю, третий себе на пропитание.
Дай бог тому честь, кто умеет её снесть.

Русские пословицы

1

Российская земля неотделима от российского Отечества, равно как и Отечество – от земли. Третьим же базисным элементом, на которых держится российское государство, является русский народ. Доверяя этим «*трём китам*» свою историческую судьбу, другие народы, населяющие огромную евразийскую территорию, получают взамен на своё

полное доверие и безусловную поддержку гостеприимную богатейшую землю, могущественное и надёжное общее для всех Отечество, доброго и великодушного собрата в лице русского народа. В пору великих смут, когда самодовольное и деспотичное государство, полностью забывая о своих обязанностях перед землёй, Отечеством и народом, навязывает им свои отчуждённые, сугубо корыстные и эгоистичные верховные права, распадается не только взаимодействие между государством и его основополагающими компонентами. Сами Отечество, земля и народ расползаются внутри себя в разные стороны, одновременно разрывая органичные связи друг с другом. Внутри каждого из них начинаются губительные междоусобные процессы, угрожающие безопасности всего огромного государства. Тогда-то и раздаётся клич верных и самоотверженных сынов России – «*Отечество в опасности!*». И потихоньку стихают неистовые страсти, замиряются, казалось бы, непримиримые раздоры. Омытое жертвенной кровью «*отцов*» и «*детей*» Отечество обретает свой цельный дух, возвращает людей к мирному труду на земле и восстанавливает взаимоподдержку и взаимопонимание между всеми российскими народами.

В земле ценится её плодородие, в народе – единство, в Отечестве же – дух, всеобщая одухотворённость. В советское время Отечество устойчиво рассматривалось как страна, где родился человек и гражданином которой является. Правда, в четырёхтомном «*Словаре русского языка*» появляется со ссылкой на устарелость небольшое добавление – «*место возникновения, происхождения чего-либо; родина*». Слово страна, к которому сводилось в те дни одухотворённое понятие Отечества, являлось лишь синонимом понятия государства как некой суверенной территории или условно закреплённого пространства. Такое выхолощенное и формализованное понимание Отечества резко контрастировало с развёрнутыми далевскими определениями, подразумевавшими под отечеством, во-первых, состоянье отца, бытность отцом, родительство, во-вторых, родную землю, отчизну, где кто родился, вырос, в-третьих, корень, землю народа, к коему кто, по рожденью, языку и вере принадлежит и, наконец, родину в обширном смысле. Что касается государства, то Даль воспринимал его отечественность лишь в отношении к подданным своим, то есть, по сути, освобождал российский народ от обязанности отождествлять государство с Отечеством, но обязывал государей относиться к народу "*по-отечески*". Примечательно также применение Владимиром Далем понятия отечества к родному языку как к «*отечественному языку, своему, природному, прирождённому*», то есть к языку отцов - главному наследию наших предков.

Из совокупности далевских определений отечества хотелось бы выделить в качестве самых существенных следующие понятия - «*родительство*», «*корень, земля народа*» и «*родина в обширном смысле*». Родительство очень важно для понимания не только кровных, но и духовных связей в Отечестве, которые трактуются как родительско-отеческое отношение ко всем братьям меньшим, населяющим страну. В понятии корня, земли народа, с одной стороны, триедино соединены земля, народ и Отечество. С другой стороны, Отечество признаётся главным истоком, корнем этого неразрывно связанного триединства. Понятием Родины в обширном смысле Владимир Даль задаёт Отечеству планку высшего смыслового уровня единения людей, на котором все «*родины*» (малые и великая) сливаются в одно единое всеобъемлющее целое - всеобщее Отечество. Актёр Владимир Конкин вполне справедливо заметил: «*Родина у каждого своя. Отечество одно на всех и слагается оно из наших Родин*». Действительно, несмотря на большую важность для каждого из нас своей родины (родной и милой душе стороны), Отечество качественно выше и значимее её, так как вмещает в себя не только все родины вместе взятые, но и воплощает в себе их суммарную, совокупную одухотворённость.

2

Слово отечество, производное от существительного отец, имеет сугубо русское происхождение, и наполнение его одухотворённым содержанием – тоже исключительно

русское. Например, во французском языке есть слово «*pere*» («*отец*»), но наше прилагательное «*отечественный*» переводится французами уже как «*national*» («*национальный*»), что полностью искажает и его существо, и его общее ёмкое содержание. Правда, есть у французов ещё и слово «*patrie*», но, во-первых, в переводе оно сливается с понятием «*родина*», а во-вторых, производится от латинского «*pater*», имеющего значительный налёт церковности. В английском языке наряду с бытийным «*father*» («*отец*») бытует ироничное латинское «*pater*», имеющее жаргонное употребление. Вместо французского «*patrie*» («*родина, отечество*») англичане употребляют «*patrimony*» («*родовое, наследственное имение, вотчина*»), уводящее смысловое наполнение этого понятия в сторону сугубо имущественных отношений. Понятие «*national*» расшифровывается у англичан не только как «*национальный*», но и как «*народный*», что не только не упрощает, но, наоборот, запутывает понимание Отечества.

Русское одухотворённое понятие Отечества намного шире и объёмнее рационального французского и, тем более, узкопрагматичного английского. Переиначивая пословицу «*рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля*», русские народные мудрецы утверждали: «*рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна – вселенный круг*». У выражения «*отчизна – вселенный круг*» имеются как бы два измерения: одно – бытовое, житейское, другое – философское, космическое. В бытовом плане Отечество представлялось русским народным мудрецам как конечная цель человеческих усилий и некий главный рубеж («*круг*») защиты всего самого ценного, что есть у конкретного человека и всех его соотечественников. Но напрашивается и обратное, максимально расширительное толкование Отечества как всей Вселенной, созданной Богом-Отцом. В такой трактовке сама планета Земля воспринимается как Отчина (Отчизна, Отечество) Бога-Творца, его безусловное и ничем не ограниченное владение.

Весьма любопытна в этом плане вторая пословица, вынесенная в эпиграф к данной главе – «*первый сын богу, второй царю, третий себе на пропитание*». Она служит как бы продолжением и смысловым раскрытием другой русской пословицы – «*один сын – не сын, два сына – не сын, три сына – сын*». В многодетных русских семьях ставка делалась не на количество детей, а на их некое качество, которое определялось не просто наличием сыновей, а их достаточностью. По смыслу обеих пословиц, полноценной считалась только та семья, где было не менее трёх сыновей. Судя же по первой пословице, все сыновья рассматривались, по сути, как будущие служители Отечества, хотя и на разных его поприщах. Первый сын посвящался духовному служению Отечеству. По-видимому, он должен был не просто в индивидуальном плане молиться Богу, но и замаливать перед Ним грехи всех своих соотечественников, а также молить Его о снисхождении к своему Отечеству. Отдаваемый царю второй сын должен был реально служить Отечеству, отстаивая его практические интересы с оружием в руках либо на любом другом государственном поприще. Третий же сын, оставляемый себе на пропитание, должен был трудиться на земле и наследовать отцу в его отчине. Но и он был обязан работать, разумеется, не только на себя и собственную семью, но опять-таки и на всё Отечество в целом, обеспечивая в том числе и его всё тем же жизненно необходимым пропитанием.

3

Истоки нашего Отечества и нашей весьма специфической отечественности уходят в глубокую древность. Общеизвестно, что большое влияние на формирование этих духовных истоков оказала Византия. Но сам по себе восточный осколок Древнего Рима был слишком эклектичной и обречённой на вымирание духовно-социальной структурой, чтобы связывать с ним напрямую цельную духовную качественность будущей России, придавшей ей тысячелетнюю историческую устойчивость. Русский дипломат и философ-византиевист Константин Леонтьев, говоря о христианской, бюрократической, муниципальной и кесарской Византии, отмечал её старую эллино-римскую муниципальность, старый римский кесаризм, новое христианство и новое чиновничество

на образец азиатский, а также тот факт, что она «*доживала жизнь Рима*». Единственное, чем, по его мнению, она была молода и сильна, заключалось в её религии. И именно это своё главное наследие передала, по его мнению, Византия языческо-варварской России, в которой русское православие развивалось под большим византийским влиянием.

Разумеется, дух византийской христианской верности святоотеческому преданию и почитания авторитета Отцов Церкви, выразившийся в особом высокоодухотворённом явлении афонского старчества, не мог не сказаться на утверждении облагораживающего духа «*отчества*» и в Русской православной церкви. Недавнее планирование издательским советом Русской православной церкви составления полного списка «*отцов*» Русской церкви от митрополита киевского Иллариона (одиннадцатый век) до двадцатого века включительно свидетельствует о необычайной важности явления «*отчества*» не только в истории Русской православной церкви, но и в истории российского общества и государства. Однако одним пиететом перед «*отцами*» внутри Русской православной церкви и в среде российской культурной общественности вряд ли можно объяснить столь глубокую укоренённость духа самоотверженного служения Отечеству, характерного для русского и других народов, населяющих Россию, и для российского государства в целом в моменты его величайших испытаний.

Анализируя разные формы государственного устройства, практикуемые в различных странах мира, родоначальник российских историков Василий Татищев в первой половине восемнадцатого века витиевато писал: «*В единственных градех и малых областях полития или демократия удобно пользу и способность сохранить может. В величайших, но от нападения не весьма опасных, …особливо где народ науками довольно просвясчён, аристократия довольно способной быть может… Великие же области, открытые границы, а наипаче, где народ учением и разумом не просвясчён, …тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии*». В отличие от современных воинственно непримиримых радикал-либералов и не допускающих компромиссов правозащитников, настаивающих на безусловном внедрении в России принципов демократии исключительно западного образца, наши предки вовсе не видели в монархии некоего деспотического авторитаризма, а встраивали принцип единоличной власти в систему семейственной патриархальности, державшейся на авторитете и высшей ответственности отца семейства. Выстраивая иерархию светского «*отчества*» от простого главы семейства до руководителя всего русско-российского государства, наши наивные и простодушные предки видели в своём государе не «*монарха*» (таковым он должден был быть для других народов и государств), а отца большого и беспокойного семейства, каковым образно представлялось русским людям всё государство. А посему, по их твёрдому убеждению, только единоличный властитель (отец семейства) был способен обеспечить России её внешнюю безопасность и внутреннее спокойствие русско-российского народа как одной большой семьи.

4

Культовое почитание старших (родителей в первую очередь) – краеугольный принцип всех восточных религий и восточного уклада жизни вообще. Для России оно тоже было свойственно, причём не только в канонах православной религии, но и в правилах светской жизни. Свидетельством тому служит «*Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению*» - литературный памятник русского просвещения начала восемнадцатого века, составленный сподвижниками Петра I. Его наиглавнейшее кредо выражалось словами – «*в первых наипаче всего должни дети отца и матерь в великой чести содержать*». Однако не только в православных канонах, но и в русской народной традиции культ родителей получил весьма существенную акцентировку, заметно сместившись в сторону отца как полновластного и единолично ответственного главы семейства. Русские народные пословицы – «*умел дитя родить, умей и научить*», «*работные дети отцу хлебы*», «*не наказанный сын – бесчестие отцу*», «*хоть по-*

старому, хоть по-новому, а всё отец старше сына», «*отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить*» и многие другие – не просто акцентируют преимущественное внимание на отце, но создают в русском народе настоящий культ отцовства или «*отчества*». Используя в качестве контраста такие уничижительные определения, как «*матушкин сынок*» и «*матушкин запазушник*», народные мудрецы, по сути, наделяли отца неограниченными правами в воспитании детей, сужая функции матери исключительно рамками дома и женской половины семьи.

От культа отчества до культа Отечества – всего один шаг. Но и он был осуществлён «*отцами*» Русской православной церкви и российского государства не вопреки, а в полном соответствии с русскими народными представлениями и на базе императивных умозаключений народных мудрецов. Утверждая, что «*не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил*» и что «*духовное родство пуще плотского*», народные мудрецы, с одной стороны, переводили понятие отчества из частно семейной в обобщённо духовную плоскость, а, с другой стороны, по сути, утверждали главенство всенародного Отечества над узко семейным отчеством. Слитые воедино культы народного семейного и православно-церковного отчества с культом государственно понимаемого всеобщего Отечества придали российской государственности необычайную социально-политическую прочность, а русскому и российскому народу в целом – неторопливость стабилизированного сверху и подкрепляемого снизу самобытно-суверенного развития. Это было несомненным историческим благом для российского государства, но и народ в целом имел с этого свои вполне реальные исторические дивиденды.

Однако, как у всякого позитивного явления, у российского отчества имелась и своя оборотная сторона. Культ государственно понимаемого Отечества, несомненно, уже изначально таил в себе зародыши культа личности российского государя, что со всей очевидностью было продемонстрировано культообразной историей Дома Романовых и в особенности таким уродливым явлением, как культ личности Сталина. Общероссийское Отечество, воспринимаемое конкретно правящей личностью как её собственная вотчина, доставшаяся ей в узаконенное наследство или за некие особые личные заслуги, теряло при этом корневую общенародную сущностность и в лучшем случае низводилось до французского понятия «*patrie*» («*родина*») и английского - «*patrimony*» («*родовое, наследственное имение, вотчина*»), а в худшем – становилось естественной средой для проявлений вульгарного российского цезаризма. Принцип цезаристского правления народными массами, рождённый ещё в Древнем Риме и не лишённый в те далёкие времена даже некой простонародной полезности, в специфических современных российских условиях имеет все основания и возможности для вырождения в демагогию, деспотию и всеобщее раболепство. Его базой у нас является личностное несоответствие правителей страны сложным задачам развития современного государства, которое неизбежно провоцирует авторитарно-силовые методы управления людьми. Когда же правители компетентны и пользуются полным доверием народа, взаимоотношения власти и народа в России, несмотря на всякие новомодные политические усовершенствования, вновь возвращаются на сущностно отеческий уровень.

5

Культ народного семейного отчества тоже не безупречен, особенно в своих крайних проявлениях. Для русского человека традиционалистский культ народного «*детства*» по отношению к властному "*отцовству*" не мог не сказаться в явлении нараставших веками элементов крепостничества, продержавшегося в России едва ли не до сегодняшнего дня. Апологет сильного российского государства Константин Леонтьев вынужден был признать, что вся Россия и сама царская власть возрастали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием наследственного чиновничества. Параллелизм усиления авторитарной царской власти с утверждением крепостного права - это вовсе и не

«*параллелизм*», а тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Да, были отдельные бунтарские народные выступления против «*троекуровых*» и "*салтычих*", злоупотреблявших своей неограниченной властью над телами и душами людей. Были беглые крестьяне, пополнявшие ряды вольного казачества на окраинах России. Но основная масса крестьянства воспринимала завинчивание гаек российского крепостничества как вполне объяснимое развитие и доведение до логического завершения принципа царского и барского патернализма. Потому и мирились русские крестьяне со своей несвободой, бесконечно терпели её, приспосабливались к ней.

Подводя теоретическую базу под реалии крепостничества, Василий Татищев утверждал, что для упорядочения своих социальных отношений люди (имелись в виду наши далёкие предки) вступали в договор, согласно которому «*старейший имеет власть оному* (младшему - А.А.) *повелевать, его всем потребным довольствовать и на всё полезное наставлять, а младший обязался все повеления оного верно и прилежно исполнять*». Как видим, весь процесс закрепощения русского крестьянина понимается и представляется автором «*Истории Российской*» в сугубо патриархальном ключе. Старейший (разумеется, не по возрасту, а по своему социальному положению) принимает на себя функции отца по отношению ко всем, кто готов ему покориться. В качестве такового он обязуется кормить своих «*детей*» (удовлетворять их потребности) и воспитывать их в благонравии (на всё полезное наставлять). Крепостному же крестьянину («*холопу*») было необходимо всего лишь прилежно исполнять повеления своего господина, отечески заботящегося о его благе. Разумеется, никакого такого договора в России не было и в помине. Крепостничество в реалии было далеко от сочинённой екатерининским вельможей идиллии. Но трактовка крепостного права как закрепления права «*отцовства*» существовала, и крепостники как бы исходили из этого принципа, а крепостные как бы веровали в него.

Но была и другая сторона столь удивительной терпимости русского крестьянства в отношении крепостничества. Она заключалась в глубоком и искреннем народном патриотизме и понимании русским человеком необходимости и неизбежности жертв во имя Отечества. Историк Андрей Сахаров, при всём своём безусловном либерализме, отмечал: «*Сегодня историки откровенно говорят: без крепостного права не было бы российской армии. Чтобы охранять государство, были необходимы средства, в том числе за счёт эксплуатации крестьянства*». Эта фраза явно противоречит либеральному кредо маститого академика, так как он не только вроде бы объясняет истоки российского крепостничества, но и в определённой мере оправдывает сам принцип крепостного права, по крайней мере до семнадцатого века. Что скрывается за этим его невольным политесом – неважно. Главное же заключалось в том, что русский крестьянин, при всей его кажущейся тёмности и забитости, восходя мыслью и духом от своего семейного «*отчества*» к всеобщему Отечеству, взваливал на себя ярмо крепостничества лишь отчасти по принуждению властей. Другой своей частью это была его добровольная ноша, его собственная жертва, возносимая на алтарь Отечества. Причём это была священная жертва – жертва по примеру всех российских «*отцов*» не только личной свободой и собственными средствами, но и жизнями своих детей и собственной жизнью.

6

Как бы то ни было, принцип жертвенности по отношению к Отечеству был традиционно укоренён в русских людях. Причём (что удивительно!) он был свойствен не только низшему классу русских людей, но и лучшим представителям российской элиты. «*Я,* - говорил в одном из своих интервью живущий во Франции князь Александр Трубецкой, - *учу своих детей: ты родился во Франции и должен уважать страну, которая нас приняла. Твоя родина – Франция, а Отечество – Россия*». Родина понимается нашим знатным соотечественником исключительно как место рождения, даже когда речь идёт о целой стране. Отечество же воспринимается им как некая духовная планета в

огромном мировом духовно-космическом пространстве, из которого «*прилетели*» во Францию далёкие русские предки. Бывший советский журналист во Франции Владимир Большаков, суммируя в книге свои впечатления от встреч с российскими эмигрантами, резюмировал: «*Есть у всех русских одна общая святыня, которую не поделишь и доступ к которой у русской души, где б она ни маялась, не отнимешь никакими декретами. Это – Родина, Русь*». Учитывая, что Родиной Большаков именовал не вполне конкретный Советский Союз или ныне существующую Россию, а условную историческую Русь, речь, по-видимому, тоже шла в первую очередь именно об Отечестве, представлявшемся покинувшим его русским людям общей духовной святыней.

В феномене российского Отечества есть нечто магическое. В отличие от административно силового явления российской государственности (понимаемой в качестве внутренне хорошо обустроенной крепости и надёжно укреплённого внешнего оборонительного редута), пространственно территориального явления страны (своя сторона, свой «*край*») и душевно причастного явления родины (молочный привкус и сладкий дух материнства), феномен Отечества весь пропитан сугубо мужским, образцово мужественным духом предков. В этом духе очень сложный замес. Но суть его заключается именно в мужественности, в верности жертвенным заветам отцов, в самоотверженном охранении отчего дома, в священном обережении сынами земли, обильно политой кровью отцов. «*Два чувства*, - писал Александр Пушкин, - *дивно близки нам, в них обретает сердце пищу: любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам*». Дивность этих чувств, по мысли поэта, заключается в их парадоксальности. Казалось бы, пепелище и гробы должны вызывать естественные у нормального человека чувства отвращения и страха. Но сопряжённые с притягательными для русского человека ощущениями – «*родные*» и «*отеческие*» - они превращаются в жизненно необходимую духовную пищу, без которой русские люди уже и жить не в состоянии. Но если отеческие гробы взывают к почтительной памяти давно умерших предков, то любовь к родному пепелищу будит в душе потомков бурю негодования к бесчинствующим врагам, наносящим материальный ущерб и причиняющим моральный урон родному Отечеству.

В противоречивости и мистической трагичности чувства сопричастности к своему Отечеству признавался и другой наш великий поэт – Михаил Лермонтов. «*Люблю отчизну я*, - писал он в стихотворении «*Родина*», - *но странною любовью! ... Я люблю – за что не знаю сам*». Холодным рассудком просвещённого европейского человека он понимает всю нелепость горделивости кровавой славой российского имперства. Его как интеллектуально развитую личность унижает вечная отсталость России, проистекающая, по его мнению, из детского доверия властям со стороны русского народа. Скептик по натуре, он, в отличие от Пушкина, явно не испытывает восторга от наивных народных преданий о далёкой и совершенно легендарной старине. И, несмотря на всё это, как душевно русский человек он не может противиться этому глубокому и неискоренимому чувству любви к своему Отечеству, несмотря на всю «*странность*» и несовременность этого, по его логике, исключительно патриархального чувства. При этом главное для поэта заключается вовсе не в странности этого внезапного душевного порыва (трагедийно-драматического для него в своём существе), а в самом наличии в нём сокровенного чувства любви, не ведающей причины, но отрадной и сладостной для души тонко чувствующего русского человека.

7

Самое удивительное и парадоксальное в любви россиян к своему Отечеству состоит в заразительности и устойчивости этого чувства. Наталья Нарочницкая упоминает удивительный исторический факт времён российской Смуты, когда в Казани старейшины, пережившие на своём долгом веку покорение родины Иваном Грозным, призвали татар оказать помощь деньгами и людьми Минину и Пожарскому, выступившим на защиту российского Отечества. Разумеется, татарские аксакалы руководствовались при этом

отнюдь на заботой о российской империи, к которой они не могли испытывать нежных чувств. Думается, ими, как и всеми честными и добронравными русскими людьми, в то время двигали сострадание и соучастие к несчастьям общего для всех Отечества, политого кровью их собственных отцов и завещанного им к беззаветному хранению покоящимся духом их далёких предков. Назвав войну Советского Союза против гитлеровских захватчиков в 1941–1945 годах Великой Отечественной, большевики тем самым сделали ставку на патриотизм прежде всего русского народа, исторически продемонстрированный им в Отечественной войне 1812 года. Но, разумеется, они учитывали при этом и духовную сопричастность к общему для всех Отечеству со стороны других народов. И, надо признать, они не ошиблись в своих расчётах. Подтверждением этому послужило самоотверженное участие в Великой Отечественной войне всех многочисленных народов Советского Союза, выступивших не столько в защиту советско-коммунистических ценностей, сколько во спасение своего большого, совместного Отечества.

Угроза российскому Отечеству сегодня исходит вовсе не со стороны внешнего врага и даже не из-за нарастающей напряжённости межнациональных отношений внутри страны, многократно усиленной глубоким и затяжным мировым финансово-экономическим кризисом. Она коренится, на мой взгляд, в духовно разрушительном явлении современного российского либерализма, спровоцировавшего жёсткий раскол граждан России в отношении к своему Отечеству. Учёный либерал Алексей Кара-Мурза, возглавляющий Национальный фонд «*Русское либеральное наследие*», развенчивая «*миф*» о том, что нынешние российские либералы лишены чувства патриотизма, приводит в качестве основного аргумента слова сверхавторитетного для него либерала Петра Струве: "*Либерализм - это и есть истинный патриотизм*". Понимая, однако, что такого голословного, хотя и с апломбом сказанного, утверждения явно недостаточно, Кара-Мурза со своей стороны разъясняет: "*Почему? Да потому, что по-настоящему можно любить только свою свободу, а не свободу своего барина. Ту свободу, которую ты готов осмысленно защищать*". Странное объяснение в ещё более странной любви! Как можно что-то и кого-то "*осмысленно защищать*"? Такое определение вполне подходит исключительно к судебным тяжбам, в которых так поднаторели наши либералы, а не к защите родного Отечества. Да и не об Отечестве вовсе ведёт речь поборник либерализма, а исключительно о "*любви к свободе*", которую (будь то любовь, будь то свобода) каждый либерал понимает по-своему, в меру своей эгоистически-индивидуалистской духовной испорченности. Барин упоминается Кара-Мурзой просто для красного словца, ибо каждый либерал потому-то так страстно дорожит своей личной свободой, что ощущает в себе утончённого и великодушного барина.

С самого зарождения либерализма в нашей стране российские либералы мыслили себя вовсе не коренными россиянами, хотя родились и жили в России. Они изначально были западниками. Хотя они много рассуждают о благе России, их подлинным духовно-ментальным «*отечеством*» является вовсе не Россия и даже не отдельно взятые Англия, Германия, Франция или Соединённые Штаты Америки. Как умные и образованные люди они видят у каждой из этих стран не только преимущества, но и существенные недостатки. А потому они избрали в качестве своего духовного «*отечества*» именно эфемерный, идеализированный, утопический «*Запад*», противопоставляемый ими конкретно земной, грубо реальной и трезво прозаической России. Презирая общенародное Отечество за его «*сермяжность*», российские либералы смотрят на него не просто чужими глазами, а через микроскоп своих западнических идеалов, превращающих любую российскую соринку в чудовищное бревно. Используя этот «*научный*» метод, российские либералы вот уже двадцать лет сеют в России не любовь к своему Отечеству, а рознь и ненависть к нему, превращая абсолютистский культ свободы в главный принцип «*освобождения*» российского народа прежде всего от бремени любви к своему Отечеству.

Но Бог с ними, с нашими холодно рассудочными либералами, помешавшимися на мысли об идеальности Запада и убожестве России. Не о них мы сегодня должны думать, а о нашем Отечестве, переживающем ныне небывалый духовный кризис. Чуть более ста лет назад, в апреле 1907 года, известный русский философ и активный российский общественный деятель Лев Тихомиров, прошедший путь от народничества до либерализма, а от него - до поддержки монархии и сотрудничества с Петром Столыпиным в его реформаторской деятельности, выступил в Историческом музее в Москве с публичным докладом на тему «*Что такое Отечество?*». «*Жизнь Отечества*, - говорил он, - *…отражает в себе жизнь человечества в организованном единении в каждый данный момент и в течение тысячелетий. Это высшее фактическое проявление единства и солидарности людей, а потому и высшая школа благороднейших чувств человека*». Не государство, не страна и даже не народ отождествлялись философом с человечеством, а именно Отечество, связующее между собой не только государство, страну и народ, но даже разрозненные личности в единое целое, служащее залогом спасения, сохранения и органического развития всего человечества. Причём не только в данный, текущий момент, но и на всём протяжении его земного существования. Ибо Отечество не есть форма внешней, преимущественно силовой организации людей, каковой является государство, а представляет собой сущность внутренней, чисто духовной их самоорганизации – самоорганизации, отображающей и воплощающей в себе благороднейшие чувства человека. Как бы возражая Алексею Кара-Мурзе и всем сегодняшним российским либералам, мнящим себя истинными патриотами России, Лев Тихомиров говорил: «*Если оскудевшая душа человека или его подорванный разум не находят уже благословения даже для Отечества, то это значит, что такой человек не способен ничего любить горячей, самоотверженной любовью*». Любовь к своему Отечеству, действительно, есть высшая форма земной человеческой любви, выше которой может быть только любовь к Богу, но и она может быть по-настоящему реализована только через самоотверженную, жертвенную любовь к своему Отечеству. Именно благодаря любви к Отечеству человеческая душа полнится благородными мыслями и добрыми чувствами, а с потерей её оскудевает, уступая место человеческому эгоизму, имеющему конечным пунктом любви (как, впрочем, и свободы) исключительно своё «*Я*», разросшееся до уровня вселенского мироздания.

Но любовь к Отечеству бывает двоякой. Некоторые из нас, горячо любя своё Отечество и зачастую не отдавая себе в том отчёта, любят не столько само Отечество как таковое, сколько его славу. Россия за свою тысячелетнюю историю накопила такой международный авторитет и такую мировую славу, что каждый россиянин сегодня как бы имеет право не только гордиться своим Отечеством, но испытывать и собственную, сугубо личную сопричастность и к этому историческому авторитету, и к этой всеобщей славе. Понимая, однако, что эта слава лично им пока не совсем заслужена, такой патриот России утешает себя мыслью о том, что, когда придёт «*его*» час, он тоже, не щадя своей жизни, послужит славе своего любимого Отечества. В подобном чувстве нет ничего зазорного, так как и в самом деле в моменты открытой вражеской агрессии против нашей страны подавляющее большинство наших граждан (может быть, даже и добрая половина наших либералов) дружно выступят в защиту своего Отечества, проявив при этом мужество и героизм, достойные наших предков. Тем не менее в подобных пылких чувствах патриотически настроенных наших сограждан есть, на мой взгляд, некая червоточинка или слабинка, несмотря на кажущуюся силу выплёскиваемых эмоций. Слабость их заключается в нестабильности и неровности, в проявлении их от случая к случаю, в резкой смене приязни и отчуждения, любви и ненависти.

Антиподом подобной страстной, брызжущей чувствами любви, подогреваемой иногда бравадой и аффектированностью, является любовь к Отечеству, может быть, не столь внешне яркая и эффектная, но внутренне более надёжная и целеустремлённая. Её можно определить словом долженствование. Кому-то покажется, что любовь и долг

являются вещами несовместимыми. Но на самом деле это не так. Верность долгу - это тоже чувство, причём чувство глубокое и мощное, в основе которого лежит тоже любовь, но не как некий разовый импульс, а как глубочайший корень и неиссякаемый источник повседневного, незаметного, самоотверженного и предельно ответственного служения россиянина своим родным и близким, своим друзьям и товарищам по работе и, наконец, своему Отечеству. В нашем родном российском доме ныне всё смешалось, подобно дому Облонских. Враги Отечества без тени смущения выдают себя за его верных и пылких друзей, а подлинные друзья, боясь показаться смешными и наивными, больше всего страшатся прослыть врагами Отечества. В этой ситуции пылкость чувств не только не идёт на пользу Отечеству, но, наоборот, только увеличивает раскол и неразбериху в российском обществе, духовно разоружающих Отечество. Думается, у аффектированных патриотов Отечества ещё будет возможность проявить свои героические чувства, ибо безопасность нашего государства ещё никто не гарантировал, да и вряд ли подобные гарантии будут чего-то стоить. Сегодня же главное слово в нашем родном Отечестве не за ними, а за людьми долга. Слава хороша, но она преходяща. Долг скромен, но он, и только он, являлся во все времена той гранитной основой, на которой крепко стояло наше Отечество. Вот уже двадцать лет мы пожинаем горькие плоды утраты веры и верности – веры Богу и верности Отечеству. Пустившись в погоню за чисто материальным преуспеянием (с изменой всему духотворящему), мы обездолили себя, лишились внутренней опоры в самих себе, поставили себя в прямую и, по сути, рабскую зависимость от внешних обстоятельств. Нам сегодня всего-то и надобно – вновь поверить в самих себя и в своё Отечество, покончить со своей социальной и индивидуальной апатией и постоять за завещанное нам предками родное Отечество. И дело даже не в его величии, а в нашем собственном достоинстве, ибо возвращая уважение к Отечеству, каждый из нас в конечном счёте восстанавливает и своё собственное, личное самоуважение, без которого не может быть ни творческой личности, ни подлинного человека.

* * *

Вновь, как и в предыдущей главе, обращусь для иллюстрации темы «*Российское Отечество*» не к эпическим сказаниям, а к маленькой сказочке под названием «*Крошечка-Хаврошечка*», опубликованной в первом томе «*Народных русских сказок*» А.Н. Афанасьева и очень популярной среди детей в дореволюционные годы и в советское время. Необычайная популярность её заключалась прежде всего в предельной простоте и бесхитростности сюжета, но главное – в исключительной схожести жизненной ситуации маленькой героини сказки с судьбами простых, бесхитростных, честных, трудолюбивых, но не очень удачливых людей, каких среди русского народа было великое множество. Замечателен зачин сказки: «*Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли её эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подаёт, и прибирает, и за всех и за всё отвечает*».

Хлопотунье Хаврошечке в сказке противопоставляются три хозяйкины дочери - Одноглазка, Двуглазка и Триглазка, которые только и знали, что у ворот сидеть да на улицу глядеть. Беда беззащитной сироты состояла ещё и в том, что она, несмотря на свои всё возрастающие труды, слова доброго никогда не слыхала. Единственная отрада у неё была – рябая корова, которой одной она могла рассказать, как ей тяжко жить-поживать. Корова и сжалилась над ней: стала чудесным образом помогать ей решать тяжёлые жизненные задачи. Но заподозрившая неладное старуха решила выведать Хаврошечкину тайну и послала «*доглядывать*» за ней своих дочерей. Двух первых Хаврошечка усыпила, а с третьим глазом Триглазки вышла промашка. Узнав о помощи коровы, хозяйка со

злости приказала старику зарезать её. Перед своей кончиной корова завещала Хаврошечке не есть её мяса, а, собрав косточки, похоронить их в саду и поливать каждое утро. Из этих-то косточек выросла чудесная яблонька – всем на загляденье. Её «*наливными*» плодами соблазнился богатый барин. Но, так как яблоки смогла сорвать только Хаврошечка, он на ней и женился. «*И стала она в добре поживать, лиха не знавать*», завершает свою сказочку русский сказочник.

В плане темы здесь много созвучного. С некоторых пор наше сильно уменьшившееся Отечество осиротело и попало в опеку людям, которые, судя по всему, не очень-то Бога боятся и свего брата не стыдятся. Есть, конечно, и в нашем Отчем доме добросердечный «*старик*», который решается время от времени замолвить слово в защиту приговорённой к убою молодой, хорошей коровы. Но всем в доме заправляет не он, а недобрая «*старуха*», которая держит в холе и праздности родных дочерей, но слова доброго не скажет «*чужой*» труженице, которая за всё и за всех отвечает. Нашей палочкой-выручалочкой – той самой «*рябой коровой*», которая спасала от многочисленных бед сказочную Хаврошечку - до сих пор была и остаётся некая «*скотинка*», доставшаяся нам по наследству от «*рябых*» времён, которую мы готовы прирезать даже не из соображений пользы или выгоды, а просто по злобе нашей элиты к «*рябым*» временам. Но, как ни принуждают нас к этому, думается, и мы не выбросим «*косточки*» нашего ближайшего и далёкого прошлого, а сохраним их и вырастим на их останках прекрасную яблоньку, плодами которой не грех будет поделиться с любым заезжим барином. А уж насчёт брака с ним – можно будет и посмотреть: времени и предложений, думается, будет более чем достаточно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА - ИСПЫТАНИЕ ИЛИ ИСКУШЕНИЕ?

Жили люди до нас, будут жить и после нас.
Прошлому не кайся: скоро состареешься.
Что было, то видели; что будет – увидим; а ещё и то будет, что и нас не будет.

Русские пословицы

1

Века - это не просто крупные временные отрезки, а крутые ступени содержательного развития человечества, которые могут вести его вверх или вниз, а могут и просто означать движение человечества "*вверх по идущей вниз лестнице*", то есть быть элементарным топтанием на месте. Каждый век имеет свои смысловые особенности, свою цель и своё назначение, свой ритм и темп своего развития. По мельканию лиц и событий, по возрастающему количеству и утончающейся нюансировке разного рода открытий, по убыстрению скорости средств индивидуального человеческого передвижения в материальном и виртуальном пространстве кажется, что человечество развивается во всё ускоряющемся темпе и что мы приближаемся к пределу своих скоростных возможностей, а следовательно машина времени может в любой момент перегреться и выйти из строя. Но это чисто внешние признаки, за которыми остаётся неизменной суть конечных целей и общего предназначения человечества, которые и налагают свой особый сущностный

отпечаток на каждый временной отрезок существования и развития на земле конкретного человека и всего человечества в целом. В силу этого у каждого века имеется не только своё собственное событийное лицо и исторически сформированное тело, но и своё непреходящее духовное содержание и своя бессмертная душа. Причём именно духовная составляющая, именно специфические движения человеческой души определяют подлинное содержание того или иного века, его суть и его значение.

Так было в глубокой древности. Так происходит и сейчас. С той только разницей, что мы научаемся быстрее соображать и передвигаться в земном и космическом пространстве, но разучивается хорошо и всесторонне обдумывать свои поступки и всё больше теряем способность к сопротивлению нарастающей инерции движения. В духовном плане всё намного сложнее, ибо вековые ступени в этой сфере становятся всё более крутыми, а наши подъёмы-спуски по ним - всё более ответственными. Считается, что человечество вступило в новую стадию своего развития примерно в середине пятнадцатого века и что решающую роль в ней сыграла так называемая эпоха Возрождения. Это действительно так. И дело даже не в том, что эта эпоха дала мощный толчок интеллектульно-гуманистическому просвещению европейских народов и европейской научно-технической революции. С эпохи Возрождения на Западе начался, на мой взгляд, более значимый и по-настоящему революционный процесс - процесс отрыва человечества от своих исторических корней, от своего духовного прошлого. Эпоха Возрождения начисто физически отвергла, духовно дискредитировала и вычеркнула из своей интеллектуальной памяти предшествующую ей эпоху христианского Средневековья. Тем самым был создан прецедент духовного обрывания каждым новым веком своих духовно-интеллектуальных исторических корней и создания собственной истории, начинающейся едва ли не с абсолютного нуля. Запад предпочёл через голову собственного христианского Средневековья обратиться к духовному и интеллектуальному наследию Древней Греции и Древнего Рима, но не для того, чтобы реформировать Средневековье, а в целях наиболее полного его отторжения и разрушения.

С той возрожденческой поры каждый новый век на Западе соперничал с предыдущим столетием не только в развитии потенциала созидания, но и в масштабах разрушения своего прошлого. Рекордсменом в этом плане следует признать век недавно ушедший - двадцатый век, который предстаёт перед глазами историков чудовищной «*эрой разрушения*». Жестокое подавление в 1901 году западными странами Ихэтуаньского восстания в Китае, русско-японская война 1904-1905 годов, активизация национально-освободительного движения в Индии в 1905-1908 годах знаменовали в самом начале столетия обозначившееся жёсткое силовое противостояние восточной и западной цивилизаций. Причём если в Китае и Индии Восток был вынужден уступить Западу, то в случае с Россией Запад потерпел первое и очень серьёзное поражение. Последовавшая затем Первая мировая война, едва не погубившая торжествующую западную цивилизацию, была чужда европейским народам, но важна для европейских национальных элит, так как решала вопрос об их гегемонии в националистически ориентированном пути развития человечества. Русская революция 1917 года, «*потрясшая мир*», жесточайшая Гражданская война в России с участием в ней английских, французских и американских войск и хозяйничанием на её территории проигравших войну немцев внесли жёсткий раскол в западную цивилизацию, спровоцировавший ужасающее явление Второй мировой войны – самой кровавой за всю прошедшую историю человечества. Распадение затем мира на враждебные друг другу капиталистическую и социалистическую системы, напряжённейшая сорокалетняя «*холодная война*» между ними, саморазвал Советского Союза в «*революции*» 1991 года и хищнический демонтаж коммунистического режима в России не без участия западных держав блистательно завершили начатую в начале века столетнюю «*эру разрушения*».

Перечёркивая по сложившейся традиции наследие предыдущего столетия, двадцать первый век в самом своём начале обозначил себя «*эрой созидания*». Пришествие «*миллениума*» с особой помпезностью было встречено в Соединённых Штатах Америки. Эта мировая держава вошла в новый век торжествующе, на пике своего собственного развития и с сознанием величия своей созидательной миссии в развитии человечества. На развалинах советской коммунистической системы США в качестве её главного победителя провозгласили новые ориентиры мирового развития. Таковыми были обозначены наднациональная глобализация мира, политико-социальная демократизация всех государственных образований, полная либерализация мировой экономики, повсеместная защита прав человека и безусловное господство либералистской духовной толерантности. Разумеется, всё это должно было осуществляться в современном мире под маркой «*made in USA*». Причём в качестве экспериментальной базы нового обустройства мира была определена поверженная Россия, избранная в качестве мирового полигона в искупление всех её тоталитарно-коммунистических прегрешений. И вдруг – роковой сбой. Не прошло и года после пышных торжеств «*миллениума*», как «*прозвенел колокол*» уже по самим Соединённым Штатам Америки. 11 сентября 2001 года страна-победитель и гегемон мирового развития получила звонкую пощёчину от «*презренного*» арабского мира в результате серии хорошо скоординированных и чётко организованных самоубийственных террористических атак на такие символически важные объекты, как Всемирный торговый центр и Пентагон. Спустя ровно семь лет, в сентябре 2008 года, неожиданно для всех разразился всемирный финансово-экономический кризис – опять-таки с эпицентром в Соединённых Штатах Америки, причём спровоцированный ими же самими. А в августе 2011 года США как государство оказались даже на грани так называемого технического дефолта, который расценивался специалистами намного хуже банкротства.

У вызовов времени (особенно в столетнем измерении) есть одна специфическая особенность: чем больше мы бросаем вызов ему своими амбициозными прогрессирующими нововведениями, тем больнее оно мстит нам рецидивами нашего забытого и отвергнутого прошлого. В конечном же счёте оказывается, что при всей значимости нашего прошлого и нашего будущего все смыслы человеческого развития заложены всё же не в них, а в нашей ответственности перед настоящим, в глубинном смысле бытия, заложенном ещё при зарождении человечества. Известный австрийский психиатр, психотерапевт и философ Виктор Эмиль Франкл писал: «*Человек должен принять ответственность за свою жизнь... Подлинный смысл жизни следует искать скорее в окружающем человека мире, нежели в нём самом*». Не знаю, насколько отдают себе отчёт в общем смысле человеческой жизни идеологи и активные созидатели новой модели развития человечества в двадцать первом веке, но создаётся впечатление, что они не очень-то озабочены этой фундаментальной проблемой. Что касается поиска ответов не в себе, а в окружающем мире, то у сильных мира сего явно прослеживается тенденция скорее навязывать готовые собственные скоропалительные решения человечеству, чем заниматься кропотливой и трудоёмкой исследовательской работой. В отношении же принятия персональной ответственности за свои мироопределяющие судьбоносные действия получается вообще очень странная и парадоксальная ситуация. Проводя в жизнь политику глобального разрушения основ «*старого*» мира, идеологи нового мира стремятся переложить ответственность за неё на кого угодно, только не на самих себя. При этом всё больше вырисовывается картина, что все выгоды от мировых нововведений получит Новый Свет, а вся ответственность за их реализацию и их возможный конечный провал ляжет исключительно на старушку Европу, которая по инерции всё ещё считает себя мировым лидером и охотно берёт на себя всю грязную работу по разрушительному «*реформированию*» и губительной «*модернизации*» самой себя и мира в целом.

Один из ведущих мировых социологов Ульрих Бек в интервью журналу «*Respekt*» (Чехия) подчеркнул: «*Я утверждаю, что триумф модернизации имеет побочные*

действия, которые ставят под сомнение преобладавшее до сих пор видение и оценку современного мира». Под модернизацией немецкий социолог и политический философ понимает не сугубо экономико-производственный или узко социально-политический аспект (на чём сегодня делают особый упор разные группы российских либералов), а рассматривает её всесторонне, с акцентом на ментальной и духовной сфере. Отвергая коммунизированную модель мирового развития, столь привлекательную для европейских мыслителей в девятнадцатом столетии и жёстко оспоривавшуюся ими же в двадцатом веке, идеологи западного мира нашли успешную, по его мнению, модель развития человеческого общества и мира в целом. Она заключалась в достижении некоего «*компромисса*» между классами, в социально ориентированном государстве, в развитых современных промышленных технологиях и в высоких научных достижениях, а главное - в саморегулирующемся и автоматически всё регулирующем мировом рынке. И вдруг выясняется, что эта в высшей степени прагматичная модель общечеловеческого развития, не только не справляется с поставленными перед ней мировыми задачами, но и сама начинает создавать новые проблемы, серьёзно усугубляющие застарелые хронические болезни буржуазно-капиталистического свободного общества. И хотя эти проблемы являются, по словам Ульриха Бека, «*гораздо менее прямыми*» (то есть вроде бы более цивилизованными), они оказались более разрушительными в плане духовного разложения общества путём его индивидуализации и космополитизации, угрожая миру непредсказуемыми глобальными рисками.

3

Среди проблем и угроз модернизированного мира в двадцать первом столетии, именуемых обобщённо вековыми «*вызовами*», не только Ульрих Бек, но едва ли не все учёные мира, в том числе и российские, называют в числе первых проблемы окружающей среды. «*Планета,* - отмечал российский социолог Леонтий Бызов, - *подошла к рубежу, за которым вполне вероятна большая нестабильность, связанная в первую очередь с экологическими и демографическими процессами. Многие социальные и климатические процессы уже имеют характер необратимых*». Журналист Анатолий Салуцкий, перечисляя глобальные масштабные события последнего времени, называет среди них в первую очередь японскую трагедию (взрыв на Фукусимской АЭС), невиданно обострившуюся проблему продовольствия, нарастающую нехватку экологически чистой пресной воды. Среди острых экологических проблем современности в разное время привлекали внимание общественности и такие беспокоящие явления, как растущие озоновые дыры в атмосфере, прогрессирующее истощение плодородной почвы, губительное загрязнение рек, озёр, морей и океанов, масштабное сокращение лесных площадей, представляющих собой лёгкие Планеты. Всё это со всей очевидностью указывает на то, что человечество в погоне за комфортностью своего социального и личностного существования наносит всё больший вред окружающей среде. Грубо нарушая баланс разумного взаимодействия человека с природой, мы всё больше провоцируем мощные ответные удары разгневанной и далеко не безобидной природной стихии на земле, на воде и в небесно-воздушном пространстве.

Вплотную к экологии примыкают мировые демографические проблемы. В грубом плане главная мировая демографическая проблема современности сводится (или её намеренно сводят) к катастрофическому сокращению рождаемости в западноевропейских странах и не менее катастрофической перенаселённости азиатских государств, особенно таких мировых гигантов, как Китай и Индия. Эти катастрофические диспропорции, во-первых, создают серьёзные проблемы продовольственного и иного жизнеобеспечения азиатских и африканских народов и, во-вторых, провоцируют лавинообразный рост односторонней миграции населения с Востока на Запад и своеобразную текучую мирную «*оккупацию*» цивилизованных западноевропейских народов многочисленными

представителями восточной цивилизации, не поддающимися ассимиляции в специфической западноевропейской культурной среде. Но у демографической проблемы есть и другая, почти невидимая, но всё более подспудно ощущаемая и всё более беспокоящая сторона, которую в огрублённом виде можно определить как тенденцию к вырождению человечества. Думается, именно по этому поводу бил тревогу немецкий мыслитель Освальд Шпенглер, возвестивший в своём нашумевшем труде «*Закат Евпопы*» о великом кризисе современности. Суть этого кризиса он видел в тенденции постепенного превращения культуры в цивилизацию, внутреннего организма человечества - во внешний механизм и угасающей души индивидуального человека – в интеллект. Бурно опровергаемые в своё время пессимистические прогнозы философа сегодня со всей очевидностью сбываются, проявляясь в падении жизненного тонуса западноевропейских народов, снижении уровня их духовной энергетики и паническом страхе перед жизненными трудностями, которые, собственно говоря, и стали истинной подоплёкой нынешних демографических перекосов и «*нашествия*» энергичных восточных мигрантов на духовно анемичные западные земли.

Критическое состояние планетарной экологии и общечеловеческой демографии в свою очередь тесно связано с кризисными явлениями в современной мировой экономике, которая, с одной стороны, спровоцировала их катастрофичность, а с другой – сама стала жертвой их прогрессирующей болезни. Сформулированный советской Россией в 1917 году альтернативный капитализму путь развития человечества, несмотря на свою нацеленность на уничтожение господствующей мировой капиталистической системы, в силу парадоксальности земного бытия не только не привёл к гибели последней, но, наоборот, способствовал её укреплению и спуртообразному стимулированию её развития. По признанию целого ряда независимых западных аналитиков, включая американского социолога, одного из основателей миросистемного анализа Иммануила Валлерстайна, именно благодаря русской революции народы Западной Европы и Северной Америки получили возможность сформировать своё общество благосостояния, в котором образовался и комфортно обустроился благополучный средний класс, да и простые люди приобрели довольно сносные условия для своего скромного существования. В свою очередь страны так называемого «*третьего мира*» получили отсрочку и передышку от предшествующих колониальных захватов. С крушением социалистической системы в 1991-м году эта длительная передышка истории закончилась. По мнению Валлерстайна, сегодня западный мир вернулся назад, в 1917-й год, то есть снова стоит на пороге, может быть, более мощного социального взрыва. Само наличие капиталичтической и социалистической альтернативности, при всей её внутренней колоссальной напряжённости, во внешнем плане весьма благотворно сказалось в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века на общем умиротворении мирового сообщества. Реальная обоюдная альтернатива вынуждала обе стороны (и идеологов капитализма, и идеологов коммунизма) идти на взаимные уступки, сдерживать свои амбиции и, балансируя на грани мира и войны, вносить разумный и жизненно необходимый баланс в развитие человечества.

4

Нарушение баланса мирового двухсистемного развития, выразившееся в капитуляции коммунистической элиты перед вышедшим на пик своего материального развития капиталистическим миром, привело не только к обвальной катастрофе СССР и советского народа, но крайне негативно отразилось и на судьбе самой западноевропейской цивилизации. Сформулированная Западом (прежде всего Соединёнными Штатами Америки) после развала Советского Союза неолиберальная идеология за короткий срок не только весьма преуспела в невольном самовыявлении пороков олицетворяемого ею современного капитализма, но и сама спровоцировала мировой глобальный кризис. Причём прежде всего за счёт полного устранения из

экономической сферы регулирующего воздействия государства и воцарения в ней ничем не контролируемой стихии рынка, которая прежде всего ударила по западноевропейской культуре и гуманистически настроенному обществу, усугубив в них подспудно тлевший в двадцатом веке духовно-нравственный кризис. Об ущербности неолиберальной мировой доктрины в современном мире свидетельствуют, в частности, выводы таких авторитетных международных органов, как ЮНКТАД и МВФ, которые сводятся к констатации факта, что рыночный фундаментализм последних двадцати лет не только не справился со своей системно регулирующей ролью, но и привёл к замене "*безответственной*" государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку. Глядя на стремительно развивающийся на фоне мирового кризиса социалистический Китай, аналитики ЮНКТАД и МВФ, по мнению академика Олега Богомолова, проявляют готовность пересмотреть своё неолиберальное кредо в пользу новой мировой экономической доктрины, сводящейся к утверждению крепкого государственного капитализма, единственно способного, по их убеждению, противостоять авторитарной модели успешного социалистического общества.

Говоря в конкретном плане о побочных действиях современной западноевропейской модернизации, Ульрих Бек обратил внимание на то, что эпоха модернизации «*нарушила*» традиционное общество и что это нарушение в свою очередь привело к проблемам самой модернизации, то есть бумерангом ударило по самим инициаторам этого разрушительного процесса. По сути, это не что иное, как осторожная, но вполне осязаемая критика принципов глобализации мира. "*Традиционное общество*" как раз и представляет собой систему суверенных национальных государственных образований, сложившуюся в процессе тысячелетий страдательного развития человечества и приговорённую к слому нынешними модернизаторами. Задумав кардинально модернизировать мир путём нивелирующей всё и всех общепланетарной глобализации, идеологи глобализма вроде бы руководствовались благими целями и гуманистическими соображениями. Можно предположить даже, что они вознамерились избавить мир от присущей ему страдательности, предлагая через централизованное утверждение общечеловеческих ценностей полное и окончательное решение проблем межгосударственных, межнациональных, внутрисоциальных, межличностных и межконфессиональных конфликтов. Идея, разумеется, весьма позитивная и прогрессивная. Но она слишком идиллическая и прямолинейная, чтобы быть успешно реализованной в нашем далёком от идеала и очень сложном земном мире. К тому же в своей сути она очень похожа на столь же благую и столь же идиллическую ныне отвергнутую коммунистическую идею, принесшую при своём жёстком практическом утверждении реальные страдания миллионам людей.

По признанию бывшего помощника министра финансов США, а ныне консервативного писателя – либертианца Пола Крейга Робертса, нынешняя мировая экспансия Соединённых Штатов Америки, преследующая цель глобализации современного мира, неизбежно ведёт к потере свободы и индивидуальной инициативы. Более того, по его мнению, чрезмерная активность англо-американской элиты на мировом поприще означает, что "*период беспорядков и даже хаоса будет продолжительным, и не только в определённых отдалённых регионах мира, но и на Западе*». Получается, что, провозглашая благообразную идею глобализации, предназначенную в теории (или в рекламно-идеологизированной подаче) для спасения мира и мирного развития человечества, США на практике усердствуют вовсе не ради всеобщего благоденствия, а сугубо для удовлетворения собственных амбиций. Причём вопреки официально провозгляшённым целям глобализиции они насаждают повсеместно вовсе не мир и всеобщее благоденствие, а сеют беспорядки и хаос, в том числе и в собственной «*альма-матер*» - Европе, являющейся главной их идеологической и политической опорой в Западном полушарии. Судя по разного рода весьма агрессивным финансовым интервенциям США в ходе текущего мирового финансово-экономического кризиса,

преследующим цель искусственного укрепления реально слабеющего доллара путём всемерного ослабления евро, Соединённые Штаты Америки сегодня видят в Европе не только своего идеологического и политического партнёра, но и главного конкурента в финансово-экономической сфере и делают всё, чтобы его как можно больше ослабить, а то и вообще вывести из игры. Если подобным жестоким и безжалостным образом поступают США со своими идеологическими друзьями и политическими союзниками, то чего будет стоить вообще в жизненном плане американизированная мировая глобализация и чего ожидать от неё другим народам мира?

5

Односторонняя глобализация по-американски нехороша ещё и тем, что её конечной целью является даже не построение нового мирового глобального порядка, а формирование новой мировой цивилизации – особой, ни на что не похожей, специфически американской цивилизации. Создание новой мировой, сугубо американской цивилизации – это и есть подлинный смысл реализации конкретных национальных интересов Соединённых Штатов Америки, которые с самого их зарождения были главным смыслом существования англо-американцев на чужой земле и которые остаются главным приоритетом современного прагматично-утилитарного могущественного американского государства. Если без личностных меркантильных соображений и общей либеральной риторики взглянуть на суть жёстко (через всеобщий и всесторонний хаос) навязываемой миру, по сути, насильственной глобализации, то нельзя не признать, что она представляет собой вовсе не цель нормального благоустройства мира, а является лишь средством целенаправленного и прагматично обдуманного плана поэтапного утверждения в нём американской «*сверхцивилизации*». При этом страдательная роль отводится, разумеется, не самим Соединённым Штатам Америки как организаторам и активным проводникам глобализационных процессов, а прежде всего «*архаичным*» для США западноевропейской и восточноазиатской цивилизациям, которые, по идее, должны будут исчезнуть в процессе построения глобальной, наднациональной, американской цивилизации.

Однако у всякого громадья планов есть один существенный недостаток. Они больше соотносятся с мифом, легендой, мечтой, чем с реальным миром и человеческой природой. Реальный же мир и сущностно неизменная человеческая природа не только не склонны подыгрывать амбициозным планам жёстких прагматиков и благодушным утопиям либеральных идеалистов, но разрушают их походя, без всяких усилий, словно не замечая их. Порой для этого достаточно проявления какой-то локальной частной инициативы или небольшого события в удалённой части мира, которые, будучи ничтожными сами по себе, вдруг будоражат мир и создают реальную угрозу для развенчания очередного судьбоносного мифа. Например, создание на Востоке довольно рыхлой пока Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), но с участием в ней Китая и России, рассматривается журналистом Пепе Эскобаром как «*процесс столкновения геополитических тектонических плит*». А возможное вступление в эту международную организацию Индии, Пакистана и Афганистана квалифицируется им уже в качестве символичного акта по созиданию «*геополитического моста со стороны России-Китая постамериканскому миру*». В этом факте поражает даже не склонность антиамерикански настроенного журналиста к опережающе поспешным политическим выводам и гипертрофированным геополитическим преувеличениям. Важнее другое. А именно то, что предметные рассуждения и размышления нашего современника о «*постамериканском мире*», по сути, предвосхищают близкую кончину ещё не состоявшейся американской цивилизации. При этом её крах представляется Эскобару неизбежным уже в случае простой активизации цивилизационных процессов в восточноазиатских государствах,

которые, по его мнению, и будут создавать новую цивилизацию на «*постамериканском*» мировом пространстве.

И «*американский*», и «*постамериканский*» миры – сегодня не более чем проекты. Даже если тот и другой непременно последовательно осуществятся, они, думается, будут иметь в реальных обстоятельствах совсем иные внешние контуры и совершенно иное внутреннее содержание. При всех прогнозах будущего, какими бы заманчивыми они нам ни представлялись, всем прогнозистам придётся исходить из того реального факта, что восточноазиатская и западноевропейская цивилизации складывались тысячелетиями и не по каким-то прозорливым замыслам восточных или западных мудрецов, а вполне естественно – по внутренней логике развития мира и человечества. Вмешательство человека, даже самого гениального и обладающего неограниченной властью на Планете, не способно изменить изначального Божественного замысла и реального хода вещей и событий. Человечество, как и отдельный человек, вольно радикально распоряжаться своей судьбой только в одном случае – если оно жаждет покончить жизнь самоубийством. Во всех других случаях крайние средства не годятся, даже если они будут базироваться на исключительно добрых основаниях или присущих человеку злобно-эгоистичных наклонностях. Как бы то ни было нам надо исходить не из наших благородных желаний или потаённых меркантильных интересов, а из традиционалистского благоразумного стремления – не навредить. Мало того что подобные устремления вполне нам по силам и находятся в нашей воле, они ещё являются единственным и надёжным средством самоорганизации любых человеческих сообществ и общей организации мира в целом. По глубокому и искреннему убеждению восточных мудрецов, именно формула «*не навреди*» является единственным гарантом безопасности каждого отдельного человека и всего человечества в целом.

6

Русская народная пословица гласит: «*Ещё как-то перемелется, и какова-то мука будет*». Она двухчастная. Первая её часть («*ещё как-то перемелется*») относится к настоящему, вторая («*какова-то мука будет*») – к будущему. По её первичному смыслу, качественность будущего зависит исключительно от качественности настоящего, так как подразумевается, что некачественное, искажённое, подпорченное настоящее не сулит человеку и человечеству ничего хорошего. Второй смысл более глубинен и требует предельно реалистического подхода к формированию нашего будущего. По его логике, даже самое качественное настоящее вовсе не гарантирует хорошего будущего, так как у будущего – свои законы, и само оно во многом будет зависеть от своего собственного, совершенно обновлённого настоящего. Американский политолог Эдвард Коркоран справедливо полагает, что центральной стратегической задачей двадцать первого века является «*избежание глобального конфликта и создание мирового благополучия*». По-видимому, при этом имеется в виду, что именно Соединённые Штаты Америки являются главными гарантами всеобщего мира и общечеловеческого благополучия. Но ведь таковой стояла задача перед человечеством и в двадцатом столетии. Европа тоже мыслила себя главной тогда благодетельницей мира. Однако нам не удалось избежать в нём глобальных конфликтов, спровоцировавших именно Западом две глобальные кровопролитные мировые войны и ещё одну весьма протяжённую глобальную "*холодную*" войну, втянувшую всё человечество в напряжённейшее идеологические и экономико-социальное противостояние "*двух миров*" (двух половин человечества). Если нам действительно удастся в текущем столетии избежать гибельного для человечества мирового глобального конфликта, это будет не только наша величайшая заслуга перед двадцать первым столетием, но и создаст серьёзный прецедентный задел для тысячелетнего будущего наших потомков.

Трудно сегодня оспаривать уже даже не мысль, а несомненный исторический факт, что современный мир становится всё более глобальным. Процессов естественной

мировой глобализации нам, по-видимому, уже не избежать, да и вряд ли стоит к этому стремиться. Ибо глобализация мира сегодня – реальный факт, подтверждаемый, в частности, масштабными финансовыми потрясениями не только из-за угрозы банкротства отдельных стран (например, Греции), но даже в результате неосторожных (или хорошо обдуманных) высказываний отдельных влиятельных лиц не только в США, Европе или Китае, но и в какой-то небольшой африканской или ближневосточной стране. Но глобализация – двуликий Янус. Одно лицо у неё фасадное, отображающее естественное расширение взаимосвязей людей в мировом масштабе, обусловленное мощными техническими и культурными процессами. Это лицо не лишено приятности, хотя и таит в себе немало неожиданностей, причём далеко не всегда благотворных. Однако у Януса глобализации имеется ещё и второе, прямо-таки устрашающее лицо (настоящий оскал), проявляющееся в моменты, когда её частным образом прибирают к рукам, не давая ей двигаться самотёком и направляя её благотворные воды в искусственное, железобетонное русло. Такого рода мировая глобализация - это уже не река, а канал, используемый его создателями в собственных, сугубо практических и прагматических целях. В лучшем случае его воды будут орошать земли господина-собственника, а в худшем – послужат эксклюзивным товаром, предназначенным для его выгодного сбыта всем недостаточно цивилизованным народам мира.

Достижение всемирной человеколюбивой глобализации и повсеместной народоправной демократизации – задача вовсе не нынешнего, двадцать первого столетия, а, возможно, всего третьего тысячелетия новой эры. В текущем же веке для нас главное – не принять безропотно и подобострастно какую-то одностороннюю, суррогатную модель глобализации и демократизации мира, а добиться выдвижения, обсуждения и экспериментального опробирования нескольких конкурентноспособных моделей. Это тем более важно, что сегодня принцип глобализации мира именно в англо-американской трактовке является социальной западноевропейской ортодоксией – незыблемой, нерушимой и не подлежащей обсуждению. Однако ещё в конце девятнадцатого века в России высказывались идеи всеобщего единения мира, кардинально отличные от отвергнутой двадцать лет назад советской модели революционно-демократической глобализации и утвердившихся ныне американских либерально-демократических глобалистских идей. Дореволюционные русские мыслители не только не исключали в будущем сохранения традиционного общества, но и выстраивали это будущее именно с учётом комплекса разнохарактерных национальных элементов, придающих будущему человечеству необходимую органику. «*Национальные различия*, - утверждал русский философ Владимир Соловьёв, - *должны пребыть до конца веков… Истинная будущность человечества, над которой нам надлежит потрудиться, есть вселенское братство, исходящее из вселенского отечества через непрестанное моральное и социальное сыновство*». Разумеется, и Соловьёву присуща определённая идеализация будущего. Но, по крайней мере, он выдвигает некую логически осмысленную социальную альтернативу, которую обязательно необходимо исследовать в сопоставлении с коммунистической и либеральной моделями наднациональной глобализации для выработки многовариантных, конкурирующих друг с другом путей развития человечества. Тем более, что соловьёвские идеи предусматривают не радикальную ломку тысячелетних устоев мира, а непрерывное эволюционное созидание, постепенно перетекающее из сферы акцентированной материальности в область одухотворённого творчества, неразрывно скрепляющего всю потенциальную органику развития человечества.

7

Нынешний век, судя по его началу, обещает стать веком не столько глобализации как таковой, сколько столетием прямого (худший вариант) или скрытого (оптимальный вариант) масштабного, глобализационного столкновения западноевропейской и восточноазиатской цивилизаций. При всей стремительности продвижения Китая на

западноевропейские рынки вовсе не он и не восточноазиатская цивилизация в целом будут, на мой взгляд, определять характер цивилизационной конфликтности нынешнего столетия. Небывалую остроту глобалистскому конфликту в двадцать первом веке будет придавать слабеющая западноевропейская цивилизация, а в конкретном плане её лидер – Соединённые Штаты Америки. В военном и финансовом отношении они сейчас очень сильны (так сильны, что способны уничтожить всё человечество!), но в экономическом, политическом, социальном и моральном плане начинают терять свои лидирующие позиции в западноевропейском цивилизационном содружестве и в мире вообще. Глобальные вопросы столетия заключаются в том, мирно или в результате кровавой бойни уступят США своё мировое лидерство и обретёт ли своё былое культурно-цивилизационное значение Западная Европа в «*постамериканском*» мире или будет вынуждена уступить духовно-нравственные лидирующие позиции восточноазиатской цивилизации? При попустительстве «*третьих стран*» и всего мира в целом кровавой бойни не избежать, а её масштабы могут намного перекрыть все суммарные потери человечества в минувшем, двадцатом столетии.

Наличие самых могущественных сил разрушения и невиданного в своей мощи потенциала созидания в современном мире, их перемешанность и переплетённость между собой, их противоборство и противостояние – вот основное содержание и главный вызов вступившего в свои права двадцать первого столетия. «*Эра разрушения*», столь явственно обозначившаяся в прошлом веке, проявилась в двадцатом столетии не сама собой, а пришла из глубин прошлого мира. Именно мстительные призраки грубого, варварского древнего мира, цепкие и необычайно живучие, преследуют нас и в нашем сегодняшнем трудном и страдательном настоящем. Вайнеровская «*эра милосердия*» постоянно оттесняется ими, отодвигается на потом и попросту складируется в бабушкиных сундуках, превращаясь в ветшающую рухлядь. Символы «*эры созидания*», питающие надеждами человечество, по-доброму суетятся вокруг нас, проявляясь в бессмертных творениях классиков, бескорыстных поступках простых людей, детских мечтах о торжестве справедливости и всеобщем благоденствии. Прожорливые призраки разрушительного прошлого рождаются и обильно вскармливаются нами самими, паразитируя на наших животных инстинктах, наших реальных или надуманных страхах, нашей нетерпимости к другим и наших эгоистических вожделениях. Робкие символы созидательного будущего, умеренные в своих желаниях, более чем когда-либо нуждаются сегодня в нашей жертвенной, сознательной и повседневной подпитке, в нашей действенной заботе о дне грядущем и о наших потомках.

Признавая правоту Виктора Эмиля Франкла в его утверждении, что человек должен принять ответственность за свою жизнь, мы обязаны, особенно сегодня, чётко сознавать, что тем самым мы принимаем ответственность и за жизнь всего человечества. Быть глобализации или не быть, иметь ли ей человечный или бесчеловечный характер, создавать ли нам подлинное демократическое общество или удовлетворяться его видимостью, его вульгарным подобием – всё это сфера строгой ответственности каждой страны, каждого народа и каждого человека в отдельности. Как можно судить по ходу текущей жизни, эта мера персональной ответственности за мир и человеческое благополучие с течением времени будет не только не уменьшаться, но, наоборот, стремительно возрастать. Ибо с каждым годом, десятилетием и столетием ущербная цена личной безответственности для всего человечества будет увеличиваться едва ли не в геометрической прогрессии. Хотя бы в силу этого вопрос о сотворении некой внутренне безответственной, безликой и безличностной, лишённой национального окраса глобализации кажется не просто надуманным, но гибельным для незаурядной человеческой личности, естественного социального организма и для всего человечества, столь разного по своей физиономии и разнохарактерного по своему внутреннему наполнению, но единого в своих конечных целях и в своём сущностном предназначении. Двадцать первый век – век во многих смыслах переломный. Он начинает новое

тысячелетие и как всякий почин определяет не только его лицо и его характер, но и основные тенденции развития человечества. В предыдущем, втором тысячелетии Запад, отрешившись от мрачного и суеверного средневековья, вступил на стезю так называемого «*нового времени*», характерного бурным развитием науки и светской культуры, всеобщего личностного просвещения и технической оснащённости промышленности, господства человека над природой и природными явлениями. Этот гигантский духовный и интеллектуальный рывок западного человека обеспечил ему безусловное мировое лидерство и господство над Востоком, находившимся ещё в плену призраков собственного древнего мира. Но сегодня настал черёд проявить себя Востоку, вступившему в его собственное духовное «*новое время*». Вполне и очень даже возможно, что лицо и характер третьего тысячелетия будут иметь преимущественно восточные черты. Но эта смена духовно-ментальных полюсов вряд ли произойдёт без серьёзных потрясений, затрагивающих едва ли не каждого человека на нашей Планете. А посему каждая страна и каждый народ, определив свою долю ответственности в решающих событиях и процессах двадцать первого века, определят тем самым и свою собственную дальнейшую судьбу.

8

Применительно к двадцать первому веку нам сегодня важно строго определиться и чётко выявить в нём самое главное - что относится в нём к обычным вековым испытаниям и что следует отнести к специфически вековому искушению. Испытания носят сугубо временной и преходящий характер. Искушение же имеет, как правило, сущностную направленность, грозящую человеку и человечеству сломом внутреннего духовного стержня и вступлением их на путь саморазрушения и конечного самоуничтожения. Все перечисленные выше накопившиеся экологические и демографические проблемы, серьёзно затрудняющие и усложняющие наше бытийное существование на вверенной нашему попечению Планете, разумеется, требуют не только пристального внимания, но и целенаправленных усилий отдельных стран и всего человечества в целом. Тем не менее, при должном отношении к ним со стороны мирового сообщества они вполне разрешимы. К тому же для разрешения экологических проблем мы уже сейчас имеем все необходимые технические возможности, и надо только разумно и ответственно подойти к этому действительно очень важному для человечества делу. В плане демографии ситуация сложнее, но и она вполне поддаётся разумному урегулированию совместными усилиями Запада и Востока путём создания соответствующих международных авторитетных органов, наделённых необходимыми и достаточными полномочиями. В силу этого и экологию, и демографию можно считать всего лишь нашими испытаниями, заслуживающими серьёзных интеллектуальных, моральных и организационных усилий, но вполне преодолимыми и, во всяком случае, на сегодняшний день отнюдь не смертельными.

По-видимому, не стоит сегодня излишне драматизировать и проблемы демократизации и глобализации. Несмотря на стремление отдельных представителей мировой элиты сгустить атмосферу напряжённости вокруг проблемы демократии, в реалии можно считать, что проблемы демократизации как таковой в двадцать первом веке не существует. У принципа демократии сегодня нет врагов, но имеется только огромная, подавляющая масса искренних друзей и верных сторонников. Весь вопрос здесь упирается не в существо вопроса, а в его форму. Ибо весь сыр-бор разгорелся в этой сфере исключительно из разной трактовки этого понятия и из желания сильных мира сего навязать всем странам и всем народам мира одну единственную форму демократии, невзирая на все различия этих народов и разное понимание ими принципа демократии. Думается, здесь важен именно момент времени, и в течение столетия эта проблема, предоставленная решению всех частных вопросов демократии исключительно демократическими способами, сама собой утрясётся. Проблема глобализации тесно

связана с проблемой демократии и, по существу, не только вытекает из неё, но и решается тем же самым образом. Реальную глобализацию мира нам сегодня необходимо учитывать и соразмерять каждый свой шаг с возможной его резонансностью по всему миру. Но не стоит из этого очевидного факта делать проблему и тем более придавать ей едва ли не решающий характер. И уж совсем недопустимо в наше вполне цивилизованное время кому-то одному брать на себя некие руководящие функции в естественных глобализационных процессах и выстраивать принципы мировой глобализации на меркантильных интересах одной единственной мировой державы, вообразившей себя спасительницей человечества. Проблема глобализации сегодня скорее миф, чем реальность. И он тоже развеется сам собой без должной силовой и идеологической подпитки, то есть в силу естественного хода реальных событий.

Это всё временные испытания - серьёзные, важные, однако не только преодолимые, но и служащие закалке характера человека и человечества и демонстрирующие их позитивные жизненные силы. Сложнее и серьёзнее, на мой взгляд, обстоит дело с главным испытанием-искушением, с которым мы столкнулись впервые в двадцать первом столетии и которое может определить судьбу человека и человечества на тысячелетие вперёд. Таким судьбоносным искушением вполне может стать набирающий силу в современной России и по всему миру торжествующий либерализм. Экология и демография коснулись в основном природных явлений - природы как таковой и человеческой природы в частности. Демократизация и глобализация имеют отношение исключительно к организации человеческого сообщества и мира в целом. Либерализм же, запущенный, подобно вирусу, первоначально в сугубо экономическую сферу, опять-таки подобно вирусу начал стремительно поражать и другие области мирового и человеческого организма. В России он захватил уже не только политические круги и организационные структуры общества, но и всё глубже проникает в духовную сферу. Из экономической теории либерализм всё больше превращается в культурологию, имея конечной целью становление в качестве некой специфической антиклерикальной религии новейшего времени, имеющей уже сегодня вполне фанатичных приверженцев. С точки зрения просвещённого цивилизованного европейца, в подобном явлении не только нет ничего трагического или предосудительного, но, наоборот, наличествует исключительный позитив и весьма обнадёживающий фактор. Но это лишь на специфичный взгляд именно европейца. Европа сегодня демонстрирует все признаки физического и духовного вырождения. Либерализм и есть идеология и религия вырожденчества. Как идеология он зовёт к политическому конформизму и беспредельной уступчивости сильным мира сего, к полному отказу от идей справедливости и демократического реализма. Как новейшая религия он взывает к толерантности, к капитуляции перед злом, а в конечном счёте - к некой бездуховной философской отрешённости от всех насущных проблем реального мира. По своей сути либерализм есть духовный наркотик. Он всё активнее проникает в нашу жизнь, в нашу плоть, в наш дух. И главная проблема сегодня заключается даже не в том, чтобы предохранить здоровую часть общества и человечества от дальнейшего силового навязывания этого духовного наркотика, а в том, чтобы мобилизовать духовные силы поражённых недугом людей на возвращение к здоровому образу жизни.

* * *

Для иллюстрации главы о нашем прошлом и будущем больше всего, на мой взгляд, подходит помещённая в первом томе «*Народных русских сказок*» А.Н. Афанасьева то ли сказка, то ли местное предание, то ли притча под названием «*Вазуза и Волга*». Она очень короткая, а потому важна целиком. Вот её текст: «*Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почёта. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придёт к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почёту достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку,*

убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять её к себе на руки и снести в море Хвалынское. А всё-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна».

Применительно к прошлому и будущему представляется вполне целесообразным отождествить полноводную Волгу с нашим прошлым, насыщенным текучими водами реализованной человеческой жизни. Вазуза, выбравшая себе дорогу и прямее и ближе, вполне сопоставима с нашим ближайшим будущим, ещё только прорезающимся, мелким и неглубоким, отличающимся своей условностью и вполне очевидной прямизной. Споры о достоинствах прошлого и будущего для нашего настоящего идут давно, но так и остаются спорами. То, что «*Волга*» (наше прошлое) и «*Вазуза*» (наше будушее), пересекаясь в неком «*Зубцове*» (нашем настоящем), образуют некое органическое триединство, очень важно понимать при оценке нашего прошлого, определении нашего будущего и характере реализации нашего настоящего. Следует при этом учитывать, что наше прошлое идёт ни тихо, ни скоро, а как следует (своим естественным ходом), несмотря на все наши потуги умчаться в «*Хвалынское*» (Каспийское море) дальнее будущее. Оно, это наше неторопливое и невозмутимое прошлое всегда догоняет наше будущее, как бы последнее ни старалось убежать вперёд, оторвавшись от своего прошлого. Но и у будущего есть своя важная миссия для нашего прошлого и для нашего настоящего, ибо именно оно «*раньше просыпается*» и будит нас от нашего сна, к которому русский человек весьма горазд.

Наше прошлое текуче, многоводно, глубоко и бесконечно, так как его истоки, по крайней мере в России, теряются в каких-то труднодоступных и неведомых северных краях. Это наше прошлое нельзя измерить и определить с точностью до метра, литра или иной единицы измерения. Но его невозможно и проигнорировать или оболгать, ибо оно обязательно нас «*догонит*» и заставит относиться к нему с должным уважением. В противоположность ему наше будущее легко, стремительно и изобретательно, но оно зависит от нас точно так же, как и мы от него. Оно не может, во всяком случае не должно, отрываться не только от нашего настоящего, но и от нашего прошлого. В органике прошлое, настоящее и будущее – родные сёстры, и таковыми они и должны восприниматься нами для нашего нормального житейского блага. Наши жизненные испытания, достающиеся нам преимущественно от плохо и недоброкачественно пережитого прошлого, мы не должны игнорировать, а тем более убегать от них. Мы обязаны их честно и добросовестно преодолевать, стремясь не перекладывать их на наших потомков, которым и без того работы хватит. К искушениям же будущего, которого мы не можем доподлинно знать и тенденции развития которого мы не в силах предугадать, должно относиться разумно и с достоинством, не теряя чувства меры и не увлекаясь фантазиями, которые могут временно вознести нас к небесам, но которые всегда оканчиваются одним и тем же - разбиваются в прах о реальную действительность.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО?

Не нами началось, да на нас оборвалось.
Было добро – миновалося; будет добро – того ждать долго.
Обомнётся, оботрётся - всё по-старому пойдёт.

Русские пословицы

Россия вступила в двадцать первый век практически на нулевом уровне. Всё, что создавалось веками, рухнуло в одночасье, причём так основательно - будто его никогда и не существовало. Вроде бы мы способны в созидании на многое и порой даже творим настоящие чудеса. Но уж в таланте разрушения нам, по-видимому, нет равных в мире. Всё, что казалось прочным и крепким в гигантской стране – в политике, экономике, социальной сфере, культуре, духовной жизни – было разрушено нами самими до основания. А уж в том, что касалось задела на будущее, мы особенно постарались и создали такой запас потенциального разрушения, которого нам, возможно, хватит лет на пятьдесят, если не на всё двадцать первое столетие. Даже побеждённая и разграбленная в двух мировых войнах Германия умудрилась многое сберечь и сохранить из своего многовекового наследия, что и позволило ей в сравнительно короткий срок вернуть былое экономическое и политическое влияние в Европе и заставить считаться с собой на мировом уровне. Мы же, держава-победительница в Великой Отечественной войне и государство-триумфатор во Второй мировой войне, к концу века довели сами себя до настоящей физической нищеты и духовного посыпания головы пеплом раскаяния и самоуничижения.

Из страны, которая, по словам Исраэля Шамира, являлась при Иосифе Сталине целой цивилизацией, огромным континентом со многими нациями и языками, Россия через пятьдесят лет превратилась в собственный обломок, беспомощно управляемый политически, плохо скреплённый административно, социально разрозненный и антагонистичный, умственно деградирующий, духовно нестойкий, подверженный различным веяниям мистического суеверия, вплоть до шаманства. Базовые ценности этой цивилизации – соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие, о которых упоминает социолог Леонтий Бызов, стали настолько нереальными, что ныне воспринимаются российской молодёжью не более как мифы или досужные старческие россказни. Приниженность нашего мышления, отмеченная недавно главным российским «*идеологом*» Владиславом Сурковым, не просто обозначилась как «*самая главная проблема нашей страны*», но и сделалась характеристической особенностью целого поколения российских людей, по судьбам, душам и умам которых прошёлся тяжёлый каток безжалостной и беспощадной российской истории. Сама идеология российского государства, встроенная в рамки его конъюнктурного самовыживания, не просто отображает общую приниженность мышления российской нации, но фактически является идеологией интеллектуального принижения и духовного самоуничижения.

Гибель Советского Союза, ставшая, по убеждению Исраэля Шамира, результатом предательства своей элиты, породила плеяду духовных монстров, задающих тон либерального модернизма едва ли не во всех слоях российского общества, особенно среди элиты. Их характеризуют бездушие, безнравственность, безжалостность, алчность, воинствующий эгоизм, презрение к бедным, слабым и беззащитным. Они-то и стали воинствующими поборниками псевдозападного демократического либерализма и авангардом убого ориентированного, несамостоятельного развития современного российского общества. При этом либерализм трактуется ими как безграничная и абсолютистская свобода, подразумевающая оправданность любого, даже самого бесчестного, но финансово успешного дела, вседозволенность любых неблаговидных поступков и циничное торжество нигилистического духа. Возведя в культ деньги и личное преупеяние, они прибрали к своим нечистым рукам общенародную собственность. Путём агрессивного лоббирования своих интересов добились утверждения протекционистского, исключительно под себя законодательства. Через проплаченные средства массовой информации и подконтрольные их полукриминальному капиталу сферы культуры навязали российскому обществу, прежде всего молодёжи, дух материального потребительства, социального конформизма и личностного индивидуализма.

Как такое стало возможно? Какова сущностная природа такого уродливого во всех отношениях явления под названием современная Россия? Насколько устойчивы перемены лица и духа России? Чем они грозят её будущности? Вот вопросы, над которыми, судя по прессе и разного рода серьёзной литературе, ломают сегодня свои благородные головы лучшие российские умы. По каждому из них есть два типа ответов – простой, лежащий на поверхности, и более усложнённый, уходящий вглубь вещей и событий, стремящийся раскрыть само неразгаданное явление по имени Россия. Например, Андрей Падчин, рассматривая в Интернете причины развала Советского Союза и духовного разложения советского народа, вслед за Исраэлем Шамиром даёт очень простой до примитивности ответ: «*Партийные функционеры погрязли в роскоши. Когда возникла угроза их благополучию, они легко пошли на уничтожение государства*». Разумеется, это правда, но тоже со всей очевидностью разумеется, что она не только далеко не вся, но и вообще является правдой где-то на бытовом уровне. А неполная правда очень близка к неправде, а чаще всего тяготеет ко лжи. Да, советская элита, организуя то ли текущий ремонт, то ли кардинальный слом советской системы (по этому поводу как раз сейчас, в двадцатилетний юбилей либеральной «*революции*», идёт в прессе ожесточённая война мнений) де факто предала и свои коммунистические идеалы, и советский народ. Но, с одной стороны, её идеологи объясняют своё фактическое предательство весьма благими намерениями, а с другой – объективный ход советской и российской истории подтверждает (и это очередной наш парадокс!) не только необходимость, но и назрелость произошедших перемен.

У истории вообще (и российская история в этом плане вовсе не исключение) есть одно удивительное и парадоксальное свойство. В определённые свои моменты, требующие решительных перемен, она выдвигает, мягко говоря, неординарные личности, зачастую не соответствующие никаким нравственным нормам. Они выполняют свою грязную, исторически обусловленную работу, причём иногда с садистским наслаждением, а иногда и с отвращением к самим себе. Потом сама же история устраивает им нравственное судилище, но оставляет их в своём пантеоне в полураспятом положении – то ли в качестве героев, то ли в качестве мальчиков для битья. С одной стороны, без грязи, а то и крови политического успеха в истории, как правило, не бывает (политика вообще - дело довольно грязное), с другой же стороны, сам успех затем подвергается нравственному суду истории, которая грязи, а тем более крови вовсе не оправдывает и не прощает. Получается, что суть истории и составляет полное несовпадение объективных и субъективных факторов, их взаимоосуждение и взаимоотталкивание. Отсюда исключительная внутренняя противоречивость и сложность восприятия таких крупных исторических российских фигур, как Иван Грозный, Пётр I, Екатерина II, Александр II, Владимир Ленин, Иосиф Сталин. Будучи несомненно незаурядными личностями, сыгравшими важную, по настоящему этапную роль в истории нашего Отечества, в моральном плане они не только далеки от идеала, но создаётся впечатление, что и руководствовались они в своей деятельности вовсе не моральными или нравственными соображениями. Хотим мы того или нет, но и нам придётся воспринимать их такими, как они есть, и судить их по каким-то особым, сугубо историческим меркам.

Ключевыми героями и одновременно мальчиками для битья в истории современной России явились Михаил Горбачёв и Борис Ельцин. Люди одного возраста, детища одной и той же советской системы и коммунистического режима, как личности они были полной противоположностью друг другу. Горбачёв – мягкий, слабохарактерный, словоохотливый до болтливости, приятный в общении, жаждущий доброй славы и ищущий всеобщего одобрения. Ельцин – внутренне жёсткий, норовистый, не говорящий, а стреляющий словами, подозрительный, неровный в общении, покладистый только с очень верными людьми, жаждущий величия и уверовавший в свою историческую миссию. Эти их противоположные личностные свойства были с удивительной полнотой и точностью использованы историческим провидением для разрушения коммунистического

режима и советской системы. Говоря о в целом негативистской роли и практической деятельности Горбачёва, экономист Николай Шмелёв полагал, что если бы не он, был бы кто-то ещё, ибо это было «*логичным итогом деградации коммунистов*». Но историческая изюминка заключалась в том, что провидению понадобился фактически исключительно Горбачёв, хотя были и другие. Ибо именно он в силу своей исключительной личностной слабохарактерности оказался самым слабым звеном советской системы и коммунистического режима. Взявшись их мягко усовершенствовать, он включил разрушительный процесс. Режим и система затрещали именно в этом месте. То же самое произошло и с Ельциным. Он, будучи, может быть, самым сильным звеном советской системы и коммунистического режима, почувствовав слабину горбачёвщины, не смог обуздать свою силу. Однако, ударив по своему обидчику Горбачёву, он уже не смог остановиться и в конце концов разрушил весь Советский Союз.

3

Был ли развал Советского Союза благословением современной России или её проклятием? На этот вопрос сегодня не может дать однозначного ответа никто из наших современников – будь то серьёзные исследователи, участники «*революционных*» событий или простые обыватели. Сам Михаил Горбачёв, находившийся в эпицентре исторических событий, с одной стороны, признаёт собственные промахи («*Мы, реформаторы, допустили ошибки, которые дорого обошлись и нам, и стране*»), а с другой стороны, стремится свести все проблемы современной России к разрушительной деятельности своего преемника и личностного антагониста Бориса Ельцина и его сподвижников. «*Шоковая терапия*, - утверждает он, - *оказалась намного тяжелее самой болезни. К началу XXI века страна подошла в состоянии хаоса, полураспада*». Другой активный участник минувших событий и нынешний их скептический аналитик Юрий Афанасьев, будучи убеждённым демократом, подводит неутешительный итог уже всему горбачёвско-ельцинскому реформаторскому двадцатилетию. «*Мы, демократы-романтики,* - писал он, - *были ширмой, за которой кроты рыли норы. Перестройка – это эпоха иллюзий и заблуждений. Она сродни сегодняшним нашим попыткам модернизации. Нынешняя власть научилась с помощью современных политтехнологий манипулировать сознанием ещё более искусно, чем советская*». Горбачёвская эпоха оценивается Афанасьевым исключительно в духе романтических мечтаний, неприменимых к области реальной политики. Ельцинский период он, по-видимому, намеренно вычёркивает как некий ничтожный, нулевой цикл или даже как сугубо отрицательную веху российского развития. Современная же Россия рассматривается демократом-романтиком, по сути, как более ухудшенный вариант советского псевдодемократического режима. Сам собой напрашивающийся неутешительный вывод о том, что Россия в плане демократии и общего развития топчется на месте. То есть, попросту говоря, мы завели себя в исторический тупик, из которого нет выхода.

Радикал-либералы, комфортно чувствующие себя сегодня, словно хищные рыбы в мутноватых водах современной России, утешают интеллигенцию и народ прелестями нынешних свобод и обещаниями будущего материального благополучия. Они готовы едва ли не молиться на Горбачёва, Ельцина, Гайдара за их непризнанный и недооцененный современниками исторический подвиг во имя гуманности, демократии и свободолюбия. Однако, чтобы сами народ и интеллигенция уверовали в позитивизм и величие произошедших перемен, необходимо нечто большее, чем слова узкого слоя благополучных людей. Необходимы реальные результаты, а их всё нет и нет. Более того, факты, наоборот, говорят об огромных потерях, понесённых российским народом в ельцинско-гайдаровскую либерально-демократическую эпоху. По данным евразийца Сергея Панкина, с 1991 по 1998 год, ВВП России снизился на 43 процента, промышленное производство упало на 56 процентов. Рождаемость населения России в целом упала с 14,1 до 8,9 промилле, смертность же возросла с 9,2 до 14,7 промилле. Средняя

продолжительность жизни снизилась на 5 лет. Даже Всемирный банк вынужден был признать в 2005 году, что в целом потери российской экономики от приватизации в 2,5 раза превысили ущерб, нанесённый СССР во время Второй мировой войны. Если исключить сугубо нефтегазовый и вообще сырьевой бум последнего времени, тенденция ухудшения промышленно-экономической ситуации в стране даже по сравнению с горбачёвскими временами серьёзно ускорилась, хотя именно спад советской экономики этого периода послужил обоснованием либерально-демократической «*революции*» 1991 года и крутой ломки всей системы хозяйствования в посткоммунистической России.

Несомненно, что с течением времени Россия выправится и наверстает всё упущенное в ходе горбачёвско-ельцинской эпохи перемен. Вполне возможно даже, что горбачёвско-ельцинские реформы окажутся тем самым драматическим шоковым подспорьем в социально-экономическом развитии будущей России, которое принесёт ей мировую славу и народное процветание. Весь вопрос в оценке масштабов нанесённого стране общего ущерба, во временных сроках, в которые должны уложиться окончательная остановка и завершение всё ещё продолжающих разрушительных перемен и в тех государственных и народных усилиях, которые потребуются на восстановление разрушенного хозяйства и достижение удовлетворительного социального благополучия населения страны. Если для всего этого хватит нынешнего, второго десятилетия двадцать первого века, тогда можно считать горбачёвско-ельцинский эксперимент вполне успешным и оправданным. Если же процесс реабилитации и модернизации России растянется на полвека и более, то их разрушительную деятельность с минимумом созидания следует признать сокрушительно провальной, а либерально-демократический эксперимент в России – неудавшимся. Ибо при удивительной способности нашей страны и российского народа к естественной и быстрой регенерации растяжка реформ не только не является плюсом, но свидетельствует о противоестественности либеральной модели для специфического организма России, её хроническом несрабатывании и натужном развитии страны в силу навязанной ей чуждой и неэффективной системы западноевропейских либерально-демократических ценностей. Пока же создаётся впечатление, что мы вовсе не реформируемся, а ползём по поверхности современных событий, спасаемые не нашими умами и нашей созидательной волей, а исключительно благодаря Богу и природным дарам нашей матушки-России.

4

Характеризуя политическое, экономическое, социальное, культурное и духовное состояние современной России, социолог Леонтий Бызов даёт следующий перечень её основных противоречий: неэффективное государственное управление, коррупция, расслоение граждан, неработающие законы, отсталая социальная сфера, фасадная демократия. Противоречия эти даже не столько сталкивают одни компоненты нынешней российской системы с другими и дезорганизуют жизнь страны, сколько заложены внутри каждого из них. Так, неэффективное государственное управление само по себе представляет целый букет непримиримых противоречий, сотканных из жёсткого противодействия друг другу прогосударственных и антигосударственных элементов. Свои клубки противоречий таятся в коррупции, с одной стороны, смягчающей государственный бюрократизм, а с другой – разрушающей саму государственность. Резкое и грубое расслоение граждан рождает в стране непримиримый социальный антагонизм. Неработающие законы, утверждая право сильного и ловкого, создают обширную зону бесправия основной массы населения. Отсталая социальная сфера свидетельствует об абсолютной незащищённости стариков, детей, лиц с ограниченными физическими способностями и вообще всех слабых и беззащитных, включая просто честных и порядочных людей. Фасадная демократия - это уже некий противоестественный политический и социальный симбиоз либерализма и советизма, в котором советизм представлен самыми своими худшими, самыми лживыми сторонами, а либерализм

демонстрирует полную свою фактическую беспомощность при поразительной злобной агрессивности и идейной амбициозности.

Главная проблема современной России заключается, на мой взгляд, в том, что устранение противоречий в каждом из компонентов её социально-политической системы невозможно без оздоровления и приведения в норму всей системы в целом, а последняя расползается из-за нездоровья и ненормального состояния всех её элементов. Дело нормализации системы усложняется ещё и тем, что российская элита, российское общество и российский народ, вступив в разрушительную эпоху горбачёвско-ельцинских перемен, никак не могут выбраться из её неустойчивого и рыхлого русла. Положение России сегодня настолько плохо, что речь идёт уже о фактическом развале нации и собирании заново национального генофонда страны. Если мы и вступили сегодня на стезю консолидации и строительства нации, то находимся сейчас на каком-то самом начальном её этапе. Причём бредём вслепую, без каких-то ясно видимых ориентиров, не выработав чёткого понимания того, чем мы являемся на самом деле и какие реальные цели ставим перед собой. Смесь неизжитого советизма и насильственно протаскиваемого либерализма настолько уродлива в своём существе (какой-то социально-политический мутант) и настолько противоестественна духу современного российского общества и традициям русско-российского народа, что, кроме вреда, она ничего хорошего принести России не может. В этом месте мне могут проаплодировать наши либералы, как раз обосновывающие все наши нынешние проблемы именно недореализованностью либеральных реформ и требующие полного отказа от так называемого советизма. Но я говорю не о мутировании советизма, на которое только и способны наши либералы, а о крайней необходимости не искусственно либерального, а естественного развития нашего общества и народа, уставших от социально-политического экспериментирования в нашей стране на протяжении последнего столетия.

Абсолютизированная модель неолиберализма (с полной нейтрализацией государства не только в рыночной сфере, но и в основных производственных отраслях, а также в вопросах культуры и духовной жизни общества), в течение двадцати лет насаждаемая в России, в чистом виде не существовала до сих пор ни в одной стране мира. Это сугубо пробирочный «*штамм*», выращенный в западноевропейских политико-экономических лабораториях, думается, специально для неких слаборазвитых и политически зависимых стран, управляемых извне с помощью транснациональных корпораций. В Европе или Соединённых Штатах Америки государство никогда не устранялось от руководства всеми жизненно важными процессами в стране. Несмотря на усиленную пропаганду вовне преимуществ так называемого свободного общества, внутри своих стран европейское и американское общества всегда умело управлялись государством благодаря мощным рычагам воздействия на все стороны жизни, включая и деятельность могущественных финансово-промышленных и массово-медийных корпораций, являющихся надёжными проводниками и выразителями государственных и политических интересов Евросоюза или США в международном масштабе. Даже для слаборазвитых стран этот либеральный «*штамм*» применялся дозированно, с учётом специфических условий каждого государства. И лишь в разорённой и разрушенной посткоммунистической России он впервые был экспериментально использован в предельно широком масштабе, причём без каких бы то ни было обусловленных ограничений.

5

Результат этого российского либерального эксперимента оказался весьма сомнительным и странным. Наблюдая за Россией из своего парижского далека, редактор русскоязычной газеты «*Русская мысль*» Виктор Лупан пришёл к выводу о существовании в современной России таких, казалось бы, несовместимых противоречий, как

недемократическая демократия, несвободная свобода и нерыночный рынок. Но даже не эта противоестественная парадоксальность удивляет нашего маститого соотечественника, а то, что в современной России «*всё это работает*». По всем законам логики, по-видимому, в любой другой стране, во-первых, такого просто не могло бы быть, а во-вторых, если бы вдруг такое оказалось, то не стало бы самой этой страны. А в России подобный трёхголовый монстр не только есть, но он ещё и работает! Противоестественность для России абсолютистских заокеанских либерально-демократических принципов и ценностей настолько сегодня очевидна для любого здравомыслящего человека, что её не понимает или отказывается понимать только весьма специфический и очень узкий круг людей. Это преимущественно те, кто извлёк из либерально-демократической сумятицы весьма значительные материальные выгоды лично для себя, да российская элита, страшащаяся возврата к советским временам не из принципа (у элиты, как правило, устойчивых принципов не бывает), а из обоснованного опасения потерять свои властные преимущества и быть сброшенными на дно общества. Однако неразумность дальнейшего сидения на шатких стульях недемократической демократии, несвободной свободы и нерыночного рынка уже вполне осознаётся идеологами российского либерализма, которые выступают с критикой инерционности и фактического бездействия российской элиты. При этом исключительная парадоксальность нынешней российской ситуации заключается в том, что наиболее непримиримыми критиками российской действительности и российского государства являются не общество или народ, а именно идеологи либерализма, пробуксовывающего ныне в России.

Подобно тому, как Андрей Падчин все причины развала Советского Союза сводит к погрязанию в роскоши партийных функционеров, воинствующие радикал-либералы Игорь Юргенс, Евгений Гонтмахер и Сергей Караганов все проблемы современной России сводят к так называемому путинскому консервативному бюрократизму. «*Когда В.В. Путин пришёл к власти*, - формулирует это либеральное кредо Сергей Караганов, - *страна была на грани развала. Для её восстановления он привлёк бюрократию, разрешив ей воровать... Сейчас эта коррумпированная бюрократия стала главным тормозом развития. В ситуации, когда конкуренция в мире стала намного выше, с ней невозможно мириться*». То есть до сегодняшнего дня российская коррумпированная бюрократия была вполне терпима для российских либералов, а теперь вдруг стала главным тормозом развития, который обязательно необходимо устранить. Но не по внутренним, сугубо российским причинам, а исключительно с оглядкой на Запад. Объективности ради следует сказать, что с коррумпированной бюрократией в России российские либералы до сих пор вовсе не мирились. Они сами её и создавали. Что бы ни говорили сегодня о современной российской коррумпированной бюрократии наши западные критики и собственные «*доброжелатели*», это уродливое явление было порождено и выпестовано именно российскими либерал-демократами. Будучи яростными противниками крепкой российской государственности, разрушенной ими до основания, но одновременно являясь весьма неглупыми людьми, ясно сознающими необходимость сохранения рычагов государственного управления народными массами, они в конечном счёте и сотворили удобный для себя симбиоз коррумпированной бюрократии. В качестве бездушной бюрократии российские органы государственного управления использовались радикал-либералами для осуществления шоково-терапевтических либеральных реформ и сдерживания протестных настроений общества и народных масс. Коррумпированность же этой бюрократии позволяла радикал-либералам реально манипулировать этими официальными органами управления.

Открещиваясь сегодня от этого компрометирующего их собственного детища, либералы вроде бы направляют главный удар своей воинствующей критики исключительно по коррупции, но фактически имеют своей главной целью именно бюрократию. Причём даже не бюрократию как таковую, а именно окрепшие органы государственного управления, предпринимающие пусть пока ещё формальные, но уже

подспудно беспокоящие меры по искоренению в стране коррупции. И вовсе не мировая конкуренция вдруг обеспокоила наших либеральных демократов (как будто её до сих пор не существовало!), а именно нарастающая конкуренция западному миру самой России, считавшейся до этого неконкурентноспособной. Подобно тому как в момент разрушения советской государственной системы в начале девяностых годов прошлого века набиравшими силу либералами был вброшен в советское общество демократический лозунг бескомпромиссной борьбы с чиновничеством, сегодня вновь главным тормозом общественного развития ими же объявляется бюрократия. Но опять-таки не ради созидания по-настоящему действенной российской государственности, а ради её окончательного и полного разрушения. С одной стороны, это отклик либеральной элиты на назревшую в обществе жажду перемен. С другой же стороны, воспользовавшись зреющим недовольством масс, они хотят использовать общественный спрос в своих целях, добиваясь расширения и углубления и без того фактически ничем не сдерживаемых либеральных свобод. Добиваясь разрушения российской государственности и нового возвращения страны к «*лихим девяностым*», они явно рассчитывают на то, что при сохранении своего нынешнего политического влияния в эшелонах власти смогут повести Россию по пути слегка «*обюрократизированной*» тотальной капитализации, при которой именно деньги и будут эквивалентом реальной власти в стране.

6

У этого максималистского либерального курса есть немало противников, причём как в среде политической элиты, так и особенно среди представителей учёного сообщества. Близкий к официальным политическим кругам глава «*Фонда эффективной политики*» Глеб Павловский полагает, что либералы требуют от Кремля «*ясных гарантий перемен*», теряя время на мечты о будущем, к которому не готовы. Это не совсем критика, но и не совсем апология российского либерализма. С одной стороны, либералам даётся совет не терять времени на мечты и на ожидания кардинального изменения российской государственной политики. Но в то же время констатируется сам факт их полного отрыва от реальной российской действительности и их неготовности и неспособности взять на себя ответственность за управление такой сложной страной, как Россия. Профессор МГИМО Валентин Катасонов считает, что либеральная ориентация только на прибыль искажает все мотивы человеческой деятельности и нарушает пропорции хозяйственной жизни. Тем самым даётся понять, что либеральная модель развития страны уже доказала свою несостоятельность в экономической сфере, хотя и не исчерпала своих потенциальных негативистских угроз в культурной и духовной жизни российского общества. Маститый экономист Николай Шмелёв упрекает либерал-демократов ельцинского призыва, к которым вполне можно отнести и господ Караганова, Юргенса и Гонтмахера, в том, что они «*двигаются в сторону*» от здравого смысла. Академик Олег Богомолов обвиняет именно либералов в «*недейственности*» российских демократических механизмов и их отрицательном воздействии на общий уровень культуры и нравственности населения страны.

Из этих критических замечаний можно сделать вывод о том, что в условиях несомненного роста недовольства масс вялотекущими процессами современного социально-экономического развития России и усиления в обществе настроений в пользу серьёзных, подлинно демократических перемен наиболее авторитетная часть общества ясно даёт понять, что главным тормозом развития страны является именно либеральный курс, загоняющий Россию в безвыходный политический, экономический, социальный, культурный и духовный тупик. Действительно, какую бы проблемную сторону функционирования российского государства в современной России мы ни взяли, мы обязательно упрёмся в её практическом решении во всё разъедающий и всё деформирующий либерализм. Попробуйте ужесточить, например, меры реальной борьбы не только против бюрократизма и коррупции, но и просто против зашкаливающей в

стране преступности, и уже завтра вы столкнётесь с крикливыми проявлениями сентиментальной сердобольности наших платоников-либералов и с жёсткими крючкотворными исками наших так называемых правозащитников, готовых защищать кого угодно и от чего угодно, но только не российский народ как субъект суверенного государственного права и не принципы социальной справедливости, лежащие в основе любого подлинного права. За платониками и правовиками немедленно включатся в антигосударственную игру политические тяжеловесы из системной и несистемной оппозиции, всё более смыкающиеся между собой, выводя «*народ*» на столичные площади и используя лозунги против непопулярных мер властей исключительно в своих собственных политических целях. А там, естественно, подоспеют и наши зарубежные «*доброжелатели*», заботящиеся исключительно о благе России и несчастного российского народа. И таковой будет эшолонированная и массированная реакция на любой здравомысленный и решительный практический шаг в любой сфере, включая культуру и духовную область. В последнее время создаётся впечатление, что либеральная и либерализованная российская общественность, столичная в первую очередь, готова подвергнуть политической обструкции буквально всё, что содействует нормальному развитию страны.

Разумеется, далеко не все практические решения российских, действительно очень бюрократизированных, государственных структур, формально проштампованные специфически сформированными высшими законодательными органами, представляют собой образцы здравомыслия и заслуживают всеобщего одобрения. Народ не одобряет многие из них. Более того, он осуждает сам либерально-демократический курс, навязанный стране, по сути, извне и принесший трудовому люду неисчислимые бедствия. А главное - лишивший позитивного смысла все те трудности и жертвы, которые были принесены российским народом ради собственного благополучия и во имя утверждения мира и справедливости на земле. Своё отрицательное отношение к шоково-терапевтическому либеральному курсу российский народ высказывал уже неоднократно в течение последнего двадцатилетия как в ходе разного рода избирательных кампаний, так и в рамках многочисленных социологических опросов. Но у либерализованной российской властной элиты не было ни желания услышать мнение народа, ни намерения прислушаться к нему. Итоги выборов по-советски подтасовывались, а опросные данные и сигналы независимой прессы просто игнорировались. Так было до марта 2012 года, когда власть наконец-то решила не только выслушать, но и опереться на народное мнение. Получив свободу голоса в условиях небывалого давления на российские государственные органы со стороны либералов всех мастей, причём не только собственных, но и зарубежных, российский народ дал твёрдый политический отпор силам объединённого либерального фронта, высказавшись, по сути, за прекращение либеральных ломок и восстановление в правах тысячелетней политики и практике российского здравого смысла. Народ высказался… и получил в ответ самое либеральное в российской истории правительство, вознамерившееся в короткий срок передать собственную страну путём тотальной приватизации в полную аренду крупному зарубежному и криминально скомпрометированному российскому капиталу. Такие вот случаются в России парадоксы, причём довольно часто.

7

Характеризуя политико-экономическую ситуацию современной России, социолог Леонтий Бызов дал краткое, но очень ёмкое определение: «*режим остановился перед тем рубежом, за которым начинаются мобилизационные технологии*». Я полностью согласен с подобной оценкой. Центральным сейчас в России является понятие именно некоего принципиального рубежа, не столько осознаваемого ментально (в России всё же сильна тенденция инерционности мышления), сколько ощущаемого духовно и даже физически. Власть и страна подошли сегодня к решающему рубежу, весьма важному для них обеих

вместе и для каждой в отдельности. Для власти этот рубеж важен тем, что решается вопрос сохранения рычагов управления государством, удержания собственного высокого материального благополучия, а также личной безопасности каждого её носителя. В России власть всегда решала данный острый для себя вопрос преимущественно консервативно силовым путём, иногда, правда, прибегая к либеральным уловкам. Для страны рубежность всегда означала мучительную и во многом жертвенную проблему выбора и определения народного отношения не только к данному политическому режиму, но и к «*режиму*» вообще. Если власть, подойдя к подобному принципиальному рубежу, как правило, останавливается перед ним, то страна, рассчитывая на серьёзные перемены после него, как бы уже перескакивает через этот рубеж, подталкивая власть к решительным действиям и одновременно грозя массовым неповиновением, а то и бунтом. Мобилизационные технологии этого периода для власти означают сосредоточение и активизацию защитно-охранительных органов государства и политических сил самого режима, не исключая и реальных практических шагов по удовлетворению назревших острых запросов страны и народа. Вопрос о запуске мобилизационных технологий народа решается, как правило, в зависимости от реакции властей, но сами эти низовые ответные меры будут иметь наступательно прогрессирующий характер.

Судя по всему, в современной России без решительного применения системно-комплексных мер по долгосрочному и надёжному обеспечению стабилизации всё более выходящей из-под контроля властей общестрановой ситуации, по-видимому, уже не обойтись. Одной из главных проблем власти в современной России является восстановление её собственного достоинства и доверия к ней народа. Без них власть так и останется в прислугах у тёмного и весьма сомнительного по своему происхождению олигархического капитала, а страна будет обречена на проедание своих бесценных природных ресурсов и того советского наследства, которое подвергается тотальному поруганию, но без которого народ был бы обречён на полную нищету. Капитал и «*капиталисты*», разумеется, необходимы стране, но только в том случае и в той мере, когда и если они работают не только на самих себя, но и на общественное благо. Когда же огромные российские капиталы либо выводятся из страны и подкармливают зарубежные государства, либо плодят жирующих рантье в собственной стране, паразитирующих на общенародном достоянии и на нищете значительной части российского населения, такой капитал и капитализм самоубийствен для самого себя и убийственен для российской элиты, общества, народа и страны в целом. Безусловно, прав профессор Валентин Катасонов в своём утверждении, что накопление прибыли – это признак нездорового организма, ожирения. Только следует заметить, что провокационно, безумно и хищнически жирует у нас очень узкий круг сврхбогатых людей при полном хозяйственном запустении страны и заброшенности всего народа.

Вспоминая ситуацию в стране двадцатилетней давности, Михаил Горбачёв, как всегда, оправдываясь и, как всегда, многословно объяснил: «*Перестройка началась, потому что и в обществе, и в руководстве страны сложилось убеждение: так жить нельзя. Система обрекала страну на отставание. Понимали* (необходимость) *уйти от жёсткой идеологической, политической и экономической системы, от лобовой конфронтации, от безудержной гонки вооружений. Труднее* (было определить) *к чему идти, к чему стремиться*». Оставим меру политического лукавства и личной неискренности на совести самого Горбачёва. Обратим внимание на другое. Думается, что он всё же в чём-то сгущает краски, а в чём-то использует технику размытой акварели. Если сравнить горбачёвское вчера и наше нынешнее сегодня, то в них, скорее, больше сходства, чем разницы, причём разницы сугубо отрицательного свойства. Сегодня тоже, по крайней мере, в обществе всё больше зреет убеждение в том, что так жить нельзя и что нынешняя либеральная система, к которой нас подтолкнул добрейший Горбачёв, обрекает страну уже не просто на отставание, а на самую настоящую зависимость от внешнего мира. «*Уходить*» нам тоже сегодня очень надо, правда, уже не от лобовой конфронтации,

а, напротив, от неумеренных и бесцеремонных дружеских объятий, которые лишь маскируют внутреннюю конфронтацию, нацеленную на удушение нашей экономики, ликвидацию наших социальных защитных механизмов и жёсткое ограничение нашей уникальной духовности.

8

Любой рубеж характеризуется тем, что таит в себе одновременно конец и начало. Конец одного этапа развития страны и народа и начало новой стадии, принципиально отличающейся от прежнего периода, но сохраняющей сущностную взаимосвязанность с ним. Через либерализм нам, по-видимому, суждено было пройти, но не для самореализации в нём, а исключительно в качестве очистительной меры от режима коммунизированной социально-духовной формации, вознамерившегося сущностно изменить мир, но изменившего своему благому назначению и превратившемуся в оковы для естественного развития мира и человека. Возможно, мы даже должны поблагодарить Михаила Горбачёва, Бориса Ельцина и Егора Гайдара за то, что они открыли все шлюзы собственной страны агрессивному зарубежному либерализму, в короткий срок смывшему все следы нашего коммунистического прошлого. Но сам по себе либерализм как исторический созидательный элемент абсолютно ничего не стоит, ибо он всегда стремился преимущественно критиковать, а не утверждать что-либо, преимущественно разрушать, а не строить, преимущественно воспринимать Божий мир скептически, а не любоваться им. Весь смысл господства либерализма в России как политико-экономической системы определялся задачами борьбы с коммунистической системой и ограничивался временными рамками уничтожения его остатков. Стремясь продлить своё господство в стране и оправдать своё затянувшееся пребывание у власти, российские либералы изыскивают всё новые «*недобитки*» поверженного коммунистического режима в виде ещё не переименованных улиц, не вынесенного из мавзолея тела Ленина, не искоренённого в сознании людей культа личности Сталина. Но это скорее их зацепки и увёртки, а не насущные проблемы жизни россиян. Как бы ни ярились по этим мелким поводам наши радикал-либералы, коммунизм в России можно считать разгромленным полностью и окончательно, а задачу либерализма блестяще исполненной. У либералов больше нет оснований цепляться дальше за власть, и они должны уйти в конструктивную оппозицию к ней, тем более что это у них лучше получается, да и для страны так будет полезнее.

Нынешний сущностный рубеж означает, на мой взгляд, вовсе не конец российской истории, а всего лишь окончание господства либерализма в стране. Смена либерального политического режима в России представляет собой чисто срочно-временную проблему, решение которой зависит исключительно от того, насколько хватит терпения российским властям играть в несвойственные им либеральные игры и достанет ли им, наконец, мужества использовать данный народом мандат и присущий им здравый смысл на благо собственного народа и своего Отечества. В принципе с либерализмом в России всем всё ясно. Главный, насущный и принципиальный вопрос сейчас уже не в его судьбе, а в том, ради чего затевалась столь кардинальная ломка в России и мире в девяностых годах прошлого века и что же строить на разрушенной либералами, но даже не расчищенной, а, наоборот, заваленной всякими отбросами российской земле. Весь вопрос таким образом вовсе не в конце, а в начале российской истории - в новом начале, аккумулирующем в себе всё самое ценное из дореволюционного, революционного и либерального этапов развития России, но не дублирующем ни один из них и не повторяющем их очевидные практические промахи и принципиальные ошибки. Профессор-демократ Юрий Афанасьев, верный своим романтическим принципам восьмидесятых годов прошлого века, заявляет: «*И всё же выход есть. Надо пытаться оставаться самим собой. Надо думать, искать ответы на вопросы, занимать позицию, которая соответствует твоей совести*». Это всего лишь призыв самого общего плана, инфантильный и платонический,

в духе кота Леопольда, призывавшего жить дружно своих заклятых врагов-мышей. И тем не менее в этих словах есть и зёрна мудрости, и неистощимая надежда, и неискоренимая вера в возможность жить по-человечески, то есть всё то, что питало веками русский и российский народ и что составляет основу человеческого существования на земле.

Пожалуй, главным в словах разочаровавшегося в своих мечтах романтика является, на мой взгляд, его призыв оставаться самими собой и быть в ладах со своей совестью. Сам факт того, что российские либералы, взяв своеобразный политический реванш, заодно как бы провиденчески наказали большевиков-коммунистов за коренную ломку самобытного развития России, заставляет нас вновь вернуться к дореволюционной истории России. Но не просто вернуться, вычеркнув целое столетие своего бурного развития, а чтобы серьёзно разобраться в нашем прошлом - без самодовольной консервативной инерции, без задорного революционного напора и без скептико-релятивистского, оглядочного на Запад, ползучего реформизма. Может быть, самое ценное в дореволюционной России и было вовсе не в монархии, или благородном дворянстве, или богоносном крестьянстве, а именно в том, что подавляющее большинство её социально разного и национально разношёрстного населения старалось жить по совести. И, может быть, нам сегодня не стоит ломать копья из-за конкретных персоналий или определённых мер формально демократического свойства, а начинать жить самим честнее и совестливее, одновременно требуя того же от других, особенно от нашей элиты, отгородившейся от народа высокими заборами и ведущей себя так, словно она живёт и действует в чужой стране и среди чуждого ей народа. В конечном счёте, если мы сущностно не восстановим в нашей стране корневые для нашего народа нравственные нормы и не будем жить своим умом, нашим великолепным и спасительным здравым смыслом, ни одна, даже самая выдающаяся личность и ни один, даже самый демократический институт не спасут нас от нашего духовного убожества и нашего житейского прозябания.

* * *

Вполне характеристичной для темы современной России следует признать сказку «*Батрак*», включённую А.Н. Афанасьевым в первый том своих «*Народных русских сказок*». У этой сказки в народе имелось много вариантов, один из которых был записан Александром Пушкиным от Арины Родионовны и использован им в его «*Сказке о попе и работнике его Балде*». Главными героями этой сказки являются скупой и суровый купец и безымянный третий сын мужика, нанявшийся к купцу в батраки и прозывающийся в сказке просто – батрак. Купец (тоже безымянный) был такой тиран, что два старших брата батрака не выдержали его суровости и возвратились домой ни с чем. Третий сын взвалил на себя непосильную ношу батрачества не просто по своей воле, а как бы даже против воли отца. Купца же соблазнила в новом батраке его крайняя дешевизна: «*Год проживу – тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо*». В отличие от своих старших братьев, надрывавшихся на работе с первого петушиного крика (часов с пяти утра!), батрак с вечера заворачивал за крыло голову петуха и заваливался спать до утра. Расследуя это дело, купец приходит в ужас от необычайной силы батрака, который щелчком убил до смерти злющего быка, а щипком снял с него шкуру. Напуганный этим купец начинает искать способы избавления от него. Однако, отправив его на погибель искать в дремучем лесу несуществующую корову, он лишился всех своих коров, так как батрак приволок из леса вместо коровы медведя и бросил его в коровник. Отправленный на «*чёртову мельницу*» собирать с нечистых мифический долг, батрак не только возвратился оттуда целым и невредимым, да ещё и в самом деле привёз купцу полон воз серебра. При попытке купца с купчихой бежать батрак не отстал от них, а, когда его хотели утопить в мешке, подставил вместо себя купчиху и подговорил купца бросить её в воду. Так прошёл обговоренный год, и купцу пришлось поплатиться жизнью за свою

жадность. Батрак же взял себе его имение и «*стал себе жить-поживать, добра припасать, лиха избывать*».

Сказка в целом получилась жестокая, но справедливая, причём справедливая по-русски – по принципу око за око, зуб за зуб. Наши гуманисты-либералы могут упрекнуть автора сказки за излишнюю жестокость, за превышение меры наказания над мерой вины. Ведь, скажут они, не собирался же изначально купец лишить батрака жизни, а батрак уже при заключении договора знал цену своему щелчку и щипку. Да, возможно, купец и не ставил на договорном этапе вопрос о жизни и смерти батрака, но он, по-видимому, не выразил бы ни малейшего сожаления, если бы батрак умер от непосильного труда. К тому же потом он постарался сделать всё, чтобы погубить батрака, принесшего ему огромное богатство. Но это всё детали. Главное в сказке не в них, а в принципе обязательной, неотвратимой и полной расплаты: за чрезмерную жадность – лишением всего состояния, за тиранию – ответной беспощадной жестокостью, за бездушие – тождественной душевной чёрствостью, за хитрость и коварство – ещё более превосходящими коварством и хитростью. В сказке, собственно говоря, речь идёт не о людях, а о символах. Купец и батрак потому и безымянны, что олицетворяют собой две социальные крайности – с одной стороны, бесчеловечное богатство, направленное на достижение абсолютной власти над зависимым от него человеком, с другой - сконцентрированный в нещадно эксплуатируемом человеке мощных дух сопротивления, способный всё перетерпеть, но отплатить той же жестокой монетой. Замечательна концовка сказки. В отличие от обезумевшего от жадности купца, потерявшего человеческий облик в своём стремлении к бесконечному богатству, батрак, олицетворяющий собой весь батрацкий род, в конечном счёте взял у купца не чужое, а, по сути, своё. Но использовал это богатство по-своему - стал себе жить-поживать, добра припасать, лиха избывать. То есть зажил по-человечески в своей повседневной жизни, припасая добро для будущего (своего и своих потомков) и избывая лихо своего прошлого. Тем самым даётся понять, что батрак вовсе не был жестоким человеком по своей природе, а сделался таким, ожесточившись от бесчеловечного к нему отношения.

Мораль сказки очень проста, хотя и трудна в её реализации. По сути, она сводится к тому, что надо жить всегда по-человечески, по совести. Тогда, по логике сказочника, не будет никаких проблем ни у символического батрака, ни у символического купца. Беда наших либералов, однако, заключается в том, что они учат всех жить по совести и даже готовы сделать из совести основной закон страны, но сами жить по совести не умеют и не хотят, так как совесть у них - весьма растяжимое понятие. Причём растяжимое до такой степени, что они готовы и вовсе освободиться от неё, так как их личная, эгоистичная свобода им гораздо дороже, чем какая-то призрачная, химеричная совесть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ – МНИМЫЙ ИЛИ НАСТОЯЩИЙ?

Крепко царство казною.
Запасливый лучше богатого.
Всякий дом хозяином хорош.

Русские пословицы

1

Современных России только на нашем веку было много, но подлинная Россия всегда остаётся одна. Однако распознать её можно не столько по переменчивой сиюминутной внешности, сколько через её внутренний потенциал, составляющий её социально-духовное ядро и практически не меняющийся с течением времени. Россия

осовременивается регулярно, причём по самым разным причинам: иногда под влиянием внешних обстоятельств, нередко в связи со сменой поколений, а чаще всего – подстраиваясь под личность вновь вступившего во власть очередного государя. Проблема непрерывного осовременивания - сугубо российская то ли историческая болезнь, то ли национальная привычка. От этой болезни-привычки её, по-видимому, могут избавить лишь окончательный сход страны с исторической арены или потеря ею собственного лица в результате глобального переустройства мира. Невозможно представить ни одно европейское государство, которое так озабочивалось бы не решением конкретных сиюминутных социально-экономических проблем, а своим осовремениванием. Азиатский мир, хотя и вынужден время от времени сбрасывать своё вековое оцепенение, но и он просто одномоментно выныривает из своих глубин, а потом постепенно уходит в привычную спячку. И только мы, поколение за поколением, изо всех сил стремимся осовремениваться - внутри собственной страны, угождая своему нынешнему правителю, или вне её, подстраиваясь под веяния мировой политической моды.

Несмотря на то, что наши народные мудрецы давно вывели разумную формулу – «*на весь свет не угодишь*», и они сами, и весь наш народ постоянно озабочены не своим собственным естественным развитием, а тем, «*чтоб к людям не пристать, да и от людей не отстать*». Эту сложную, противоречивую и, прямо скажем, парадоксальную задачу, по-видимому, следует понимать двояко. Вторая её часть преследует цель быть как все, то есть внешне ничем не отличаться от других, более активных, более динамичных людей. Первая же половина полностью противоречит второй, настаивая на обязательном сохранении русским человеком его особности – физической обособленности от других и духовной неслитности с ними. Это и есть, на мой взгляд, акцентированное внимание наших предков к развитию, приумножению и всемерному обережению своего внутреннего потенциала, независимо от царственного своеволия того или иного правителя-временщика или переменчивой западноевропейской политической моды. Русский человек слишком чуток ко всем переменам внутреннего и внешнего плана, да к тому же жестоко вымуштрован своей горемычной судьбой и своими не всегда разумными правителями, чтобы пытаться идти наперекор течению времени. Но он слишком упрям и своенравен, чтобы транжирить по пустякам свой духовный и социальный потенциал. Привычно приспосабливаясь к обстоятельствам, он старается от них не отстать. Но не более того. Главная же цель его приспособленчества – всемерное обережение своего личного достоинства и своего главного жизненного ресурса.

Осовременивая кредо наших предков, заключённое в стремлении не пристать, но и не отстать, историк Игорь Фроянов справедливо полагает, что главной задачей российского общества в либерально-демократической России является сохранение страны и народа. При этом он настаивает на том, что, несмотря на всю разрушительность пронёсшегося над страной урагана либерализма, ядро страны сохранилось. Не возражая против этого, обратим внимание на то, что, разумеется, петербургский историк ведёт речь вовсе не о сохранении государства под названием Российская Федерация и российского народа вообще, которым пока вроде бы ничто физически не угрожает. Думается, упор им делается на обережении того исторически сформировавшегося уникального геополитического явления, каким стала в течение своего тысячелетнего развития Россия, и той специфической этно-национальной общности, в которую превратился русско-российский народ в течение этого тысячелетия. Либеральная форма осовременивания России была и пока остаётся опасна тем, что радикал-либералы пытаются вместе с уничтожением наследия коммунизма вытряхнуть на историческую свалку и всё тысячелетнее духовное нутро России, напичкав его модными яркими подделками под культуру западного производства. Разумеется, духовное ядро прежней России в нашей стране и в нашем народе осталось, но даже оно под грубым натиском западных либеральных ценностей кое-где дало трещины, а в чём-то подверглось существенной

деформации. Потому-то и важно определить нынешний духовно-исторический потенциал России, чтобы затем попытаться не только сохранить его, но и существенно приумножить.

2

Слово потенциал (от латинского «*potentia*» - «*сила*») трактуется современными российскими языковедами как источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения конкретных задач и достижения определённых целей. Во французском языке его эквивалентом является «*potentialite*» (женский род), обозначающее потенциальное действие, возможность, предрасположенность. Английское «*potency*» переводится как сила, могущество, действенность, эффективность, потенциальная возможность. Как видим, англичане рассматривают потенциал исключительно в практическом плане – либо как воплощение реальной силы, готовой к её применению, либо как меру качественности уже совершённого действия, либо как определение достаточности ресурсов для совершения предполагаемого действия. Французы к английскому потенциалу действия добавляют некую умозрительную умственную предрасположенность, которая может воплотиться в реальную действительность, а может и остаться втуне, без необходимого раскрытия. Суммарно говоря, и французы, и англичане вкладывают в понятие потенциала исключительно практический смысл, оценивая его как меру достаточности для использования не столько внутри своей страны и своего народа, сколько применительно к внешнему фактору, то есть к другим странам и народам, причём не без умысла его искусственного наращивания агрессивно-наступательным путём за счёт других стран и народов. Вся разница в трактовке потенциала у них заключается в том, что французы склонны включать в это понятие ещё и степень умственного развития нации, в то время как англичане и силу ума не отделяют от общего понятия силы.

Русские люди вкладывают в понятие потенциала особый смысл, имеющий к практическому действию лишь косвенное отношение. Владимир Даль полностью игнорирует слова потенциал и ресурс как нерусские. Но любовно и обстоятельно раскрывает смысл русского слова запас. К нему он относит всё, что запасено, что заготовлено впрок, собрано или сохранено для будущего употребления. В такой трактовке запаса заложенный в нём потенциал совсем не работает на практическое действие, а, наоборот, само действие, практическая деятельность человека работают на потенциал. «*Запасный*» или запасливый человек у Даля тот, у кого всё в запасе, кто об этом в своё время заботится. Самое парадоксальное в далевско-русском определении и запасливого человека, и запаса вообще заключается в том, что в русском понимании потенциал-запас собирается по крупицам, но вовсе не для того, чтобы им в определённый момент насладиться, а исключительно на случай нужды. То есть на тот самый крайний случай или то кризисное состояние хозяйства, которое не только может не наступить, но от которого этим запасом хотят как бы откупиться, задобрить нужду, убедить её не появляться вовсе. То есть запас русским человеком делается в принципе для того, чтобы им по возможности никогда вообще не пользоваться или пользоваться разово, несистемно, в исключительных обстоятельствах.

О степени расхождения западной и русской трактовок понятия потенциала свидетельствует тот факт, что французы, например, словом «*potence*» иронично именовали виселицу, а русские крестьяне словом «*запас*» в дореволюционное время уважительно называли коровье вымя. В остроумном французском понимании обозначение потенциала виселицей вносит смысл постепенного накопления человеком негативного (преступного в своей сути) действия, неотвратимо ведущего его к позорной и мучительной смерти. В рассудительной и благодарной русской трактовке запас приобретает смысл неистощимого блага, спасающего человека от смерти и делающего его жизнь вполне сносной и даже приятной. Противопоставление запасливости отсутствию таковой в русской системе ценностей равнозначно антитезе разумности и глупости. «*Кто*

запасом живёт, - наставляли народные мудрецы, - *а кто из кулака в рот*». Первый – положительный типаж, воплощение здравого смысла. Второй – предмет осуждения, символ бездумного прожигателя жизни, не имеющего ничего ни в уме, ни за душой. В сопоставлении же запаса и дела (той самой практики, которую возводят в культ англичане) русские народные мудрецы отдавали явное предпочтение запасу, а не делу. Русская пословица гласит: «*не паси дела, паси хлеба*». Дело здесь относится к предметам первой необходимости: его нужно делать своевременно, не откладывая на потом. Запасать же нужно хлеб, который символически обозначает, по мысли мудрецов, несомненное благо, сущностный задел для обеспечения благополучного будущего человека, семьи, всего российского государства.

3

Возвращаясь к современному российскому определению потенциала, обратим внимание на обусловленность его использования решением конкретных задач для достижения вполне определённых целей. То есть потенциал представляет собой не некий универсальный капитал, применимый в любой форме и в любых обстоятельствах, а имеет вполне специфическую предназначенность и весьма определённую целевую установку. Он и раскрывается-то вовне не вообще, а исключительно в соответствующих временных и целевых рамках. Русское народное понятие запаса тоже вполне определительно, так как его рамки и сроки обусловлены именно крайним случаем - случаем нужды. Преждевременное и нецелевое раскрытие и расходование накопленного или накопляемого потенциала, с точки зрения русского здравого смысла, не только нежелательно, но и ущербно, так как, по народной логике, потребляемый без соответствующего пополнения запас немедленно истощается и неизбежно влечёт за собой нужду, в результате чего беды наваливаются на человека одна за другой. В этом плане человеческий потенциал в русском понимании вполне сопоставим с иммунитетом отдельно взятого человека, с утратой которого человеческий организм становится беззащитным по отношению к физико-биологическим угрозам внешнего мира. В плане как имммунитета, так и потенциала речь идёт о важности предварительных, профилактических работ, о разумности пользования нашими физическими и духовными богатствами, о всемерном обережении того самого сокровенного, что мы имеем в самих себе и в своём окружении и без чего человеческая жизнь и жизнь целой страны теряет сущностный смысл.

То, что Россия всегда располагала и продолжает располагать богатым внешним и внутренним потенциалом, в этом даже сегодня, в нашей сверхкризисной ситуации, ни у кого сомнений, по сути, нет. Сомнения распределяются по группам критиков сугубо в отношении степени его использования и практической использованности. Самые рьяные критики России из радикал-либерального стана, не отвергая того факта, что наша страна в дореволюционное время обладала богатейшим материальным, культурным и духовным потенциалом, стремятся доказать, что он, этот неприкосновенный российский запас, варварски употреблён и уничтожен в двадцатом веке большевиками-коммунистами и к сегодняшнему дню полностью исчерпан. И что сегодня надо вообще ничего не откладывать впрок, а жить, по сути, в кредит, западными займами, в том числе духовного плана. Их решительные противники и не менее ярые критики современной России из ортодоксально-славянофильского лагеря убеждают всех и себя в первую очередь, что Россия сохранила свой могучий потенциал, но сосредоточен он исключительно в религиозно-церковных духовных ценностях. И что сегодня именно его надо достать из ранее запретных дореволюционных тайников и использовать в максимальной степени для возрождения России. Между этими двумя крайностями в оценке потенциала России располагается основная масса современного российского общества и российской интеллигенции. Создаётся впечатление, что она, эта огромная масса осторожных и расчётливо-разумных россиян, прекрасно знает, что потенциал у современной России есть, что он далеко не растрачен и что он вполне мог бы пригодиться, чтобы достойно

пережить наше нынешнее лихое время. Но они вполне не уверены, что именно в нынешних весьма противоречивых обстоятельствах стоит его применять. Терпеливые и осмотрительные, они полагают, что надо подождать крайней степени общественной и народной нужды, когда этот внутренний потенциал будет по-настоящему востребован и употреблён с наибольшей полезностью.

Кто из этих теоретических оценщиков и практических пользователей скрытого от завистливых глаз российского потенциала прав или неправ, разумеется, покажет время. Сейчас же хотелось бы отметить некое странное явление в отношении некоторых россиян к общероссийскому потенциалу. Именно те, кто громче всех кричит сегодня о растрате Россией своего многовекового потенциала, страшатся не того, что он действительно исчерпан и утерян, а того, что он всё ещё сохраняется и никак не желает исчезать, несмотря на все их попытки уничтожить его. Все их усилия направлены именно на то, чтобы всемерным и повсеместным разрушением российской самобытности и насаждением в России стандартной западной демократии и модернистской псевдокультуры уменьшить собственный потенциал русского и российского народа, оттеснив его культуру на задний план, в маргинальное поле. В самих разлагающе-разрушительных действиях наших радикал-либералов в общем-то ничего странного нет: так уж они устроены и таково их весьма специфическое предназначение. Странно другое, а именно их абсолютное незнание законов человеческого развития и полное непонимание специфики России, в которой всё запретное, гонимое и страдательное со временем становится привлекательным, желанным и востребованным. Всё, что сегодня в России с таким самозабвением и фанатическим исступлением либералами рушится, всё, что ныне подвергается глумлению и осмеянию, завтра будет бережно поднято из руин, старательно очищено, освящено и водружено на почётное место. Ибо реальный потенциал России находится вовсе не на поверхности вещей и событий, а надёжно запрятан в недрах российской земли и в сокровенных глубинах души современных россиян.

4

Ортодоксальные ревнители русской старины, будучи в своей сути апологетами возвращения светской культуры и искусства в лоно церкви, из которого те вышли ещё в восемнадцатом веке, фактически смыкаются в кризисных условиях современной России с либеральными растратчиками внутреннего потенциала России. Кучкуясь вокруг конкретных иерархов и отдельных приходов русской православной церкви и громогласно заявляя о своей личной воцерковлённости, они вносят жёсткий раскол не только в русскую интеллигенцию и российское общество в целом, но и наносят моральный ущерб самой русской православной церкви. Настаивая на исключительной спасительности религиозно-церковного ресурса для впавшего в нужду русского народа, патриоты-фундаменталисты не только ставят под сомнение другие составляющие внутреннего потенциала России, но и склонны вместе с либералами дружно хоронить многонациональную российскую культуру и традиционную народную русскую духовность. Думается, совсем не случайно то, что в лидерах современного российского ортодоксально-церковного славянофильства ходят именно популярные представители актёрской профессии. Привычные к постоянному лицедейству и шумной популярности, они не умеют хранить великое таинство молитвенной веры в Бога и растрачивают себя и религиозно-церковный ресурс на мелкие скандальные склоки и дрязги. В плане влияния на современное российское общество ортодоксальные патриоты России, действуя вполне в духе радикал-либералов, тоже могут рассчитывать только на обратный результат. Всё, что ныне они столь страстно восхваляют и утверждают, завтра, именно из-за этой их чрезмерности, может обернуться осуждением и ниспровержением. Ибо воистину неисповедимы пути Господни.

Говорить об определённом, а тем более значительном позитивном вкладе радикал-либералов и патриотов-фундаменталистов в раскрытие и обогащение внутреннего

потенциала России сегодня не приходится. По той простой причине, что пока они запускают в действие не столько общероссийский и даже не вполне свой собственный личный ресурс, сколько идейно заимствованный, чужой потенциал, который сегодня и у тех, и у других, по существу, на исходе. Либеральная идея за двадцать лет своего насильственного, шоково-терапевтического насаждения в России изрядно себя скомпрометировала. Русская же церково-клерикальная идея, стремительно политизируясь, де факто всё более становится патриотической ширмой общего либерально-демократического курса страны, направленного на разрушение здравомысленно-традиционалистских устоев российского общества и русского народа. Представителям российской правящей элиты сегодня, как правило, достаточно прилюдно, под нацеленными на них телекамерами перекреститься в храме во время пасхального священнодействия, и они как бы получают полную индульгенцию от всех своих политических либерально-демократических грехов, осуждаемых не только обществом и народом, но и самой русской православной церковью. В этих политических либерально-патриотических играх нет выигравших, ибо проигрывают абсолютно все - политики, церковь, общество и народ. И, тем не менее, мы продолжаем играть в эти унижающие всех игры, не находя в себе мужества взглянуть на вещи трезвыми, осмысленными глазами и начать всерьёз заниматься реальными делами.

Вот и получается, что российскому обществу и народу в плане своего собственного спасения и воссоздания действительно основательно растраченного общероссийского потенциала приходится рассчитывать не на политическую и культурную элиту России, а исключительно на самих себя. В этих критических условиях своё решающее слово должны сказать не громогласные говоруны из либерально-патриотических лагерей, а те тишайшие и незаметнейшие сегодня истинные и искренние служители Бога и своей собственной совести, которые в массе всё ещё остаются пока в стороне от политических и идеологических баталий. Советские коммунистические идеологи, черпавшие свой политический радикализм в революционной истории Франции, немало желчи и злобы излили на прозванное «*болотом*» большинство Конвента времён Великой французской революции, не имевшее своей чёткой политической позиции и колебавшееся то в одну, то в другую сторону в ходе ожесточённой политической борьбы. Но именно этому самому расплывчатому социально-политическому «*болоту*» обязана современная Франция своим стабильным политико-экономическим развитием, обеспечившим ей достойное место в Европе и в мире в целом. Есть надежда на то, что и в истории современной России наше общественное и интеллигентное «*болото*», мечущееся сегодня между радикал-либералами и радикал-патриотами, но по-настоящему не примыкающее ни к тем, ни к другим, сыграет столь же позитивную роль в нашей стране, как некогда консервативные элементы в революционной Франции, и обеспечит многонациональному российскому народу спокойное политико-экономическое и творчески-созидательное материальное и духовное развитие.

5

У проблемы реализации современной Россией своего материального и духовного потенциала есть две стороны – временная и содержательная. Временная состоит в том, что культурно-интеллигентное большинство и здравомысленная часть российского общества всё никак не решат для себя вопрос, стоит ли им именно сейчас, именно в данный момент максимально активизироваться или переждать, когда всё само собой образуется и само по себе придёт в норму. Да, рассуждают осторожные здравомысленники, Россия сегодня в кризисе, общество в стрессовом состоянии, народ запущен и заброшен, силы зла в нравственном поле бесчинствуют и торжествуют. Но, утешают они себя, разве это внове для нашей страны, которая и не такое видывала в своей тысячелетней истории. И каждый раз, говорят они себе, всё как-то потихоньку нормализовалось, входило в привычное русло, и Россия продолжала двигаться из прошлого в будущее «*ни тихо, ни скоро, а как*

следует». Но, думается, сегодня у России не совсем эта, привычная нам ситуация. За Россию сейчас взялись всерьёз, по-настоящему и, может статься, надолго. Причём взялись всем миром – с Запада, с Востока и изнутри неё самой. И помощи ей ждать в общем-то неоткуда. Лично мне кажется, что именно сейчас настало время нам всем доставать заветную кубышку своей совести и чести (свой неприкосновенный запас-потенциал) и начать собственными силами и вековыми народными средствами спасать себя и страну от внезапно нагрянувшей, всё никак не избываемой, а, наоборот, всё более возрастающей беды-нужды.

С проблемой - пора или не пора - тесно связан и другой не менее важный вопрос – о степени расходования Россией своего внутреннего потенциала в современных критических условиях. Реализовывать его весь, или что-то приберечь на потом, или вообще отделаться малой толикой? Как ни велика нынешняя российская нужда, думается, о расходовании именно сейчас всего нажитого веками российского потенциала речи не идёт. Но и отделаться малыми усилиями нам тоже вряд ли ныне удастся. По-видимому, и нам всё-таки надо браться за себя всерьёз, по-настоящему и надолго. То, что происходит сейчас в России, касается уже не просто отдельных групп российского общества или даже целых классов, а буквально каждого из нас, в особенности наших детей и наших потомков вообще. Весь фокус инерционно продолжающейся и ныне гайдаровской шоковой терапии, декларативно направленной на вытравление из народного нутра всего советского прошлого, в качестве конечной цели имел вовсе не это прошлое (прошлое – оно и есть «*прошлое*», то есть ушедшее), а в первую очередь наше будущее и будущее наших детей и потомков. Гарантированное избавление страны, народа и общества от малейшего соблазна к возврату в советское, коммунистическое прошлое на деле означало лишение нас и наших детей возможности обсуждать и выбирать своё будущее вне рамок либеральной идеи и весьма условных западнических демократических ценностей. И мы, чего бы это нам ни стоило, просто должны и обязаны вернуть себе и нашим потомкам право выбора своего будущего.

Вопрос об обусловленной спросом нынешнего времени мере расходования внутреннего потенциала России естественно и плавно перетекает в содержательную плоскость, а именно - какую часть нашего потенциала имеет смысл нам расходовать именно сейчас и что вообще представляет собой потенциал России на нынешнем этапе? Последний вопрос, ещё только подспудно зреющий в глубинах нашего общества, уже вовсю обсуждается нашими «*друзьями*» за рубежом, причём с нескрываемым не только политическим, но и глобалистским интересом. Например, Джесси Хис в заключение своей статьи в «*Russia Monitor*» (США, 23 августа 2011 года), посвящённой предстоявшим выборам президента в России, рассуждает: «*…Хотя возвращение Путина в президенты не вызовет апокалипсиса в России, оно может стать сигналом того, что страна дошла до поворотной точки и сворачивает с того пути, на котором страна может реализовать весь свой потенциал развития. Ничего катастрофического, ничего преступного, да и не горе, но – просто разочаровывает*». Есть ли у современной России свой собственный потенциал развития или он отсутствует полностью – этот вопрос автор не обсуждает, ибо это очень щекотливая для Запада тема. Но он авторитетно утверждает, что некий скрытый потенциал России мог бы быть ею полностью реализован лишь в русле западного либерально-демократического пути, с которого, по его мнению, путинская Россия готова свернуть. Этот факт чрезвычайно огорчает американского политолога и, по-видимому, весь Запад в целом, хотя они пытаются замаскировать свою тревогу неким показным «*разочарованием*» в России. Думается, меркантильный Запад заботится, как всегда, не о нас, а о себе, так как он вложил в изменение российского политического курса весьма значительный капитал и хотел бы от России соответствующей материально-финансовой отдачи, используя её нынешний вполне реальный потенциал исключительно в своих собственных прагматико-утилитарных целях.

6

Что касается нынешнего собственного потенциала России, то он рассматривается западными политологами довольно примитивно и весьма огрублённо, причём преимущественно с прагматической точки зрения. Известный американский «*русовед*» Стивен Коэн в заключение своей книги «*Советские судьбы и потерянные альтернативы: от сталинизма до новой холодной войны*» (2011) пишет: «*Несмотря на развал Советского Союза двадцать лет назад, лишь Россия по-прежнему обладает инструментами массового уничтожения, способностью уничтожить Соединённые Штаты… Россия также остаётся крупнейшей страной мира по размеру территории, ключевым евразийским фронтом в конфликте между западной и исламской цивилизациями, она обладает непропорционально большой долей мировых запасов жизненно важных ресурсов, среди которых нефть, природный газ, железная руда, никель, золото, древесина, плодородная земля и пресная вода. Кроме того, военное и дипломатическое влияние Москвы по-прежнему способно помешать (или помочь) интересам США по всему миру: от Афганистана, Ирана, Китая и Северной Кореи до Европы и Латинской Америки. Короче говоря, без отношений сотрудничества с Россией настоящая национальная безопасность США невозможна*». Как видим, сама по себе Россия для Стивена Коэна и его соотечественников находится где-то на десятом, двадцатом или сотом местах, так как на первом месте у них всегда будут стоять даже не столько сами Соединённые Штаты Америки (они вообще вне конкуренции), сколько их национальная безопасность. Они и весь мир готовы рассматривать не сам по себе, а только как сферу реализации утилитарно-прагматических интересов Соединённых Штатов Америки. Когда же проявляется сугубо практический интерес да ещё сопряжённый с возможными рисками для себя, они готовы рассматривать другую страну и чужой народ буквально с лупой в руках. В этом плане Россия интересует их едва ли не в первую очередь, причём прежде всего с военной точки зрения. Потенциальная возможность и реальная способность современной России уничтожить Соединённые Штаты заставляет эгоистичных приверженцев США денно и нощно думать о мерах нейтрализации этой угрозы, по-видимому, любым путём, вплоть до упреждающего применения силы. Непропорционально большая, с их точки зрения, доля мировых запасов жизненно важных ресурсов, сосредоточенных в России и представляющих её материальный потенциал, подталкивает США к видимости дружбы с нашей страной. Усиливающееся же политическое влияние России (её геополитический потенциал) на всём мировом пространстве принуждает их считаться с ней, но исключительно как с реальной силой.

Судя по этим далеко не бескорыстным прагматическим рассуждениям американского политолога, даже сегодня, после двадцатилетнего стремительного падения России в бездну политико-экономического небытия, Соединённые Штаты Америки (безусловный лидер западного мира и могущественнейшая мировая держава) вынуждены признавать за современной Россией серьёзный и вполне реальный потенциал в военной, ресурсно-территориальной и внешнеполитической областях. Причём не только признавать, но и выражать готовность к сотрудничеству с Россией с явным намерением превратить её из потенциальной помехи интересам США по всему миру в их «*помощницу*». В связи с этим возникает, однако, вполне закономерный вопрос – а нужны ли самой России такие дружба и сотрудничество с державой, рассматривающей её как свой сырьевой и политический придаток и не допускающей наличия у нашей страны своего собственного интереса в мировом развитии, серьёзно отличающегося от весьма специфического интереса Соединённых Штатов Америки? Вся тысячелетняя российская история (не в пример двухсотлетней американской) доказывает, что Россия всегда относилась к миру, Европе и самим Соединённым Штатам Америки отнюдь не меркантильно, а, наоборот, горя желанием приумножить общеевропейское и общемировое добро. Ядерное могущество, огромная территория, значительные природные ресурсы,

политическое влияние, воспринимаемые сегодня на Западе с настороженностью и нескрываемой завистью и причисляемые там к единственному потенциалу России, для неё самой являются таковым лишь отчасти. Ибо они воспроизводят лишь внешний облик России, оболочку её внутреннего потенциала, а не сам потенциал. Тысячелетний ресурс России заключается не в них, а в её имени, в её вечном стремлении к миру и накоплению в нём добра, причём добра не в меркантильном, а в нравственном смысле – как всемирного общечеловеческого блага. Русская пословица гласит: «*хлеб-соль да камень за пазухой носи*». Хлеб-соль в ней символизируют запас сокровенного блага, которое надо хранить непосредственно на груди, близко к сердцу, а может быть, и в самом сердце. Именно это добро-благо является предметом главной заботы русского человека и именно его он считает главным потенциалом своей самостоятельной, ни от кого не зависящей жизнедеятельности. Совет носить рядом с хлебом-солью ещё и камень означает явственный призыв к бдительности, к накоплению защитного потенциала, способного надёжно оберечь сокровенное добро-благо.

Следуя этой народной мудрости, Россия веками накапливала доброе имя в окружающем мире, добиваясь всеобщего взаимопонимания и добрососедства. И не её вина, а её беда, что понимание не всегда получалось обоюдным и всеобъемлющим, а соседство – добрым. Подавляющее большинство территориальных приобретений России представляет собой не что иное, как фиксированные итоги решительной защиты ею своего добра от неуживчивых соседей, которые корыстно стремились попользоваться её доброжелательностью, открытостью и незлобивостью. Природные ресурсы, столь востребованные в наши дни, долгое время таились в недрах диких и неприступных российских пространств, являвшихся не столько подспорьем, сколько бременем в хозяйственно-экономическом развитии России. Её плодородная земля, во-первых, не столь уж и плодородна по сравнению с западными жирными почвами, а, во-вторых, она буквально отвоёвана у дикой природы тяжким трудом многих поколений россиян, прирастая не столько большими площадями и территориями, сколько крохотными делянками и кусочками. Что касается усиливающегося международного политического влияния России, то следует иметь в виду, что оно приобретается ныне нами не бесцеремонностью и грубостью, а, наоборот, традиционными для России сдержанностью и тактичностью.

7

Имея в виду дореволюционную Россию, историк Игорь Фроянов отмечал, что монолитное, единое в территориальном отношении российское государство исторически формировалось как органически спаянное геополитическое пространство, которое обеспечивало безопасность не только русскому народу, но и народам, вошедшим в состав Российской империи. С этим, разумеется, нельзя не согласиться. Но я хотел бы развить эту мысль дальше и подчеркнуть, что в плане потенциала Россию нельзя рассматривать по частям - отдельно её территориальный потенциал, отдельно военный, отдельно национальный, отдельно культурный и так далее. Россия – это цельный организм, сложный, трудно управляемый, почти самодвижущийся, но неизменно комплексно взаимосвязанный. От России можно произвольно отделить или насильственно оторвать какие-то её территории, ослабить её политический, экономический и военный потенциал. Однако спустя некоторое время её сохранившийся живой организм вновь регенерируется и превращается опять в единый территориальный, политический, социально-экономический, культурный и духовный комплекс, в котором её общий потенциал естественным образом уравновешивается и приобретает необходимую цельность. Этой уникальной способностью к естественной саморегенерации и сплочению перед бедами и испытаниями русский народ, по-видимому, обладал изначально, что и позволило ему создать тысячу лет назад своё собственное государство. Но после духовно и государственно преодолённого монголо-татарского ига эта спасительная способность в

нём необычайно усилилась и превратилась в настоящий гений русского народа и самый главный потенциал его тысячелетнего исторического развития.

Удивителен в феномене России не столько факт её быстро восстанавливаемого и стремительно наращиваемого общего комплексного потенциала, сколько то, что за тысячу лет своего исторического развития она его, на мой взгляд, по-настоящему полностью фактически не раскрыла. Да, время от времени она демонстрировала свою военную мощь и неоспоримое политическое влияние, удивляла мир своими культурными достижениями, поражала её недоброжелателей силой своего непобедимого духа. Но происходило это как-то частями, отдельными выплесками её внутреннего потенциала. Владимир Вернадский писал в 1918 году в своём дневнике: «*Мне хочется раскрыть свою личность, свои мысли, свои знания, всё духовное содержание моей природы до конца, в полной силе, а не сдерживать и ограничивать её проявления, как это было раньше*». Вот такой полной, ничем не сдерживаемой и ничем не ограниченной реализации своего внутреннего, скрытого от всех огромного потенциала Россия до сих пор, как мне кажется, не позволила в себе раскрыть, оставляя всё на потом, на какое-то ей одной известное отдалённое будущее. Большевики, придя к власти на волне дотоле сдерживаемого народного гнева, попытались силой раскрыть потаённый потенциал России. И частично это им удалось с помощью удивившей весь мир российской культурной революции. Но насилие и разного рода взломы в этом деле совершенно непростительны. Вполне естественно произошло то, что, как только силы взломщиков стали ослабевать, раковина российского потенциала захлопнулась, и Россия вернулась к своей привычной стратегии сдерживания и ограничения проявлений своего внутреннего, духовного потенциала. То же самое сегодня происходит и с шоково-силовыми действиями российских радикал-либералов, которые почему-то никак не хотят понять, что ракушка изрядно проэксплуатированного ими западническо-реформаторского потенциала в современной России уже захлопывается.

Пассионарная теория этногенеза российского историка Льва Гумилёва, описывающая исторический процесс как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами, есть не что иное, как попытка сопоставления потенциалов развитых и развивающихся государств и народов, но с излишним акцентированием внимания к наличию в них так называемых пассионарных личностей. Если оставить в стороне трудно определяемый энергетико-личностный аспект и рассматривать преимущественно комплексный потенциал современных ведущих наций и крупных государств, то можно полагать, что внутренний ресурс таких европейских стран, как Великобритания, Германия, Франция, Греция, Испания, Италия, на сегодняшний день является полностью раскрытым и в значительной мере исчерпанным. Их стремление к взаимному объединению и созданию единого Европейского союза, с одной стороны, говорит об их намерении сохранить своё укрупнённое совместное влияние на все европейские страны и мир в целом, но, с другой стороны, свидетельствует об определённом ослаблении внутреннего потенциала каждого из этих некогда могущественных государств и стремлении восполнить его с помощью искусственного и принудительного привлечения суммарного общеевропейского потенциала. Столь же несомненным представляется и полное самораскрытие историко-национальных потенциалов в современных условиях таких восточных государств, как Япония и Южная Корея. В очередной раз на новом историческом витке постепенно раскрывается потенциал древнейших могущественных цивилизационных историко-национальных комплексов – Китая и Индии. Но более всего сегодня реализуется вовне потенциал Соединённых Штатов Америки, превратившихся не просто в мирового лидера, но в доминирующую силу современного мирового развития. Видный американский политолог, социолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский, известный своей откровенной недружественностью к СССР и не пылающий любовью к России вообще, следующим образом определил нынешнюю расстановку сил на мировой арене. «*…Россия,* - сказал он в интервью Русской службе Би-би-си, - *это сильная держава, держава мирового уровня.*

Но она – не доминирующая в мире держава. В той же лиге есть ещё несколько таких держав. А Соединённые Штаты сейчас более суверенны, чем другие, но эра 1990-х и начала этого века – эра абсолютного господства США – закончилась». Суверенность США в устах американского политического ястреба означает оценку потенциала Соединённых Штатов как мирового самодостаточного лидера. Но вовсе не их абсолютное господство, которое, по признанию апологета США, сегодня закончилось. Фраза звучит одновременно горделиво и в какой-то мере трагически. Она позволяет думать, что наиболее дальновидные приверженцы американизма начинают прозревать и подозревать, что мощно раскрывшийся потенциал Соединённых Штатов уже прошёл пик своей самореализации и что за ним вполне может последовать его истощение и угасание.

8

Россия до сих пор развивалась рывками, спуртообразно раскрывая свой государственно-национальный потенциал в ответственные для себя исторические моменты, причём постоянно догоняя более развитые страны, но не уходя от них в отрыв. Дважды в своей истории – в 1812 и 1945 годах – Россия имела возможность, злоупотребив своим могучим военным потенциалом, добиться если не мирового господства, то, по крайней мере, всеми признанного мирового лидерства. Но оба раза она благоразумно удерживалась от этого рокового для себя шага и возвращалась к своему привычному догоняющему состоянию. Думается, тем самым Россия берегла себя для будущего. Наша французская соотечественница, видный западноевропейский историк и политолог Элен Каррер д`Анкос в девяностых годах прошлого века в беседе с журналистом Владимиром Большаковым утверждала: «*В конце XIX века Россия показала огромный динамизм. Её развитие было изумительным. Этого никто не ожидал. Это показало, какой гигантский потенциал есть у русского народа. Страна – великая*». Создаётся впечатление, что уже до революции, несмотря на свои «*отсталые*» формы социально-политического устройства, Россия была близка к тому, чтобы по-настоящему раскрыть свой внутренний потенциал. Первая мировая война, социалистическая революция и братоубийственная гражданская война серьёзно подорвали его. И остаётся только удивляться, как большевикам удалось в очень короткие сроки не только восстановить его, но и значительно приумножить. Сегодня в силу не только внутренних причин, но и в связи с углубляющимся мировым духовно-цивилизационным кризисом от России требуется раскрытие её внутреннего потенциала в значительно большей степени, чем когда бы то ни было. Причём эта настоятельная потребность обусловливается вовсе не проблемами восстановления утерянного Россией её великодержавного престижа, а сугубо прозаическими соображениями элементарного выживания и сохранения своего государственно-национального суверенитета. В истории вообще, а в современной российской истории в особенности ничто не происходит само собой, не даётся даром - за всё надо бороться, драться не жалея сил и самой жизни.

Российский либерализм в качестве своей главной политической задачи в современной России поставил цель всемерного и полного раскрытия прежде всего демократического потенциала страны. При этом вопрос о выборе оптимальной модели демократического развития российского государства в России даже не обсуждается, хотя в образцово демократической Европе эта проблема считается вполне обсуждаемой и до конца не решённой. В интеллектуальных кругах нашей страны всё больше зреет убеждение в том, что Россия должна вырабатывать свою собственную модель демократии, максимально учитывающую её духовную, культурную, национальную и политическую традицию, её внутренний потенциал. И, тем не менее, российская элита упорно заставляет страну и народ идти исключительно по пути либеральной демократии, объясняя все её очевидные провалы нехваткой именно либерализма в российской демократии. Бесконечно углубляя угодливо прозападный либеральный демократизм и беспредельно расширяя сферы нашего лояльно-уступчивого сотрудничества с Западом, мы никогда не добьёмся

от него ни любви, ни дружбы, ни уважения, но лишь укрепим и многократно усилим его укоренённое в веках пренебрежение нами. В восьмидесятых-девяностых годах прошлого века мы исчерпали ресурс горделивой вражды с Западом. Сегодня же на исходе наш ресурс неразделённой любви к Западу. В условиях этого двойного провала нашего политико-идеологического курса нам необходимо обратиться к другому нашему важнейшему ресурсу, который неоднократно спасал нас на нашем трудном историческом пути. Иван Ильин в статье «*Почему мы верим в Россию?*» писал: «*Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа… Без веры в Россию нам и самим не прожить, и её не возродить*». Вера в Россию и в благие силы русского народа, может быть, и есть тот неистощимый внутренний потенциал России, который позволял россиянам в течение многих веков бороться, стоять и побеждать и который должен послужить им на много веков вперёд.

То, чем мы привыкли гордиться до сих пор, имея в виду громаду территории нашей страны, богатейшие залежи недр российской земли, её несметные наземные природные ресурсы, многочисленность и многообразие российского народа, традиционно мощные вооружённые силы нашего государства, нашу героическую историю и нашу признанную в мире культуру, - всё это я отношу, как это ни обидно звучит, в основном к нашему мнимому потенциалу. Как показали события двадцатилетней давности, любую из этих составляющих, нажитую веками, можно растерять и растратить в самый кратчайший срок, причём растратить едва ли не полностью, до настоящей нищеты. Взять хотя бы такой, казалось бы, незыблемый потенциал, как культура, и сравнить нынешнее её состояние с дореволюционным и советским периодами. Сразу же бросается в глаза не просто наша нынешняя отсталость в этой области от прошлых времён, но настоящее впадение в духовную нищету, доходящую порой до маразма. И это всего лишь за двадцать лет безраздельного хозяйничания в стране просвещённого либерализма, самим своим происхождением призванного нести гуманистические идеи в массы. То же самое можно сказать о нашей территории, природных ресурсах, народе, армии и истории. Всё это вторично, производно и зависимо от чего-то более глубинного, сосредоточенного не в земле и не в государстве, а душах людей. Русско-российский народ всегда отличала от других народов более крепкая вера в самого себя, в его уникальную и неискоренимую способность к духовному самоочищению и самообогащению, а также в востребованность человечеством того духовного блага, которое именуется русским словом доброта. Этими-то важнейшими качествами в чрезмерном количестве всегда обладал русский человек и они-то и составляют самое большое богатство и великий потенциал России. Применительно к выпавшим на долю русского человека и России в целом кризисным испытаниям должен быть также вполне реализован действенный ресурс нашей веры в Бога, который в той или иной мере проявлялся во всей нашей предыдущей жизнедеятельности и который мы сострадательно к человеку и человечеству накапливали до сих пор в своей душе в наших личностных земных страданиях. Главное для нас сейчас – не страшиться и не унывать, верить в добро и его несокрушимую силу, вновь уверовать в себя и послужить своему Отечеству в этот наш нынешний критический час своей истории. Всё остальное будет зависеть от Бога и от характера реализации всем человечеством своего предназначения.

* * *

Русских сказок, раскрывающих внутренний потенциал России, великое множество. Собственно говоря, весь русский сказочный мир вращается вокруг этой главнейшей для русского человека темы, да и сами сказки – это наш богатейший духовный потенциал, на котором в той или иной мере воспитываются практически все входящие в мир поколения русских детей. Каждая сказка отображает какую-то одну из граней нашего духовного потенциала, но поодиночке они не способны раскрыть всю его полноту. Поэтому я взял

две небольшие сказочки, принципиальные, как мне кажется, для нашего сегодняшнего дня, но тоже далеко не полностью отвечающие задаче комплексности представления нашего потенциала. Первая из них – «*За лапоток – курочку, за курочку – гусочку*». Её сюжет прост до примитивности, но и характерен для нас до роковой неизбежности. Это сказка о возрастающем плутовстве лисы и беспредельной простоте русских людей. Героиня-лиса, найдя «*лапоток*», запросилась к мужику заночевать и попросила положить её лапоть для сохранения в курятник. Ночью она его выбросила и затребовала за него курочку. У другого мужика за припрятанную курицу она потребовала уже гусочку, у третьего – барашка, у четвёртого – бычка. Всю эту живность она передушила, мясо припрятала, а шкуру быка набила соломой, чтобы поглумиться над вечными своими соперниками – медведем и волком. Последние, разозлённые отказом быка идти, разорвали его, но обнаружили только шкуру да солому. Героем второй сказки - «*Конь, скатерть и рожок*» - является безымянный дурак, сын безымянной старухи. Посадив в саду три найденные горошины и поймав затем на выросшем горохе вора-журавля, дурак получил от него в виде откупного сначала волшебного коня, затем – волшебную скатерть и напоследок – волшебный рожок. Конь имел свойство рассыпаться в серебро, скатерть давала возможность наесться-напиться, а рожок вызывал двух молодцев с дубинами, которые «*утюжили*» слишком требовательных заказчиков. Испытав прелести журавлиных гостинчиков на себе и на маменьке, дурак задумал задать пир и созвал господ и бояр. Ублажив гостей питьём и яствами и дав им возможность набить карманы серебром, дурак не отказал им и в забаве с рожком. Когда же побитые гости отдали украденные деньги и разбежались, дурак с матерью, конём, скатерью и рожком стал жить да поживать да больше добра наживать.

Первая сказка с предельной чёткостью раскрывает обманный механизм нарастания заёмного капитала-потенциала, который даёт фактическую прибыль только эгоистичному и бессовестному хитрецу, оборачиваясь для честных и добросовестных людей очевидными и существенными убытками. Причём честные труженики наказываются и расплачиваются своим благоприобретённым добром вовсе не за жадность или неумеренность, а именно за свою чрезмерную доверчивость, простоту и порядочность. Жадность же и неумеренность караются плутом с беспощадной насмешкой, получая взамен вожделенной поживы фактическую пустышку. Во второй сказке речь идёт уже о реальном капитале-потенциале, доступном при благоприятных условиях даже дураку. Но дурацкий потенциал обусловлен рожковым ограничителем, предусматривающим жестокую кару за чрезмерные требования, выходящие за пределы бытийной достаточности и человеческого разумения.

Совокупная мораль двух этих незамысловатых русских сказок сводится к поучению об ущербности излишней простоты и доверчивости, о необходимости проявления бдительности в отношениях с завзятыми хитрецами, о спасительности недоверия к разного рода чрезмерным дарам и посулам, о разумности и рачительности в распоряжении собственными земными богатствами и небесными дарами, об опасности всякого рода избыточных прихотей и искушений. Переводя всё на современный язык, можно сделать вывод о том, что наши мудрые предки советуют нам не гоняться за призрачными заморскими миражами и не поддаваться на всякого рода хитроумные уловки и посулы, но убеждают жить исключительно своим умом, согласно своим традициям, честно и добросовестно трудиться, наращивать собственную мудрость и дорожить всем тем, что мы реально имеем. Так жили и выживали веками наши предки. Так завещают они жить и нам, терпеливо и разумно изживая свои временные трудности и преодолевая минутные слабости и соблазны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ЕВРОПА И РОССИЯ - РОДСТВО ИЛИ ПРОТИВОБОРСТВО?

Видно уж Дунай с Волгой не сойдутся.
Немец своим разумом доходит, а русский глазами.
Я русский, на манер французский, только немного погишпанистее.

Русские пословицы

1

Историческое сосуществование Европы и России следует определить как многовековое балансирование на грани войны и мира, вражды и дружбы, соперничества и сотрудничества, противоборства и родства. Французское слово «*баланс*» («*balance*») в первичном своём значении означало весы, но в более позднем абстрактном понимании приобрело характер равновесия. В таком виде оно и перешло в общемировую терминологию, распространившуюся не только на мир чисел и соотношение физических сил, но и на социально-духовную сферу. В современной трактовке баланс определяется не только как равновесие, но и как уравновешивание, то есть рассматривается больше в динамике, чем в статике. Владимир Даль вводит это слово в свой «*Толковый словарь*» и тем самым как бы признаёт его русскость. Но сам трактует баланс в первую очередь как «*перевес, бытие на перевесе, в равновесии, на весу*» и лишь затем определяет как «*равновес, равновесие*». Все эти тонкости смыслового наполнения общепринятого термина баланс я привожу не для каких-то лингвистических упражнений, а с целью лучшего понимания тонкости, хрупкости и парадоксальности исторических и современных взаимоотношений России и Западной Европы. Если под балансом понимать устойчивое, равнодейственное и обоюдособлюдаемое равновесие (фактический паритет), то вряд ли можно определить именно этим словом наши сложные и запутанные отношения с Европой. К ним больше применимо, на мой взгляд, именно уравновешивание - как некий колебательный процесс, постоянно стремящийся выйти за рамки взаимоприемлемого равновесия и с трудом восстанавливающий и вынужденно удерживающий общее равновесное статус-кво.

Проблема балансировки российско-западноевропейских отношений коренится не столько в реальном практическом взаимодействии России и Запада или их жёстком противодействии друг другу на определённом временном или общеисторическом пространстве. В этом плане сами европейские государства, соперничая друг с другом, нередко выпадали из трудно удерживаемого общеевропейского баланса. Сложность российско-западноевропейской балансировки отношений принципиально заключалась и заключается ныне в другом. А именно в решении гипотетической задачи, считать ли Россию европейским государством (то есть органической составной частью Западной Европы), либо относить её к азиатским или каким-то другим особым типам государств, стран и народов, выпадающих из системы и структуры западноевропейской цивилизации. Процессы взаимного притяжения и взаимного отталкивания России и Европы в их тысячелетней истории следовали один за другим, словно океанские приливы и отливы, оставляя каждый раз после себя заметные следы плодотворного созидания или варварского разрушения. Чья большая вина в порождении неизбывного взаимного недоверия между Россией и Западной Европой, сегодня определить не представляется возвожным. Скорее всего, и в этом явлении следует иметь в виду некий баланс, предусматривающий не только балансировку, но и разбалансировку с трудом достигаемого временного равновесия.

Если брать сугубо российскую сторону, то в ней наряду с заметными силами общественного притяжения к Европе (так называемыми западниками) всегда были весьма ощутимы и силы антиевропейского отталкивания (условно называемые славянофилами), получавшие иногда полное и несомненное превосходство. Отражая общественные настроения так называемой николаевской эпохи, современник Пушкина, профессор

Московского университета Николай Надеждин писал в 1836 году в основанном им журнале «*Телескоп*»: «*Наше отечество, по своей беспредельной обширности, простирающейся через три части света, имеет полное право быть особенною, самостоятельною частью вселенной. Ему ли считать для себя частью быть примкнутым к Европе, к этой частичке земли, которой не достанет на иную из его губерний*». Здесь явственно читается стремление какой-то части российского общества и российской элиты к обособленности от Европы, сопряжённое с проявлениями патриотической гордыни и даже показного пренебрежения к какой-то весьма незначительной «*частичке земли*». Но следует иметь в виду, что эти горделивые слова были сказаны русским патриотом после более чем столетней петровско-екатерининско-александровской стремительной гонки за цивилизованной Европой, обернувшейся варварским нашествием Наполеона на Россию. К тому же на горизонте, по-видимому, уже маячила Крымская война 1853-1856 годов, в которой в борьбе против России объединились силы Востока (Османская империя) и Запада (Британская и Французская империи и Сардинское королевство). Но самое парадоксальное в надеждинском отречении от Европы заключалось в его непоследовательности. Ибо сам Надеждин пострадал в том же 1836 году именно за публикацию «*Философических писем*» Петра Чаадаева, отличавшихся явными прозападными настроениями и критицизмом в отношении России.

2

В русском народе не было какого-то обобщённого понимания Запада как единого целого. Даже конкретные страновые представления не очень озабочивали сознание простых русских людей. Но они были очень внимательны к проявлениям людских характеров и в обобщении специфических национальных черт доходили порой до самой сути. Больше всех из западноевропейцев привлекали внимание простых русских людей немцы. С одной стороны, немцев всегда было довольно много на Руси и в России, и они чаще других попадали на глаза русским людям, в том числе и из низовой, крестьянской среды. Кроме того, с немцами русские довольно часто участвовали в совместных боевых действиях, то будучи их союзниками, то воюя с ними. Как бы то ни было, но в далевских пословицах немцы занимают первое место среди других европейских наций. В этих пословицах наши извечные друзья-враги выглядят следующим образом: «*родом не немчин, а указывать горазд*»; «*немечина хитрая, безверная, басурманская*»; «*немец своим разумом доходит* (изобретает)*, а русский глазами* (перенимает)»; «*русский час – десять, а немецкому и конца нет*»; «*у немца ножки тоненьки, душа коротенька*»; «*настоящий немец* (точен, педант, причудлив)»; «*прусский гут* (хорош)*, а русский гутее*». Здесь бросается в глаза смесь недоброжелательства (особенно в причислении немцев к азиатам-басурманам), невольного уважения (своим разумом доходит), обывательской зависти и пытливой наблюдательности. Разумеется, не обошлось и без патриотического бахвальства. Но в целом эти характеристики следует признать довольно объективными, лишёнными фанатической национальной пристрастности.

Характеристики представителей других европейских наций не столь развёрнуты. В них акцентируется внимание лишь на самых общих чертах национальных отличий. Так, настоящий англичанин в представлении русских людей, по определению Владимира Даля, «*корчит барина, тороват, чудак и делает всё по-своему*»; сущий француз - «*говорлив и опрометчив*»; сущий итальянец - «*пройдоха*». Некоторые русские пословицы определяют одинаковыми словами представителей разных наций. Например, пословица «*у немца ножки тоненьки, душа коротенька*» в равной мере относилась и к французу, а характеристика «*француз боек, а русский стоек*» применялась и в отношении поляка. В этом случае представители европейских наций выступают в пословицах преимущественно в качестве общего фона для лучшего выявления и подчёркивания специфических черт прежде всего русского человека. В первой из них акцентировалось внимание на широте

русской души, во второй – на стойкости русского характера. В этом плане наиболее показательна и вынесенная в эпиграф к данной главе пословица - «*я русский, на манер французский, только немного погишпанистее*». Здесь русский человек вовсе не противопоставляется европейцу, а трактуется именно как европеец (на манер французский), но не уподобленный какой-то отдельно взятой европейской нации, а вмещающий в чебе черты разных европейских наций, причём какие-то из них – в превосходной степени.

Применительно к последней пословице, думается, вполне уместно вспомнить известные слова Михаила Ломоносова о необычайном богатстве русского языка. «*Карл V, римский император*, - писал он, - *говаривал, что гишпанским языком с Богом, французским - с друзьями, немецким – с неприятелями, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём: великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатства и сильную в изображении краткость греческого и латинского языков*». Заметим, что у Ломоносова нет и слова или намёка на каких-то басурманов. Все названные языки – сугубо европейские, и характеризуются они вполне уважительно. Да и о русском языке хотя и говорится как о языке универсальном, но опять-таки в отношении куста европейских языков. То есть Ломоносов, даже несмотря на всю сложность и натянутость своих личных отношений с господствовавшими в российской науке немецкими коллегами, не только не противопоставляет «*российский*» язык (и его носителя – русский народ) ни немецкому, ни другим европейским языкам (и народам), а, наоборот, фактически отстаивает их родство и полную общую совместимость. Другими словами, «*российский*» язык и русский народ рассматриваются основателем российской науки как полноправные члены общеевропейского сообщества языков и народов.

3

В вышедшей в 2010 году книге «*Пришествие нации?*» главный редактор журнала «*Москва*» Сергей Сергеев, утверждая, что русский национализм есть последний шанс России, вводит термины «*другая Европа*» или «*Русская Европа*». Уточняя свою точку зрения оппоненту Сергею Иванникову на интернетовском форуме, Сергеев поясняет: «*Я всё же считаю русских европейцами, хоть и своеобразными, запаздывающими*». В книге же утверждает: «*Понимание России как другой Европы гораздо более продуктивно, реалистично, наконец, ближе к историческим фактам, чем пресловутое евразийство*». Все надежды на благополучное европейское будущее России автор связывает с тем, что русские наконец-то, по его мнению, состоятся как европейская нация и социально-политически утвердят себя как доминирующий этнос в России. Но он вовсе не уверен в практической реализации данной идеи, а потому гипотетическое «*пришествие*» русской нации в России и Европе ставит под вопрос. Вся книга, да и отстаиваемая автором весьма сложная и не очень твёрдая позиция представляют собой клубок тупиковых размышлений, обрывочных убеждений и безысходных сомнений русского интеллигента нулевых годов двадцать первого века, пытающегося обрести выбитую из-под ног реальную российскую почву, но тонущего под грузом своей собственной душевной неустойчивости и всё разъедающего ментального релятивизма.

Русская или другая Европа в понимании Сергея Сергеева – это вовсе и не Европа как таковая, а некий скрытый европейский потенциал или страновой субстрат, долженствующий развиться в Европу, но вечно запаздывающий в своём развитии и не могущий по-настоящему реализоваться. В таком подходе реальная (и очень противоречивая сама по себе) Европа представляется недостижимым идеалом для российского народа и русского этноса, который, став подлинной европейской нацией, мог бы принести, по мнению Сергеева, несомненную пользу России и Европе, но, на взгляд патриота-скептика, это вряд ли случится из-за непреодолимой российской отсталости.

Именуя Россию другой Европой, Сергеев не только не настаивает на особом историческом пути нашей страны, а, наоборот, стремится доказать несостоятельность идеи «*пресловутого евразийства*», настаивающего на обратном. Не очень уверенный в своих убеждениях и выводах, раздираемый собственными внутренними сомнениями и противоречиями, Сергей Сергеев претендует, как мне кажется, лишь на то, что его упадочническая в своей сути идея о скрытой тупиковости развития современной России, по его мнению, «*гораздо более продуктивна*» по сравнению с жизнеутверждающей евразийской идеей. То есть лучше быть честным и умным пессимистом, чем заблуждающимся и глупым оптимистом. Для русского интеллигента скепсис и пессимизм всегда были явно предпочтительнее веры и оптимизма.

Я в корне не согласен с философско-социальным кредо Сергея Сергеева, но полагаю, что можно поблагодарить его за сам термин другая Европа и его размышления о Русской Европе. Вовсе не сегодня, но на протяжении всего своего тысячелетнего развития Россия была и остаётся именно другой Европой, но не отсталой или запаздывающей, а вполне самодостаточной и самостоятельной, идущей с условной, абстрактно воспринимаемой Европой параллельным курсом. Можно сопоставлять Россию конкретно с Германией, Францией или Великобританией на определённых этапах их развития и говорить о российской отсталости в сравнении с каждой из них в каких-то конкретных областях. Думается, такое сопоставление правомерно и оправданно. Но я бы поостерёгся при этом утверждать, что такое сравнение будет обязательно не в пользу России. Да, Германия, Франция и Великобритания вносили что-то своё, сугубо им присущее, в общеевропейское развитие, будучи в чём-то, действительно, в какие-то моменты передовыми в экономическом и промышленном отношении и наиболее политически прогрессивными странами. Однако России всё время приходилось ориентироваться не столько на каждую из этих стран в отдельности, сколько на весь комплекс их суммарного развития, учитывая при этом не только сильные стороны, но и несомненные слабости конкретно взятого европейского государства. Именно потому Россию не очень заботили отдельные достижения той или иной европейской страны, что она, будучи другой Европой, соперничала в конечном счёте не с ними, а с Европой в целом, имея за своей спиной ещё и «*другую Азию*».

4

Такой параллелизм исторического сосуществования Русской Европы с другой Европой до «*либеральной революции*» (странное словосочетание, не правда ли?) девяностых годов прошлого века никого из серьёзных аналитиков не смущал, но, наоборот, воспринимался как реальный факт и как норма их взаимозависимого развития. Все реформаторские рывки в своём развитии Россия осуществляла именно тогда, когда вся совокупность европейских стран переходила на новый этап своего суммарного развития. Исключительно в этот момент, не раньше и не позже, Россия всегда по своей воле предпринимала шаги по выравниванию своего экономико-социального баланса с другой Европой. Все разговоры об отсталости России имеют сугубо субъективную и эмоциональную окраску, но к объективной, фактической стороне реального развития России и Европы в целом не имеют никакого отношения. Саму постановку вопроса о некой запоздалости развития нашей страны можно отнести к внутренним и внешним стимулам включения неких дополнительных ресурсов, но реально Россия всё же развивалась всегда и развивается ныне не в соответствии с этими искусственными стимулами, а сугубо по своим внутренним законам и строго ориентируясь не на возможность или допустимость того или иного своего исторического шага, а на его необходимость и неизбежность.

Революция 1917 года, долженствовавшая, по замыслу большевиков, «*поджечь запал*» мировой революции и дать мощный толчок утверждению социализма на планете (в Европе в первую очередь), обернулась в конечном счёте жёстким размежеванием России с

другой Европой. Между коммунизированной Россией и другой, буржуазно-капиталистической Европой выросла мощная стена непонимания и отчуждения, физическим олицетворением которой стала пресловутая Берлинская стена. Либеральная «*революция*» 1991 года окончательно сломала эту стену, довершив в глобальном масштабе процесс стирания граней между двумя Европами, начатый горбачёвской ломкой реальной Берлинской стены. По замыслу радикал-либералов, для Русской России и другой Европы наступил решающий исторический момент: обе половины Европы должны были слиться воедино в процессе мировой либеральной революции. Но, когда революционная пена схлынула, выяснилось, что никакой либеральной революции в мировом масштабе не произошло, что мир и Европа остались самими собой и что лишь на Россию было возложено экспериментальное бремя радикал-либерализма со всеми вытекающими из него уродливыми последствиями. Не делая реальных шагов навстречу Русской России, другая Европа великодушно согласилась принять либерализованную и усмирённую другую Россию в своё буржуазно-капиталистическое лоно, но на весьма жёстких условиях, суть которых сводилась к отказу России от своего инобытия, то есть от своего самопонимания и самоощущения как другой Европы.

Нелепость такой грубой постановки вопроса в решении общеевропейских и мировых проблем и совершенную неприемлемость её для России ныне начинают понимать даже некоторые идеологи российского либерализма. «*Русских в Европе,* - утверждал один из лидеров так называемого «*правого дела*», политолог Георгий Бовт, - *никогда не примут за «своих»*». Ключевым смысловым акцентом в этом утверждении является слово «*никогда*». Это, казалось бы, полное и безоговорочное признание раздельности пути и сущностной несовместимости России и другой Европы, причём даже с учётом пылкого желания самой России стать «*своей*» в Европе. С учётом этого неоспоримого факта господин Бовт предлагает взять да и перестать пытаться соответствовать и прекратить жить напоказ. В этом нельзя с ним не согласиться. Думается, подавляющее большинство наших исторических бед мы могли бы избежать, если бы не были такими эмоционально мнительными и зависимыми от чужого мнения и если бы мы спокойно и разумно занимались своими практическими делами, не обращая на других особого внимания. Но мы и в этом – совершенно другие. Нам до сих пор всегда чуть-чуть не доставало характера сосредоточиться целиком и полностью на своём собственном развитии, веря в свои силы и в свои способности и не стремясь догнать или перегнать других. В этом плане нельзя не позавидовать рассудительности убеждённого либерала Бовта и не поблагодарить его за присутствие здравого смысла, если бы не одно «*но*». Настаивая на якобы независимом пути развития чуждой Европе России, он, собственно говоря, не о самой России печётся, а о том, чтобы Русский мир как цивилизация и как образ жизни, построенный на самоуважении и на осознанной самими гражданами как жизненная необходимость демократии, добился в конечном счёте «*уважения во всём остальном мире*», то есть в той же самой другой Европе. Другими словами, нас опять хотят обязательно подключить к другой Европе, но дают нам возможность как бы добровольно идти к этому благословенному историческому моменту с сохранением видимости самостоятельности.

5

Неортодоксальные размышления ортодоксального российского западника Георгия Бовта о возможности и необходимости на данном этапе самосовершенствования русской цевилизации, при всём их, казалось бы, сугубо личностном аспекте, вовсе, на мой взгляд, не случайны и отнюдь не единичны. В интервью «*Голосу России*» 12 марта 2010 года Наталья Нарочницкая привела такой примечательный факт. «*В целом*, - отметила она, - *ощущение, что ни Германии, ни Франции совершенно невыгодно сейчас ссориться с Россией. Я вспоминаю выступление Франсуа Фийона* (премьер-министр Франции – А.А.) *на ярославском форуме, где он просто сказал: «Нам нужна Россия, гордая за свою*

историю»». На этом основании Наталья Норочницкая как глава российского представительства Института демократии и сотрудничества во Франции делает вывод о несомненном росте авторитета России в Европе. Это для нас сегодня, разумеется, очень важно. Ибо после развала Советского Союза и особенно в результате уничижительной либеральной промывки мозгов самосознание и самоощущение российского народа (русских в особенности) оказалось буквально на нуле. Но в приведённом ею факте для нас должно быть значимо уже не столько европейское воззвание к российскому государственно-национальному достоинству, сколько признание возможности и целесообразности самобытного, независимого от Европы развития России и готовность (по крайней мере на словах) европейских идеологов и лидеров к партнёрскому сотрудничеству с Россией, гордой за свою историю. Однако, судя по развязыванию в 2011 году именно Францией европейской войны против суверенного государства Ливии под предлогом отстаивания мировых демократических ценностей, думается, что интерес к России у Европы пока весьма специфичен и, по-видимому, очень далёк от подлинного миросозидания и миротворчества. Скорее всего, речь идёт о каких-то сложных многоходовых закулисных политических манёврах, на которые европейцы великие мастера, с целью использования в очередной раз «*гордой*» России в прагматических, сугубо европейских интересах, связанных с какой-нибудь очень крупной игрой против кого-то третьего – будь то Соединённые Штаты Америки или Китайская Народная Республика.

Реалии пока таковы, что на протяжении всего минувшего тысячелетия в партнёрских отношениях России с другой Европой наша страна рассматривалась последней исключительно в качестве младшего партнёра - чем-то наподобие преданного и абсолютно здравомысленного крестьянина-оруженосца Санчо Панса при благородном рыцаре Дон Кихоте. В качестве крепкого и надёжного оруженосца, спасавшего всякий раз Европу от затеваемых ею же опасных авантюр, Россия всегда приветствовалась и наделялась лестными эпитетами. Но по миновании опасности нашей стране надменно указывалось на её лакейко-варварское место, а потом, при очередном сгущении туч, вновь начинались игры в любовь и уважение. В этом плане нельзя не согласиться со скептицизмом трезвого и вдумчивого аналитика Виталия Третьякова в его оценке современных российско-американских и российско-европейских отношений. «*У меня,* - подчёркивал он, - *нет никакого сомнения в том, что США пожертвуют Россией и всеми остальными, как только для них возникнет какая-то реальная опасность. И Евросоюз пожертвует Россией*». Мы, действительно, видим сегодня, как в условиях углубляющегося мирового финансово-экономического кризиса и США, и Евросоюз, вместо объединения усилий в поисках плодотворных общих решений, проявляют готовность и способность жертвовать чем угодно и кем угодно ради спасения собственного весьма комфортного благополучия. На фоне лицемерной европейско-ливийской войны, своекорыстного американо-иранского противостояния и инспирированных извне бунтов низов против верхов в арабском мире всё больше крепнет убеждение, что гордой Россией они пожертвуют в первую очередь.

Если трезвым взглядом (не через розовые очки российских либералов-западников) посмотреть на историю российско-европейских отношений с самого их зарождения, то придётся признать, что жертвование Россией являлось не только привычной разменной монетой замирения едва ли не всех мировых и внутриевропейских конфликтов, но и прагматическим способом решения европейскими государствами своих внутренних проблем. Достаточно вспомнить антироссийский сговор Англии, Австрии и побеждённой Франции в ходе Венского конгресса 1814-1815 годов, вероломство Австро-Венгрии, Великобритании и «*нейтральной*» Германии в отношении России на Берлинском конгрессе 1878 года, Мюнхенское соглашение (именуемое в России сговором) Великобритании, Франции, Германии и Италии 1938 года, спровоцировавшее захват Германией Судетской области в Чехословакии и нападение Гитлера на Польшу и

Советский Союз. К этому ряду жертвований Россией с полным основанием следует отнести и так называемые Беловежские соглашения, подписанные Борисом Ельциным, Станиславом Шушкевичем и Леонидом Кравчуком в 1991 году, по сути, под дикотовку Запада и Соединённых Штатов Америки. Иначе, с какой бы стати заявлять Маргарет Тэтчер в Хьюстоне за две недели до этого события: «*Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза*», а Джорджу Бушу официально объявлять 25 декабря 1991 года: «*Несмотря на потенциальную возможность нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим интересам*»? Вот уж воистину прав российский эмигрант Александр Зиновьев с его афоризмом – «*метили в коммунизм, а попали в Россию*». Прав, однако, с одной маленькой поправкой: они и метили-то, как всегда, не в коммунизм, а именно в Россию, которую с лёгкой душой обрекали на нестабильность и хаос в угоду своим собственным меркантильно-ростовщическим интересам.

6

Чем объяснить почти патологическое неприятие России Западом? Этим вопросом задавалось не одно поколение русских людей, в том числе и потомки тех россиян, что покинули страну после революции 1917 года и в целом негативно относились к советскому строю и коммунистическому режиму. Владимир Большаков в книге «*Парижские тайны*» приводит размышления на этот счёт видных российских соотечественников, личностно состоявшихся в Западной Европе, но сохранивших сердечную привязанность к России. «*Уже одни размеры России*, - отмечал в беседе с ним известный в России и за рубежом английский актёр и писатель Питер Устинов, - *заставляют людей нервничать. На Западе всегда боялись её потенциала... На Западе не хотят понять, что у русских в силу самой их истории… существует естественное стремление защитить себя и свою независимость от любого агрессора*». «*Европейские страны*, - в свою очередь подчёркивала французский академик Элен Каррер д'Анкос, - *чувствуют себя с Россией неуютно. Здесь не понимают, что такое Россия. Для многих это какой-то зверь… Запад должен понять, что Россия – это часть Европы*». Из этих слов складывается впечатление, что Запад воспринимает Россию не умом и не сердцем, а каким-то закоренелым животным инстинктом – где-то на уровне рефлексов. И Питер Устинов, и Элен Каррер д'Анкос, не сговариваясь, выделяют одну и ту же характеристичную деталь: на Западе Россию не только не понимают, но и не хотят понять. И в то же время страшатся её, причём страшатся на уровне фобий, чувствуют себя с Россией «*неуютно*». Может быть, это происходит именно потому, что на Россию нападали чаще всего именно с Запада? И эти страхи – всего лишь невольное, не просто скрытое, а глубоко упрятанное внутрь чувство вины перед Россией, выливающееся вовне нарочито подогреваемой хронической враждебностью, надменностью и неприязнью. Только в этом случае становится вполне объяснимым упорное нежелание Запада понять Россию: так удобнее кривить душой и с русскими «*дикарями*», и с самими собой – такими гуманными и очень цивилизованными. Может, и мы сами постоянно льнём к Европе исключительно ради того, чтобы доказать ей наше искреннее великодушие и всепрощенческое чистосердечие и в конце концов опровергнуть европейский миф о нашем «*зверстве*»? Однако таким способом мы не только не добьёмся подлинного понимания со стороны упорно отталкивающей нас Европы, но ещё и усилим европейские фобии: раз прикидываются добренькими, значит - что-то замышляют!

Не ограничиваясь гипотетическим заподозриванием России в её потенциальной злонамеренности, западные идеологи, не скрывающие своей враждебности к нашей стране и к русским вообще, стремятся подкрепить своё недоброжелательство собственной трактовкой, а, по сути, фальсификацией исторических фактов. Вопреки общеизвестному и исторически зафиксированному факту вероломного нападения фашистских войск в июне 1941 года на Советский Союз и реально проявленной жестокости гитлеровцев на

оккупированных европейских и советских территориях, в Западной Европе получил хождение тезис всего лишь об «*упреждении*» Гитлером агрессивных замыслов Сталина, по существу, прямо оправдывающий нападение Германии на СССР и косвенно - гитлеровские жестокости. Аналогичным образом уже в наши дни ответные жёсткие меры России против Грузии, проявившей 8 августа 2008 года откровенную агрессию в отношении осетинского народа и российских миротворцев, продолжают трактоваться на Западе как несомненное свидетельство извечной агрессивности русских. Тема ГУЛАГа, вброшенная на Запад русским «*патриотом*» Александром Солженицыным, была подхвачена там с непривычной для рациональной Европы эмоциональностью и раздута до общемировой кампании против сталинских зверств, против советского тоталитарного режима, против русской России и русского народа в целом. Факт сталинских репрессий, достигший апогея в 1936-1937 годах и не смущавший европейских союзников СССР в 1941-1945 годах в ходе совместной борьбы против жестокого общего врага, стал вдруг в восьмидесятые-девяностые годы прошлого века абсолютным жупелом. Именно он послужил обоснованием и оправданием навязанной Западом России гайдаровской шоковой терапии, вылившейся в самую настоящую агрессию против российского народа, русского - в особенности. При этом подразумевалось, что всё это время Запад оставался исключительно гуманным и цивилизованным, даже несмотря на то, что, по справедливому замечанию Исраэля Шамира, «*сталинские зверства*» и близко не могут конкурировать со зверствами США в оккупированной Германии, с ядерной бомбардировкой Хиросимы, со сброшенными на Токио зажигательными бомбами или с миллионами убитых вьетнамцев и алжирцев. В таком подходе вовсе не идёт речи о так называемых двойных стандартах, характерных для политиков вообще (и наши политики в этом плане - тоже не безгрешны). Антироссийскость и антирусскость выступают на Западе именно как привычный стандарт общего европейского отношения к России и к русским, который не в состоянии поколебать ни несомненные исторические факты, ни реальные события современности, говорящие в пользу России и русских.

Этот антироссийский и антирусский «*евростандарт*» сложился очень давно. Возможно, со времён Александра Невского, отстаивавшего независимость ослабленной татаро-монгольским игом Руси от вторжения шведов, а также отборных войск Ливонского и Тевтонского орденов, действовавших под покровительством папы римского. Об этом красноречиво говорит воззвание Гонория III, обратившегося в 1227 году ко всем «*королям*» Руссии: «*Твёрдо соблюдая мир с христианами Ливонии и Эстонии, не препятствуйте успехам веры христианской, чтобы не подвергнуться гневу Божиему и апостольского престола, который легко может, когда пожелает, покарать вас*». Негативное предрасположение к России и русским, по-видимому, не могло не усилиться при Иване Грозном и Петре I, при которых Европа болезненно ощутила на себе нарастающее могущество Московского царства и Российской империи. Однако не подлежит сомнению то, что к началу девятнадцатого века европейский стандарт антирусскости и антироссийскости превратился в главенствующий принцип европейской политики. Анализируя российско-австрийские отношения в историческом контексте, авторы книги «*Русские в Австрии*» (Вена, 2009 год) не могли обойти вниманием Венский конгресс 1814 года. «*Российская империя,* - говорится в книге, - *вступала на Конгресс твёрдой и величественной поступью самой влиятельной державы в Европе, увенчанная славой спасительницы Европы от наполеоновского владычества. Результат ошеломляющий: секретная договорённость Англии (идеолог), Франции (интрига), Австрии и Пруссии (вероломство) о создании секретного военно-политического союза против усиления влияния России в Европе. Страны-заговорщицы обязывались выступить против России единым фронтом в случае вмешательства последней в интересы одной или нескольких из них. И к тому же Александр I втягивается в Священный союз с Австрией и Францией (апрель 1815 года) для совместного поддержания послевоенного мира и борьбы против распространения революционных идей*». В этих исторических

фактах поражает даже не то, как быстро наполеоновская Франция и её недавние злейшие враги Англия, Австрия и Пруссия нашли общий язык и тайно объединились против безусловной победительницы России. Ибо стандарт - он и есть стандарт, приобретающий характер некоего политического закона. Удивителен цинизм правителей Австрии и Франции, которые, тайно сговорившись против России, не видят ничего для себя зазорного в том, чтобы заключить с ней же официальный союз, направленный на укрепление их политических режимов. То есть доверять России, особенно когда она сильна, ни в коем случае нельзя, а использовать её в своих интересах не только можно, но и вполне этично. Вот это циничное пользование добрыми услугами России превратилось во второй стандарт российско-европейских отношений. Он-то со всей очевидностью и проявился в отношении Запада к советскому лидеру Михаилу Горбачёву, которому на словах были обещаны золотые горы в процессе развала Советского Союза, а затем к ельцинской России, опущенной де-факто после краха СССР до нулевого уровня своего развития.

7

Устойчивым европейским ментальным предубеждениям против России и русских мы противопоставляем, как мне кажется, не какие-то собственные антиевропейские стандарты, а скорее наши душевные и ментальные комплексы - очень сложные и запутанные, но в то же время необычайно устойчивые. Мы эти комплексы в себе не любим, иногда за них себя презираем, но никак не можем их преодолеть и избавиться от них, несмотря на понимание разумом их ущербности и старание освободиться от духовного рабства перед ними. Крупный николаевский вельможа, кавказский наместник Алексей Ермолов определял этот комплекс в своих «*Записках*» как «*доверенность, которой весьма легко предаёмся мы в отношении к иноземцам, готовы будучи почитать способности их всегда превосходными*». Если называть вещи своими именами, то это элементарный комплекс неполноценности, определяемый известным австрийским психологом, психиатром и мыслителем Альфредом Адлером как некое детское ощущение своей недостаточности по отношению к взрослым. Эту нашу закомплексованную детскость в отношении Европы отмечала Наталья Нарочницкая, осуждавшая инфантильное сахаровско-горбачевское новое мышление и с негодованием вопрошавшая: «*Разве на наших глазах не была продемонстрирована бессмысленность попыток угодить Западу, чтобы тот бедняжечка не пугался тоталитарного геополитического монстра и мог распространять свою цивилизацию и демократию наибыстрейшим способом - бомбами?*». На неё намекал Лев Аннинский, утверждавший, что бредовые перспективы для запредельных раннехристианских мечтаний разработали именно грамотеи «*уравновешенного Запада*», а русские безумцы лишь довели этот бред до убойной практики. О ней говорил 28 января 2010 года на интернетовском форуме его участник под именем «*Chech*», призывавший не верить американцам, которые «*развели*» Россию с помощью Горбачёва и Ельцина, «*заглядывавших в рот американским «друзьям»*».

Наверное, этот наш комплекс кажется европейцам глупым, бессмысленным и по-настоящему варварским. По-видимому, они рассматривают нашу нынешнюю детскую закомплексованность как очевидное проявление русско-российской слабости, робости и беззащитности. Но такой взгляд на нас неверен по той простой причине, что мы всегда были такими и что наша врождённая тактичность никогда не была исторически или политически связана с нашей способностью или неспособностью постоять за себя. Когда доходило до дела, мы очень быстро взрослели и по-взрослому, по-мужски давали отпор любому агрессору. С точки зрения европейских корифеев социальной психологии, никакого противоречия в этом факте нет. Более того, Альфред Адлер, например, усматривал в детском комплексе неполноценности «*компенсаторное стремление*» личности к развитию своего духовного потенциала, стимулирующего различные виды деятельности и в конечном счёте относил этот комплекс к основе всех человеческих

стремлений и успехов. Если спроецировать чисто личностный психологический аспект на понимание характера нации в целом, то, по-видимому, следует отнести русско-российский этно-социальный комплекс неполноценности не к недостаткам или слабостям русских и России в целом, а к их постепенно раскрывающемуся, но до конца ещё не раскрытому и, несомненно, весьма значительному внутреннему потенциалу. Разумеется, в этом комплексе для самих русских и России в целом заложено много ростовых издержек и разного рода практического негативизма, но для мира и человечества в нём может таиться немало нестандартных открытий и разного рода позитивных неожиданностей, выходящих далеко за пределы европейского стандарта.

Отмечая негативные черты русской детскости и главную из них - некий «*патернализм*», петербургский писатель и культуролог Андрей Столяров, тем не менее, подчеркнул: «*Если есть перед Россией действительная опасность, так это именно «повзрослеть». Из страны гениев превратиться в страну благополучных мещан*». Разумеется, гениев и на Западе пока хватает, хотя их количество в последнее время катастрофически сокращается. Мещан и у нас – хоть отбавляй, хотя и с ними в России в последнее время не так всё просто. А вот то, что нам надо перестать комплексовать по поводу нашей детскости и европейской взрослости – это не подлежит сомнению. Хотим мы того или не хотим, отдаём ли мы себе в том отчёт или не отдаём, нравится ли это нам или не нравится, но мы должны в конце концов признать, что Россия и Европа, будучи не просто соседями, но самыми настоящими континентальными родственниками, в то же время являются полными друг другу противоположностями, причём во всех сторонах жизни – политической, экономической, социальной, культурной и духовной. Это те самые нерасторжимые единство и борьба противоположностей, которые были превращены Гегелем в закон развития мира и человечества, без соблюдения которого не может быть нормального существования ни России, ни Европы. Мы уже столько веков противостояли друг другу, столько веков старались перетянуть чашу весов в свою сторону, но каждый раз вынуждены были признавать необходимость равновесия, что, думается, вполне окрепли умом и духом и созрели, наконец, для осознания плодотворности нормального сосуществования России и Европы в новом тысячелетии в дружественном и разумном взаимодействии. Чтобы восстановить взаимоуважительный баланс в развитии России и Европы, грубо нарушенный либеральной «*революцией*» 1991 года и шоково-терапевтическими ельцинско-гайдаровскими реформами, для нас, по-видимому, нет необходимости в том, чтобы как можно больше отдаляться от Запада и выстраивать с ним новую, какую-нибудь львовско-варшавскую стену отчуждения. Равным образом нет нужды и в нашем заискивании перед Западом ради завоевания его дружбы, не идущей дальше высокомерной учтивости и фамильярно-снисходительного похлопывания по плечу. Думается, нам надо последовать мудрому совету Ивана Ильина, разумно оценив нынешнее европейское «*зеркало враждебного мнения*» и максимально использовав негативную для нас ситуацию для приобретения силы характера и самопознания.

8

Николай Надеждин в заключение статьи «*Европеизм и народность, в отношении к русской словесности*», процитированной в начале главы, писал: «*Нам надо ещё учиться, да, учиться у Европы; но не с тем, чтобы потерять свою личность, а чтоб укрепить её, возвысить!*». Завет, высказанный почти двести лет назад патриотически настроенным русским интеллигентом, как никогда актуален именно сейчас. Европа идёт по своему третьему уже тысячелетию собственным путём – в чём-то романтическим, романо-провиденческим, а в чём-то декадентским, пангермано-роковым. Это её выбор и её путь. В духовном романтизме мы с ней солидарны, но от духовного упадочничества нам её не удержать. Мы своё второе тысячелетие начинаем с предельно низкого старта, в полном расцвете нашего детского комплекса неполноценности, таящего в себе как бремя

социально-экономических страданий, так и зародыши духовного самоочищения и стремительного умственного саморазвития. Пока мы были на нуле своего нового развития, любой, даже малейший шаг по выходу из него и каждая мельчайшая ступенька подъёма из нашего уничижительного небытия казались гигантскими достижениями. Да и были таковыми, так как они требовали огромных усилий самопреодоления и обретения даже не веры в свои силы, а надежды на их восстановление. Сейчас мы выбираемся из трясины «*нулевых*» годов нового века и нового тысячелетия, обретаем твёрдую почву под ногами и готовимся начать нормальное движение вперёд по загадочному, покрытому туманом неизвестности и преградами непредсказуемости двадцать первому столетию. Мы сами загнали себя в болото либерализма, сами барахтались в нём под презрительно-злорадными взглядами наших братьев-европейцев и сами худо-бедно выкарабкиваемся из него. Нам никто дружественно не протянул руку помощи во время нашей беды, а если и помогали, то под грабительские проценты и на кабальных условиях. Слава Богу, сегодня мы практически никому ничего не должны и благодаря этому имеем полную возможность идти куда захотим и как пожелаем.

А это значит, что мы вновь обрели право быть самими собой и продолжить свой исторически обусловленный русско-российский самобытный путь – путь проб и ошибок, поисков и обретений, поражений и побед, страданий и радостей. Что бы ни говорили самоуверенные и громогласные европейские и наши доморощенные апологеты наднационализма, глобализма и космополитизма о преимуществах общемирового толерантного единообразия и неизбежности гибели отдельных наций, этносов и народностей, мы всё же рискнём идти по жизни своим параллельным историческим курсом, и пусть сама история нас рассудит. В эссе «*О русском национализме*» Иван Ильин писал: «*«Мировой гений» есть всегда и прежде всего – «национальный гений»… Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален, и он знает это сам о себе*». Может быть, мы что-то недопонимаем в нюансах общемирового развития или в характере и интеллектуальной изощрённости футурологических изысков наших братьев-европейцев. Может быть. Но о самих себе мы нечто знаем доподлинно, причём то, чего не знают и не хотят знать наши искренние или лукавые доброжелатели. И это наше потаённое знание о себе не даёт нам возможности обманываться на свой счёт и терпеть обманы других. Это наш принцип, наше жизненное кредо и наше твёрдое условие новой балансировки отношений России и Европы и будущего поддержания равнопартнёрского и взаимоуважительного российско-европейского баланса.

Вопрос о том, кем нам приходятся европейцы – близкими родственниками, беспокойными соседями или совершенно посторонними чужими людьми, в наше вполне цивилизованное время не имеет принципиального значения. Если они родственники, но не хотят признавать своего родства, ну и Бог с ними - нам-то какое до этого дело? Если просто соседи, но не хотят блюсти принципы добрососедства, надо проявлять твёрдость и не навязывать свою дружбу, воспринимаемую исключительно как проявление слабости. Если чужие дяди, - так это лучше всего. В этом случае нам всего-то и надо, как быть самими собой и максимально демонстрировать себе и миру исключительно то, что присуще только нам и что больше всего нам по душе. В таком роде отношений есть свои существенные издержки и недостатки, но имеются и свои несомненные преимущества, которые в конце концов уравновешивают негативные стороны нашего цельного характера. Игра в бедных, но очень гордых родственников, в которую мы всё прошлое тысячелетие играли с нашими братьями-европейцами, в новом тысячелетии теряет всякий смысл, ибо правила игры уже в этом веке будут резко меняться. Может статься, что сами европейцы, став в свою очередь бедными родственниками, воспылают к нам пылкой любовью и воззовут к нашим родственным чувствам для обеспечения их безбедной старости. Всё может быть. Главное для нас в таком случае – не впасть в гордыню и не дать поймать себя на мании величия. То есть не изображать из себя спасителей человечества, а опять-таки оставаться тем, чем мы есть на самом деле – нормальными,

здравомысленными и честными людьми, не желающими никому зла, но и не изображающими из себя ангелов добра.

* * *

Среди русских сказок тема взаимоотношений простых русских людей с иноземными мудрецами-кудесниками присутствует постоянно – то в виде аллегории, то мимолётным намёком, а то и в качестве поучения. В сказке «*Чудесный ящик*» таких аллегорий, намёков и поучений, на мой взгляд, более чем достаточно. По сюжету она разнопланова и многоступенчата, что, собственно говоря, как нельзя лучше характеризует и российско-европейские отношения. О её герое коряво-красочно говорится в зачине: «*У одного старика и старухи был один сын уж на возрасте; чему учить сына – отец не знает, и вздумал его отдать одному мастеру в работники всяки вещи делать*». Парень, однако, оказался весьма способным и скоро научился делать весьма дорогие вещи, чем превзошёл самого хозяина. Но хозяин оказался «*знаткой*» (знахарем, колдуном) и решил сначала испытать своего работника в пунктуальности исполнения договорённостей. С этой целью он отпустил работника домой, повидать родителей, но на жёстко обозначенный и предельно короткий срок – три часа и три минуты. Причём под угрозой смерти. Затем захотел вообще отделаться от него, так как он «*всех лучше стал делать всяки вещи*». С этой целью хозяин отправил работника в подземное царство с поручением принести ящичек, стоящий на царском троне. Когда же крестьянского сына намеренно оставили в подземелье, он обнаружил волшебные свойства добытого им ящичка, который не только дал ему возможность выбраться на волю, но и устроить собственное царство. На этом линия хозяина-работника кончается. В дело вступает некий «*детинка – так, нездрашный*», мать которого всё ходила к Ивану-царевичу и собирала милостыню. Хитростью мать и сын выкрадывают у Ивана-царевича его волшебный ящичек, а самого его бросают в глубокую яму. Только благодаря природной находчивости он спасается от неминуемой гибели и возвращает себе чудесный ящичек. Концовка сказки сурова, но справедлива: «*Тут он ожил, старуху-нищу и сына её приказал казнить, сам стал по-старому царём*».

В комментарии к сказке утверждается, что она «*может быть сопоставима со знаменитой арабской сказкой о волшебной лампе Аладдина из «Тысячи и одной ночи*», так как волшебной лампе в ней якобы полностью соответствует чудесный ящик. Это явная натяжка. Если эти сказки и сопоставимы, то только в том плане, что и та, и другая являются именно «*сказками*». Вся русская сказка не только проникнута исключительно русским духом, но и является фантасмагорическим отображением сугубо российской действительности. В судьбе героя сказки по воле крестьянина-сказочника как бы чудесным образом переплелись судьбы выходца из крестьян - талантливого учёного Михаила Ломоносова, превзошедшего в науке своих иноземных учителей, и российского императора Петра Первого, прошедшего практическую выучку у иностранных мастеров и своими реформами и ратными победами доказавшего необычайную талантливость русского человека. Может, именно поэтому крестьянин-дока, крестьянин-умелец не только становится у русского сказочника царём - государем не чужого, а своего собственного царства, которое «*лучше всех царств было*», но и владеет им по праву – «*по-старому*». Чисто российская аллюзия заключается и в том, что на это в великих трудах и опасностях добытое царство претендует даже не мастер-волшебник – бывший хозяин бывшего крестьянского сына, а случайный нищий проходимец, в котором вполне угадывается намёк на Григория Отрепьева – Лжедмитрия I, временно овладевшего русским престолом в смутные времена.

Применительно к рассматриваемой теме в реалиях сегодняшнего дня бросается в глаза множество совпадений со сказочным сюжетом. Несомненны всё ещё бытующая зависимость лапотно-крестьянской России от мастерущей «*хозяйки*»-Европы, важность и

полезность для россиян обучения у европейцев некоторым «*вещам*», необычайная талантливость русских людей в обучении, неизбежность конфликта между мастером и способным учеником, хозяином и успешным работником. Любопытно и то, что зачинщиком конфликта становится не работник, вполне довольный своим устойчивым положением и успешностью своего труда. Интригу затевает именно хозяин, причём из чисто гипотетического предположения, что «*если парень отойдёт, отнимет у него всю работу – лучше мастера стал!*». Вполне сопоставимы непримиримость и острота конфликта, в котором работник обрекается на смерть, но в то же время должен сослужить последнюю, самую важную службу своему хозяину. Разрешение конфликта становится возможным только в результате создания работником своего собственного царства, которое лучше всех царств. Но даже самое лучшее, по-видимомому, самое демократичное крестьянское царство вовсе небезопасно, так как подвергается покушению со стороны нищих пройдох и интриганов.

Если брать сегодняшнюю Россию, то пору нашей предельной зависимости от хозяйки-Европы мы, если и не изжили, то во всяком случае довольно стремительно изживаем. Сложнее у нас с нашими «*нищими*». К сожалению, наши российские завистники и попрошайки являются очень специфическими нищими. Их можно отнести к тем мнимым «*бедным*», которые избрали форму нищеты в качестве весьма доходной профессии. На самом деле они давно уже сколотили на своём показном нищенстве весьма солидный материальный капитал, но до сих пор остаются духовно нищими - вечно недовольными и неудовлетворёнными людьми, внутренне опустошёнными, пустоту которых заполняет только злоба и ненависть ко всему доброму и позитивному. Именно они, эти наши «*новые нищие*» и претендуют сегодня на российское царство. Можно представить, чем может обернуться для российского народа их озлобленное и ненасытное царствование. Думается, бесконечно прав русский сказочник, предостерегающий нас не только от лукавых иноземных хозяев-мастеров, обуреваемых всякого рода неоправданными подозрениями на наш счёт, но и от собственных проходимцев-нищих, у которых нет ничего собственного за душой, но которые, тем не менее, путём тайного сговора способны овладеть российским «*царством*», преследуя свои, сугубо негативистские и разрушительные цели. В этих условиях от нас требуется, по мысли сказочника, быть верными себе до конца, не теряться в трудных жизненных обстоятельствах, быть бдительными и предусмотрительными в повседневных делах, в управлении страной не изменять вековым традициям. Думается, крестьянин-сказочник в своих народных рецептах бесконечно прав, ибо именно эти качества русского и российского человека и должны в конечном счёте послужить реальным спасением нашей страны как от иноземной зависимости, так и от наших собственных проходимцев-авантюристов, не могущих умерить свою алчность и жаждущих поставить нас в зависимость от их эгоистических прихотей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. РОССИЯ И АЗИЯ - ПРИТЯЖЕНИЕ ИЛИ ОТТАЛКИВАНИЕ?

Много нам бед наделали – хан крымский да папа римский.
С одну сторону черемиса, а с другой берегися.
Худ пермяк, да два языка знат.

Русские пословицы

1

Российский писатель, эссеист и путешественник Василий Голованов высказал мысль, что Россия вместила в себя столько Востока, что это для неё самой очень опасно.

Он имел в виду при этом исключительно современную Россию и её нынешнюю перенаселённость иммигрантами из Азии. Но, если отрешиться от сиюминутности и бытовизма, эта мысль приобретает обобщённую значимость и философский смысл. Россия, действительно, не только сегодня, но и исторически вместила в себя столько Востока, что это стало для неё если и не опасно, то во всяком случае, по мнению многих, очень уж обременительно. В этом плане внутрироссийский «*восток*» воспринимается иногда у нас исключительно как балласт или крест России, который она должна нести до скончания своей истории. Как бы то ни было, но приходится признать, что восточный фактор появился в судьбе России давно, едва ли не с зарождения российской государственности. Причём не только в форме татаро-монгольского ига, которое, кстати, подаётся у нас и за рубежом сугубо односторонне – как исключительно негативное явление. Казахский поэт и публицист Олжас Сулейменов, автор нашумевшей в семидесятых годах прошлого века книги «*Аз и Я*», всерьёз настаивал на том, что главный герой «*Слова о полку Игореве*» - русский князь Игорь Святославич был сыном половчанки и что город Киев был основан хазарами. Вряд ли это соответствует действительности, но, думается, и с половцами, и с хазарами у Древней Руси были вовсе не однозначные отношения. Сулейменов приводит свои «*факты*» не с целью очернить историю России, а использует их как весомый аргумент в пользу разоблачения ложного, по его мнению, догмата, утверждающего, что наши предки всегда враждовали. Настаивая на своей достаточно спорной точке зрения, он преследовал исключительно благую цель, добиваясь того, чтобы российско-азиатские отношения рассматривались не только под углом балласта, а обсуждались тоже, как и в европейском варианте, обязательно с точки зрения обоюдозначимого и взаимополезного баланса. И в этом плане Сулейменов безусловно прав, ибо ни одно историческое явления, каким бы одиозным оно ни казалось, не может быть только положительным или исключительно отрицательным, а имеет в себе, как минимум, двоякий смысл.

Само понятие «*балласт*» имеет в современном понимании двойственное толкование. В ожеговском «*Словаре русского языка*» (1977) балласт рассматривается, с одной стороны, как специальный груз для обеспечения правильной осадки и остойчивости корабля или регулирования высоты полёта аэростата, а с другой – как то, что излишне отягощает, обременяет кого-что-нибудь. Первый термин – чисто технический, бесстрастный, объективистский. Второй – имеет оттенок литературщины и бытовизма, приобретая характер эмоциональной пристрастности. Кроме того, вторая трактовка отличается от первой ещё и переносом конкретно-предметного смысла понятия в абстрактную плоскость. Сергей Ожегов даже приводит пример подобного отвлечённого иносказания - «*освободиться от балласта устарелых взглядов*». То есть в абстрактном плане балласт в российских интеллигентских кругах приобретает значение уже не просто неизбежной обузы или некоего равновеса, а исключительно характер негативного явления, требующего бескомпромиссной борьбы и обязательного конечного освобождения. В такой трактовке вполне можно придти к мысли, что в конечном счёте и народ, и общество представляют для рафинированного интеллигента не более чем балласт. Примечательно в этой связи то, что Владимир Даль исключил из своего «*Словаря*» слово балласт, тем самым давая понять, что термин этот – сугубо иностранный и все с ним связанные проблемы и толкования – тоже иноземные. Следует заметить, что французы под балластом («*ballast*») понимают исключительно щебень и необходимый дорожный балласт («*ballast voie*»), а англичане придают балласту («*mental ballast*» - «*уравновешенность*») характер некоего балансира, то есть баланса в конечном счёте.

Как видим, понятие восточного балласта применительно к историческому развитию России может оказаться не столь уж простым, как кажется на первый взгляд и как зачастую подаётся в российской истории. Но ещё более сложным для понимания при ближайшем рассмотрении оказывается даже не роль Востока в отношении России, а сам термин - «*Восток*». Самая простая его трактовка сводится к немецкому «*Ost*»,

обозначающему географическое понятие восточной части света. Ему соответствуют английское «*East*» и французское «*Est*». Немецкое «*Ost*» закрепилось в морском деле и легло в основу всей географической терминологии. Но для определения существа Востока чистая географика почти изначально европейцев не вполне устраивала. В английском и французком языках появилось дополнительное общее слово «*orient*», означающее Восток как некое абстрактное понятие, причём с определённой этнической нюансировкой. В английском языке этим словом именовался ещё и высший сорт жемчуга, а у романтичных французов Восток ассоциировался с воплощением «*блеска*», экзотической роскоши. У самих восточных народов Восток воспринимался как некое природно-мистическое вместилище Солнца. Японцы, например, свою страну обозначили словом «*Нихон*» («*родина Солнца*»). Восток ассоциируется у японцев с восходом вообще, трактуемым как начало и сердцевина всего сущего. По-видимому, именно в силу этого китайцы в свою очередь называли своё государсто словом «*Чжун-го*» («*Центральное государство*»), воспринимая все остальные страны и народы как мировую периферию.

2

Восприятие Востока русским человеком всегда было чрезвычайно сложным. Таковым оно остаётся и до сих пор. Само слово «*восто*к» рождалось в русском языке весьма непросто. Макс Фасмер считает это слово заимствованным из церковнославянского, хотя находит ему аналог и в исконнорусском языке в словах «*всток*», «*сток*», обозначавших восток, восточный ветер. Как мне кажется, русское слово восток даёт наглядный пример необычайной изощрённости русского ума и русской души в процессе словообразования. В качестве корня в слове «*восток*» несомненно берётся немецкое «*Ost*», обозначающее сугубо географическое понятие. Но этот заимствованный немецкий корень обыгрывается таким сложным образом, что само слово, не теряя географической привязки, приобретает в конечном счёте исключительно сущностный характер. Уже первоначальный «*всток*» обозначал как определённое географическое направление, так и некое движение – ветер. В конечном же варианте слово «*восток*», по-прежнему не теряя своей корневой основы («*ост*»), путём мастерского сочетания слов «*восход*» и «*ток*» (течение, поток) выливается в романтическое понятие некоего восходящего потока, обозначающего в русском понимании некую источаемую востоком светлую, позитивную одухотворённость. На это косвенным образом, на мой взгляд, намекает и слово «*восторг*», созвучное востоку, но означающее уже некую духовную экзальтацию - неудержимый порыв бурной радости. Причём радости, возможно, спровоцированной первоначально именно Востоком - его «*блеском*», его «*жемчужностью*».

Владимир Даль производит существительное «*восток*» от глагола востекать, обозначающего у него – течь кверху, изливаться наверх; взлетать, взбегать, восходить, возноситься, подыматься. Само же слово восток он трактует как действие востекающего, место востечения и страны, лежащие по этому направлению от Европы: Азия; Турция, Персия, Индия. Далевское определение востока, с одной стороны, подтверждает нашу трактовку этого слова как восходяшего потока, а с другой – наводит на размышления. Для европоцентричного Даля Восток «*лежит по направлению от Европы*». То есть для Даля первичной является Европа, а Восток – вторичен и как бы несуществен сам по себе. Он не только «*лежит*», но как бы и начинается именно от Европы. Более того Восток представляет собой противоположное Европе направление. То есть Восток сущностно воспринимается русским европейцем Далем как нечто противостоящее Европе – её антипод, её извечный антагонист. Перечисляя восточные страны, Даль относит к собственно Востоку только Турцию, Персию и Индию, а все остальные сопредельные с Россией государства и народы, включая Китай, он именует словом Азия. Таким образом в русском понимании общему возвышенному понятию Востока противостоит ещё и некая практическая, прагматичная дробность, в которой лишь часть стран и народов признаются

по-настоящему восточными, а для характеристики остальных используется новый термин – Азия, явно принижающий в глазах русского человека значение Востока.

Со словом Азия тоже связаны довольно сложные ассоциации и метаморфозы. Макс Фасмер относит происхождение этого слова к «*недавнему заимствованию из польского Azja или немецкого Asien*». В то же время он указывает на древнерусский аналог этого слова («*Асия*»), прямо проистекающего, по его мнению, из однозвучного греческого слова. Анализируя топонимику слов «*Малая Азия*», аналогичных немецкому слову «*Kleinasien*» и латинскому словосочетанию «*Asia Minor*», Макс Фасмер подчёркивает их более позднее происхождение по сравнению с предшествующим им соответствующим греческим термином. Вся эта этимологическая казуистика для нас важна тем, что наводит на мысль о византийском происхождении не только самого русского слова Азия, но и вкладываемого в него негативистского оттенка в отношении к Востоку. Именно Византия как Восточная Римская империя, населённая в основном греками, могла породить термин «*Асия*», отражающий её подчёркнуто цивилизационное превосходство по отношению к окружавшим её иноплемённым «*варварским*» восточным народам. От Византии этот термин мог перейти уже в римскую метрополию, получив более звучную согласную - «*Азия*», а из Рима – к покорившим его готско-германским племенам. Примечательно, что во французском языке нет существительного Азия, а есть лишь прилагательные «*asiate*», «*asiatique*», переводимые как «*азиатский*». Это свидетельствует, на мой взгляд, о заимствовании французами не самого понятия, а уже готового словесного клише с уничижительным оттенком. То же самое относится и к английскому языку, в котором, по сути, сохраняется французское пренебрежительное отношение к понятию Азия, но сами прилагательные пишутся в английской транскрипции несколько по-иному – «*Asian*» и «*Asiatic*».

3

Самое удивительное в русском отношении к Азии состоит в том, что это понятие, будучи в России общеупотребительным и обиходным, тем не менее, как бы игнорировалось и до сих пор игнорируется учёными мужами. Тот же Даль, употребляя в текстовом варианте как само собой разумеющееся обобщённое понятие Азия, не даёт себе труда раскрыть его содержание. Вместо Азии у него в «*Словаре*» присутствуют лишь слово «*азиятка*», обозначающее в орловском говоре род сарафана, да «*азиятская рожь*» - растение Hibiscus syriacus. Возможно, это объясняется тем, что среди русских людей слова Азия и азиат использовались в основном как бранные выражения, неупотребимые в приличном обществе. На эту мысль наводит академический четырёхтомный «*Словарь русского языка*» (1981), в котором слово азиат трактуется, с одной стороны, как житель, уроженец Азии, а с другой – как «*устарелый бранный*» отзыв об отсталом, грубом человеке. Такое крайне отрицательное отношение к Азии и азиатам сложилось на Руси и в России скорее всего от того, что в отличие от европейцев Восток для русских людей не был ни таинственным, ни манящим, ни далёким. Для них он начинался сразу за Уралом и Волгой и был назойливым и беспокойным соседом - источником постоянных угроз и опустошительных набегов. В силу этого у русских людей не было ни желания, ни возможности играть в словесные прятки со своим очень близким Востоком, а была крайняя необходимость выстраивать с ним жёстко определительные практические взаимоотношения. Для русских ближайший Восток стал Азией - местом стыка русского и нерусского, своего и чужого, дружественного и враждебного, понятного и неприемлемого. Олжас Сулейменов как чуткий к слову поэт, думается, верно уловил дробность для русских понятия Азия. «*Аз*» - первая буква русского алфавита; «*я*» - его последняя буква. Это символы начала и конца, некой неразделимой внутренне напряжённой цельности, противоречивого и антагонистичного единства и борьбы противоположностей. В конечном счёте слово Азия, часто применяемое русскими людьми в качестве синонима понятия Восток, очень подходит и для выявления сущности самой России, сотканной из

этого постоянного единства и из этой вечной борьбы сущностных противоположностей – корневого, традиционалистского, общечеловеческого «*Аз*» с наносным, сугубо индивидуальным, эгоистичным «*Я*».

В русском народе отношение к восточным людям тоже было весьма сложным. Оно характеризуется, например, следующими пословицами: «*Много нам бед наделали – хан крымский да папа римский*»; «*Казань прогребли – и Орду прошли*»; «*казанский сирота*», «*казанский нищий*» (мнимый); «*касимовский бухарец*» (торгаш); «*татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник*»; «*с одну сторону черемиса, а с другой берегися*»; «*худ пермяк, да два языка знат*»; «*русский молодец – сте басурманам конец*». Если воспринимать хана крымского и папу римского как символы Востока и Запада, то русский человек из народа не видел особой разницы в их отношении к Руси и России: и тот, и другой характеризуются как преимущественно враждебные силы. Пословица «*Казань прогребли – и Орду прошли*» даёт понять, что татаро-монгольское иго осталось для русских людей в далёком прошлом и что в настоящий момент ни к татарам, ни к монголам в русской душе не осталось былой злости. Характеристики «*казанский сирота*», «*казанский нищий*», «*касимовский бухарец*», хотя и подразумевают наличие негативных черт у российских восточных народов, но в то же время воспринимаются как отличительные черты «*своих*» людей – в целом близких по духу соотечественников. Пословица «*татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник*» подразумевает в дружественно настроенном татарине едва ли не идеального человека и гражданина, но предлагает не смешивать всех татар в одну кучу. Пословичное напоминание о коварном нападении черемисов (нынешние марийцы) в 1524 году на русское войско, переправлявшееся по Волге, является недвусмысленным призывом к бдительности. Двуязычие пермяка является как бы укором для невежественных русских людей, но одновременно служит призывом к уважительности в отношении образованных инородцев. В хвастливом выражении «*русский молодец – сте басурманам конец*» русский человек противопоставляется не инородцам как таковым, а исключительно иноверцам (басурманами именовались в основном магометане), да и то не всем, а в основном тем, кто воинственно относится к русской православной вере.

Суммируя все эти пословичные характеристики простыми русскими людьми восточных инородцев, следует признать, что в целом отношение русского народа к последним было двойственным. Они одновременно считались и своими, и немного чужими. Впрочем, не настолько чужими, как закордонные народы, от которых в любую минуту можно было ожидать какой-нибудь неприятности, а просто не до конца своими. Суть этой двойственности сводилась, как мне кажется, к тому, что в каждом восточном человеке русские люди заподозривали глубоко запрятанного азиата, таящего в своём сердце вражду и злопамятство. Вот это-то потаённое азиатство считалось в некоторых российских кругах не только несомненным духовным атавистическим пережитком какой-то части восточных инородцев, но переносилось целиком на сами восточные народности. Именно среди не очень образованных и не очень умных русских людей, в том числе и среди демагогически настроенных представителей российской элиты, сложилась предрассудочная традиция причислять российских восточных «*азиатов*» к некоему балласту, тормозящему поступательное развитие России. Этой своей двойственностью в отношении к соотечественникам-«*инородцам*» и взаимной подозрительностью друг к другу русские и россияне в целом превратили в конечном счёте и самих себя в неких «*азиатов*» в глазах цивилизованной Европы, в которой укоренилось на этой основе идейное клише о неискоренимой отсталости России.

4

Справедливости ради следует отметить, что и сами восточные народы в лице своих мудрецов подмечали в себе некие специфические черты, которые можно свести к пресловутой азиатчине. Уже в древнейших шумеро-аккадских пословицах говорилось:

«*сильный и гордый не уживутся*»; «*вывернулся – заносчив, как тур; попался – ластишься, как собака*». Одной из основных проблем древних азиатских народов, приведших к искоренению целых народностей, было именно то, что сила и гордость у них были, по сути, синонимами. Сильного правителя, особенно в Малой Азии, отличала непомерная гордыня, переходившая в провоцирующую вражду надменность, а гордый государь мнил себя сильным, хотя не всегда был таковым. Отсюда проистекала бесконечная смертельная вражда, завершавшаяся либо резнёй целого народа, либо подобострастием побеждённого, скрывающего свою злобу и сладострастно мечтающего о реванше и кровавой мести. Древнеиндийская пословица «*остаток долга, огня и врага вырастает снова*», по сути, сводилась к оправданию жестокости, так как содержала скрытый призыв к тому, чтобы во избежание будущих проблем искоренять врага полностью, без остатка. Примитивно-прямолинейный взгляд на мир и человеческое предназначение, неукротимая жажда господства и насильственного подчинения себе других народов, яростное презрение к слабым и полное пренебрежение к человеческой жизни – таковыми были крайние черты древнейшего азиатства, которые, на мой взгляд, и привели Древний мир к полному самовырождению и сущностному самоистреблению.

Разные оттенки атавистичной азиатчины раскрывают и более поздние монгольские, китайские и японские народные пословицы. Монголы, например, азиатскую норму человеческих отношений утверждали следующими сентенциями: «*старший поучает, младший слушает*»; «*хитрая лиса хвостом обманывает, хитрый мудрец – речью*». Старший и младший понимались монголами не столько в возрастном, сколько в иерархическом плане. Монгольские народные мудрецы наделяли старшего по чину всей полнотой прав, а на младшего возлагали обязанность безропотного и беспрекословного повиновения. Этот монгольский иерархический норматив не столь уж и удивителен, так как Восток в целом разнообразной системой воспитательно-принудительных мер добивался непременного послушания младших. Это, в частности, подтверждают и такие китайские пословицы, как «*в Поднебесной нет неправых родителей*» и «*баловать сына – всё равно, что убить его; только из-под огненной палки выходят почтительные дети*». Китайские мудрецы тоже настаивают на том, что старшие всегда правы и что целью воспитания должна быть выработка у младших даже не просто послушания, а самой высшей его степени – почтительности. Однако во второй монгольской пословице поражает самое настоящее возведение в культ неискренности и лукавства в отношениях людей, в которых даже мудрец, служащий примером для всеобщего подражания, наделяется правом быть исключительно хитрым и без зазрения совести обманывать людей своей цветистой речью. Свою лепту в старинную копилку весьма специфичной азиатчины внесли и японцы, поучающие свой народ: «*держи сердце на замке*» и «*каждого незнакомца считай вором*».

Сопоставляя древнейшие восточные пословицы, дошедшие до нас в клинописном виде или в санскритских списках, с более современными монгольскими, китайскими и японскими народными пословицами, можно сделать вывод о том, что некоторые отличия между ними всё же имеются. В поздних пословицах, по крайней мере, уже нет той резкой и грубой контрастности во взаимоотношениях людей и той кровожадности, что присутствовала в поучениях древнейших мудрецов. Тем не менее, в существе суждений восточных народных мудрецов разных эпох проглядывает и определённое сходство, сводящееся к традиционалистскому консервированию явной или скрытой жестокости, строгой иерархичности, поощряемого лукавства и оправдываемой подозрительности в человеческих отношениях. Эти восточно-азиатские черты несомненно и вполне явственно контрастируют с показными западноевропейскими принципами гуманизма, демократии, открытости и толерантности, декларируемыми на Западе во все времена и особенно в последнее время. В этом плане вполне можно говорить не только о существенных различиях между современным Востоком и современным Западом в их основополагающих принципах и общих жизненных установках, но и об их антиподности

друг другу вообще. Именно на этом и делают упор российские западники и зарубежные приверженцы либерализма и глобализма, попрекающие Россию азиатчиной и настаивающие на необходимости избавления нашей страны от «*балласта*» Северного Кавказа, Восточной Сибири, Курильских островов и многого другого. По их мнению, достаточно России избавиться от восточного бремени, и жизнь россиян сразу изменится в лучшую сторону.

5

В сопоставлении с Востоком современная Европа предстаёт в глазах наших западников не только примером для безусловного гражданственно-нравственного подражания, но и некой доброй, беспомощной старушкой, нуждающейся в нашей поддержке и опеке от недоброго и агрессивного Востока. «*Сейчас Восток,* - авторитетно рассуждает почитаемый на Западе российский писатель Владимир Сорокин, - *энергичнее и витальнее Запада. У Европы нет больше никакой экспансии. Она сама нуждается в помощи. А Восток энергетически активен и готов осваивать новые пространства*». Восток выглядит у Сорокина не только более активным, но и подаётся как потенциальный агрессор, готовый «*осваивать*» не только Европу, но и весь мир. Подчёркивая исключительное миролюбие Европы и говоря, что сегодня в российской Восточной Сибири китайцы хозяйничают, как у себя дома, Сорокин не просто передёргивает факты, но явно преследует цель как можно крепче привязать нашу страну к благородной и безобидной «*старушке*»-Европе и побольнее уязвить наше самолюбие, сталкивая нас с «*азиатом*»-Китаем. Даже такой самодостаточный аналитик, как Леонтий Бызов, не удерживается от сползания в эту накатанную российскими либералами колею враждебного отношения к Востоку, заявляя, что Восток с его культом коллектива, подавлением личности, патриархальной семьёй становится и культурно, и социально всё более чужд современному россиянину. При этом он явно противоречит реальным фактам, свидетельствующим о всё большем сближении, особенно в последнее время, России с восточными государствами и народами.

Несомненно то, что Восток и Запад, Азия и Европа резко контрастируют друг с другом в поведенческих стереотипах, в манере речи, в культуре и формах духовного самовыражения. Но применительно к России европейцы и азиаты на протяжении практически всего минувшего тысячелетия действовали удивительно сходным образом, который можно определить как сущностно азиатский. Иван Ильин говорит о «*вечном нажиме презрительно-завистливой Европы и вторжениях хищно-погромной Азии*». При этом он Азию характеризует крайне нелестными словами, а для характеристики Европы тщательно подбирает выражения. Но нажим Европы был не только презрительно-завистливым в моральном отношении, но слишком часто проявлялся на российской земле по-азиатски хищнически и погромно. К тому же агрессивные вылазки Европы и Азии на территорию России происходили нередко не только синхронно по времени, но и в тесной союзнической связи друг с другом. Описывая события пятнадцатого века, либерально мыслящий советский историк Александр Зимин в своей книге упоминал, что в состав «*силы*» литовского великого князя, двинувшегося на завоевание Новгорода, кроме собственно литовцев, входили европейские наёмники (немцы, чехи и волохи), а также татары хана Улу-Мухаммеда. В Крымской войне 1853-1856 годов, как известно, в коалиции с Британской и Французской империями против России активно действовала Османская империя. Во Второй мировой войне союзником фашистских Германии и Италии была милитаристская Япония, мечтавшая о присоединении российского Дальнего Востока.

Внутри самой России мы тоже наблюдаем удивительную синхронность и совпадающий параллелизм в активизации деятельности прозападных радикал-либералов и так называемых восточных фундаменталистов, воплотивших в себе наиболее крайние черты азиатчины. Иван Ильин верно подметил, что «*в русском либерале XIX века дремал*

сентиментальный анархист». Весьма показателен в этом плане пример видного российского правозащитника Сергея Ковалёва. Будучи образцовым либеральным демократом и бескомпромиссным борцом за права человека, он в своём яростном противодействии укреплению российской государственности, по сути, смыкается с враждебными России силами, вставая на сторону чеченских фундаменталистов-сепаратистов в так называемой Чеченской войне и на сторону грузинского руководства – в российско-грузинском вооружённом конфликте 2008 года. В устах радикал-либерала Сергея Ковалёва один из наиболее агрессивных предводителей чеченских боевиков – Шамиль Басаев выглядит «*современным Робин Гудом с гранатомётом*». Вполне естественно, что в ослабленном российском государстве переизбыток элитарной либеральной демократии создаёт благоприятную среду для рецидива в стране азиатчины, причём в самых уродливых формах. К ним следует в первую очередь отнести множащиеся в столице и российской провинции так называемые «*разборки*» на национальной почве с применением холодного и огнестрельного оружия, стыдливо подгоняемые властями под хулиганские действия. На этом же либерально-попустительском фоне становятся возможными и провокационные масштабные националистческие демонстрации с явным рецидивом провокационной азиатчины. В таковую, например, вылилась радикально-фундаменталистская манифестация, связанная с празднованием в России в сентябре 2010 года мусульманского Ураза-байрама. Как свидетельствует пресса, в Москву 9 сентября на богослужение в Соборной мечети прибыли 55 тысяч верующих. Молитвы совершались прямо на проезжей части столичных улиц. Молодёжь организовала шествия с криками «*Аллах Акбар*». Забой жертвенных животных производился публично, в том числе на глазах детей. Не менее варварской выглядела двумя годами позже и кощунственно провокационная акция ортодоксально прозападной группы Pussy Riot в главном православном соборе столицы, глубоко оскорбившая чувства верующих христиан. Акции разные, но суть их одна и та же – чистой воды азиатчина, стирающая различия между реакционными силами Востока и Запада в их отношении к России и русским россиянам.

6

Россию часто сравнивают с Византией. Более того, Россия иногда считается преемницей Византии в государственном строительстве, в политико-дипломатических отношениях с азиатскими государствами, в культурных традициях и духовной сфере. Однако в связи с нынешним своим акцентированным либеральным курсом Россия может не только усилить своё сходство с поздней Византией, но и повторить её печальную судьбу. Исраэль Шамир писал: «*Её* (Византию – А.А.) *разрушили не турки, а неолибералы: турки просто подобрали обезлюдевшую сельскую местность*». Эти слова убеждённого критика западного либерализма можно было бы отнести к тенденциозному осовремениванию византийской древности. Но они вполне подтверждаются и профессиональными историками, причём из сочувствующего либералам лагеря. «*Положение Византийской империи*, - писал в семидесятых годах прошлого века советский историк Александр Зимин, - *в это время* (тридцатые годы пятнадцатого века – А.А.) *было плачевным… В борьбе с турками византийские императоры вступили в переговоры с римским папой о соединении церквей (унии). В сближении с Западом была заинтересована и часть византийской интеллигенции, затронутая гуманистическими веяниями*». Либерально настроенный Александр Зимин плачевное состояние Византии и гуманистические веяния в среде византийской интеллигенции констатирует бесстрастно, как бы через запятую, не увязывая одно с другим. Но мы, современники пышного расцвета западнического радикал-либерализма в нашей стране, не можем закрывать глаза на тесную взаимосвязанность этих явлений и на то, что либерально трактуемый «*демократизм*» не только размывает основы российской государственности, но и намеренно сталкивает Россию в трясину хаотического неуправляемого существования и

разбалансированного упадка. Если при этом трезвыми глазами взглянуть на старушку-Европу, особенно с учётом сербо-косовских, иракских, афганских и ливийских событий, то напрашивается вывод, что и сегодня европейский Запад методами аффектированно-агрессивной собственной азиатчины, по сути, капитулянтски готовит почву для передачи не только России, но и всей европейской территории современным «*туркам*» - Востоку как таковому.

Сопоставляя Запад и Восток и их отношение к России я хотел выразить мысль, что балластом российского развития являются вовсе не Восток и даже не Азия как таковые, а некое явление азиатчины, представляющее собой пержиток далёкого прошлого, в котором принцип спасительного выживания государств и народов базировался исключительно на яростной силе и непревзойдённом лукавстве. Но если быть предельно объективным, то следует признать, что сами по себе ни Восток, ни Запад, а, следовательно, ни Азия, ни Европа, не были и не могут быть балластом в поступательном развитии России и мира в целом. Скорее они являлись и продолжают оставаться некими уравновешивающими балансирами российского и общемирового развития, в чём-то замедляющими, а в чём-то и ускоряющими его ход. К подлинному балласту, несомненно, следовало бы отнести именно азиатчину, которая временами очень бросается в глаза своими очевидными атавизмами. Но в этом случае не надо закрывать глаза и на серьёзные изъяны так называемого западничества, которое на Украине в среде российских соотечественников получило меткое название «*западенства*». Это крайне агрессивное течение мысли и духа, базирующееся на непоколебимом убеждении в непогрешимости Европы и Запада и их несомненном превосходстве над Азией и Востоком. Причём символический «*восток*» - объект откровенного презрения и неконтролируемой ненависти - начинается для ортодоксальных «*западенцев*» не с уральских гор и даже не с границы Украины с Россией, а буквально с соседней области, лежащей чуть восточнее Львовщины. Если приравнять европейский вечный нажим на Россию к непрерывным в течение многих веков азиатским вторжениям на российскую территорию, то выяснится, что, по сути, между ними нет особой разницы. В самом существе понятий акцентированного западничества и ортодоксальной азиатчины очень много общего, смыкающегося. И объясняется это весьма просто. Снобистский рассудочный псевдогуманизм западничества и жестокосердое лукавство азиатчины имеют один и тот же корень – аффектированную цивилизованность и агрессивную цивилизационность. Они же в свою очередь образуются путём вымывания и вытекания из твердеющейся и костенеющей цивилизационной формы её подвижной и неуловимо летучей культурной и духовной составляющей.

В случае допущения человечеством открытого столкновения западноевропейской и восточноазиатской цивилизаций, думается, исход подобного планетарного конфликта уже изначально предрешён. Вне всякого сомнения, в выигрыше окажется именно восточноазиатская цивилизация. И дело вовсе не в том, что Восток намного перевешивает Запад огромной численностью своего населения. Запад сегодня обладает такими гигантскими средствами массового истребления человеческого «*материала*», что легко лишит Восток этого его преимущества. Важнее другое. Столпами Востока являются такие исторические гиганты, как Китай и Индия, сила которых таится в их неистребимом многотысячелетнем культурном наследии, давно уже превратившемся из достояния узкого слоя элиты в культуру масс – общенародную культуру. Именно эта пронизанность восточноазиатской цивилизации устойчивой общенародной культурой делает цивилизацию на Востоке гибкой и постоянно обновляемой. Запад, наоборот, при всём его музейно-туристическом, чисто внешнем культурном блеске внутренне всё больше деградирует. Его культура, всё более утонченная и изысканная, стремительно сужается и бесследно растворяется в узком слое элиты, погрязающем в цивилизационном комфорте и духовном сибаритстве. Исключительная слабость западноевропейской цивилизации состоит в её культурно-духовной пустотелости. При её таранном столкновении с внутренне цельной восточноазиатской цивилизацией она мгновенно расколется и

разлетится в пух и прах. Единственный её шанс на спасение – избежать лобового столкновения, опомниться, глядя на набирающий силу Восток, и начать новый виток своего духовного и культурного Возрождения. Без духовной и культурной составляющей как западная, так и восточная цивилизации неизбежно начнут откат в варварство и азиатчину, возвращая человечество к безжалостно лукавым временам Древнего мира.

7

Однако оставим решение проблем европейского снобизма и азиатского лукавства самим Западу и Востоку: это их порождения; следовательно, им от них и избавляться. У нас имеются свои собственные проблемы, и они, как всегда, намного сложнее и труднее отдельно взятых проблем Востока и Запада. Ибо нам надо избавляться не только от свойственных и нам элементов европейского снобизма и азиатского лукавства, но и от их суммарного комплекса, тесно увязанного в России друг с другом. При этом следует учитывать, что этот европейско-азиатский комплекс в России весьма специфичен и не только обладает потенциалом враждебного противопоставления, но и содержит в себе ресурс для практического союзнического взаимодействия. Российская история показывает, что при добрых, искренних и непредвзятых отношениях российского общества и русского народа как с нашими подчёркнуто прямолинейными западниками, так и с нашими потаёнными лукавцами-«*азиатами*», те и другие легко и охотно превращаются в честных и добропорядочных российских граждан, приносящих несомненную пользу своему общему Отечеству. Так и только так, по-видимому, можно превратить мнимо негативный балласт акцентированного западничества и гипертрофированной азиатчины в реально позитивный баланс нашего равноудалённого и равносближенного с Западом и Востоком сложного, комплексного поступательного развития. Мы слишком долго ориентировались на Запад в своём тысячелетнем развитии, по-ученически перенимая у него все его нововременские бесконечные новации. Но в связи с обозначившейся в ходе мирового финансово-экономического кризиса тупиковостью западноевропейского пути нам необходимо пристальнее присмотреться к Востоку. И не только присмотреться, но и попытаться извлечь для себя пользу из его многотысячелетнего поучительного прошлого. И, думается, Восток нашего заинтересованного и непредвзятого внимания несомненно заслуживает.

По свидетельству главного научного сотрудника Института востоковедения РАН, доктора философских наук Артёма Кобзева, китайская цивилизация не только является самой древней на Земле, но до пятнадцатого века была и самой передовой в сфере науки и техники. Страна обладает огромным культурно-историческим потенциалом, аналога которой, по его мнению, не имеет ни одна страна в современном мире. Не только элиту, но и китайский народ в целом отличает предельно развитая культурная позиция здравомыслящего и социализированного «*нормального*» человека. Китай всегда был миролюбивым государством и ставил гражданское начало выше военного. В то же время современный Китай представляет собой огромную, разнообразную и сложную страну, обременённую множеством проблем. Он, несомненно, сегодня имеет полное право испытывать удовлетворение от своего сравнительного с Западом благополучия, но торжествовать ему пока рано. Ибо создаётся впечатление, что не столько Китай переигрывает сейчас Запад благодаря своим реальным культурно-цивилизационным преимуществам, сколько Запад, уступая ему, проигрывает битву с самим собой - со своими непомерными амбициями и неукротимой алчностью, истощившими до предела его культурный, интеллектуальный и духовный потенциал, казавшийся ещё недавно таким мощным и неистощимым. Главное для нас в современном Китае состоит, на мой взгляд, в том, что китайская элита и китайский народ даже в самые трудные для них времена сохраняли верность своим тысячелетним традициям. Более того, они сумели превратить накопленный тысячелетиями собственный духовный опыт в современную производительную силу и соответствующий новой эпохе материальный потенциал.

Приверженность собственному культурно-духовному традиционализму, умело встроенному в систему современных общемировых технико-экономических отношений, успешно демонстрирует и второй восточный гигант – Республика Индия. В ней, по словам профессора Университета Неру Камала Митра Ченоя, сегодня развиваются, по существу, две экономики: одна для бедных, вторая – для богатых и ставится задача найти баланс между либеральными реформами и мерами в пользу неимущих. Этот экономический параллелизм есть не что иное как разумное сочетание современных технико-экономических тенденций с тщательно сохраняемыми тысячелетними культурно-духовными накоплениями, создавшими основу индийской цивилизации и способствовавшими очередному возрождению Индии в очень непростых, по-настоящему кризисных современных обстоятельствах. Явно не спешит сойти со своего традиционалистского пути и так называемая арабская цивилизация, которая, по утверждению востоковеда Евгения Сатановского, весьма своеобразна и мало поддаётся переформатированию. В связи с этим следует признать, что Восток целиком склонен упорно следовать своим собственным историческим путём, не взирая на усиливающуюся западную критику и жёсткое давление весьма влиятельных и могущественных либерально-демократических апологетов глобализма, намеревающихся перестроить мир по единому экономико-социальному шаблону и лишить его многовекового исторического наследия и богатейшего социо-культурного и этно-национального многообразия. Сегодня, наверное, вполне можно говорить об определённом влиянии идей западного демократического либерализма на экономику быстроразвивающихся восточных государств. Но утверждать, что эти идеи хотя бы на йоту изменили культуру и менталитет Востока, пока не только рано, но и совершенно неоправданно. С Востоком можно о чём-то, торгуясь, договариваться, но на давление он отвечает непоколебимым упрямством, которое будет тем жёстче и упорнее, чем сильнее оказываемое на него давление.

8

Либерально-демократическая доктрина мировой глобализации, подаваемая Западом как исключительно гуманитарная и жизнеутверждающая миссия, спасительная для всего человечества, на самом деле в чём-то сродни человеческой стерилизации. Судя по опыту Индии, где с шестидесятых годов прошлого века по настоящее время физически стерилизованы около десяти процентов мужчин, но высокая рождаемость населения продолжает сохраняться, успех искусственной духовной западноевропейской глобализации в отношении Востока будет примерно таким же. Похоже на то, что подлинной целью западной доктрины мировой глобализации являются вовсе не Восток и, разумеется, не Запад, а некие промежуточные территории, наподобие России, которые Запад хотел бы включить в систему антикоммунистической либеральной демократии, противопоставленной коммунизированному Китаю, традиционалистской Индии и исламистскому арабскому миру. Реализация этой доктрины в общемировом масштабе ничего хорошего человечеству не сулит, ибо, по справедливому замечанию Исраэля Шамира, с утверждением тотализированной глобализации мы потеряем драгоценное многообразие, а когда оно закончится, мы будем духовно мертвы. Учитывая внушительный ядерный потенциал современной России, нас убеждают по-хорошему отказаться от самобытного развития нашей страны и нашего народа и добровольно вступить на путь сущностно глобализационной западноевропейской либеральной демократии. Применительно же к Востоку принципы глобализационной «*демократии*» всё больше приобретают черты насильственной, сугубо военной доктрины. Известный американский журналист и писатель, хроникёр войны в Ираке Нир Розен отмечал: «*Определяющей идеей 21-го века гораздо вероятнее станет передача власти… с Запада на Восток… Остатки заканчивающегося западного господства создают условия для возможного начала новой эпохи яростных конфликтов*». Судя по устрашающим акциям Запада в Ираке, Афганистане и Ливии, проводимым под лозунгом защиты демократии, эта

эпоха не только реально уже началась, но и преследует двоякую цель. С одной стороны, речь вроде бы идёт об упреждении Западом неблагоприятных для себя мировых событий и попытках восстановить теряющееся равновесие между Западом и Востоком. Но, с другой стороны, уже просматривается и более дальний прицел – поставить Восток на колени и насильственно навязать ему западную, стерилизационную модель либерально-демократической глобализации.

В условиях начавшейся жёсткой конфронтации между Востоком и Западом, возможно, в какой-то мере потенциально спровоцированной Востоком, но, несомненно, фактически инициированной Западом, для нас важно чётко определиться и занять свою собственную мудро сбалансированную позицию. Как ни крути, мы, хотя и «*отсталая*», но самая настоящая европейская страна. Мы не только тысячу лет то снизу вверх, то сверху вниз смотрели на европейцев, но в конце концов и стали таковыми – по государственному устройству, общественным настроениям, культуре и духовности. Восток всё ещё остаётся для нас тёмным, таинственно мистическим и завораживающе пугающим. Мы не готовы сегодня ни оторваться от единокровного Запада, ни дружественно примкнуть к соседнему Востоку. Но и забираться на высокую гору и безучастно смотреть на схватку двух «*тигров*» нам не пристало. Россия всегда отличалась своим неравнодушием к мировым процессам и своим сочувствием к слабым и беззащитным, особенно когда они подвергались откровенной агрессии. Разумеется, мы и сегодня, и завтра не оставим в беде жертву агрессии, будь то европейская страна или азиатское государство, и будем помогать им всеми возможными для них и для нас гуманитарными средствами. Если в подобном критическом положении окажется вдруг вся «*старушка*»-Европа, мы и в этом случае, не помня былого зла и прежних обид, придём ей на помощь. Но сейчас пока именно «*старушка*»-Европа задаёт тон мировой конфликтности, используя лозунги демократии, либерализма и глобализации для утверждения силовыми методами своего культурно-цивилизационного превосходства. «*Старушка*» вовсе не безобидна, как представляет её Владимир Соловьёв. Её цивилизационная миссия всё больше оборачивается для мира самым настоящим варварством, причём не только в области межгосударственных отношений, но и в духовной сфере. И в жертвах у глобализационного процесса всё ещё ходит не Запад, а Восток. Ему пока отведена роль сакрального агнца в великом деле демократизации, либерализации и глобализации человечества.

Уже по этой причине Россия не должна, да и по самому своему евразийскому естеству не может активно участвовать в устрашающих силовых акциях Запада в отношении азиатских государств. Но и сам по себе Восток для нас вовсе не чужой. Будучи восточно-европейской страной и исторически вместив в себе значительную долю Востока, Россия давно уже породнилась с Востоком. Если когда-то Восток и притягивал россиян, то они предпочитали не накапливать и множить иллюзии, а предпринимали сугубо практические действия. Они массово поднимались и шли на восток, мужественно осваивая труднодоступные и, по сути, пустующие сибирские восточные земли. Какие бы сегодня карты ни рисовали себе японцы и китайцы в отношении сибирских территорий России, нам с Востоком делить, по сути, нечего. Япония извечно была сугубо островным государством, воспринимая любого чужого человека на своей территории как врага. Китай на всём протяжении своей долгой истории предпочитал селиться и обустраиваться исключительно в центре Азии, отгораживаясь от сурового севера неприступной Китайской стеной. Россия всего лишь заняла свою историко-географическую нишу, став по отношению к Востоку просто северо-азиатским государством. А посему не только Восток для нас не чужой, но и сами мы уже давно на Востоке свои. Отталкиваться нам на Востоке не от чего, да и незачем. Все попытки столкнуть нас с Востоком имеют исключительно недоброжелательные европейские умыслы. По сути, речь в данном случае идёт даже вовсе не о противопоставлении России Востоку, а о разбалансировке России внутри самой себя, то есть об антагонистическом столкновении в ней её европейских и

азиатских духовно-национальных составляющих, неотъемлемых и органически присущих России.

* * *

В порядке исключения я решил привлечь для характеристики Востока не русскую народную сказку, а какую-нибудь из многочисленных сказок народов Востока. Колеблясь между индийскими и арабскими сказками, я в конце концов предпочёл двухтомнику «*Тысяча и одна ночь*» сборник «*Сказки народов Индии*», а в последнем остановил свой выбор на переведённой с хинди сказке «*Что посеешь, то и пожнёшь*». Это по-восточному очень жестокая притча, но не лишённая глубокой философичности, неколебимого чувства справедливости и активного сострадания к униженным и угнетённым. Сюжет сказки предельно прост, да и сама она очень коротенькая. Жадный брахман, соблазнённый посулом денег, отпускает на свободу заключённого в клетку льва под гарантию личной безопасности. Но вышедший на свободу лев намеревается первым съесть не кого-нибудь другого, а именно своего освободителя. Брахман требует третейского суда и обращается за защитой попеременно к тощей буйволице, старой лошади и крепкому, упитанному быку. Но все они высказались не в его пользу, обвиняя всех людей в жадности, несправедливости и жестокости. Выслушав обвинительное мнение последнего «*присяжного*» - вполне благополучного быка, лев одним ударом прикончил брахмана и съел его.

Героев в сказке двое – брахман и лев. Брахман в ней символизирует не только всех представителей высшей касты Индии, наделённых значительными привилегиями (в том числе правом брать деньги без отдачи), но и вообще всех состоятельных и морально неразборчивых людей, склонных к разного рода материальным излишествам и к моральному компромиссу со злом. В современной Индии брахманы, составляющие пять-десять процентов населения, занимаются исключительно интеллектуальным трудом, исполняя должности священнослужителей, учёных, чиновников и учителей. В первой половине прошлого века брахманы вообще занимали до трёх четвертей всех более или менее важных государственных постов. Учитывая, что сегодня, по словам Камала Митра Ченоя, в экономике Индии баланс складывается в пользу богатых, думается, что и в число нынешних чрезмерно богатых людей, уподобляемых нашим олигархам, входит немало «*брахманов*». Другими словами, брахман в сказке-притче олицетворяет некое чуждое народу социальное явление, паразитирующее на народе, но народом не являющееся. Лев в сказке, по сути, символизирует высшую меру нравственности и справедливости, наделённую к тому же сверхчеловеческой силой и могущественностью. Насильственно запертые в клетке эти силы нравственности и справедливости по-восточному терпеливо ждут своего часа. Но, будучи освобождёнными, они начинают творить свой суд. «*Человек*, - говорит лев в своей обвинительной речи, - *бесчестное создание, ему нипочём нарушить обещание. Из жадности он может совершить любой грех. А ты к тому же брахман, всем известно, как вы, брахманы, жадны. И освободил ты меня только ради денег. Поэтому я непременно тебя съем*». Примечательно, что для подтверждения справедливости своих слов лев обращается не к людям, в которых он полностью изуверился, а исключительно к домашним животным, эксплуатируемым человеком. Тем самым брахман превращается в сказке в олицетворение жадного эксплуатирующего меньшинства, а лев и все другие животные - в бесчестно эксплуатируемое большинство. Освобождение льва происходит вроде бы случайно, но это не мешает восприятию конечного возмездия брахману за его земные грехи как акта не только справедливого, но и вполне закономерного.

Возвращаясь к названию сказки, следует отметить, что использованная в нём русская народная пословица – «*что посеешь, то и пожнёшь*» - вряд ли дословно соответствует индийскому названию. Скорее всего, на языке хинди имеется своя идиома,

близкая русскому пословичному клише по смыслу. Тем не менее, русское название очень верно отображает основную идею индийской сказки. В нашем понимании, аналогичном русской пословице «*посеешь ветер, пожнёшь бурю*», брахман, выпустив на волю льва-людоеда, совершил несомненное зло, от которого сам и погиб. Но здесь мы вместе с Востоком вступаем в противоречие с либерально-гуманистическими принципами современного Запада. С точки зрения либерала-правозащитника, брахман, освобождая заключённого в клетку льва, совершил лишь акт гуманизма. Если бы при этом он взял деньги, то это было бы исключительно экономическое преступление, караемое штрафом, но отнюдь не смертной казнью. Для Востока же лев – кровожадный бунтарь. По жёсткой логике восточного сказочника, в нашем мире либо должны царить всеобщая и абсолютная справедливость, и тогда людям никакой лев не страшен; либо в противном случае категорически воспрещается выпускать бунтаря-льва из клетки. Мораль сказки для нас, думается, не совсем однозначна. Как в конформистском гуманизме Запада, так и в жажде жестокого возмездия за грехи Востока содержатся элементы справедливости. По сути, это два вида гуманизма как такового. В западном гуманизме преобладают формальные аспекты, в восточном – аспекты сущностные. Запад лукаво склонен всемерно потакать человеческим слабостям; Восток же прямолинейно жаждет неотвратимой кары за грехи. Запад зачастую оправдывает свой фальшивый гуманизм чрезмерными жестокостями варварского Востока; а тот в свою очередь объясняет свою акцентированную жестокость развращающим влиянием Запада. Россия много настрадалась и от западнического небескорыстного заигрывания со злом, и от жестоких восточных способов борьбы с реальным или мифическим лихом. А потому она, как мне кажется, уже не хочет играть во все эти подростковые игры, а вполне созрела в двадцать первом веке для того, чтобы строить свои взаимоотношения с Западом и Востоком без иллюзий, но и без пристрастности. Пусть лев сидит в своей клетке, но и брахману нельзя забывать о своей ответственности перед собственной совестью и другими людьми.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. РОССИЙСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО – СУДЬБА ИЛИ БЛАГОСЛОВЕНИЕ?

Двома господином один раб не услужит.
Где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках.
Ласковое теля двух маток сосёт.

Русские пословицы

1

Принципы евразийства восходят своим существом к рождению самого понятия Евразия. Основоположником осмысления Европы и Азии как единого континента считается немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, почётный член Петербургской академии наук Александр Гумбольдт (1769-1859). Будучи истинным поборником гуманизма и разума и убеждённым противником неравенства рас и народов, он, думается, вполне осознанно и дипломатично назвал географически единый материк словом «*Азия*», тем самым как бы отдавая пальму первенства восточной его части перед западной. Карл Ройше в 1858 году уравнял в правах Восток и Запад, обозначив континент словами «*Asien-Europa*» и сохранив в нём приоритет Азии. И, наконец, геолог Эдуард Зюсс в 1883 году впервые применил к «*гибридному*» материку современное его название – Евразия, с акцентировкой внимания уже на приоритетности Европы. Судя даже по чисто географическим особенностям, континент Евразия отличается от других материков сложнейшей комплексностью его разнообразных территорий, климатических зон и природных явлений. Если же принять во внимание так называемый человеческий фактор,

то этот двуединый континент не может не поражать вдумчивого исследователя бесконечным и многообразным смешением рас и народов, языков и наречий, исторически обусловленных противоречивых форм человеческого сосуществования и весьма специфических местных обычаев.

К духовным отцам российского евразийства причисляют славянофилов. Во всяком случае сами российские евразийцы считали своими предшественниками именно основоположников славянофильства Алексея Хомякова и Ивана Киреевского, обосновывавших самобытный путь развития России, а также поздних слявянофилов - Константина Леонтьева, Николая Страхова и Николая Данилевского, основательно развивших их идеи. Последний в книге «*Россия и Европа*» относил Россию совместно со славянством к особому культурно-историческому типу, совершенно отличному и отдельному от Европы. В связи с этим Данилевский полагал, что прогресс состоит не в том, чтобы всем странам и народам идти исключительно в одном, сугубо европейском направлении, а в том, чтобы исходить всё историческое и провиденческое поле во всех направлениях. Развивая идеи Данилевского, русский эмигрант, крупнейший зарубежный лингвист, философ и политолог Николай Трубецкой своей книгой «*Европа и человечество*» (1920) положил начало собственно теории так называемого российского евразийства. Идеология этого политического и этно-социального течения мысли сводилась князем Трубецким к отстаиванию концепции многолинейности и комплексности всемирного исторического процесса, в котором своеобразие и самобытность российской культуры противопоставлялись исключительности и абсолютности европейской культуры. Его друг и единомышленник Пётр Савицкий в книге «*Степь и осёдлость*» отстаивал мысль, что Россия является частью особого окраинно-приморского мира, носительницей углубленной культурной традиции, в которой сочетаются одновременно осёдлость и степная стихия.

К неоевразийцам советского периода современные социологи относят историка Льва Гумилёва, причислявшего Россию к «*суперэтническим целостностям*», сочетающим в себе комплекс речного, лесного и степного. В наши дни ведущим идеологом и признанным лидером евразийского движения считается российский философ и политолог Александр Дугин. Его основные идеи сводятся к обоснованию необходимости создания некой евразийской империи через интеграцию России с бывшими советскими республиками, в первую очередь с русскоязычными территориями за пределами Российской Федерации. В связи с этим немецкий политолог Андреас Умланд, преподающий в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, видит в современных евразийцах неких социальных и политических ретроградов, которые якобы поддерживают антизападные, изоляционистские, империалистические и идеократические аспекты раннего советского режима и видят в нём частичную преемственность царской империи. То есть российское евразийство в целом трактуется немецким учёным, специализирующимся на анализе советского и постсоветского общества, по сути, как чистое, беспримесное имперство, обрекающее и без того отсталую Россию на полную изоляцию от бесконечно прогрессирующего демократического Запада. Разумеется, такого рода идеи весьма по душе украинской национальной элите. Но их огрублённый примитивизм вряд ли делает честь современной немецкой социальной науке, не идущей ни в какое сравнение с подлинно гуманистической немецкой наукой эпохи Александра Гумбольдта.

2

Разумеется, в понятии евразийства основной тон его содержанию задаёт географический фактор. Но он же, этот фактор двуединой континентальности, должен удерживать мало-мальски уважающего себя исследователя от впадения в односторонность трактовки двуединого евразийства как чистого антизападничества или беспримесного антиазийства. Объединяя такой огромный и сложный материк, простирающийся не только

с Запада на Восток, но и с крайнего Севера на самый крайний Юг, в единое понятие Азия, великий учёный Александр Гумбольдт, думается, не только стремился восстановить географическую справедливость. Как подлинный гуманист он, несомненно, преследовал и цель постепенного снятия, хотя бы в очень отдалённой перспективе, разного рода общемировых расовых и социальных проблем и предрассудков. Однако со времён Гумбольдта именно Запад пошёл по пути своего культурно-цивилизационного обособления и жёсткого противопоставления себя Востоку. Создавая географический термин Евразия, немецкие учёные в угоду Западу не просто континентально уравняли Азию и Европу, но и выдвинули на первый план именно Европу. Разумеется, это было сделано не только ради благозвучия, но и намеренно, с целью выпячивания ведущей роли Европы на евразийском континенте. Именно с 1883 года, по-видимому, следует вести отсчёт утверждению в западном научно-элитарном сообществе идеи так называемого европоцентризма, базирующегося на откровенном культе западнического агрессивного материального эгоизма и тщательно скрываемом расовом превосходстве. Адольф Гитлер и его приспешники-расисты были сурово наказаны на Нюрнбергском процессе западноевропейской элитой, думается, не только за то, что развязали мировую кровавую бойню, но, вполне возможно, ещё и за то, что выдали тщательно скрываемую великую тайну расистской подоплёки безупречно передового и бесконечно гуманистического западнического европоцентризма.

Безусловной заслугой российского евразийства, включая и славянофильство, является перевод евразийской континентальности из сугубо географической в духовно-культурную плоскость. Уже славянофилы, настаивая на самобытном пути развития России, вовсе не ставили вопрос об экономико-географической изоляции страны от Европы или её слиянии с Азией. Наоборот, именно славянофилы были инициаторами массового движения в России в середине семидесятых годов девятнадцатого века в поддержку освобождения балканских славян от турецкого ига, спровоцировавшего Русско-турецкую войну 1877-1878 годов. Смысл идей славянофила Николая Данилевского заключался именно в противостоянии и идейном отмежевании от чётко обозначившегося к тому времени идеологизированного европоцентризма, направлявшего движение мира и человечества исключительно в прозападном направлении и противоречившего стремлению России развиваться естественным путём, сохраняя свою самобытность и независимость. Евразиец Николай Трубецкой, отстаивавший концепцию многолинейности всемирного исторического процесса, выступал опять-таки не против Европы как таковой, а против абсолютизации европейской культуры, то есть против того же самого пресловутого европоцентризма. Даже нынешний российский радикал-евразиец Александр Дугин в основу своего мировоззрения ставит вовсе не антизападничество как таковое, а целенаправленное противодействие западному либерализму и либеральной демократии, представляющим собой осовремененную форму всё того же агрессивного и непримиримого европоцентризма.

Однако сущностное понимание российского евразийства, думается, не имеет прямого отношения ни к идеологизированным и односторонне ориентированным антизападничеству и антиазийству, ни к теоретизированному и абсолютизированному до имперских величин гумилёвско-дугинскому евразийству. Сущностное российское евразийство, на мой взгляд, не только выходит за пределы континентальной географичности, но не может быть втиснуто в том числе и в рамки российского цивилизационного культурничества. Евразийская сущность российского и особенно русского народа трудно поддаётся ментальному определению, так как она полностью растворена в его психике и сосредоточена где-то на грани сознательного и бессознательного. Например, в психологии современного американца исследователи обнаруживают некий атавистический комплекс «*пограничья*», который был свойствен первопроходцам Америки, спавшим с оружием в руках на границе «*своей*» земли в ожидании внезапного нападения коварного и безжалостного врага. В научном плане эту

застарелую американскую фобию определили как комплекс Эрисихтона - по ассоциации с мифом о фессалийском царе, страдавшем манией отчуждения от мира. По мнению учёных-психологов, именно этот комплекс придаёт «*роковой характер*» современной американской цивилизации бизнеса. В отличие от американского пограничного мироощущения и присущего евреям безграничного мировосприятия российское сущностное евразийство следовало бы признать межграничным мироощущением и мировосприятием.

3

Применительно к науке психологии этот врождённый комплекс российского евразийского межграничья, на мой взгляд, можно было бы в какой-то мере определить как комплекс Диогена. По аналогии с тем самым Диогеном Синопским, который, по определению исследователей, был фигурой крайне неоднозначной и являлся философом, проповедовавшим аскетический образ жизни, презиравшим роскошь, рядившимся в одежду бродяги и использовавшим для жилья пифос - большой сосуд для вина, который в России для простоты понимания получил наименование «*бочки*». Как утверждали его современники, в средствах выражения Диоген был зачастую прямолинеен и груб. Легенда приписывает ему также эпизод поиска днём с огнём Человека. Если отбросить в этом полумифическом образе всё внешнее и сосредоточиться на его сугубо внутреннем содержании, то сущностно-символичный Диоген предстаёт совсем в ином свете, чем Диоген легендарно-бутафорский. Ощущая на себе непрерывное давление окружавшего его враждебно-агрессивного мира и желая оградить свой нравственный внутренний мир от внешнего давления, мудрец-философ выработал в себе в качестве самого эффективного оборонительного оружия способность максимально ограничивать собственные житейские потребности и тем самым предельно уменьшать свою зависимость от внешнего мира, в котором подлинного, духовно абсолютно чистого Человека невозможно отыскать даже днём с огнём. Комплекс межграничья побудил и Русь-Россию сформулировать и применить на практике в течение своей тысячелетней истории принцип так называемой самодостаточности, который не отвергает партнёрское взаимодействие с Европой и Азией, но предполагает отграниченность и независимость от них в жизненно важных и принципиальных для себя вопросах - прежде всего в явлениях духовно-культурного порядка.

На формирование сущностного евразийства России, как можно судить, решающее влияние оказали вовсе не набирающий силу на Западе европоцентризм и, разумеется, не связанная с этим соответствующая негативистская идейно-политическая реакция в России. Евразийское существо России получило, как мне кажется, своё реальное воплощение намного раньше и совершенно под другим влиянием. Здесь надо отметить два важнейших фактора – Византию и татаро-монгольское иго. Смирившаяся мыслью перед высшим началом, Византия как продвинутая далеко на Восток часть двуединого Римского мира, по словам философа Владимира Соловьёва, покрывала языческую жизнь внешним покровом христианских догматов и священнодействий. Византизм как идеология и был, по сути, прообразом евразийства уже в силу того, что являл собой гибрид восточного язычества и западнического христианства. Перетекшее через православие на Русскую землю византийское евразийство, по мнению Константина Леонтьева, в государственной сфере вылилось в принцип самодержавия, а в духовной области стало сильнейшей антитезой западнической идее всечеловечества, включающей в себя всеравенство, всесвободу, всесовершенство и вседовольство. Если турки в конечном счёте «*подобрали*» территорию изрядно ослабевшей Византийской империи, то Россия фактически «*подобрала*» её сущностное евразийство, перешедшее как наследство от византийских императоров к русским царям и от константинопольсикх патриархов – к русским православным пастырям.

Татаро-монгольское иго, пришедшееся на время распада и крушения Византийской империи и активного проникновения на русскую землю вооружённых «*посланцев*» Запада, позволило Московской Руси во всей полноте и остроте ощутить всю специфичность собственного континентального межграничья. Российская элита, познавшая на себе все прелести агрессивного миссионерского европейства и чванливого ордынского азиатства, думается, не могла не уверовать в спасительную идею принципиальной межграничной самодостаточности и равной дистанцированности как от Востока, так и от Запада. Губительным для России, особенно для Киевской Руси, было не столько татаро-монгольское иго как таковое, сколько опустошительное татаро-монгольское нашествие, страшным, кровавым ураганом пронёсшееся по раздробленным древнерусским княжествам и стершее с лица Русской земли её номинальную столицу - город Киев. Последовавшее за этим двухсотлетнее татаро-монгольское иго, как это ни кощунственно звучит, фактически оказалось одновременно раздражающим и благотворным фоном для внутреннего формирования идеи и последовавшего затем практического её воплощения в форме централизованного русско-российского государства. Того самого реального и весьма эффективного практического инструмента, который позволил не только русско-российским государям, но и русскому народу в целом успешно воплощать в жизнь с пятнадцатого века генеральную линию самодостаточного, равноудалённого от Запада и Востока, особого, евразийского пути развития России. Весьма примечательно то, что само понятие «*иго*» родилось не в уме угнетённого русского человека, а опять-таки пришло к нам намного позже, уже в конце шестнадцатого века, из-за рубежа - от наших доброхотов с Запада. Причём вряд ли от великого их сочувствия и сострадания к нам. Скорее, и здесь таился умысел противопоставить Россию некогда угнетавшему её Востоку и сделать из неё форпост европейской борьбы и европейского господства над Азией.

4

Если для русских государей и российской элиты принцип самодостаточности российского государства сводился в конечном счёте к вопросу их личностно-державного престижа, то для русского народа он вылился в некое жизненное кредо, причём не только в бытийном, но и в мировоззренческо-философском плане. Уже пословицей «*двома господином один раб не услужит*», родившейся, судя по старославянским оборотам речи, в очень давние времена, выражена суть отношения русского человека к претензиям разного рода господ считать его своим «*рабом*» (в служебном понимании этого слова). В принципе он не считает для себя зазорным «*услуживать*» какому-то одному господину, но при условии твёрдой гарантии полной своей безопасности от притязаний других господ. Но, так как в реальной жизни он не видит ни одного по-настоящему надёжного господина, то намерен вообще обходиться без земных господ, вверяя свою судьбу единственному и во всех отношениях самому достойному высшему Господину – Богу-Защите, Богу-Вседержителю. Приняв столь ответственное, судьбоносное для себя решение, русский человек в равной мере не приемлет для себя ни откровенного европейского зла, ни скрытного азиатского лукавства («*злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились*»), ни западной обдуманной эгоистичной расчётливости, ни восточной коварной льстивости. Для русского человека «*ласкатель – тот же злодей*», а потому для себя самого он избрал совсем иную линию поведения, выраженную пословицей «*встречай не с лестью, а с честью*». Не склонный впадать ни в западническое высокомерие, ни в восточную льстивость, русский человек предпочёл и к Западу, и к Востоку подходить с честью, то есть демонстрируя искренность и непредвзятость взаимоотношений, но с непременным сохранением высокого уровня самоуважения и обязательным соблюдением моральных правил, заключающихся в поддержании личного достоинства другого человека – своего соседа в общем евразийском доме.

Очертив круг отвергаемого, неприемлемого для себя в принципе, разумные русские люди и народ в целом выработали в течение веков свой собственный самодостаточный

евразийский способ человеческого сосуществования. Этот поведенческий кодекс межграничья находит вполне определительное выражение в таких русских пословицах, как «*не копай другому ямы: сам в неё ввалишься*»; «*которой рекой плыть, ту и воду пить*»; «*в траве идёт – с травою вровень; в лесу – с лесом*»; «*ласковое теля двух маток сосёт*»; «*и волки сыты, и овцы целы*»; «*Богу молись, а чёрта не гневи!*». В принципе это кодекс мирного сожительства русского человека с окружающим его очень динамичным, крайне неустойчивым и потенциально враждебным миром. В этом принципе превалируют не претензии к другим, а меры собственного приспособления к чужим нравам и способы достижения более или менее надёжного мирного сосуществования. Нравственная доминанта в этом этическом кодексе межграничья настолько многозначаща, что, по сути, выводит отношения русского человека с окружающими его людьми на уровень его отношений с Богом. Утверждая, что «*простота, чистота, правота – наилучшая лепота*», мудрый русский человек, по сути, выводит универсальную формулу благотворного межчеловеческого сожительства и устойчивого земного существования человека вообще, одновременно максимально отвечающую и нормам личностного угодничества Богу.

Особый, самодостаточный, межгранично-евразийский путь развития России никогда не казался простому русскому человеку лёгким и безоблачным. Он намного лучше западных его доброжелателей и советчиков знал всю его ущербность, все его изъяны и пороки. Замечательная русская пословица «*где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках*» - это, по сути, простонародная характеристика всего тысячелетнего пути межграничного развития России, в котором и скачкообразных прыжков было более чем достаточно, и разного рода приспособленческих бочков с ползками вполне хватало. Что же касается «*карачек*», то за примером далеко идти не приходится. Вроде бы поднявшись с колен, на которые её опустили либералы-западники в девяностые годы прошлого века, Россия вовсе не встала и сегодня во весь свой рост, а движется именно «*на карачках*», в полусогнутом состоянии, не решаясь ни поднять как следует голову, ни распрямить судорожно согнутые ноги. И, тем не менее, русские люди, по крайней мере, наиболее разумные из них, прекрасно понимают, что это всего лишь временное явление, ибо «*у молодца – не без долотца*», «*есть и шильце, и мыльце, и брильце*». А когда есть всё необходимое и достаточное, то ничто ещё не пропало, а главное – не пропала Россия. У русского народа есть такая примета: «*денег нет – перед прибылью; лишний грош – перед гибелью*». То есть внешнее, показное благополучие – это как раз и есть признак сущностного неблагополучия. А временные трудности – не беда, дело наживное; главное – не падать духом.

5

В мае 2010 года в связи с выходом во Франции книги «*Россия между двумя мирами*» *("La Russie entre deux mondes"*) в русскоязычной газете «*Русская мысль*» было опубликовано интервью с её автором - академиком Элен Каррер д`Анкос. В этом своём интервью наша французская соотечественница с глубокими русскими корнями высказала много верного и здравомысленного. «*Все говорят*, - подчёркивает она, - *что России нужно бояться, но, мне кажется, что и Россия боится всех… Помимо этого комплекса враждебного окружения, сегодня существует ещё один любопытный фактор: Россия одержима идеей, что её не любят… Российские руководители не понимают, что невозможно строить международные отношения на одних тёплых чувствах*». В этих словах Элен Каррер д`Анкос выражена, на мой взгляд, не просто ущербность, но самая настоящая трагедия тысячелетнего существования России в условиях межграничного евразийства. В том, что русским людям приходится бояться всех, так как протяжённые границы страны являются, по существу, открытыми и подвержены постоянной опасности нападения, - это, конечно, неприятно, но не смертельно, ибо Россия привыкла быть настороже, готовая дать отпор любому агрессору. Трагедия россиян заключается в другом. Они столько сделали в своей тысячелетней истории, чтобы заслужить любовь

своих восточных и западных соседей, но обречены на нелюбовь и непонимание именно в силу своего межграничья. Примечательно само название книги Элен Каррер д`Анкос, очень созвучное теме данной главы и отражающее сущностную трагедийность России. Ибо проблемность российского евразийства проистекает даже не столько из её межконтинентального географического положения, сколько именно из её примыкания к двум духовно антиподным «*мирам*», которые она то беспрепятственно пропускает через себя, то даёт им бой прежде всего внутри самой России. При этом склонная к любви и дружбе Россия вот уже по крайней мере на протяжении последнего пятисотлетия неизменно обнаруживает, что у неё надёжных друзей нет и что нет никакой возможности строить международные отношения на одних тёплых чувствах.

Элен Каррер д`Анкос замечает, что в принципе для русского и российского народа нет никакой трагедийности в такой ситуации и что это в основном драма российских руководителей, которые утопически стремятся к тому, чего в природе реально не существует. С таким утверждением вполне можно было бы согласиться, но с определённой поправкой. К романтикам-утопистам необходимо отнести, пожалуй, не только и не столько российских государей, сколько российскую элиту и российскую интеллигенцию, которые, по-азиатски используя выгоды своего привилегированного положения в родной стране, стремились и ныне стремятся быть принятыми за «*своих*» в европейских и азиатских государствах, элита которых преследует совсем иные политические цели и противоположные практические интересы. У русского народа, однако, уже с давних времён выработалась своя защитная реакция или устойчивый духовный иммунитет на постоянную чужую враждебность и чуждое русскому человеку лукавство. Русские пословицы - «*чёрт Ваньку не обманет: Ванька про него молитву знает*», «*бережёного и бог бережёт*» и целый ряд других - свидетельствуют о том, что простой русский человек, придавая большое значение тому, чтобы лишний раз не провоцировать чужую злобу, вовсе не рассчитывает на панацею любви и дружбы в межчеловеческих, а следовательно – в межгосударственных и межмировых отношениях.

Проблемы евразийства России заключаются не в том, что она физически существует между двумя мирами и что ни тот, ни другой мир не принимает её за «*свою*», а в том, что в каждом из этих двух миров в ней видят представительницу другого, чуждого, враждебного мира. Например, упорно и намеренно выводя Россию как бы за грани Европы и, по сути, причисляя её к Азии, Запад не просто отдаляет её от себя, но и тем самым оправдывает свою неизменную враждебность к ней. Что касается восточно-азиатской стороны, то и здесь евразийство России воспринимается весьма неоднозначно. Рассуждая о взаимоотношениях Киргизии с Россией в советский и постсоветский период, иисполнявшая обязанности президента Киргизии Роза Отунбаева в своём интервью подчеркнула: «*Я бы хотела восстановления вширь и вглубь духовной связи с Россией, в том числе в сфере образования. Экономически, может, мы будем сориентированы на Китай, но духовно – на Россию… Для нас Россия – это Европа*». Если отбросить дипломатические политесы, то Россия не только для Киргизии, но и для всего Востока служит символом Европы, причём со всеми вытекающими отсюда последствиями. Киргизы, по словам Отунбаевой, готовы учитывать этот европейский фактор России, но только в культурной, преимущественно образовательной сфере. Дружить же они намерены с Китаем, ориентируясь на него, разумеется, не только экономически. Насколько азиатский подход к России для нас лучше или хуже европейского, судить очень трудно, ибо евразийская специфика России проявляется ещё и в том, что примерно половина нашего населения во вкусовом плане предпочитает Европу, а другая её часть – Азию.

6

Особая евразийская геополитическая статусность нашей страны выводит Россию и россиян не только за социокультурные рамки антагонистичных друг другу Запада и

Востока, но и выталкивает их в некое межцивилизационное пространство. В то же время само это промежуточное пространство находится в очень рыхлом состоянии. Причём его границы обозначены очень условно, а само оно пребывает в стадии организационного формирования. Не всё однозначно в существе и в современной трактовке западной и восточной цивилизаций. О существовании западноевропейской цивилизации в мировой научной среде говорится не просто как о само собой разумеющемся явлении, но и с оттенком неколебимой аксиоматичности. Тем не менее её границы чётко не определены, а потому вполне допускают субъективизм и конъюнктурный волюнтаризм в их толковании. Наличие же специфической восточноазиатской цивилизации лишь подразумевается при упоминании древней цивилизации Китая и Индии. Как таковой единосущностной восточноазиатской цивилизации нет, а имеется лишь некий достаточно хаотичный набор характеристичных черт, относимых к восточной цивилизации. Рассуждения о российской цивилизации, исходящие из уст ортодоксальных российских патриотов, воспринимаются даже в самой России с некоторым недоумением и смущением, подобным реакции на неприличное слово, прозвучавшее в присутствии детей. На Западе же к разговорам на эту тему относятся вообще как к неудачной шутке. В то же время в условиях набирающей обороты глобализации мира евразийское межграничье России становится для нашей страны, по сути, вчерашним днём. На первый же план сегодня перед нашей страной выдвигается огромной важности общеконтинентальная цивилизационная задача - не только удержать враждующие континенты Европа и Азия от их окончательного развода, но, возможно, даже возглавить процесс их постепенного сближения друг с другом с целью конечного превращения в духовно единый, по-настоящему евразийский континент.

Сегодня, когда Запад всё больше погрязает в своей эгоцентрично обострённой цивилизационности, а Восток не в силах преодолеть свою цивилизационную аморфность, только Россия, родственная Западу в его рациональной ментальности и Востоку в его ментальной иррациональности, способна их понять, объяснить друг другу и создать атмосферу взаимопонимания и взаимного доверия. На всём протяжении своего тысячелетнего развития Россия прилагала неимоверные усилия, чтобы быть ближе к Западу, походить на него, но одновременно она всегда сострадала Востоку и стремилась европейски цивилизовать восточные народы, находящиеся в сфере её влияния. Такого опыта межконтинентального взаимодействия, какой накопила Россия в процессе многовекового евразийского межграничья, пожалуй, нет сегодня ни у одной страны мира и ни у одного народа. Этот опыт надо не игнорировать и опорочивать, а беречь как драгоценность и всемерно его использовать на благо Востоку и Западу и всего человечества в целом. Вместо нынешней упорной борьбы за Россию с целью перетянуть её в стан Востока или Запада и сделать её континентально «*чистой*», заставив отказаться от свойственного ей смешанного евразийства, необходимо, наоборот, это евразийство дружно крепить и всемерно развивать. Ибо выпрямление России не только равносильно умертвлению её сущности и в конечном счёте духовной гибели её народа, но и её устранению от исполнения своей бытийно очень трудной, но исторически весьма ответственной общеконтинентальной объединительной цивилизационной миссии.

Сегодня, когда под аплодисменты теоретизирующих евразийцев-имперцев ставится вопрос в политико-практическом ключе о формировании некоего Евразийского союза как антипода уже существующему Европейскому союзу, важно хорошо осознать и чётко определить, чего нам больше всего при этом хочется – вражды или мира, повторения своих прошлых ошибок или выхода на новый, более высокий виток своего исторического развития. Формирование Евразийского союза по принципу неприятия и вражды к нынешнему Европейскому союзу подразумевает, на мой взгляд, преимущественное возрождение политического объединения государств по типу Советского Союза. Как бы ни был велик новый политический Союз, он вряд ли когда-нибудь достигнет масштабов прежнего Советского Союза, но почти неизбежно повторит его трагическую судьбу в минуту рокового испытания. Гораздо перспективнее выглядел бы демократический альянс

цивилизационно неопределившихся и идеологически нейтральных народов, основанный на их духовной общности. Каким бы ничтожным политически и организационно он ни казался на начальном этапе, такой сугубо добровольный и преследующий мирные цели народный альянс в условиях набирающей силы межконтинентальной вражды имеет определённые перспективы разрастись до общеконтинентальных величин. Тем более что какой-то иной панацеи перспективного межконтинентального развития сегодня в мире нет, да и не может быть. Её не приходится ждать ни от прогрессивно-загнивающего Запада, ни от развивающегося, но слишком обременённого наследием прошлого Востока. Однобокий прогресс вообще оказывается сегодня каким-то мракобесно-регрессивным, особенно в либерально-демократическом западническом исполнении.

7

Одной западной прагматики или антиподной ей восточной витальности в двадцать первом веке ни для нашей страны, ни для мира в целом явно недостаточно. И та, и другая позволяют человеку и человечеству держаться наплаву, скользя по поверхности явлений и событий и не принимая на себя ответственности за судьбу мира и человечества в целом. Торопясь жить и проживать дарованные нам Богом или природой естественные ресурсы, мы, с одной стороны, основательно загадили нашу планету отходами нашей бурной жизнедеятельности, а с другой – выходим на тот техногенный и технологический рубеж, за которым открываются прямые угрозы существованию нашей планеты. Дальнейшее бездумное прагматико-виталистическое пребывание человека на земле становится не только нецелесообразным для него лично, но и опасным для всего человечества. Если человек не мыслит себя временщиком на этой земле и не хочет провести остаток своих земных дней в сотворённых им хаосе и бедламе, он просто обязан заняться разумным обустройством планеты и начать миропреобразование прежде всего с самого себя. «*Всё великое и священное,* - писал Иван Ильин, - *идёт изнутри… Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, скверно, то не поможет никакая внешняя форма… Истинное строительство есть творчество, а не подражание*». Великое и священное я отношу к нашему будущему, к формированию разумного мироустройства, к сдерживанию фанатичной экзальтации, фаталистического провиденчества и бездушного интеллектуализма, к заботе о судьбе планеты и наших потомков. И здесь, действительно, не обойтись нам без духовного самоочищения, без приведения в порядок нашего внутренного мира. Западная и восточная модели мироустройства по-своему, может быть, хороши, но каждая сама по себе и применительно исключительно к своим условиям развития и к собственной геополитической ситуации. Сущностная же глобализация (не та, что нам навязывают сейчас) предполагает целостное миросозерцание и мироощущение. В её основу должны быть положены не какие-то глобализационные идеи или страновые амбиции, а именно человек как Богоподобная личность и человечество как сообщество людей, объединяемых единым Божественным предназначением.

Либерально-демократический строй, утвердившийся сегодня в России, сам по себе ни плох, ни хорош, ибо строй он и есть «*строй*», то есть исключительно форма политического устройства. Плохо то, что толерантнейший либерализм агрессивно вторгается в России в сферы, сущностно ему противопоказанные. Так, выйдя из области чистой политики и подмяв под себя российскую экономику, он полностью разрушил самодостаточную систему народного хозяйства страны, поставив Россию в кабальную зависимость от экономики западноевропейских государств. Сектантски прорвавшись затем в духовную сферу, он породил в душах враз обнищавших, обобранных и оболганных людей те самые смуту, нечистоту, злобу, жадность и великую скверну, о которых пророчествовал Иван Ильин. Эта скверна, вылившаяся на нас ушатом из модернистско-декадентствующего Запада, растекается сейчас зловонной жижей по непротивленческому Востоку, творя и там духовное гниение и социальное разложение. Россия же оказалась как бы в эпицентре межцивилизационных сточных вод, куда они

устремились целенаправленно и самотоком благодаря духовно разоруженческой деятельности наших радикал-либералов. С одной стороны, это очень плохо, так как концентрация вредных для жизни веществ и явлений в России в разы превышает уровни, недопустимые не только для Запада, но и для Востока. Но эта низшая планка страновой самозащиты и общенародной самодостаточности не может не побуждать россиян к активным поискам и устремлённости к восстановлению своего жизненного иммунитета. А так как русский человек необычайно изобретателен именно в кризисно-катастрофических ситуациях, то следует ожидать в России уже в ближайшем будущем мощной активизации её подспудно таящегося внутреннего ресурса.

Но следует подчеркнуть, что время подражания каким-то весьма условным идеалам и выхваченным из истории конкретным образцам не только для России, но и для мира в целом сегодня подходит к концу. И это касается не только Востока, но и Запада тоже. Ибо вся его прогрессивность вовсе не была самородной и самопроизводной, а фактически являлась его эпигонским подражанием Древней Греции и Древнему Риму, из истории которых обильно черпались и конкретные формы демократии, и примеры гражданского общества. Вся новизна западноевропейского политического и общественного уклада сводилась, по сути, к тому, что древнегреческие и древнеримские здравые начала были доведены Западом с течением времени до абсурда и превратились ныне в собственную противоположность. В этих условиях либеральное подражание сибаритскому, живущему не по средствам Западу становится для России не просто невозможным технически, но и по-настоящему гибельным духовно. Собственно говоря, в России, по-глупому обезьянничая, подражала Западу исключительно элита да очень незначительная часть общества. Народ же отдавал предпочтение старине, говоря – «*деды наши жили просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью стать*». Собачья стать - это и есть не только итог всей нашей социально-политической подражательности Западу, но и точная характеристика нашего теперешнего духовного состояния.

8

Наше сущностное евразийское общеконтинентальное творчество, по-видимому, должно идти в двух направлениях. Прежде всего мы должны заняться самими собой – нашей собственной страной и личностным духовным миром. В плане страны нам необходимо прежде всего оставить в прошлом наши оглядки как на Запад, так и на Восток. У Запада и Востока сегодня собственных проблем хватает, чтобы озабочиваться ещё и нашими судьбами. Если они и проявляют сейчас к нам интерес, то исключительно для того, чтобы поправить за наш счёт свои далеко не блестящие дела. Следовательно, мы должны выстраивать свои политические, экономические, социальные, культурные и духовные планы и расчёты с учётом господствующих мировых тенденций, но исключительно в интересах развития собственного общестранового и национального потенциала. В духовном отношении нам надо решительно избавляться от присущего нам детского комплекса неполноценности и учиться жить по-взрослому. После тысячи лет своего сложнейшего межконтинентального развития мы должны не только осознать свою сущностную, воистину цивилизационную самобытность, но и поверить в её важность и спасительность для нашей страны и, возможно, для мира в целом. Вряд ли было случайным более десяти столетий назад выделение особого русского племени из общей массы славянских племён. Думается, вовсе не случайным было создание этим племенем своего собственного государства и постепенное продвижение его на труднодоступные и суровые северо-восточные земли. Даже двухсотлетнее татаро-монгольское иго не смогло сломить это русское племя, а, наоборот, укрепило его волю и веру в Бога и в самого себя. Многое удалось пережить россиянам за последние семь столетий, находясь в центре разлома между восточной и западной цивилизациями. И, тем не менее, Россия выстояла наперекор невзгодам и обрела собственный межцивилизационный опыт исторического

существования, сконцентрировав в нём характерные черты цивилизационного общеконтинентального евразийства.

В нашем тысячелетнем многоборческом существовании на стыке Европы и Азии, разумеется, было немало судьбоносного, а порой даже провиденческого и рокового. Исторической судьбой России была предназначена роль буфера между Западом и Востоком – во многом страдательная, но в целом благородная и миротворящая. Не будь этого разделительного российского твёрдого орешка на открытом всем ветрам межцивилизационном пространстве, принимающего все удары на себя и тем самым гасящего остроту межцивилизационной конфликтности, ещё не известно, каким был бы сегодня в своей внутренней сущности и внешней конфигурации огромный и сложный евразийский континент. Благодаря России и её пограничной - по сути, сторожевой - роли на евразийском континенте Запад имел гарантированную возможность для своего стремительного, бурного и прогрессивного цивизизационного развития, а Восток получал сносные условия для сохранения верности своему уходящему в глубь веков мудрому цивилизационному прошлому. В этой особой предназначенности России на евразийском континенте довлеет некий провиденциализм. Но, думается, имеет место в нём и Божественное благословение, без которого Россия не смогла бы справиться со своей сущностной евразийской миссией.

Анализируя ближневосточную ситуацию, политолог Евгений Сатановский с удовлетворением отмечает, что наша нынешняя политика (в отличие от былой политики Советского Союза) в этом конфликтном регионе состоит в отсутствии приоритетов. Этот курс он считает, по сути, оптимальным для России, видя её задачу исключительно в том, чтобы поддерживать баланс между разными этническими и религиозными группами. Подобная нейтралистски толерантная роль, по-видимому, отводится России современными идеологами либерализма и в отношениях между раскрывающим свой исторический потенциал Востоком и теряющим своё лидерство, агрессивно настроенным Западом. Но без приоритетов баланс не только не поддерживается, а, наоборот, разбалансированный мир попросту пускается на самотёк и саморазрушение. Если мы хотим мира, добра и процветания нашим потомкам и нашему континенту, без приоритетов нам никак не обойтись. И главным приоритетом для нас, по крайней мере на ближайшее столетие, должны стать борьба с либеральной и прочей скверной внутри нас и твёрдое противостояние ей во внешнем мире. В полном разгаре эпидемии всемирной духовной чумы двадцать первого века равнодушное балансирование между больными и здоровыми не только преступно по отношению к здоровым, но и смертельно опасно для всего человечества.

* * *

Отступив от правила единожды, нарушаю его и во второй раз. На сей раз, решив воспользоваться уже казахской сказкой. Известно, что на титул сущностно евразийской державы претендует не только Россия, но и Казахстан. С одной стороны, в силу того, что его территория является тоже пограничной в отношении Запада и Востока, а с другой – потому что фактически половину его населения составляют русские и другие европейские народы. В трёхтомнике «*Казахские народные сказки*» (1971) я остановил свой выбор на третьем томе, а в нём - на сказке «*Атумтай и Нашарван*». Герои сказки символичны: первый олицетворяет щедрость, второй – справедливость. Следуя каждый своим принципам, жили они оба в большой дружбе и согласии. Что, естественно, очень не нравилось «*шайтанам*», которые позавидовали такой дружбе и решили нарушить её. Для этого они влезли в их души и раздружили их так, что они стали непримиримыми врагами. Добившись своей цели, шайтаны свели врагов вместе в поле, причём Атумтай был вооружён шашкой, а Нашарван не имел никакого оружия. Когда же Атумтай решил убить своего врага, Нашарван, воззвав к его щедрости, попросил отдать ему именно шашку.

После внутренней борьбы Атумтай, дорожа своей честью, выполнил просьбу Нашарвана, но в свою очередь воззвал к его справедливости. Тот тоже не изменил своим принципам, бросился к Атумтаю и крепко сжал его в своих объятиях. Конечная мораль сказки - «*само сердце подсказало друзьям, что они поддались искушению шайтана*».

Щедрость и справедливость, по мнению казахского народного мудреца, являются не только важнейшими принципами восточной мудрости, но и главными средствами поддержания мира и дружбы среди людей. По логике сказителя, щедрость обязательно должна быть справедливой, а справедливость - щедрой. Взаимно дополняя друг друга, они в контексте сказки делают мир устойчивым, а дружбу – надёжной. Возведённые в абсолют, щедрость и справедливость становятся таким образом как бы базисными моральными устоями всей восточной цивилизации. Но они поддаются и более расширительной трактовке, если посмотреть на эти принципы в евразийской интерпретации. Щедрость вполне применима к общей символике Востока, а справедливость – к сумме символов Запада. Если смотреть под этим углом, то Восток и Запад предстают в своём существе не только не антиподными друг другу континентальными оконечностями, но и нуждающимися друг в друге сущностными явлениями. Причём прежде всего в интересах установления и упрочения мира на континенте и развития дружбы и взаимопонимания между всеми населяющими его народами. Все конфликты между людьми (от аула до всей планеты) начинаются, по мнению народного мудреца, именно с нарушения равновесия между щедростью и справедливостью, в результате их «*ссоры*» друг с другом. Изъятие из бытийного оборота любого их этих компонентов – будь то справедливость или щедрость – делает мир, по логике сказки, катастрофичным, а человеческие отношения – дисгармоничными.

Но у этой сказки, как и у всякой народной притчи, есть ещё второй, более углубленный план, но тоже весьма существенный. Сказка начинается со слов: «*Жили когда-то два друга*». «*Когда-то*» здесь выступает в качестве символа прошлого, причём с оттенком изначальности. Следовательно, щедрость и справедливость заложены, по мнению сказочника, уже в самой природе вещей и явлений и составляют основу добрых человеческих отношений. Ссорятся они между собой и становятся непримиримыми врагами не сами по себе и не по логике развития природы или объективных явлений, а под влиянием сугубо субъективных факторов. Этими разрушительными факторами становятся шайтаны - некие потусторонние злые силы, которым не нравится мир на земле. Примечательно, что исполнителем воли шайтанов должен был стать именно вооружённый шашкой Атумтай, олицетворяющий в сказке щедрость и богатство. Убив справедливого Нашарвана, богатый Атумтай, по сути, символически освободил бы себя от долга справедливости. То есть к убийству его толкает именно алчность, взращённая в его душе теми же самыми шайтанами. Завладев шашкой, олицетворяющий справедливость Нашарван в свою очередь получает возможность не только убить богача, но и уничтожить фетиш богатства. Мораль сказки, заложенная в совете народного мудреца не поддаваться искушению шайтана, сводится к глубоко запрятанной мысли о вреде чуждых недобрых влияний, необходимости борьбы с разного рода сиюминутными искушениями, важности следования своей человеческой природе и верности важнейшим общечеловеческим моральным принципам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ – ПРАВО ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

Русским богом да русским царём святорусская земля стоит.
На всякого мудреца довольно простоты.
Всё по-новому, а когда ж по-правому?

Русские пословицы

1

Помнится, в середине девяностых годов прошлого века, когда разгромленная советская держава лежала в политических, экономических, социальных и духовных руинах, Борис Ельцин поставил задачу разработать русскую национальную идею с целью быстрого подъёма освобождённой от коммунистического гнёта новой России. Эта сакраментальная спасительная идея мыслилась президентом либерально-демократической России чем-то вроде сказочной живой воды, нескольких капель которой было бы достаточно для того, чтобы мёртвый русский богатырь встал, сладко потянулся и как ни в чём не бывало зашагал дальше семимильными шагами. С этой затеей тогда ничего не получилось, да и не могло что-то путное получиться. Тем, кому давалось столь важное поручение, не только сама идея была не по душе, но и быстрое возрождение России вовсе не отвечало их далеко идущим идеологическим планам и практическим намерениям. По словам директора Института экономики РАН Руслана Гринберга, мы бросились в другую крайность и поручили строительство нашего благосостояния рыночной стихии, «*то есть, по сути, пустили всё на самотёк*». С тех пор мы и течём самокатом – без идеи, без воли и без особого желания, полностью отдавшись во власть западническим либеральным идеям, европейской демократической воле и эгоистическим желаниям наших зарубежных партнёров.

В триаде национальной идеи, национальной воли и национального желания основополагающая роль принадлежит, на мой взгляд, всё же национальной идее. Не сформулировав её, мы не сможем ни реализовать нашу волю, ни сконцентрировать наши желания. Подводя итог последнему двадцатилетию развития России и определяя центральную болевую точку всех наших трагических утрат и потерь, петербургский философ Александр Казин подчеркнул, что русский народ утерял смысл жизни, то есть именно ту самую свою национальную идею, которая на протяжении тысячи лет христианской истории вела его от победы к победе. Приравнивая нынешнюю утерю национальной идеи утрате смысла жизни всего русского народа, философ, по существу, констатирует бессмысленность нашего сегодняшнего бытия. С другой стороны, он впрямую связывает все наши прежние достижения и все наши былые победы именно с наличием общенациональной идеи в качестве духовной базы российского государства. Наконец, говоря о тысячелетней христианской истории, он даёт понять, что именно православие было той самой русской национальной идеей, которая наполняла смыслом жизнь русского народа и давала твёрдую опору российскому государству. Не возражая против акцентировки внимания на приоритете национальной идеи в утверждении смысла жизни нашего народа, хотел бы отметить, что в наполнении смысловым содержанием самой этой идеи дело обстоит не так просто. Например, писатель-эзотерик Анатолий Некрасов, выражая мнение многих россиян, утверждает, что национальная идея должна содержать в себе прежде всего национальную гордость и любовь к Родине. В свою очередь авторы книги «*Русский народ в национальной политике. XX век*» (2007) рассматривают российскую национальную идею как идею российской державности и средство построения гуманного и справедливого общества. Кроме того, многие российские мыслители так или иначе связывают русскую национальную идею с именем Александра Пушкина.

Например, исследователь русского зарубежья, профессор Валерий Дурновцев утверждает, что имя Александра Пушкина стало основой идеологии русской эмиграции, средством её культурного единения и духовного выживания. То есть сам Пушкин стал для русских эмигрантов той русской национальной идеей, которая гасила в них дух внутреннего межличностного противоборства и помогала выживать в тяжких условиях враждебной им чужбины. Христианский философ Виктор Аксючиц, говоря, что горением духа было почти одновременное явление в России чуда святости Серафима Саровского и

гения Александра Пушкина, ставит, по сути, знак равенства между двумя русскими национальными идеями – религиозной, явленной в святости Серафима Саровского, и светской, явленной в гении Александра Пушкина. В отличие от Аксючица глубоко верующий духовед Иван Ильин настаивал на том, что именно Пушкин, как никто другой, был живым средоточием русского духа. И, наконец, равный по гению великому российскому поэту русский украинец Николай Гоголь почтительно склонял перед Пушкиным свою мудрую голову, утверждая в «*Избранных местах*…», что Пушкин - это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет.

2

Как видим, русская национальная идея может быть многоликой и многогранной, а может стать и очень простой, умещающейся в одном слове, одном великом русском имени. Всё зависит от обстоятельств, от точки зрения, от духа времени. В 1915 году, в самый канун революции 1917 года, русский философ Василий Розанов, суммируя своё впечатление от героев Достоевского, записал в своём дневнике, что это русские перед Светопреставлением: дрожат, корежатся, ругаются, молятся и сквернословят. Думается, это была не столько характеристика героев Достоевского, сколько точный срез нравственного состояния русского общества в предреволюционной России. Сегодня, сто лет спустя, мы вновь очутились перед нашим новым Светопреставлением и вновь дрожим, корежимся, ругаемся, молимся и сквернословим. В этих условиях не может быть какой-то крупной единой национальной идеи, так как все идеи вообще в условиях духовного кризиса мельчают, дробятся, «*корежатся*». И не случайно тот же Василий Розанов записал в дневнике 15 июля 1915 года: «*Открыть Россию, её достоинство, её честь – это гораздо труднее, … нежели было в 1492 году открыть Америку*». Формулирование русской национальной идеи в современных весьма запутанных условиях представляет собой именно новое, осмысленное открытие России, обнажение её глубоко запрятанной предназначенческой сущности, скрытой не только от всех россиян, но, может быть, в первую очередь от неё самой.

Парадокс нашего времени заключается в том, что, с одной стороны, мы вроде бы понимаем важность и значимость осовремененного открытия России и её сущностной национальной идеи для нормального развития страны и народного благополучия. Но, с другой стороры, мы страшимся, как бы эта идея, раскрывшись во всей своей глубине, полноте и нелицеприятности, не помешала нашему личному призрачному сиюминутному благополучию и мнимому процветанию. Поэтому мы не столько ищем целостной идеи как таковой, сколько жаждем её подмены, подделки, простенького аналога и эквивалента и в конечном счёте всё сводим к рекламно-популистскому слогану. Так происходит, например, в наши дни с именем Пушкина. Писатель-пушкинист Михаил Филин отмечал, что общероссийский пушкинский культ, продолжавшийся целую вечность, уходит в прошлое. «*Субъектом современной бурливой жизни*, - подчёркивает он, - *является уже не сам А.С. Пушкин…, а его глянцевый бренд*». К такой неутешительной мысли приходят не только столичные литературоведы, но и провинциальная творческая интеллигенция. Тамбовская поэтесса Марина Кудимова заметила, что сегодня Пушкин – может быть, самый забытый поэт. Всё поведение нашего гуманитарно малообразованного олигархата и бюрократически недалёкого чиновничества со всей очевидностью свидетельствует о том, что гений Александра Пушкина для российской либерально-демократической элиты абсолютно ничего не значит. А потому ожидать от неё выдвижения хотя бы Пушкина в качестве всеобщей объединительной русской национальной идеи – пустая трата сил и времени.

То же самое происходит, по сути, и с возведением в ранг русской национальной идеи церковно-религиозной православной доктрины. «*Трудно переоценить*, - отмечал социолог Леонтий Бызов, - *роль РПЦ в поддержании единства и национальной идентичности русских, но рассчитывать на православие как институт возрождения*

традиционной русской духовности всё же не приходится». По его мнению, и православие ныне не то, каким оно было в дореволюционный период, да и время не такое, чтобы всерьёз рассчитывать на замещение религиозно-церковными догматами накопленной веками многогранной и разносторонней русской духовности. Мудрый политик и многоопытный государственный деятель Евгений Примаков, касаясь введения в школах новой учебной дисциплины религиозной направленности, счёл необходимым дипломатично заметить, что Русская православная церковь пытается «*с добрыми намерениями*» заполнить морально-этический вакуум, образовавшийся после краха коммунистической идеологии. То есть речь идёт, по сути, не о возрождении русской духовности как таковой, а всего лишь о попытке, осуществляемой с благими целями, подменить разгромленную либералами коммунистическую идеологию некой опять-таки идеологией, но уже религиозно-церковного плана. Историк и культуролог Анатолий Уткин, выступая в соавторстве с доктором философских наук Валентиной Федотовой, сделали по этому поводу жёсткое заявление, сводящееся к утверждению, что только в клерикальной стране духовность может рассматриваться как тождественная религиозности. Уже самим фактом своего совместного выступления Уткин и Федотова, по сути, озвучили общий протест всей российской интеллигенции против подмены разносторонней и разноплановой российской духовности узко направленной православной религиозностью. Конкретизируя эту протестную мысль, научный сотрудник Института философии РАН Анатолий Черняев назвал ставку на Церковь в решении современных духовных проблем российского общества детским расчётом спрятаться от них и признаком регрессии общества. Другими словами, протестуя против нарушения принципов демократии, требующих отделения Церкви от государства, в конкретном, чисто школьном вопросе, российская общественность серьёзно усомнилась не только в возможности, но и в праве Русской православной церкви претендовать на роль единственного и полного выразителя русской национальной идеи.

3

При всей противоречивости отношения сегодняшних россиян к личности и творчеству Александра Пушкина следует отметить, что именно он как истинный русский патриот очень рано почувствовал особую стать России, её непохожесть на другие страны, её историко-бытийную исключительность, её провиденциализм. Уже в 1825 году молодой по возрасту, но зрелый по своему литературному дарованию поэт, имея в виду прежде всего Россию, подчёркивал, что климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию. «*Есть образ мыслей и чувствований,* - писал он, - *есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу*». Год спустя, вспоминая после смерти Николая Карамзина реакцию российского общества на выход первых томов его «*Истории государства Российского*», Пушкин отмечал: «*Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом*». Для самого Пушкина история российского государства, рассказанная талантливым писателем Карамзиным, по-видимому, тоже явилась открытием, причём не только древней России, но и России как таковой. Ещё годом позже он выражает своё сформировавшееся патриотическое кредо следующими словами: «*Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие*». Эти слова, по сути, становятся его гражданским манифестом, так как в 1828 году он их повторяет вновь, но в ещё более жёсткой редакции: «*Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности*». Именно тесная связь российской современности с российской древностью представляется поэту решающим признаком подлинной цивилизованности и развитой духовности личности, а сама российская древность и дух предков становятся для него эталоном укоренённой в народе глубинной нравственности.

К 1830 году у Пушкина рождается цельный, совокупный взгляд на Россию, в котором исчезает противопоставление российской истории и российской современности. В своём комментарии ко второму тому «*Истории русского народа*» Николая Полевого он замечает: «*Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с Европой; что история её требует другой мысли, другой формулы*». В истории России Пушкин ищет уже не просто центральную мысль или смыловой стержень её развития, а некую магическую формулу счастья русско-российского народа. Незадолго до смерти он ставит как бы последнюю точку в своей формуле русской национальной идеи. «*Я,* - пишет он своему другу и идейному оппоненту Петру Чаадаеву, - *далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя…, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал*». В этом духовном завете великого поэта и мыслителя не только история наших предков видится им как данная нам Богом, но и вся Россия мыслится как некое предназначенческое Божье творение. Весь процесс осмысления российской истории и поиска сути и главной идеи предназначения России идёт у Пушкина некими концентрическими кругами, начинаясь от анализа народных обычаев, поверий и привычек и заканчиваясь попытками проникновения в смысл российского национального предначертания, в котором он усматривал Божественный промысел.

Мысль о том, что русскую национальную идею не надо разрабатывать и изобретать, а следует искать в нашем глубинном прошлом, в истоках русской нации и российской истории, разделяют многие наши современники. При этом одни делают упор на корневой российской великодержавности имперского типа, другие - на присущем русско-российскому народу патерналистском государственничестве, третьи - на идее общечеловеческой солидарности и социальной справедливости. Однако в последнее время российские политологи и социологи в поисках русской национальной идеи всё чаще обращаются к корневым чертам характера русского народа, выделяя в нём неистребимое русское правдоискательство. Думается, отсылки к этой основополагающей черте русского национального характера являются вовсе не случайными, так как правдоискательство свидетельствует не просто об упрямстве русского человека, а в сущностном плане неотделимо от самой русскости. Я бы вообще назвал правдоискательство синонимом русскости, незыблемой опорой русскости и даже смыслом и предназначением подлинной русскости.

4

Макс Фасмер этимологически относит слово «*правда*» к исконным русско-славянским словам, но указывает, что в древнерусском и старославянском языках оно обозначалось как «*правьда*». Владимир Даль производит в своём «*Словаре*» существительное «*правда*» не от глагола «*править*», а от прилагательного «*правый*». Это слово он трактует как «*десной*» (противоположный «*шуему*», левому), «*прямой*» (противоположный кривому, косому), «*истинный, истый*» (противоположный ложному) и «*чистый, непорочный*» (противоположный виновному). Начинаясь как ориентир сторон, находящихся справа и слева от человека, правое направление в трактовке Даля становится, по сути, основным, главным, затем приобретает качественный характер истинности и, наконец, возвышается до абсолютной непорочности (морально-нравственной безукоризненности). Пожалуй, ни одно другое слово в русском языке не может похвастать столь пространной родословной и таким крутым взлётом в процессе перехода от предметной конкретики к абстрактной сущностности. Расшифровывая уже непосредственно слово правда, Даль определяет его как истину на деле, истину во образе, во благе; правосудие, справедливость. В дополнение к этому он приводит местнический глагол «*правдить*», образованный от базисного слова правда, который в тамбовском говоре означал делать что по правде, добросовестно, исправно, как должно;

распоряжаться большаком в доме. Это есть уже, как мне кажется, не что иное как своего рода развёрнутый жизненный манифест русского человека и его духовное кредо, от которых он не склонен отступать ни при каких жизненных обстоятельствах. В русском народе не столько к самому слову правда, сколько ко всему комплексу связанных с ним понятий, приковано самое пристальное внимание. Одним из первостепенных в нём является правовой или судебно-юридический аспект. К нему относятся такие русские пословицы, как «*стать на правду*» (идти на суд), «*держи правду по наряду*», «*правый суд не остуда*», «*молвив правду, правду и чини*», «*праведный судия одесную спасителя стоит*», «*суд людей, не божий*». Уже в само понятие суда («*стоять на правде*») древние русские люди вкладывали в высшей степени серьёзное и ответственное значение некоего принципиально важного испытания человека правдой. В процессе стояния на правде каждый человек в народном представлении, с одной стороны, как бы просвечивается ею, а, с другой - очищается ею же не только от прямой вины, но и от всякой накопившейся в нём житейской скверны. Большое значение придавалось русским народом и судье, который обязательно должен «*держать правду*», то есть быть до конца верным ей, не отступать от неё ни на йоту. Только исключительно справедливый судья достигал в народном мнении степени праведности, приближающей его к непогрешимому в вершении человеческих судеб Спасителю. Но, говоря «*суд людей, не божий*», народные мудрецы подчёркивали, что любой земной суд – это всего лишь пристрастный суд, неспособный быть совершенным и окончательным. Только Божий суд, по их мнению, способен выявить самую суть человеческих деяний и определить им справедливую меру поощрения или наказания.

Однако русский народ никогда не ограничивал роль и значение правды исключительно правовой, судебно-юридической сферой. Правда у народных мудрецов была важнейшим, краеугольным камнем житейской морали и главным этическим постулатом. Об этом свидетельствуют, например, такие русские пословицы, как «*дракою прав не будешь*», «*не в силе бог, а в правде*», «*за правду бог и добрые люди*», «*в ком правды нет, в том добра мало*», «*не ищи правду в других, коли в тебе её нет*», «*без правды не живут люди, а только маются*». Это не простой набор разрозненных нравоучительных житейских сентенций или менторских максим, а всеохватывающий народный взгляд на всю систему человеческих отношений, поддающихся, по убеждению народных мудрецов, полному высветлению правдой и выстраиванию их по ранжиру правды. Сопоставляя две самые могущественные доминанты в системе человеческих отношений – принцип силы и принцип справедливости, русские мудрецы и народ в целом делают ставку не на них, а на правду. Это некий третий путь, в котором отстаивается приоритет внутренней правды не только в отношении силы, но и применительно к праву. Правда у русского народа выступает даже не просто как нравственная категория, но и сама по себе служит мерилом нравственности и определителем качественности доброты. Причём не только во внешних, социальных отношениях человека, но и во внутреннем плане, в оценке им собственных поступков и нравственных побуждений. Всё земное человеческое существование, лишённое правды, представляется русским людям сплошной маетой в бесконечной цепочке ложных представлений и беспорядочных, бессмысленных поступков.

Правду русские народные мудрецы мыслят в конечном счёте как некое земное вместилище Бога, который незримо присутствует в истинно сотворённом им мире и правит этим миром по законам Правды. Правда (именно с большой буквы) именуется в русском народе «*святой правдой*». В высшей степени почтительное отношение к ней выражается многими русскими пословицами, в том числе такими, как «*правда светлее солнца*», «*правда по миру ходит*», «*правда живёт у бога*», «*в боге нет неправды*», «*вся неправда от лукавого*», «*живи не ложью, будет по-божью*», «*правду погубишь и сам с нею пропадёшь*». Каждая из них по-своему весьма выразительна, философична и глубока по смыслу. Сравнение правды с Солнцем говорит о нестерпимом блеске Правды и

намекает на её нелицеприятность. Свободное её хождение по миру должно свидетельствовать, по мысли мудрецов, о её полной независимости от отдельного человека и неподконтрольности общественному мнению. Имея житьё у Бога, она, по-видимому, и сама является лишь наполовину земной, а наполовину - небожительницей. Подчёркивая полное отсутствие у Бога неправды и трактуя лукавого (дьявола) как воплощение лжи, мудрецы выражали убеждение в божественной сущности Правды. По их мысли, правдивая человеческая жизнь есть не что иное, как истинное служение Богу на земле. Гибель же правды в душе отдельного человека, а, следовательно, и в человечестве в целом определяется ими как фактическое его самоубийство и, соответственно, как вселенская катастрофа.

5

В тысячелетней российской истории утверждение русской национальной идеи первоначально пошло вроде бы по чисто правовому, судебно-юридическому пути, ибо, как можно судить, своё первичное выражение эта общерусская идея получила в «*законе Русском*», упоминаемом в 911 году в пятой статье договора киевского князя Олега с Византией. Но следует учитывать, что слово закон, имеющее сугубо русские корни, при своём зарождении было очень далеко по смыслу от его нынешнего, сугубо юридического толкования. Макс Фасмер полагает это слово производным от корневого древнерусского и старославянского слова «*кон*» (отсюда «*искони*»), обозначавшего начало. По его мнению, и само слово закон первоначально было всего лишь синонимом начала, трактуемого как некий твёрдо установившийся древний обычай. Судя по ремарке Прокопия Кесарийского (VI век), что у славян «*вся жизнь и законы одинаковы*», древние русичи до одиннадцатого века не имели чётко сформулированного и письменно отображённого закона в правовом понимании, а руководствовались в своей практической жизни неукоснительно соблюдаемыми древними обычаями.

Первый свод древнерусских законов (или «*начал*» - основных принципов жизни), получивший впоследствии наименование «*Правды Роськой*» или «*Правды Русьской*», был письменно зафиксирован в одиннадцатом веке и первоначально имел не столь обобщённое название, а озаглавливался попросту как «*Суд Ярославль Володимерич*». Самой древней составной частью Пространной редакции «*Русской правды*» являлась так называемая «*Краткая редакция*», открытая Василием Татищевым в 1738 году и включавшая в себя «*Правду*» Ярослава (первые восемнадцать статей) и «*Правду*» Ярославичей (всего сорок три статьи). Каким образом получилось, что первый свод законов, предназначенный быть настольной книгой великого князя Ярослава при исполнении им судебных функций, получил сначала наименование «*Правды*» (именно с большой буквы!), а затем стал вообще символической «*Русской правдой*» (опять-таки с большой буквы, да ещё и с упором на слове «*русская*») – истории неизвестно. Но сам факт превращения свода княжеских узаконений в Русскую правду наводит на мысль, что именно этот в высшей степени разумный акт князя Ярослава, приравненный к нравственному подвигу, был высоко оценён русским народом и принёс правителю древней Руси бессмертную славу присвоением ему народного титула – Мудрый.

Чтобы убедиться в мудрости Ярослава, достаточно взять в руки текст Краткой редакции «*Русской правды*», открыть первую страницу и начать с анализа самой первой статьи. Без каких бы то ни было предисловий и личностных комментариев князь (или кто-то из его мудрецов) сразу берёт быка за рога и чётко формулирует свою твёрдую волю, не заботясь о том, чтобы облечь её в какие-то политесные словеса. «*Убьеть муж(ь) мужа*, - бесстрастно и личностно отстранённо гласит текст, - *то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь*». Профессиональные историки, озабоченные проблемой установления точных дат и

определения характера общественного строя Киевской Руси, делая упор на слове месть, квалифицируют данную статью исключительно как узаконение права кровной мести. Тем самым «*Русской правде*» придаётся характер документа, отображающего нравы людей переходного периода, которые уже вышли из родоплеменного, первобытнообщинного строя, но ещё не полностью вписались в более высокое феодальное общество. Возможно, какие-то отголоски патриархального прошлого в документе найти действительно можно. Но всё же главное в нём, на мой взгляд, не это, а выражение крайне отрицательного отношения к убийству как высшей форме человеческого злодейства. В точном соответствии с русской пословицей – «*плати тою же монетою*» - статья, по сути, присуждает к лишению жизни того, кто повинен в смерти «*мужа*» (в статье семнадцатой он именуется «*свободным мужем*»). Но право исполнения смертного приговора предоставляется не любому человеку и даже не специально назначенному князем палачу, а только близким членам семьи погибшего, круг которых строго ограничен. Если же в семье не находится такого человека, то князь избавляет виновного от смерти, принуждая его к уплате огромного штрафа. Когда же речь заходит об убийстве не «*мужа*», а какого-то должностного лица, работающего на князя и подотчётного ему, то вопрос о смертной казни вообще не ставится, а сразу определяется штраф, причём точно в таком же размере, как и за «*мужа*».

6

Наверняка, сегодня в либерально-демократической России найдётся немало людей, которые, ссылаясь на права человека, будут горячо протестовать против такого жёсткого подхода к судьбе осуждённого, называя его исключительно варварским. Но, на мой взгляд, и сегодня, спустя почти тысячелетие, подавляющее большинство россиян поддержали бы первую статью «*Правды*» Ярослава на всенародном референдуме, не выкидывая из неё ни единого слова. Либералы-западники сочли бы подобный гипотетический факт как прямое доказательство дикости и отсталости нашего народа, но мне, наоборот, он видится как подтверждение несомненной мудрости и прозорливости русского великого князя Ярослава, его исключительной гуманности. Если сравнить «*Суд Ярославль Володимерич*» с устрашающими внесудебными актами католической инквизиции, практиковавшимися на Западе с тринадцатого по девятнадцатый век, то христианский «*варвар*» Ярослав Мудрый покажется едва ли не самым ранним гуманистом во всей Европе, намного опережавшим по ясности разума и незамутнённости духа самых продвинутых западноевропейских просветителей. Лев Анисов в книге «*Раскрытые тайны истории*» приводит слова дочери Сталина Светланы Аллилуевой о тайно крестившем её священнике Николае Голубцове: «*Он был суров, как сама правда, не терпящая уловок*». «*Правда*» Ярослава и была таковой. Весь замысел её был чисто гуманистическим и цивилизационным. Хорошо осознавая свой собственный княжеский крутой нрав и присущую русскому человеку безудержную гневливость, Ярослав решил укротить эту природную ярость не увещеванием или церковной моралью, а своим чётким и строгим законом. Причём составленным не в минуту гнева, а в спокойном размышлении, с хорошим боголюбивым сердцем, в точном соответствии с установившимися на Русской земле обычаями и с учётом выявившегося к тому времени народного характера русского человека. В этом законе всё выверено и соразмерно. Под видом уголовного права даётся, по сути, комплексный устав жизни и деятельности формирующегося русского народа и вполне зрелого древнего Русского государства.

На первом месте в «*Правде*» Ярослава стоит «*муж*», который ещё не «*государственный муж*», но и не «*мужик*», а просто взрослый, свободный и достойный уважения человек - хозяйственная и социальная опора первого Русского государства. Именно он – главная забота князя, с него начинает князь свой суд, в его защиту он возвышает свой авторитетный княжеский голос. И только после «*мужа*» идут в «*Правде*»

те, кого сегодня принято называть государственными служащими, выстроенные строго по ранжиру - по степени их значимости в Русском государстве. Первым из них назван «*русин*». Подавляющее большинство исследователей склоняются к мысли, что это не наименование русского этноса, а обозначение социального статуса – разумеется, высшего, сановного, имеющего общерусскую значимость. Следующим идёт «*гридин*» - дружинник, телохранитель князя. Затем следуют «*купчина*» (ещё не «*купец*»), «*ябетник*» (по-видимому, доносчик, соглядатай князя, блюститель его интересов), «*мечник*» (либо оруженосец, либо просто рядовой воин), «*изъгой*» (крестьянин, вышедший из общины, вольноотпущенник, выкупившийся холоп). Замыкает же древнерусскую общественную и государственную иерархию «*словенин*», который опять-таки, скорее всего, вовсе не этнический славянин, а человек, имеющий отношение к слову – учитель грамоте, княжеский писарь, законовед.

Упомянув каждого представителя определённого социального слоя и воздав тем самым каждому «*классу*» заслуженную дань уважения, князь назначает всем им равную цену штрафа - 40 гривен. Цена эта, по-видимому, по тем временам была чрезвычайно высокой. И это понятно: чтобы никому не было повадно покушаться на жизнь другого человека, дарованную ему Богом. Но сама такса устанавливалась для всех единая. Тем самым подчёркивалось, что для князя, как и для Бога, одинаково значим любой свободный человек. Установив иерархию людей в обществе и государстве, князь далее в своём «*Суде*» определяет и иерархию самих преступлений, которые идут по убывающей степени, спускаясь от убийства «*мужа*» в первой статье к «*изломлению*» копья, щита или «*порта*» в восемнадцатой статье. И на каждое преступление установлена своя цена - либо в гривнах, либо скотом. Причём даже за самое малое преступление (порча имущества), если оно сопровождается попыткой сокрытия («*аще ли начнеть приметати*»), назначается едва ли не конфискация всего скота («*скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем*»). В силу этого ясно, что в подавляющем большинстве случаев человек, преступивший закон, не был в состоянии откупиться, а должен был терять свою свободу, но не физическую (в виде острога), а духовную – идти в кабалу, в «*холопы*», в «*челядины*», то есть терять своё достоинство. Сурово? Да. Но главная мысль предельно прозрачна, а общая идея – исключительно высоконравственна. Дорожишь свободой собственной и своих детей – будь разумным человеком, люби ближнего своего, укрощай свой гнев, будь господином своей воли. Даёшь волю своему гневу, своей гордыне, буйному нраву своему, короче, становишься рабом своих страстей – иди в реальное рабство, в кабалу, в услужение другим, более достойным людям.

7

«*Правду*» Ярослава я считаю не только полностью соответствующей народному представлению о правде вообще и о Правде с большой буквы («*святой правды*»). Я глубоко убеждён в том, что «*Суд Ярославль Володимерич*» вовсе не случайно получил название «*Русской правды*». Ибо «*Правда*» Ярослава, будучи мудрым и адекватным отображением правды своего эпохально переломного времени, явилась фактическим воплощением гуманистического существа русской национальной идеи, сформировавшей вместе с Православием и на базе апостолического Православия весь русский народ. С течением времени «*Правду*» Ярослава в верхах начинают аккуратно поправлять. Уже Ярославичи, по видимости оставаясь в рамках «*Правды*» своего великого предшественника, стали вносить в «*Закон*» Ярослава Мудрого свои коррективы, свидетельствующие об их княжеских пристрастиях и намеренных отступлениях от общенародной правды. После них в русской, а затем и в российской правящей элите правда вообще начинает вытесняться и заменяться так называемой политикой, сводящейся к фальши и лжи во имя «*коренных*» (неведомых самому народу) интересов русского и российского народов. Но «*Русская Правда*», уже как опробированная русская национальная идея, вовсе не исчезла, а пошла по миру. Сначала она глубоко ушла в

народную массу, спрятавшись в ней и аккумулируясь там в богатейшем и мудром русском народном фольклоре. Затем выплеснулась в мощном духовном явлении русской интеллигенции. А ныне, под нестерпимо давящим прессом торжествующей либеральной псевдоправды (западной, формализованной, чисто абстрактной «*научной истины*»), начинает сочиться из всех пор живого, страдательного и чуткого к правде российского общества.

Русская Правда как русская национальная идея – очень сложное и крайне неоднозначное явление. В русском народе она обозначена не комплексно, а некими единичными замерами, зачастую противоречащими не только друг другу, но и самой объективистской, отстранённо взятой правде. Возьмём, к примеру, сложнейшую русскую народную пословицу – «*и твоя правда, и моя правда, и везде правда – а нигде её нет*». Она – очевиднейшее противоречие. Но только внешнее, формальное. Внутренне же, чисто сущностно, она не только в высшей степени логична, но и как бы возносится над всеми противоречиями, возвышаясь до всеобъемлющей Истины. Ведь если Правда (общая и единая для всех Божественная Истина) дробится на мелкие кусочки и становится достоянием всех и каждого, то это уже не вся Правда, а некая «*правдочка*», маленький осколок Правды. Эти многочисленные осколки, сходясь вместе, образуют не единое целое, а, наоборот, превращаются в клубок непримиримых, совершенно несовместимых друг с другом противоречий. Поэтому-то русские народные мудрецы и утверждали: «*лжей много, а правда одна*». То есть раздробленная Правда - это уже вовсе и не правда, а простой набор правдоподобных лжей. Утверждая, что «*умная ложь лучше глупой правды*» и что «*с нагольной правдой в люди не кажись*», русские мудрецы берут в качестве главного мерила не правду вообще, а именно русскую Правду, которая не может быть ни глупой, ни нагольной, а должна быть очень внешне выверенной и внутренне сострадательной. Той, что определяется в «*Евангелии*» как ложь во спасение. Той, что является ложью только по форме, а сущностно соответствует Правде, основанной на неисчерпаемой любви к ближнему, на идее Добра.

Русская интеллигенция как специфическое российское духовное явление обязана Александру Пушкину не только своим зарождением, но и восприятием от него (как Ярославичи от Ярослава Мудрого) русской Правды, выражающей русскую национальную идею. Сам же Пушкин и всё его творчество явились живым воплощением этой Правды, причём не только как абстрактной идеи, а всего её существа, всего её духа. В силу своих личных пристрастий, желая принизить Пушкина и возвысить Лермонтова, философ Василий Розанов в 1915 году утверждал: «*Лермонтов был сильнее Пушкина… Более что-то аристократическое, более что-то возвышенное, более божественное… Пушкин был немножко terre-`a-terre, слишком уж «русский», без иностранного*». Можно только поблагодарить Розанова за эти его, казалось бы, нелицеприятные для Александра Пушкина слова. «*Terre-`a-terre*» переводится с французского языка как «*приземлённый*». Пушкин, конечно, не был таковым. Его, скорее, можно было бы назвать земным. Но и это не совсем точно. А вот то, что он был слишком уж русским - это абсолютно верно. Более того – он был таким же общерусским, как «*Правда*» Ярослава, народно-русским в своём духе и в своём существе. «*Пушкин*, - отмечал Николай Гоголь, - *был знаток и оценщик верный всего великого в человеке*». Верно оценить многогранное и разностороннее величие человека способен не просто мыслитель и даже не мудрец, каковым, несомненно, был наш великий поэт, а предельно одухотворённая великая личность, то есть человек, свято хранящий Бога в душе и меряющий других людей меркой заключённого в нём Бога.

8

Наше нынешнее время можно охарактеризовать русской народной пословицей – «*старые пророки вымерли, а новые правды не сказывают*». Оно, это наше далёкое от Правды, насквозь фальшивое либеральное время, есть типичная эпоха перемен, то есть время временщиков. Это время великой ломки, дробления и растирания в порошок святой

правды, Правды с большой буквы. Для России же это время оказалось ещё более мучительным, потому что мы попали в жернова самой усовершенствованной западноевропейской цивилизационной мельницы, предназначенной для растирания в муку в первую очередь русской народной Правды, бурно прорвавшейся сто лет назад через плотины консервативной лжи. Причём не только откровенной и циничной лжи элиты помещичье-крепостнической России, но и намного более усовершенствованной фальши верхушки буржуазно-капиталистического западноевропейского общества. В этой тяжёлой для российского народа ситуации пророки (главные глашатаи Правды) не вымерли, а затаились, знают, но не сказывают правды. Похоже, что они оказались в положении, когда непонятно, какую правду говорить – старую, кособокую, гонимую или новую, молодую, желанную. Получается, что им, нашим нынешним пророкам, невдомёк, что двух правд не бывает, что старая и новая – это одна Правда и что в тысячелетней России она не может быть никакой иной, кроме Русской правды. Её, эту многовековую, многострадальную и спасительную Правду, можно унизить, растоптать, растереть в порошок, но и тогда она останется Русской правдой, сокровенно питающей не только русский, но и другие российские народы. Нельзя позволить одного – окончательно погубить Русскую правду. Ибо тогда погибнет не только Россия, но и всему человечеству не сдобровать.

Как сделать так, чтобы ныне загнанная в подполье, порицаемая и гонимая Русская правда вновь восторжествовала в нашем обществе и нашем государстве и составила вновь наипрочнейшую основу их благополучного существования не только в текущем столетии, но и на протяжении всего третьего тысячелетия? Патриарх Алексий II в одном из своих выступлений в 2001 году сказал, что нужен конструктивный и плодотворный диалог в духе благожелательности и откровенности. Он имел в виду прежде всего диалог между церковью и государством. Но в этом объединительном диалоге нуждаются не только они, но и российское общество, российский народ, да и современный мир в целом. Непременным условием этого всеобъединяющего и всепримиряющего диалога должны стать именно благожелательность и откровенность, которые составляли цель и существо как «*Суда Ярославль Володимерича*», так и всего творческого, созидательного подвижничества Александра Пушкина и других великих русских людей. Они же питают и ныне неиссякшую до конца русскую национальную идею, находящую ёмкое отображение и реальное воплощение в Русской правде. Следовательно, всего и надо-то – это просто дать ход (не препятствовать!) конструктивному диалогу в духе Правды, который непременно в конечном счёте окажется плодотворным, содействующим возрождению благотворной Русской правды, совокупно воплощающей в себе идеалы православной и иной Веры, здравомыслие общенародной Правды и принципы совершенного гражданского общества.

Проверенная веками русская народная пословица – «*лучше умереть, чем неправду терпеть*» - имеет самое непосредственное отношение к определению нынешнего духовного состояния и нашего общества, и нашего многонационального народа. Русская национальная идея, возникнув первоначально исключительно в правовом поле как юридический кодекс под названием «*Русская правда*», в наши дни всё больше приобретает характер не права, а ответственности. Причём ответственности всеобщей и тяготеющей к абсолюту. Закон у нас избирателен, особенно гуманнейший либеральный закон. Перед правдой же все равны – и правители, и народ, и церковь, и общество, и интеллигенция, и каждый человек в отдельности. Правда – величайший и неподкупный судья, но одновременно и великий благодетель для отдельного человека и всего человечества. Можно перетерпеть голод, холод, жажду, любую физическую нужду, но прожить без правды нельзя. Ибо без правды такие сокровенные для живой человеческой души понятия, как любовь, вера, надежда, мудрость, доброта, становятся фальшивыми и неполноценными, а сама человеческая жизнь теряет всякий смысл. Русский народ, может быть, как никакой другой народ в мире, очень чувствителен к правде и способен «*резать правду-матку в глаза*». Безбожно лукавя, податливо, конформистски уступая лжи в своих

повседневных делах, русский человек упорно таит в глубинах своей души веру в Божественную истинность и верность заветам Правды. Для него правда является символом жизни, а кривда (ложь) равнозначна смерти. Именно эта правдолюбивая черта русского человека делает его предельно ответственным за свободное хождение правды не только в узком кругу близких людей, но и по всему миру. Он страж и воин Правды. Возможно, в этом и заключается истинное предназначение русского человека на земле. «*Стоять на правде*» - это вовсе не наша привилегия. Это наш исторический долг, наш крест и наш удел. И мы должны выстоять, чего бы нам это ни стоило.

* * *

Сказку к этой главе мне даже не пришлось подбирать, так как она была уже подобрана до меня. И выбрал её не кто-нибудь иной, а высокочтимый мной Иван Ильин. «*Душа русского народа*, - писал он, - *всегда искала своих корней в Боге и в его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть ещё в доисторические времена, был решён на Руси вопрос о правде и кривде, решён и запечатлён приговором в сказке: «Надо жить по Божьи… Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу*». Сказка эта называется «*Правда и кривда*», и помещена она в восьми вариантах в первом томе «*Народных русских сказок*» А.Н. Афанасьева. Беру первую из них и не могу не восхититься её зачином. «*Вот, знашь,* - доверительным тоном начинает сказочник, - *было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шёл по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил*». Как водится на Руси, чтобы разрешить свой спор, пошли они на дорогу и решили спросить до трёх раз, кто им навстречу попадёт и что на это скажет. Первым им попался барский мужичок. Он пожаловался спорщикам на своё подневольное житьё и заявил: «*Правдой век прожить не сможешь, кривдой жить вольготней*». Вторым был едущий на паре в повозке с кибиткой купец. Он тоже однозначно высказался в пользу кривды: «*Правдой мудрёно жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем*». Третьим ехал навстречу поп. Но и он сказал: «*Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда?*». Криводушный торжествует, но правдивый упорствует: «*Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу*». Но их путь этим не окончился. Они пошли дальше. Криводушный при этом благоденствовал, а правдивый всё больше входил в нищету. Не выдержав, правдивый стал просить у криводушного хлебца, расплачиваясь за него сначала одним собственным глазом, затем – вторым. В конце концов бессердечный криводушный бросил слепого правдолюбца одного на дороге. Правдивый взмолился Богу и «*услышал голос*». Этот голос не только научил его, как избавиться от слепоты, но ещё и посоветовал подслушать ночной разговор нечистых духов. Так он стал обладателем тайны, которая сделала его царевичем. Встретившись вновь с криводушным, правдивый не удержался и рассказал ему всё как было. Криводушный, естественно, решил воспользоваться удачей, но нечистые духи распознали его «*по духу*» и растерзали на мелкие части. Концовка сказки вполне достойна её начала: «*Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти*».

Сказка, по сути, состоит из двух частей, а с зачином становится как бы трёхчастной. Каждая из частей имеет законченный смысловой характер, а вместе они составляют очень сложное единое целое. В зачине философски значима его концовка:

«*Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил*». То есть каждый из спорщиков представил свои убедительные аргументы, и по ним выходило, что правда и кривда не только имеют право на существование, но и как бы равнозначны друг другу и неотделимы друг от друга. В основной части сказки упор делается на том, что, хотя подавляющее большинство людей в реальном земном мире в той или иной мере живут неправдой, в ней находится место и бескомпромиссным правдолюбцам, которые, по крайней мере, заставляют криводушных людей быть честными с самими собой. В концовке сказки народный мудрец даёт волю своей поэтической фантазии и доказывает конечное торжество Правды. Причём, подключая к решению принципиальнейшего спора противоборствующие небесные силы (Бога и нечистых духов), он и окончательный приговор кривде выносит, по сути, на небо.

В сказке замечательно философичны не только общий смысл, но и многие её частности. Когда барский мужичок говорит о том, что кривдой жить вольготней, то под этим, по-видимому, подразумевается, что правда способствует полному закрепощению человека, а кривда даёт ему некие послабления, несёт в себе элементы свободы. В этом плане правдивый, упорно отстаивая правду, по сути, потивопоставляет криводушной видимости свободы свободу подлинную, внутреннюю, независимую от кривды, базирующуюся на чистой совести. С купцом всё ясно: его процветание основано исключительно на обмане. А вот с попом сложнее. Вроде бы земной служитель Бога должен был горячо поддержать правду. Но это по долгу, а его спрашивают по жизни. Отвечая - «*какая нонче правда?*», поп ищет оправдания своему житейскому криводушию в общей испорченности нравов. В последней части сказки народный мудрец буквально сдирает с кривды всю её мишурную позолоту, обнажая её злодейское существо, духовно роднящее её со злобными бесами. Правдолюбец же, хотя и не становится в конечном счёте царём, тем не менее, возвышается до «*царского сына*», что является, на мой взгляд, прямым намёком на Иисуса Христа, воплощающего в себе Божью Правду. Итоговая мораль сказки выводит слушателей из дебрей споров в практическую жизнь. Она утверждает не торжество правды как некой абстрактной аксиомы, а конечное торжество правого дела, которое, по мнению народного мудреца, надо отстаивать до конца и которое обязательно получит поддержку от небесного Творца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ИДЕАЛЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ – НАИВНОСТЬ ИЛИ МУДРОСТЬ?

В каком народе живёшь, того и обычья держись.
Отцы и деды наши не знали этого, да жили же не хуже нашего.
Всякий мирянин своему брату самьянин.

Русские пословицы

1

От русской национальной идеи до идеала российской демократии, казалось бы, всего один шаг: от провозглашения идеи - к воплощению её в идеале. Но шаг этот оказался для нашей страны и нашего народа весьма трудным, а путь к собственному идеалу - очень извилистым. Рано сформулировав свою национальную идею как «*Русскую Правду*» и определив её приоритет в рамках самодержавного государства Киевская Русь, русский народ вполне удовлетворился той формой власти, которая была установлена в юго-западной Руси Рюриком и рюриковичами. Вечевая новгородско-псковская демократия не получила распространения на юге Руси, так и оставшись горделивой прерогативой исключительно Новгорода и Пскова. Может быть, это произошло от того, что северная демократия слишком явственно демонстрировала себя как власть богачей и

представляла собой форму древнерусского олигархата, столь нелюбимого и в наши времена. Может, русскому народу по его горделивому достоинству было предпочтительнее иметь дело с благородным князем и высокородными княжичами, чем терпеть власть кичливого богатства. Как бы то ни было, но исторические факты говорят о том, что формулирование принципов власти (и её идеалов) русский народ отдал на откуп самим властителям, за что и поплатился безудержным и стремительным дроблением древнерусского государства и двухсотлетним татаро-монгольским игом. Но даже этот суровый урок не пошёл русскому народу на пользу. Народ импульсивно проявлял свою решительную волю в критические для российского государства моменты, но на форму власти фактически не влиял, собственные принципы напоказ не выставлял и свои идеалы не отстаивал.

Разумеется, можно предъявить русско-российскому народу за это серьёзный исторический счёт, что, собственно говоря, и делают сегодня наши гуманные и очень просвещённые либералы. Однако следует учесть, что проблема формулирования и отстаивания идеалов сама по себе весьма непроста, причём не только для русско-российского народа. Дело в том, что у каждого народа – свой идеал, причём очень специфический, соответствующий его духу, его историческому пути и вытекающий из его национальной идеи. Фактически оказывается, что идеалы у разных народов – не только разные, но и до такой степени не совпадают друг с другом, что на практике они больше враждуют между собой, чем содружествуют. В силу этого подлинно демократические идеалы являются для народов мира таким хлопотным делом, что многие из них попросту отказываются и от своей национальной идеи, и от своего политико-социального идеала, подменяя их так называемой прагматикой, позволяющей в практической жизни вполне обходиться без идей и идеалов. Думается, что русско-российский народ не относится к их числу, так как в силу своей национальной гордости он просто не может жить без идеала, но по своей природной скромности не навязывает властям свою волю, а всё ждёт, когда власть предержащие поинтересуются его мнением и предложат ему реально поучаствовать в государственных делах.

Если взглянуть без либеральных розовых очков на сложные и противоречивые процессы демократизации западноевропейских государств, то вполне можно понять осторожность и деликатность русско-российского народа в его отношении к форме власти. К своему нынешнему «*эталонному*» идеалу демократии западноевропейское прогрессивное общество шло давно и весьма целеустремлённо. Однако с самого начала западные буржуазные идеологи, выдвигая идеал подлинной демократии как абсолютного народоправия, на деле упорно проталкивали вульгарную в своей сути модель собственного мещанско-эгоистического властвования. Духовную уродливость и ментальный негативизм этой модели вскрыл ещё в пятом веке до новой эры философ-нравственник Платон, указав, что так называемый демократический способ правления давал прекрасную возможность древнегреческой правящей элите демагогически манипулировать народными массами, открывая абсолютную свободу безнравственности и цинизму. В своём главном философском трактате «*Государство*» Платон писал: «*Демократия… осуществляется только, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных разгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей*». Как видим, движущей силой такого рода правления издревле являлся вовсе не народ, обладающий законными правами и сознающий меру своей ответственности перед государством, а «*бедняки*», низшие, люмпенизированные слои общества, которые одерживали победу в результате бунта и узурпации власти. Их вульгарные политические методы нам тоже с некоторых пор хорошо известны. Это физическое уничтожение главных противников, разгон инакомыслящих и формальное уравнивание всех оставшихся в гражданских правах, которое на деле оказывается наделением бунтовщиков разного рода привилегиями.

2

Этот классический сценарий древнегреческой демократии был применён в России в 1917 году, причём строго по Платону – с уничтожением прежних властителей, разгоном всех политических противников и формальным уравниванием граждан при фактическом привилегированном положении властвующей «*номенклатуры*». Столь жёсткая форма тоталитарной демократии оказалась нежизнеспособной. В связи с крушением режима диктатуры пролетариата в 1991 году мы вроде бы должны радоваться тому, что со столь грубым отклонением от идеальной нормы народоправия в нашей стране наконец-то покончено и что мы получили реальную возможность внедрять в жизнь идеалы и нормы гармоничного гражданского общества. Но Платон не ограничивал свой анализ принципов демократии одним лишь актом установления «*народного*» способа правления. Он въедливо и детально характеризует всю демократическую систему целиком, акцентируя особое внимание на нравственном состоянии гражданского общества в демократическом государстве. Он подчёркивает, что в этом государстве почёт оказывается не достойному гражданину, а лишь тому, кто обнаруживает своё расположение к толпе, то есть льстецам и демагогам. В этом государстве, по его мнению, как изгнанницу, вытолкнут вон стыдивость, обозвав её глупостью, а рассудительность назовут недостатком мужества. Наглость в этом государстве, утверждал Платон, будут называть просвещённостью, разнузданность – свободою, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством. «*В демократическом государстве*, - сетовал он, - *только и слышишь, как свобода прекрасна*».

Платон судил о нравственных проблемах и сущностных недостатках демократического государства не понаслышке. По сути, он точно и скрупулёзно описывал нравы современного ему древнегреческого государства, приговорившего к смерти его учителя - мудреца и философа-нравственника Сократа, досаждавшего именитым и богатым афинским гражданам своими «*вредными*» разговорами на нравственные темы. Но, что самое удивительное в суждениях Платона двадцатипятивековой давности, так это то, что он, по сути, описывает нравственное состояние нашего нынешнего либерально-демократического общества. В итоге получается, что 1917-й год всего лишь положил начало тому вульгарному демократическому процессу, ядовитые плоды которого мы продолжаем пожинать сегодня. Более того, выходит, что поверженный, очень несовершенный коммунистический режим и торжествующий свою победу над ним современный прогрессивный либерально-демократический строй вовсе не антиподны друг другу, а являются родными братьями и вместе составляют то самое одиозное платоновское демократическое государство, которое мы наблюдаем сегодня в его эволюционном органическом развитии. «*А кончат они тем*, - пророчески возвещал Платон, - *что перестанут считаться даже с законами, писаными и неписаными, чтобы уже вообще ни у кого и ни в чём не было над ними власти*». Слава Богу, мы до этого пока ещё не дожили, но, судя по всему, вполне можем прийти к этому «*идеалу*» благодаря новой, третьей демократической революции.

Известно, что Платон был убеждённым приверженцем «*царского*», монархического способа правления, который в единственном числе считал хорошим и правильным. Четыре другие системы государственного устройства (тимократию, олигархию, демократию и тиранию) он полагал порочными и «*больными*». При этом под тимократией Платон подразумевал государственное устройство, базирующееся на соперничестве и честолюбии его элиты. В олигархическом способе правления базовым элементом он полагал сребролюбие. В демократическом же государстве тон, по его мнению, задают богачи, народ и трутни. Жизнь тиранического человека определяют, по Платону, страх и животные страсти. Следует ли считать, что, разделяя платоновскую критическую точку зрения на демократическое государство, мы полностью должны отвергать вслед за ним демократию как таковую? Вовсе нет. Вдумываясь во внутреннюю логику тысячелетнего

исторического развития России и современного мира в целом, я всё больше прихожу к мысли, что настоящей альтернативы демократическому устройству отдельных государств и мира в целом сегодня нет. Но, думается, вопрос о значимости любого государственного устройства (включая и его демократический вариант) заключается не столько в той формальной системе государственных и общественных отношений, которые оно декларирует и практически отстаивает в повседневной жизни, сколько в его внутренней оправданности, в его сокровенном потенциале, в его конечном идеале. По этому критерию в демократическом государстве в наибольшей степени важны не его так называемые идеальные демократические принципы (любые личностно-человеческие принципы не идеальны), а именно его сущностный, подлинный демократизм.

3

Говоря о множественности идеалов государственного устройства разных народов мира, приходится учитывать, что в своём историческом развитии эти идеалы и народы так или иначе группировались, сближаясь с родственными по духу и противостоя духовно враждебным. В процессе же демократических преобразований европейских государств, начиная с восемнадцатого века, стало складываться понимание общеевропейского демократического идеала, выразившегося наиболее полно в броском лозунге Великой французской революции – «*Свобода! Равенство! Братство!*». Этот триединый лозунг объединил высшие устремлённости земных людей, восстающих против любых форм рабской зависимости, против царящей в мире социальной несправедливости и против бездуховности человеческих отношений. Будучи сами по себе в высшей степени нравственническими, идеалы свободы, равенства и братства, соединённые вместе, образовали целый букет непримиримых противоречий. Их сущностный антагонизм в практической жизни отдельных государств и всего европейского комплекса не только не способствовал общему укреплению демократии как таковой, но, по существу, подрывал её устои, делая западноевропейское демократическое сообщество идейно разрозненным и фактически недееспособным. С течением времени выяснилось, что за красивыми и возвышенными словами триединого демократического лозунга скрывалось довольно серое и весьма приземлённое его буржуазное существо, подразумевающее не свободу, равенство и братство вообще, а «*мою*» личную свободу от всего и от всех, «*моё*» личное равенство со всеми и братство всех по отношению лично ко «*мне*», любимому. В конечном счёте получилось, что одиозный монархический принцип, выраженный Людовиком XIV словами «*государство – это я*» в демократическом обществе полностью сохранил своё сущностное эгоистическое и индивидуалистическое значение. Он просто переместился из высших слоёв общества в его низшие слои и стал миропониманием и жизненным кредо рядового западноевропейского гражданина, который ныне полагает, что государство – это именно он и никто другой в «*его*» государстве.

В противоположность сугубо индивидуалистическому, с явным эгоистическим акцентом, идеалу западноевропейской демократии идеалом восточноазиатской демократии является коллективистское понятие «*мы*». Суть своего философского учения Конфуций, например, сводил к трём постулатам – должным образом служить народу, почитать духов и держаться от них подальше. На первом месте у него стоит служение народу в его совокупном понимании. «*Духи*» – это тоже концентрированный дух предков, то есть завет народа, взятого в его исторической проекции. Основой учения Лао цзы являлось безликое, безымянное и неразличимое полуземное-полунебесное «*Дао*», способное помочь всем существам и привести их к совершенству. Подчеркнём, что это «*Дао*» у Лао цзы является всеобщим и служит всем. Пределом мечтаний Будды было избавление отдельно взятого человека и всего человечества в целом от земных страданий путём растворения индивидуальной эгоистической человеческой сущности в обезличенном всеобщем благом духе. Характеризуя через религию весь арабский мир, Исраэль Шамир отмечал, что ислам остаётся последним великим вместилищем

духовности, традиций и солидарности. Обратим и здесь особое внимание на слово «*солидарность*», предполагающее противопоставление идеала всеобщности идеалу индивидуализма. Суммируя эти разрозненные высказывания, разбросанные по всей восточноазиатской части евразийского континента, подчеркнём, что все они сводятся к безусловному утверждению в восточной ментальности приоритета общечеловеческих ценностей (причём в их подчёркнуто обезличенной форме) и категорическому отвержению духа западноевропейского индивидуализма.

У юной российской демократии, долго и мучительно вызревавшей в глубинах консервативно-монархического российского общества и скандально громко заявившей о себе в начале двадцатого столетия, есть свой сокровенный идеал, существенно отличающийся, на мой взгляд, от идеалов западноевропейской и восточноазиатской демократий. В противоположность западноевропейскому культу «*Я*», в котором государству отводится роль служения гражданственному индивидууму, и восточноазиатскому культу «*Мы*», в котором государство является идолом всеобщего гражданственного поклонения, в России издавна повелось служить не столько государству, сколько Отечеству. В плане государственно-гражданственном российское Отечество – весьма сложная категория. С историко-правовой точки зрения, отчина - это территория, земля, перешедшая по наследству от отца к сыну. Применительно же к российскому государству Отечество (бывшая Отчина монархов) в гражданственном понимании означает совокупность территорий и земель, приобретённых и обустроенных отцами (предками русского рода) и переданных в полноправное и ответственное владение детям (всем потомкам русского рода). Но в русском языке у слова Отечество есть созвучный аналог – Отчизна. Этот синоним, акцентируя внимание не на отеческом владении, а на отечественном происхождении, сущностно смыкается с понятием Родина, означающим не только место рождения, но и некую совокупность всего родного, духовно близкого, неразрывными узами объединяющего русского человека со своими земляками-соотечественниками.

4

В смысловой цепочке – государство, Отечество, Отчизна, Родина - государство хотя и стоит в России на первом месте, но лишь в формальном, подчёркнуто официальном плане. Оно не только пишется, но и мыслится у нас именно с маленькой буквы. Государству на Руси всегда «*отдавали долг*», откупаясь от него налогами или служебной повинностью. Отечеству же «*служили*» со рвением и жертвенным самозабвением. Отчизне и Родине неизменно отдавали «*дань любви*» и сыновней почтительности. Именно из-за этой размытости и разакцентированности в русском народе и российском обществе понятий государства и Отечества Россия, на мой взгляд, так долго шла к осознанию полезности и значимости для себя принципов европейской демократии и столь мучительно производила на свет своего недоношенного демократического первенца. И не случайно поэтому, как мне кажется, с демократией у нас всё пошло с первых шагов вкривь и вкось – не туда и не так. Мы внедряли у себя современнейшие западноевропейские демократические формы, а наши собственные демократические идеалы оставались старыми, дедовскими, патриархальными. Может быть, именно потому пролетарские вожди и решили перескочить через капитализм сразу в социализм, что очень сомневались в возможности утверждения в духовно патриархальной России буржуазно-мещанских идеалов западноевропейского гражданского общества, со всей очевидностью проявившихся к тому времени в практической деятельности демократических институтов Запада. Сопоставляя в этом плане большевистскую элиту с нынешней российской либерально-демократической элитой, приходится констатировать, что большевики лучше знали и понимали Россию и проявили больше творчества в приспособлении прогрессивной западноевропейской демократической технологии к отсталым идеалам русского народа. По сравнению с большевистскими социал-демократами сегодняшние

либерал-демократы в знании истории своей страны и понимании своего народа выглядят школярами и эпигонами, способными только на то, чтобы большевистскими методами внедрять в России самые худшие образцы весьма устаревшей модели западноевропейской демократии.

Демократические идеалы на Руси и в России сформировались очень давно. Зародившись в древнем Новгороде и старинном Пскове, они в видоизменённой форме перешли в Киевскую Русь, а затем оказали серьёзное влияние и на формирование важнейших институтов Московского государства и Российской империи. Существенными элементами русско-российских демократических идеалов являлись кровнородственные и семейные начала. Весьма показательны в этом плане русские народные пословицы – «*русский человек без родни не живёт*» и «*всякий мирянин своему брату семьянин*». В первой из них делается акцент на слове родня, которое, с одной стороны, подчёркивает принадлежность любого русского человека к какому-то конкретному роду и к определённой семье, а, с другой стороны, позволяет подразумевать его родственность всем другим людям, составляющим его обобщённую, расширительно трактуемую общечеловеческую родню. Второй пословицей народный мудрец исхитрился поставить акцент сразу на трёх словах – мирянин, брат и семьянин, объединив их в ментально обобщённом и логически взаимосвязанном цельном понятии. Под мирянином, по-видимому, понимался представитель крестьянского мира, сообщества тружеников, связанных друг с другом не только одинаковой сельскохозяйственной деятельностью, но и общей землёй, а также совместной административно-податной ответственностью. Брат в пословице употребляется в значении собрат, соратник, равноправный участник общего дела. Семьянин - член единой крестьянской семьи. Всё вместе читается, на мой взгляд, следующим образом: любой равноправный член крестьянского мира в идеале должен не только восприниматься в качестве собрата, но и по-настоящему являться подлинным членом единой и крепкой крестьянской семьи.

Учитывая тот факт, что крестьянские миры составляли основу всей административно-хозяйственно-социальной системы дореволюционной России, можно допустить, что и всё российское государство воспринималось простыми русскими людьми как один большой Мир, долженствующий полностью соответствовать крестьянским демократическим представлениям. На этом и основывали свои революционно-демократические теории все российские борцы за народное счастье (декабристы, народники и социал-революционеры), полагавшие, что достаточно свергнуть царя, и тотчас народ сам, без какой бы то ни было помощи извне установит свои демократические порядки, основанные на принципах большого крестьянского Мира. Большевики в оценке российского народного демократического потенциала в принципе были ничуть не дальновиднее отечественных социал-революционеров (эсеров). Просто их не устраивала подобная форма сугубо российской, народно-крестьянской демократии. Ибо они в соответствии с передовыми западноевропейскими революционно-демократическими теориями, замыслили сразу внедрить в России самую прогрессивную форму мировой демократии, вызревавшую в Европе, но ещё не опробированную ни в одном западноевропейском демократическом государстве. Именно поэтому Владимир Ленин и его боевые соратники не стали пускать дело российской демократии на самотёк, а взяли ослабевшую авторитарную государственную власть в свои руки и без особых раздумий установили собственную диктатуру, ориентируясь исключительно на пример якобинцев периода Великой французской революции 1789-1794 годов и парижских коммунаров времён французской революции 1871 года.

5

Ошибочность большевистского диктаторского способа установления и поддержания революционной российской демократии стала выявляться примерно через пятьдесят лет после Октябрьской революции 1917 года. И это удивительно, так как

якобинцы продержались у власти во Франции всего один год, а революционные коммунары и того меньше - немногим более двух месяцев. Тем не менее, сегодня всем в нашей стране понятно, что диктатура и демократия – вещи совершенно несовместимые. Всё более становится ныне ясно и то, что столь же несовместимыми понятиями, по крайней мере в России, являются демократия и либерализм. Однако формально невыявленной остаётся в российской истории тайна оправданности и жизнеспособности теории самодвижимой и самоопределяющейся российской демократии по типу и подобию большого народно-крестьянского Мира. А всё обозначившееся в теории, но по разным причинам нереализованное на практике всегда таит в себе семена соблазна. Но, думается, народовольцы и эсеры, истощившие себя своими бесчеловечными террористическими актами, не могли ни сами придти к власти в России, ни привести к власти народ по той простой причине, что их народническая теория была ещё более ошибочной, чем идеалы большевистских социал-демократов и прозападных либерал-демократов. Ставка на большой крестьянский Мир как основу российской демократии была, на мой взгляд, заведомо обречена на провал. Ибо к 1917 году сам реальный крестьянский мир уже трещал по всем швам в силу его политической аморфности, административной зависимости, экономической бесперспективности и социальной антагонистичности. Сами крестьяне находили в своём мире больше недостатков, чем положительных сторон, причём недостатков принципиальных, по-настоящему разрушительных.

Народники, эсеры и большевики (о либералах и говорить в этом плане не приходится) то ли осознанно, то ли по небрежности не обращали внимания на то, что для русского крестьянства, как и для русского человека в целом, община, мир вовсе не были идеалом российской демократии. «*Мужик умён, да мир дурак*», - говаривал трезво мыслящий русский человек задолго до рождения всяких модных теорий и основанных на них демократических революций. Если он что-то и находил полезного в крестьянском мире, так это некое его уподобление семье, которая и была для русского крестьянина и русского веловека вообще во все века настоящим идеалом. «*Вся семья вместе, так и душа на месте*», - утверждали наши предки. И это не простая бытовая поговорка, а, смею утверждать, самое настоящее жизненное кредо русского человека. Ибо она объемлет и отдельно взятую, вполне конкретную семью, и всё российское общество, главной ячейкой которого является семья, и российское государство, выстраивающее взаимоотношения людей по принципу большой семьи, и человеческий мир в целом, представляющий единую земную огромную семью. Разрозненная, не собранная вместе семья представлялась русскому человеку средоточием разного рода проблем и переживаний, которые разом стихают, когда семья восстанавливает свою органическую целостность. Семья и в том, и в другом случае (разрозненная и собранная вместе) ассоциируется у мудреца с душой, то объятой беспокойством, то спокойной и умиротворённой. Именно об этом говорит другая русская пословица – «*на что и клад, коли в семье лад*». Лад (мир, спокойствие, взаимопонимание) в семье любого размера (вплоть до народа и государства) объявляются русскими людьми высшей формой семейного благополучия и народного благосостояния.

С семьёй как общим контуром народно-демократического видения российского государства связано и осмысление русским народом его конкретных демократических принципов. В суждениях народных мудрецов на первом месте в семье (а, следовательно, и в основанном на её принципах государстве) стоит принцип любви. Это даже не совсем принцип, а общая духовная основа семьи, её неотъемлемый нравственный базис. Пословицами – «*насильно мил не будешь*» и «*бояться себя заставишь, а любить не принудишь*» - народные мудрецы полностью отвергают любые иные (кроме любви) подходы к построению надёжных и прочных взаимоотношений между людьми. Только любовь, чистая любовь - ничто заменяющее её не приемлется. Категорически отвергаются любые формы государственного устройства, основанные на силе и насилии, которые, будучи ловко закамуфлированными, тем не менее составляют базис современного

буржуазного государства. Большевистский режим просуществовал относительно долго потому, что эксплуатировал идеал семьи народов. Быстрота же падения этого режима была обусловлена, на мой взляд, именно органической неприемлемостью для русского народа в органике семьи насильственного принципа диктатуры пролетариата. Вторым базисным народным принципом демократического государства, соответствующего идеалу семьи, является принцип равенства. «*Равные обычаи – крепкая любовь*», - утверждает народный мудрец. Весь семейный житейский обиход нуждается в представлении русских людей именно в равенстве, но не ради удовлетворения амбиций каждого члена семьи (как это делается в современном либерально-демократическом государстве), а ради упрочения основ любви, ибо любовь не терпит унижения и несправедливости. Пословица – «*в своей семье всяк сам большой*» - рассматривает важность равенства ещё и в плане поддержания личного достоинства каждого члена семьи, независимо от его возраста. Третьим базисным элементом любой семьи русский народ полагает братство. «*Любовь братская – союз христианский*», «*братская любовь лучше каменных стен*», «*брат с братом на медведя ходят*», - утверждают русские пословицы. Братство в них трактуется не просто как кровное родство, а как теснейшая, надёжнейшая и прочнейшая духовная связь людей, уподобляемая христианскому союзу, то есть религиозному братству.

6

Как видим, в отличие от триединого идеала либерально-демократического (буржуазно-мещанского в своей сущности) государства, заключённого в футуристическом лозунге «*Свобода! Равенство! Братство!*», идеалом подлинно демократического российского государства в представлении русских мудрецов должны быть любовь, равенство и братство, утверждаемые в их тесно взаимосвязанном единстве, но не в лозунговом варианте, а в органике института семьи, естественно и самопроизвольно создававшейся на базе родоплеменных отношений. Формальная разница между лозунгом французских революционеров двухсотлетней давности, обращённым в идеальную будущность человечества, и многовековым жизненным кредо русских народных мудрецов, вытекающим из тысячелетних глубин человеческого рода, вроде бы невелика: не совпадают лишь два первых слова («*свобода*» и «*любовь*»), а вторые и третьи слова («*равенство*» и «*братство*») полностью идентичны. Тем не менее, приходится говорить не об удивительном сходстве, а о принципиальном, глубоко антагонистичном различии двух подходов. Поставленный во главу угла государственных отношений и взятый в своём абсолютистском воплощении и развитии буржуазно-мещанский идеал свободы ныне приводит к фактическому и полному отрицанию как равенства, так и братства. Ибо, о каком равенстве и братстве можно говорить в обществе, каждый член которого считает себя свободным и абсолютно независимым от всех других его членов и граждан государства? А ведь именно такой индивидуалистско-эгоистический смысл и заложен в либерально-демократическом принципе всемерной и всесторонней «*защиты*» абсолютистских прав человека.

Напротив, идеал любви, задающий тон народно-крестьянскому русскому видению демократического устройства государства, уподобляемого большой семье, не только не подавляет два других его принципа, а, наоборот, делает их в высшей степени полноценными и полновесными, достигающими своего собственного абсолюта. Именно любовь, свободная, открытая и обильно источаемая из человеческого сердца, даёт максимальную подпитку внутреннему ощущению подлинного равенства каждого члена семьи и сердечному чувству братства во всём семейном сообществе. Разумеется, у идеала семьи, как и у всякого идеала, есть свои проблемы в его практическом воплощении. Главная из них заключается в различии физиологических данных и нравственных черт характера членов семьи, коренящихся, как ныне принято говорить, в их генетическом коде. «*В семье не без урода*», - замечали наши предки ещё в те стародавние времена, когда генетикой и не пахло. При этом имелись в виду не столько разного рода физические

аномалии, сколько отклонения в психике людей и их душевной предрасположенности. По смыслу пословицы, практически в каждой семье (а человеческом сообществе - тем более) обязательно найдётся его член, который своим нравом выбивается из общего семейного порядка и создаёт в семье разного рода проблемные ситуации. Ещё хуже, когда в любовную, дружную атмосферу семьи вторгается разрушительное зло. «*Злая жена – мирской мятеж*», - говаривали народные мудрецы, имея в виду цепную реакцию зла, начинающуюся с острых проблем одной, отдельно взятой семьи и способную спровоцировать ситуацию конфликтности на мирском и общечеловеческом уровне. Не всегда и не всё благополучно в семейном формате демократического государства и с братством. «*Брат он мой, а ум у него свой*», - открещивается один член семьи от другого, являющегося его родным братом. Ситуация же братской вражды уподобляется народными мудрецами едва ли не вселенской катастрофе. «*Брат на брата – пуще супостата*», - говорили наши предки, намекая на то, что от любви до ненависти – всего один шаг и что братская злоба бывает намного разрушительнее, чем нашествие самого ненавистного и лютого врага.

Суммируя все проблемы и неурядицы в сообществе кровно и духовно близких людей, наши предки философски замечали: «*с роднёй не без хлопот*». То есть проблемы в семье и семейственном подходе к мировосприятию действительно есть, но не надо их драматизировать, так как непрерывные хлопоты - это суть и смысл всей нашей земной жизни. К принципу любви народные мудрецы тоже относились философски, заявляя – «*любить тяжело; не любить тяжелее того*». Любовь они рассматривали не как безгрешный абсолют или земную идиллию, а как некую дополнительную тяжесть или даже обузу. Но, сравнивая душевные тяготы любви с безлюбовным (сугубо эгоистическим) существованием, мудрецы отдавали явное предпочтение любовным хлопотам, по отношению к которым облегченное, бездуховное, индивидуалистическое бытие представлялось им намного более тяжёлым, чем семейный образ жизни. Преимущества последнего в глазах наших предков выглядели неоспоримыми. «*Ссора в своей семье,* - говорили они, - *до первого взгляда*». То есть в семье, базирующейся на всеобщем принципе любви, все конфликты между её членами разрешаются сами собой. Достаточно одного взгляда - и вновь воцаряется лад, причём без всяких последствий и объяснений. Жизнь в семье и в любви воспринималась нашими мудрыми предками не просто как закон человеческого земного существования, но и как божественное предназначение человека. «*У кого детей нет – во грехе живёт*», - говорили они и добавляли: «*Где любовь, тут и бог*». В первом случае семья выступает как святыня, во втором – она мыслится как земное воплощение Божественного идеала.

7

Семья как идеал государственного устройства русских людей была главным ориентиром в процессе формирования Киевской Руси и московско-российского государства. Анализируя первую статью «*Правды*» Ярослава, я отмечал, что первостепенное внимание в ней уделялось «*мужу*», который не только олицетворял главу семьи свободных людей, но и как бы символизировал идеал семьи в древнерусском государстве. Круг ответственных за сохранение и поддержание семейных ценностей «*Русская правда*» выстраивает сугубо по мужской линии. Правом мести обладали брат убитого, его сын, его отец, племянник со стороны брата и племянник со стороны сестры. Этот круг родственников и являлся главной опорой древнерусской семьи, её костяком и хранителем её чести и достоинства. Перечисленные затем в статье русин, гридин, купчина, ябетник, мечник и словенин, находящиеся под защитой князя, судя по нераспространению на них права мести, имели полудолжностной-полусемейный статус. Так как князь всю полноту ответственности за них брал исключительно на себя, можно предположить, что он рассматривал этих (несомненно, свободных) людей в качестве

членов своей собственной семьи. А потому и вира за них, скорее всего, шла полностью в княжескую казну.

Духом семьи и семейственности (в добром смысле слова) были пронизаны отношения верхов и низов не только в великокняжеском стольном Киеве, но и в небольших княжествах Древней Руси, причём даже в период её раздробленности. Атмосфера духовной близости и семейного единения древних русичей вполне ощутимо передана в «*Слове о полку Игореве*» плачем Ярославны. Княгиня укоряет солнце и ветер за то, что они способствовали поражению Игоря: солнце томило его воинов жаждою, а ветер нёс на них половецкие стрелы. Здесь печалование о судьбе любимого мужа (главы княжеской семьи) перекликается с явным неравнодушием к судьбе его воинов, составлявших его ратную семью. На семейственность отношений между начальниками и подчинёнными в древнерусском Московском государстве указывает факт наличия в нём значительной прослойки так называемых «*детей боярских*», находившихся на военной службе у царей, князей, бояр и церковных иерархов. Великий реформатор Пётр Первый, безжалостно искоренявший в российском государстве внешние проявления древнерусской архаики, не только счёл необходимым сохранить древнерусские семейные ценности, но и постарался придать им законообразный характер. Об этом, в частности, свидетельствует «*Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов*». Подготовленный в начале восемнадцатого века ближайшими сподвижниками Петра этот сборник представлял собой, по сути, некий семейный кодекс, начинавшийся словами: «*В первых наипаче всего должни дети отца и матерь в великой чести содержать*». Сам простецки грубоватый характер Петра, его преклонение перед русскими воинами создавали в стране атмосферу своеобразного демократизма под эгидой российского монарха. Непревзойдённым мастером утверждения стиля монархического демократизма в российском государстве была Екатерина Вторая, о которой Пушкин писал: «*Её великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало её владычество*».

Разрушая сложившуюся веками монархическую систему российского государства, большевики осознанно и целеустремлённо действовали сразу на двух главных фронтах - государственно-административном и семейно-традиционалистском. Первый фронт преследовал цель уничтожения громоздкой и негибкой царистской бюрократической машины и замены её системой оперативно действующих комиссариатов, сочетавших жёсткую персональную ответственность революционных комиссаров с амортизирующим советническим началом. Этот фронт вылился в Гражданскую войну, в которой нередко сын шёл против отца, а брат сражался с братом. Но это было лишь побочное действие ожесточённого и бескомпромиссного военного столкновения двух антагонистических государственных систем. Второй фронт по-настоящему был открыт уже по окончании Гражданской войны, и нацелен он был на долгосрочное и целенаправленное разрушение основ традиционалистской русской семьи. По меткому выражению Ивана Ильина, поднялось упорное и жестокое гонение на любовь – поход на семью, отрицание родины, подавление веры и религии. Иезуитски-гениальным изобретением большевистских идеологов было создание официозных молодёжных институтов – комсомола и пионерской организации и выдвижение в национальные герои пионера Павлика Морозова, пошедшего против семьи и погибшего за принципиальное отстаивание коммунистических идеалов. Опасность разрушения семейных ценностей Сталин осознал только в ходе Великой Отечественной войны. А, осознав, стал выстраивать взаимоотношения фронта и тыла на традиционных российских принципах семьи: на фронте, жертвуя собой ради Отечества, бьются с врагом отцы и братья, а в тылу, не жалея своих сил и терпя всевозможные лишения, обеспечивают их всем необходимым жены, сёстры и дети. После войны в верхах стало традицией всеми способами оберегать советскую семью, вплоть до грубого вмешательства в семейную и личную жизнь работников партийных и советских органов.

8

Нынешние либерал-демократы, ничему не научившись ни у своих собратьев – неудачливых творцов прозападной Февральской революции 1917 года, принудивших российского императора к отречению от престола, ни у своих поверженных коммунистических предшественников, надорвавшихся на сломе традиционалистской русской семьи, не нашли ничего лучшего, как продолжить опорочение и разрушение семейных идеалов. Либеральный курс, де факто осуществляемый в России вот уже двадцать лет под неусыпным и жёстким протекторатом российских правозащитников всех степеней и рангов, даёт свои разрушительные плоды прежде всего на семейном фронте. Писатель Даниил Гранин с горечью отмечал: «*У нас все нравственные показатели сильно испорчены. Семья испорчена – наркомания, пьянство, разрыв между поколениями. Порвалась связь времён*…». Связь времён не порвалась: её намеренно и безжалостно разрушают. Наших ретивых правозащитников не волнуют ни разграбленный российский народ, ни миллионы беспризорных подростков, выброшенных на улицу из неблагополучных семей, ни тысячи обманутых дольщиков, не могущих за свои же деньги обеспечить семьи нормальным жильём. Они озабочены лишь нехваткой у нас западной демократии и европейского либерализма. Кинорежиссёр Сергей Соловьёв обращает внимание на то, что кино и телевидение, целенаправленно манипулируемые сегодня либерально-олигархической элитой, превращают любовь и сострадние к человеку, а также человеческую душу, совесть и нравственность в некие «*ругательные понятия*». А ведь именно эти понятия составляют корневую основу здоровой и крепкой русско-российской семьи.

Духовный кризис, олицетворением и реальным воплощением которого является декадентско-конформистский либерализм, охватывает ныне не абстрактное человечество, которое бесформенной серой массой пассивно течёт в неизвестное будущее, а именно его главную конкретную опору – живую и страдательную семью. Иван Ильин утверждал, что пришёл час заговорить о любви и встать на её защиту. Я же настаиваю на том, что, говоря о любви, мы сегодня должны встать на защиту семьи. Ибо именно она сейчас – последний оплот любви в её подлинном, живом и конкретном воплощении. Без животворящего идеала семьи любовь как таковая выдохнется сама собой, превратится в пустую абстракцию - наподобие аморфного, безликого и инфантильного гуманизма, терминологически зачастую используемого (особенно в последнее время) для лукавого прикрытия неблаговидных целей и бесчеловечных деяний. Без всечеловеческого любовного идеала семьи даже искренняя вера в Бога может стать слепым орудием злобы и ненависти, несущим человечеству гибель и разрушения. Семья как идеал российской демократии нуждается сегодня в плане её защиты не столько в детальной и добросовестной разработке её острых современных проблем на социолого-демографическом уровне, хотя и это сейчас чрезвычайно важно. Исключительную значимость ныне приобретает осмысление её философских, политических, социо-культурных и этико-нравственных аспектов. Не идеализируя современную российскую семью (ибо с горечью приходится признать, что институт традиционной русской и российской семьи сегодня почти полностью разрушен), я хотел бы в качестве модели российской демократии предложить идеал семьи, на который ориентировались наши предки, выстраивая свой вековой традиционалистский жизненный уклад. В этом идеале высока роль отца - строгого, справедливого и в высшей степени ответственного главного члена семьи, отличающегося непоказной, действенной и мужественной любовью. Велика в ней и роль матери - хранительницы домашнего очага, кормилицы, олицетворения любви и жертвенности. Значима роль старших детей - расторопных помощников отца и матери и опекунов своих маленьких, слабых и беззащитных братьев и сестёр, нуждающихся в их повседневной и повсеместной защите и опеке. И символична роль стариков и детей

вообще, с одной стороны, как хранителей священных семейных традиций, а с другой - как будущих активных продолжателей человеческого рода.

Русский философ, общественный деятель и политик с трагической судьбой (расстрелян в 1937 году) Николай Устрялов писал: «*У русских выбор небогатый: жить иллюзиями и потихоньку исчезать с лица своей земли или переломить трёхсотлетнюю традицию и самим создать себя заново как самостоятельный и самоуправляющийся субъект политики – русскую демократическую нацию*». Выбор у нас не просто небогатый - его вообще, по сути, нет. Та форма демократии, которая ныне навязывается нам путём непрерывного давления извне и внутри страны, если на неё трезво взглянуть, демократией вовсе не является. В Западной Европе, где власть сосредоточена в руках буржуазно-бюргерской элиты, ни о каком народоправии речи давно уже не идёт. В США, претендующих на роль оплота мировой демократии, власть вообще узурпирована олигархической элитой, использующей демократические лозунги исключительно для манипулирования народными массами. О существе этой американской псевдодемократии Александр Пушкин писал ещё в 1836 году следующее: «*С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству*». За прошедшие сто семьдесят пять лет это существо «*эталонной*» американской демократии нисколько не изменилось, став по форме в чём-то более изощрённым, а в чём-то и более отвратительным. Идти по пути демагогической фальши и замаскированного цинизма Россия не сможет уже в силу своего сущностного правдолюбия и правдоискательства. Следовательно, нам ничего другого не остаётся, как продолжать следовать в русле поиска собственной модели демократии, опираясь на традиционалистские идеалы русско-российского народа и учитывая неудачный опыт прежних времён. Нам говорят, что это наивно. Может быть. Но только исключительно в отношении формы. Главное же состоит в том, чтобы наполнять современные формы развитой демократии подлинно народоправным существом, а это по силам только человеческой мудрости.

* * *

Вместо сказки я хочу проиллюстрировать главную идею данной главы сказочной былью. В мае 2011 года в Москве в Центральном доме кино в рамках кинофестиваля, организованного Международным союзом дворян, был показан документальный фильм под названием «*Параша-сибирячка*». Это трогательная история подвижнической одиссеи восемнадцатилетней русской девушки Прасковьи ради спасения чести своей семьи. Её отец – дворянского рода прапорщик Луполов - был по навету осуждён и сослан на вечное поселение в Сибирь. По-видимому, семья из-за этого очень страдала, причём не столько физически, сколько морально. Именно этим и можно объяснить невероятную решимость единственной дочери ссыльного поселенца отправиться в столицу, чтобы добиться пересмотра дела и восстановить правду. Осенью с одним рублём в кармане она, несмотря на уговоры сердобольных родителей, покинула село под Ишимом (Тюменская область) и пошла пешком с твёрдым намерением достичь Петербурга, предстать перед царём и рассказать ему «*всю правду*». Трудность заключалась не только в преодолении пешком огромного расстояния, в том числе в условиях суровой сибирской зимы. Опасности подстерегали беззащитную девушку буквально на каждом шагу. Среди них были и волки, и разбойники. Последние, убедившись, что у неё нечего взять, и выслушав её рассказ о целях своего похода, не только накормили её, но и дали продукты на дорогу. Таким-то образом она и добралась сначала до Екатеринбурга, потом с помощью добрых людей – до Москвы, а затем – и до Санкт-Петербурга. По протекции принявших в ней участие знатных дам Параша сначала была представлена царице, а потом принята царём. Выслушав её, он помиловал отца, а ей самой назначил приличный пансион за

беспримерный дочерний подвиг. Но родители, восстановив свою честь, оставались по дворянским меркам нищими. А передать им право на владение своим пансионом она могла, лишь уйдя в монастырь. Что она и сделала, а вскоре умерла, окружённая заботой и вниманием, с чувством до конца исполненного долга.

Эта бесхитростная, но полная внешнего драматизма и внутреннего благородства история наделала много шума в России и Европе. Она дала сюжет сразу двум французским сентиментальным романам, включая роман «*Молодая сибирячка*» знаменитого Ксавье де Местра, вышедший в 1815 году. Русский писатель Николай Полевой написал по ней пьесу, премьера которой вызвала слёзы умиления у императора Николая I, сославшего в Сибирь не один десяток дворян. Полагают также, что именно Параша стала прототипом Марии Ивановны – дочери коменданта Белогорской крепости в «*Капитанской дочке*» Александра Пушкина, осмелившейся добиваться аудиенции у российского императора ради спасения жизни и чести оклеветанного любимого человека. Драматизм и глубинная одухотворённость этой чисто житейской и сугубо российской истории, с преобладающей доминантой личного самопожертвования, действительно, потрясают. Они невольно вызывают ассоциацию с жертвенным подвигом Ивана Сусанина, совершённым им в других условиях и совсем по другому поводу. Но, если вдуматься, то эта вроде бы случайная аналогия, приобретает несомненную и вполне закономерную внутреннюю связь. Прасковья Луполова для исполнения явленного ей Божественного знамения пожертвовала собой во имя восстановления поруганной чести и униженного достоинства своей собственной семьи. Иван Сусанин, совершая осознанный подвиг во имя Отечества, жертвовал не только собой, но и благополучием своей семьи. И, тем не менее, это тоже был подвиг во имя Семьи, но не в её частном, а в общероссийском значении.

По русской традиции хранителями чести и достоинства семьи со времён Ярослава Мудрого были исключительно мужчины. Прасковья Луполова ломает эту традицию. При отсутствии братьев молодая девушка, воспитанная в духе дворянского служения Отечеству, берёт на себя чисто мужскую роль и, не задумываясь о трагических последствиях своего по-настоящему мужественного решения, совершает подвиг не только ради семьи, но и во славу своего Отечества. Двигала ею, несомненно, исключительная любовь и преданность своей семье. Но путеводной звездой ей служила убеждённость в отеческой человечности русского царя и его несомненной справедливости. Без этого убеждения не было смысла ей вступать на столь опасный путь. Защиту же ей давала глубокая вера в Бога и великое доверие Ему. Сегодня, когда традиционная семья находится не только в Европе, но и в России на грани распада и когда во многих семьях всю полноту ответственности за благополучие и благосостояние семьи берут на себя женщины, история Параши-сибирячки приобретает особый смысл. Может быть, именно русская женщина, способная беззаветно любить, безропотно терпеть все жизненные невзгоды и без раздумий жертвовать собой ради своих детей, взяв бразды правления семьёй из ослабевших рук мужчин, придаст новый импульс и российской демократии? Или, может, всё же российские мужчины, всё более уподобляющиеся ныне своим сибаритствующим западным собратьям, вспомнят, наконец, о своём мужском достоинстве и совместно с любящими их женщинами поведут своё Отечество по пути высокой чести и достоинства?!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ – НЕБО КОПТИТЬ ИЛИ БОГУ СЛУЖИТЬ?

Человек не для себя родится.
Всё на свете творится благостию Божиею да глупостию человеческою.
Жить – Богу служить.

1

Отдельный человек и человечество в целом имеют, по-видимому, своё сущностное предназначение, но одновременно наделены свободой выбора в своём жизненном самовыражении и в определении рамок и характера исполнения своего долга. Верящий в Бога, но не лишённый скептицизма русский народный мудрец пословично утверждал: «*Всё на свете творится благостию Божиею да глупостию человеческою*». То есть предназначение мира и человека – Божественное и благое, а реальные дела самого человека – глупые и разрушительные. Полностью разделяя точку зрения моего мудрого предка на Божественную благодать, я, тем не менее, не склонен соглашаться с его скептицизмом в отношении человечества. Человек сложен и противоречив. Он соткан из разных исходных начал и различных жизненных побуждений. Он не может непрерывно только созидать, но вынужден и что-то разрушать, в том числе для нового, более качественного созидания. В силу этого в человеке и человечестве идёт непрерывная борьба творческого и разрушительного начал. Результат же её может выявиться либо буквально завтра (при окончательном возобладании в мире сил разрушения), либо проявится в весьма отдалённом будущем, если сил созидания хватит для своевременного и качественного заделывания гибельных брешей.

О человеческом предназначении размышляли многие лучшие умы человечества. Древнегреческий философ Клеанф (IV-III век до н.э.), один из основателей стоического направления в философии, утверждал, что желающего идти судьба ведёт, не желающего влачит. Римский поэт Секст Проперций в первом веке до рождения Христа настаивал: «*Пусть каждый соблюдает свою дорогу*». Английский философ, психолог и педагог Джон Локк (1632-1704) убеждал: «*Истинное мужество выражается в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своего долга, невзирая ни на какие бедствия и опасности*». Великий немецкий поэт Иоганн Гёте (1749-1832) уверял: «*Без пользы жить – безвременная смерть*». Французский философ Пьер Леру (1797-1871) полагал: «*Жить – значит не только меняться, но и оставаться собой*». Его соотечественник, социолог, историк и мыслитель Алексис де Токвиль (1805-1859) говорил: «*Жизнь – не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать честно и честно довести его до конца*». Каждое из этих высказываний по-своему замечательно, а все они вместе взятые составляют кладезь общечеловеческой мудрости. В них важно то, что за общими рассуждениями о судьбе отдельного человека и человечества в целом в их словах просматривается забота о благополучии собственного народа и своего Отечества. При этом одни философы (в частности, Локк) мыслили предназначение своих народов как некий непрерывный и нескончаемый долг, другие (Гёте) – как общую пользу, третьи (Токвиль) – как честное дело. Но все вместе они рассматривали миссию человека и человечества как исключительно позитивную, требующую от них постоянного и благотворного созидания.

Раздумья русских мыслителей о смысле человеческого существования и предназначении нашего Отечества в общемировой истории по мысли созвучны основным идеям западных мыслителей, но отличаются насыщенной эмоциональностью и душевной сокровенностью. Самым мрачным по мысли и духу было видение человеческого предназначения у нестандартно мыслящего русского философа Николая Фёдорова (1828-1903), который утверждал, что мир идёт к концу, а человек своей деятельностью способствует приближению конца. Но этого всеобщего конца мыслитель не только не страшился, но жаждал его, ибо связывал с ним идею последующего воссоздания всех поколений, их преображения и возвращения к Богу. Основная же масса русских мыслителей взирала на будущее человечества и своего Отечества с нескрываемым оптимизмом. Фёдор Достоевский, например, рассматривал жизнь как художественное

произведение самого творца в окончательной и безукоризненной форме пушкинского стихотворения. Бог виделся ему не только как творец, но и как непревзойдённый художник, по отношению к которому земной художник в высших проявлениях своего творчества тоже вполне способен уподобиться небесному Творцу. Художник Виктор Васнецов утверждал, что своё прекрасное, родное, выросшее и расцветшее полным цветом, даст плоды и для всего человечества. По его мысли, человеческое творчество, будучи сугубо индивидуальным по исполнению и национальным по своему духу, является несомненным и ценным вкладом в сокровищницу всего человечества. Многие наши соотечественники и сегодня вполне разделяют подобный высокий оптимизм корифеев русской мысли и русского духа.

2

Однако следует признать, что в размышлениях и рассуждениях мыслящей части современного российского общества о будущем мира и России не всё так просто и однозначно. Есть в них такой пунктик, который делит эту мыслящую элиту на два враждебных лагеря, уготавливая нашему Отечеству великий духовный раскол и создавая реальную угрозу качественному исполнению его исторического и Божественного предназначения. Пунктик этот – определение роли русского народа и русскости вообще в будущей судьбе России и всего человечества. Официально поддерживаемая ныне либеральная элита настаивает на том, чтобы русские с их традиционалистским мышлением и консервативным образом жизни самоустранились или были устранены от определения судеб своей страны и мира в целом. Эти российские неогегельянцы, уповающие на всесилие абстрактных идей и утопических теорий, жаждут создать Россию с чистого листа, перечеркнув всё её историческое прошлое и выстроив её заново по лекалам очень условной и весьма относительной западной либеральной демократии. Ослеплённые ненавистью к коммунизму, они не хотят видеть, что едва ли не во всём и буквально до мелочей повторяют печальный опыт коммунистических идеологов, тоже пытавшихся заново пересоздать тысячелетнюю Россию и руководствовавшихся при этом опять-таки теоретико-идеалистическими философскими теориями Гегеля. Этой крайней точке зрения на будущее мира и России противостоит другая крайность – категоричная апология русских и русскости, причём со значительной долей так называемого квасного патриотизма. Выстраивать будущее России исключительно на этом высоком пьедестале – значит не столько созидать нашу реальную будущность с учётом исключительной сложности характера русского человека, сколько ставить прижизненный памятник и ему самому, и олицетворяемой им русскости. Это тоже своего рода похороны русских и русскости, но уже не в презрительной и уничижительной манере либералов, а в торжественном стиле и под громкие фанфары урапатриотов.

Русских и русскость хоронить пока рано. В отличие от древних эллинов и древних латинян, давших основание западноевропейской цивилизации, «*древние*» русские и по сей день вполне живы, и миссия их далеко не окончена. «*Мы*, - утверждал русский философ Константин Леонтьев, - *не осуществили ещё в истории назначения нашего… Но несомненно и то, что мировое назначение у нас есть*». Думается, он совершенно прав, ибо до сих пор мы больше готовились к исполнению своего великого исторического предназначения, чем по-настоящему исполняли его. Но сегодня уже мало говорить о каком-то общем и туманном предназначении. Со всей остротой встаёт вопрос о чётком и точном определении нашего истинного предназначения именно сейчас и именно в этом сложном и мятущемся мире. Причём важно выявить существо нашего предназначения не столько для определения нашего нынешнего места в современном мире, сколько для преодоления нашего собственного глубокого духовного кризиса. Сейчас многие (причём не только либералы, но и патриоты) говорят о перерождении и даже вырождении русских как нации. При этом указывают на так называемых «*новых*» русских - людей при деньгах, но с полным отсутствием даже самой минимальной культуры и какой бы то ни было

нравственности. Но это вовсе не показатель подлинной русскости, ибо таких «*русских*» у нас во все времена хватало. И, тем не менее, вовсе не они делали погоду в нашем российском доме. В конечном счёте всегда выходило так, что судьбу России определяли совсем другие русские, у которых русским было не их национальное происхождение, а их существо, определяемое исключительно духовной самодостаточностью и состраданием к ближнему.

Проблема адекватного определения предназначения России в современном и будущем мире заключается поэтому, на мой взгляд, не столько в невольном изменении характера самих русских. Россияне всегда умели подстраиваться под веяния современности. Проблема сейчас намного глубже и серьёзнее, так как в условиях предельно открытых взаимоотношений с окружающим миром нам всё труднее становится преодолевать негативное духовное влияние чуждого нам мира, давление которого на нас приобрело характер духовной агрессии. Американский политолог Уил Инбоден, анализируя ситуацию в современном мире и роль России в мировых процессах, подчёркивает, что у России мало возможностей изменить мировой порядок «*под себя*», но страна имеет возможность сопротивляться и блокировать инициативы других мировых держав, которые ей не по душе. Это огрублённый взгляд на вещи, причём с позиций именно чуждого нам мира. Россия вовсе не пытается сейчас изменить мировой порядок «*под себя*», а напрягает все свои физические и духовные силы, чтобы не позволить односторонне устанавливаемому мировому порядку изменить самоё себя и исказить свою сущность и своё предназначение. И именно эти наши исключительно защитно-оборонительные усилия воспринимаются вовне не только как предосудительное сопротивление, но и как стремление блокировать инициативы других мировых держав, под которыми подразумевается одна мировая сверхдержава, навязывающая всей планете новый мировой порядок.

3

В прошлом веке Россия попыталась изменить буржуазно-капиталистический мировой порядок, полагая свою миссию в том, чтобы осчастливить мир коммунизмом – самым справедливым социальным строем на земле. Однако при этом большевистская элита вовсе не думала о том, чтобы положить мир к ногам России. Наоборот, именно Россия должна была лечь в качестве великого самопожертвования к ногам осчастливленного ею мира. Она фактически исполнила свой жертвенный долг, понеся самые крупные потери во имя освобождения мира от фашизма, а затем сама же освободила мир и от коммунизма, по меткому замечанию Валентина Распутина, «*переварив*» его. Если называть вещи своими именами, в данном случае уже сама Россия пожертвовала коммунизмом ради мира и всеобщего благополучия. Жертва России была великодушно принята западным миром. Но великодушие это было обманчивым, ибо нашей стране было вменено в обязанность запустить у себя на полную мощь очистительный механизм радикал-либерализма, который в своей сути вовсе не был либерал-демократизмом западного толка (который мы, по-видимому, не заслужили), а являлся воинствующим антикоммунизмом, призванным полностью вытравить из России дух общности и человеческой солидарности. Такова была «*епитимья*», наложенная на Россию за её семидесятилетнюю коммунистическую греховность. И не удивительно, что эту искупительную «*епитимью*» поддержала и Русская православная церковь, стоящая на страже русской духовной общности и солидарности. Она и не могла не поддержать, так как грехов у нас действительно к тому времени накопилось великое множество, включая и жестокие гонения на Церковь и Бога. Однако беда России заключалась даже не в тяготах так называемой программы кардинального очищения её организма, получившего название особой, российской, гайдаровской «*шоковой терапии*». А в том, что разрушительный вирус радикал-либерализма был запущен и постоянно подпитывался извне, а применение

антивирусных программ России было запрещено. Для этого-то и понадобились жупелы борьбы с ксенофобией и экстремизмом, подкреплённые крестовым походом против тирании и терроризма. Фактически всё свелось к тому, что Россия должна была вновь принести весьма ощутимые жертвы, но теперь уже на алтарь опороченного ею капитализма.

России вовсе не импонирует отводимая ей ныне роль мирового тормоза. Нынешняя либерализованная Россия как никакая другая предшествующая ей Россия (царская, имперская или советская) предельно раскрыта миру. Причём всему, включая Запад и Восток, Север и Юг. Как никакая другая Россия она сегодня жаждет творчества и созидания и готова горячо откликнуться на любую благотворную и миросозидающую инициативу. Но, испытав на самой себе всю гибельность доктрины тотальной ненависти, современная Россия менее чем когда-либо готова поддерживать те «*инициативы*» других мировых держав, которые грозят миру разрушениями и дестабилизацией. Ещё около ста лет назад, в момент революционных событий 1917 года, русский философ Николай Бердяев выражал надежду, что русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе. Тогда этого не случилось, так как большевики насильственно повели страну по пути гегелевского «*отрицания отрицания*», то есть отрицания перманентного и абсолютного, разрушительного в своей сути. Сегодня русско-российская самобытность, пресытившаяся священной ненавистью к несовершенному миру и своим собственным сущностным самоотрицанием, не только способна к дружбе и любви, но и готова реально продемонстрировать всему миру свой выстраданный и обновлённый духовный потенциал. Причём во всей его накопленной мощи, с огромной жаждой созидательного творчества и с чувством обретённой позитивистской духовной свободы. О явлении Болотной площади (Москва, декабрь 2011 года), по-видимому, будут ещё много и долго говорить не только в России, но и за рубежом. Может быть, столько, сколько до сих пор говорят (по крайней мере, в России) о явлении Сенатской площади (Санкт-Петербург, декабрь 1825 года). Оба эти явления заслуживают серьёзного и вдумчивого изучения, причём не только по отдельности, но и взятые вместе, в их сопоставлении. Это не просто весьма значимые вехи в истории России. Это важные символы, свидетельствующие о переломе в духе и сознании русских людей. Около двухсот лет назад российский демократизм начал отсчёт времени своего мучительного зарождения и жертвенного существования. С того судьбоносного момента жертвам набиравшего радикализм российского демократизма не было конца. Благодаря этому сама Россия превратилась в великий жертвенник – в жертвенный алтарь духу бунта и непокорности.

Московская Болотная площадь, собравшая по разным подсчётам от пятидесяти до ста тысяч россиян (причём не только москвичей), - явление, на мой взгляд, обратного порядка. Задуманный как погромно-подстрекательское действо (о чём свидетельствуют заранее заготовленные на Западе телевизионные кадры массовых беспорядков в Греции, спроецированные на Россию), митинг радикальных оппозиционеров-протестантов вылился в России в спокойную и величественную манифестацию массового народного волеизъявления, требующего подлинных, по-настоящему демократических перемен в стране. Ни одного выстрела, ни одной разбитой витрины, ни одной перевёрнутой или подожжённой машины! Это вполне очевидное доказательство того, что на площадь вышли в основной массе люди честные и порядочные – тот самый российский средний класс, которому есть что терять, но который по горло сыт алчностью и лихоимством либеральствующей элиты, под шумок борьбы с коммунизмом разграбившей страну и не желающей работать на благо российского народа. У Болотной площади как явления может быть несколько значений. Но главное из них состоит, на мой взгляд, в том, что она, по сути, зафиксировала начало выздоровления народа и страны. Важно также то, что фактический консенсус разнохарактерных политических протестных сил (либералы, патриоты, националисты разных мастей), продемонстрированный на Болотной площади и

других площадях российской столицы и всей страны в целом, явил России и миру реальную низовую демократию. Именно она, масштабная демократия улицы, своими сплочёнными усилиями заставила власти выслушать глас народа и внести существенные коррективы в свой политический курс. Весьма значимо, наконец, и то, что столь массовая демонстрация получилась подчёркнуто мирной. Это говорит о том, что и власти заметно поумнели, и впервые в истории России массовое волеизъявление низовой российской демократии обошлось без жертв. Тем самым, будем надеяться, в России, наконец-то, прервана двухсотлетняя жертвенно-разрушительная, революционно-бунтарская традиция и положено обнадёживающее начало позитивно-созидательному, эволюционно-поступательному демократическому развитию нашей страны.

4

Не известно, что раньше вызрело в умах наших далёких предков – идея о спасительности правды или мысль о безусловной необходимости российской государственности. Думается, что русская правда появилась всё же первее, ибо без неё свободолюбивый русский народ вряд ли надел бы на себя тысячелетнее тираническое ярмо государственности. Тем не менее, принято считать русский народ в высшей степени государственническим. «*На протяжении большей части своей истории*, - отмечали американские аналитики в материале «*Россия – нищая великая держава*», - *Россия была экономическим инвалидом… Но… экономический инвалид превращается в военного гиганта благодаря сильной государственной власти*». Объединительная роль государства при огромности нашей территории и многонациональности нашего населения, конечно, играет важную роль в сплочении российского народа. Но следует учесть, что реальную силу любой государственной власти придаёт не сама власть, а исключительно народ, сознающий меру своей исторической ответственности за судьбу страны и необходимость своего объединения под эгидой государства. В обыденной жизни российское государство и российский народ сосуществуют как бы раздельно, терпя друг друга и подстраиваясь под своего делового партнёра исключительно в силу необходимости, не испытывая при этом особых чувств симпатии. Если бы сегодня создались реальные условия для разгосударствления стран и народов мира, русско-российский народ, думается, обязательно оказался бы в числе тех, кто избрал бы для себя формы общественного самоуправления, демонстрируя при этом высокий уровень самоорганизации и взаимопомощи. Но когда таких условий нет, а, наоборот, существует диктат отдельных могущественных государств, русско-российский народ вынужден не только держаться за государство как за гаранта своей безопасности, но и прилагать максимум усилий для укрепления его могущества и дееспособности. Принцип – на добро отвечать добром, на силу – силой, издревле присущий русскому народу и российскому государству, представляет собой не просто верность правде, но и осознание своего исторического предназначения и своего реального, практического служения Богу.

Проблема государственности в России всегда заключалась вовсе не в больших поборах государства для безбедного существования его служащих и даже не в форме власти как таковой, на которую сегодня делают упор либеральные демократы. Главная проблема для русско-российского народа заключалась всегда в качественности государственной власти, в её принуждении всеми доступными народу средствами к реальному исполнению государем и его слугами собственного предназначения. Строго говоря, проблема взаимоотношений русско-российского народа с властями предержащими сводилась неизменно к проблеме установления его доверительных связей с российскими государями и с российской властной элитой. В отстаивании целей и ценностей национального бытия в системе внутригосударственных отношений русско-российский народ всегда делал ставку исключительно на российского государя, демонстрируя ему свою беспредельную любовь и нижайшее почтение, и с недоверием относился к российской элите, заподозривая её во всех смертных грехах. Элита отвечала

народу тем же, почти не скрывая своей враждебности к нему и своих мстительно-тиранических устремлений. Особенно преуспела в этом нынешняя, либерально-демократическая, исключительно прозападная российская элита. Ни в одной другой стране мира либеральная элита ещё никогда не занимала столь враждебной в отношении собственного государства позиции и нигде ещё при этом она не имела столь сильного негативного влияния на государственные дела, как в сегодняшней России. «*Переварив*» двадцать лет назад коммунизм, мы сегодня точно таким же образом и столь же трудно «*переваниваем*» радикал-либерализм. И тот, и другой – детища не русского народа или российской нации, а порождения многонациональной российской интеллигенции, необычайно тонко чувствующей, интеллектуально весьма изощрённой и наделённой богатейшим воображением, а потому вечно недовольной собой, своим положением в обществе и государстве и в конечном счёте - далёкой от Божественного идеала российской действительностью. Русско-российская интеллигенция всегда была в России тем бродильным элементом, который не давал возможности закоснеть в архаичной патриархальности российскому обществу и подвиг его и самоё себя на великие духовные творения. Но она же приложила недюжинные усилия к высвобождению из исторического небытия злобного демона коммунизма и светлого ликом, но недоброго духом демона либерализма.

О коммунизме сегодня принято говорить только в исключительно очернительном плане и в крайне ругательных выражениях. Он и в самом деле в конечном счёте достаточно явственно выявил свою негативистскую сущность и принёс немало практических бед России и миру в целом. Но нельзя отрицать и то, что его явление на нашей планете было вполне логичным и предсказуемым. Призрак коммунизма, так долго бродивший, по меткому выражению Маркса, по Европе, обязательно должен был где-то материализоваться. Рванув в России, он, во-первых, спас Европу от неизбежных, долгих и мучительных собственных социальных катаклизмов, а, во-вторых, получил не столько реальное, сколько экспериментальное воплощение. Народы же Европы в ходе этого мирового российского эксперимента не только обрели временную передышку, но и имели редкую возможность лицезреть капитализм с человеческим лицом. Гуманистический призрак либерализма бродил по Европе намного дольше, чем призрак коммунизма. Но в своём отвратительном виде он материализовался опять-таки именно в России и тоже, по сути, в экспериментальном варианте. Думается, и здесь Россия явлением безудержного и беспредельного радикал-либерализма избавила не только Европу, но и весь мир от многих вековых социально-политических иллюзий и сентиментально-платонических утопических мечтаний. И радикал-коммунизм, и радикал-либерализм возникли в России почти случайно. Но не случайно то, что именно Россия выявила практическим путём, причём в исторически очень короткий срок, их негативистскую антинародную и антиобщественную сущность. В силу катализатора-правды, укоренённого в духе русско-российского народа, фальшь и лицемерие не только брутально-жёсткого коммунизма, но и умилительно-гуманного либерализма стали не только вполне очевидными, но и были вскрыты во всей их антисоциальной и антиличностной полноте. И всё это не может не послужить убедительным доказательством особого предназначения России и русско-российского народа по крайней мере в страдательном опробировании на самих себе общемировых иллюзий и общечеловеческих мечтаний.

5

Исполнив своё предшествующее, исключительно жертвенно-сакральное историческое предназначение, Россия получает ныне право и возможность проявить себя в совершенно новом качестве – стать сущностным ядром, бережным собирателем и ответственным хранителем общечеловеческих духовных ценностей. Это тоже по-своему жертвенная миссия, но жертвенность в ней особого рода – уже не физическая, а

исключительно духовная. «*Перед нами задача,* - пророчествовал в советскую пору в зарубежье Иван Ильин, - *творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность*». Творение даже просто культуры, а тем более культуры духовной – дело весьма трудоёмкое, деликатное и кропотливое, требующее не только творческого созидания, но и настоящего подвижничества. Именно таким образом в течение многих веков наши государи, ответственные за судьбу общенародного Отечества, собирали русско-российское государство, начав с захудалого Московского княжества и превратив его в могущественную Российскую империю, которую даже большевики, по сути, не только сохранили, но и существенно приумножили. По-видимому, таким же образом в новых исторических условиях нам предстоит по кусочкам восстанавливать, собирать и приумножать русско-российскую духовность. И черпать силы для этого великого, общечеловечески значимого дела мы можем исключительно из нашего щедрого сострадательного сердца, из нашего здравомысленного трезвого ума и из нашей внутренней духовной свободы. Зная ревнивое отношение к нам с Востока и Запада, мы в этом ответственном деле не имеем права рассчитывать на чью бы то ни было помощь, кроме Божьей благодати. Более того, следует ожидать и разного рода помехи, и намеренно чинимые препятствия, и самые настоящие гонения. Тем не менее, мы должны начать это великое дело, по сути, с нуля и довести его до полного завершения. Ибо именно в этом, может быть, и заключается главное наше предназначение в этом мире.

В подобном видении предназначения России совершенно неуместны ни шовинистичекая великорусскость, ни твердолобая великодержавность, ибо речь идёт о формировании с активным российским участием высшей качественности мирового культурного процесса и общемировой духовной культуры в целом. Фёдор Достоевский, выступая 8 июня 1880 года на торжественном заседании Общества любителей русской словесности, посвящённом Пушкину, обратил внимание на особую качественность русской души, превращающую её из национальной в мировую душу. «*Стать настоящим русским,* - подчеркнул он, - *может быть, и значит только стать братом всех людей – всечеловеком*». Любая сущностная национальность не даётся человеку автоматически. Русским, татарином, евреем или кем-то другим недостаточно родиться или патриотически числить себя принадлежащим к данной национальности. Им обязательно нужно стать, воплотить в своём сердце и разуме корневую общенациональную духовность, которая и делает, в частности, русского человека собратом всех людей. Существо и высшую качественность духовного состояния, присущего русскому сердцу, поэт Фёдор Тютчев определял словами – «*всё во мне и я во всём*». Этим особым даром цельного и сокровенного мироощущения был сполна наделён великий русский писатель Лев Толстой, который каждого из своих литературных героев наделял частичкой своей мирообъемлющей души, а все они вместе давали совокупный портрет подлинного Льва Толстого.

Духовно обновлённая Россия, приняв на себя миссию ядра, собирателя и хранителя общечеловеческих духовных ценностей, должна по-новому выстраивать свои отношения с Востоком и Западом. Иван Ильин писал: «*Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя самим себе*». Точно так же мы - не учителя и не ученики Востоку. Особое качество русской самобытности заключается в органичности и естественности русского человека, в его высоком личностном достоинстве, в его способности быть иммуноустойчивым в отношении как к агрессивному воздействию цивилизационно активного Запада, так и к лукаво-потаённому в своих цивилизационных амбициях внешне пассивному Востоку. Обращаясь к многовековой народной мудрости, содержащейся в русских пословицах, мы можем если не сформулировать, то, во всяком случае, несколькими весьма значимыми штрихами обозначить народное видение предназначения русского человека и России в целом. Говоря о наследстве вообще, народные мудрецы пришли к выводу, что «*наследство – ни дар, ни купля*». По сути говоря, всё наше

наследство (вся наша российская история в целом) – это и есть исторически выверенный код нашего предназначения. Это вовсе не передаваемый из рук в руки капитал и, тем более, не приобретённый товар. Это огромная и с каждым поколением всё возрастающая ответственность. Этой ответственности, например, не выдержали потомки древних греков и древних римлян, превратившиеся ныне в обыкновенных рантье. Транжирят своё великое культурное наследство современные англичане, немцы и французы, превращая свои страны в места культурного паломничества и гуманитарного прибежища. Американцы, озабоченные исключительным наращиванием капитала в его чисто денежном измерении, всё более превращаются в жиреющего мирового ростовщика, у которого по определению не может быть благополучного будущего. У нас совсем иная наследственность и совершенно иное предназначение. «*Мы*, - справедливо заметил алтайский писатель Бронтой Бедюров – *наследники всей нашей истории, не только собственно русско-советской или царской, а всей – всех эпох и всех народов России. Это наш общий мир, огромный мир, и мы вовсе не окраина Китая, Ирана или Эллады. Мы – целый континент от Тихого океана до Карпат*». Беречь это великое наследство и нести за него самоотверженную (не эгоистическую) ответственность – это тоже великое и жертвенное наше предназначение.

6

Наши мудрые предки утверждали, что «*человек не для себя родится*». Независимо от того, кто изначально породил человека – Бог, Природа или сошедший с небес Адам – каждый конкретный человек вовсе не индивидуальный пуп земли, а маленькая частичка человечества, имеющего своё суммарное предназначение и налагающее в свою очередь определённую долю ответственности на каждого человека. Русские люди эту свою ответственность определяли очень просто. «*Жить – Богу служить*», - заявляли они, рассматривая свой земной долг исключительно как служение Богу, независимо от сферы и способов деятельности конкретного человека. Как бы расшифровывая глубинный смысл этой пословицы, писатель Василий Голованов акцентировал внимание не только на долге служения Богу, но и на расширительной трактовке самого Бога. «*Я думаю*, - сказал он, - *если нам суждено выжить, то через осознание всеединства Бога. Может быть, это не скоро произойдёт. Но, с другой стороны – и отступать поздно. Бог – один на всех*». В нашем земном мире бытие человека закручено очень сложно, буквально соткано из противоречий. Эти противоречия неотступно сопровождают нас от рождения до смерти, но не кончаются и после неё. В этих условиях осознание всеединства Бога не просто важно, оно жизненно необходимо для снятия всех земных противоречий. Мир, разделённый на могущественные ветви монотеистических религий и множество фанатичных сектантских верований, в отсутствие веры в единого всечеловеческого Бога обречён на бесконечную вражду и конечное самоистребление. То же самое происходит и с разного рода философскими учениями, естественнонаучными теориями, политико-экономическими доктринами и промышленно-финансовыми практиками, не говоря уже о перенасыщении мира оружием массового уничтожения. Вера во всеединого Бога, может быть, важна даже не сама по себе, а для осознания человечеством всеединства ответственности перед Ним и понимания каждым человеком ответственности перед собственной совестью. Истинно верующий в Бога русский православный человек, думается, вполне способен к подобному духовному подвижничеству, воплощающему в себе идеал истинного служения человека Богу. Это тоже может сослужить добрую службу не только России, но и всему человечеству.

Мудрый завет наших предков мне видится и в русской пословице – «*хоть по-старому, хоть по-новому, а без хлеба не прожить*». Хлеб здесь упоминается вовсе не как основной продукт питания. Это фигуральное, символическое обозначение всего самого сокровенного в человеческой жизни - того, без чего невозможно существование как отдельного человека, так и всего человечества. К таким основам земной человеческой

жизни русский народ всегда относил добрые дела и правду. Это его жизненное кредо выражено пословицами «*без добрых дел – вера мертва перед Богом*» и «*всё минется, одна правда останется*». Добрые дела и правда всегда составляли существо русской предметности, высоко ценимой Иваном Ильиным. В отличие от западных политологов и культурологов, отделивших друг от друга доброту («*гуманность*») и дело («*бизнес*»), русский народ не признаёт этого разделения и продолжает рассматривать их слитно – как единственно возможное богоугодное позитивное созидание. Правду русский народ трактует именно как главное мерило качественности доброты (её реальности) и общественной полезности дела. Все нововведения и все жизненные ценности русский человек неизменно подвергал испытанию на добродетельность и на правоту и никогда не мирился ни с ханжеством, ни с ложью, в какой бы форме они ни преподносились. Стояние до скончания веков на правде и на добродетели – это не только наше призвание, присущее русскому характеру, но и наше практическое предназначение, ибо без этого нашего «*хлеба*» миру не прожить.

О нашей предназначенности служения правде следует сказать особо. Русский поэт-символист, один из идейных вдохновителей «*Серебряного века*» Вячеслав Иванов в 1909 году писал: «*Какая-то огромная правда виделась в зыблемых временем и мглою… контурах этих наших старых проблем и, как бы ни изменились в настоящую пору их очертания, не уйти нам от этой их правды*». В то время как весь мир (особенно мир западный) мобилизует все свои усилия, сосредоточивая их на решении текущих проблем, проблем исключительно сегодняшнего дня, оставив прошлое в прошлом, мы посвящаем главные свои силы не столько решению проблем современности, сколько сводим счёты с нашим прошлым. Эти наши «*старые проблемы*» остаются неизменными во все времена, не меняются и способы их решения, и вместе они образуют тот очерченный предназначенческий круг, который формирует нашу самобытность и от которого нам не уйти, даже если бы мы этого очень захотели. В эпицентре этого круга располагаются Бог, человеческая совесть и смысл человеческой жизни. Запад и Восток, как им кажется, давно решили для себя эти проблемы, а мы всё продолжаем их решать и будем заниматься этим, на чей-то взгляд, бессмысленным делом до скончания наших веков. Проблема в том, что нам мало просто веры в Бога, или просто жизни по совести, или просто убеждения в осмысленности бытия. Мы хотим во всём этом «*докопаться до правды*», проникнуть в самую суть и подкрепить свою веру, свой образ жизни и свои убеждения реальными фактами, весомыми аргументами и истинными основаниями. Может быть, это та самая наша «*сермяжная правда*», о которой иронично-насмешливо говорят наши просвещённые сограждане. Мы и сами далеко не в восторге от этой очень несовременной черты нашего характера. Но для нас проблема правды не просто «*огромна*», а тяжела как целый мир. Не решая её, устранившись от её непосильного для человеческого ума решения, мы просто рухнем под гнётом бессмысленности человеческого существования и рухнет мир, поддерживаемый нашими сермяжными усилиями.

7

Наша нынешняя ситуация в стране и в мире представляет для нас одновременно и жёсткий судьбоносный вызов, и необычайно трудную практическую задачу, которую мы обязательно должны решить, чтобы в очередной раз исполнить своё историческое предназначение. Депутат Государственной Думы от КПРФ Владимир Никитин определил, что, чтобы жить счастливо, нам нужно сменить западную демократию на русское народовластие, вместо власти богатых установить власть лучших и жить по законам не западной, а русской цивилизации. Беда наших современных коммунистов, на мой взгляд, состоит в том, что за двадцать лет тяжелейших российских испытаний (в том числе и по вине самих коммунистов) они так и не научились мыслить без схематизма и говорить без лозунговости. Особенно в плане державной могучести и народной счастливости. К

сожалению или к счастью, в жизни всё обстоит намного прозаичнее, а потому и гораздо серьёзнее. Сменять политические режимы можно до бесконечности, но от этого счастья народу не прибавится, а дух его, несомненно, истощится. В том-то и сложность нынешнего исторического момента для России, что ничего ломать она уже не имеет права, так как в двадцатом веке наломалась по максимуму. Следовательно, русско-российское народовластие должно устанавливаться в стране органично, последовательно и поэтапно, при обязательном снятии противоречий между народом, обществом и правящей элитой и постепенном обретении их доверия друг к другу.

Говоря о русском народовластии, которое, по идее, должно неизбежно прийти в России на смену западнической бездуховной либерал-демократии, необходимо иметь в виду то, что, по справедливому замечанию философски мыслящего социолога Леонтия Бызова, одной национальной энергии русских не хватит на то, чтобы консолидироваться как нации. Восемьдесят процентов русского населения в стране – это очень много, но для полноценной консолидации нации необходима добрая воля всех народов России. Даже редкий дар русского народа духовно сплачивать проживающие в России народы и превращать их в единую нацию и дружную семью в нынешних специфических, либерально-демократических условиях срабатывает только на уровне общей стабилизации внутриполитической обстановки в стране. Да и то весьма относительно и формально, ценой непрекращающихся и весьма существенных уступок со стороны русского народа. Российский агрессивный радикал-либерализм, подпитываемый внутри страны неискоренимым утопизмом русско-российской интеллигенции и извне – лукавыми поборниками односторонне понимаемого демократизма, очень цепок, изворотлив и демагогичен. К тому же в качестве главного метода своего самоутверждения он избрал проверенную веками имперскую тактику, сводящуюся к формуле – разделяй и властвуй. На практике либерализм преследует цель постоянного поддержания острой напряжённости межнациональной обстановки в стране, создания атмосферы враждебности между русским народом и всеми другими российскими народами, конечной духовно-нравственной изоляции русского народа внутри России и экономико-промышленной блокады самой России на международном уровне.

Чтобы иметь реальную возможность для эффективного исполнения своего масштабного, исторически обусловленного мирового предназначения, Россия прежде всего должна приложить максимум усилий для своего практического освобождения от удушающих объятий внешне дружественного, но на деле смертельно враждебного западнического либерал-демократизма. Для этого жизнено необходимо восстановление доверия, с одной стороны, между народом и властью, а с другой – между всеми народами нашей многонациональной страны. Подлинное народовластие тем и отличается от формального демократизма, что предполагает предельное сокращение дистанции между властью и народом, которое достигается не только разбюрократизацией коррумпированного государственного аппарата, но и нейтрализацией негативистского влияния либеральной элиты. Бюрократизм, элитаризм и коррупция – вот три главных объекта неистовых либеральных нападок на российское государство, но они же, как это ни парадоксально, являются и тремя китами, на которых держится в России либерализм. Достаточно обществу, народу и государству по-настоящему заняться решением этих трёх серьёзных проблем, и российский радикал-либерализм отомрёт постепенно сам собой, ибо исчезнет реальная политическая почва для его существования. То же самое и в отношении межнациональной напряжённости в стране. Сами по себе все российские народы, столетия жившие вместе, желают, по сути, одного и того же – мира, справедливости и подлинного самоуважения. Западнический либерал-демократизм привнёс в Россию жёсткий раздор, социальную несправедливость и унижение национального достоинства всех российских народов, в особенност русского. Они и составляют социально-экономическую базу завистливо-злобного либерализма, без которой он сразу теряет свой позитивный смысл и своё негативистское предназначение.

8

В патриотических кругах России получила хождение мысль, что на русском народе лежит особая миссия примирения других народов, потому что именно он обладает сильной волей, крепким духом, укоренённой религиозностью и особой добротой. В целом эта мысль имеет серьёзные исторические основания, хотя не лишена и некоего налёта мистической сентиментальности. Но обоснованность любой идеи доказывается не логическим путём, а её способностью быть реализованной на практике, причём не в искусственных экспериментально-лабораторных условиях, а в живой жизни и в реальной, исключительно противоречивой действительности. Особенно трудно это сделать сейчас, в жёстких рамках и нелёгких условиях нынешней российской и мировой кризисной ситуации. Но именно сегодня мы должны доказать и убедить другие народы России, что на русский народ можно положиться и что он в решающий момент не только не подведёт, но продемонстрирует новый, более высокий уровень своего духовного, социального и государственного развития. Демонстрацию врождённых предназначенческих черт русского народа можно сегодня начать с чего угодно – с наведения порядка в коррумпированных верхах, с упорядочения хозяйственной жизни страны на основе здравого смысла или, наконец, с разумного и вдумчивого формирования так называемого гражданского общества. Но всё это будет созиданием величественного здания на песке, ибо прочной основой нашей государственности всегда были идейная сплочённость и духовное единство народа.

В книге «*Русские в Болгарии*», опубликованной в Софии в 1999 году, значительное место занял анонимный материал под заголовком «*В борьбе*», увидевший свет тоже в Софии семьюдесятью годами раньше. Это потрясающей духовной силы документ – мужественный завет наших гонимых предков, своего рода Библия русского духа. «*В нашей внешней убогости*, - говорилось в манифесте наших соотечественников, - *ярко зарождалось высшее начало внутренней духовной жизни. И это оправдывало нашу борьбу, наши скитания. Всегда перед мысленным взором проносилась прошлая жизнь, со всеми совершёнными грехами, ошибками, заблуждениями. В этом сознании греха происходило очищение души. Охваченные беспокойством за её* (России – А.А.) *судьбу, как это бывает, когда на виду у тебя тонет близкий, - всё время мы находились в состоянии необходимости броситься ей на помощь*». Многостраничный документ заканчивался словами: «*Принесёнными великими жертвами спасётся Россия*». Мы сегодня гневливо возмущаемся несносностью нашего бытия, ревниво и завистливо смотрим на успехи друг друга, горестно сетуем на душевный дискомфорт. И не сознаём при этом, что реально обладаем несметным богатством и сами по себе являемся носителями великих ценностей. Это богатство – наша Родина, а ценности – наша душа, наш дух, наш разум и наш народ, в котором мы имеем редкую возможность полностью реализовать наше высокое личностное предназначение. Все наши нынешние беды – это лишь дар небесный, предназначенный для нашего испытания, для закалки нашего духа, для действенного приуготовления к реализации заложенного в нас великого духовного потенциала, необходимого не только нам самим, но и всем людям.

Половину прошедшего тысячелетия не только наши государи, но и весь русский народ, а затем и присоединившиеся к нему народы создавали великую российскую империю, которая в конце концов охватила своим реальным государственно-политическим влиянием добрую треть евразийского континента. Тем самым мы доказали миру наш огромный государственный потенциал, могучую силу нашего общенародного единения, наше мужество и стойкость нашего духа. Но наступили новые времена, когда государственные империи превратились в исторических монстров, требующих от народов всё более возрастающих жертв. И мы нашли в себе силы и мужество, чтобы уничтожить нашего монстра и избавить народы от его непосильного гнёта. Сегодня демократизированный и стремительно глобализующийся мир нуждается совсем в иных

ценностях – ценностях разума, ценностях нравственности, ценностях творческого созидания. И Россия вполне способна стать одной из мировых империй нового типа – империей духа любви и сострадательности, империей здравого смысла и правдивости, империей народовластия и народоправия. Вопрос, нужны ли русские такой России, отпадает, на мой взгляд, сам собой. Они не просто нужны, но и крайне необходимы, ибо без них такую империю невозможно даже помыслить, не то, чтобы создать. И это будет истинное служение России миру, Богу и всему человечеству.

ЛИТЕРАТУРА

Алексий, патриарх. Служение делу христианского просвещения. М., 2008.
Анисов Лев. Русские имена и судьбы: Раскрытые тайны истории. М., 2011.
Афанасьев Александр. Мудрость, или нравственная философия здравого смысла. М., 2008.
Бердяев Н. Судьба России. СПб., 1918.
Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
Библейская энциклопедия. В 2-х книгах. М., 1991.
Библия. Т. 1-2. Духовное просвещение, 1990-1991.
Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987.
Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007.
Вернадский Владимир. Открытия и судьбы. М., 1993.
Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер. Журнал «Трибуна русской мысли» № 12
Гиляровский В.А. Сочинения в четырёх томах. М., 1989.
Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992.
Григорова Лариса. Русские в Болгарии. София, 1999.
Даль Владимир. Толковый словарь живого русского языка. Т. I-IV. М., 1989.
Еврейские афоризмы. М., 1991.
Зотов В.Б. Россия в современном мире. М., 2008.
Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1992.
Ильин И.А. Возвращение. Минск, 2008.
Казахские народные сказки. Т. 3. Алма-Ата, 1971.
Кареев Н.И. История Средних веков. М., 1999.
Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
Мережковский Д. Атлантида – Европа. Тайна Запада. М., 1992.
Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ти томах. М. 1989-1990.
Книга мудрости. М., 2010.
Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.
Леонтьев Константин. Цветущая сложность. М. 1992.
Лосский Н.О. Характер русского народа. Журнал «Трибуна русской мысли», № 12.
Место России в Европе и Азии. Будапешт – Москва, 2010.
Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1-2. М., 1987-1988.
Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М., 2002.
Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1-3. М., 1957.
Нарочницкая Наталия. Русский мир. СПб., 2007.
Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции. Москва – Калуга, 2006.
Некрасов Анатолий. Живые мысли. М., 2009.
Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. Репринтное издание. Т. I-IV. 1991.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1977.
Платон. Сочинения. Т. 1-3. М., 1968-1972.
Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.
Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.
Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.

Прокопий Кессарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
Пушкин Александр. Золотые строки. М., 2009.
Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.
Русская правда. «Законодательство Древней Руси». Т. 1. М., 1984.
Русские в Австрии. Вена, 2009.
Русские в Германии. Берлин, 2008.
Русский мир в зеркале прессы. М., 2009.
Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.
Сказки народов Индии. Ленинград, 1976.
Словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1981-1984.
Советский энциклопедический словарь. М., 1985.
Соловьёв Владимир. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1989.
Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. I-XVIII. М., 1988-1993.
Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. М.-Л., 1962.
Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1934-1940.
Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1986-1987.
Фёдоров Николай. Философия общего дела. Соч., М., 1982.
Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. …… 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РУССКАЯ РОССИЯ

Глава I. Русский витязь в XXI веке – миф или реальность? ……. …….. 5
Глава II. Русская душа – живая или мёртвая? ……..… 9
Глава III. Русский дух – податливость или твёрдость? …… 18
Глава IV. Русский характер – нрав или норов? …….. …. 28
Глава V. Русский народ – икона или «быдло»? …… 39
Глава VI. Русский язык – архаика или современность? …….. 49
Глава VII. Русский ум – здравомыслие или дурость? …….. 60
Глава VIII. Русская интеллигенция – совесть нации или вырожденчество? ……. 71
Глава IX. Русское православие – религия или вера? ……. .. 81
Глава X. Русский мир – исход или изгнание? ……... 93
Глава XI. Русская Атлантида – участь или миссия? …….. 104

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РОССИЙСКАЯ РУСЬ

Глава XII. Сущность российскости – русич, русский или росс? …….. 113
Глава XIII. Российское государство – из варяг в греки? …….. 123
Глава XIV. Российская элита – голова или шея? …….. 136
Глава XV. Российское общество – лоно или утроба? …… . 147
Глава XVI. Российский демос – избиратель или гражданин? …… . 158
Глава XVII. Российская столица – центр или пуп русской земли? …….. .. 168
Глава XVIII. Российская провинция – опора или обуза? …… . 180
Глава XIX. Российская глубинка – родник или свалка? ……. 191
Глава XX. Российская земля – своя или чужая? ……..… 201
Глава XXI. Российское Отечество – долг или слава ……. 210

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ

Глава XXII. Вызовы XXI века – испытание или искушение? ……... 220
Глава XXIII. Современная Россия – конец или начало? …… 232
Глава XXIV. Потенциал России – мнимый или настоящий? …….. 244
Глава XXV. Европа и Россия – родство или противоборство? …….. 256
Глава XXVI. Россия и Азия – притяжение или отталкивание? …….. 269
Глава XXVII. Российское евразийство – судьба или благословение? …….. 282
Глава XXVIII. Русская национальная идея – право или ответственность? ……... 293
Глава XXIX. Идеалы российской демократии – наивность или мудрость? ……. 305
Глава XXX. Предназначение России – небо коптить или Богу служить? …… 317

Краткие сведения об авторе

Афанасьев Александр Петрович родился в 1937 году в Оренбургской области. Советник первого класса МИД России в отставке. Кандидат исторических наук.

Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру этого университета, а также Дипломатическую академию МИД СССР.

Двадцать лет проработал в системе МИД СССР и России – преимущественно на монгольском и казахстанском направлениях. Являлся учёным секретарём и доцентом Московского государственного института международных отношений, заместителем исполнительного секретаря Международного совета российских соотечественников, начальником информационно-аналитического отдела Московского Дома соотечественника.

В качестве одного из редакторов и авторов статей энциклопедического словаря «Политология» (1993) принимал активное участие в подготовке и публикации этого издания. Автор книги «Мудрость, или нравственная философия здравого смысла» (2004), отмеченной организаторами Национальной премии 2005 года. В 2008 году вышло второе издание этой книги.